Литературные объединения

Москвы и Петербурга

1890–1917

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Литературные объединения
Москвы и Петербурга
1890
1917

СТРѢЛЕЦЪ

СБ. 1

ПОДЪ РЕД. А. БЕЛЕНСОНА

А. БЛОКЪ
Д. БУРЛЮКЪ
Н. ЕВРЕИНОВЪ
З. ВЕНГЕРОВА
Л. ВИЛЬКИНА
В. КАМЕНСКІЙ
А. КРУЧЕНЫХЪ
М. КУЗМИНЪ
Н. КУЛЬБИНЪ
Б. ЛИВШИЦЪ
А. ЛУРЬЕ
В. МАЯКОВСКІЙ
А. РЕМИЗОВЪ
Ѳ. СОЛОГУБЪ
В. ХЛѢБНИКОВЪ
А. БЕЛЕНСОНЪ

А. ШЕМШУРИНЪ

Манфред Шруба

Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов

Словарь

Москва
Новое литературное обозрение
2004

УДК 821.161.1.09(470+571)“1890/1917”
ББК 83.3(2Рос=Рус)53-022
Ш 86

Научный редактор *А. И. Рейтблат*

Художник *А. Ю. Никулин*

Федеральная программа книгоиздания России
(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)

Шруба Манфред
Ш 84 Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890—1917 годов:
Словарь. М.: Новое литературное обозрение, 2004. — 448 с., ил.

Справочник по литературным объединениям конца XIX — начала XX в. издается впервые. Он содержит статьи о более 350 петербургских и московских литературных обществах, кружках и салонах, а также указания на печатные и архивные источники о них. В приложении помещены манифесты ряда литературных групп. Обширный аннотированный указатель имен представляет собой своеобразный словарь писателей и литературных деятелей данного периода. Книга обильно иллюстрирована.

УДК 821.161.1.09(470+571)“1890/1917”
ББК 83.3(2Рос=Рус)53-022

ISBN 5-86793-293-1

Предисловие

Обилие и многообразие литературных объединений (кружков, салонов, обществ и т.п.) в России конца XIX и первых десятилетий XX в. свидетельствует о значимости этого социокультурного явления для литературной жизни и культурной атмосферы эпохи в целом. Принадлежность писателя к тому или иному обществу или кружку отражает зачастую его литературное направление, идеологическую установку, жанровые предпочтения, социальный статус, круг знакомств и творческих контактов и составляет тем самым немаловажный элемент его биографии.

Тем более ощутимо отсутствие обобщающих исследований и справочных изданий, относящихся к данной сфере русской культуры[1]. Насквозь социологизированное советское литературоведение странным образом почти не обратило внимания на тему, имеющую прямое отношение к «прикладной» социологии литературы. Знаменательны в этом отношении статьи о литературных объединениях в «Литературной энциклопедии» и о литературных кружках в «Краткой литературной энциклопедии» объемом всего (соответственно) в пять и в три столбца[2]. За пределами Советского Союза русские литературные общества тоже не привлекали особого внимания исследователей[3]. Имеющиеся работы сводного типа – это в основном библиографические списки[4] и

---

[1] Впрочем, не только по части литературных объединений: «В советской историографии обобщающие работы о дореволюционных общественных организациях отсутствуют» (*Степанский А. Д.* Материалы легальных общественных организаций царской России (сер. XVIII в. – февр. 1917 г.) // Археографич. ежегодник за 1978 год. М., 1979. С. 71).

[2] См.: *К. С.* Объединения лит. // ЛЭ. М., 1934. Т. 8. С. 212–217; *Брудный Д. Л.* Лит. кружки // КЛЭ. М., 1967. Т. 4. С. 306–309.

[3] См.: *Leighton L. G.* Circles, literary: 1800–1860 // The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet Literatures (Including Non-Russian and Emigre Literatures) / Ed. by H. B. Weber. Gulf Breeze, 1981. Vol. 4. P. 181–187; *Parrot, Jr. R. G.* Circles, literary: 1860–1890 // Ibid. P. 187–195; *Loe M. L.* Circles, literary: 1890–1917 // Ibid. P. 195–206.

[4] См.: История рус. лит. XIX в.: Библиогр. указ. / Под ред. К. Д. Муратовой. М.; Л., 1962. С. 66–74; История рус. лит. конца XIX – нач. XX в.: Библиогр. указ. / Под ред. К. Д. Муратовой. М.; Л., 1963. С. 37–40; История рус. лит. XIX – нач. XX в.: Библиогр. указ. Общая часть / Под ред. К. Д. Муратовой. СПб., 1993. С. 292–296, 376–384; *Ocheretiansky A.* Literature and Art of Avant-Garde Russia (1890–1930). Bibliographical Index. Newtonville, 1989; Сов. лит-ведение и критика. Рус. сов. лит. (Общие работы). Книги и статьи 1917–1962 гг.: Библиогр. указ. / Отв. ред. Ю. Д. Рыскин. М., 1966. С. 184–232; Сов. лит-ведение и критика. 1917–1925: Библиогр. указ. лит. на рус. яз. / Отв. ред. Ю. Д. Рыскин. New York, 1994. Ч. 3. С. 209–217.

сборники материалов: воспоминаний, манифестов и т.п.[5] Особняком стоят немногочисленные публикации, обобщающие сведения о нескольких литературных обществах и кружках, основанные на личных воспоминаниях авторов[6].

Отдельные (как правило, самые значительные) литературные объединения хорошо изучены; они представлены в литературоведческих и краеведческих справочниках и энциклопедиях[7] и обеспечены исследованиями даже по частным вопросам. С другой стороны, информация о большинстве литературных обществ распылена по труднодоступным и разнотипным источникам: уставам, декларациям, отчетам, спискам членов, воспоминаниям и переписке, газетным и журнальным репортажам и откликам и др. Задача настоящего издания — свести, обобщить и систематизировать имеющиеся фактические данные и представить их читателю в виде унифицированных словарных статей. Такая установка предполагает одновременно и целенаправленный отбор информации при ее избытке, и возможно полное ее воспроизведение для малоизвестных объединений, представленных в труднодоступных источниках.

Настоящее издание было подготовлено в рамках единого исследовательского проекта «Русские литературные объединения и их манифесты, 1890—1932 гг.». Данный проект, первоначально финансируемый Немецким исследовательским фондом (Deutsche Forschungsgemeinschaft), реализовывался с начала 1990-х гг. в Институте славистики Бохумского университета (Seminar für Slavistik / Lotman-Institut für Russische und Sowjetische Kultur der Ruhr-Universit t Bochum) под руководством проф. Карла Аймермахера в сотрудничестве с А. Ю. Галушкиным и К. М. Поливановым из Института мировой литературы (ИМЛИ). В ходе работы над проектом было признано целесообразным разделить материал на две части. Таким образом, целью проекта оказалось создание двух (самостоятельных, но объединенных общими принципами подготовки) справочников по соответствующим периодам. Автор настоящих строк подготовил указатель за 1890—1917 гг.; вторая, пока не завершенная, часть проекта охватывает период с октября 1917 г. по 1932 г.

Временные рамки работы соответствуют сложившимся представлениям о периодизации русской культуры данной эпохи. Год 1890-й знаменует собой *эстетическую веху* — возникновение модернизма в России. Водораздел между частями проекта определен *вехой политической* — переворотом 25 октября 1917 г.[8] Временна́я граница второй части установлена *вехой культурно-политической* — постановлением ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций», следствием

---

[5] См.: *Аронсон М., Рейсер С.* Лит. кружки и салоны / Ред. и предисл. Б. М. Эйхенбаума. Л., 1929; Лит. салоны и кружки: Первая пол. XIX в. / Ред., вступ. статья и примеч. Н. Л. Бродского. М.; Л., 1930; Лит. манифесты. Т. 1. Россия. От символизма до «Октября» / Сост. Н. Л. Бродский и Н. П. Сидоров. М., 1924; Лит. манифесты. (От символизма к Октябрю). Сб. мат-лов / Пригот. к печати: Н. Л. Бродский, В. Львов-Рогачевский, Н. П. Сидоров. М., 1929; Забытый авангард. Россия — первая треть XX столетия. Сб. справочных и теоретич. мат-лов / [Ред.:] К. Кузьминский, Дж. Янечек, А. Очеретянский. Wien, 1988; Забытый авангард: Россия — первая треть XX столетия. Кн. 2. Новый сб. справочных и теоретич. мат-лов / [Ред.:] А. Очеретянский, Дж. Янечек, В. Крейд. Нью-Йорк; СПб., 1993 (см. рец.: *Богомолов Н. А.* Рука мастера // Новое лит. обозр. 1994. № 7. С. 210—212; *Шруба М.* Как забыть авангард по-настоящему // Russian Studies. 1996. Т. 2. № 3. С. 510—516); Лит. кафе Москвы и Санкт-Петербурга: Фрагменты из книг. Библиогр. / Сост. Т. М. Корзинкина. М., 1992.

[6] См.: *Евгеньев А. [Кауфман А. Е.].* Писательские об-ва и кружки // Вест. лит. 1919. № 1/2. С. 2—6; № 3. С. 2—5; *Дризен Н. В.* Старый Петербург. Лит. кружки // Возрождение (Париж). 1935. 15 февр. № 3544. С. 5.

[7] См.: *Волков А. А.* Лит. объединения // История Москвы. М., 1955. Т. 5. С. 522—526; Москва: Энц. М., 1980; Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград: Энц. справочник. М., 1992.

[8] Временные рамки первой части соответствуют, таким образом, периоду, учтенному в известном трехтомном пособии: Рус. лит. конца XIX — нач. XX в.: Девяностые годы / Отв. ред. Б. А. Бялик. М., 1968; Рус. лит. конца XIX — нач. XX в.: 1901—1907. М., 1971; Рус. лит. конца XIX — нач. XX в.: 1908—1917. М., 1972. Данное издание содержит «Летопись литературных событий» 1892—1917 гг., фиксирующую важные даты деятельности ряда объединений и дополняющую сведения настоящего справочника.

которого, как известно, был роспуск практически всех литературных объединений и создание единого Союза советских писателей[9].

В справочнике учтены исключительно *русские* и исключительно *столичные* (московские и петербургские / петроградские) литературные объединения. Ограничение Петербургом (включая «пригород» Царское Село) и Москвой предпринято, во-первых, из практических соображений — выявить достаточно полный набор данных о провинциальных литературных организациях по силам разве что коллективу краеведов. Но не менее весомы и соображения по существу — так или иначе, судьбы русской литературы решались (и решаются поныне) именно в столицах.

В справочнике характеризуются литературные *объединения* в самом широком смысле этого слова: от профессиональных писательских союзов до домашних журфиксов у людей, близких к литературным кругам. В словаре представлены, в частности, следующие типы объединений:

— *общества* (товарищества, союзы и т.п.): постоянно действующие объединения лиц, преследующих определенные цели и связанных друг с другом формально — уставом или положением, регулирующим вопросы состава членов, средств организации, порядка собраний и т.п. Характерная для данного типа объединений формальная структура рассчитана в большинстве случаев на легализацию (официальную регистрацию, утверждение устава властями и т.д.);

— *кружки*: группы литераторов, регулярно собирающихся для совместных занятий и объединенных общей тематической, эстетической, поэтологической, мировоззренческой и т.п. установкой (формулируемой, как правило, главой группы) или местом встреч ее членов (квартира руководителя, редакция журнала и т.п.). Кружок сродни обществу единством целей; от общества кружок отличается отсутствием формальной структуры;

— *салоны* (журфиксы, вечера и т.д.): регулярные встречи, проходящие в дни приемов для ограниченного, литературно и художественно заинтересованного круга людей, «вхожих» в дом хозяйки или хозяина. Салон близок кружку наличием центральной, объединяющей участников личности; разница между ними — в менее жестком составе участников;

— *псевдогруппировки*: фиктивные объединения (Лучисты, Орфисты); «группы», состоящие из одного человека (Сциентисты, Сэнсэристы); объединения, так и не созданные и бытовавшие лишь в виде названия (Импрессионисты, Кларисты);

— *«фантастические» общества* (ремизовское Обезвелволпал и хлебниковское Общество председателей земного шара), имеющие немаловажное значение для русской культуры рассматриваемого периода;

— творческие группировки (Акмеисты, Кубофутуристы, Символисты, Эгофутуристы), выдвинувшие принципы соответствующих литературных *направлений*. Объединениями в прямом смысле слова литературные направления, конечно, не являются. Тем не менее строго разграничивать название группировки от названия направления во избежание двузначности (например, группа — Гилея, направление — кубофутуристы) в перечисленных выше случаях мы посчитали нецелесообразным. Словарь литературных объединений Серебряного века со статьей «Акмеисты» (потому что это одновременно название единой группы), но без статьи «Символисты» (потому что единой группы не было) вызвал бы недоумение.

В объяснении нуждается и смысл, вкладываемый здесь в понятие объединения *литературного*. Представленные в настоящем справочнике общества и кружки включа-

---

[9] См.: *Eimermacher K.* Die sowjetische Literaturpolitik 1917—1932. Von der Vielfalt zur Bolschewisierung der Literatur: Analyse und Dokumentation. Bochum, 1994. S. 828. Показательно, что и авторы справочного пособия по русским художественным объединениям, устанавливая временные рамки рассматриваемого ими материала, тоже ссылаются на вышеупомянутое постановление от 23 апреля 1932 г. (*Северюхин Д. Я., Лейкинд О. Л.* Золотой век худож. объединений в России и СССР (1820—1932): Справочник. Пб., 1992. С. 3).

ют литераторов (при возможном участии представителей других профессий) и объединяют их на литературной (или близкой к ней) почве. Соответственно включены, во-первых, творческие группировки и профессиональные союзы писателей; во-вторых, объединения, занимающиеся обсуждением литературных вопросов; в-третьих, «окололитературные» (литературно-художественные, литературно-театральные, литературно-философские, литературоведческие и т.п.) объединения, при условии, что они сохранили в своей деятельности и в составе членов достаточно тесную связь с литературной средой.

За пределами справочника остались, таким образом:

– провинциальные объединения;

– любительские литературные общества (так следует, видимо, расценивать многие объединения, фигурирующие в списках литературных обществ в справочниках «Весь Петербург» и «Вся Москва»); например, из объединений, перечисленных в издании «Весь Петербург на 1909 год» (С. 881–886), в настоящем справочнике не учтены кружки: Досуг, Лира, Проблеск, Кружок друзей театра, Субботники, Типографский музыкально-драматический кружок и др.;

– столичные «окололитературные» общества, не связанные прямо с литературой и литературной средой (не включен, к примеру, Санкт-Петербургский драматический кружок[10]);

– литературные кружки землячеств и национальных меньшинств (например, Еврейское литературное общество [СПб., 1908–1917?][11], Литературно-артистический кружок при Польском доме [М., 1910-е гг.][12] или украинский музыкально-драматический кружок Кобзарь [М., 1910-е гг.][13]).

Единственным источником сведений о существовании и деятельности некоторых объединений оказались названные выше библиографические справочники (*Муратова, 1962*; *Муратова, 1963*; *Муратова, 1993*), а также первые две части известного четырехтомного указателя альманахов и коллективных сборников и опубликованный недавно том дополнений[14]. Информацию о составе участников таких группировок содержат росписи содержания соответствующих сборников.

Статьи справочника расположены в алфавитном порядке. В случае бытовых названий (типа: «Среды Вяч. И. Иванова» или «Салон В. И. Икскуль») фамилия главы объединения выводится на первое место, причем опускаются инициалы (кроме случаев наличия однофамильцев): «**Иванова** Среды»; «**Икскуль** Салон». В том случае, когда условное название дано исследователями или составителем, оно заключено в прямые скобки.

В зависимости от имеющихся данных в справочнике приводятся следующие сведения:

– название объединения (официальное или наиболее употребительное) и его варианты;

– дата возникновения и ликвидации;

– место деятельности;

– состав членов (указываются, как правило, лишь участники, выявленные в биографических справочниках, библиографиях, аннотированных указателях, некрополях и т.п. изданиях);

[10] О нем см.: *Галанина Ю. Е.* Блок в Петерб. драм. кружке // ЛН. 1993. Т. 92, кн. 5. С. 35–45.

[11] См.: *[Б.п.].* Еврейское лит. об-во // Еврейская энц: [В 16 т.]. СПб., [б.г.]. Т. 7. С. 450; *Дубнова-Эрлих С.* Хлеб и маца. СПб., 1994. С. 135.

[12] См.: Literatura polska: Przewodnik encyklopedyczny. T. 1–2. Warszawa, 1984. T. 1. S. 662.

[13] См.: *Белоусов И. А.* Лит. среда: Восп. 1880–1928. М., 1928. С. 248–249.

[14] См.: *Голубева О. Д.* Лит.-худ. альм. и сб-ки: 1900–1911 гг. М., 1957; *Рогожин Н. П.* Лит.-худ. альм. и сб-ки: 1912–1917 гг. М., 1958; *Богомолов Н. А.* Мат-лы к библиогр. рус. лит.-худ. альм. и сб-ков. 1900–1937. М., 1994; см. также: *Schruba M.* Доп. мат-лы к библиогр. рус. лит.-худ. альм. и коллективных сб-ков 1900–1937 // Wiener Slawistischer Almanach. 1996. Bd. 38. S. 267–283. Сведения о некоторых кружках 1890-х гг. были почерпнуты из: *Смирнов-Сокольский Н. П.* Рус. лит. альм. и сб-ки XVIII–XIX вв. М., 1965.

— вид деятельности (профиль, цели и задачи);

— важнейшие события (точные даты указываются по старому стилю);

— издательская деятельность (кружковые журналы и книгоиздательства; публикации членов, связанные с деятельностью объединения);

— характеристика атмосферы, царившей в объединении (передать ее призваны цитаты из мемуарных, эпистолярных и прочих свидетельств участников).

Каждая статья завершается списком литературы (к которому в тексте статьи отсылают сокращения типа «*Брюсов.* С. 123» или «*Белый, 1990.* С. 123»); библиографические записи в нем расположены в хронологическом порядке. Приводятся в основном сведения об изданных объединениями документальных материалах, журнальных публикациях современников, мемуарных и эпистолярных источниках, исследовательских работах. К сожалению, такой важный источник сведений о литературных объединениях, как газеты рассматриваемого периода, использован лишь в немногих случаях; систематический просмотр газет оказался не по силам автору, бывавшему в России достаточно редко и непродолжительно.

В ряде случаев указаны архивные источники, содержащие сведения о соответствующих объединениях. Ссылки на московские хранилища РГАЛИ и РГБ даются в большинстве случаев после проверки указанных материалов de visu (воспользуемся случаем, чтобы выразить благодарность сотрудникам названных архивов за содействие в поисках). Ссылки на другие архивы извлечены отчасти из имеющейся справочной литературы, отчасти из использованных в статьях печатных источников. В отдельных случаях сведения об архивных источниках любезно сообщены А. И. Рейтблатом[15].

К нескольким словарным статьям имеются приложения в виде деклараций, статей программного характера и литературных манифестов. Они опубликованы вслед за словарной частью в разделе «Приложения» вместе с упомянутыми выше статьями А. Евгеньева и Н. В. Дризена. Эти непереиздававшиеся статьи, извлеченные из относительно малодоступных источников, в рамках настоящего исследования представляют несомненный интерес.

Публикуемые тексты воспроизводятся по первоисточникам; орфография приведена в соответствие с современными нормами (исключения особо оговорены); непосредственно после каждой публикации следует ссылка на источник; к нескольким текстам (в частности, к статьям символистов) даны более развернутые комментарии. Ссылки на статьи, включенные в данный словарь, переданы знаком ⇨.

Книга снабжена аннотированным именным указателем, а также алфавитным и систематическим указателем объединений, учтенных в словарной части. Данные в аннотациях именного указателя заимствованы из многочисленных источников — в первую очередь, из биографического словаря «Русские писатели 1800–1917» (М., 1989–1999. Т. 1–4). При отсутствии информации в этом справочнике просматривались прочие пособия (отраслевые словари художников, философов, деятелей театра и т.д., именные указатели, комментарии к научным изданиям, некрополи и т.п.); в числе наиболее часто используемых справочных изданий следует назвать «Словарь псевдонимов» И. Ф. Масанова (М., 1960. Т. 4), «Указатель заглавий произведений художественной литературы 1801–1975» (М., 1995. Т. 7), а также указатель «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» под редакцией П. А. Зайончковского (М., 1979–1989. Т. 3–5). В ряде случаев биографические данные получены из архивных источников.

Все даты до 1/14 февраля 1918 г. (дня введения реформы календаря в России), в том числе и годы рождения и смерти в именном указателе, даны по старому стилю.

[15] Несколько статей составлены с использованием печатных и архивных материалов, великодушно предоставленных нам А. И. Рейтблатом (Салон А. А. Давыдовой, Санкт-Петербургское литературное общество), Е. И. Меламедом (Вторники В. А. Гольцева, Субботы Н. А. Ярошенко), Н. П. Соколовым (Вторники В. И. Семевского и Е. Н. Водовозовой-Семевской, Барсуковский кружок).

Начало работы над настоящим изданием относится к осени 1991 г. Книга возникла в рамках исследовательского проекта, посвященного литературным группировкам и их манифестам периода 1890—1932 гг., проведенного при Институте славистики Бохумского университета (Ruhr-Universität Bochum) по инициативе проф. Карла Аймермахера. К работе над этим проектом были привлечены московские исследователи А. Ю. Галушкин и К. М. Поливанов. Участники проекта приняли ближайшее участие в разработке концепции книги и оказали автору многообразную помощь в осуществлении издания, за что он выражает им свою искреннюю благодарность. Многим ценным замечаниям автор обязан Н. А. Богомолову и А. И. Рейтблату, прорецензировавшим ранний вариант рукописи настоящей книги. Содействие оказали также М. В. Безродный, Р. фон Майдель, Е. А. Тахо-Годи, А. Б. Шишкин, М. Ю. Шульман. Им всем автор выражает свою признательность.

Список сокращений

авг. — август
австр. — австрийский
автобиогр. — автобиография, автобиографический
автореф. — автореферат
акад. — академический, академик
Ал. — Алексей
Ал-др — Александр
альм. — альманах
амер. — американский
АН — Академия наук
англ. — английский
апр. — апрель
арм. — армянский
б.г. — без указания года
б.и. — без указания издательства
б.п. — без подписи
бар. — барон, баронесса
бельг. — бельгийский
библиогр. — библиография, библиографический
биогр. — биографический
в. — век
вв. — века
вед. — ведомости
вел. — великий
вестн. — вестник
вкл. л. — вкладной лист
вопр. — вопросы
восп. — воспоминания
всерос. — всероссийский
вступ. — вступительный
вып. — выпуск
г. — год
газ. — газета
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (М.)
гг. — годы
ГЛМ — Государственный литературный музей (М.)
гос. — государственный
гр. — граф, графиня
греч. — греческий
д. — дело
дек. — декабрь
демокр. — демократический
дет. — детский
дис. — диссертация
доп. — дополненный
др. — другой
драм. — драматический
ед. хр. — единица хранения
ЕжегРОПД — Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома
зап. — записки
зарег. — зарегистрировано в Книжной летописи
избр. — избранный
изв. — известия
изд. — издание, изданный
изд-во — издательство
им. — имени
имп. — императорский
ин-т —институт
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) (СПб.)
иск-во — искусство
исп. — испанский
испр. — исправленный
исслед. — исследования
ист. — исторический
итал. — итальянский
и т.п. — и тому подобные
казн. — казначей
канд. — кандидатский
карт. — картон
каф. — кафедра
КЛ — Книжная летопись
КЛЭ — Краткая литературная энциклопедия
кн. — книга; князь, княгиня
кн-во — книгоиздательство
коммент. — комментарий
Л. — Ленинград; лист
лат. — латинский
ленингр. — ленинградский
лингв. — лингвистический
лит. — литература, литературный
лит-вед — литературовед
лит-ведение — литературоведение
лит-ра — литература
ЛН — Литературное наследство
ЛЭ — Литературная энциклопедия
М. — Москва
мат-лы — материалы
моск. — московский
муз. — музыкальный
напр. — например
нар. — народный
наст. — настоящий
науч. — научный
нач. — начало
нем. — немецкий

норв. — норвежский
нояб. — ноябрь
о. — отец
об. — оборот
об-во — общество
обозр. — обозрение
обществ. — общественный
ок. — около
окт. — октябрь
оп. — опись
опубл. — опубликован, опубликованный
ОР — отдел рукописей
отд. — отдел, отделение, отдельный
паг. — пагинация
Пб. — Петербург
Пг. — Петроград
пед. — педагогический
петерб. — петербургский
петрогр. — петроградский
подгот. — подготовка
пол. — половина
полит. — политический
полн.— полный
предисл. — предисловие
предс. — председатель
прил. — приложение
примеч. — примечание
произв. — произведение
пролет. — пролетарский
проф. — профессор
псевд. — псевдоним
публ. — публикация
р. — родилась, родился
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (М.)
РГБ — Российская государственная библиотека (М.)
рев. — революционный
ред. — редактор, редакция
религ. — религиозный
рец. — рецензия
РНБ — Российская национальная библиотека (СПб.)
РО — рукописный отдел
рос. — российский
РП — Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь. М., 1989—1999. Т. 1—4.
рукоп. — рукописный, рукопись
рус. — русский
с. — страница, столбец
сб., сб-к — сборник
секр. — секретарь
сент. — сентябрь
сер. — середина; серия
сист. — систематический
см. — смотри
собр. — собрание
сов. — советский
совр. — современный, современник
СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук
сост. — составитель, составление
соч. — сочинение
СПб. — Санкт-Петербург
С.-Петерб. — Санкт-Петербургский
ср. — сравни
ст. — статья
стихотв. — стихотворение, стихотворный
студ. — студенческий
т. — том
т-во — товарищество
т.е. — то есть
театр. — театральный
тип. — типография
тов. предс. — товарищ председателя
Тр. — Труды
ТЭ — Театральная энциклопедия
указ. — указатель
укр. — украинский
ун-т — университет
урожд. — урожденная
Учен. зап. — Ученые записки
ф. — фонд
фам. — фамилия
февр. — февраль
филол. — филологический
филос. — философский
фр. — французский
ф-т — факультет
худож. — художественный
цит. — цитируется по изданию
ч. — часть
экз. — экземпляр
энц. — энциклопедия, энциклопедический
янв. — январь

Bd. — Band (том)
Ebd. — ebenda (там же)
Ed. — edited by, editor (редактор-издатель)
Hrsg. — herausgegeben von, Herausgeber (редактор-издатель)
Ibid. — ibidem (там же)
P. — page (страница)
S. — Seite, stronica, str nka (страница)
Vol. — volume (том)

⇨ — смотри

Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов

АДАМИСТЫ ⇨ АКМЕИСТЫ

АДАМОВИЧА ЖУРФИКСЫ – проходили в 1914–1915 гг. в Царском Селе. Т. В. Адамович (Высоцкая), сестра Г. В. Адамовича, вспоминала: «Мама позволила нам иметь jour-fixe, день приемов, и каждый понедельник по вечерам у нас бывало по десять–пятнадцать гостей. Играли, пели, читали стихи, спорили» (*Высоцкая.* С. 88); «в отсутствие моей матери <...> хозяйкой была моя младшая сестра» (*Адамович.* С. 69). Среди посетителей были поэты, художники, музыканты. Если верить – не всегда надежным – воспоминаниям Т. В. Высоцкой (в 1914–1916 гг. возлюбленной Н. С. Гумилева; ей же посвящен его стихотворный сборник «Колчан» 1916 г.), постоянными посетителями журфиксов были А. А. Ахматова, Н. С. Гумилев, Г. В. Иванов, М. А. Кузмин; бывали также К. Д. Бальмонт, А. А. Блок, Д. Д. Бушен, С. А. Есенин, А. С. Лурье, А. Н. Энгельгардт, И. Энери. «Мой кузен, Димка Бушен, <...> приглашал своих коллег, молодых художников, которые зачастую делали эскизы портретов наиболее знаменитых наших гостей. <...> У наших вечеров была артистическая, дружеская атмосфера <...> объединяла нас всех общая приверженность искусству» (*Высоцкая.* С. 89).

Лит.: *Wysocka T.* Wspomnienia. Warszawa, 1962. S. 115–116; *Адамович Г. В.* Мои встречи с Анной Ахматовой // Восп. об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 68–69; *Высоцкая Т. В.* Восп. (отрывки из книги) // Жизнь Николая Гумилева: Восп. совр. Л., 1991. С. 88–89; *Лукницкий П. Н.* Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. 1924–25 гг. Paris, 1991. С. 19, 178.

АКАДЕМИЯ СТИХА ⇨ ОБЩЕСТВО РЕВНИТЕЛЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА

АКАДЕМИЯ ЭГОПОЭЗИИ (или **КРУЖОК «EGO»**) – название петербургской группы ⇨ Эгофутуристов на первом, «северянинском» этапе ее истории. Была образована в октябре 1911 г. и просуществовала до ноября 1912 г. Декларацию Академии эгопоэзии, вышедшую в январе 1912 г., подписали И. Северянин, К. Олимпов, Г. В. Иванов и Грааль-Арельский; активными участниками кружка были также И. В. Игнатьев и И. Оредеж. Иванов и Грааль-Арельский в мае 1912 г. перешли в ⇨ Цех поэтов. В октябре 1912 г. Северянин поссорился с Олимповым (из-за взаимных обвинений в плагиате) и покинул эгофутуристов, выпустив в ноябре 1912 г. стихотворную листовку «Эпилог. Эго-Футуризм». После ухода Северянина кружок был переименован в ⇨ Интуитивную ассоциацию.

Лит.: ⇨ Эгофутуристы.

АКМЕИСТЫ (**АДАМИСТЫ**; **КРУЖОК «АКМЭ»**) – литературная группировка, сформировавшаяся весной 1912 г. в Петербурге в рамках ⇨ «Цеха поэтов». Группа состояла из шести членов: А. А. Ахматовой, С. М. Городецкого, Н. С. Гумилева, М. А. Зенкевича, О. Э. Мандельштама, и В. И. Нарбута; в воспоминаниях Вас. В. Гиппиуса 1918 г. акмеистом назван также Г. В. Иванов (цит.: *Тименчик, 1974.* С. 34), но впоследствии имена младших сподвижников акмеизма в «каноническую шестерку» не включались (см.: *Мандельштам, 1990.* С. 32–33).

Зачинатели акмеизма Гумилев и Городецкий, долгие годы приверженцы школы ⇨ Символистов, еще в 1911 г. стали отмежевываться от символистов как по эстетическим, так и по личным причинам. Осенью 1911 г. они создали «Цех поэтов», объединение, в котором они могли действовать без надзора мэтров символизма. Идея создания не просто очередного кружка, а совсем нового, несимволистского литературного направления, назрела у синдиков «Цеха» к началу 1912 г. – по свидетельству Ахматовой, на четвертом или пятом заседании «Цеха» (см.: *Добин, 1968.* С. 31). К тому же времени (18 февраля 1912 г.) Гумилев и Городецкий заявили на заседании ⇨ Общества ревнителей художественного слова об их «отрицательном отношении к символизму» (Труды и дни. 1912. № 2. С. 27). Как вспоминал Вас. В. Гиппиус, еще весной 1912 г. Гумилев и Городецкий на одном из собраний «Цеха поэтов» провозгласили программу акмеизма (см.: *Тименчик, 1974.* С. 32).

Слово «акмеизм» впервые появилось в печати в сентябрьской книжке журнала «Аполлон» в рецензии Гумилева на сборник стихов Городецкого «Ива». В вышедшем в ноябре 1912 г. втором выпуске журнала «Гиперборей» Гумилев, обсуждая стихотворения Зенкевича, впервые употребил в печати эпитет «адамистический» (*Гумилев, 1990.* С. 159). К концу 1912 г. акмеисты усиленно распространяли идеи нового течения; Блок в дневниковой записи от 17 декабря 1912 г. говорил о «наглеющем акмеизме и адамизме» (*Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 193). В записи от 12 января 1913 г. он выражал даже свою «ненависть к акмеистам» (*Там же.* С. 207). Повод к ненависти могло дать Блоку поведение Городецкого, выступившего 19 декабря 1912 г. в ⇨ «Бродячей собаке» с докладом «Символизм и акмеизм», в котором он «позволял себе неоднократно вылазки чисто личные» против Вяч. Иванова и Блока (письмо Ал. Н. Чеботаревской к Иванову от 3 марта 1913 г.; ЛН. 1980. Т. 92, кн. 3. С. 413).

В последних числах января 1913 г. вышел январский номер «Аполлона» с «манифестами акмеизма» – декларативными статьями «Наследие символизма и акмеизм» Гумилева и «Некоторые течения в современной русской поэзии» Городецкого. В мартовской книжке «Аполлона» акмеисты выступили как группа с подборкой стихотворений, сопровождаемых редакционной заметкой, что они «могут до некоторой степени служить иллюстрацией к высказанным в этих статьях теоретическим соображениям» (Аполлон. 1913. № 3. С. 30). В подборку были включены «Пятистопные ямбы» Гумилева, «Адам» и «Звезды» Городецкого, «Она некрасива» и «Как быстро высыхают крыши!» Нарбута, «Я пришла тебя сменить, сестра» и «Cabaret artistique» («Все мы бражники здесь, блудницы...») Ахматовой, «Смерть лося» Зенкевича, «Айя-София» и «Notre Dame» Мандельштама.

Журнальные публикации, а также ряд публичных выступлений группы, в том числе на собрании ⇨ Всероссийского литературного общества 15 февраля 1913 г. (см.: ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 415), вызвали в прессе многочисленные, преимущественно неодобрительные отклики. «С необычайным воодушев[лением] и редкостным единодушием все и вся ринулись душить новое течение. <...> [Акмеизм:] Это было почти бранное слово» (*Ахматова, 1989.* С. 13). К концу 1913 г., после этого «разгрома акмеизма» (*Ахматова, 1990.* С. 204), группа находилась в кризисном состоянии (см.: *Мец, 1990.* С. 117–118). Как утверждал Г. В. Иванов, свою принадлежность к акмеистам подвергал сомнению и Мандельштам, который «в 1913 году <...> до того бурно увлекался кубофутуризмом, что едва не перешел в их группу» (*Иванов Г. В.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 619).

Н.С. Гумилев и С.М. Городецкий. 1914 г.

В начале 1914 г. акмеисты несколько раз выступили публично и отстаивали свою школу, в том числе 16 января в Тенишевском училище в прениях после лекции Г. И. Чулкова (см.: ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 429), 8 февраля на диспуте в Психоневрологическом институте (см.: *Гумилев, 1990.* С. 353–354), 7 марта на заседании Всероссийского литературного общества (см.: *Мец, 1990.* С. 118–120) и 13 апреля в «Бродячей собаке» в прениях после доклада М. А. Кузмина (см.: *Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия. 1983. Л., 1985. С. 233). Намечавшиеся давно теоретические расхождения между Гумилевым и Городецким привели 16 апреля 1914 г. к открытому конфликту; писатели обменялись письмами, изобилующими взаимными упреками (см.: *Тименчик, 1987.* С. 70–71). Разрыв не был окончательным – уже неделю спустя Городецкий, Гумилев, Зенкевич и Мандельштам выступили вместе на посвященном акмеизму заседании Всероссийского литературного общества: Гумилев с докладом «Искусство аналитическое и синтетическое», остальные – с декларациями и стихотворениями. Не исключено, что именно тогда Мандельштам зачитал свою статью «Утро акмеизма», напечатанную лишь в 1919 г. (см.: *Мец, 1990.* С. 122–130). Вечер 25 апреля 1914 г. был, видимо, последним выступлением акмеистов; с концом сезона 1913/14 гг. группа прекратила свою деятельность. Окончательный распад группы акмеистов относится, по свидетельству Ахматовой, к 1915 г.,

когда между Гумилевым и Городецким «произошла попытка примирения <...> но, очевидно, трещинка была слишком глубокой, и возвращение к прежнему было невозможно» (*Ахматова, 1989.* С. 7).

Группу акмеистов не следует смешивать с появившимися впоследствии многочисленными приверженцами акмеизма как литературного течения, которых иногда тоже условно именуют акмеистами; см.: ⇨ Кружок Поэтов [1], ⇨ «Марсельские матросы», ⇨ «Цех поэтов» (второй).

Название группировки объяснялось неоднократно самими акмеистами. Понятие «акмеизм» происходит от греческого слова ἀκμή, которое Гумилев переводил как «расцвет всех духовных и физических сил» (Аполлон. 1912. № 9. С. 53), или как «высшая степень чего-либо, цвет, цветущая пора» (Аполлон. 1913. № 1. С. 42). Понятие «адамизм», от «прародителя» (Городецкий) Адама, толкуется Гумилевым как «мужественно твердый и ясный взгляд на жизнь» (*Там же*). Другие качества, связываемые акмеистами с этим именем, это первобытность и инстинктивность: «Как адамисты, мы немного лесные звери» (*Там же.* С. 44). Важную роль играет также библейское предание (Быт. 2: 19–20) об Адаме как «нарицателе» всех животных, отразившееся в стихах Гумилева: «Лишь девственные наименованья / Поэтам разрешаются отсель» («Роза»); в рецензии на стихотворение Зенкевича Гумилев подчеркивает «адамистическое стремление назвать каждую вещь по имени, словно лаская ее» (*Гумилев, 1990.* С. 159); ср. также программное стихотворение Городецкого «Адам» (Аполлон. 1913. № 3. С. 32).

Многочисленны и противоречивы версии истории создания и авторства понятий «акмеизм» и «адамизм». А. Белый утверждал в своих воспоминаниях, что это именно он, сочиняя вместе с Вяч. Ивановым для Гумилева шутливую антисимволистскую платформу, предложил оба названия (см.: *Белый А.* Собр. соч.: Восп. о Блоке. М., 1995. С. 360; *Белый А.* Начало века. М., 1990. С. 356). Сообщения Белого не внушают доверия, поскольку он относил этот эпизод еще к событиям 1910 г.; Ахматова прокомментировала версию Белого следующим образом: «Более отчаянной и бессмысленной выдумки я никогда не слыхала» (*Ахматова, 1989.* С. 7). Городецкий писал в воспоминаниях 1919 г.: «Имен предложено было два: акмэ (расцвет, вершина) и отсюда — акмеизм — мною, и адамизм — от имени первого жизнерадостника, прародителя — Гумилевым» (Закавказское слово. 1919. № 76. 26 апр.; цит.: *Тименчик, 1974.* С. 25; ср.: *Городецкий С. М.* Мой путь // Сов. писатели: Автобиогр. М., 1959. Т. 1. С. 325). Между тем есть основания предполагать, что, наоборот, именно Городецкий первоначально предпочитал термин «адамизм»: в отчете о его лекции 19 декабря 1912 г. сообщается, что «говорилось главным образом об адамизме, а не об акмеизме» (Аполлон. 1913. № 1. С. 71; ср.: *Тименчик, 1974.* С. 29–30). О создании понятия «акмеизм» высказывалась неоднократно Ахматова. Ссылаясь на ее свидетельство, Добин сообщал, что в поисках названия для нового течения «на заседании [Цеха поэтов] начали рыться в словарях и набрели на греческое слово “акмэ” (вершина)» (*Добин, 1968.* С. 31). Польский исследователь утверждал на основании интервью, которое Ахматова дала ему 28 марта 1965 г.: «Название придумал Гумилев, перелистывая на одном из собраний греческий словарь» (*Przybylski R.* Akmeizm // Historia literatury rosyjskiej. Warszawa, 1976. T. 2. S. 603).

Эстетическая концепция акмеизма изначально сформировалась в полемике с эстетикой символизма; ввиду полемического характера программы акмеистов ее уместно рассматривать на фоне не столько учения символистов, сколько трафаретных представлений о нем. Мировоззренчески акмеисты в первую очередь отмежевались от мистических и оккультных настроений русского символизма, от установки на неведомое и потустороннее. Нарбут в статье 1913 г. называл акмеизм «новой литературной школой, выступившей в защиту всего конкретного, действительного и жизненного» (Новый журнал для всех. 1913. № 5. С. 149; цит.: ЛН. 1987. Т. 92, кн. 4. С. 548). Акмеисты провозгласили мироощущение жизнерадостности, самоценности реального мира, положительное и «по-звериному» непосредственное отношение к бытию, ко всем его предметам и явлениям, пусть даже некрасивым или уродливым. Предпочитаемую сим-

волистами идеалистическую, платоновскую теорию познания акмеисты заменили гносеологическим реализмом.

Следствием мировоззренческой переориентации было введение акмеистами новых эстетических критериев, в том числе нового взгляда на функцию искусства. Если для символистов творчество — это средство познания трансцендентного, не познаваемого наукой, то для акмеистов поэзия автономна — освобождена от внелитературных задач и наделена самоцелью художественного совершенства. Заданием поэта, вместо службы отвлеченным идеалам, стало стремление «живой земле пропеть хвалы» (Городецкий, «Адам»). Отвергая элитарность эстетики символистов и герметичность (или просто туманность) их поэзии, акмеисты ориентируются на идеал ясности, точности и доступности, следуя поэтической практике И. Ф. Анненского и «кларизму» М. А. Кузмина (⇨ Кларисты). Центральной эстетической категорией становится понятие равновесия, заключающее в себе стремление к гармонии всех составных частей поэтического произведения, т.е. — в терминологии Гумилева — фонетики, стилистики, композиции и эйдолологии (см. его статью «Анатомия стихотворения» 1921 г.). Постулат равновесия влечет за собой рациональность, ориентацию на строгость формы, на выдержанность конструкции; в центре внимания не «музыкальность», как у символистов, а «архитектурность» стихотворения. Связь с античной традицией, ощутимая в стремлении к безупречности формы и гармонии всех элементов, а также в некоем пафосе возвышенного, заметно ощутимом во многих произведениях акмеистов, придает этому направлению черты неоклассики.

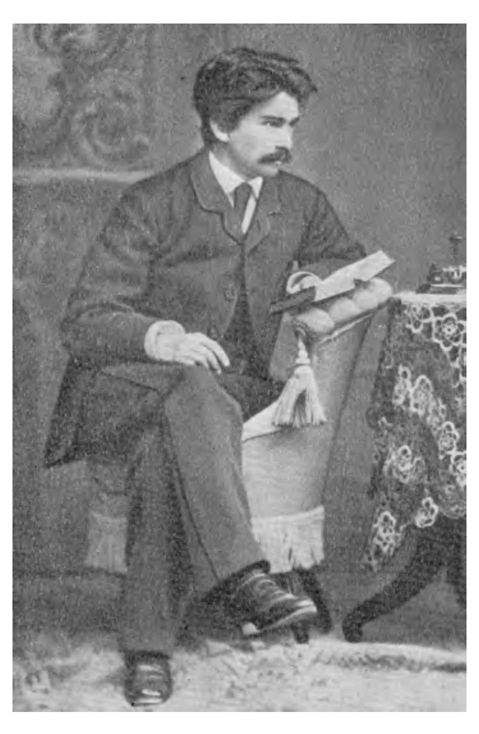
См. в приложении статьи Н. С. Гумилева «Наследие символизма и акмеизм», С. М. Городецкого «Некоторые течения в современной поэзии» и О. Э. Мандельштама «Утро акмеизма».

Лит.: *Совсун В.* Акмеизм, или Адамизм // ЛЭ. 1930. Т. 1. С. 70–73; *Марков В. Ф.* Мысли о рус. футуризме // Новый журнал. 1954. № 38. С. 169–181; *Блок А. А.* Без божества, без вдохновенья (Цех акмеистов) // Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 174–184; *Синявский А. Д.* Акмеизм // КЛЭ. 1962. Т. 1. С. 118–119; *Arnautov M.* Akméismus a «nov vecnost» // Československá rusistika. 1964. T. 9. S. 17–22; *Chalsma H. W.* Russian Acmeism: Its History, Doctrine and Poetry. Washington 1967; *Добин Е. С.* Поэзия Анны Ахматовой. Л., 1968; *Driver S.* Acmeism // Slavic and East European Journal. 1968. Vol. 12. P. 141–156; *Тименчик Р. Д.* Заметки об акмеизме [I] // Russian Literature. 1974. № 7/8. P. 23–39; *Mickiewicz D.* The Problem of Defining Acmeism // Russian Language Journal. 1975. Spring. P. 1–20; *Mickiewicz D.* The Acmeist Conception of the Poetic Word // Там же. P. 59–83; *Жирмунский В. М.* Преодолевшие символизм // Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Лингвистика. Л., 1977. С. 106–133; *Тименчик Р. Д.* Заметки об акмеизме II // Russian Literature. 1977. Vol. 5. P. 281–300; *Tjalsma H. W.* Acmeism // The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet Literatures. Gulf Breeze, 1977. Vol. 1. P. 25–30; *Rusinko E.* Russian Acmeism and Anglo-American Imagism // Ulbandus Review. 1978. Vol. 1. № 2. P. 27–49; *Papla E.* Akmeizm: Geneza i program. Wrocław, 1980; *Тименчик Р. Д.* Заметки об акмеизме III // Russian Literature. 1981. Vol. 9. P. 175–189; *Rusinko E.* Acmeism, Postsymbolism, and Henri Bergson // Slavic Review. 1982. Vol. 41. P. 494–510; *Basker M.* Gumilyov's «Akteon»: A Forgotten Manifesto of Acmeism // Slavonic and East European Review. 1985. Vol. 63. P. 498–517; *J.G.H. [Harris J. G.].* Acmeism // Handbook of Russian Literature / Ed. V. Terras. New Haven; London, 1985. P. 3–8; *Tucker J. G.* Innokentij Annenskij and the Acmeist Doctrine. Columbus, 1986; *Тименчик Р. Д.* Неизвестные письма Н. С. Гумилева // Изв. АН СССР. Отд. лит. и языка. 1987. Т. 46. С. 70–71; *Rusinko E.* Adamism and Acmeist Primitivism // Slavic and East European Journal. 1988. Vol. 32. P. 84–97; *Moissi P.* Der Akmeismus in der zeitgenössischen russischen Literaturkritik 1913–1921 // Österreichische Osthefte. 1988. Bd. 30/3. S. 343–370; *Ахматова А. А.* К истории акмеизма: Из дневниковых записей // Лит. обозр. 1989. № 5. С. 6–8; *Долинин А. С.* Акмеизм // Долинин А. С. Достоевский и другие. Л., 1989. С. 408–418; *Ахматова А. А.* Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2; *Брюсов В. Я.* Новые течения в рус. поэзии. Акмеизм // Брюсов В. Я. Среди стихов. М., 1990. С. 393–400; *Гумилев Н. С.* Письма о рус. поэзии. М., 1990; *Лукницкая В.* Николай Гумилев. Л., 1990; *Мандельштам Н. Я.* Вторая книга. М., 1990. С. 31–53; *Мец А. Г.* Эпизод истории акмеизма // Пятые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и мат-лы для

обсуждения. Рига, 1990. С. 111–130; *Степанов Е. Е.* Николай Гумилев: Хроника // Гумилев Н. С. Соч.: В 3 т. М., 1991. Т. 3. С. 378–387; *Грякалова Н. Ю.* Н. С. Гумилев и проблемы эстетич. самоопределения акмеизма // Николай Гумилев: Исслед. и мат-лы. Библиогр. СПб., 1994. С. 103–123; *Doherty J.* The Acmeist Movement in Russian Poetry. Oxford, 1995; *Лекманов О. А.* Акмеисты: Поэты круга Гумилева // Новое лит. обозр. 1996. № 17. С. 168–184; № 19. С. 148–161; № 20. С. 40–55; *Лекманов О. А.* Из заметок об акмеизме // Новое лит. обозр. 1997. № 28. С. 195–205; *Червинская О. В.* Акмеизм в контексте Серебряного века и традиции. Черновцы, 1997; *Лекманов О. А.* Книга об акмеизме. М., 1998.

АЛЬВИНГА КРУЖОК ⇨ **«ЖАТВА»**

АЛЬМЕДИНГЕНА ВЕЧЕРА – проводились в 1900-е гг. в Петербурге на квартире издателя детского журнала «Родник» А. Н. Альмедингена. На вечерах, по воспоминаниям Ал. Алтаева (М. В. Ямщиковой), «состав приглашенных был разношерстый, и рядом с сотрудником прогрессивных изданий здесь можно было встретить и нововременского сотрудника и автора бульварных исторических романов “Родины” или комаровского “Света”» (*Алтаев.* С. 122). На вечерах, носящих порой литературно-музыкальный характер, бывали Ал. Алтаев (М. В. Ямщикова), С. С. Караскевич-Ющенко, Е. М. Мартынова, М. М. Пришвин, Л. Л. Толстой, И. Ф. Тютчев. После кончины Альмедингена в 1908 г. Л. Л. Толстой в некрологе «Памяти друга и человека» (Родник. 1909. № 3) охарактеризовал вечеринки: «Среды Алексея Николаевича, когда он принимал по вечерам своих друзей и сотрудников, были одними из самых прелестных интеллигентных вечеров, какие мне удавалось посещать, и отличались простотой и задушевностью» (цит.: *Юдина, Иванова*).



А.Н. Альмединген

Лит.: *Алтаев Ал. [Ямщикова М. В.].* Памятные встречи. М., 1957. С. 122–123, 244–245; *Юдина И. М., Иванова Л. Н.* Архив Альмедингенов: (Из истории детской журналистики) // ЕжегРОПД на 1979 г. Л., 1981. С. 27.

АМФИТЕАТРОВА ЧЕТВЕРГИ – проходили в 1904 г. в доме А. В. Амфитеатрова в Царском Селе (на углу Конюшенной и Средней). В дневнике Ф. Ф. Фидлера описан журфикс от 15 апреля 1904 г., на котором из литераторов присутствовали Н. В. Снессарев и В. А. Тихонов.

Лит.: *Fiedler F.* Aus der Literatenwelt: Charakterz ge und Urteile; Tagebuch / Hrsg. K. Asadowski. Göttingen, 1996. S. 323, 325–326.

АНДРЕЕВА ПОНЕДЕЛЬНИКИ – литературный кружок, организованный Л. Н. Андреевым осенью 1902 г. в Москве и связанный с деятельностью ⇨ «Среды» (Сред Н. Д. Телешова). По свидетельству Ю. А. Бунина, журфиксы у Андреева проходили в сезоне 1901–1902 гг. (см.: *Нинов*), что, однако, опровергается фактическим ма-

Л.Н. Андреев

териалом. И. А. Белоусов сообщал Е. П. Гославскому в письме от 9 октября 1902 г.: «Начались “среды”, а у Леонида Николаевича Андреева “понедельники”. Шумно, но весело» (цит.: *Шакуров.* С. 169); в письме В. Я. Брюсова к П. П. Перцову от 5 ноября 1902 г. говорится, что «Горький в Москве царствует на понедельниках Андреева» (ЛН. 1965. Т. 72. С. 164).

Состав посетителей кружка соответствовал, очевидно, кругу участников «Среды»; бывали и писатели-модернисты – Ю. К. Балтрушайтис, В. Я. Брюсов. Как полагает современный исследователь, Понедельники являлись попыткой Андреева создать «избранную» «Среду»; Андреев, ценивший откровенность критических высказываний на чтениях в кружке Телешова, желал «обсуждать произведения в более компетентном составе, чем на “Среде”» (*Шакуров.* С. 169). Попытка не удалась, так как у Андреева «желало быть больше народу, чем на телешовских заседаниях» (*Там же.* С. 172).

Впоследствии квартира Андреева стала «филиалом» кружка Телешова, где проводились открытые для посторонних, так называемые «выходные» «Среды». После переезда в Петербург в 1907 г. Андреев предпринял еще одну попытку организовать кружок по типу «Сред» Телешова (⇨ Среды Андреева).

Лит.: *Брюсов В. Я.* Дневники. М., 1927. С. 123; *Горький М.* Леонид Андреев // Горький М. Полн. собр. соч. Худож. произв.: В 25 т. М., 1973. Т. 16. С. 344; *Шакуров В. А.* Леонид Андреев и «Среда» // Романтизм (теория, история, критика). Казань, 1976. С. 169–172; *Нинов А. А.* М. Горький и Ив. Бунин: История отношений. Проблемы творчества. Л., 1984. С. 146.

АНДРЕЕВА СРЕДЫ – литературный кружок, организованный Л. Н. Андреевым осенью 1907 г. в Петербурге по типу ⇨ «Среды» (Сред Н. Д. Телешова); Андреев сам подчеркивал эту преемственность: «...я сюда перенес московские “среды”» (письмо к М. Горькому от 9 окт. 1907 г.: ЛН. 1965. Т. 72. С. 300). Имеются сведения о двух собраниях кружка на квартире Андреева на Каменноостровском проспекте: первое состоялось 26 сентября 1907 г. (упоминается в письме А. А. Блока к матери от 28 сент. 1907 г.; *Блок.* С. 210); второе прошло 9 октября 1907 г.

В число участников входили И. А. Белоусов, А. А. Блок, В. Г. Богораз-Тан, И. А. Бунин, А. Л. Волынский, Б. К. Зайцев, Б. А. Лазаревский, В. В. Муйжель, С. А. Найденов, С. Н. Сергеев-Ценский, Ф. К. Сологуб, Н. Н. Ходотов, Е. Н. Чириков, Г. И. Чулков, С. С. Юшкевич. Как и на Средах Телешова, в кружке Андреева читались и обсуждались литературные произведения участников. Характер дискуссий не удовлетворял Андреева: согласно Белоусову, он говорил, что «тут не то, что в Москве; вслух хвалят, а отойдут за угол, разносят во все корки! Не по-московски это...» (*Белоусов.* С. 139). Среды Андреева представляли собой, по характеристике современного исследователя, «непрочное литературное объединение, пытающееся эклектически соединить творческие принципы реализма и символизма» (*Леденев*). См. также: Понедельники ⇨ Л. Н. Андреева.

Лит.: *Белоусов И. А.* Лит. среда: Восп. 1880–1928. М., 1928. С. 138–139; *Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 210, 214; ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 306–307, 311; *Леденев А. В.* Писатель-

ские объединения в рус. демокр. лит. конца XIX – нач. XX вв. // Из истории рус. реализма конца XIX – нач. XX в. М., 1986. С. 63.

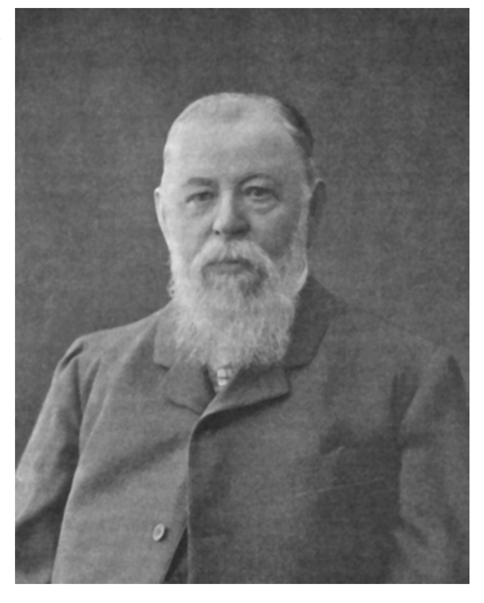
АНДРОНИКОВОЙ САЛОН – литературно-художественный салон, существовавший в 1910-е гг. на квартире кн. С. Н. Андрониковой в Петербурге (5-я линия Васильевского острова). «Саломея Андроникова была одной из самых известных светских красавиц той эпохи. Она славилась своим умом, обаятельностью и остроумием. В числе ее друзей были многие знаменитые русские поэты и художники того времени» (*Берлин, 1991*; о ней см. также: *Никольская, Тименчик, Мец*).

У Саломеи, которую в круге друзей называли Саломкой (см. посвященные ей стихи О. Э. Мандельштама «Соломинка» 1916 г.), бывали А. А. Ахматова, кн. П. П. Волконский, О. А. Глебова-Судейкина, Н. С. Гумилев, Г. В. Иванов, О. Э. Мандельштам, С. Л. Рафалович, И. Ф. Стравинский, М. И. Цветаева. Иванов сообщал В. Ф. Маркову в письме от 11 июня 1957 г., что в ее салоне «царил <...> кн. Волконский <...> и на совершенно равной ноге с ним О. Мандельштам» (*Ivanov, Odoevceva*). Тэффи вспоминала об Андрониковой: «Была нашей мадам Рекамье, у которой, как известно, был только один талант – она умела слушать. У Саломеи было два таланта – она умела и говорить» (*Тэффи*); упомянутая Жан-Франсуаз Рекамье (Jeanne-Fran oise Récamier; 1777–1849) – хозяйка известного парижского литературного салона.

Лит.: *Тэффи.* Из «Восп.» // А. Ахматова. Поэма без героя. М., 1989. С. 94; *Берлин И.* Из восп. «Встречи с рус. писателями» // Восп. об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 441; *Берлин И.* Александр и Саломея Гальперны // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1992. Вып. 1. С. 231; *Ivanov G., Odoevceva I.* Briefe an Vladimir Markov 1955–1958 / Hrsg. H. Rothe. Köln; Weimar, 1994. S. 70; *Ахматова А.* Листки из дневника // Осип Мандельштам и его время. М., 1995. С. 23; *Мец А. Г.* Комм. // Мандельштам О. Полн. собр. стихотв. СПб., 1995. С. 546; Кофейня разбитых сердец: Коллективная шуточная пьеса в стихах при участии О. Э. Мандельштама / Публ. Т. Л. Никольской, Р. Д. Тименчика и А. Г. Меца. Stanford, 1997 (Stanford Slavic Studies; Vol. 12). С. 10–15, 26–28.

АННЕНСКОГО ЖУРФИКСЫ – проходили в конце 1890-х гг. в Петербурге у Н. Ф. Анненского. «Собирались часто и у Анненских, сохранивших привычку более широких приемов и поддерживающих обычай jour fixe'ов» (*Батюшков*). Бывали Ф. Д. Батюшков, А. А. Корнилов, В. Г. Короленко, В. И. Семевский.

Лит.: *Корнилов А.* Страничка восп. // Голос минувшего. 1916. № 10. С. LXIV; *Батюшков Ф. Д.* Из книги «В. Г. Короленко как человек и писатель» // В. Г. Короленко в восп. совр. М., 1962. С. 282.



Н.Ф. Анненский

«АПОЛЛОНА» КРУЖОК (МОЛОДАЯ РЕДАКЦИЯ «АПОЛЛОНА») – кружок поэтов, литераторов и художников, сотрудников и авторов журнала «Аполлон» (СПб., 1909–1917), возникший в 1909 г. при его редакции в Петербурге (Набережная Мойки, затем – Разъезжая, 8). В числе «аполлоновцев» были И. Ф. Анненский, С. А. Ауслендер, А. А. Ахматова, Л. П. Брюллова, Е. И. Васильева (Черубина де Габриак), кн. С. М. Вол-

Обложка первого номера журнала «Аполлон» (1909. Октябрь. № 1)

конский, М. А. Волошин, бар. Н. Н. Врангель, С. М. Городецкий, Н. С. Гумилев, И. фон Гюнтер, Е. А. Зноско-Боровский (секр. журнала в 1909–1912 гг.), В. Г. Князев, гр. В. А. Комаровский, М. А. Кузмин, М. Л. Лозинский (секр. в 1913–1917 гг.), С. К. Маковский (редактор-издатель), О. Э. Мандельштам, М. Л. Моравская, К. С. Петров-Водкин, К. А. Сюннерберг, гр. А. Н. Толстой, А. А. Трубников, В. А. Чудовский, К. И. Чуковский, Г. И. Чулков, кн. А. К. Шервашидзе. Представление о круге лиц, близких к «Аполлону» во время его возникновения, дает также список участников обеда в честь Маковского, устроенного сотрудниками журнала в октябре 1909 г. после выхода первого номера (ЛН. 1981. Т. 92, кн. 2. С. 322; ср.: *Маковский, 1962.* С. 141); среди присутствующих – Л. С. Бакст, А. А. Блок, Н. Н. Евреинов, Вяч. И. Иванов, В. Э. Мейерхольд.

В первые годы существования журнала в помещении редакции проходили литературные собрания, где «читались и обсуждались стихи молодых поэтов» (*Герцык*); устраивались музыкальные вечера. И. фон Гюнтер вспоминал о «молодой редакции» «Аполлона»: «...мы в самом деле были коллективом. Мы часто действовали коллективно. Рукописи, в особенности стихи, зачастую читались коллективно и так же отклонялись. Критика тоже производилась коллективно. И тоже коллективно мы были влюблены в поэтессу Черубину де Габриак» (*Гюнтер.* С. 135). Иногда члены «молодой редакции» именовались ⇨ Кларистами.

При редакции «Аполлона» действовал целый ряд литературных объединений: ⇨ Общество ревнителей художественного слова; ⇨ Общество изучения современной поэзии; ⇨ Общество для всестороннего изучения риторики как художества; ср. также ⇨ Вечера Дмитриевой (Васильевой).

Лит.: *Маковский С. К.* Портреты современников. Нью-Йорк, 1955. С. 341–342; *Маковский С. К.* На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962. С. 141, 150, 198–199, 228, 312, 346; *Анненский И. Ф.* Письма к С. К. Маковскому / Публ. А. В. Лаврова и Р. Д. Тименчика // ЕжегРОПД. 1976. Л., 1978. С. 222–231; *Корецкая И. В.* «Аполлон» // Рус. лит. и журналистика нач. XX в. 1905–1917. Буржуазно-либеральные и модернистские изд. М., 1984. С. 212–256; С. 31, 34; *Гюнтер И. фон.* Под восточным ветром // Николай Гумилев в восп. совр. М., 1990. С. 131–135; *Ауслендер С. А.* Восп. о Н. С. Гумилеве // Жизнь Николая Гумилева: Восп. совр. Л., 1991. С. 43–44; *Чуковский К. И.* [Восп. о Н. С. Гумилеве] // Там же. С. 125; РП. 1992. Т. 2. С. 572; *Герцык Е.* Восп. М., 1996. С. 145.

«**АРБАЛЕТЧИКИ ГОСПОДА БОГА**» – литературная группировка, существовавшая, видимо, в начале 1910-х гг. в Москве. В воспоминаниях А. Я. Брюсова, в пассаже, посвященном многочисленным авангардным «школам и школкам», сообщается: «Была даже группка из двух поэтов, именовавших себя “Арбалетчиками господа бога”, о которых жена писателя Б. Зайцева Вера Алексеевна метко заметила, что лучше бы им называться олухами царя небесного».

Лит.: *Брюсов А. Я.* Лит. восп. // Север. 1965. № 4. С. 133.

«**АРГОНАВТЫ**» – дружеский кружок, возникший весной 1903 г. в Москве вокруг А. Белого и Эллиса. Белый сообщал Э. К. Метнеру 26 марта 1903 г. о намерении «учре-

дить некоторое негласное общество (союз) во имя Ницше — союз *аргонавтов*: цель экзотерическая — изучение литературы, посвящ[енной] Шопенгауэру и Ницше, а также их самих; цель эзотерическая — путешествие сквозь Ницше в надежде отыскать *золотое руно*» (*Лавров, 1978*. С. 141). Осенью 1903 г., вспоминал Белый, «начались мои “воскресенья”, которые вызвал к жизни собственно Эллис: они начались моим рефератом “Символизм как мировоззрение”, ставшим основой дебатов и споров, продлившихся целый сезон» (*Белый, 1990*. С. 292–293).

В кружок входили первоначально друзья Белого по гимназии и университету; со временем состав участников ⇨ Воскресений Белого изменился и в целом значительно расширился: «с 1903 до 1907 годов “аргонавтами” числились: Л. Л. Кобылинский (или Эллис), С. Л. Кобылинский (философ), С. М. Соловьев, М. А. Эртель (историк), Г. А. Рачинский, В. В. Владимиров (художник), А. С. Челищев, А. С. Петровский, В. П. Поливанов, Н. И. Петровская, [П. Н.] Батюшков, П. И. Астров, Н. П. Киселев, М. И. Сизов, В. О. Нилендер, С. Я. Рубанович, К. Ф. Крахт и другие» (*Белый, 1995*. С. 46–47; ср.: *Белый, 1990*. С. 293, 568).

«Аргонавты» встречались также у Астрова (⇨ Среды Астрова), у Соловьева (⇨ Кружок Соловьева), на заседаниях ⇨ Общества свободной эстетики, а также в кружке скульптора К. Ф. Крахта (⇨ Молодой Мусагет). Если кружок «аргонавтов» (как группа регулярно встречающихся людей) распался еще к 1906 г., то, по словам Белого, «прозвище “аргонавт” существовало, как помнится, до 1910 года» (*Белый, 1990*. С. 123) — времени воссоединения былых «аргонавтов» Белого, Эллиса, Метнера, Петровского и Сизова в редакции книгоиздательства «Мусагет».

Название «аргонавты» восходит к древнегреческому мифу о походе Язона и его товарищей на судне «Арго» в Колхиду в поисках золотого руна. Этот миф, осмысленный Белым в разных произведениях 1900-х гг., в том числе в программной для кружка «аргонавтов» статье «Символизм как миропонимание» и в стихотворении «Золотое руно» (1903), послужил основой для собственных мифотворческих построений Белого, отразивших эсхатологическое мироощущение и мистические настроения кружка. Мифотворчество «аргонавтов» отразилось также в лирике А. А. Блока, Эллиса (сборник стихов «Арго» — М.: Мусагет, 1914) и С. М. Соловьева.

См. в приложении статью Андрея Белого «Символизм как миропонимание».

Лит.: *Лавров А. В.* Мифотворчество «аргонавтов» // Миф — фольклор — литература: Л., 1978. С. 137–170; Москва: Энц. М., 1980. С. 111; *Белый А.* Начало века. М., 1990. С. 28–35, 123–132, 290–298, 323–328; *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Биогр. источники романа Брюсова «Огненный ангел» // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 530–589; *Петровская Н. И.* Восп. / Публ. Э. Гарэтто // Минувшее. М., 1992. Вып. 8. С. 46–47; *Lavrov A.* Andrei Bely and the Argonauts’ Mythmaking // Creating Life. The Aesthetic Utopia of Russian Modernism / Ed. I. Paperno, J. D. Grossman. Stanford, 1994. P. 83–121; *Белый А.* Собр. соч.: Восп. о Блоке. М., 1995. С. 46–51; *Лавров А. В.* Андрей Белый в 1900-е гг.: Жизнь и лит. деятельность. М., 1995. С. 64–148.

«**АРЗАМАС**» ⇨ **ОБЕДЫ БЕЛЛЕТРИСТОВ**

«**ARS**» — литературное общество, существовавшее в 1914–1917 гг. в Петрограде (ars — лат. «искусство»). В его состав входили В. В. Буянов (секр.), А. К. Герман (казн.), Л. А. Нельсон (тов. предс.), С. И. Никитин, М. Н. Серяков (предс.), С. К. Чукалов (предс. ред.-изд. комиссии) и др. Целью общества являлось «поддерживать и развивать интерес к литературе и театру среди начинающих писателей, артистов и доставлять своим членам возможность выступать в печати и на сцене» (Весь Петроград на 1915 г. С. 829). С 1914 г. объединение издавало журнал «На берегах Невы» (СПб., 1909–1916); редактором его был Серяков. Под издательской маркой «Ars» вышла книга стихов А. Ф. Мейснера «В паутине религий: Думы и краски» (Пг., 1915). В справочниках «Весь Петроград» общество числится до 1917 г.

Лит.: *Беляева Л. Н, Зиновьева М. К., Никифоров М. М.* Библиогр. периодич. изд. России. 1901–1916. Л., 1959. Т. 2. С. 369; *вк [Константинова В.]*. Чукалов С. К. // Речник на българската лит. София, 1982. Т. 3. С. 599.

АРСЕНЬЕВА ВТОРНИКИ – литературно-научный кружок, организованный К. К. Арсеньевым и существовавший с конца 1880-х гг. до начала 1900-х гг. в Петербурге. «Арсеньев основал его главным образом для учащейся молодежи, и действительно, мы слыхали там доклады таких выдающихся студентов этой эпохи, как П. Б. Струве, Б. В. Никольский, бар. А. Ф. Мейндорф и др.» (*Дризен, 1935*). Иногда «любезный хозяин приглашал известных “гастролеров”: А. Ф. Кони, Вл. С. Соловьева, В. Д. Спасовича и пр.» (*Там же*), выступавших с сообщениями на философские и историко-литературные темы. Среди посетителей были также К. Ф. Головин и Д. С. Мережковский.

К.К. Арсеньев

Сведения о кружке зафиксированы в неизданном дневнике Арсеньева, на основе которого современный исследователь сообщает: «С 1887 по 1898 г. при его непосредственном участии было проведено более 100 собраний научно-литературного кружка. Но уже в 1901 г. кружок собирался только раз» (*Шлемин*). Рекомендуя бар. Н. В. Дризену ⇨ Пятницы Полонского, Никольский сообщал ему, что они «так же обязательны, как “вторники” К. К. Арсеньева, другого друга молодежи, устраивавшего по зимам литературные вечера. Правду сказать, в Петербурге только и были эти два дома, Полонских да Арсеньева, и только тут молодежи как-то свободно думалось и дышалось» (*Дризен, 1899*).

Лит.: *Дризен Н. В.* Я. П. Полонский. (Отрывки из восп.) // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. 1898 г. Рязань, 1899. Т. 13. Вып. 3. С. 399; *Головин К. Ф.* Мои восп.: В 2 т. СПб., 1910. Т. 2. С. 114; *Дризен Н. В.* Лит. восп. // Весь мир. 1918. № 32/33. С. 13, 14; *Кони А. Ф.* Хранитель идеалов права и свободы: Памяти К. К. Арсеньева // Вест. лит. 1919. № 5. С. 4; *Дризен Н. В.* Старый Петербург. Лит. кружки // Возрождение. Париж, 1935. 15 февр. № 3544. С. 5; *Шлемин П. И.* Дневник К. К. Арсеньева // Археографич. ежегодник за 1977 г. М., 1978. С. 320.

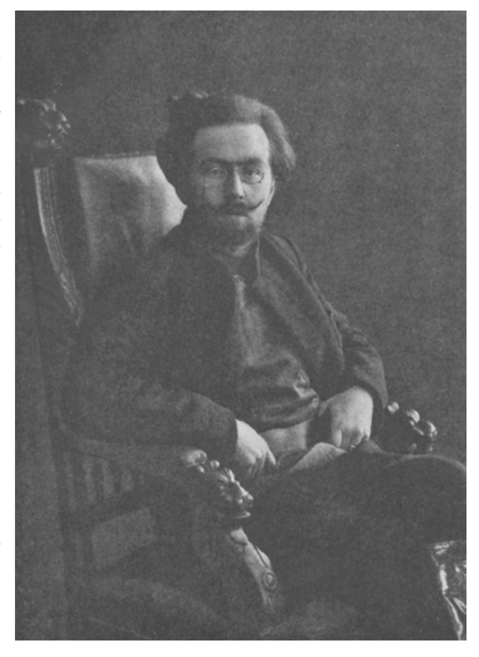
«**АРТИСТА**» **ВЕЧЕРА** – встречи сотрудников журнала «Артист» (М., 1889–1895), проходившие в 1890-е гг. в Москве. В редакции журнала, издаваемого Ф. А. Куманиным, бывали – как и в кружке ⇨ «Русской мысли» – «то обеды, то вечеринки, на которых часто раздавались “недозволенные речи” и за скромной бутылкой красного вина провозглашались тосты за уничтожение самодержавия и пр.» (*Щепкина-Куперник, 1962*). Среди участников были Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. П. Чехов и Т. Л. Щепкина-Куперник.

Лит.: *Щепкина-Куперник Т. Л.* Из восп. М., 1959. С. 338–339; *Щепкина-Куперник Т. Л.* Письмо о Д. Н. Мамине // Д. Н. Мамин-Сибиряк в восп. совр. Свердловск, 1962. С. 227.

АРЦЫБАШЕВА КРУЖОК – существовал в конце 1900-х гг. в Петербурге. Кружок был создан М. П. Арцыбашевым с целью взаимной поддержки членов в борьбе против «литературных генералов» – в частности, ⇨ Символистов и писателей ⇨ «Знания». В

уставе кружка, написанном Арцыбашевым, говорится, что «кружок собирается для чтения произведений своих сочленов и лиц, приглашаемых бюро» (цит.: *Фельдман*). В кружок входили Л. И. Андрусон, В. В. Башкин, Я. В. Годин, А. П. Каменский, В. В. Муйжель, А. С. Рославлев, Ан. Н. Чеботаревская. Произведения многих членов напечатаны в вышедшем под редакцией Арцыбашева «Сборнике художественной литературы “Жизнь”» (СПб., 1908. Т. 1). Кружок вскоре распался; в письме к Муйжелю Арцыбашев так говорил о роли объединения: «Одно время все мы были сильны и действительно полезны друг другу именно своей крепкой связью. Среди декадентов, среди хулиганов и генералов мы прошли благополучно и быстро благодаря кружку» (цит.: *Фельдман*).

Лит.: *Чапыгин А. П.* По тропам и дорогам. М.; Л., 1931; *Фельдман Д. М.* Салон-предприятие: Писательское объединение и кооперативное изд-во «Никитинские субботники» в контексте лит. процесса 1920—1930-х гг. М., 1998. С. 35.



М.П. Арцыбашев

АСТРОВА СРЕДЫ — литературно-философский кружок, существовавший в 1900-е гг. в Москве (А. Белый бывал в нем с осени 1904 г. по 1909 г.; см.: *Белый, 1990*. С. 656). Собрания кружка, организованного Эллисом, проходили в доме П. И. Астрова на ул. Каретной-Садовой.

Среды объединяли круг знакомых Астрова — религиозных мыслителей, философов, писателей, представителей московской интеллигенции — и участников кружка ⇨ «Аргонавтов». На собраниях у Астрова бывали И. А. Астафьев, Н. И. Астров, А. Белый, Н. А. Бердяев, П. Д. Боборыкин, М. О. Гершензон, Вяч. И. Иванов, С. А. Котляревский, Г. С. Петров, П. Н. Петровский, М. М. Покровский, В. П. Поливанов, Г. А. Рачинский, В. П. Свентицкий, Л. Д. Семенов, С. М. Соловьев, Ф. А. Степун, П. А. Флоренский, К. П. Христофорова, Эллис, В. Ф. Эрн и др.

На регулярно проходивших встречах кружка читались и обсуждались доклады участников на литературные, философские и религиозные темы, а также литературные произведения (перечень тем рефератов сезона 1904—1905 гг. см.: *Белый, 1995*). С деятельностью Сред связано издание двух выпусков литературно-философского сборника «Свободная совесть» (М., 1906), содержащего произведения участников кружка.

Лит.: *Флоровский Г.* Пути рус. богословия. Париж, 1937. С. 493; *Астров Н. И.* Восп. Париж, 1940. С. 218—220; *Зернов Н. М.* Рус. религ. возрождение XX в. Париж, 1974. С. 119; *Лавров А. В.* Мифотворчество «аргонавтов» // Миф — фольклор — литература. Л., 1978. С. 149—150; *Белый А.* Начало века. М., 1990. С. 46, 392—398; *Белый А.* Собр. соч.: Восп. о Блоке. М., 1995. С. 131.

БАЛЬМОНТА ВТОРНИКИ — журфиксы на квартире К. Д. Бальмонта и Е. А. Андреевой-Бальмонт, проходившие в 1903—1904 гг. в Москве. Бывал А. Белый.

Лит.: *Брюсов В. Я.* Дневники. 1891—1910. М., 1927. С. 63; *Белый А.* Начало века. М., 1990. С. 291; *Андреева-Бальмонт Е. А.* Восп. М., 1997. С. 339—340.

БАРСУКОВСКИЙ КРУЖОК — существовал в 1874—1905 гг. в Петербурге. Дружеский кружок сложился в 1870-е гг. вокруг историков братьев Н. П. и А. П. Барсуковых.

К.Д. Бальмонт

Его постоянное ядро сформировалось к 1874 г., когда встречи в «Патриаршей палате» — антикварной столовой в квартире братьев Барсуковых (Большая Морская, дом Тура) — приняли регулярный характер, хотя определенных дней собрания не назначалось.

У Барсуковых «собирались многочисленные посетители, не только архивисты, но “разных чинов люди”, так или иначе примыкавшие к науке и литературе» (*Корсаков.* С. 953). В состав кружка входили И. П. Барсуков, П. И. Бартенев, Ф. Н. Берг, К. Н. Бестужев-Рюмин, А. Ф. Бычков, В. Г. Васильевский, кн. П. П. Вяземский, П. А. Гильтебрандт, Б. Б. Глинский, И. Ф. Горбунов, Н. Я. Данилевский, Е. Е. Замысловский, В. К. Истомин, Г. Ф. Карпов, Д. Ф. Кобеко, Д. А. Корсаков, А. Н. Майков, Л. Н. Майков, П. И. Савваитов, Н. П. Семенов, С. Т. Филиппов, Н. Д. Чечулин, гр. С. Д. Шереметев и др. Разнородный по социальному и профессиональному составу кружок объединял любителей допетровской старины, консерваторов-славянофилов по политическим и литературным симпатиям. Определяющее значение имела позиция Н. Барсукова, человека, по отзыву Корсакова, «древле-русского, или правильнее древле-московского» (*Там же.* С. 956).

Общество сознательно избегало обсуждения «бульварных и новейших романов, политических памфлетов и брошюр» (*Глинский.* С. 215–216). «Предметом бесед, главным образом, были вопросы из области “прошлой” духовной жизни России, причем оживленно рассказывались случаи и анекдоты из мира книжного и обихода ученой братии; современных вопросов, общественных и политических, касались мало, но не обходили совершенно» (*Корсаков.* С. 953).

В кружке выработался своеобразный стиль общения с широким употреблением церковно-славянского языка в беседах и письмах; сами члены носили звания «соборных старцев». Главным предметом обсуждения после 1888 г. становятся вопросы литературной борьбы, связанные с обсуждением и общественной оценкой главной работы Н. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина». После кончины Н. Барсукова кружок прекращает свое существование, хотя отдельные нерегулярные посещения участниками А. Барсукова продолжаются до его смерти в 1914 г.

Лит.: *Глинский Б. Б.* Памяти Н. П. Барсукова // Ист. вестник. 1907. Т. 107. № 1. С. 209–216; *Истомин В. К.* И. Ф. Горбунов // Горбунов И. Ф. Соч.: В 3 т. (4 кн.). СПб., 1907. Т. 3, ч. 4. С. 394–395; *Корсаков Д. А.* Из восп. о Н. П. Барсукове // Ист. вестник. 1907. Т. 108. № 6. С. 953–954; *М. Я.* «Сей остальной из стаи славной»: Памяти Александра Платоновича Барсукова // Рус. архив. 1914. № 4. С. 594–595; *Шереметев П. С.* Памяти Александра Платоновича Барсукова // Рус. архив. 1914. № 8. С. 479–480; *Филькина Е. Ю.* Н. П. Барсуков и его собрание автографов // Археографич. ежегодник за 1983 г. М., 1985. С. 107; *Кушлейко В. С.* Братья Барсуковы // Зап. ОР ГБЛ. М., 1990. Вып. 48. С. 63–66; *Зайцев А. Д.* Петр Иванович Бартенев и журнал «Русский архив». М., 2001. С. 41.

БАХМАНА СУББОТЫ — литературный салон немецкого поэта и книголюба Г. Бахмана, существовавший в конце 1890-х — начале 1900-х гг. в Москве. Квартира Бахмана

была местом встреч московских ⇨ Символистов; на субботах бывали Ю. К. Балтрушайтис, К. Д. Бальмонт, В. Я. Брюсов, В. В. Гофман, М. А. Дурнов, А. А. Курсинский, Т. Ланге, А. Ф. Лютер, В. Ф. Саводник и др. Брюсов, познакомившись с Бахманом в конце 1898 г., дружил с ним вплоть до его кончины в 1907 г. (см. некролог в «Весах», в котором также упоминается данный кружок; *Брюсов, 1990.* С. 237–239) и впоследствии тепло вспоминал об атмосфере Суббот: «Г. Бахман был средоточием маленького кружка друзей, которых умел зажигать своим неистощимым энтузиазмом. <...> все присутствующие знали, что *здесь* каждый стих будет оценен по достоинству, что *здесь* не пройдет незамеченным удачное выражение, меткий эпитет, новая рифма» (*Брюсов, 1990.* С. 511).

Лит.: *Брюсов В. Я.* Дневники. М., 1927. С. 53, 59, 60, 86, 119, 160; ЛН. 1976. Т. 85. С. 380–381; *Брюсов В. Я.* Среди стихов. М., 1990. С. 237–239, 511; ЛН. 1991. Т. 98, кн. 1. С. 48.

БАШКИРОВА-ВЕРИНА ВЕЧЕРА («Литургии Красоты»), проходившие в 1910-е гг. в доме Б. Н. Башкирова (псевд.: Борис Верин) в Петербурге (Калашниковская наб., д. 52). Хозяин вечеров, поклонник поэзии К. Д. Бальмонта и И. Северянина (о нем см.: *Северянин И.* Соч.: В 5 т. СПб., 1996. Т. 5. С. 300), устраивал раз в год в день рождения Бальмонта (3 июня) вечеринки, на которых «этот ценитель поэзии угощал [знакомых литераторов] не только изысканным ужином, но и мастерской декламацией бальмонтовских терцин и сонетов» (*Рождественский.* С. 337). В воспоминаниях В. А. Рождественского описаны две вечеринки у Башкирова; в числе посетителей упоминаются И. Северянин и Н. Н. Ходотов.

Лит.: *Рождественский В. А.* Страницы жизни. М., 1974. С. 335–347.

БЕЛОГО ВОСКРЕСЕНЬЯ – журфиксы на квартире А. Белого, возникшие осенью 1903 г. в Москве (Арбат, 55); продолжались примерно до 1907 г. Среди посетителей были первоначально участники кружка ⇨ «Аргонавты»; со временем воскресники Белого стали посещать также поэты ⇨ Символисты кружков ⇨ «Грифа» и ⇨ «Скорпиона», художники, музыканты, философы и филологи. На Воскресеньях А. Белого бывали П. И. Астров, Ю. К. Балтрушайтис, К. Д. Бальмонт, В. Я. Брюсов, М. А. Волошин, Вяч. И. Иванов, А. А. Койранский, С. А. Кречетов (Соколов), В. О. Нилендер, М.И. Пантюхов, Н. И. Петровская, С. А. Поляков, Н. Е. Поярков, Г. А. Рачинский, С. Я. Рубанович, В. П. Свентицкий, М. Н. Семенов, С. М. Соловьев, Б. А. Фохт, С. К. Шамбинаго, Эллис, В. Ф. Эрн и др. (см.: *Белый.* С. 293–294).

Лит.: *Белый А.* Начало века. М., 1990. С. 39, 291–298, 632.

БЕСЕДЫ СТУДЕНТОВ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ⇨ **НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО**

«**БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ КРУЖОК**» – существовал в 1893–1917 гг. в Петербурге. Возник при журнале «Детское чтение» с целью рецензирования и библиографирования детской литературы и книг для народа. Участники кружка, детские писатели и педагоги, встречались первоначально раз в две недели на квартире А. Н. Альмедингена – редактора журналов «Воспитание и обучение» и «Родник» (ул. Захарьевская); на собраниях обсуждались книги и отзывы о них. М. В. Ямщикова вспоминала: «Раз в две недели видела симпатичных людей, говоривших о творчестве, обсуждавших прочитанное, и эти маленькие собрания отрывали меня от трудных будней» (*Алтаев.* С. 360). Рецензии членов кружка печатались в «Детском чтении», «Воспитании и обучении» и ряде других изданий. В кружок входили Ал. Алтаев (М. В. Ямщикова), А. Н. Альмединген, В. М. Величкина, П. В. Голяховский, О. И. Капица, А. П. Налимов, А. П. Нечаев, Е. Я. Острогорская, В. П. Острогорский, С. А. Порецкий, Н. А. Рубакин и др.

Кружок опубликовал брошюры «Критический указатель детской и народной литературы»; возможно, имеется в виду «Критический указатель детской и педагогической литературы» (СПб., 1893–1894. Вып. 1–4). С 1896 г. кружок некоторое время действо-

вал как Отдел критики и библиографии детской литературы при Педагогическом музее военно-учебных заведений; в рамках деятельности Отдела был опубликован указатель «Что читать детям?» (СПб., 1898) (*Юдина, Иванова*). Однако, согласно Ямщиковой, участники тяготились контролем за работой кружка со стороны Министерства народного просвещения, и отдел скоро прекратил свое существование. Кружок возобновился при журнале «На помощь матерям» А. Н. Толиверовой-Пешковой.

Лит.: *Алтаев Ал. [Ямщикова М. В.].* Памятные встречи. М., 1957. С. 359–371; *Юдина И. М., Иванова Л. Н.* Архив Альмедингенов: (Из истории детской журналистики) // ЕжегРОПД на 1979 г. Л., 1981. С. 23.

П.Д. Боборыкин

БОБОРЫКИНА ВЕЧЕРА – проходили в конце 1890-х гг. в Петербурге. П. Д. Боборыкин «устраивал у себя, в меблированных комнатах на Фонтанке, собрания с чтением докладов и диспутами. <...> Дискуссионные собрания происходили вечером и затягивались до поздней ночи. Бывало на них человек десять» (*Маковский.* С. 200). Среди посетителей были С. П. Дягилев, М. А. Елачич, С. К. Маковский, В. Д. Набоков, Д. В. Философов, В. Е. Чешихин-Ветринский.

Лит.: *Чешихин В.* Страничка восп. о П. Д. Боборыкине // Вест. лит. 1919. № 7. С. 5–6; *Маковский С. К.* Портреты современников. Нью-Йорк, 1955. С. 200–201.

П.О. Богданова-Бельская

БОГДАНОВОЙ-БЕЛЬСКОЙ САЛОН – литературный салон П. О. Богдановой-Бельской, существовавший в 1910-е гг. в Петербурге (Фонтанка, д. 126, кв. 59). Упоминается в воспоминаниях Б. К. Лившица как один из домов, «куда мы [т.е. ⇨ Кубофутуристы] были вхожи». Лившиц говорит о «“журфиксах” Паллады, превратившей свое жилище в образцовый “женоклуб”». Среди посетителей были также Н. К. Бальмонт, гр. Б. Г. Берг, кн. С. М. Волконский, бар. Н. Н. Врангель, Н. С. Гумилев, гр. В. П. Зубов, Г. В. Иванов, Л. И. Каннегисер, С. Ю. Судейкин, кн. А. К. Шервашидзе. «Круг был титулованно-артистический – другого NN не признавала» (*Иванов.* С. 194).

Согласно Иванову, журфиксы у Богдановой-Бельской проходили по средам (*Там же.* С. 427). В дневнике Л. В. Яковлевой-Шапо-

риной зафиксировано: «А. К. Шервашидзе мне рассказывал, что у Паллады эти милые эстеты говорили такие чудовищные вещи, что даже ему бывало не по себе» (цит.: *Прилежаева-Барская*). Л. Д. Рындина, собиравшаяся пойти с Н. Н. Евреиновым на один из «афинских вечеров», устраиваемых Богдановой-Бельской, «все же не пошла, уж очень много говорили в Петербурге об этих вечерах такого, что меня смущало» (*Рындина*).

Лит.: *Лившиц Б. К.* Полутораглазый стрелец. Л., 1989. С. 521, 698; РП. 1989. Т. 1. С. 299; «Не забыта и Паллада...»: Из восп. гр. Б. О. [!] Берга / Публ. Р. Д. Тименчика // Рус. мысль. Париж, 1990. 2 нояб. Лит. прил. № 11. С. X–XI; *Рындина Л.* Ушедшее // Восп. о серебряном веке. М., 1993. С. 425; *Гильдебрандт-Арбенина О. Н.* Гумилев // Николай Гумилев: Исслед. и мат-лы. Библ. СПб., 1994. С. 435; *Иванов Г. В.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 194–197, 426–428; *Морев Г. А.* Из истории рус. лит. 1910-х гг.: К биографии Леонида Каннегисера // Минувшее. М.; СПб., 1994. Вып. 16. С. 148; *Прилежаева-Барская Б. М.* «Бродячая собака» / Публ. Р. Д. Тименчика // Минувшее. СПб., 1998. Вып. 23. С. 410.

«**БОГЕМА**» – литературно-художественное содружество, существовавшее в 1909–1911 гг. в Петербурге. В «литературных субботниках» кружка, организованных Ю. Л. Слезкиным, принимали участие Д. Д. Бурлюк, Е. П. Ващенко, С. М. Городецкий, П. К. Губер, Н. Ефимов, С. А. Недолин, гр. А. Н. Толстой, В. В. Хлебников, Саша Черный, Н. Д. Шубный, Б. М. Эйхенбаум и др. В конце 1909 г. кружок собирался выпускать периодическое издание; в анонимной заметке (Городецкого) в журнале «Золотое руно» сообщалось, что Ващенко, Слезкин и Ефимов «основали литературный и художественно-критический листок под заглавием “Богема”. Первый номер появится в ближайшем будущем» (Золотое руно. 1909. № 10. С. 67). Издание не состоялось. С издательской маркой «Богема» вышел пародийный сборник стихов «Голова Медузы» (СПб., 1910) под псевдонимом Аркадий Фырин; авторы этой литературной мистификации – Губер и Шубный. У вдовы Слезкина, О. К. Слезкиной, сохранился «Альбом Богемы» – шутливый дневник содружества, содержащий экспромты, стихотворения и рисунки участников.

Лит.: *Никоненко С. С.* Письмо Блока В. В. Муйжелю в альбоме Ю. Л. Слезкина // ЛН. 1987. Т. 92, кн. 4. М., 1987. С. 591; *Тименчик Р. Д.* Тынянов и «лит. культура» 1910-х гг. // Тыняновский сб.: Третьи Тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 161–163, 170–171; РП. 1999. Т. 4. С. 265.

«**БОГЕМЫ**» **КРУЖОК** – кружок молодых поэтов, группировавшихся вокруг студенческого литературного журнала «Богема» (Пг., 1915–1916. № 1–5/6). В его состав входили А. К. Лозина-Лозинский, Г. В. Маслов, Л. М. Рейснер и др. Ср.: ⇨ Кружок поэтов [1].

Лит.: Лариса Рейснер – А. К. Лозина-Лозинскому / Подгот. текста, вступ. ст., коммент. и публ. С. Шоломовой // Нева. 1985. № 3. С. 196; РП. 1994. Т. 3. С. 382.

БОГУШЕВСКОЙ (НИКИТИНОЙ) ВЕЧЕРА – литературные собрания, проходившие в 1914–1918 гг. на квартире Е. Ф. и Н. В. Богушевских в Москве (Большой Козихинский пер., д. 3/5, кв. 26). Салон Е. Ф. Богушевской (более известной как Никитина по фамилии ее второго мужа с 1918 г.) представлял собой зародыш известного литературного объединения 1920-х гг. «Никитинские субботники».

На вечерах у Богушевской бывали преподаватели-филологи Московского университета и других училищ, литературные критики и начинающие литераторы, в том числе Ю. И. Айхенвальд, Н. Л. Бродский, Ал. Н. Веселовский, Ю. А. Веселовский, Л. Н. Голубев-Багрянородный, И. Н. Розанов, М. Д. Ройзман, О. Г. Савич, П. Н. Сакулин, Ю. М. Соколов, М. С. Шагинян.

Участники выступали на собраниях с докладами на историко-литературные темы и читали собственные литературные произведения; в 1915–1918 гг. состоялось 13 научных докладов и 36 чтений художественной литературы. Нередко чтения сопровож-

дались ожесточенными спорами; как вспоминал И. Н. Розанов, посетители вечеров «никогда не были кружком или обществом литературных единомышленников. Диаметрально противоположные взгляды исповедовались многими участниками. Всех их связывали только историко-литературные интересы» (цит.: *Фельдман.* С. 26).

Наибольшей популярностью собрания у Богушевских пользовались в 1916–1917 гг.; тогда же на вечерах вместо докладов и чтений зачастую организовывались шуточные инсценировки, юмористические выступления, литературные игры. Гости Богушевских выпустили рукописные сборники «Штуковина» и «Бутовский вестник». Единственным печатным изданием, объединившим посетителей салона, был сборник стихов и прозы начинающих литераторов «Альфа» (М., 1915).

Лит.: Писатели совр. эпохи: Биобиблиогр. словарь рус. писателей XX в. / Ред. Б. П. Козьмин. М., 1928. Т. 1. С. 189; *Фельдман Д. М.* Салон-предприятие: Писательское объединение и кооперативное изд-во «Никитинские субботники» в контексте лит. процесса 1920–1930-х гг. М., 1998. С. 8, 11–12, 24–28, 165; *Фельдман Д. М.* «Никитинские субботники» // Лит. энц. терминов и понятий. М., 2003. С. 647–649.

БОНЧ-БРУЕВИЧА ВОСКРЕСЕНЬЯ – проходили в начале 1910-х гг. в Петербурге. «По воскресеньям у меня собирались товарищи. Мы хорошо общались за чайным столом и делились всеми политическими новостями» (*Бонч-Бруевич.* С. 167). На вечерах у В. Д. Бонч-Бруевича бывали писатели, близкие к марксистским кругам, и политические деятели-большевики: Д. Бедный, В. В. Брусянин, В. В. Воровский, М. Горький, С. И. Гусев-Оренбургский, Н. И. Иорданский, В. П. Кранихфельд, М. К. Куприна-Иорданская, Л. М. Михайлов, В. П. Ногин, Г. И. Петровский, О. П. Рунова, М. А. Савельев, Я. М. Свердлов, Е. Н. Чириков, С. С. Юшкевич и др.

Лит.: *Бонч-Бруевич В. Д.* Восп. М., 1968. С. 167–168.

БОРОЗДИНА СРЕДЫ – журфиксы у профессора Петербургского университета А. К. Бороздина, проходившие во второй половине 1900-х гг. Среди посетителей были Е. В. Аничков, В. Е. Евгеньев-Максимов, Иванов-Разумник, П. Е. Щеголев и др. В свой приемный день Бороздин устраивал у себя на квартире также семинарские занятия кружка своих студентов; А. Г. Фомин вспоминал, что «студенты-филологи, имевшие литературные склонности и интересовавшиеся историей русской литературы XIX века, группировались около профессора А. К. Бороздина и даже носили особую кличку: “бороздиновцы”» (*Фомин.* С. XVI). Эта группа предшествовала основанному в начале 1908 г. Пушкинскому семинарию А. С. Венгерова и «составила основное ядро семинария» (*Фомин.* С. XVII), переросшего в 1915 г. в ⇨ Пушкинский кружок.

Лит.: *Фомин А. Г.* С. А. Венгеров как проф. и руководитель Пушкинского семинария // Пушкинский сб. памяти проф. Семена Афанасьевича Венгерова. М.; Пг., 1922. (Пушкинист. Вып. 4). С. XVI–XVII; *Евгеньев-Максимов В.* Из прошлых лет // Звезда. 1941. № 4. С. 166.

«**БРОДЯЧАЯ СОБАКА**» (официальное название: **ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБЩЕСТВО ИНТИМНОГО ТЕАТРА**) – литературно-артистическое кабаре, существовавшее в 1911–1915 гг. в Петербурге (Михайловская площадь, д. 5, угол Итальянской ул., подвальное помещение со входом во дворе). Учредителем кабаре, возникшего по инициативе Б. К. Пронина, являлось Общество интимного театра, основанное осенью 1909 г. Н. Н. Евреиновым, Ф. Ф. Коммиссаржевским, А. А. Мгебровым, Б. К. Прониным и гр. А. Н. Толстым. Начинание было задума-

Дом, в котором находилась «Бродячая собака» (Михайловская площадь, 5)

но как «кабаре исключительно для артистов, художников и литераторов» (*Парнис, Тименчик.* С. 161).

Стены подвала, в котором находилось кабаре, расписал С. Ю. Судейкин при участии В. П. Белкина, Н. И. Кульбина и др.; марку создал в сентябре 1912 г. М. В. Добужинский; у кабаре был свой гимн («От рождения подвала...»), слова и музыку которого написал М. А. Кузмин (*Там же.* С. 202–203). Руководителем и хозяином был Б. К. Пронин, вспоминавший, что «быть в “Собаке” называлось “быть в гостях у Бориса Пронина”, я назывался хунд-директор» (цит.: *Там же.* С. 166).

Открытие «Бродячей собаки». Рис. С. Животовского. 1912 г.

Кабаре открылось в новогодний вечер 31 декабря 1911 г. На основе повесток и программ, газетных анонсов и отчетов, воспоминаний посетителей А. Е. Парнисом и Р. Д. Тименчиком собраны сведения о 153 вечерах. Согласно С. Ю. Судейкину, она «была открыта каждый вечер» (*Конычева.* С. 191); Г. В. Иванов вспоминал, что «Бродячая собака» «была открыта три раза в неделю: в понедельник, среду и субботу. Собирались поздно, после двенадцати. К одиннадцати часам, официальному часу открытия, съезжались одни “фармацевты”. Так на жаргоне “Собаки” звались все случайные посетители» (*Иванов.* С. 339). Кабаре просуществовало до 3 марта 1915 г., когда было закрыто по распоряжению градоначальника за незаконную продажу вина. «В печати закрытие ставили в связь с инцидентами во время футуристических вечеров» (*Парнис, Тименчик.* С. 242). Преемником «Бродячей собаки» стал ⇨ «Привал комедиантов».

В кабаре проходили литературные чтения, театрализованные вечера, концерты, художественные выставки. Большое количество воспоминаний о кабаре свидетельствует о том, что оно пользовалось исключительной популярностью в кругах петербургской литературной, театральной и художественной богемы. Среди литераторов в числе посетителей были А. Т. Аверченко, Г. В. Адамович, С. А. Адрианов, Е. В. Аничков, С. А. Ауслендер, А. А. Ахматова, В. А. Ашкинази, М. В. Бабенчиков, кн. В. В. Барятинский, А. Э. Беленсон, В. В. Беренштам, П. О. Богданова-Бельская, О. М. Брик, Д. Д. Бурлюк, Н. Д. Бурлюк, кн. М. Н. Волконский, кн. С. М. Волконский, А. Л. Волынский, Т. В. Высоцкая, Вас. В. Гиппиус, В. И. Гнедов, С. М. Городецкий, Н. С. Гумилев, Е. Г. Гуро, И. фон Гюнтер, М. А. Долинов, О. И. Дымов, Н. Н. Евреинов, Г. А. Елачич, В. М. Жирмунский, Б. К. Зайцев, С. А. Заречная, И. М. Зданевич, М. А. Зенкевич, Е. А. Зноско-Боровский, Г. В. Иванов, Р. Ивнев, А. А. Измайлов, В. Я. Ирецкий, А. П. Каменский, Л. И. Каннегисер, С. А. Клычков, Н. А. Клюев, А. А. Конге, Т. Г. Краснопольская (Шенфельд), А. Е. Крученых, А. Р. Кугель, М. А. Кузмин, А. И. Куприн, А. Я. Левинсон, Б. К. Лившиц, М. Л. Лозинский, С. К. Маковский, Н. В. Макридин, О. Э. Мандельштам, В. В. Маяковский, М. М. Могилянский, Н. М. Могилянский, М. Л. Моравская, К. В. Мочульский, Е. А. Нагродская, В. И. Нарбут, М. П. Неведомский (Миклашевский), С. А. Недолин, Л. В. Никулин, К. К. Олимпов, С. С. Позняков, П. П. Потемкин, В. А. Пяст, Л. М. Рейснер, А. С. Рославлев, И. С. Рукавишников, Л. Д. Рындина, Б. А. Садовской, И. Северянин, С. Г. Скиталец, Ю. Л. Слезкин, Ф. К. Сологуб, К. А. Сюннерберг, А. И. Тиняков, А. А. Толмачев, гр. А. Н. Толстой, Б. В. Томашевский, Тэффи, П. Д. Успенский, Ф. Ф. Фидлер, А. М. Хирьяков, В. В. Хлебников, В. Р. Ховин, Н. Н. Хо-

Чествование К.Д. Бальмонта в «Бродячей собаке» (Е.В. Аничков, П.П. Потемкин, Н.И. Кульбин, К.Д. Бальмонт, С.М. Городецкий, С.Ю. Судейкин, Ф. Сологуб). Карикатура М.Л. Шафрана. 1913 г.

дотов, Д. М. Цензор, Ан. Н. Чеботаревская, Г. И. Чулков, М. С. Шагинян, В. К. Шилейко, В. Б. Шкловский, П. Е. Щеголев, Б. М. Эйхенбаум, В. А. Юнгер, Р. О. Якобсон, П. М. Ярцев (наиболее полный список посетителей см.: *Тименчик, 1997.* С. 363–364).

В историю русской литературы кабаре вошло как форум для литературных диспутов и выступлений многочисленных писателей. В стенах подвала ⇨ Акмеисты впервые публично заявили 19 декабря 1912 г. о новом литературном направлении; в 1913–1915 гг. тут состоялся ряд скандально нашумевших выступлений В. В. Маяковского и других ⇨ Кубофутуристов.

Лит.: *Мгебров А. А.* Жизнь в театре. М.; Л., 1932. Т. 2. С. 152–189; *Карсавина Т.П.* Театральная улица. Л., 1971. С. 220–221; «Бродячая собака» (Восп. С. Ю. Судейкина) / Публ. Н. М. Конычевой // Встречи с прошлым. М., 1984. Вып. 5. С. 185–194; *Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры: Новые открытия. 1983. Л., 1985. С. 160–257; Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград: Энц. справочник. М., 1992. С. 100; *Могилянский М. М.* Кабаре «Бродячая собака» // Минувшее. М.; СПб., 1993. Вып. 12. С. 168–188; *Могилянский Н. М.* О «Бродячей собаке» // Восп. о серебряном веке. М., 1993. С. 444–447; *Иванов Г. В.* «Бродячая собака» // Иванов Г. В. Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 339–343; *Тихвинская Л. И.* Кабаре и театры миниатюр в России. 1908–1917. М., 1995. С. 86–121; *Пяст В.* Встречи. М., 1997. С. 166–182; *Тименчик Р. Д.* Коммент. // Там же. С. 357–380; *Прилежаева-Барская Б. М.* «Бродячая собака» / Публ. Р. Д. Тименчика // Минувшее. СПб., 1998. Вып. 23. С. 381–418; *Шульц мл. С. С., Склярский В. А.* Бродячая собака. СПб., 2003.

БРОНШТЕЙНА ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА – проходили в начале XX в. в Петербурге на квартире инженера Я. А. Бронштейна. По воспоминаниям П. М. Пильского, «от времени до времени у себя дома Яша устраивал вечера разных литературных “кружков” и “содружеств”». Авторы читали свои произведения, а потом проходило обсуждение. Но «“пря” интересовала не всех, ибо всех интересовал ужин. Собственно, там, в соседней столовой, и разливались речи, шумели споры, сочинялись экспромты и летали остроты» (*Пильский.* С. 307).

На этих вечерах бывали А. Л. Волынский, А. П. Каменский, Б. А. Лазаревский, В. В. Муйжель, А. С. Рославлев, П. М. Пильский, А. И. Свирский, Ан. Н. Чеботаревская и др.

Лит.: *Пильский П. М.* Лица, речи, ночи // Балтийский архив. V. Рига, 1999. С. 306–308.

БРЮСОВА А. Я. ПРИЕМЫ – проходили примерно в конце 1900-х – начале 1910-х гг. в Москве. А. Я. Брюсов вспоминал, что «И. А. Бунин регулярно бывал на моих приемах» (*Брюсов.* С. 134). В числе посетителей были также В. Я. Брюсов, Б. К. Зайцев, С. А. Кречетов (Соколов), В. Ф. Ходасевич.

Лит.: *Брюсов А. Я.* Лит. восп. // Север. 1965. № 4. С. 131, 134.

БРЮСОВА В. Я. СРЕДЫ – литературные журфиксы в доме В. Я. и И. М. Брюсовых (Цветной бульвар, д. 24; с августа 1910 г. – Первая Мещанская, д. 32), проходившие в 1902–1917 гг. в Москве. В сентябре 1902 г. Брюсов записал в дневнике: «Я устроил у себя jour-fix. Бывает всегда [А. А.] Курсинский, часто [В. В.] Гофман, затем [Ю. К.] Балтрушайтис, С. А. Поляков, [А. А.] Ланг [Миропольский], [Н. Н.] Черногубов, [В. Ф.] Саводник, [В. В.] Каллаш... (позднее [М. И.] Пантюхов и [А. А., Б. А. и Г. А.] Койранские)» (*Брюсов, 1927.* С. 122). В начале 1900-х гг. в числе посетителей Сред были также К. Д. Бальмонт, Г. Бахман, А. Белый, М. А. Волошин, З. Н. Гиппиус, И. Э. Грабарь, Д. С. Мережковский, П. П. Муратов, Б. М. Рунт (Погорелова), Б. А. Садовской, С. М. Соловьев, В. Ф. Ходасевич и др.

Ходасевич сообщает, что осенью 1904 г., когда он впервые посетил Брюсова, Среды «клонились уже к упадку» (*Ходасевич.* С. 22). Если это верно, брюсовские журфиксы в 1910-е гг. возродились. У Брюсова, снискавшего себе репутацию мэтра, стали появляться молодые поэты; наряду с московскими ⇨ Символистами на Средах бывала литературная молодежь, в частности ⇨ Футуристы разных направлений. Среди посетителей 1910-х гг. были Н. Н. Асеев, К. А. Большаков, Вяч. И. Иванов, А. Е. Крученых, К. А. Липскеров, В. В. Маяковский, Муни (С. В. Киссин), С. Я. Рубанович, И. С. Рукавишников, И. Северянин, гр. А. Н. Толстой, В. Ф. Ходасевич, С. В. Шервинский, В. Г. Шершеневич и др. «На одну из последних сред, уже при начале Революции, приехал Федор Сологуб с Анастасией Чеботаревской» (*Шервинский.* С. 90). Как вспоминала Е. В. Чудецкая, «в этот дом заходили все, кто так или иначе был прикосновенен к поэзии» (*Чудецкая.* С. 141).

В.Я. Брюсов.
Портрет работы М.А. Врубеля. 1906 г.

Журфиксы проходили примерно раз в месяц, «от двух до четырех» (*Шершеневич.* С. 443). «Идут споры, беседы, сообщаются новости, проекты, читаются стихи. Пьют чай» (*Там же.* С. 449). Среды «были немноголюдны, внешне скромны. Собирались в три часа у чайного стола» (*Шервинский.* С. 90). «Рассаживались за чайным столом, и по предложению В. Я. кто-нибудь приступал к чтению своих стихов. По раз установившей-

ся традиции право критики предоставлялось Брюсову. <...> Критиковал Брюсов строго, безапелляционно, но вместе с тем — очень толково, так что всякий, кто хотел этого, мог кое-чему и научиться» (*Погорелова.* С. 34). По полушутливой характеристике Ходасевича, на брюсовских Средах «творились судьбы если не всероссийского, то, во всяком случае, московского модернизма» (*Ходасевич.* С. 22).

Лит.: *Брюсов В. Я.* Дневники. М., 1927. С. 122, 131; *Брюсова И. М.* Мат-лы к биографии Валерия Брюсова // Брюсов В. Я. Избр. стихи. М.; Л., 1933. С. 144; *Брюсов А. Я.* Лит. восп. // Север. 1965. № 4. С. 130; *Дымшиц-Толстая С. И.* [А. Н. Толстой] // Восп. об А. Н. Толстом. М., 1973. С. 86; *Чудецкая Е. В.* Из кн. «Восп. о восп.» // Брюсовский сб. Ставрополь, 1974. С. 140—142; ЛН. 1976. Т. 85. С. 370—371; Поэт и ученый: (Восп. о В. Я. Брюсове В. Ф. Саводника и письма к нему В. Я. Брюсова) / Публ. Е. М. Беня // Встречи с прошлым. М., 1988. Вып. 6. С. 112; *Асеев Н. Н.* Родословная поэзии: Статьи, восп., письма. М., 1990. С. 155—158, 160; *Брюсов В. Я.* Среди стихов. М., 1990. С. 509; *Шершеневич В. Г.* Великолепный очевидец // Мой век, мои друзья и подруги. М., 1990. С. 443, 446, 449—451, 454; *Садовской Б. А.* Записки (1881—1916) / Публ. С. В. Шумихина // Рос. архив. М., 1991. Вып. 1. С. 151; *Погорелова Б. М.* Валерий Брюсов и его окружение // Восп. о серебряном веке. М., 1993. С. 34—38; *Ходасевич В. Ф.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 22—23; *Шервинский С. В.* Стихотв. Восп. Томск, 1997. С. 90—91.

БУДЕТЛЯНЕ ⇨ КУБОФУТУРИСТЫ

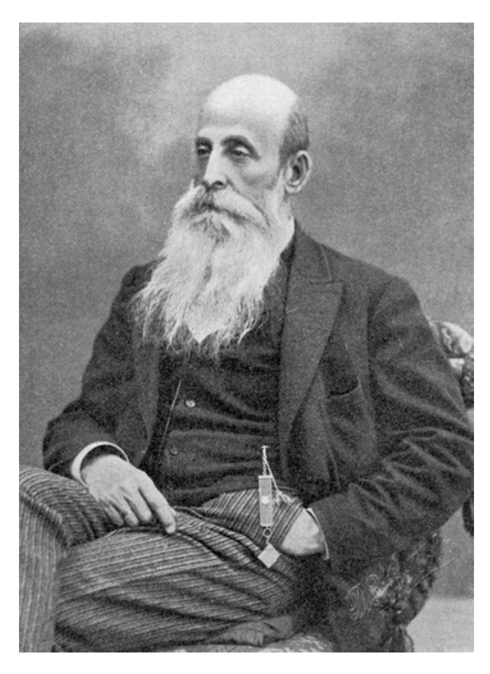
БУТЯГИНОЙ ЖУРФИКСЫ — проходили в конце 1900-х гг. в Петербурге. Как вспоминал Д. А. Лутохин, на воскресных журфиксах у падчерицы В. В. Розанова А. М. Бутягиной бывали Л. С. Бакст, А. Белый, Н. П. Ге, З. Н. Гиппиус, Е. А. Егоров, Евг. Пав. Иванов, Д. С. Мережковский, Г. С. Петров, В. А. Пяст, В. А. Тернавцев. «Хозяйничала Варвара Дмитриевна Розанова» (*Лутохин*). Ср. также Воскресенья ⇨ В. В. Розанова.

Лит.: *Лутохин Д. А.* Зарубежные пастыри / Вступ. ст. и публ. Ю. И. Комболина // Минувшее. СПб., 1997. Вып. 22. С. 8.

ВАТСОН ВЕЧЕРИНКИ — проходили в 1890—1910-е гг. в Петербурге на квартире М. В. Ватсон в день рождения хозяйки (1 декабря). Сопоставляя приемы у М. В. Ватсон с Вечерами ⇨ Н. К. Михайловского, С. Я. Елпатьевский вспоминал, что у последнего «публика все-таки подбиралась более однотипная, — у М. В. Ватсон бывал именно “весь Петербург”: профессора, литераторы, кроме непотребных, люди разных общественных течений мысли, кроме бесчестных» (*Елпатьевский.* С. 234). На вечеринках бывали Н. Ф. Анненский, П. И. Вейнберг, Е. И. Водовозова-Семевская, В. П. Гайдебуров, З. Н. Гиппиус, А. А. Давыдова, С. Я. Елпатьевский, Н. И. Кареев, В. Г. Короленко, Е. П. Леткова, Д. Н. Мамин-Сибиряк, М. О. Меньшиков, Д. С. Мережковский, Н. К. Михайловский, Н. А. Морозов, Э. К. Пименова, В. Серошевский, О. К. Снежина, Вл. С. Соловьев, И. Д. Сургучёв, Е. В. Тарле, Ф. Ф. Фидлер, В. Н. Цеховская (Ольнем) и др.

Лит.: *Елпатьевский С. Я.* Восп. за 50 лет. Уфа, 1984. С. 233—234; *Fiedler F.* Aus der Literatenwelt. Göttingen, 1996. S. 177—178, 223—224, 320, 460—461.

ВЕЙНБЕРГА ВОСКРЕСЕНЬЯ — проходили в 1890—1900-е гг. в Петербурге. В воспоминаниях А. А. Лугового о П. И. Вейнберге упоминается небольшой кружок «близких ему лиц, которые собирались у него по воскресеньям на его вечерах для немногих, кого могла вместить маленькая столовая в его квартире на Фонтанке, 25 <...>. Как часто на этих вечерах завязывались общие разговоры на литературные и общественные темы, разговоры интимные, всегда интересные по своей полной непринужденности, а часто и очень большой содержательности» (*Луговой*). З. Н. Гиппиус утверждала, что именно у Вейнберга была «настоящая, исконная “литературная среда” <...>. В его



П.И. Вейнберг

В.Л. Величко

“подвале” на Фонтанке, — маленькой квартирке у Аничкова моста, — кого не встретишь! И не в отдельных писателях было дело, а именно в атмосфере литературной, в среде» (*Гиппиус*).

Лит.: *Луговой Ал.* Из моих восп. о П. И. Вейнберге // Рус. школа. 1908. № 10. С. 139; *Гиппиус З. Н.* Живые лица: Восп. Тбилиси, 1991. С. 150.

ВЕЛИЧКО КРУЖОК — существовал в 1890-е гг. в Петербурге. Среди участников были Ал-др Н. Веселовский, гр. Ф. Г. Де-ла-Барт, Н. Н. Каразин, Н. С. Лесков, Д. Л. Мордовцев, И. Е. Репин, Вл. С. Соловьев, А. К. Шеллер-Михайлов.

Лит.: *Де-ла-Барт Ф. Г.* Лит. кружок 90-х гг.: (Из восп. о Вл. Соловьеве, Н. С. Лескове и др.) // Изв. об-ва славянской культуры. М., 1912. Т. 2, кн. 1. С. 8–21.

ВЕРХОВСКИХ КРУЖОК — группа «начинающих поэтов и прозаиков символист. ориентации» (РП. 1989. Т. 1. С. 432), объединившихся вокруг братьев В. Н. и Ю. Н. Верховских в середине 1900-х гг. в Петербурге. Участники группы вошли в состав авторов книги «Зеленый сборник стихов и прозы» (СПб., 1905), вышедшей под издательской маркой «Щелканово» (название родового имения Верховских в Смоленской губ.): Ю. Н. Верховский, В. М. Волькенштейн, К. Ф. Жаков, П. П. Конради, М. А. Кузмин и В. Р. Менжинский; В. Н. Верховский был редактором сборника.

Лит.: *Дворникова Л. Я.* Автор одного романа: (Письма В. Р. Менжинского к В. Н. Верховскому) // Встречи с прошлым. М., 1987. Вып. 4. С. 103–107; РП. 1994. Т. 3. С. 204; *Кузмин М. А.* Дневник 1905–1907. СПб., 2000. С. 54.

«**ВЕСНЫ**» **КРУЖОК** — кружок начинающих поэтов, существовавший около 1909 г. в Москве. Участники сотрудничали в литературно-художественном журнале «Весна» (М., 1908, 1911, 1914), издаваемом Н. Г. Шебуевым. В кружок входили Ю. П. Анисимов,

Н. Н. Асеев, С. П. Бобров, В. Г. Лидин, Н. Огнёв. (См. также воспоминания В. В. Каменского и Г. В. Иванова о Шебуеве и о «Весне».)

Лит.: *Асеев Н. Н.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1963. Т. 1. С. 7–8; *Бобров С. П.* Зап. о прошлом // Восп. о Николае Асееве. М., 1980. С. 6–9; *Каменский В. В.* Танго с коровами. Степан Разин. Звучаль веснеянки. Путь энтузиаста. М., 1990. С. 428–438; *Иванов Г. В.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 239–241.

«**ВЕСОВ**» **ВТОРНИКИ** – журфиксы редакции журнала «Весы», проходившие в 1904 г. в Москве. В числе посетителей были писатели и художники круга ⇨ Символистов; в воспоминаниях Б. А. Садовского упоминаются А. А. Арапов, Ю. К. Балтрушайтис, К. Д. Бальмонт, В. Е. Борисов-Мусатов, В. Я. Брюсов, Л. Д. Зиновьева-Аннибал, Вяч. И. Иванов, А. А. Курсинский, М. Ф. Ликиардопуло, М. И. Пантюхов, С. А. Поляков, Б. М. Рунт, М. Н. Семенов, Н. П. Феофилактов, М. Я. Шик.

Лит.: *Садовской Б. А.* Записки (1881–1916) / Публ. С. В. Шумихина // Рос. архив. М., 1991. Вып. 1. С. 152.

«**ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ**» **КРУЖОК** ⇨ **СТАСЮЛЕВИЧА СУББОТЫ**

«**ВЕШНИЕ ВОДЫ**» – первоначально «научно-литературный кружок русских студентов», впоследствии «литературно-художественное общество, организованное редакцией журнала “Вешние воды”». Объединение, организованное и возглавляемое М. М. Спасовским (см. о нем: Минувшее. М.; СПб., 1993. Вып. 14. С. 404–405), существовало в 1913–1918 гг. в Петербурге. Сведения о предыстории общества содержит сборник «Вешние воды» (СПб., 1914), где сообщается, что студенческий литературный кружок был учрежден на чрезвычайном Общем собрании Союза русских студентов от 3 февраля 1913 г. «К концу отчетного года число сочувствующих членов приближалось к 200. На открытых Общих Собраниях Кружка нередко присутствовало 700–800 человек» (*Спасовский, 1914.* С. 10). В состав «президиума» кружка входили В. О. Игнатович (казн.), Н. П. Навалихин (секр.) и М. М. Спасовский (предс.); они же вместе с А. В. Жуковским и др. – основные авторы сборника «Вешние воды». В том же году вышел пробный номер журнала «Вешние воды» (Пг., 1914–1918); первый номер – в сентябре 1914 г. (ред.: Навалихин, Спасовский; изд.: Игнатович, Спасовский, А. В. Спасовская); всего вышло 34 номера.

К 1917 г. в правление общества входили А. А. Бурнакин (предс.), В. В. Андреев (тов. предс.), С. А. Копыткин (секр.), М. М. Спасовский (казн.), А. М. Селитренников (Весь Петроград на 1917 г. С. 916). Целью общества являлось «вывести этот мир из трясины бездушного декадентства на богатую, светлую дорогу познания национального, родного творчества, ныне забитого архивульгарными “исканиями” неразборчивых “пророков” наших дней» (Голос Русского. 1913. № 11 (308). 19 марта; цит.: Вешние воды: Сб. С. 13). Идейная направленность общества и его публикаций характерным образом отразилась в анонимной статье «Русская поэзия и современная чернь» (Вешние воды. 1914. Пробный номер. С. 66–72); это – антимодернизм, антисемитизм, национализм, следование поэтическим традициям А. Н. Майкова, А. А. Фета, Я. П. Полонского. Программный характер имеет стихотворение А. Жуковского «Привет»: «Вы же, о, Воды, могучей волной / Смело вступайте с “болотами” [модернизма, авангарда и т.п.] в бой» (*Там же.* С. 8). В журнале сотрудничали Л. А. Мурахина, В. В. Розанов, Э. Ф. Голлербах. Под маркой «Вешние воды» вышел также альманах «Молодая Русь. Студенч. сб.» (Пг., 1916). Деятельность общества была приостановлена в марте 1918 г. (Вешние воды. 1918. № 31/32).

Лит.: *Спасовский М. М.* Маленькая история одного маленького кружка // Вешние воды: Сб. СПб., 1914. С. 9–11; *[Б.п.].* A propos // Там же. С. 12–13; Устав Лит.-худ. об-ва, организованного ред. журнала «Вешние воды». Пг., 1916; Вешние воды. 1916. № 7/8. С. 99, 154–157; *Спасовский М. М.* В. В. Розанов в последние годы своей жизни. Нью-Йорк, 1968. С. 35–45.

ВИЛЬКИНОЙ САЛОН – литературный салон на квартире Л. Н. Вилькиной и ее мужа Н. М. Минского (Английская наб., д. 62), существовавший в 1900-е гг. в Петербурге. В доме Минских бывали преимущественно петербургские ⇨ Символисты и люди околосимволистской среды, в том числе С. А. Ауслендер, В. Я. Брюсов, Л. Д. Зиновьева-Аннибал, Вяч. И. Иванов, М. А. Кузмин, С. К. Маковский, С. Л. Рафалович, В. В. Розанов, Ф. К. Сологуб, К. А. Сомов, А. А. Трубников, К. И. Чуковский и др. «Вилькина была красива, принимала гостей, лежа на кушетке, и руку каждого молодого мужчины прикладывала тыльною стороною к своему левому соску, держала там несколько секунд и отпускала» (*Чуковский*). «Людмила подражает Зиночке [Гиппиус], лежит на кушетке у камина» (*Брюсов*. С. 125).

В письме Евг. Пав. Иванова к А. А. Блоку от 9–10 мая 1905 г. описан (со слов присутствовавшей А. М. Бутягиной) вечер у Минских от 2 мая 1905 г., на котором состоялся «дионисийский» хоровод с обрядом причащения кровью (В. В. Розанов: Pro et contra. СПб., 1995. Кн. 1. С. 251–253); в числе участников были Н. А. Бердяев, Л. Ю. Бердяева, С. А. Венгеров, З. А. Венгерова, М. М. Добролюбова, Л. Д. Зиновьева-Аннибал, Вяч. И. Иванов, А. М. Ремизов, С. П. Ремизова, Ф. К. Сологуб, В. В. Розанов; Бердяев вспоминал «об этой истории с неприятным чувством. Пошли разные слухи и проникли в печать. Долгие годы спустя в правой обскурантской печати писали даже, что служили черную мессу» (*Бердяев*).

Лит: *Брюсов В. Я.* Дневники. М., 1927. С. 125, 128; РП. 1989. Т. 1. С. 422; Из дневника Михаила Кузмина / Публ. С. В. Шумихина // Встречи с прошлым. М., 1990. Вып. 7. С. 234–235; *Бердяев Н. А.* Самопознание. М., 1991. С. 157; *Белый А.* Собр. соч.: Восп. о Блоке. М., 1995. С. 148; *Чуковский К. И.* Дневник 1930–1969. М., 1995. С. 403; РП. 1999. Т. 4. С. 82; *Кузмин М. А.* Дневник 1905–1907. СПб., 2000. С. 257, 264, 277, 290, 310.

ВИНАВЕРОВ САЛОН – существовал в конце 1890-х – начале 1900-х гг. в Петербурге. В доме супругов М. М. и Р. Г. Винаверов бывали А. Г. Горнфельд, М. И. Кулишер, Д. А. Левин, Вл. С. Соловьев, М. Л. Тривус и др.

Лит: *Коростелев О.* Парижское «Звено» (1923–1928) и его создатели // Рус. еврейство в зарубежье. Иерусалим, 1998. Т. 1. С. 193.

ВИНБЕРГА ВЕЧЕРА – «приемные вечера» у В. К. Винберга в начале 1890-х гг. в Петербурге. У Винберга «собиралась преимущественно радикальная молодежь – молодые приват-доценты, писатели, студенты. Разговоры вращались преимущественно вокруг политических вопросов. Иногда собрания носили полуконспиративный характер» (*Оболенский*). Бывали В. И. Ленин, В. А. Оболенский, С. Ф. Ольденбург, П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский и др.

Лит: *Оболенский В. А.* Моя жизнь, мои современники. Paris, 1988. С. 100.

ВОДОВОЗОВОЙ САЛОН ⇨ СЕМЕВСКОГО и ВОДОВОЗОВОЙ-СЕМЕВСКОЙ ВТОРНИКИ

ВОЛЫНСКОГО ВОСКРЕСЕНЬЯ – проходили в середине 1890-х гг. в Петербурге. Вл. В. Гиппиус вспоминал, что вместе с

А.Л. Волынский

А. М. Добролюбовым они «стали бывать у Волынского по воскресеньям, где встретились с [Н. М.] Минским».

Лит.: *Гиппиус Вл.* Александр Добролюбов // Рус. лит. XX в. (1890–1910) / Под ред. С. А. Венгерова. М., 1914. Т. 1. С. 280.

«**ВСЁКИ**» – литературно-художественная группировка, существовавшая в 1913–1914 гг. в Москве. Теоретиком и единственным поэтом группы был И. М. Зданевич; всёками числились также художники Н. С. Гончарова, М. Ф. Ларионов и М. В. Ледантю. Понятие «всёчество» впервые употреблено в черновике письма Зданевича к Ларионову от апреля 1913 г. (*Баснер.* С. 78). Всёчество как новое течение в искусстве было провозглашено на выставке Гончаровой в Москве в сентябре 1913 г. (*Ледантю.* С. 199). На закрытии этой выставки 5 ноября 1913 г. Зданевич выступил с докладом об общих положениях всёчества (Рус. слово. 1913. 6 нояб.). В самом начале 1914 г. Ларионов и Зданевич опубликовали декларацию всёков «Да-манифест» (Театр в карикатурах. М., 1914. 1 янв. С. 19; отрывок: Моск. газ. 1914. 2 янв.; см.: *Харджиев, 1997.* С. 76); предполагалось также выпустить аналогичный «Нет-манифест». Несколько раньше Зданевич и Ларионов совместно напечатали статью «Почему мы раскрашиваемся. Манифест футуристов» (Аргус. 1913. Дек. С. 114–118; текст см.: *Марков, 1967*; *Parton.* P. 69–70). Весной 1914 г. Ледантю написал статью-декларацию «Живопись всёков».

Происхождение названия провозглашаемого им течения Зданевич объяснял следующим образом: «К услугам творящего *все* наличное искусство, и *все* стремится быть его предшественниками. У них он постигает *всю* полноту средств, пользуется *всеми* средствами мастерства для достижения цели, синтетирует [sic!] их, творит и близится к совершенному искусству. Вот почему такое направление мастерства мы называем *всёчеством*, а представителей его *всёками*» (цит.: *Баснер.* С. 77. Курсив наш).

Среди группировок, близких к футуризму, всёки являлись едва ли не самыми крайними и представляли «левый фланг в борьбе против нас [т.е. ⇨ Кубофутуристов]» (*Лившиц.* С. 451). Программа всёков намеренно противоречива. С одной стороны, согласно названию группы, «все эпохи, все течения в искусстве объявлялись равноценными, поскольку каждое из них способно служить источником вдохновения для победивших время и пространство всёков» (*Там же.* С. 451–452); с другой стороны, славу крайне «левых» всёки завоевали не синкретическим всепризнанием, а, наоборот, огульным отрицанием всех авторитетов. С. Д. Спасский, будучи знаком со Зданевичем времен всёчества, вспоминал о его тогдашних воззрениях на творчество любых поэтов прошлого и современников-невсёков как о примере «законченного литературного нигилизма» (*Спасский.* С. 17). Сами всёки, впрочем, считали своей задачей «противоречить самим себе» («Да-манифест»).

См.: в приложении манифест И. М. Зданевича и М. Ф. Ларионова.

Лит.: *Спасский С. Д.* Маяковский и его спутники. Л., 1940. С. 15–21; Манифесты и программы рус. футуристов / [Ред. В. Ф. Марков]. München, 1967. С. 173–175; *Markov V.* Russian Futurism: A History. Berkeley, 1968. P. 185; *Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры: Новые открытия. 1983. Л., 1985. С. 233; *Лившиц Б. К.* Полутораглазый стрелец. Л., 1989. С. 451–452, 669; *Ледантю М. В.* Живопись всёков / Публ. Дж. Э. Боулта // Минувшее. М., 1991. Вып. 5. С. 183–202; *Баснер Е.* Наталия Гончарова и Илья Зданевич о происхождении всёчества // Иск-во авангарда: Язык мирового общения: Мат-лы междунар. конференции 10–11 дек. 1992 г. Уфа, 1993. С. 68–80; *Parton A.* Mikhail Larionov and the Russian Avant-Garde. London, 1993 (указ.: everythingism); *Пяст В.* Встречи. М., 1997. С. 175; *Харджиев Н. И.* Статьи об авангарде: В 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 76–77.

«**ВСЕЛЕННИЧИ**» – футуристская группировка, упомянутая в воспоминаниях В. А. Пяста о сезоне 1913/14 г. в петербургском кабаре ⇨ «Бродячая собака». Членом «вселенничей» назван некто Грипич (у В. Ф. Маркова ошибочно «Grinic»), который «тоже [т.е. как ⇨ Кубофутуристы или ⇨ «Всёки»] разрисовывал себе лицо» (*Пяст.*

С. 175). Речь идет о А. Л. Грипиче, тогдашнем ученике студии В. Э. Мейерхольда и участнике мейерхольдовских постановок «Балаганчика» и «Незнакомки» А. А. Блока, прошедших с 7 по 11 апреля 1914 г. (см.: ЛН. 1981. Т. 92, кн. 2. С. 173). Грипич изображен на групповой фотографии от 10 декабря 1913 г. вместе с видными представителями литературного авангарда (снимок воспроизведен в книге: *Лившиц Б. К.* Полутораглазый стрелец. Л., 1989. Вклейка между с. 544 и 545).

В декабре 1913 г. Борис Прокофьев опубликовал брошюру «Эдикт о вселеннизме: Вселенское в искусстве»; там же обнародована «Конституция Вселеннизма», состоящая из ряда сжатых тезисов типа: «Искусственное – истинное!»; «Искусство и искусственность понятия тождественные» и т.п. (см.: *Пяст.* С. 371).

Лит.: *Markov V.* Russian Futurism: A History. Berkeley, 1968. P. 403; *Пяст В.* Встречи. М., 1997. С. 175, 371–372.

ВСЕРОССИЙСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО [ВЛО] – объединение литераторов, существовавшее в 1912–1914 гг. в Петербурге. ВЛО было преемником ⇨ Санкт-Петербургского литературного общества [СЛО]. Идея создания профессиональной литературной организации всероссийского масштаба относится к концу 1909 – началу 1910 г., когда особая комиссия СЛО разработала проект устава «Всероссийского общества писателей». Опираясь на этот неосуществленный замысел, А. Н. Кремлев через три дня после закрытия СЛО (1 июля 1911 г.) подал заявление о регистрации устава ВЛО. Петербургское городское по делам об обществах присутствие зарегистрировало устав лишь в феврале 1912 г. На первом Общем собрании ВЛО, состоявшемся 6 апреля 1912 г., были избраны органы правления. Совет составили Ф. Д. Батюшков (предс.), К. И. Диксон (секр.), В. П. Кранихфельд, А. Н. Кремлев (тов. предс.), А. А. Лукьянов (казн.), А. М. Редько и Л. З. Слонимский; в состав Ревизионной комиссии вошли К. В. Аркадакский, М. В. Ватсон, Д. А. Линев (члены), Е. А. Ляцкий, М. Н. Слепцова и В. И. Чарнолуский (кандидаты) (Отчет за 1912 г. С. 6).

В 1912 г. состоялось 18 собраний – 9 чрезвычайных, 8 очередных и одно литературно-музыкальное. Очередные собрания ВЛО проходили, как правило, по пятницам; на них члены общества читали рефераты и литературные произведения. В 1912 г. с докладами выступили Ф. Д. Батюшков, А. А. Великопольский, А. Н. Кремлев, Л. И. Логвинович, В. Л. Львов-Рогачевский, В. Г. Богораз-Тан и др. (Отчет за 1912 г. С. 8). В 1913 г. состоялось 49 собраний – 20 чрезвычайных, 28 очередных и одно годичное. Доклады и литературные произведения читали на очередных собраниях Л. И. Аксельрод, Е. В. Аничков, В. В. Барятинский, Ф. Д. Батюшков, В. Я. Богучарский, В. В. Водовозов, И. Я. Гинцбург, С. М. Городецкий, Л. М. Григоров, А. С. Долинин, Л. М. Клейнборт, А. А. Корнилов, В. П. Кранихфельд, Л. И. Логвинович, В. Л. Львов-Рогачевский, Д. С. Мережковский, М. П. Неведомский, Д. Н. Овсянико-Куликовский, К. И. Чуковский, Г. И. Чулков, П. Е. Щеголев и др. (Отчет за 1913 г. С. 3–4).

Важную область деятельности ВЛО представляла работа двух комиссий, избранных в 1913 г. Первой из них была Комиссия для разработки проекта закона о печати; в ее состав входили В. В. Водовозов, М. И. Ганфман, Э. Л. Гуревич, А. Н. Кремлев, П. Г. Мижуев, В. А. Мякотин (предс.), В. Д. Набоков, А. В. Пешехонов, гр. П. М. Толстой, В. М. Шах и Г. Н. Штильман (*Там же.* С. 40–43). Второй была Комиссия для разработки положения и программы Съезда писателей в следующем составе: Л. И. Гирш (Аксельрод), Н. И. Иорданский, А. Н. Кремлев (предс.), С. Ф. Либрович, Д. А. Линев и А. В. Пешехонов (*Там же.* С. 44–48). Съезд писателей, приуроченный к столетию со дня рождения М. Ю. Лермонтова (2 октября 1914 г.), должен был быть созван в Петербурге 12 октября 1914 г. (не состоялся).

К 18 апреля 1914 г. ВЛО насчитывало 518 членов (Отчет за 1913 г. Отд. 2. С. 18). Кроме упомянутых членами общества состояли Л. Н. Андреев, В. Д. Бонч-Бруевич, С. А. Венгеров, Б. А. Верхоустинский, С. Гедройц, Вл. В. Гиппиус, З. Н. Гиппиус, Н. С. Гумилев, Л. Я. Гуревич, С. И. Гусев-Оренбургский, Б. К. Зайцев, Е. К. Замысловская,

В. И. Засулич, Е. А. Зноско-Боровский, Иванов-Разумник, А. Г. Каррик, Е. А. Колтоновская, Г. А. Лопатин, О. Э. Мандельштам, П. Н. Милюков, В. А. Пяст, И. С. Рукавишников, П. С. Соловьева-Allegro, Ф. К. Сологуб, Б. Г. Столпнер, Тэффи, Ф. Ф. Фидлер, Д. В. Философов, О. Д. Форш, В. Р. Ховин, Саша Черный, В. А. Чудовский, А. В. Ширяевец и др.

Ряд собраний ВЛО весны 1914 г. был посвящен творчеству ⇨ Акмеистов: с рефератами и программными словами на заседаниях 7 марта и 25 апреля выступили С. М. Городецкий, Н. С. Гумилев, О. Э. Мандельштам и другие члены группы (см.: *Мец*. С. 118–120). После летнего перерыва ВЛО фактически прекратило свою деятельность: «Не успело общество развить свою деятельность, как вспыхнула война, и администрация закрыла его на все время военных действий» (*Евгеньев*. С. 5). В списках литературных обществ справочников «Весь Петербург» ВЛО числилось вплоть до 1917 г.

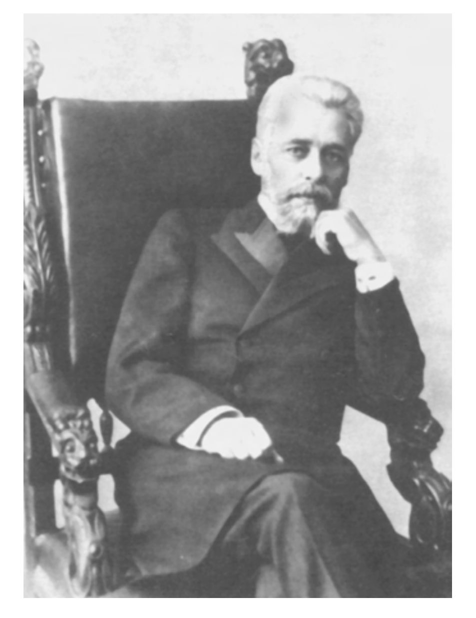
Продолжая традицию, начатую ⇨ Союзом взаимопомощи русских писателей, ВЛО было задумано как профессиональное объединение литераторов: «Общество имеет целью всестороннее содействие развитию и процветанию литературы и улучшению бытовых и правовых условий литературной деятельности» (Весь Петербург на 1914 год. С. 915). Администрация города, дважды закрывавшая объединения-предтечи ВЛО, по-видимому, настороженно наблюдала за литературной и «профсоюзной» деятельностью общества. Хотя в состав ВЛО входили писатели разных направлений и политических убеждений, обществом руководили представители «передовых кругов» – либеральные и демократические общественные деятели, оппозиционные по отношению к властям. Так что поводом для закрытия ВЛО на время войны были «неблагонадежность» и «вредное направление» общества. Е. К. Замысловская сообщала А. В. Ширяевцу в письме от 16 сентября 1914 г.: «“Литературное общество” наше, к сожалению, закрыто на все время войны, только за то, что в числе членов Лопатин, Засулич и другие» (*Орлицкий и др.* С. 24).

Лит.: Отчет ВЛО за 1912 год. СПб., 1913; Отчет ВЛО за 1913 год. СПб., 1914; Устав ВЛО. СПб., 1914; *Евгеньев А. [Кауфман А. Е.]*. Писательские об-ва и кружки // Вест. лит. 1919. № 3. С. 5; *Лейкина-Свирская В. Р.* Рус. интеллигенция в 1900–1917 гг. М., 1981. С. 145–146; *Мец А. Г.* Эпизод истории акмеизма // Пятые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и мат-лы для обсуждения. Рига, 1990. С. 118–120; Лица. М.; СПб., 1992. Вып. 1. С. 299; Александр Ширяевец. Из переписки 1912–1917 гг. / Публ. Ю. Б. Орлицкого, Б. С. Соколова, С. И. Субботина // De visu. 1993. № 3 (4). С. 10, 13, 14, 19, 24; *Fiedler F.* Aus der Literatenwelt. Göttingen, 1996. S. 449.

ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО РЕДАКТОРОВ ЕЖЕДНЕВНЫХ ГАЗЕТ – существовало около 1916 г. в Петрограде; опубликован устав Общества (Пг., 1916).

Лит.: История рус. лит. XIX – нач. XX в.: Библиогр. указ. Общая часть / Под ред. К. Д. Муратовой. СПб., 1993. № 3861.

ГАРИНА-МИХАЙЛОВСКОГО ВЕЧЕРА – проходили еженедельно в конце 1890–1900-х гг. на квартире Н. Г. Гарина-Михайловского и Н. В. Михайловской в Петербурге (Свечной пер.). Воскресный вечер 26 ноября 1906 г. (за день до смерти хозяина) опи-



Н.Г. Гарин-Михайловский

сан в воспоминаниях А. Я. Бруштейн. «Тут были писатели, художники, актеры и актрисы, ученые, общественные деятели – и все с большими, известными именами» (*Бруштейн.* С. 272). Среди посетителей были С. Я. Елпатьевский, П. П. Маслов, М. Л. Хейсин.

Лит.: *Бруштейн А. Я.* Три дня: (К 50-летию со дня смерти Н. Г. Гарина-Михайловского) // Новый мир. 1956. № 12. С. 272–273; *Мацкин А. П.* Орленев. М., 1977. С. 113; *Михайловская Н. В.* [Гарин-Михайловский] // Н. Г. Гарин-Михайловский в восп. совр. Новосибирск, 1983. С. 102–103; *Елпатьевский С. Я.* [Гарин-Михайловский] // Там же. С. 189; *Хейсин М.* Красивая душа // Там же. С. 210.

ГЕРЦЫК САЛОН – московская квартира сестер Герцык (Кречетниковский пер.) «в 1910-е гг. была своего рода лит[ературно]-филос[офским] салоном» (РП. 1989. Т. 1. С. 555). В доме А. К. Герцык и ее мужа Д. Е. Жуковского бывали Ю. К. Балтрушайтис, А. Белый, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. А. Волошин, М. О. Гершензон, Вяч. И. Иванов, И. А. Ильин, Н. В. Крандиевская-Толстая, Г. А. Рачинский, гр. А. Н. Толстой, П. Д. Успенский, М. И. Цветаева, Л. И. Шестов, В. Ф. Эрн. Часть посетителей образовала «интимный кружок философов и литераторов, спаянных не столько общностью взглядов, сколько личными, домашними связями» (*Проскурина*).

А.К. Герцык

Лит.: *Бердяев Н. А.* Самопознание. М., 1991. С. 159; *Проскурина В.* Рукоп. журнал «Бульвар и Переулок» // Новое лит. обозр. 1994. № 10. С. 174; *Герцык Е. К.* Восп. М., 1996. С. 111, 169–184.

ГЕРШЕНЗОНА ВЕЧЕРА – проходили в 1900–1910-е гг. на квартире М. О. Гершензона в Москве (Никольский пер., 13). Ф. А. Степун вспоминал, что встречался с А. Белым «на уютных вечерних беседах у Гершензона». Среди посетителей Гершензона были также Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, А. Е. Грузинский, Б. А. Кистяковский, Н. С. Клестов-Ангарский, С. А. Котляревский, Д. М. Петрушевский и др.

Лит.: *Белый А.* М. О. Гершензон // Россия. 1925. № 5 (14). С. 248; *Белый А.* Между двух революций. М., 1990. С. 253–255, 259; *Степун Ф. А.* Бывшее и несбывшееся. СПб., 1995. С. 215.

ГЕССЕНА ВОСКРЕСЕНЬЯ – литературно-музыкальные вечера, проходившие в 1910-е гг. в квартире И. В. Гессена в Петербурге. Сын хозяина вспоминал: «По воскресеньям у нас, на Малой Конюшенной, были "журфиксы". На этих приемах бывали выдающиеся люди – писатели, артисты, художники, политические деятели» (*Гессен, 1962.* С. 353). В числе посетителей были А. Н. Бенуа, М. И. Ганфман, А. С. Изгоев, В. Г. Каратыгин, П. Н. Милюков, В. Д. Набоков, С. С. Прокофьев, К. И. Чуковский, сотрудники газеты «Речь». «На одном из приемов во время первой мировой войны, вероятно в 1915 или 1916 году, были у нас на Малой Конюшенной Сергей Есенин и Николай Клюев. Пришли они в крестьянских поддевках, подстриженные в скобку. Народу у нас в тот вечер было много и поэты читали свои стихи» (*Там же.* С. 354). В воспоминаниях самого И. В. Гессена сообщается: «Некоторые из коллег, с которыми я ближе сходился, были нашими гостями по воскресеньям, когда, начиная с обеда и до поздней ночи, собиралось – таково было мое впечатление – больше народа, чем могла вместить наша квартира» (*Гессен, 1937.* С. 281).

Лит.: *Ганфман М.* Памяти А. И. Гессен // Сегодня. 1930. 3 дек. (№ 334); *Гессен И. В.* В двух веках: Жизненный отчет // Архив рус. революции. 1937. Т. 22. С. 268–269, 281; *Гессен Вл.* Из восп. // Мосты. 1962. Вып. 9. С. 353–354; *Гессен Вал. Ю.* Иосиф Гессен: юрист, политик и журналист // Евреи в культуре Рус. зарубежья. 1919–1939. Иерусалим, 1993. Вып. 2. С. 527.

«ГИЛЕЯ» ⇨ **КУБОФУТУРИСТЫ**

ГИЛЯРОВСКОГО «СТОЛЕШНИКИ» – приемы на квартире В. А. Гиляровского, проходившие в 1880–1910-е гг. в Москве. Гиляровский, поселившийся в 1881 г. в Москве, переехал в 1886 г. на квартиру в Столешниковом переулке (д. 9, кв. 10), где он жил до своей кончины в 1935 г. Квартира Гиляровского на протяжении десятилетий служила местом встреч писателей, журналистов, художников, артистов, ученых. В числе посетителей «Столешников» были А. В. Амфитеатров, Л. Н. Андреев, В. Я. Брюсов, И. А. Бунин, В. А. Гольцев, М. Горький, А. Е. Грузинский, В. М. Дорошевич, Н. М. Ежов, С. Я. Елпатьевский, В. Г. Короленко, А. В. Круглов, А. И. Куприн, В. М. Лавров, А. С. Лазарев-Грузинский, О. Л. Леонидов, Н. И. Морозов, И. И. Мясницкий, Вл. И. Немирович-Данченко, Е. Н. Опочинин, А. М. Пазухин, П. Н. Сакулин, А. С. Серафимович, С. Г. Скиталец, А. С. Суворин, кн. А. И. Сумбатов-Южин, Н. Д. Телешов, гр. Л. Н. Толстой, Г. И. Успенский, А. П. Чехов, Ф. И. Шаляпин, С. К. Шамбинаго, Н. Г. Шебуев и др.

Лит.: *Морозов Н. И.* Сорок лет с Гиляровским. М., 1963. С. 52–92; *Лобанов В. М.* Столешники дяди Гиляя. М., 1972.

В.А. Гиляровский

«**ГИПЕРБОРЕЯ**» **СОБРАНИЯ** – редакционные встречи сотрудников журнала «Гиперборей» (СПб., 1912–1913. № 1–9/10), проходившие зимой 1912–1913 гг. в Петербурге по пятницам на квартире редактора-издателя М. Л. Лозинского (Тучковая наб.). В журнале печатались поэты круга ⇨ Акмеистов, члены первого ⇨ «Цеха поэтов». На собраниях бывали А. А. Ахматова, С. Гедройц, Вас. В. Гиппиус, С. М. Городецкий, Н. С. Гумилев, Г. В. Иванов, О. Э. Мандельштам, В. И. Нарбут и др.; к кругу сотрудников «Гиперборея» примыкал также П. С. Шандаровский (*Устинов*). «Центральной фигурой гиперборейских собраний был, конечно, Гумилев» (*Иванов.* С. 224). Пятницам в редакции «Гиперборея» посвящено стихотворение Гиппиуса: «По пятницам в “Гиперборее” / Расцвет литературных роз. / И всех садов земных пестрее / По пятницам в “Гиперборее”, / Как под жезлом воздушной феи, / Цветник прельстительный возрос, / По пятницам в “Гиперборее” / Расцвет литературных роз» (*Ахматова.* С. 80).

Лит.: *Ахматова А. А.* Десятые годы. М., 1989. С. 80–82; *Иванов Г. В.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 222–226; *Устинов А.* Рядовой Серебряного века, или Апология биографич. штудий // Лотмановский сб. М., 2004. [Вып.] 3. С. 474–475.

ГИППИУС САЛОН ⇨ **МЕРЕЖКОВСКИХ ВОСКРЕСЕНЬЯ**

ГИРШМАН САЛОН – существовал в 1910-е гг. в Москве. Хозяйка салона Г. Л. Гиршман была женой В. О. Гиршмана, предпринимателя, мецената, коллекционера искусства, члена правления ⇨ Общества свободной эстетики. В особняке четы Гиршманов (в Мясницком проезде, д. 6) бывали К. Д. Бальмонт, А. Н. Бенуа, В. Я. Брюсов, И. Э. Грабарь, М. В. Добужинский, В. И. Качалов, С. А. Кусевицкий, Б. М. Кустодиев, Е. Е. Лансере, В. А. Серов, К. А. Сомов, К. С. Станиславский, гр. А. Н. Толстой.

Дом Гиршманов пользовался популярностью: хозяйка слыла одной из первых московских красавиц; современники высоко оценивали качества ее характера. И. Э. Гра-

барь сообщает, что Серов находил ее «умной, образованной, культурной, простой и скромной, без замашек богатых выскочек, и очень симпатичной. Она и была такой, ее все любили, выгодно выделяя среди большинства “жен коллекционеров”» (цит.: *Полунина, Фролов*. С. 119). С. И. Дымшиц-Толстая, сопоставив салон ⇨ Носовой с домом Г. Л. Гиршман, находила, что последний «был поизысканнее. <...> Здесь не щеголяли показным богатством, было меньше позолоты и бронзы. Но и тут было ясно: живопись, скульптура, графика – все это демонстрировалось как предметы искусства, но все это являлось эквивалентом хозяйских миллионов» (*Дымшиц-Толстая*).

Лит.: *Дымшиц-Толстая С. И.* [А. Н. Толстой] // Восп. об А. Н. Толстом. М., 1973. С. 85; *Полунина Н., Фролов А.* Коллекционеры старой Москвы. М., 1997. С. 114, 118.

Г.Л. Гиршман.
Портрет работы В.А. Серова. 1907 г.

ГНЕДИЧА ПЯТНИЦЫ (ВОСКРЕСЕНЬЯ) – литературные вечера, проходившие с конца 1880-х по 1900-е гг. в доме П. П. Гнедича в Петербурге. «Когда он был молод, приятство его нрава и его литературной физиономии делало из его дома очень занятный уголок тогдашнего петербургского литературно-художественного “бомонда”. У него были пятницы, и быть членом этих пятниц являло собой лестную привилегию» (*Кугель*). У Гнедича собирались преимущественно драматурги, театральные критики и актеры; бывали В. А. Александров, П. Д. Боборыкин, К. А. Варламов, Н. С. Васильева, П. И. Вейнберг, кн. М. Н. Волконский, И. Ф. Горбунов, Д. В. Григорович, В. П. Далматов, М. М. Далькевич, В. П. Желиховская, А. Р. Кугель, А. А. Луговой, П. О. Морозов, Д. П. Муравлин, Вас. И. Немирович-Данченко, Вл. И. Немирович-Данченко, П. М. Свободин, К. К. Случевский, кн. А. И. Сумбатов-Южин, В. А. Тихонов, А. П. Чехов, А. М. Читау, О. Н. Чюмина, Т. Л. Щепкина-Куперник и др.

Как вспоминает Кугель, «на пятницах Гнедича сочиняли, а частенько и разыгрывали, шуточные пьесы и пародии. <...> Кстати сказать, первоначальный эскиз [пародийной оперы Волконского] “Вампуки” обязан своим происхождением также одной из пятниц Гнедича» (*Кугель*). Сам хозяин вечеров в своих воспоминаниях днем встреч называет воскресенье, уточняя, что «собирались и после спектакля – премьер – и если шла пьеса московского автора, то приезжал и автор <...> и нередко затягивалась беседа до утра» (*Гнедич*. С. 219). Вас. И. Немирович-Данчен-

П.П. Гнедич

ко засвидетельствовал: «Я не помню вечеров проще, милее и содержательнее. На них так легко, хорошо и искренно говорилось и чувствовалось. Тон безобидной шутки и большого литературного вкуса заставлял многих добиваться приглашения сюда, и не знаю, был ли в те времена, кажущиеся теперь такими далекими, хоть один художник, выдающийся актер или беллетрист, который не побывал бы в этой скромной гостиной» (*Немирович-Данченко.* С. 46).

Лит.: *Немирович-Данченко Вас. И.* На кладбищах: (Восп.). Ревель, 1921. С. 45–47; *Кугель А. Р.* Памяти П. П. Гнедича // Иск-во трудящимся. 1925. № 38. С. 5; *Щепкина-Куперник Т. Л.* Театр в моей жизни. М.; Л., 1948. С. 114; *Авилова Л. А.* Рассказы. Воспоминания. М., 1984. С. 236–237; *Гнедич П. П.* Книга жизни. Восп. 1855–1918. М., 2000. С. 219–222.

ГОЛОВИНА СРЕДЫ – проходили в 1880–1900-е гг. в Петербурге. В 1880-е гг. вокруг К. Ф. Головина образовался политико-экономический кружок «Эллипсис», существовавший до 1887 г. Головин вспоминал: «Мои новые друзья, число которых постепенно росло, начиная с 1886 года стали у меня собираться по средам, помимо заседаний “Эллипсиса”» (*Головин.* С. 107). Среди посетителей были С. А. Андреевский, М. А. Веневитинов, А. И. Воейков, бар. Р. А. Дистерло, бар. Н. В. Дризен, А. С. Ионин, И. И. Кауфман, гр. Н. Е. Комаровский, А. И. Лыкошин, Д. С. Мережковский, Я. П. Полонский, гр. Е. А. Салиас-де-Турнемир, Вл. С. Соловьев, М. А. Хитрово. «Национальный вопрос, столь тесно связанный с общинным, составлял тогда главный предмет разногласий и споров в нашем кружке» (*Там же.* С. 116).

Лит.: *Головин К. Ф.* Мои восп.: В 2 т. СПб., 1910. Т. 2. С. 107, 110–116, 121; *Дризен Н. В.* Лит. восп. // Весь мир. 1918. № 32/33. С. 14; РП. 1989. Т. 1. С. 615.

ГОЛЬЦЕВА ВТОРНИКИ – журфиксы у В. А. и Н. А. Гольцевых, проходившие в 1880–1890-е гг. в Москве («в маленьком доме у церкви Успенья на Могильцах, а затем на Пречистенке»; *Мануйлов*). «По вторникам у В. А. собирались представители литературного мира Москвы, в эти же дни забредали сюда непременно и приезжавшие в Москву петербургские литераторы» (*Кранихфельд.* С. 123). Еженедельные собрания у В. Гольцева были одним из центров литературной и общественной жизни Москвы.

Круг посетителей журфиксов был широким и довольно пёстрым, но основное ядро составляли сотрудники и авторы редактируемого В. Гольцевым журнала «Русская мысль». Н. Гольцева вспоминала: «Здесь присутствовала почти вся интеллигентная Москва, литературный, профессорский и артистический мир, а также земские деятели, педагоги и университетская молодежь и др.» (цит.: *Простаков.* С. 285). В числе посетителей были П. Д. Боборыкин, В. И. Вернадский, М. Я. Герценштейн, И. Ф. Горбунов, Н. Н. Златовратский, Н. А. Каблуков, В. П. Кранихфельд, Д. М. Леонова, А. А. Мануйлов, П. Н. Милюков, Н. К. Михайловский, С. А. Муромцев, И. И. Петрункевич, К. А. Трутовский, Г. И. Успенский, А. И. Чупров, Н. В. Шелгунов, И. И. Янжул.

«Как в “Русской мысли”, так и у себя на вторниках Гольцев умел соединять писателей, которые как будто бы шли совершенно различными путями. Никаких конфликтов ни там, ни здесь отсюда не происходило, и даже споров по вторникам мне слышать не приходилось» (*Кранихфельд.* С. 124). Согласно А. Мануйлову, «не одно общественное начинание 80-х и 90-х годов зародилось на этих собраниях. Был период в московской жизни, когда вообще ни одно общественное дело в Москве не делалось без В. А., и поэтому естественно, что его журфиксы были своего рода общественно-политическим клубом, где дебатировались вопросы дня и откуда получала до некоторой степени директивы общественная жизнь Москвы» (*Мануйлов*). Ср. также: Кружок ⇨ «Русской мысли».

Лит.: *Боборыкин П. Д.* Убежденный человек: (Памяти В. А. Гольцева) // Рус. мысль. 1906. № 12. Отд. 2. С. 119; *Кранихфельд В. П.* Лит. отклики. Памяти В. А. Гольцева и «Рус. мысли» // Совр. мир. 1906. № 12. Отд. 2. С. 122–125; *Петрункевич И. И.* Памяти В. А. Гольцева (Страничка из личных восп.) // Памяти В. А. Гольцева. М., 1910. С. 111; *Мануйлов А. А.* Виктор Александро-

вич Гольцев и молодежь // Там же. С. 126; *Петрункевич И. И.* Из записок общественного деятеля: Восп. // Архив рус. революции. 1934. Т. 21. С. 265–266; РП. 1994. Т. 3. С. 129; *Простаков О. Г.* Хозяйка моск. салона (О восп. Н. А. Гольцевой «Забытое прошлое») // Археограф. ежегодник за 1997 г. М., 1997. С. 285–289; *Родионова Т. С.* Московская газета «Курьер». М., 1999. С. 30–32.

ГРЕКОВОЙ ВТОРНИКИ – журфиксы в доме Е. А. Грековой, проходившие в 1910-е гг. в Петербурге. Вечера упоминаются в неизданных воспоминаниях хозяйки: «Очень интересным гостем моих вторников был В. К. Шилейко, ученый-ассиролог, поэт и остроумнейшая личность» (цит.: *Мец, Кравцова.* С. 36); среди посетителей был также В. В. Розанов (*Там же.* С. 46). В мемуарных очерках А. Л. Волынского Грекова выступает в числе «хозяек гостеприимных для него домов» (*Волынский.* С. 229).

Лит.: *Волынский А. Л.* Рус. женщины / Предисл., коммент., публ. А. Л. Евстигнеевой // Минувшее. М.; СПб., 1994. Вып. 17. С. 229, 275; *Мец А. Г., Кравцова И. Г.* Предисловие // Шилейко В. К. Пометки на полях. СПб., 1999. С. 36, 46.

«ГРИФА» КРУЖОК – литературный кружок начинающих писателей символистского направления (⇨ Символисты), образовавшийся при московском издательстве «Гриф» (1903–1914) в первые годы его существования. Вокруг издательства и его основателя С. А. Кречетова (Соколова) объединились в конце 1902 – начале 1903 г. молодые писатели-«декаденты». В состав кружка входили почти исключительно – кроме К. Д. Бальмонта – второстепенные или малоизвестные в начале 1900-х гг. авторы: Н. Я. Абрамович, А. И. Бачинский, В. В. Гофман, М. А. Дурнов, А. А. Койранский, Б. А. Койранский, Г. А. Койранский, А. А. Курсинский, В. В. Линденбаум, А. А. Миропольский (Ланг), М. И. Пантюхов, Н. И. Петровская, Н. Е. Поярков, А. С. Рославлев, В. Ф. Ходасевич и др.

Участники кружка печатались в трех выпусках «Альманаха книгоиздательства “Гриф”», вышедших в 1903, 1904 и 1905 гг. (четвертый, юбилейный «Альманах “Гриф”. 1903–1913» вышел в 1914 г.). Кружок устраивал также собрания (их обычно называли «ассамблеями»), где читались и обсуждались произведения участников (см. также: Салон ⇨ Петровской). В. Я. Брюсов посетил одно из собраний кружка на квартире Соколова и описал его в начале 1903 г. в дневнике: «Несколько десятков юношей занимались тем, что голосовали и большинством голосов принимали или отвергали свои стихи и рассказы. <...> Юноша Белов говорил восторженные глупости. Гимназист Хесин глупости не восторженные» (*Брюсов, 1927.* С. 131).

Брюсов с самого начала относился недоброжелательно к издательской деятельности Соколова, нарушившей монополию издательства «Скорпион» на распространение символистской литературы (см.: Кружок ⇨ «Скорпиона»), опасаясь не только дробления круга символистов (см. письмо Брюсова к А. Белому от 5 дек. 1903 г.; ЛН. 1976. Т. 85. С. 372), но и дискредитации «нового искусства» издательством, печатавшим слишком много подражательных и малокачественных произведений эпигонов символизма. Как вспоминала жена Соколова, «вещи, отвергнутые “Скорпионом”, радушно принимались “Грифом”» (*Петровская.* С. 32). Схожую точку зрения разделял и А. А. Блок: «Гриф – *положительная* подделка и большой грех против искусства по отношению к людям (публике): публика не различает дурного от хорошего и будет ругать без разбора “Гриф” и “не Гриф”» (письмо к С. М. Соловьеву от 8 марта 1904 г.: ЛН. 1980. Т. 92, кн. 1. С. 371).

Конфликт между «Грифом» и «Скорпионом» на этой почве назрел еще осенью 1903 г. (см. письмо Соколова к Блоку от 3 нояб. 1903 г.; *Там же.* С. 529); по инициативе Брюсова сотрудникам издаваемого «Скорпионом» журнала «Весы» было предъявлено требование, чтобы они воздержались от участия в изданиях «Грифа» (см.: ЛН. 1976. Т. 85. С. 280). Попытка изоляции конкурента не увенчалась успехом; в числе около 40 названий книг, выпущенных «Грифом» до 1914 г., были и издания крупнейших представителей символизма – И. Ф. Анненского, К. Д. Бальмонта, А. А. Блока, М. А. Воло-

шина, Ф. К. Сологуба. Сотрудники «Весов» принимали также участие в альманахах «Грифа» и в издаваемом Соколовым журнале «Перевал» (1906–1907. № 1–12). Пристрастное суждение Петровской, что «роль “Грифа” в эпоху расцвета русского символизма была только третьестепенной» (*Петровская.* С. 33), не совсем справедливо.

Лит.: *Белый А.* Восп. о Блоке // Эпопея. 1922. № 1. С. 227; *Брюсов В.Я.* Дневники. М., 1927. С. 130–131; ЛН. 1976. Т. 85. С. 280–281, 371–372; ЛН. 1980. Т. 92, кн. 1. С. 371–374, 528–529; *Брюсов В. Я.* Мои восп. о Викторе Гофмане // Брюсов В. Я. Среди стихов. М., 1990. С. 509, 512; *Ходасевич В. Ф.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 306–309; *Петровская Н. И.* Восп. / Публ. Э. Гарэтто // Минувшее. М., 1992. Вып. 8. С. 22–33, 49–50, 52–53.

«**ГРУППА МОЛОДЫХ**» — литературное объединение, существовавшее в 1907 г. в Москве. Под издательской маркой «Группа молодых» вышли три художественно-литературных альманаха: «Люди и мысли», «Свет и тени» и «Жизнь и люди» (все: М., 1907). Среди участников альманахов были в основном писатели из народа: С. М. Беляев, Ф. Ф. Благов, П. Г. Низовой (П. Георгиев), Н. Д. Никаноров-Каринский, П. Л. Плохов, А. М. Чернышев.

Лит.: *Голубева О. Д.* Лит.-худож. альм. и сб-ки: 1900–1911 гг. М., 1957. № 255–257; РП. 1989. Т. 1. С. 273.

ГРУППА МОЛОДЫХ ПОЭТОВ – в 1914 г. в Москве выпустила «Первый сборник группы молодых поэтов» (М., 1914). Среди участников сборника некоторую известность обрели впоследствии Н. А. Павлович, Д. С. Усов и М. М. Шкапская.

Лит.: *Рогожин Н. П.* Лит.-худож. альм. и сб-ки: 1912–1917 гг. М., 1958. № 305.

«**ГРЯДУЩИЙ ДЕНЬ**» – литературный студенческий кружок, существовавший в 1907 г. при Петербургском университете. Кружок, возглавляемый Ю. Л. Слезкиным и А. Зарницыным, провел весной 1907 г. семь собраний и выпустил в течение года два литературных сборника под названием «Грядущий день» (первый из них был конфискован); третий, анонсировавшийся на осень 1907 г., не вышел. Среди участников сборников в обоих выпусках присутствуют С. М. Городецкий, Н. Ефимов, К. М. Антипов-Зарницын, Ю. Л. Слезкин, Д. М. Цензор и др. В отличие от действовавшего одновременно в университете модернистски ориентированного ⇨ «Кружка молодых», участники сборника «Грядущий день» придерживались, как правило, более традиционной реалистической эстетики. Осенью 1907 г. члены кружка вошли в состав Кружка ⇨ «Реалистов».

Лит.: *Княжнин В. Н.* Александр Александрович Блок. Пб., 1922. С. 81; РП. 1989. Т. 1. С. 91; *Тименчик Р. Д.* Коммент. // Пяст В. Встречи. М., 1997. С. 306.

ГУМИЛЕВА ВЕЧЕРА – проходили с осени 1908 г. до начала 1910-х гг. у Н. С. Гумилева в Царском Селе (ул. Бульварная, д. 49). Царскосельская художница О. Л. Делла-Вос-Кардовская вспоминала, что в доме Гумилевых «собиралось интересное общество писателей и поэтов. <...> Здесь читались и критически рассматривались готовящиеся к печати стихи и проза. Суждения бывали иногда очень резкими, а споры горячими» (*Делла-Вос-Кардовская.* С. 31). Среди посетителей были И. Ф. Анненский, С. А. Ауслендер, М. А. Волошин, Н. А. Клюев, гр. В. А. Комаровский, В. И. Кривич, М. А. Кузмин, С. К. Маковский, П. П. Потемкин, А. М. Ремизов, гр. А. Н. Толстой. Утверждение в воспоминаниях В. А. Неведомской, что среди посетителей Гумилева был А. А. Блок (*Неведомская.* С. 84), следует, видимо, расценивать как «мемориальный фантом» (*Тименчик*).

25 апреля 1910 г. Н. С. Гумилев повенчался с А. А. Ахматовой; летом 1911 г. они переехали в новый дом (ул. Малая, д. 63). «Так же, как и раньше, у них собирались друзья и знакомые. Так же читались и подробно разбирались новые литературные произведения» (*Делла-Вос-Кардовская.* С. 34). Изменился состав посетителей; стали бывать Г. В. Адамович, А. С. Лурье, О. Э. Мандельштам, Н. В. Недоброво, В. К. Шилейко

и др. В доме Ахматовой и Гумилева прошло также несколько заседаний ⇨ «Цеха поэтов».

Лит.: *Анненский И. Ф.* Письма к С. К. Маковскому / Публ. А. В. Лаврова и Р. Д. Тименчика // ЕжегРОПД. 1976. Л., 1978. С. 236; *Тименчик Р.* К вопросу об источниках для жизнеописаний Гумилева и Ахматовой // Ахматовский сб. Париж, 1989. Вып. 1. С. 253; *Лукницкая В.* Николай Гумилев. Л., 1990. С. 69; *Адамович Г. В.* Мои встречи с Анной Ахматовой // Восп. об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 68–69; *Делла-Вос-Кардовская О. Л.* Восп. о Н. С. Гумилеве // Жизнь Николая Гумилева: Восп. совр. Л., 1991. С. 31, 34; *Ауслендер С. А.* Восп. о Н. С. Гумилеве // Там же. С. 42–43; *Неведомская В. А.* Восп. о Гумилеве и Ахматовой // Там же. С. 83–84.

ГУРЕВИЧ САЛОН (КРУЖОК «СЕВЕРНОГО ВЕСТНИКА») – «журнальные журфиксы» (*Перцов*. С. 211) сотрудников «Северного вестника», существовавшие в 1890-е гг. в Петербурге. Вечеринки проходили по субботам в редакции журнала (Троицкая, 9) или на квартире Л. Я. Гуревич, издательницы журнала в 1891–1898 гг. «Северный вестник» был первым журналом, печатавшим произведения русских ⇨ Символистов. На вечерах бывали редакторы и сотрудники журнала, писатели, артисты; среди посетителей – З. А. Венгерова, А. Л. Волынский, З. Н. Гиппиус, А. М. Добролюбов, К. Н. Льдов, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Д. С. Мережковский, В. Микулич, Н. М. Минский, П. П. Перцов, Ф. Ф. Фидлер, Т. Л. Щепкина-Куперник, Н. А. Энгельгардт. Перцов, описавший одно из собраний кружка в декабре 1895 г., вспоминал, что из «посторонних» на журфиксах бывали А. Луговой и Вас. И. Немирович-Данченко, «чувствовавшие себя в этом “модернизме” не совсем в своей тарелке» (*Там же*).

Лит.: *Перцов П. П.* Лит. восп. М.; Л., 1933. С. 211–212, 240; *Фидлер Ф. Ф.* Из дневника // Д. Н. Мамин-Сибиряк в восп. совр. Свердловск, 1962. С. 240; *Волынский А. Л.* Рус. женщины / Предисл., коммент., публ. А. Л. Евстигнеевой // Минувшее. М.; СПб., 1994. Вып. 17. С. 232; *Fiedler F.* Aus der Literatenwelt. Göttingen, 1996. S. 122; *Энгельгардт Н. А.* Эпизоды моей жизни: (Восп.) / Публ. С. В. Шумихина // Минувшее. СПб., 1998. Вып. 24. С. 12–13.

ДАВЫДОВА КРУЖОК – существовал в 1900–1910-е гг. в Москве. На квартире юриста и литератора Н. В. Давыдова «собирались по вечерам преимущественно профессора, литературоведы, <...> члены редакции журнала “Вопросы философии и психологии”, писатели и актеры» (*Телешов*. С. 33). У Давыдова бывали В. Я. Брюсов, А. А. Венкстерн, И. В. Гессен, А. А. Кизеветтер, В. О. Ключевский, А. Ф. Кони, В. А. Маклаков, М. Н. Розанов, П. Н. Сакулин, кн. А. И. Сумбатов-Южин, Н. Д. Телешов.

Лит.: *Кизеветтер А.* На московском журфиксе // Руль. 1930. 7 сент.; *Маклаков В. А.* Отрывки из восп. // Моск. университет. 1755–1930: Юбилейный сб. Париж, 1930. С. 300; *Чебышев Н. Н.* Близкая даль: Воспоминания. Париж, 1933; *Гессен И. В.* В двух веках: Жизненный опыт // Архив рус. революции. 1937. Т. 22. С. 113–114; *Маклаков В. А.* Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 190; *Телешов Н. Д.* Записки писателя: Восп. и рассказы о прошлом. М., 1958. С. 33–34; *Аксакова-Сиверс Т. А.* Семейная хроника. Т. 1–2. Paris, 1988; *Ключевский В. О.* Соч.: В 9 т. М., 1990. Т. 9. С. 321, 327; РП. 1992. Т. 2. С. 74–75.

ДАВЫДОВОЙ САЛОН – воскресные журфиксы в доме А. А. и К. Ю. Давыдовых в 1880–1890-е гг. в Петербурге. В конце 1880-х гг. салон посещали авторы журнала «Северный вестник», где Давыдова была секретарем редакции. После того как она в 1892 г. стала издательницей журнала «Мир Божий», основную часть гостей составляли сотрудники этого журнала и «Русского богатства».

Как вспоминал С. Я. Елпатьевский, «эти вечера были очень шумные и очень пестрые по своему составу» (*Елпатьевский*). «Литературный салон А. А. Давыдовой, как и все салоны середины и конца 90-х годов, напоминал Ноев ковчег. Здесь встречались толстовцы, либеральные профессора, представители первых легальных “марксистов”, народники из кружка Н. К. Михайловского <...> литературная и студенческая моло-

дежь» (*Куприна-Иорданская, 1962.* С. 171). «Часто между представителями различных направлений, посещавшими салон А. А. Давыдовой, возникали горячие политические и литературные споры» (*Там же.* С. 176). А. В. Тыркова-Вильямс вспоминала, что Давыдовы «принимали до 200 человек, русских и иностранных артистов, писателей, знатных особ, включая родственников царя» (*Тыркова-Вильямс, 1998.* С. 229).

На журфиксах бывали Н. Ф. Анненский, Ю. И. Безродная, А. И. Богданович, И. А. Бунин, М. В. Ватсон, Е. Н. Водовозова, А. Л. Волынский, бар. Л. С. Врангель, П. А. Гайдебуров, Н. Г. Гарин-Михайловский, В. М. Гаршин, З. Н. Гиппиус, И. А. Гончаров, Л. Я. Гуревич, С. Я. Елпатьевский, П. В. Засодимский, бар. В. И. Икскуль, Н. И. Кареев, А. Ф. Кони, А. И. Куприн, М. К. Куприна-Иорданская, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Д. С. Мережковский, Н. М. Минский, В. С. Миролюбов, Н. К. Михайловский, Л. Ф. Нелидова, Вас. И. Немирович-Данченко, В. П. Острогорский, Э. К. Пименова, И. Н. Потапенко, А. Г. Рубинштейн, В. И. Семевский, А. М. Скабичевский, П. Б. Струве, Л. К. Туган-Барановская, М. И. Туган-Барановский, А. В. Тыркова, Д. А. Удинцев, Г. И. Успенский, А. М. Хирьяков, Н. В. Шелгунов, С. Н. Южаков, И. И. Ясинский. В 1899 г. был М. Горький.

После смерти старшей дочери, Л. К. Туган-Барановской, в 1900 г. у Давыдовой «обострилась болезнь сердца. Она перестала заниматься делами журнала, никуда из дому не выезжала, отменила вечера и воскресные приемы» (*Куприна-Иорданская, 1960.* С. 7). Ср. также: Журфиксы ⇨ «Мира Божьего».

Лит.: *Ясинский И. И.* Отошедшие // Почтальон. 1902. № 5. С. 283–288; *Гуревич Л. Я.* [Автобиогр.] // Первые лит. шаги: Автобиогр. совр. рус. писателей. М., 1911. С. 189; *Пименова Э. К.* Дни минувшие. М.; Л., 1929. С. 168; *Куприна-Иорданская М. К.* Годы молодости: Восп. о А. И. Куприне. М., 1960. С. 7, 154; *Куприна-Иорданская М. К.* Из восп. о Д. Н. Мамине-Сибиряке // Д. Н. Мамин-Сибиряк в восп. совр. Свердловск, 1962. С. 171–172, 176–179; *Удинцев Д. А.* О Мамине-Сибиряке // Там же. С. 77–78; *Врангель Л. С.* Восп. и стародавние времена. Вашингтон, 1964. С. 35–36; *Куприна-Иорданская М. К.* Годы молодости. М., 1966. С. 15, 26, 120–121, 161; *Нелидова Л. Ф.* Восп. о Гончарове и Тургеневе // ЛН. 1977. Т. 87. С. 30–31; *Елпатьевский С. Я.* Восп. за 50 лет. Уфа, 1984. С. 236; *Муромцева-Бунина В. Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М., 1989. С. 159–160; *Тыркова-Вильямс А. В.* Тени минувшего. Встречи с писателями // Восп. о серебряном веке. М., 1993. С. 331–332; Минувшее. М.; СПб., 1993. Вып. 12. С. 338; *Волынский А. Л.* Рус. женщины // Минувшее. М.; СПб., 1994. Вып. 17. С. 249, 255, 286, 287; *Тыркова-Вильямс А. В.* То, чего больше не будет. М., 1998. С. 125–128, 223, 229.

«**ДЕСЯТЬ**» – эфемерный кружок писателей-самоучек в 1905 г. в Москве. В издательстве кружка вышел литературный альманах «Десять», в котором напечатали свои «рассказы, стихи и басни» С. Е. Бодрягин, Н. И. Волков, Н. Грусть, М. А. Логинов-Тихоплесец, Н. Д. Никаноров-Каринский, П. Д. Плохов, С. С. Степанов и др. Большинство участников сборника входили ранее в состав Кружка ⇨ Писателей из народа, преобразованного в 1905 г. в ⇨ Суриковский литературно-музыкальный кружок. Ср. также: ⇨ Народный кружок; ⇨ Обновленный народ; ⇨ Товарищеская библиотека.

Лит.: *Голубева О. Д.* Лит.-худож. альм. и сб-ки: 1900–1911. М., 1957. № 110; *Голубева О. Д.* Из истории изданий рус. альм. нач. XX в. // Книга: Исслед. и мат-лы. М., 1960. Сб. 3. С. 329–330.

«**ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ**» **КРУЖОК** ⇨ **ТИХОМИРОВА СУББОТЫ**

ДМИТРИЕВОЙ (ВАСИЛЬЕВОЙ) ВЕЧЕРА в 1909 г. в Петербурге. В воспоминаниях С. К. Маковского сообщается, что у Е. И. Дмитриевой, снискавшей известность стихами, опубликованными в 1909–1910 гг. в журнале «Аполлон» под псевдонимом Черубина де Габриак, «часто собирались к вечернему чаю писатели из “Аполлона”. <...> У Димитриевой [sic!] я не бывал и даже не заметил ее среди литературных дам и девиц, посещавших собрания “Аполлона”». См.: Кружок ⇨ «Аполлона».

Лит.: *Маковский С. К.* Портреты современников. Нью-Йорк, 1955. С. 341; *Черубина де Габриак* [*Васильева Е. И.*]. Исповедь. М., 1998. С. 321.

ДОБРОЛЮБОВА КРУЖОК в середине 1890-х гг. в Петербурге. Бывали К. Д. Бальмонт, Б. В. Бер, В. Я. Брюсов, Вл. В. Гиппиус, О. Дымов, Е. Н. Квашнин-Самарин, И. Коневской, Д. Н. Фридберг, Я. И. Эрлих. А. М. Добролюбов «жил “по-декадентски”. Не щадя себя, верный своей вере, курил и ел опий, курил гашиш, склоняя к этому и других в своей узенькой комнатке на Пантелеймоновской, оклеенной черными обоями, с потолком, выкрашенным в серый цвет» (*Венгеров.* С. 265–266); «от него всегда пахло удушливым, землистым запахом опия, как из могилы. Его комната была так продушена этим запахом, что я, просидев в ней полчаса, засыпал на диване» (*Гиппиус*).

Лит.: [*Венгеров С. А.*] Добролюбов // Рус. лит. XX в. (1890–1910) / Под ред. С. А. Венгерова. М., 1914. Т. 1. С. 265–266; *Гиппиус Вл.* Александр Добролюбов // Там же. С. 278; *Иванова Е. В.* Валерий Брюсов и Александр Добролюбов // Изв. АН СССР. Серия лит. и языка. 1981. Т. 40. №. 3. С. 256–257; *Иванова Е. В.* Горький и Б. В. Бер // Горький и его эпоха: Исслед. и мат-лы. М., 1989. Вып. 1. С. 115, 119; *Дымов О.* Александр Михайлович Добролюбов // Восп. о серебряном веке. М., 1993. С. 21.

ДРИЗЕНА СРЕДЫ – литературно-артистический кружок при редакции «Ежегодника императорских театров» в 1909–1917 гг. в Петербурге. Кружок собирался на квартире бар. Н. В. Дризена (Б. Московская, д. 8), возглавлявшего «Ежегодник» (выходил в 1909–1915 гг.). Среды возникли, по словам Дризена, весной 1909 г. – видимо, как узкий редакционный кружок. Первая официальная Среда состоялась 25 ноября 1909 г.; ее тема – «Литература и театр» – была программной и характерной для большинства собраний кружка. Председателем вечера был И. Ф. Анненский, скончавшийся пять дней спустя (*Гуревич*).

В начале 1910 г. у Дризена состоялись два диспута о театре – Н. Н. Евреинова с В. Э. Мейерхольдом и К. С. Станиславского с Вл. И. Немировичем-Данченко; второй описан в двух фельетонах В. В. Розанова (*Варварин*). В сентябре 1910 г. Дризен завел альбом кружка «Наши среды», в котором записывались темы вечеров, помещались извлечения из докладов и прений, экспромты участников; альбом содержит также составленный Дризеном краткий очерк истории кружка (*Конечный.* С. 76), в котором особо отмечены два карнавальных капустника – 16 февраля 1911 г. и 5 января 1916 г. Последняя запись в альбоме относится к 27 апреля 1917 г.

Среды проходили, как правило, раз в две недели, за исключением летних месяцев. Согласно сообщению хозяина кружка, «по правилам “сред” гости собирались (по повесткам) к 10 ч[асам]. Реферат продолжался с час, потом пили чай, закусывали, затем начинались прения» (цит.: *Там же*). Прочитанные в кружке доклады часто печатались в «Ежегоднике». Как вспоминал Дризен, на Средах «иногда собиралось свыше 50 человек и все из литературного и артистического мира» (*Дризен*). Среди участников были А. В. Амфитеатров, В. А. Амфитеатров-Кадашев, С. А. Андреевский, Е. В. Аничков, К. И. Арабажин, С. А. Ауслендер, З. Г. Ашкинази, Ф. Д. Батюшков, Е. М. Беспятов, А. А. Блок, кн. М. Н. Волконский, кн. С. М. Волконский, М. А. Волошин, А. Л. Волынский, бар. Н. Н. Врангель, П. П. Гайдебуров, А. И. Гидони, З. Н. Гиппиус, А. Я. Головин, С. М. Городецкий, Л. Я. Гуревич, Ю. Е. Деген, Н. Н. Долгов, В. Г. Каратыгин, Е. П. Карпов, А. Ф. Кони, Н. А. Котляревский, А. Р. Кугель, М. А. Кузмин, В. Я. Курбатов, Е. Е. Лансере, А. Я. Левинсон, С. К. Маковский, Д. С. Мережковский, Н. М. Минский, П. О. Морозов, Ю. Э. Озаровский, Н. Н. Окулов-Тамарин, Л. М. Рейснер, М. А. Рейснер, В. В. Розанов, В. В. Сладкопевцев, Ю. Л. Слонимская, К. А. Сомов, Ф. К. Сологуб, К. А. Сюннерберг, Н. А. Тэффи, Д. В. Философов, Н. Н. Ходотов, Г. И. Чулков, Т. Л. Щепкина-Куперник и др.

На Среды сходились люди различных эстетических и политических взглядов – «характер кружка был совершенно внепартийный» (*Там же*). Среды представляли собой, по характеристике Розанова, «нечто вроде свободной театральной академии» (*Варварин*; цит.: *Конечный.* С. 77), где обсуждались насущные проблемы теории и практики сценического искусства.

Лит.: *Варварин В. [Розанов В. В.].* В театр. мире: (К гастролям моск. Худ. театра в Петербурге) // Рус. слово. 1910. 8 и 14 мая; *Л. Г. [Гуревич Л. Я.].* Памяти И. Ф. Анненского // Рус. мысль. 1910. № 1. Отд. 2. С. 166; *Волконский С. М.* Мои восп. Берлин, 1923. Т. 1. С. 39–40, 45; *Дризен Н. В.* Старый Петербург. Лит. кружки // Возрождение. Париж, 1935. 15 февр. № 3544. С. 5; *Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 84–85; ЛН. 1981. Т. 92, кн. 2. С. 322; *Конечный А. М.* Блок и театр.-лит. беседы («среды») Н. В. Дризена // Блоковский сб. Тарту, 1985. Вып. 5. С. 74–87; РП. Т. 2. С. 92; *Амфитеатров-Кадашев В. А.* Страницы из дневника / Публ. С. В. Шумихина // Минувшее. М.; СПб., 1996. Вып. 20. С. 457.

Архивы: Альбом «Наши среды» // РНБ. Ф. 263 (Дризен Н. В.). Ед. хр. 363 (см.: *Конечный*).

«**ДРУЖБА**» – литературный кружок писателей-самоучек, организованный Г. Д. Деевым-Хомяковским в 1911 г. в Москве. Под издательской маркой «Дружба» вышли два альманаха: «В родной долине» и «Дружба» (оба: М., 1912); в сборниках участвовали С. Е. Ганьшин, Г. Д. Деев-Хомяковский, А. П. Иозефатов-Поцелуевский, С. И. Лягин, М. Р. Родионов, С. Ф. Семенов-Филиппов и др. Совсем другой список членов кружка дает И. А. Щуров («А. В. [А. А.?] Белозеров, И. И. Морозов, С. Д. Фомин, А. П. Чапыгин, А. В. Ширяевец и др.»; *Щуров*). Большинство участников входило в ⇨ Суриковский литературно-музыкальный кружок; Лягин сообщает, что издательство «Дружба» было организовано тем же кружком (*Лягин*).

Лит.: *Лягин С. И.* Суриковский Лит.-Муз. Кружок: (Ист. обзор деятельности Кружка) // Друг народа. М., 1918. № 1. С. 3; *Щуров И. А.* Суриковский лит.-муз. кружок // КЛЭ. М., 1972. Т. 7. С. 271; РП. 1992. Т. 2. С. 95.

«**ДРУЗЬЯ ГАФИЗА**» – дружеский литературный кружок в 1906–1907 гг. в Петербурге. В его состав входили С. А. Ауслендер, Л. С. Бакст, Н. А. Бердяев, С. М. Городецкий, Л. Д. Зиновьева-Аннибал, Вяч. И. Иванов, М. А. Кузмин, В. Ф. Нувель и К. А. Сомов. Собрания («вечери») кружка проходили на квартире Иванова на «башне»; первая «вечеря» состоялась 2 мая 1906 г., вторая – 8 мая, третья – 22 мая, четвертая – 29 мая, пятая – 16 июня. Судя по переписке участников общества, собрания гафизитов продолжались вплоть до первой половины 1907 г. Последний раз кружок упоминается в письме Нувеля к Кузмину от 20 августа 1907 г.: «А вот Гафиза уже больше не будет. Это наверно» (*Богомолов, 1995.* С. 77).

В отличие от одновременно проходивших на «башне» многолюдных Сред ⇨ Иванова, общество «Друзья Гафиза» сохраняло интимный характер кружка «посвященных» и черты литературной игры; гафизиты создали свою кружковую мифологию, опиравшуюся на древнюю восточную и греческую культуру. Каждый участник имел свои кружковые прозвища: «Иванов именовался Эль-Руми или Гиперион, Зиновьева-Аннибал – Диотима, Бердяев – Соломон, Кузмин – Антиной или Харикл, Сомов – Аладин, Нувель – Петроний, Корсар или Renouveau, Бакст – Апеллес, Городецкий – Зэйн или Гермес, Ауслендер – Ганимед» (*Там же.* С. 71); Петербург назывался Петробагдадом, квартира Иванова – палаткой Гафиза.

«Вечерям» гафизитов были присущи черты художественного действа, совмещавшего литературу, музыку и искусство; ср. дневниковую запись Иванова от 17 июня 1906 г.: «Гафиз должен сделаться вполне искусством. Каждая вечеря должна заранее обдумываться и протекать по сообща выработанной программе» (*Иванов.* С. 752). Частная мифология кружка отразилась в стихотворениях Иванова (*Там же.* С. 342–343, 738–739), Городецкого (*Cheron.* P. 420) и Кузмина (*Кузмин, 1977.* С. 446–447; *Богомолов, 1995.* С. 72), а также в рассказе Ауслендера «Записки Ганимеда» (Весы. 1906. № 9. С. 15–22). Замысел Иванова написать роман «Северный Гафиз» (*Кузмин, 2000.* С. 153, 472) или же издать литературно-художественный сборник под тем же названием не был реализован.

Тайна, которой гафизиты окружали свой кружок, побуждала современников к сплетням: «До меня дошло, что там танцуют голые женщины из хорошего общества,

недавно вышедшие замуж. Это отвратительно и даже хуже, чем то, что написал Ганимед» (письмо А. А. Смирнова к В. Ф. Нувелю от 16 ноября 1906 г.; *Кузмин, 2000.* С. 494). Рецензент одной из работ исследователя гафизитов Н. А. Богомолова отмечал «целомудренно-скупые упоминания <...> об эротической стороне “тех сборищ ночных”» (*Николаенко*). Однако, судя по мемуарной заметке М. А. Кузмина 1934 г., эротический аспект деятельности кружка не следует преувеличивать: «Если не считать, что Лид. Дм. сопела на Бакста, а Вяч. Ив. неумело лез к Городецкому, хихикая и поминутно теряя пенсне, то особенного, против обычных застольных вечеров, разврата не было» (*Кузмин, 1998.* С. 98). Идеям общества гафизитов близка концепция кружка ⇨ Фиас.

Лит.: *Иванов В. И.* Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. 2. С. 342–343, 738–739, 744–752; *Кузмин М. А.* Собр. стихотв. München, 1977. Т. 3. С. 446–447, 707–709; *Malmstad J. E.* Mixail Kuzmin: A Chronicle of His Life and Times // Там же. P. 96–97; Константин Андреевич Сомов: Мир художника: Письма. Дневники. Суждения совр. М., 1979. С. 95; *Cheron G.* The Diary of Mixail Kuzmin, 1905–1906 // Wiener Slawistischer Almanach. 1986. Bd. 17. P. 392, 395, 413–421; *Богомолов Н. А.* Эпизод из петерб. культурной жизни 1906–1907 гг. // Блоковский сб. Тарту, 1988. Вып. 8. С. 95–111; *Davidson P.* The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov. Cambridge, 1989. P. 112–116; De visu. 1993. № 4 (5). С. 96; Театр. 1993. № 5. С. 160; *Николаенко В. В.* [Рец. на кн.:] Серебряный век в России. М., 1993 // Новое лит. обозр. 1994. № 8. С. 343; *Богомолов Н. А.* Михаил Кузмин: Статьи и мат-лы. М., 1995. С. 67–98; *Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э.* Михаил Кузмин: иск-во, жизнь, эпоха. М., 1996. С. 109–110; *Кузмин М. А.* Дневник 1934 года. СПб., 1998. С. 93, 98–99, 293–295; *Богомолов Н. А.* Рус. лит. первой трети XX в.: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 461–462; *Кузмин М. А.* Дневник 1905–1907. СПб., 2000. С. 131–133, 139–140, 142–143, 153, 159–160, 174, 177, 261, 306.

«**ЕДИНОРОГ**» (полное название: **САЛОН ИСКУССТВ «ЕДИНОРОГ»**) – литературно-художественное объединение в 1916–1917 гг. в Москве. В его состав входили поэты и художники: Е. И. Зайденер-Садд, В. В. Королевич, А. Ф. Микули, И. Ф. Рахманов. В помещении салона с 26 декабря 1916 г. по 22 января 1917 г. экспонировалась выставка картин «Искусство в прошлом и настоящем русских и иностранных художников»; там же с 29 января по 26 февраля состоялась выставка картин «Группы москвичей» (*Лапшин.* С. 313–314, 316). В июне 1917 г. в салоне открылась «1-я летняя выставка картин»; среди участников: К. Ю. Клевер, И. Ф. Рахманов, И. С. Федотов и др. (*Лапшин.* С. 374). Под издательской маркой объединения вышли в 1916 г. стихотворные сборники «Смуглое сердце» Королевича и «Птица-Галка» Микули.

Лит.: *Лапшин В. П.* Худож. жизнь Москвы и Петрограда в 1917 г. М., 1983. С. 313–314, 316, 350, 374; РП. 1994. Т. 3. С. 77.

ЕФРЕМОВА ЧЕТВЕРГИ (ВТОРНИКИ) – литературные журфиксы, проходившие с 1870 по 1893 г. на квартире П. А. Ефремова в Петербурге (Лиговка, близ ул. Итальянской). «Собирались у Ефремова библиофилы, библиографы и писатели» (*Березин-Ширяев.* С. 29). На вечерах бывали М. А. Антонович, Н. П. Барсуков, Я. Ф. Березин-Ширяев, Г. Н. Геннади, И. И. Глазунов, Я. К. Грот, Г. П. Данилевский, П. Я. Дашков, Н. А. Демерт, Н. П. Дуров, Д. Ф. Кобеко, В. С. Курочкин, Н. С. Курочкин, Д. Д. Минаев, А. Н. Неустроев, И. М. Остроглазов, П. И. Пашино, И. П. Пожалостин, Я. П. Полонский, А. П. Пятковский, Г. К. Репинский, М. И. Семевский, Д. П. Сильчевский, А. М. Скабичевский, Ф. И. Стравинский, Н. Н. Страхов, А. С. Суворин, Е. Н. Тевяшов, П. П. Шибанов, С. Н. Шубинский, В. К. Шульц и др.

Березин-Ширяев вспоминал: «У Ефремова собирались по четвергам, вечером начиная от 8 часов, и посетители являлись в 9, 10 и 11 часов, а расходились большею частью в 2 и 3 часа ночи. Такие вечера начинались с сентября месяца и продолжались до апреля. Беседы на этих вечерах были преимущественно о русских книгах, о портретах русских деятелей и о литературе вообще, причем рассматривались редкие и

замечательные книги, портреты и виды городов, которых у Ефремова находилось большое собрание» (*Там же.* С. 30). «Оживленная беседа тянулась всегда далеко за полночь, и чего-чего только нельзя было услышать на этих вечерах по части как литературных, так и политических фактов тогдашнего, равно как и предыдущего, времени. И хозяин и его гости всегда сообщали много любопытного друг другу или обменивались интересными литературными воспоминаниями» (*Сильчевский*).

Лит.: *Сильчевский Д. П.* П. А. Ефремов: (Некролог. заметка) // Минувшие годы. 1908. № 1. С. 292; *Березин-Ширяев Я. Ф.* Из записок / Сообщ. А. Родных // Рус. библиофил. 1912. № 3. С. 29–31; *Шибанов П. П.* Друзья книги / Публ. Е. П. Шибановой и А. П. Толстякова // Книга: Исслед. и мат-лы. М., 1973. Сб. 27. С. 159–160.

ЖАКОВА КРУЖОК – существовал во второй половине 1900-х – начале 1910-х гг. в Петербурге. Литературно-философский кружок К. Ф. Жакова посещали А. С. Грин, Янка Купала, Я. А. Назаренко, И. И. Садофьев, А. П. Чапыгин, В. Б. Шкловский. «Тут разгорались страстные споры по социальным вопросам, иногда занятия затягивались до поздней ночи» (*Назаренко*). См. также: Литературный кружок ⇨ Черняевцев.

Лит.: *Назаренко Як.* Певец Октября: К 80-летию со дня рождения Ильи Садофьева // Нева. 1969. № 11. С. 185; *Шкловский В. Б.* Ледоход // Восп. об Александре Грине. Л., 1972. С. 204; РП. 1992. Т. 2. С. 254.

«**ЖАТВА**» (**КРУЖОК АЛЬВИНГА**) – группа литераторов «аморфно-модернистской ориентации» (РП. 1989. Т. 1. С. 56), «символист[ской] ориентации» (*Там же.* С. 112), сформировавшаяся вокруг московского издательства «Жатва» (1910–1916), основанного А. Альвингом и Е. Е. Курловым. В состав кружка входили А. Альвинг, Е. Я. Архиппов, Н. Ф. Бернер, А. И. Булдеев, А. Н. Выезжев, М. Гипси, Е. Е. Курлов, Б. А. Лавренев, Н. М. Мешков, В. М. Отроковский, Г. И. Рыбинцев, М. Б. Сандомирский, В. Г. Сахновский, Д. С. Усов, П. П. Филиппович и др.

Участников кружка объединял «культ И. Ф. Анненского»; по словам В. Ф. Ходасевича, этот кружок поклонников Анненского был «единственным в своем роде, ибо подобных кружков в России вообще не водилось» (цит.: *Тименчик.* С. 107; источник не указан). Издательство «Жатва» выпустило ряд одноименных альманахов (один ненум. вып. и кн. [1]–8. 1911–1916), сборник «Песни “Жатвы”. Тетрадь первая» (М., 1915), стихотворные сборники Бернера «Одиннадцать» (1915), Гипси «Пленная птица. Записи» (1916), Курлова «Полымя» (1915) и Сандомирского «Марина Мнишек» (1914), книги Архиппова «Библиография Иннокентия Анненского» (1914) и «Миртовый венец: [Статьи]» (1915).

Лит.: *Голубева О. Д.* Лит.-худож. альм. и сб-ки: 1900–1911. М., 1957. № 536; *Рогожин Н. П.* Лит.-худож. альм. и сб-ки: 1912–1917. М., 1958. № 13–15, 120, 241; *Лавров А. В., Тименчик Р. Д.* Иннокентий Анненский в неизданных восп. // Памятники культуры: Новые открытия. 1981. Л., 1983. С. 62; *Тименчик Р. Д.* Поэзия И. Анненского в читательской среде 1910-х гг. // Блоковский сб. Тарту, 1985. Вып. 6. С. 107–109; *Богомолов Н. А.* Мат-лы к библиогр. рус. лит.-худож. альм. и сб-ков. 1900–1937. М., 1994. № 20, 41, 47; РП. 1999. Т. 4. С. 39.

«**ЖУРНАЛА ДЛЯ ВСЕХ**» **КРУЖОК** (**КРУЖОК В. С. МИРОЛЮБОВА**) – группа писателей-реалистов, сотрудников «Журнала для всех» (СПб., 1896–1906), существовавшая в начале 1900-х гг. в Петербурге. Во главе кружка стоял В. С. Миролюбов (издатель журнала с 1898 г.); «...как-то сам собою около Миролюбова образовался кружок поэтов и беллетристов, которых он, сам ничего не писавший, “учил” писать» (*Скиталец.* С. 444). В состав кружка входили М. П. Арцыбашев, В. В. Башкин, Л. М. Василевский, Б. А. Лазаревский, В. В. Муйжель, С. А. Найденов, С. Г. Скиталец, И. Д. Сургучев, гр. А. Н. Толстой, С. С. Юшкевич.

Лит.: *Скиталец С. Г.* Повести и рассказы. Восп. М., 1960. С. 443–444; *Дейч А. И.* Арабески времени // Звезда. 1968. № 12. С. 198; *Дейч А. И.* День нынешний и день минувший: Лит. впе-

чатления и встречи. М., 1969. С. 294; *Леденев А. В.* Писательские объединения в рус. демокр. лит. конца XIX – нач. XX в. // Из истории рус. реализма конца XIX – нач. XX в. М., 1986. С. 63.

«**ЗА́ДРУГА**» – «кооперативное товарищество издательского и печатного дела», существовавшее в 1911–1922 гг. в Москве. Объединение было основано 12 декабря 1911 г.; тогда же «двадцать семь московских литераторов и педагогов заключили между собой товарищеский договор для издания книг, внеся по совокупности в общую кассу несколько тысяч рублей» (Отчет. С. 8). В составе группы учредителей были В. Н. Бочкарев, А. М. Васютинский, Л. П. Гендрикова, И. М. Громогласов, Н. П. Губский, А. К. Дживелегов, Н. А. Касаткин, В. М. Кудрявцев, А. Г. Лапицкий, С. П. Мельгунов, П. Е. Мельгунова, В. П. Обнинский, В. Н. Перцев, С. В. Петерсон, В. И. Пичета, Т. И. Полнер, Б. И. Романов, В. И. Романов, В. П. Санстрем, И. Н. Сахаров, К. В. Сивков, В. Е. Степанова, Б. Е. Сыроечковский, А. А. Титов, Б. В. Титова, А. М. Шуберт и Л. Н. Юровский.

Устав товарищества был официально утвержден 24 января 1915 г.; его члены поставили своей целью «давать книги хорошие, по возможности дешевые, и в то же время поднять оплату труда» (цит.: *Леонтьев, Юрьев.* С. 213). По своим полномочиям объединение «явилось совершенно новой в России формой паевого товарищества, соединив права акционерных компаний с принципами кооперативных организаций» (Отчет. С. 14).

Первая книга «Задруги» появилась 21 марта 1912 г. В течение 1912–1913 гг. было издано 42 книги, в 1914 г. – 41 книга, 1916-м – 45, 1917-м – более 250, 1918-м – 70, 1919-м – 68 книг. Издательство выпускало, в первую очередь, книги по истории, обществоведению, истории литературы, педагогике, а также учебники и детские книги; с 1917 г. «Задруга» стала издавать беллетристику, в частности произведения В. Г. Короленко, М. А. Осоргина, Л. Н. Толстого и др. (см. каталог издательства: Отчет. С. 67–86).

В Отчете 1922 г. документирован экономический рост товарищеского предприятия в 1912–1919 гг.: паевой капитал: 1912 – 18 500, 1913 – 35 000, 1916 – 92 000, 1917 – 385 000 рублей; денежный оборот: 1912 – 30 000, 1913 – 79 000, 1914 – 146 000, 1916 – 225 000, 1918 – свыше 4 000 000, 1919 – 6 500 000 рублей; сумма реализации книг: 1912 – 5000, 1913 – 17 000, 1914 – 27 000, 1916 – 62 000, 1917 – 1 000 000, 1918 – 2 000 000, 1919 – 3 500 000 рублей.

Число членов-пайщиков увеличилось с 27 в 1912 г. до 270 в 1917 г.; в 1918 г. насчитывалось 345, в 1919 г. – 580 членов, в том числе более 30 коллективных членов – журналов, обществ, кооперативных организаций. Среди виднейших участников товарищества были Н. В. Давыдов, В. Е. Евгеньев-Максимов, А. А. Кизеветтер, В. Г. Короленко, В. А. Мякотин, М. А. Осоргин, А. В. Пешехонов, И. Н. Розанов, В. И. Семевский, В. Н. Фигнер, М. А. Цявловский, Г. И. Чулков.

В 1916 г. «Задруга» открыла редакционное отделение в Петрограде. В конце марта 1917 г. товарищество приобрело на кредит за 250 000 рублей типографию в Москве; тогда же совместно с издательством газеты «Народное слово» была за 400 000 рублей приобретена типография в Петрограде. С весны 1919 г. «Задруга» начала испытывать серьезные трудности: изъятие запасов бумаги и национализация типографии в декабре 1920 г. привели к резкому сокращению книгоиздательской деятельности. В 1921 г. товарищество выпустило первый и последний номер библиографического журнала «Задруга».

25 декабря 1921 г. состоялось торжественное заседание, посвященное десятилетию объединения; с главной речью выступил руководитель «Задруги» С. П. Мельгунов, охарактеризовавший историю создания, развитие деятельности и актуальное положение товарищества. В заключение он подвел итоги: «Реальные результаты нашей десятилетней издательской деятельности таковы: мы издали более 500 книг, разошедшихся в количестве более 10 000 000 экземпляров. Этот итог мы можем отметить. Мы

объединили около себя несколько сот представителей русской интеллигенции, и тем самым „Задруга“ сделалась не только издательским предприятием, но и делом общественным» (Отчет. С. 36).

В 1922 г. С. П. Мельгунов и другие руководители «Задруги» были высланы за границу, в связи с чем деятельность товарищества фактически прекратилась. Публикация «Писем Короленко к Луначарскому» (Париж, 1922) под маркой «Задруга. Загран. отд.» послужила поводом для окончательного закрытия товарищества (*Леонтьев, Юрьев.* С. 213). С. П. Мельгунов впоследствии вспоминал, что «издательство это, совершенно исключительное в России, представляло авторский кооператив, в котором участвовали многие из выдающихся русских людей» (*Мельгунов.* С. 402).

Лит.: Отчет чрезв. общего собр. членов т-ва «Задруга» и обществ. организаций в день десятилетнего юбилея 25 дек. 1921 г. Пб., 1922; Юбилей «Задруги» // Вестник лит-ры. 1922. № 2/3 (38/39). С. 33–34; «Задруга» // Книговедение: Энц. словарь. М., 1982. С. 185; *Леонтьев Я. В.* Кооперативное изд-во «Задруга» // Кооперация. Страницы истории. М., 1993. Вып. 3; *Леонтьев Я. В., Юрьев Б. И.* «Задруга» // Отечественная история. Энц.: В 5 т. М., 1996. Т. 2. С. 213–214; *Мельгунов С. П.* Восп. и дневники. М., 2003.

ЗАЙЦЕВА ВЕЧЕРИНКИ – встречи литераторов в начале 1910-х гг. в Москве. «В то время у писателя Бориса Зайцева часто бывали вечеринки, на которых молодые писатели и поэты читали свои новые произведения. Я там тоже бывала и впервые услыхала стихи Влади [В. Ф. Ходасевича], которые меня совершенно пленили» (*Ходасевич*). У Б. К. Зайцева бывали А. Я. Брюсов, В. Я. Брюсов, И. А. Бунин, С. А. Кречетов (Соколов), В. Ф. Ходасевич.

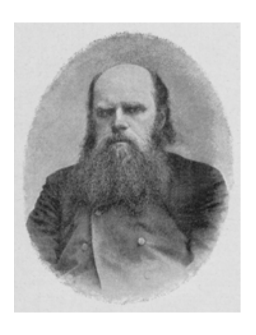
Лит.: *Брюсов А. Я.* Лит. восп. // Север. 1965. № 4. С. 131, 134; *Ходасевич А. И.* Восп. о В. Ф. Ходасевиче // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 394.

Б.К. Зайцев

ЗЛАТОВРАТСКОГО СУББОТЫ – литературные журфиксы у Н. Н. Златовратского, проходившие во второй половине 1880-х и в 1890-е гг. в Москве (Большой Спасский пер., затем – Малая Бронная). По воспоминаниям дочери хозяина С. Н. Златовратской, на этих так называемых «шекспировских вечерах» «по субботам <...> собирались друзья и почитатели отца, много студенческой молодежи» (*Златовратская.* С. 354); на вечерах бывали также петербургские литераторы и писатели-самоучки из ⇨ Кружка писателей из народа; Н. Д. Телешов вспоминал: «...я бывал у него на субботних вечеринках, в обществе преимущественно писателей из народа и писателей о народе» (*Телешов.* С. 133).

Среди посетителей были Н. М. Астырев, К. Д. Бальмонт, И. А. Белоусов, Ю. А. Бунин, В. П. Воронцов, Ф. Т. Гаврилов, В. А. Гольцев, М. И. Городецкий, И. А. Данилин, С. Д. Дрожжин, В. Е. Ермилов, П. В. Засодимский, А. А. Коринфский, А. Р. Крандиевская, Н. А. Лазарев-Темный, М. Л. Леонов, Д. Н. Мамин-Сибиряк, В. Н. Маракуев, В. С. Миролюбов, Вас. И. Немирович-Данченко, Ф. Д. Нефедов, Л. П. Никифоров, А. С. Пругавин, А. М. Розов, С. Т. Семенов, А. М. Скабичевский, К. М. Станюкович, А. М. Федоров, С. Д. Фомин, С. Н. Южаков и др.

Журфиксы у Златовратского охарактеризованы Белоусовым: «...субботы его были скромные: бутылка водки на всех, селедочка, колбаска, вот и угощение, но зато беседы были непринужденны, интересны и содержательны; на них-то и воспитывалась вся рабочая молодежь, которую старый писатель приближал к себе» (*Белоусов, 1929.* С. 63–64).



Н.Н. Златовратский

Лит.: Ист. вест. 1908. Т. 114. № 11. С. 495–496; *И. Д. [Данилин И. А.]* Н. Н. Златовратский // Моск. газета-копейка. 1911. 11 дек.; *Белоусов И. А.* Н. Н. Златовратский: (Из восп. и характеристики) // Путь. 1913. № 1. С. 37–41; *Белоусов И. А.* Лит. Москва: (Восп. 1880–1928). М., 1929. С. 63–64, 72; *Златовратская С. Н.* Из восп. об отце // Златовратский Н. Н. Восп. М., 1956. С. 354, 378–380; *Телешов Н. Д.* Избр. соч.: В 3 т. М., 1956. Т. 3. С. 133–134; Революционеры и либералы России. М., 1990. С. 175; РП. 1992. Т. 2. С. 346; *Мурзина М. А.* «Благороднейший из людей...»: (Восп. А. С. Померанцева об А. П. Чехове) // Чеховиана: Чехов и его окружение. М., 1996. С. 366.

Архивы: *Бунин Ю. А.* «Субботы» у Ник. Ник. Златовратского // РГАЛИ. Ф. 1292 (Бунин Ю. А.). Оп. 3. Ед. хр. 10.

«**ЗНАНИЕ**» – группа писателей-реалистов, объединившаяся вокруг петербургского книгоиздательского товарищества «Знание» (1898–1913), основанного по инициативе К. П. Пятницкого; первоначально пайщиками были О. Н. Попова, В. А. Поссе, братья В. Д. и Д. Д. Протопоповы, К. П. Пятницкий, Г. А. Фальборк и А. П. Чарушников. Договор об организации товарищества был подписан 15 мая 1898 г. Издательство выпускало преимущественно научно-популярную литературу, преследуя не коммерческие, а культурно-просветительские цели.

В сентябре 1900 г. в члены товарищества вступил М. Горький. Его предложение расширить беллетристический отдел и сплотить вокруг «Знания» молодых писателей-реалистов было отвергнуто большинством пайщиков. В результате в 1902 г. 6 вкладчиков продали свои паи Горькому, и в товариществе осталось два полноправных члена – Горький и Пятницкий. В договоре, заключенном между ними 8 марта 1904 г., оговорены размеры их вкладов: Пятницкого – 40 000, Горького – 90 000 рублей (*Воронин, 1989.* С. 132).

Постепенно издательство почти полностью переключилось на выпуск современной художественной литературы; произведения привлекавшихся к сотрудничеству авторов печатались в «Сборниках товарищества “Знание”» (1904–1913. Сб. 1–40) и отдельными изданиями. Широкие масштабы деятельности – большое число изданий (кроме сборников, свыше 500 книг), сравнительно высокие тиражи, участие лучших авторов реалистической школы – обеспечили издательскому объединению репутацию крупнейшего центра «антидекадентской» литературы.

В сборниках печатались Д. Я. Айзман, А. В. Амфитеатров, Л. Н. Андреев, С. Г. Астров, Ш. Аш, И. А. Бунин, В. В. Вересаев, Н. Е. Гарин-Михайловский, М. Горький, С. И. Гусев-Оренбургский, Л. Г. Дейч, С. Я. Елпатьевский, А. А. Золотарев, Н. С. Каржанский, И. М. Касаткин, А. А. Кипен, С. С. Кондурушкин, Ф. Д. Крюков, А. И. Куприн, А. А. Лукьянов, С. Д. Махалов, Е. М. Милицына, С. А. Найденов, Л. А. Никифорова, М. В. Новорусский, Я. М. Окунев, М. М. Пришвин, И. С. Рукавишников, А. К. Семенов, А. С. Серафимович, С. Г. Скиталец, Л. А. Сулержицкий, И. Д. Сургучев, Е. М. Тарасов, Н. Д. Телешов, К. А. Тренёв, А. М. Федоров, В. Н. Фигнер, А. С. Черемнов, А. П. Чехов, Е. Н. Чириков, И. С. Шмелев, С. С. Юшкевич, В. И. Язвицкий и др. «В большинстве своем состав писательской группы захватывал всех революционно или оппозиционно настроенных писателей своего времени, а это совпадало с духом времени и настроением читательских масс. Никаких особенных выгод для всех нас, кроме Максима Горького и Пятницкого, отсюда, впрочем, не проистекало, ибо мы пайщиками издательства не были и лишь получали усиленный гонорар сравнительно с установленным в других изданиях. Сливки снимались “хозяевами предприятия”, в карманы которых и шла вся так называемая “прибавочная стоимость”» (*Чириков, 1993.* С. 358).

После революции 1905 г. усилились идеологические разногласия внутри группы «знаньевцев». Горький сблизился с большевиками и превратил «Знание» в литературно-публицистическое издательство, выпуская в новой серии «Дешевая библиотека» (1906–1908) наряду с беллетристикой (156 названий) и политическую публицистику – «Манифест Коммунистической партии», произведения немецких теоретиков социа-

лизма, брошюры В. В. Воровского, А. В. Луначарского, В. П. Ногина, Я. М. Свердлова и других большевистских партийных деятелей. Затея издания дешевых книг для народа и брошюр по вопросам социализма опустошила кассу товарищества и обернулась серьезным финансовым кризисом. Едва ли не единственно прибыльными остались литературные сборники «Знания», но отъезд за границу Горького и Пятницкого, обусловленный послереволюционной ситуацией в стране, не позволял осуществлять качественную редактуру сборников.

Это побудило владельцев издательства в начале 1907 г. предложить Л. Н. Андрееву редактировать сборники «Знания». Выдвинутые Андреевым условия – прекращение выпуска «демократической» публицистики и привлечение к сотрудничеству писателей-модернистов – Горький, в отличие от Пятницкого, не принял, после чего Андреев отказался от редактирования сборников; в письме Горькому от 13 авг. 1907 г. Андреев объяснял свое решение: «причина в различном отношении нашем к писателям и более того – в различном отношении к самой задаче сборников» (ЛН. 1965. Т. 72. С. 290). Вскоре самые маститые «знаньевцы» Андреев, Куприн, Чириков, а вслед за ними и другие известные авторы покинули «Знание». Оставшиеся с Горьким (в основном начинающие) авторы и вновь привлеченные к сотрудничеству писатели не смогли обеспечить сборникам «Знания» прежний уровень. Интерес к сборникам у публики и у Горького ослабел; в 1911 г. он доверил редакторство В. С. Миролюбову. Разногласия между двумя пайщиками в ведении дел издательства достигли в 1913 г. своего пика, и товарищество прекратило свое существование. Ср. также: ⇨ Издательское товарищество писателей; ⇨ Книгоиздательство писателей в Москве.

Лит.: *Чириков Е. Н.* Мое участие в группе «Знание» // Сегодня (Рига). 1927. 20 янв. № 15; *Ежов И.* «Знание» // ЛЭ. 1930. Т. 4. С. 349–350; *Голубев В. З.* М. Горький и «Знание» // Звезда. 1938. № 10. С. 216–230; *Олейников Ю. М.* М. Горький и «Знание» // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1947. Т. 58. С. 123–239; *Касторский С. В.* Статьи о Горьком. Л., 1953. С. 241–251; *Волков А. А.* М. Горький и лит. движение конца XIX – нач. XX в. М., 1954. С. 40, 83–183; *Касторский С. В.* Реалист. проза. Горький и «Знание» // История рус. лит. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 430–450; *Михайлова А. Н.* Архив изд-ва «Знание» // Ист. архив. 1955. № 6. С. 204–206; *Гамалий Н. В.* Редакторская деятельность А. М. Горького в изд-ве «Знание» (1900–1906 гг.) // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та. 1957. Т. 54. Тр. каф. сов. лит. Вып. 1. С. 131–163; *Голубева О. Д.* Из истории изданий рус. альм. нач. XX в. // Книга: Исслед. и мат-лы. М., 1960. Сб. 3. С. 302–308; *Гамалий Н. В.* Отражение социальной действительности в сб-ках «Знания» в период подготовки и проведения первой рус. революции (1904–1906 гг.) // Тр. Моск. ист.-арх. ин-та. 1963. Т. 18. С. 95–115; *Корецкая И. В.* «Знание» // КЛЭ. 1964. Т. 2. С. 1029–1030; *Нинов А.* Бунин в «Знании» // Рус. лит. 1964. № 1. С. 184–201; *Касторский С. В.* Писатели-знаньевцы в эпоху первой рус. революции // Революция 1905 г. и рус. лит. М.; Л., 1965. С. 64–111; *Голубева О. Д.* Горький – издатель. М., 1968. С. 5–61; *Дымшиц А. Л.* Проблемы и портреты. М., 1972. С. 153–173; *Люблинский С. Б.* К истории возникновения т-ва «Знание» // Рус. лит. 1972. № 2. С. 188–190; *Семеновский О. В.* М. Горький и С. Юшкевич: К вопросу о лит. политике Горького в изд-ве «Знание» // Лит. и время. Кишинев, 1973. С. 46–62; Книговедение: Энц. словарь. М., 1982. С. 189; *Келдыш В. А.* Сб-ки т-ва «Знание» // Рус. лит. и журналистика нач. XX в. 1905–1917: Большевистские и общедемокр. изд. М., 1984. С. 228–279; «Вас как художника ставлю высоко...»: (Письма К. П. Пятницкого к И. А. Бунину) / Вступ. ст., подгот. текстов и примеч. С. Д. Воронина // Книга: Исслед. и мат-лы. М., 1989. Сб. 58. С. 131–148; *Воронин С. Д.* Архив изд-ва «Знание» // Встречи с прошлым. М., 1990. Вып. 7. С. 297–309; *Чириков Е. Н.* На путях жизни и творчества: Отрывки восп. // Лица. М.; СПб., 1993. Вып. 3. С. 356–363, 374, 407–410; *Banchetti B.* Le raccolte letterarie della casa editrice «Znanie» // Europa Orientalis. Salerno, 1993. Vol. 12. № 2. P. 183–203.

Архивы: РГАЛИ. Ф. 599 («Знание»).

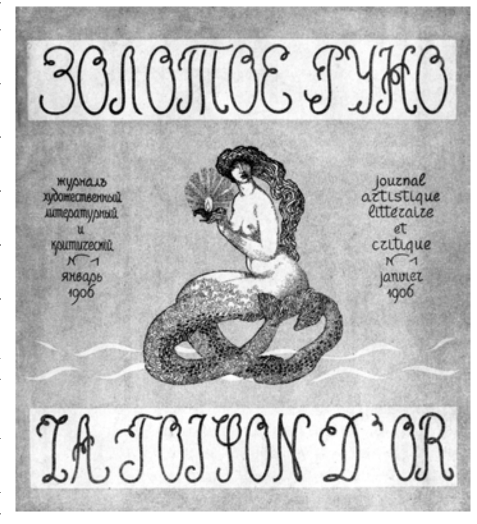
«**ЗОЛОТАЯ ГРОЗДЬ**» (**САЛОН Л. Н. СТ ЛИЦЫ**) – литературно-артистический салон Л. Н. Столицы в 1910-е гг. в Москве. На вечерах бывали Н. А. Архипов, Н. С. Ашукин, М. П. Гальперин, Е. В. Гельцер, А. Н. Ершов (брат хозяйки), С. А. Есенин,

С. А. Клычков, Н. А. Клюев, Л. Ф. Копылова, К. А. Липскеров, Анна Мар, Н. М. Мешков, С. Я. Парнок, Н. Ю. Поплавская, С. Я. Рубанович, Л. Д. Рындина, Д. Н. Семеновский, Н. Я. Серпинская, Н. Д. Телешов, А. И. Тиняков, В. Ф. Ходасевич, В. В. Холодная, А. Я. Цинговатов, А. А. Чумаченко, В. Л. Юренева и др.

Как вспоминала Серпинская, «на “Золотой грозди” собирались те, кто мог любить искусство, опьяняться чувственными минутами наслаждения, не заглядывая глубоко в настоящее, не предвидя будущего или, как я, махнув на все рукой» (*Серпинская.* С. 145). Приглашения на вечера Столица «посылала на белой карточке с золотой виноградной кистью сбоку. В уютной квартире выступали поэты, прозаики со своими произведениями, в числе их и хозяйка» (*Рындина*). На вечерах у Столицы «было несравненно оживленней, чем во всех посещаемых мною салонах богатых меценатов, не говоря о светских банкетах и ужинах после благотворительных концертов. <...> Здесь — все считали себя людьми одного круга, веселились и показывали таланты без задней мысли о конкуренции» (*Серпинская.* С. 147). «Вакхическое» начало вечеров подчеркивается в воспоминаниях В. Ф. Ходасевича о кружке: «Скажу по чести — пития были зверские, а продолжались они до утра — в столовой, в гостиной, в зале. Порой читались стихи, даже много стихов, подходящих к случаю, — только уже не все способны были их слушать. Бывали и пения хором, и пляски. <...> Перебывала же на “Золотой грозди”, кажется, вся литературная, художественная и театральная Москва» (*Ходасевич*; цит.: *Акимова, Дворникова.* С. 21).

Лит.: *Ходасевич В. Ф.* Книги и люди // Возрождение (Париж). 1934. 15 марта. № 3207. С. 3; *Шошин М.* Фабрика за овином: Повесть и рассказы. М., 1977. С. 153; ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 166, 404—405; РП. 1992. Т. 2. С. 238; *Рындина Л.* Ушедшее // Восп. о серебряном веке. М., 1993. С. 427—428; *Акимова М. В., Дворникова Л. Я.* «Дионисов чудный дар»: Мат-лы для биографии Л. Н. Столицы // Лица. М.; СПб., 1996. Вып. 7. С. 19—22; *Есенин С. А.* Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1996. Т. 4. С. 458—459; РП. 1999. Т. 4. С. 39; *Серпинская Н. Я.* Флирт с жизнью. М., 2003. С. 145—150.

«**ЗОЛОТОГО РУНА» ЧЕТВЕРГИ** — собрания сотрудников московского символистского журнала «Золотое руно» (1906—1909), устраиваемые его издателем Н. П. Рябушинским. Как вспоминал С. А. Виноградов, в редакции на Новинском бульваре «был уютный салон, в котором раза два в неделю по вечерам собирались люди, близкие журналу» (*Виноградов.* С. 430). Среди посетителей были в основном писатели и художники круга модернистов — А. А. Арапов, Ю. К. Балтрушайтис, А. Белый, В. Я. Брюсов, С. А. Виноградов, М. А. Волошин, М. А. Кузмин, П. В. Кузнецов, М. Ф. Ларионов, М. Ф. Ликиардопуло, В. Д. Милиоти, С. А. Поляков, А. М. Ремизов, Б. А. Садовской, Н. Н. Сапунов, Л. Н. Столица, П. Б. Струве, Г. Э. Тастевен, Н. П. Феофилактов.



Обложка первого номера журнала «Золотое руно» (1906. № 1)

Представление о характере редакционных вечеров дает мемуарное свидетельство Садовского: «По четвергам на вечерних приемах сотрудникам предлагалось шампанское, красное и белое вино, ликеры, сигары, фрукты, чай и лакомства. <...> Для входа на четверги необходимо было иметь каждый раз особое печатное приглашение. Иногда Тастевен и секретарь “Весов” Ликиардопуло, с перьями за ухом, исполняли под пианино “танец секретарей”» (*Садовской*). В днев-

нике Кузмина описан вечер 25 января 1907 г.: «Были фрукты, вино, конфеты» (*Кузмин.* С. 313). В. Я. Брюсов сообщал З. Н. Гиппиус в письме от 22 мая 1907 г., что он «на четвергах разные элементарные истины вбивал в голову <...> плоскочерепных руководителей [“Золотого руна”]» (ЛН. 1976. Т. 85. С. 696). Возможно, на одном из Четвергов весной 1907 г. произошел инцидент с редактором литературного отдела журнала А. А. Курсинским, упомянутый в воспоминаниях А. Белого; см.: ⇨ Символисты.

Лит.: *Белый А.* Между двух революций. М., 1990. С. 220, 510; *Садовской Б. А.* Записки (1881–1916) // Рос. архив. М., 1991. Вып. 1. С. 154; *Виноградов С. А.* О странном журнале, его талантливых сотрудниках и моск. пирах // Восп. о серебряном веке. М., 1993. С. 430–432; *Думова Н.* Вечера на Новинском // Памятники Отечества. М., 1993. № 1/2. С. 55–60; *Кузмин М. А.* Дневник 1905–1907. СПб., 2000. С. 313, 510.

«**ЗОРИ**» – литературный кружок, существовавший в 1906–1907 гг. в Москве. Группа молодых литераторов объединилась вокруг еженедельного литературно-художественного журнала «Зори» (выходившего в качестве субботних или понедельничных номеров издаваемой Вал. А. Кожевниковым ежедневной газеты «Книговедение»). Этот «тоненький журнальчик мистико-романтического свойства» (*Зайцев.* Т. 2. С. 378) выходил в феврале–мае 1906 г. (№ [1]–11/14). «Нас было несколько молодых литераторов и два-три старших, и через всех нас прошел какой-то романтически-весенний ток: “Зори” сделались не только лишь журналом, но и умонастроением и какой-то душевной направленностью» (*Там же.* С. 376), называемой участниками кружка «зоризмом». В состав группы входили А. П. Воротников, В. А. Высоцкий, С. С. Голоушев, Б. А. Грифцов, А. Ф. Диесперов, Б. К. Зайцев, Муни (С. В. Киссин), П. А. Кожевников, А. А. Койранский, П. П. Муратов, К. К. Первухин, Н. Е. Поярков, В. И. Стражев, Эллис, М. А. Эртель, П. М. Ярцев; в журнале сотрудничал также А. Белый. «Объединяли участников родственные черты – некое “русское” (левое) настроение, тяготение к мистицизму и христианству, надежды на зарождавшееся народоправство мирного толка (первые Думы), в литературе и искусстве модернизм умеренного оттенка и *не* брюсовского духа» (*Зайцев.* Т. 3. С. 356).

Как вспоминал Зайцев, участники кружка «осенью вновь соединились и всю зиму собирались у меня на Спиридоновке <...> для издания нового “органа”, на этот раз вполне собственного» (*Зайцев.* Т. 2. С. 378). Этим органом стала еженедельная газета «Литературно-художественная неделя», выходившая с 17 сентября по 8 октября следующего, 1907 г. (№ 1–4). Газета являлась «продолжением “Зорь”, но более боевого и задирчивого типа» (*Там же*).

В программном редакционном предисловии к первому номеру подвергались резкой критике ⇨ Символисты; в частности, говорилось о «старческой дряхлости» К. Д. Бальмонта и В. Я. Брюсова (см.: *Белый, 1990.* С. 512–513). В следующем номере от 24 сентября была напечатана статья Грифцова «Об Александре Блоке, искренности и декадентстве», содержащая иронические намеки на Белого. Именно личная обида из-за второго номера (а не оскорбление, нанесенное якобы Брюсову в первом номере, как утверждал в своих воспоминаниях Белый) послужила, по-видимому, поводом для вспыхнувшей вскоре ссоры (*Малмстад.* С. 206). Задетый выходкой Белый, встретив случайно в редакции журнала «Перевал» сотрудника газеты Муратова, «набросился на него исступленно, поносил и его и нас в выражениях полупечатных» (*Зайцев.* Т. 3. С. 357; ср.: *Белый, 1990.* С. 225). В ответ редакция послала Белому 24 сентября 1907 г. «письмо-ультиматум» с требованием извинений (текст см.: *Белый, 1990.* С. 513). Белый в письме к Стражеву от 25 сентября отказался сделать это (текст см.: *Малмстад.* С. 207–210). День спустя в редакции газеты (во 2-м Смоленском пер.) состоялась объяснительная встреча Белого с подписавшими «письмо-ультиматум» Грифцовым, Зайцевым, Муратовым и Стражевым, в ходе которой Белый подтвердил, что он считает «Литературно-художественную неделю» «газетой хулиганского типа» (*Белый, 1990.* С. 513) и заявил о выходе из состава сотрудников; Белый упомянул в письме к А. А. Блоку от 27 сентября 1907 г. о происшедшем в редакции «инциденте» (см.: *Блок, Белый*).

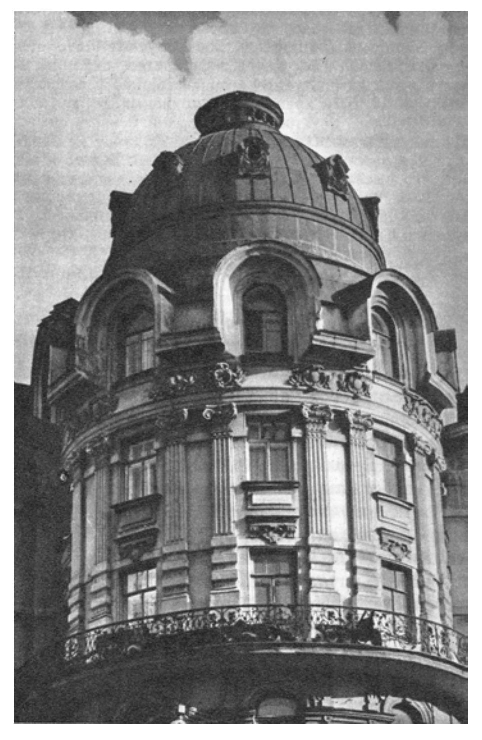
Газета вскоре прекратила свое существование — «от безденежья и “холодности” публики. Зористы же ходили ко мне целую зиму. Эти собеседования были очень горячи, искренни и светлы. Все-таки у нас было что-то вроде братства, секты романтиков; внутренний голос нас сводил; из душевной потребности родилось общение. Мы даже пытались определить “зорическое” миросозерцание» (*Зайцев.* Т. 2. С. 378).

Четыре месяца спустя Белый в февральском номере «Весов» за 1908 г. напечатал полемическую статью против не названных по имени эпигонов модернизма, применив выражение «обозная сволочь» (см.: *Бугаев, 1908.* С. 71). Как утверждал впоследствии Белый, «кто-то из сплетников, ерзающих между нами и группою Зайцева, распространил клевету, будто я разумел Зайцева, Стражева» (*Белый, 1990.* С. 226), что привело к очередным объяснениям Белого с этими литераторами. Кого бы Белый ни подразумевал в этой статье (впрочем, Зайцев и Стражев упоминаются в ее начале), высказывания о «группе Зайцева» в другом месте мемуаров подтверждают, что Белый в «зористах» видел именно «эпигонов символизма и реализма»: «Опасным симптомом предстала молодая группа московских литераторов, объявивших себя символистами третьей волны: <...> лидером группы был Виктор Стражев. Входивший в маститость уже Борис Константинович Зайцев отечески опекал эту группу» (*Белый, 1990.* С. 178).

Лит.: *Бугаев Б. [Белый А.].* На перевале. Вольноотпущенники // Весы. 1908. № 2. С. 69–72; *Блок А. А., Белый А.* Переписка. М., 1940. С. 218; *Белый А.* Между двух революций. М., 1990. С. 178, 225–226, 512–514; РП. 1992. Т. 2. С. 586; *Зайцев Б. К.* Соч.: В 3 т. М., 1993. Т. 2. С. 375–379, 414; Т. 3. С. 356–358; *Малмстад Дж.* Кое-что об Андрее Белом // Новое лит. обозр. 2000. № 41. С. 204–212; *Темяков В. В.* Б. К. Зайцев и кружок московских молодых литераторов // Проблемы изучения жизни и творчества Б. К. Зайцева. Калуга, 2001. Вып. 3. С. 239–244.

ИВАНОВА СРЕДЫ (**ИВАНОВСКИЕ СРЕДЫ**) — литературно-философские собрания в 1900-е гг. на квартире Вяч. И. Иванова и его жены Л. Д. Зиновьевой-Аннибал в Петербурге (ул. Таврическая, д. 25, кв. 24). Иванов переехал с семьей в Петербург в июле 1905 г.; с сентября Ивановы устраивали журфиксы по средам для гостей; «среда день наших приятелей», — писал Иванов В. Я. Брюсову 20 сентября 1905 г. (ЛН. 1976. Т. 85. С. 485). Как вспоминает В. А. Пяст, первая Среда состоялась «2-го или 3-го сентября 1905 года» (неточность — ближайшие Среды приходились в данном году на 31 августа и на 7 сентября) и присутствовали на ней лишь В. Ф. Эрн и он (*Пяст.* С. 46). Одну из первых Сред (14 сентября) описывает Иванов в письме к Брюсову от 20 сентября 1905 г.; в этот день у него были К. Д. Бальмонт, О. И. Дымов, Ф. К. Сологуб и Г. И. Чулков (ЛН. 1976. Т. 85. С. 485).

Со временем журфиксы на ивановской «башне» (гостей принимали в круглой угловой комнате на шестом этаже) превратились в многолюдные ночные собрания с устоявшимся порядком и определенным ритуалом. Гости появлялись не раньше одиннадцати часов вечера и расходились, «когда толстое



«Башня» Вяч. Иванова (Петербург, дом на Таврической улице). Современная фотография

солнце палило над крышами» (*Белый, 1990а.* С. 77). Первая из «блистательных» Сред «нового стиля» (*Белый, 1990.* С. 348) состоялась 7 декабря 1905 г.; вечер описан в письме Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к М. М. Замятниной от 11 декабря 1905 г. (ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 233). «Новый стиль» заключался, видимо, в учреждении должности председателя, управляющего ходом ученых диспутов, которыми обычно начинались Среды (председательствовал почти всегда Н. А. Бердяев).

На «башне» (впереди – А.Р. Минцлова, Вяч. Иванов, М.А. Кузмин, сзади – Е.К. Герцык, М.М. Замятнина, В.К. Шварсалон). 1900-е гг.

В числе тем, обсуждавшихся на собраниях у Ивановых, в одном из первых печатных отзывов о Средах названы «искусство и социализм», «романтизм и современная душа», «счастье», «индивидуализм и новое искусство», «актер будущего», «религия и мистика», «одиночество», «мистический анархизм» (*Сюннерберг, 1906*). Как вспоминает другой участник Сред, «темы художественно-литературные, научно-философские и общественно-политические переплетались в сложной игре мудрословия, оплодотворенного эрудицией, и остроумия, вдохновленного наитием» (*Зоргенфрей.* С. 134). После диспутов читали стихи; со своими произведениями выступали едва ли не все бывавшие на Средах поэты.

Одной из наиболее памятных дат в истории «башни» была Среда 28 декабря 1905 г., когда ночью на квартире Иванова появился отряд полиции и были подвергнуты обыску 27 гостей, участников собрания (см. письмо В. Пяста к А. Белому начала 1906 г.; ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 236); ночной обыск описан в воспоминаниях Пяста (*Пяст.* С. 76–79).

Представление о составе участников собраний на «башне» этого периода дает письмо Зиновьевой-Аннибал к Замятниной от 19 января 1906 г., в котором описана Среда 18 января; к письму приложен составленный Ивановым список лиц, бывших на этом вечере («41 + 1 кума»). В числе «молодых поэтов» и «литераторов и ученых» там названы: Л. И. Андрусон, Е. В. Аничков, В. В. Башкин, Н. А. Бердяев, А. А. Блок, В. Я. Брюсов, Л. Е. Галич, С. М. Городецкий, И. Э. Грабарь, О. И. Дымов, В. Н. Ивановский, А. А. Кондратьев, А. И. Косоротов, М. А. Кузмин (см.: *Кузмин, 2000.* С. 101–102), Н. И. Манассеина, В. Ф. Нувель, В. А. Пяст, А. М. Ремизов, А. С. Рославлев, П. С. Соловьева-Allegro, Ф. К. Сологуб, К. А. Сюннерберг, Тэффи, Вас. В. Успенский, Д. В. Философов и Д. М. Цензор; остальные присутствовавшие распределены Ивановым по категориям: «композиторы», «художники», «актеры» и «знакомые (просто)» (ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 235–236; ср. также списки посетителей Сред 15 февраля и 1 марта 1906 г.: *Шишкин, 1998.* С. 328–329, 350–351).

Помимо упомянутых лиц бывали также Н. П. Анненкова-Бернар, М. П. Арцыбашев, С. А. Ауслендер, П. В. Безобразов, А. Белый, И. А. Бунин, Ю. Н. Верховский, Л. Н. Вилькина, М. А. Волошин, В. М. Волькенштейн, М. О. Гершензон, З. Н. Гиппиус, Я. В. Годин, М. Л. Гофман, Л. Я. Гуревич, И. фон Гюнтер, А. И. Дейч, Б. Дикс, С. С. Дубнова,

Б. К. Зайцев, В. А. Зоргенфрей, Иванов-Разумник, А. П. Каменский, В. Н. Княжнин, А. В. Луначарский, Д. С. Мережковский, В. С. Миролюбов, А. Мирэ, С. А. Найденов, В. О. Нилендер, В. В. Розанов, С. Г. Скиталец, С. В. Троцкий, А. В. Тыркова-Вильямс, В. Ф. Ходасевич, А. П. Чапыгин, Ал. Н. Чеботаревская, Ан. Н. Чеботаревская, К. И. Чуковский, Г. И. Чулков, В. Ф. Эрн, С. С. Юшкевич, И. И. Ясинский. На «башне» бывали «поэты, сектанты, философы, богоискатели, корреспонденты» (*Белый, 1990.* С. 357). Как вспоминает Пяст, со временем на Средах стали бывать «около-художники», «около-музыканты», «около-литераторы» (*Пяст.* С. 75); собрания у Иванова «потеряли свой интимный характер и стали слишком многолюдными» (*Бердяев, 1992.* С. 322–323).

Среды продолжались до декабря 1906 г., когда жена Иванова заболела воспалением легких. После ее возвращения из больницы весной 1907 г. состоялось лишь несколько Сред. 22 октября 1907 г. Л. Д. Зиновьева-Аннибал скончалась, заразившись скарлатиной, и с ней, по выражению Бердяева, «умерла и душа» Сред (*Там же.* С. 323).

Осенью 1908 г. Среды возобновились, но изменили свой характер. «Среды стали уж не те – серо и скучновато», – сообщал Блок матери 30 ноября 1908 г. (*Блок А. А.* Письма к родным. Л., 1927. Т. 1. С. 236). Изменился также состав посетителей: на «башне» стали появляться будущие участники ⇨ «Цеха поэтов» – А. А. Ахматова, Н. С. Гумилев, Е. Ю. Кузьмина-Караваева, О. Э. Мандельштам, М. Л. Моравская, П. П. Потемкин, А. Д. Скалдин, гр. А. Н. Толстой, В. В. Хлебников. Одну из Сред позднего периода сатирически изобразил Хлебников в стихотворении «Передо мной варился вар» (*Хлебников В. В.* Неизд. произв. М., 1940. С. 197–201; см.: *Шишкин, 1996.* С. 149–153). С осени 1909 г. «симпосиональную» функцию ивановских сред переняло ⇨ Общество ревнителей художественного слова (см.: *Маковский.* С. 138). Весной 1912 г. Иванов уехал за границу; вернувшись осенью 1913 г. на родину, он поселился в Москве.

«Башня» Иванова была одним из центров литературной жизни Петербурга, местом встреч писателей и людей искусства. «Бывать на Башне по средам считалось почетным. Это был своего рода диплом на принадлежность к верхушкам интеллигенции. Теперь бы сказали, к элите» (*Тыркова-Вильямс.* С. 29).

Ивановские Среды занимают очень видное место в «коллективном сознании» лиц, причастных к культуре Серебряного века. Многочисленные воспоминания посетителей «башни» свидетельствуют о значении Сред для развития русской культуры начала века. «Почти вся наша молодая тогда поэзия, если не “вышла” из Ивановской “башни”, то прошла через нее» (*Маковский.* С. 137).

Лит.: *Сюннерберг К. А.* Худож. жизнь Петербурга // Золотое руно. 1906. № 4. С. 80; *Зоргенфрей В. А.* А. А. Блок // Зап. мечтателей. 1922. № 6. С. 133–134; *Княжнин В. Н.* А. А. Блок. Пб., 1922. С. 88–92; *Аничков Е. В.* Новая рус. поэзия. Берлин, 1923. С. 42–48; *Маковский С. К.* Вячеслав Иванов в России // Новый журнал. 1952. Кн. 30. С. 137–138; *Tschöpl C.* Vjačeslav Ivanov: Dichtung und Dichtungstheorie. München, 1968. S. 25–48; *Дейч А. И.* День нынешний и день минувший. М., 1969. С. 299–301, 309–310; *Guenther J. v.* Ein Leben im Ostwind. München, 1969. S. 120–128; *Дешарт О.* Введение // Иванов В. И. Собр. соч. Брюссель, 1971. Т. 1. С. 92–93, 123–125; *Дешарт О.* [Примеч.] // Там же. Брюссель, 1974. Т. 2. С. 821–825; *Эрберг К. [Сюннерберг К. А.].* Восп. / Публ. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова // ЕжегРОПД. 1977. Л., 1979. С. 128–129, 132–133; *Городецкий С. М.* Восп. об А. Блоке // Александр Блок в восп. совр.: В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 331–333; *Кузьмина-Караваева Е. Ю.* Встречи с Блоком // Там же. Т. 2. С. 62–63; ЛН. 1981. Т. 92, кн. 2. С. 26, 144, 151, 156–157; ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 233, 235–236, 279; *Добужинский М. В.* Восп. М., 1987. С. 271–275; *Пономарева Г. М.* Концепция эроса и «среды» Вяч. Иванова // Лит. процесс и проблемы лит. культуры. Таллинн, 1988. С. 87–90; *Тыркова-Вильямс А. В.* Тени минувшего // Анна Ахматова. Десятые годы. М., 1989. С. 28–32; Горький и его эпоха. М., 1989. Вып. 1. С. 170–171, 187; *Белый А.* Начало века. М., 1990. С. 348, 353–357; *Белый А.* Между двух революций. М., 1990а. С. 76–77; *Бердяев Н. А.* Самопознание. М., 1991. С. 155–156; *Боград Г. Л.* Дом с башней // Дома рассказывают. СПб., 1991. Вып. 1. С. 161–187; *Иванова Л. В.* Восп.: Книга об отце. М., 1992. С. 30–36; *Бердяев Н. А.* Ивановские среды // Там же. С. 319–323; *Ремизов А. М.* Кукха. Розановы письма // Ремизов А. М. Царевна Мымра. Тула, 1992. С. 231–236; Санкт-Петер-

бург. Петроград. Ленинград: Энц. справочник. М., 1992. С. 229–230; *Волошина М.* Зеленая Змея: История одной жизни. М., 1993. С. 152–153; *Гофман М. Л.* Петерб. восп. // Восп. о серебряном веке. М., 1993. С. 371–374; Рус. лит. XX в. в зеркале пародии. М., 1993. С. 87–89; *Дубнова-Эрлих С. С.* Хлеб и маца. СПб., 1994. С. 131–133; ЛН. 1994. Т. 98, кн. 2. С. 484, 486; *Троцкий С. В.* Восп. / Публ. А. В. Лаврова // Новое лит. обозр. 1994. № 10. С. 49–70; *Шишкин А.* Велимир Хлебников на «Башне» Вяч. Иванова // Новое лит. обозр. 1996. № 17. С. 141–167; *Пяст В.* Встречи. М., 1997. С. 46–53, 69–79; *Шишкин А.* Симпосион на Петерб. Башне в 1905–1906 гг. // Русские пиры. СПб., 1998. С. 273–352; *Кузмин М. А.* Дневник 1905–1907. СПб., 2000. С. 101–102, 137, 140, 155, 161, 178, 228, 243–244, 274, 294, 321.

«**ИГРУШЕЧКИ» КРУЖОК** – литературные вечера в редакции детского журнала «Игрушечка», проходившие около 1890 г. в Петербурге. Главой кружка была А. Н. Толиверова-Тюфяева, с 1888 г. издательница-редактор «Игрушечки». На вечерах бывали сотрудники журнала, в том числе Н. С. Лесков, Д. Л. Михаловский, Н. А. Соловьев-Несмелов, Ф. Ф. Фидлер.

Лит.: *Fiedler F.* Aus der Literatenwelt. Göttingen, 1996. S. 92–93.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ – издательское объединение на товарищеских началах, существовавшее в 1911–1914 гг. в Петербурге. В товариществе, возникшем по инициативе Н. С. Клестова-Ангарского, участвовали писатели реалистического направления, стоящие «на платформе широкой демократии» (*Клестов-Ангарский.* С. 343). Учредительное собрание состоялось в начале ноября 1911 г. Устав организации был утвержден 23 июня 1912 г. Члены товарищества при вступлении вносили пай в размере 100 рублей и вступительный взнос в размере 10 рублей.

В числе пайщиков товарищества были Д. Я. Айзман, И. А. Бунин, Б. А. Верхоустинский, Г. Д. Гребенщиков, А. А. Кипен, Н. С. Клестов-Ангарский, С. С. Кондурушкин, А. И. Косоротов, В. Н. Ладыженский, Б. А. Лазаревский, В. Я. Ленский, В. В. Муйжель, П. А. Нилус, Н. Ф. Олигер, А. С. Рославлев, А. С. Серафимович, С. Н. Сергеев-Ценский, С. Г. Скиталец, гр. А. Н. Толстой, А. Г. Туркин, А. М. Федоров, С. А. Холщевников, А. П. Чапыгин, Е. Н. Чириков, И. С. Шмелев, Г. А. Яблочков.

Первым изданием товарищества стал вышедший в феврале 1912 г. «Сборник первый» (СПб., 1912) с участием Бунина, Сергеева-Ценского, Толстого, Шмелева, Федорова и двух нечленов – В. В. Вересаева и В. Я. Брюсова. Готовившийся в начале 1913 г. второй сборник не вышел. Под маркой Издательского товарищества писателей опубликованы следующие книги пайщиков: в 1912 г. – «Рассказы» Верхоустинского (Т. 1), «Рассказы» Шмелева (Т. 2), «Рассказы» Яблочкова (Т. 1); в 1913 г. – «В просторах Сибири: Рассказы» Гребенщикова, «Дома: Рассказы» Ладыженского, «Новая крепь: Очерки и рассказы» Холщевникова, «Нелюдимые: Рассказы» Чапыгина; в 1914 г. – «Степное: Очерки и рассказы» Туркина, «Белый скит: Повести и рассказы» Чапыгина. По свидетельству Клестова-Ангарского, «издательство прекратило свое существование в начале 1913 года» (*Там же.* С. 353).

Своей задачей товарищество ставило объединение писателей-реалистов демократической ориентации и защиту их материальных и профессиональных интересов, поскольку «положение писателей, не желавших потрафлять вкусам лавочников и мещан, становилось все более трудным» (*Там же.* С. 340). Товарищество возникло вследствие трудностей с печатанием своих книг у литераторов данной группы, вызванных снижением покупательского спроса и кризисом идеологически близких издательств, в частности товарищества ⇨ «Знание». Не достигнув успеха, издательское товарищество прекратило существование от безденежья. Многие члены товарищества впоследствии участвовали в организованном Клестовым же и имевшем значительно больший успех паевом ⇨ Книгоиздательстве писателей в Москве.

Лит.: Устав Издательского товарищества писателей. СПб., 1912; *Голубева О. Д.* Издательское товарищество писателей. (1911–1914) // Книга: Исслед. и мат-лы. М., 1963. Сб. 8. С. 410–430;

Вересаев В. В. Восп. М., 1982. С. 507; Письма И. С. Шмелева к Н. С. Клестову-Ангарскому / Публ. А. П. Черникова // Зап. ОР ГБЛ. М., 1986. Вып. 45. С. 248–249; *Ангарская М.* По следам отца. М., 1992. С. 214–227; *Клестов-Ангарский Н. С.* Лит. восп. / Публ. М. Ангарской // Вопр. лит. 1992. № 2. С. 340–353; РП. 1999. Т. 4. С. 425; *Свиченская М.* Издательские товарищества писателей // Книжное дело в России в XIX – начале XX века. СПб., 2003. Вып. 11. С. 61–70.

ИЗМАЙЛОВА ВОСКРЕСЕНЬЯ – проходили в Петербурге в конце XIX – нач. XX в. на квартире А. А. Измайлова. Среди участников: М. Н. Альбов, К. С. Баранцевич, А. Е. Зарин, И. Л. Щеглов (Леонтьев).

Лит.: *Пильский П. М.* Уездный человек в Петербурге: Памяти К. С. Баранцевича // Балтийский архив. V. Рига, 1999. С. 283.

«**ИЗМАЙЛОВСКИЕ ДОСУГИ**» – «единственное в своем роде литературно-драматическое и отчасти музыкальное общество» (*Бертенсон.* С. 245), существовавшее в 1884–1915 гг. в Петербурге и в Царском Селе. Инициатором и бессменным председателем кружка был вел. князь Константин Константинович Романов (публиковавший свои литературные произведения под псевдонимом К. Р.). В состав кружка входили интересующиеся литературой, театром и искусством офицеры лейб-гвардии Измайловского полка (в том числе поэт, поручик В. Ю. фон Дрентельн), в котором К. Р. с 1884 г. командовал первой («Государевой») ротой.

Великий князь
Константин Константинович

Первый литературный вечер кружка состоялся 2 ноября 1884 г. (*Данильченко.* С. 91). Кружок представлял собою «нечто вроде офицерской художественной самодеятельности» (*Герхен.* С. 152); на заседаниях члены читали литературные произведения, доклады, сообщения, проводили литературные конкурсы, музицировали, устраивали любительские спектакли театральных пьес. Специальные вечера были посвящены Фету, Апухтину, Майкову, Хомякову. В юбилейной исторической справке о кружке 1909 г. сообщалось: «Всех “Досугов” до настоящего дня было 223; на них исполнено №№ – 1325, в том числе собственных произведений – 490. Число присутствовавших членов “Досуга” – 9 348» (25-летие «Измайловских Досугов» // Ист. вестн. 1909. № 5. С. 764).

К занятиям кружка привлекались известные писатели, артисты и художники; среди посетителей были гр. А. А. Голенищев-Кутузов, А. Ф. Кони, Н. А. Котляревский, А. Н. Майков, Я. П. Полонский. 9 января 1914 г. участники кружка поставили и сыграли пьесу-мистерию К. Р. «Царь Иудейский».

Лит.: «Царь Иудейский» // Наша старина. 1914. № 1. С. 47–49; *Бертенсон В. Б.* За 30 лет: (Листки из восп.) СПб., 1914. С. 245–249; *Дризен Н. В.* Встречи с К. Р.: Из восп. // Ист. вестн. 1915. Т. 140. № 4. С. 815–816; *Нелюбин Г. [Егор Г.]* «Измайловский досуг» // Сегодня (Рига). 1927. 29 мая; *Ходнев Д. И.* Царь Иудейский: Из восп. // Русская мысль. 1951. 25 апр. С. 4–5; *Данильченко П.* «Измайловские Досуги» // Сб. памяти вел. кн. Константина Константиновича, поэта К. Р. Париж, 1962. С. 90–92; *Бахрушин Ю. А.* Восп. М., 1994. С. 569; Переписка И. А. Гончарова с вел. кн. Константином Константиновичем / Публ. Е. К. Демиховской и О. А. Демиховской // Рос. архив. М., 1994. Вып. 5. С. 176, 238; РП. 1994. Т. 3. С. 123–124; *Муратов А. Б.* Вел. кн. Константин Константинович // К. Р. Времена года: Избр. СПб., 1994. С. 11–12; *Калинин Н. Н., Земляниченко М. А.* Измайловские досуги // Дворянское собр. М., 1995. Вып. 3. С. 214–221; *Епанчин Н. А.* На службе трех императоров. М., 1996. С. 76; *Герхен Т. В.* Лебединая песнь К. Р. // Нева. 1997. № 9.

С. 152–153, 160; *К.Р.* [*К. К. Романов*]. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998. С. 136, 138–139, 149, 168, 190; *Газиянц А. В.* Вклад великого князя К. К. Романова в русскую военную культуру конца XIX века. «Измайловские досуги» // Проблемы культуры и искусства. СПб., 1999. С. 72–74.

ИКСКУЛЬ САЛОН – существовал с середины 1880-х до 1917 г. в Петербурге в доме бар. В. И. Икскуль фон Гильдебрандт (у Аларчина моста на Екатерининском канале; с конца 1890-х гг. – ул. Кирочная). Салон бар. Икскуль считался «одним из слишком немногих в России *настоящих* литературно-политических салонов, в котором умела она соединить людей различнейших положений, взглядов, профессий» (*Ходасевич, 1928*; цит.: *Бокова.* С. 107). Среди посетителей салона были С. А. Андреевский, П. Д. Боборыкин, З. А. Венгерова, З. Н. Гиппиус, М. Горький, И. Н. Дурново, П. Н. Дурново, В. Г. Короленко, М. В. Крестовская, Е. П. Леткова-Султанова, Д. С. Мережковский, Н. М. Минский, Н. К. Михайловский, П. П. Перцов, Э. К. Пименова, И. Е. Репин, Вл. С. Соловьев, В. Д. Спасович, В. В. Стасов, А. П. Чехов, Ф. И. Шаляпин, Т. Л. Щепкина-Куперник.

«Не было представителя искусства, литературы, адвокатуры, публицистики, чего угодно, – который не побывал бы в ее салоне в свое время» (*Гиппиус*). «В гостиной В. И. по ее приемным дням бывали министры, генералитет, академики – и тут же видные деятели литературы, искусства, сцены, но только такие, с именем которых не связывалось никакого скандала» (*Щепкина-Куперник.* С. 378).

На вечерах у Икскуль читались иногда литературные произведения участников. Так, в середине 1890-х гг. Соловьев читал «перед довольно многолюдной публикой» (*Лукьянов*) отрывок из «Оправдания добра». Лекция Соловьева в салоне упоминается в воспоминаниях Репина; известны рисунки, сделанные Репиным на этом вечере (Искусство. 1936. № 1).

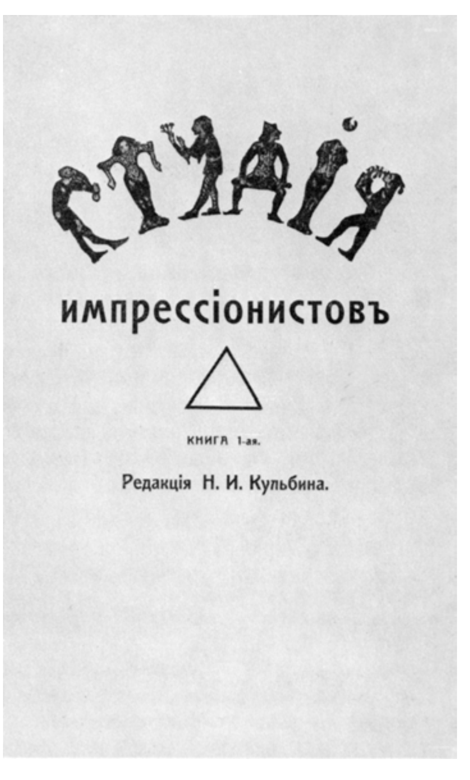
Лит.: *Лукьянов С. М.* О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы: Мат-лы к биогр. Пг., 1916. Кн. 1. С. 133; *Кускова Е. Д.* На рубеже двух миров: (Памяти В. И. Икскуль фон Гильдебрандт) // Дни. 1928. 29 февр.; *Ходасевич В. Ф.* Памяти бар. В. И. Икскуль фон Гилленбанд // Возрождение. Париж, 1928. 28 февр.; *Пименова Э. К.* Дни минувшие. Л.; М., 1929. С. 149; *Перцов П. П.* Лит. восп. М.; Л., 1933. С. 70–71; *Нестеров М.* Давние дни: Встречи и воспоминания. М., 1959. С. 181–182; *Щепкина-Куперник Т. Л.* Из восп. М., 1959. С. 377–378, 381–383; *Врангель Л. С.* Восп. и стародавние времена. Вашингтон, 1964. С. 36; *Репин И. Е.* Далекое близкое. Л., 1986. С. 353; *Аксакова Т. А.* Дочь генеалога // Минувшее. М., 1991. Вып. 4. С. 32–33; *Гиппиус З. Н.* Живые лица: Восп. Тбилиси, 1991. С. 61; РП. 1992. Т. 2. С. 411; Письма З. Н. Гиппиус к А. Л. Волынскому / Публ. А. Л. Евстигнеевой и Н. К. Пушкаревой // Минувшее. М.; СПб., 1993. Вып. 12. С. 327–329; РП. Т. 3. С. 351; *Бокова В. М.* Баронесса Икскуль // Лица. М.; СПб., 1994. Вып. 4. С. 97–99; *Ходасевич В. Ф.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 172.

ИМПРЕССИОНИСТЫ – псевдогруппировка; понятие, кратковременно бытовавшее у ранних русских футуристов. Встречается в названии вышедшего в феврале 1910 г. под редакцией Н. И. Кульбина альманаха «Студия импрессионистов» (СПб., 1910), в котором напечатаны произведения Д. Д. Бурлюка, Н. Д. Бурлюка, Н. Н. Евреинова, В. В. Хлебникова (в том числе впервые его знаменитое «Заклятие смехом») и др. Сборник открывается программной статьей Кульбина «Свободное искусство как основа жизни», являющейся, согласно В. Ф. Маркову, «возможно, первой декларацией авангардного искусства в России» («perhaps the first declaration of avant-garde art in Russia»; *Markov, 1967.* P. 7).

Будущие ⇨ Кубофутуристы – участники сборника – вскоре отбросили термин «импрессионисты» как непригодный. Однако сам факт его использования для названия возможного литературного кружка отнюдь не был случайным, поскольку многие кубофутуристы, будучи по образованию художниками, во второй половине 1900-х гг. увлекались импрессионизмом как направлением в живописи: Д. Бурлюк опубликовал лис-

товку под заглавием «Голос импрессиониста в защиту живописи» (Киев, 1908); в организованной Кульбиным в марте 1909 г. художественной выставке «Импрессионисты» участвовали Е. Г. Гуро, В. В. Каменский и А. Е. Крученых (см.: *Харджиев Н. И.* Поэзия и живопись: (Ранний Маяковский) // К истории рус. авангарда. Stockholm, 1976. С. 29–30); импрессионистские пейзажи Крученых воспроизводились еще в 1912 г. в журнале «Искры» (см.: *Ковтун Е. Ф.* Рус. футуристич. книга. М., 1989. С. 6, 222).

Связь поэтической манеры кубофутуристов с импрессионизмом – как приемом субъективно-непосредственного воспроизведения чувственных переживаний и душевных впечатлений – отмечалась самими футуристами (М. В. Матюшин применяет данное понятие к «Трагедии» В. В. Маяковского; см.: Первый журн. рус. футуристов. М., 1914. С. 157), литературными критиками (К. И. Чуковский в статье 1914 г. «Эгофутуристы и кубофутуристы» говорит о «чисто импрессионистских образах» Маяковского; см.: *Чуковский К. И.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1969. Т. 6. С. 251) и литературоведами: Р. О. Якобсон применяет данное понятие в отношении к творчеству раннего Хлебникова (см.: *Jakobson R.* Selected Writings. The Hague, 1979. Vol. 5. С. 328); В. Марков указывает на импрессионистские черты произведений Гуро, Н. Бурлюка и Каменского (*Markov, 1968*. P. 15–17, 55, 198, 279).



Обложка альманаха «Студия импрессионистов» (СПб., 1910)

Лит.: *Markov V.* Preface // Манифесты и программы рус. футуристов. München, 1967. P. 6–7; *Markov V.* Russian Futurism: A History. Berkeley, 1968. P. 3–8 (и по указ.).

ИНТУИТИВНАЯ АССОЦИАЦИЯ – название второго, «игнатьевского» периода деятельности ⇨ Эгофутуристов. Ассоциация сменила прекратившую в ноябре 1912 г. свое существование ⇨ Академию Эгопоэзии. Ядро кружка составляли И. В. Игнатьев, П. Д. Широков, В. Гнедов и Д. А. Крючков, подписавшие выпущенную в январе 1913 г. декларацию («Грамату») Интуитивной ассоциации. Кружок распался после самоубийства Игнатьева в январе 1914 г.

Лит.: ⇨ Эгофутуристы.

«**ИСКУССТВО И СОЦИАЛИЗМ**» – пролетарское литературно-художественное общество, существовавшее в 1917–1918 гг. в Петрограде. Возникло весной 1917 г. на основе литературно-художественного кружка при Лиговском народном доме (см.: Кружок ⇨ Маширова-Самобытника); среди участников были пролетарские поэты, сотрудники газеты «Правда» – П. А. Арский, В. Т. Кириллов, А. И. Маширов-Самобытник, И. И. Садофьев и др. (ср. также: ⇨ Кружок поэтов-правдистов). С начала июня 1917 г. общество устроило ряд вечеров пролетарской поэзии и лекций по искусству; один из вечеров рабочей поэзии состоялся 14 октября 1917 г. (Рабочий путь. 1917. 14 окт. № 36); 24 октября 1917 г. А. В. Луначарский выступил в помещении общества с

докладом «Задачи пролетарского искусства» (Новая жизнь. 1917. 24 окт.; см.: *Лапшин.* С. 407, 411). Еще в августе 1917 г. общество готовило к выпуску «пролетарский литературно-художественный журнал», вышедший в свет лишь в 1918 г. под названием «Грядущее» (Пг., 1918–1921). В качестве издательской организации первого номера значился «Союз рабочих писателей “Искусство и социализм”»; с № 2 за 1918 г. журнал выпускался от имени Пролеткульта.

Лит.: *Садофьев И.* На солнечный путь // Грядущее. 1918. № 10. С. 17; *Назаренко Як.* Певец Октября: К 80-летию со дня рождения Ильи Садофьева // Нева. 1969. № 11. С. 187; *Лапшин В. П.* Худож. жизнь Москвы и Петрограда в 1917 г. М., 1983. С. 140–141, 195–196, 407, 411.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУЖОК ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА (ПУШКИНСКИЙ КРУЖОК) – студенческое общество, существовавшее при Петроградском университете в 1915–1918 гг. Кружок, учрежденный проф. С. А. Венгеровым, был наследником руководимого им Пушкинского семинария, возникшего в 1908 г. В состав кружка входили студенты–участники семинария: М. К. Азадовский, С. М. Бонди, Д. С. Дарский, П. Д. Драганов, В. М. Жирмунский, М. К. Клеман, В. Л. Комарович, В. П. Красногорский, М. О. Лопатто, Г. В. Маслов, К. В. Мочульский, Ю. А. Никольский, Ю. Г. Оксман, А. С. Поляков, Е. М. Тагер, А. А. Тамамшев, Ю. Н. Тынянов, А. Г. Фомин, Б. М. Эйхенбаум, Н. В. Яковлев, Д. П. Якубович и др.

На первом заседании, состоявшемся 5 декабря 1915 г., выступили С. А. Венгеров, М. Л. Гофман, П. О. Морозов. Кружок заседал «в помещении Музея Древностей в университете по субботам вечером» (*Венгеров.* С. IX). На собраниях кружка читались и обсуждались литературоведческие рефераты членов и гостей – профессоров и приват-доцентов. За первые полтора года существования кружка состоялось 22 заседания, на которых был зачитан 41 доклад. В организованном кружком 14 ноября 1916 г. «Вечере молодых поэтов» участвовали О. Э. Мандельштам и, возможно, Л. И. Каннегисер (см.: *Тименчик*; *Морев*). На заседании 14 октября 1917 г. с докладом «О ритмическом жесте» выступил А. Белый (*Эйхенбаум, Жирмунский*).

«С осени 1917 г. неудобства вечернего трамвайного движения приостановили деятельность кружка» (*Венгеров.* С. VII). В январе 1918 г. кружок был преобразован в научное Историко-литературное общество имени Пушкина; свою деятельность Общество начало 11 июня 1918 г. заседанием памяти И. А. Шляпкина. Еще в 1920 г. Тынянов указывал в анкетном листе Дома литераторов, что он является членом Общества (*Шубин.* С. 75). В 1922 г. Фомин сообщал: «К сожалению, тогдашние тяжелые условия петроградской жизни помешали расцвету Общества, и заседания его прекратились» (*Фомин.* С. XXVIII).

Лит.: *Щеголев П.* Студенч. об-во памяти Пушкина // День. 1916. 1 февр. № 31; *Венгеров С. А.* [Предисл.] // Пушкинист: Историко-лит. сб. Пг., 1918. Вып. 3. С. VI–X; *Яковлев Н. В.* [Предисл.] // Пушкинский сб. памяти проф. Семена Афанасьевича Венгерова. М.; Пг., 1922. (Пушкинист. Вып. 4). С. VII; *Фомин А. Г.* С. А. Венгеров как проф. и руководитель Пушкинского семинария // Там же. С. XXVII–XXVIII; *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История лит-ры. Кино. М., 1977. С. 452; *Чудакова М. О., Тоддес Е. А.* Тынянов в восп. современника // Тыняновский сб.: Первые Тыняновские чтения. Рига, 1984. С. 92–93, 98; *Тименчик Р. Д.* Тынянов и некоторые тенденции эстетич. мысли 1910-х гг. // Тыняновский сб.: Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986. С. 59; Переписка Б. М. Эйхенбаума и В. М. Жирмунского // Тыняновский сб.: Третьи Тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 292–293, 327; *Сухих И. Н., Шубин В. Ф.* «Так началась моя работа...»: (Юрий Тынянов в Петерб. – Петрогр. ун-те) // Очерки по истории Ленингр. ун-та. Л., 1989. Вып. 6. С. 51; РП. 1992. Т. 2. С. 272; *Морев Г. А.* Из истории рус. лит. 1910-х гг.: К биографии Леонида Каннегисера // Минувшее. М.; СПб., 1994. Вып. 16. С. 121; Юрий Тынянов: Биобиблиограф. хроника (1894–1943) / Сост. В. Ф. Шубин. СПб., 1994. С. 11–12, 75; Письма К. В. Мочульского к В. М. Жирмунскому / Вступ. ст., публ. и примеч. А. В. Лаврова // Новое лит. обозр. 1999. № 35. С. 120, 125, 128–129, 186, 188.

Архивы: РГАЛИ. Ф. 2567 (Оксман Ю. Г.). Оп. 1. Ед. хр. 1067.

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО – студенческое объединение, основанное по инициативе кн. С. Н. Трубецкого; существовало в 1902–1904 гг. при Московском университете. Устав Общества был утвержден 12 марта 1902 г.; цель его была обозначена как «“научное саморазвитие студенчества”, “единение студентов между собою и единение их с профессорами на почве научных интересов”» (*Щетинина.* С. 134). Согласно уставу, Общество «должно было преследовать, на почве тесного общения студентов с профессорами, цели не только научного, но и общественного развития и объединения студенчества» (*Фохт.* С. 135).

Первое организационное заседание состоялось 16 марта 1902 г. Публичное торжественное открытие произошло 6 октября 1902 г. «в “большой физической” аудитории, переполненной тысячною толпою студентов, в присутствии многих профессоров» (*Анисимов.* С. 168). Собрание открылось программной речью кн. С. Н. Трубецкого о задачах Общества; в ней он развивал идею будущего русского университета, который бы «сделал науку реальной и живительной общественной силой, созидающей и образующей, которая простирает свои действия на все слои народа, поднимает и просвещает самые низшие из них» (*Там же.* С. 173).

В состав Общества входили в основном филологи и философы, студенты и профессора, в том числе А. И. Анисимов (секр.), Д. Н. Анучин, С. В. Бахрушин, А. Белый, Д. В. Викторов, М. В. Вишняк, Н. В. Давыдов (тов. предс.), А. В. Ельчанинов, И. А. Ильин, А. И. Кирпичников, В. О. Ключевский, Н. Н. Кнорринг, А. А. Койранский, Ф. Е. Корш, А. Б. Кубицкий, В. И. Ламанский, Л. М. Лопатин, А. А. Мануйлов, С. П. Мельгунов, А. В. Никитский, П. И. Новгородцев, С. С. Розанов, Н. Н. Русов, В. П. Свентицкий, А. К. Топорков, кн. С. Н. Трубецкой (предс.), П. А. Флоренский, Б. А. Фохт, И. М. Херасков, В. Ф. Эрн и др. Еще в первый год существования Историко-филологического общества «количество членов превысило тысячу» (*Там же.* С. 174).

В Обществе действовало несколько секций; в состав секции Истории религии, которой руководил Трубецкой, входили будущие инициаторы ⇨ Христианского братства борьбы. На заседаниях читались и обсуждались доклады. «Вечером университетские аудитории переполняются студентами, и в них ведутся оживленные прения по поводу рефератов, написанных на самые разнообразные темы» (*Поливанов*). В ноябре 1902 г. А. Белый читал реферат «О формах искусства».

«Кульминационную точку в развитии Общества» (*Лопатин*) представляла устроенная Трубецким в августе 1903 г. экскурсия студентов и преподавателей в Грецию, в которой участвовало около 150 лиц (см.: *Кнорринг.* С. 454–466; *Щетинина.* С. 134–135). «В течение 4-х семестров в [Историко-филологическом обществе] по всем его отделениям кипела энергичная научная работа и происходил живой обмен мнений по самым разнообразным вопросам общественной жизни» (*Фохт.* С. 135). Как вспоминал И. М. Херасков, «внутри несвободного университета оно являлось маленьким островком свободы, живым символом подлинного академизма. Это был университет в университете» (*Херасков.* С. 446).

С осени 1903 г. Общество подвергалось нападкам со стороны радикальных революционно настроенных студентов, усматривавших в его деятельности лишь «игру в общественность» (*Анисимов.* С. 180). Беспорядки в университете на фоне вспыхнувшей в начале 1904 г. Русско-японской войны вызвали приостановку деятельности университетских учреждений. Согласно А. И. Анисимову, политические провокации со стороны студенческой оппозиции привели к внутреннему разложению организации; осенью 1904 г. Трубецкой отказался от председательства и Общество прекратило свое существование. Ср. также: ⇨ Общество искусств и изящной литературы; ⇨ Общество имени С. Н. Трубецкого.

Лит.: *Анисимов А. И.* Кн. С. Н. Трубецкой и моск. студенчество // Вопр. философии и психологии. 1906. Кн. 1 (81). С. 165–193; *Лопатин Л. М.* Кн. С. Н. Трубецкой и его общее филос. миросозерцание // Там же. С. 39; *Поливанов М.* Памяти кн. С. Н. Трубецкого // Там же. С. 144; *Фохт Б. А.* Памяти кн. С. Н. Трубецкого // Там же. С. 135–136; *Трубецкой С. Н.* Речь на закрытом

заседании Историко-филологического общества по поводу отъезда за границу и необходимости избрания на его место двух проф. в звании тов. предс., Москва, 9 окт. 1903 г. // Трубецкой С. Н. Собр. соч.: В 6 т. М., 1907. Т. 1. С. 72–76; *Давыдов Н. В.* Кн. С. Н. Трубецкой // Сб. речей, посвященных памяти кн. С. Н. Трубецкого. М., 1909. С. 27–30; *Розанов С. С.* Кн. С. Н. Трубецкой. М., 1913; *Давыдов Н. В.* Из прошлого. М., 1917. Ч. 2. С. 97–138; *Херасков Ив.* Из истории студ. движения в Моск. ун-те: (Восп. участника. 1897–1903) // Моск. университет. 1755–1930: Юбилейный сб. Париж, 1930. С. 444–448; *Кнорринг Н.* Из жизни моск. студенчества в нач. XX в.: Памяти проф. кн. С. Н. Трубецкого // Там же. С. 450–466; *Арсеньев Н. С.* Из юности. Картины моск. жизни // Возрождение. 1951. № 17. С. 75–78; *Трубецкая О.* Князь С. Н. Трубецкой: Воспоминания сестры. Нью-Йорк, 1953. С. 48–53, 66–70, 213–214, 216–218, 244–255; *Вишняк М. В.* Дань прошлому. New York, 1954. С. 71–76; *Арсеньев Н. С.* Из рус. культурной и творч. традиции. Frankfurt am Main, 1959. С. 102; *Мельгунов С. П.* Восп. и дневники. Париж, 1964. Вып. 1. С. 73–74; *Furchtbar F.* Studien zur Universitätskrise in Russland in den Jahren 1899 bis 1905. Göttingen, 1975. S. 41–45; *Bohachevsky-Chomiak M.* Sergei N. Trubetskoi: An Intellectual Among the Intelligentsia in Prerevolutionary Russia. Belmont, Mass., 1976. P. 94–101; ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 196; *Белый А.* Начало века. М., 1990. С. 384; *Щетинина Г. И.* Идейная жизнь рус. интеллигенции: конец XIX – нач. XX в. М., 1995. С. 133–137; *Burchardi K.* Die Moskauer «Religiös-philosophische Vladimir-Solov'ev-Gesellschaft» (1905–1918). Wiesbaden, 1998. S. 129; *Богомолов Н. А.* Рус. лит. первой трети XX в. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 467.

КАРАСКЕВИЧ-ЮЩЕНКО СУББОТЫ – проводились примерно в конце 1900-х гг. и в 1910-е гг. в Петербурге. Как вспоминала М. В. Ямщикова, «на журфиксах по субботам тянулись без конца скучные разговоры людей, случайно встретившихся...» (*Алтаев.* С. 248).

Лит.: *Алтаев Ал. [Ямщикова М. В.].* Памятные встречи. М., 1957. С. 245–249.

КАССА ВЗАИМОПОМОЩИ ЛИТЕРАТОРОВ И УЧЕНЫХ (в 1918 г. реорганизована в Общество взаимопомощи литераторов и ученых) – профессиональное писательское объединение, учрежденное в 1890 г. в Петербурге при ⇨ Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым; с 1906 г. – самостоятельная организация. Общество ликвидировано, вероятно, в 1922 г.

Касса взаимопомощи возникла по инициативе Г. К. Градовского; среди инициаторов ее создания были также А. Р. Кугель, М. Л. Песковский. Собрания группы организаторов проходили на квартире С. М. Проппера на ул. Морской (*Кугель.* С. 137). В отличие от Литературного фонда, оказывавшего своим членам помощь в случае нужды, Касса должна была действовать на началах взаимопомощи как страховой фонд для всех участвующих. Устав Кассы взаимопомощи «в 1890 году был одобрен общим собранием Л[итературного] фонда и утвержден (9 ноября) министром народного просвещения» (*Брокгауз, Ефрон*).

А. Е. Кауфман в 1909 г. следующим образом охарактеризовал развитие деятельности Кассы: «Касса открывалась с "капиталами" в 216 рублей, а у ее патрона – Литературного фонда – тогда было около 400 тысяч рублей капитала. Теперь же в последнем отчетном году фонд выдал из своих средств на пенсии и пособия литераторам и ученым 28 тысяч рублей, а касса израсходовала свыше 41 тысячи (имев в году прихода 48 тыс.), т.е. на 13 тысяч рублей более Литературного фонда. Как бы то ни было, в настоящее время оба учреждения – Литературный фонд и касса – работают бок о бок» (*Евгеньев*).

К 1894 г. в Кассе взаимопомощи состояло 208 членов. В ее состав в разное время входили А. С. Александров, В. А. Апушкин, К. К. Арсеньев, В. С. Баскин, Ф. Д. Батюшков, П. К. Белецкий, М. М. Бродовский, С. А. Венгеров, В. П. Воронцов, А. В. Ганзен, Б. Б. Глинский, Г. К. Градовский, С. О. Грузенберг, Л. Г. Дейч, Л. А. Золотарев, Ф. К. Иванов, А. А. Измайлов, А. А. Исаев, В. В. Каллаш, А. Е. Кауфман, Г. М. Князев, А. Ф. Кони,

В. Г. Короленко, А. Н. Кремлев, В. С. Кривенко, А. Р. Кугель, В. Д. Кузьмин-Караваев, Г. В. Левицкий, С. Ф. Либрович, Д. А. Линев, А. А. Лукьянов, Ф. Н. Митропольский, К. А. Михайлов, В. О. Михневич, Вас. И. Немирович-Данченко, А. М. Пазухин, С. А. Патараки, М. Л. Песковский, М. В. Побединский, М. К. Приоров, А. М. Редько, В. В. Святловский, Л. З. Слонимский, В. Н. Сперанский, Н. С. Таганцев, Л. Н. Урванцев, Ф. И. Успенский, Ф. Ф. Фидлер, Б. О. Харитон и др.

Несмотря на то что внешняя форма страховой «похоронной кассы» была малопригодна для профессионального общения писателей — «глупее конструкции нельзя было придумать» (*Кугель.* С. 136), Касса в условиях фактического запрета на общественные литературные организации в начале 1890-х гг. выполняла роль не только страхового, но и профессионального объединения. «Касса, основанная Градовским, пережила его и сослужила во всяком случае большую службу в скучные дни нашей общественной распыленности. Она выдавала и пособия, и даже какие-то пенсии. Многие самым серьезным образом волновались вопросами о размерах выдачи на похороны. Общие собрания членов сопровождались шумом, криками, бурей. <...> Касса просуществовала до самой революции, хотя Союз писателей [т.е. ⇨ Союз взаимопомощи русских писателей] успел значительно разрядить энергию литературной братии. С революцией, поднявшей настоящие бури, исчезла психологическая, а может быть, и физиологическая потребность устраивать бури в стакане воды» (*Кугель.* С. 145).

Общество издавало журналы «Извещения от Кассы взаимопомощи литераторов и ученых» (СПб., 1901–1906), «Вестник Кассы взаимопомощи литераторов и ученых» (СПб., 1907–1908, 1911–1918), «Вестник Общества взаимопомощи литераторов и ученых» (Пб., 1919), «Вестник литературы» (Пб., 1919–1922). Кроме Петроградского к 1918 г. существовали также Московское, Одесское, Киевское, Юрьевское и Рижское отделения Кассы (*Галушкин.* С. 228).

Лит.: Касса взаимопомощи при Лит. фонде: Проект устава и объяснительная записка. СПб., 1890; Касса взаимопомощи литераторов и ученых // Почин: Сб. Об-ва любителей рос. словесности на 1895 г. М., 1895. Отд. 2. С. 18–19; Энц. словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1896. Т. 17 (Кн. 34). С. 799; Сб. сведений по Кассе взаимопомощи литераторов и ученых. СПб., 1903; Устав Кассы взаимопомощи при Литфонде // Литературный ежегодник на 1906 год. СПб., 1908. С. 70–87; *Буква [И. Ф. Василевский].* Касса взаимопомощи литераторов и ученых // Одесские новости. 1909. 12 сентября; *Евгеньев А. [Кауфман А. Е.].* К пятидесятилетию Лит. фонда (1859–1909) // Ист. вестн. 1909. Т. 98. № 11. С. 652; Устав [и др. мат-лы] Общества взаимопомощи литераторов и ученых // Вестн. лит. 1919. № 1/2. С. 2–7; *Кугель А. Р.* Лит. восп. (1882–1896 гг.). Пг.; М., 1923. С. 134–137, 145; *Ушаков А. В.* Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895–1904. М., 1976. С. 69; Журналы «Вестник литературы» (1919–1922); «Летопись Дома литераторов» (1921–1922); «Литературные записки» (1922): Аннотированный указ. / Сост. А. Ю. Галушкин и др. М., 1996. С. 5, 18–19, 22, 24, 27, 30, 39, 49, 53–54, 69, 81, 86, 138, 167, 196, 206, 228–229; РП. 1999. Т. 4. С. 567.

«**КВАРТИРА № 5**» — литературно-художественный кружок в 1915–1917 гг. в Петрограде. Назван по месту размещения мастерской Л. А. Бруни в здании Академии художеств, в которой молодые художники, поэты и музыканты встречались по вечерам на диспуты об искусстве и литературные чтения. Собрания кружка посещали Н. И. Альтман, Н. К. Бальмонт, К. Л. Богуславская (Пуни), Н. А. Бруни, Н. А. Клюев, И. В. Клюн (Клюнков), А. С. Лурье, К. С. Малевич, О. Э. Мандельштам, Д. И. Митрохин, П. В. Митурич, В. Е. Пестель, Л. С. Попова, И. А. Пуни, Н. Н. Пунин, О. В. Розанова, В. Е. Татлин, Н. А. Тырса, Н. А. Удальцова, В. В. Хлебникова-Митурич и др. «Собирателем, организующим ядром, объединившим нас, вовсе не похожих друг на друга, был Лев Бруни» (*Пунин, 1989.* С. 181).

В марте–апреле 1917 г. к кружку примкнули И. М. Зданевич, В. В. Маяковский и др. «Квартира № 5» «оформилась как штаб художественной молодежи Петрограда» (*Евсеев.* С. 152), которым принимались меры к увеличению влияния молодых художников на предстоящих выборах в Союз деятелей искусств.

Лит.: *Петров В. Н.* Н. Н. Пунин и его искусствовед. работы // Пунин Н. Н. Рус. и сов. иск-во. М., 1976. С. 15–17; *Евсеев М. Ю.* Из истории худож. жизни Петрограда в 1917 – нач. 1918 г. // Вопр. отечественного и зарубежного иск-ва. Вып. 2: Проблемы искусствознания и худож. критики. Л., 1982. С. 151–152; *Пунин Н. Н.* Квартира № 5: Глава из восп. // Панорама иск-в. М., 1989. Вып. 12. С. 162–198; *Северюхин Д. Я., Лейкинд О. Л.* Золотой век худож. объединений в России и СССР (1820–1932): Справочник. Пб., 1992. С. 83; *Бернштейн Д.* Скамья Татлина // Терентьевский сб. М., 1998. Вып. 2. С. 151, 160–162.

КЛАРИСТЫ – псевдогруппировка; понятие, возникшее в ходе литературной полемики 1910 г. вокруг выступлений Вяч. И. Иванова и А. А. Блока о символизме как наименование противников «теургической» струи этого направления (⇨ Символисты); образовано от слова «кларизм», употребленного М. А. Кузминым в статье «О прекрасной ясности» (Аполлон. 1910. № 4. С. 5–10) для обозначения стремления к точности, логичности, прозрачности стиля прозы. Сам термин «кларисты» Кузмину подсказал Иванов: «Я выдумал для Renouveau [В. Ф. Нувеля] проект союза, который окрестил “кларистами” (по образцу “пуристов”) от “clart ” [фр. “ясность, внятность”]» (дневниковая запись от 7 авг. 1909 г.; *Иванов В. И.* Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. 2. С. 785).

Провозглашение Кузминым идеала ясности и простоты в литературе современники восприняли как отмежевывание от иррациональных черт и туманностей поэтики символизма. Удобные понятия «прекрасная ясность» и «кларизм» вскоре нашли применение в литературных спорах. Так, в связи с вызвавшим волну полемики докладом, сделанным Ивановым в марте 1910 г., Брюсов сообщал П. П. Перцову: «В нашем кругу, у ех-декадентов, великий раскол: борьба “кларистов” с “мистиками”. Кларисты – это “Аполлон”, Кузмин, Маковский и др. Мистики – это московский “Мусагет”, Белый, Вяч. Иванов, Серг. Соловьев и др. В сущности возобновлен дряхлый, предряхлый спор о “свободном” искусстве и тенденции. “Кларисты” защищают ясность, ясность мысли, слога, образов, но это только форма; а в сущности они защищают “поэзию, коей цель поэзия”, как сказал старик Иван Сергеевич [Тургенев]. Мистики проповедуют “обновленный символизм”, “мифотворчество” и т[ому] под[обное], а в сущности хотят, чтобы поэзия служила их христианству, стала бы ancilla theologiae. <...> Я, как Вы догадываетесь, всей душой с “кларистами”» (письмо от 23 марта 1910 г.; Печать и революция. 1926. № 6. С. 46). Упомянутый Брюсовым в числе «кларистов» «Аполлон» – это так называемая «молодая редакция» журнала: Н. С. Гумилев, Е. А. Зноско-Боровский, В. А. Чудовский и др. (см.: ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 369–370). Ср.: Кружок ⇨ «Аполлона».

Надо подчеркнуть, что понятие «кларисты» чисто условное и вызвано злобой дня, а литераторы, которых Брюсов имел в виду, никогда не воспринимались как единая группа, так же как и Кузмин отнюдь не намеревался основать литературную школу, выдвигая новый «изм». Показательно, что Кузмин никогда не переиздавал свою нашумевшую статью. Понятие «кларизм» в дальнейшем бытовало в литературной критике как трафаретное определение стиля Кузмина; к примеру, Мандельштам в статье 1916 г. «О современной поэзии» говорит о «кларизме Кузмина», подразумевая черты классицизма в его поэзии.

Некоторые положения статьи «О прекрасной ясности» в известной степени предвосхищают постулаты возникшей лишь года два спустя группы ⇨ Акмеистов, что побудило В. М. Жирмунского объединить Кузмина с акмеистами (*Жирмунский В. М.* Преодолевшие символизм // Рус. мысль. 1916. № 12). Впоследствии «кларизм» часто рассматривался как преакмеизм, а Кузмин как предтеча акмеистов. Между тем Кузмин неоднократно высказывался критически об акмеизме: «Акмеизм так туп и нелеп, что этот мираж скоро пройдет» (*Кузмин М. А.* Чешуя в неводе: (Только для себя) // Стрелец. Сб. третий и последний. Пг., 1922. С. 100; ср.: *Кузмин М. А.* Парнасские заросли // Завтра. Берлин, 1923. С. 116). И наоборот, акмеисты возражали, когда Кузмина причисляли к их числу (см.: *Мандельштам Н. Я.* Вторая книга. М., 1990. С. 32). А. А. Ахматова в 1961 г. «протестовала против утверждения, что М. Кузмин декларировал “пре-

красную ясность" акмеизма в предисловии к ее первому сборнику. М. Кузмин был врагом акмеизма, да и все акмеисты его не любили» (*Оксман Ю. П.* Из дневника, которого я не веду // Восп. об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 640; схожее замечание Ахматовой см.: *Driver S.* Acmeism // Slavic and East European Journal. 1968. Vol. 12. P. 148).

См. в приложении статью М. А. Кузмина «О прекрасной ясности».

Лит.: *Белый А.* Восп. о Блоке // Эпопея. 1923. № 4. С. 159–160; *Guenther J. v.* Ein Leben im Ostwind. München, 1969. S. 322; *Malmstad J. E.* M. Kuzmin: A Chronicle of His Life and Times // *Кузмин М. А.* Собр. стихов. München, 1977. Т. 3. P. 134–141; *Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В.* Ахматова и Кузмин // Russian Literature. 1978. Vol. 6. P. 217–223; *Barnstead J. A.* Mikhail Kuzmin's «On Beautiful Clarity» and Viacheslav Ivanov: A Reconsideration // Canadian Slavonic Papers. 1982. Vol. 24. № 1. P. 1–10; *Barnstead J. A.* Mandelshtam and Kuzmin // Wiener Slawistischer Almanach. 1986. Bd. 18. P. 47–81; *Гаспаров Б. М.* Еще раз о прекрасной ясности: Эстетика М. Кузмина в зеркале ее символич. воплощения в поэме «Форель разбивает лед» // Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin. Wien, 1989. С. 83–114; Переписка В. И. Иванова с С. К. Маковским / Подгот. текста Н. А. Богомолова и С. С. Гречишкина // Новое лит. обозр. 1994. № 10. С. 142–144; *Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э.* Михаил Кузмин: иск-во, жизнь, эпоха. М., 1996. С. 149–158.

КЛУБ МОСКОВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ – писательское объединение, возникшее весной 1917 г. в Москве. Собрания клуба проходили сначала в частных квартирах членов (в том числе у А. Р. Крандиевской и у гр. А. Н. Толстого), затем в комнате правления Московского Художественного театра; хозяином помещения был Вл. И. Немирович-Данченко.

Как сообщает М. А. Осоргин, Клуб московских писателей являлся чисто профессиональной писательской организацией: «Клуб был тогда очень замкнутым – без жен, мужей и гостей. Прием в члены производился только единогласно. Никакого президиума и правления, помнится, не было, а был секретарь (в то время один из младших – Вл. Лидин)» (*Осоргин.* С. 211–212). По другим данным, председателем являлся В. В. Вересаев (*Вересаев*).

В состав объединения, имевшего внепартийный характер, входили писатели, публицисты, философы: Ю. И. Айхенвальд, Ю. К. Балтрушайтис, К. Д. Бальмонт, А. Белый, Н. А. Бердяев, В. Я. Брюсов, С. Н. Булгаков, И. А. Бунин, М. А. Волошин, В. М. Волькенштейн, М. О. Гершензон, В. А. Гиляровский, Б. А. Грифцов, И. В. Жилкин, Б. К. Зайцев, Вяч. И. Иванов, В. В. Каллаш, А. А. Койранский, А. Р. Крандиевская, Н. В. Крандиевская-Толстая, Е. Д. Кускова, В. Г. Лидин, П. П. Муратов, И. А. Новиков, М. А. Осоргин, Г. А. Рачинский, А. Соболь, С. М. Соловьев, гр. А. Н. Толстой, Г. И. Чулков, Л. И. Шестов, И. Г. Эренбург, Н. Е. Эфрос и др.

На собраниях читались доклады «на возвышенные литературные и философские темы» (*Лидин.* С. 152) и литературные произведения участников. В 1917 г. от имени клуба был издан литературный сборник «Ветвь», чистый доход от которого предназначался в пользу политических заключенных, освобожденных после Февральской революции. В выпущенной клубом 10 декабря 1917 г. однодневной газете «Слову – свобода!» писатели протестовали против ограничения большевиками свободы печати (роспись содержания газеты см.: *Галушкин*).

Осоргин сообщает, что «после "октября" ядро этого "Клуба" основало "Всероссийский союз писателей"» (*Осоргин.* С. 212). Однако сначала на смену клубу пришел в 1918 г. Московский профессиональный союз писателей (*Лидин.* С. 153); организация приняла название Всероссийский союз писателей при перерегистрации в начале 1920 г. (см.: ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 495).

Лит.: Клуб московских писателей // Вечерняя жизнь. М., 1918. 22 марта. № 1. С. 3; *Рогожин Н. П.* Лит.-худож. альм. и сб-ки: 1912–1917 гг. М., 1958. № 481; *Лидин В. Г.* Друзья мои – книги. М., 1976. С. 152–153; *Вересаев В. В.* Восп. М., 1982. С. 525; *Осоргин М. А.* Восп. Повесть о сестре. Воронеж, 1992. С. 211–213, 266–267; *Галушкин А. Ю.* В защиту свободы печати // De visu. 1993. № 4 (5). С. 81–82; РП. 1999. Т. 4. С. 458.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ В МОСКВЕ [КПвМ] – издательское объединение, существовавшее в 1912–1923 гг. в Москве (адрес конторы: Никитский бульвар, д. 10; с 1916 г. – Скатертный пер., д. 8). Товарищество возникло по инициативе группы писателей реалистического направления, большей частью связанных с кружками ⇨ «Среда» и ⇨ «Молодая Среда»; примером ему послужили петербургские издательские объединения ⇨ «Знание» и ⇨ Издательское товарищество писателей.

Первое, организационное собрание КПвМ состоялось 22 марта 1912 г. в помещении ⇨ Литературно-художественного кружка; на нем присутствовали И. А. Белоусов, Ю. А. Бунин, В. В. Вересаев, Н. С. Клестов-Ангарский, С. С. Мамонтов, С. Д. Махалов, Н. Д. Телешов, И. С. Шмелев, А. К. Энгельмейер и С. С. Юшкевич. На учредительном собрании, состоявшемся 27 апреля 1912 г., был заключен договор об учреждении на правах товарищества на вере фирмы «Торговый дом Книгоиздательства писателей в Москве Д. Голубев, С. Махалов и К°», зарегистрированный нотариусом 12 мая 1912 г.; договор подписали И. А. Белоусов, И. А. Бунин, Ю. А. Бунин, В. В. Вересаев, Д. Я. Голубев, Б. К. Зайцев, А. А. Карзинкин, Н. А. Крашенинников, С. С. Мамонтов, С. Д. Махалов, Н. Д. Телешов, Н. Г. Шкляр, И. С. Шмелев и А. К. Энгельмейер. В сентябре 1912 г. было избрано коллективное руководство товарищества – Наблюдательный комитет; в его состав вошли Ангарский, И. Бунин, Вересаев (редактор издательства), Телешов, Шмелев.

В проспекте, уведомлявшем литераторов об открытии КПвМ, сообщалось, что цель товарищества – «прийти на помощь авторам в издании их книг и избавить их от необходимости значительную часть дохода с издания отдавать издателям» (*Голубева.* С. 193; *Воронин.* С. 148). Стать пайщиком мог любой писатель, получивший согласие большинства членов товарищества и внесший денежный вклад в размере 200 рублей. В 1912–1913 гг. КПвМ насчитывало 17 пайщиков, в 1914 г. – 26, в 1915 г. – 34, в 1916–1917 гг. – 40. Кроме упомянутых выше литераторов в числе пайщиков были также М. Горький, А. Е. Грузинский, И. А. Данилин, А. Р. Ледницкий, С. А. Найденов, И. А. Новиков, Е. П. Пешкова, А. С. Серафимович, С. Н. Сергеев-Ценский, К. А. Тренев, А. С. Черемнов, Г. А. Яблочков и др.

Стремясь расширить деятельность, издательство в 1916 г. приняло правовую форму товарищества на паях; согласно уставу, утвержденному 17 января 1916 г., КПвМ имело право издавать и распространять книги и периодические издания, основывать типографии и книжные лавки, устраивать выставки членов товарищества (*Воронин.* С. 151). В 1916 г. издательство приобрело типографию.

С 1912 по 1917 г. КПвМ издало 149 книг, в основном произведения современных писателей (*Голубева.* С. 208). Издательство выпускало коллективные литературные сборники «Слово» (1913–1918. Вып. 1–8), а также ряд книжных серий: «Народно-школьная библиотека», «Библиотека польских писателей», «Дешевая библиотека», «Культурно-просветительная библиотека», «Библиотека иностранных писателей». Если в первые годы существования товарищество работало убыточно, то «с 1915 г. операции “КПвМ” стали неуклонно приносить прибыль» (*Воронин.* С. 151), достигшую в 1917 г. суммы 15 172 рубля.

После октябрьского переворота 1917 г. КПвМ было одним из немногих издательств, продолжавших свою деятельность. Число пайщиков резко увеличилось: в 1918 г. товарищество насчитывало уже 83 члена, в 1920 г. – 124 (полный список членов к 1 января 1920 г. см.: *Иванова.* С. 29–30). Изменилась расстановка сил: членами стали, в частности, многие ⇨ Символисты и другие писатели модернистского толка. В марте 1919 г. общее собрание пайщиков решило принять новую правовую форму и новый устав: товарищество на паях преобразовалось в кооперативное товарищество. «Пайщиков нам сейчас нужно иметь много, – писал Грузинский Белоусову, – по новому уставу мы можем иметь наемных служащих не более 20 % числа пайщиков, а так как у нас типография, то ясно, что нам надо иметь пайщиков человек 150» (цит.: *Воронин.* С. 152–153).

Если на 1918 г. приходится пик издательской деятельности товарищества – 111 книг, то с 1919 г. КПвМ испытало серьезные затруднения. 21 мая 1919 г. возникло Государственное издательство, в задачи которого входил контроль над деятельностью всех других издательств. «Теперь на выпуск книги надо было получать разрешение Отдела печати» (*Голубева.* С. 213); сложности создавали также бумажный кризис и финансовые проблемы. «20 апреля 1920 г. были национализированы книги на всех складах у всех частных и кооперативных издательств. В июне 1922 г. издательство выселили из занимаемой им квартиры. В январе 1923 г. была национализирована типография» (*Воронин.* С. 153). В 1919 г. КПвМ издало 30 книг, в 1920 г. – 3, в 1921 г. – 1, в 1922 г. – 4, в 1923 г. – 5 книг. В целом товарищество с 1912 по 1923 г. выпустило около 400 книг, в их числе – собрания сочинений 68 авторов (*Черников.* С. 249). В феврале 1923 г. группа членов подала заявление о ликвидации товарищества; решением общего собрания пайщиков от 29 ноября 1923 г. КПвМ было ликвидировано.

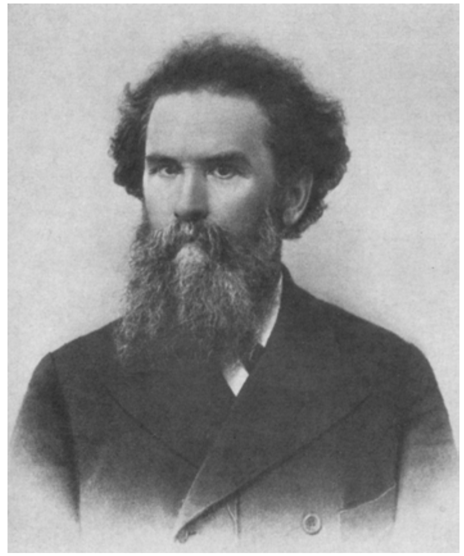
Лит.: *Белоусов И. А.* Лит. среда: Восп. 1880–1928. М., 1928. С. 231–233; *Вересаев В. В.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1961. Т. 5. С. 443–456; *Голубева О. Д.* КПвМ. (1912–1923 гг.) // Книга: Исслед. и мат-лы. М., 1965. Сб. 10. С. 192–220; *Иванова Л. М.* Архив Н. С. Ангарского // Зап. ОР ГБЛ. М., 1966. Вып. 28. С. 4–32; *Иоффе Ф. М.* КПвМ // КЛЭ. М., 1966. Т. 3. С. 613; ЛН. 1973. Т. 84, кн. 1. С. 653; КПвМ // Книговедение: Энц. словарь. М., 1982. С. 261–262; Письма И. С. Шмелева к Н. С. Клестову-Ангарскому / Публ. А. П. Черникова // Зап. ОР ГБЛ. М., 1986. Вып. 45. С. 248–278; *Ангарская М.* По следам отца. М., 1992. С. 227–236; *Клестов-Ангарский Н. С.* Лит. восп. / Публ. М. Ангарской // Вопр. лит. 1992. № 2. С. 353–360; *Воронин С. Д.* К истории «КПвМ» // Археограф. ежегодник за 1997 г. М., 1997. С. 144–153; *Свиченская М.* Издательские товарищества писателей // Книжное дело в России в XIX – начале XX века. СПб., 2003. С. 70–80.

КОНДРАТЬЕВА ВЕЧЕРИНКИ – поэтические вечера, устраиваемые А. А. Кондратьевым в 1905–1907 гг. в своей квартире в Петербурге (Галерная, д. 48, кв. 14). Бывали Л. И. Андрусон, И. Ф. Анненский, Б. В. Бер, А. А. Блок, кн. Г. С. Гагарин, Я. В. Годин, С. М. Городецкий, В. А. Зоргенфрей, Вяч. И. Иванов, В. А. Пяст, А. М. Ремизов, Ф. К. Сологуб, С. В. фон Штейн. Хозяин вечеринок «собирал гостей, не стесняясь различием школ и вкусов» (*Зоргенфрей*).

Лит.: *Зоргенфрей В. А.* Александр Александрович Блок // Записки мечтателей. 1922. № 6. С. 133; *Пяст В.* Восп. о Блоке. Письма Блока. Пб., 1923. С. 31, 41; Письма А. А. Кондратьева к Блоку (1903–1912) / Предисл., публ. и коммент. Р. Д. Тименчика // ЛН. М., 1980. Т. 92, кн. 1. С. 553, 555, 558–560; *Пяст В.* Встречи. М., 1997. С. 97.

КОНЕВСКОГО ВТОРНИКИ – проходили около 1900 г. в Петербурге. Литературные вечера у И. Коневского (И. И. Ореуса) «посещала <...> по преимуществу молодежь с писательским зудом, но приходили кое-кто и из литераторов постарше» (*Маковский*). Среди участников были Вл. В. Гиппиус, С. К. Маковский, Ф. К. Сологуб, Д. Н. Фридберг.

Лит.: *Маковский С. К.* На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962. С. 179.



В.Г. Короленко

КОРОЛЕНКО ЧЕТВЕРГИ – проходили в конце 1890-х гг. в доме В. Г. Короленко в Петербурге (ул. 5-я Рождественская). На «четверговых обедах» у Короленко бывали

Ф. Д. Батюшков, М. Горький, С. Я. Елпатьевский, С. Н. Южаков, П. Ф. Якубович-Мельшин. Завсегдатаев «в общем <...> было немного, и Владимир Галактионович стал дорожить некоторой замкнутостью приемов у себя, чтобы высвободить себе время для работы» (*Батюшков.* С. 283).

Лит.: *Батюшков Ф. Д.* Из книги «В. Г. Короленко как человек и писатель» // В. Г. Короленко в восп. совр. М., 1962. С. 282–283.

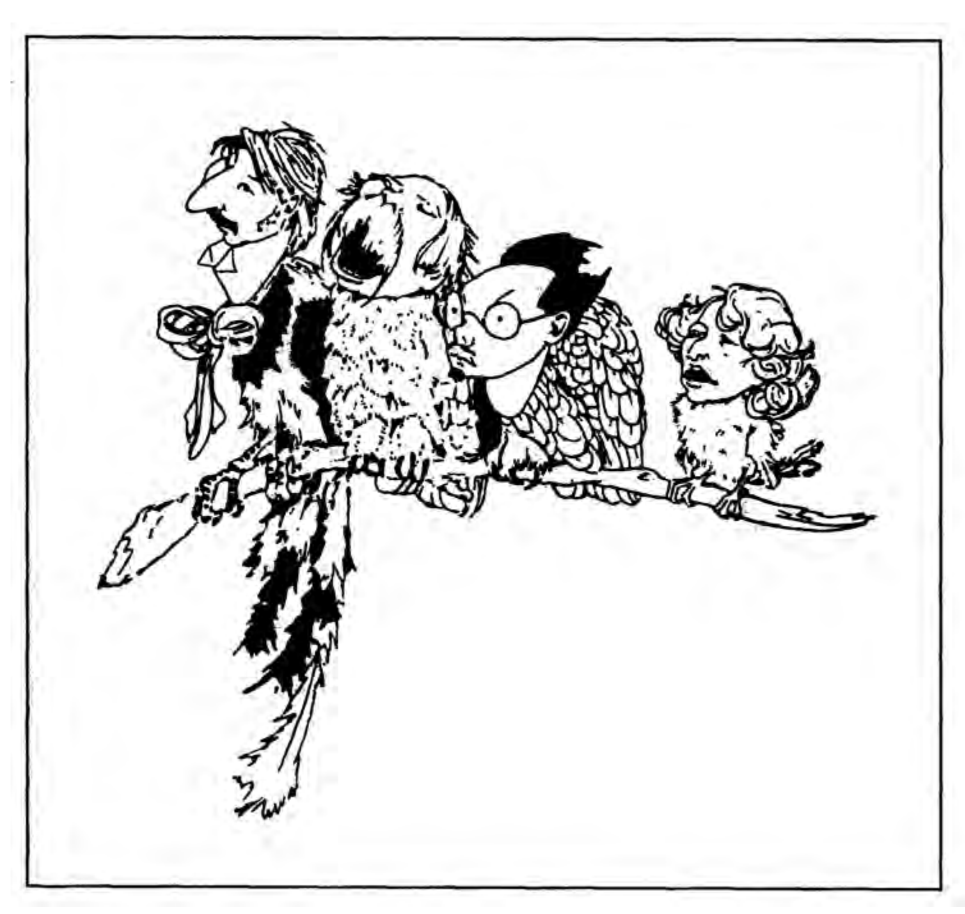
КОТЛЯРЕВСКОГО и ПУШКАРЕВОЙ ВЕЧЕРА – проходили в середине 1900-х гг. в Петербурге. В доме литературоведа Н. А. Котляревского и его жены актрисы В. В. Пушкаревой бывали А. А. Блок, И. И. Лазаревский, Н. В. Недоброво, Н. Н. Ходотов и др. Недоброво записал о хозяйке в дневнике осенью 1903 г., что «у нее бывает много интересных людей, главным образом представители современных течений. По ее собственному выражению <...>, у нее настоящее гнездо декадентов» (*Кравцова, Обатнин*).

Лит.: *Ходотов Н. Н.* Близкое – далекое. Л.; М., 1962. С. 193; *Кравцова И. Г., Обатнин Г. В.* Мат-лы Н. В. Недоброво в Пушкинском доме // Шестые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и мат-лы для обсуждения. Рига; М., 1992. С. 99; Э. Ф. Голлербах и И. И. Лазаревский: (Из переписки 1930-х гг.) / Публ. О. С. Острой и Л. И. Юниверга // Минувшее. М.; СПб., 1994. Вып. 16. С. 396.

«**КРАСА**» – литературное объединение, основанное С. М. Городецким весной 1915 г. в Петербурге. Городецкий, искавший после распада ⇨ «Цеха поэтов» и группы ⇨ Акмеистов новых союзников и испытавший тогда же, по собственным словам, «острый интерес к русской старине, к народным истокам поэзии, к былине и частушке» (*Городецкий, 1984*), задумал «Красу» в качестве общества, ориентированного на выдвижение народной культуры как первостепенного источника эстетических и этических ценностей. В связи с этой установкой особое внимание предполагалось уделять творчеству новокрестьянских поэтов, в первую очередь Н. А. Клюева, С. А. Есенина, а также А. В. Ширяевца (ср. письмо Городецкого к Ширяевцу от 20 дек. 1915 г.: «Среди китов "Красы" имеетесь и Вы» – De visu. 1993. № 3 (4). С. 28).

Наиболее раннее упоминание объединения встречается в письме Есенина к Клюеву от 24 апреля 1915 г., в котором Есенин сообщал, что он тоже будет участвовать в «Красе» (*Есенин.* С. 66). В конце апреля – начале мая 1915 г. в основанном при обществе одноименном книгоиздательстве вышла брошюра Городецкого «А. С. Пушкину. Стихотворение. С примечаниями» (Пг., 1915). В ней же сообщалось о планах издательства выпустить стихотворные сборники А. Бел-Конь-Любомирской, Б. А. Верхоустинского и две книги стихов С. А. Есенина; объявлен был также литературный сборник «Краса», который должен был содержать произведения всех участников группы. Судя по объявленному Городецким содержанию сборника (а также по афише со списком участников состоявшегося осенью 1915 г. вечера «Красы»), в состав объединения входили

Афиша вечера «Красы». 1915 г.



Участники «Красы». Слева направо: С.М. Городецкий, Н.А. Клюев, А.М. Ремизов, С.А. Есенин. Карикатура Е.И. Праведникова. (Рудин. 1915. № 1)

С. М. Городецкий, А. М. Ремизов (руководители), А. Бел-Конь-Любомирская (А. А. Городецкая), Б. А. Верхоустинский, С. А. Есенин, Вяч. И. Иванов, С. А. Клычков, Н. А. Клюев, П. А. Радимов, И. Е. Репин, Н. К. Рерих, А. В. Ширяевец и В. А. Юнгер. Ни проект сборника «Краса», ни намеченные другие издания осуществлены не были, так что книжка Городецкого оказалась единственным изданием, вышедшим под маркой издательства «Краса».

Первым (и последним) публичным выступлением группы был литературный вечер, состоявшийся 25 октября 1915 г. в концертном зале Тенишевского училища в Петербурге. На вечере выступили Городецкий, Ремизов, Клюев и Есенин; Бел-Конь-Любомирская читала стихи Ширяевца, Клычкова и Радимова; исполнялись также, как сообщалось на афише, «рязанские и заонежские частушки, прибаски, канавушки, веленки и страдания (под ливенку)» (афиша воспроизведена в: С. А. Есенин в восп. совр.: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 176). Воспоминания о вечере «Красы» оставили кроме Городецкого В. С. Чернявский (*Там же.* С. 212–213), П. И. Карпов (*Карпов*) и Г. В. Иванов, в «Петербургских зимах» которого выступление Есенина описано в карикатурном виде (см.: *Иванов, 1989.* С. 331–333). Пресса откликнулась на вечер «Красы» разноречиво; рядом с положительными отзывами появились упреки в лживом народничестве и сусальном

народолюбии (см.: *Вдовин.* С. 77–79). Особое место в ряду отрицательных отзывов занимает рецензия-памфлет Л. Храповицкого (Л. М. Рейснер) в журнале «Рудин» (1915. Дек. № 1. С. 17), снабженная карикатурой Е. И. Праведникова, изображающей сидящих на ветке птиц с лицами Городецкого, Клюева, Ремизова и Есенина (воспроизведено в: ЛН. 1983. Т. 93. С. 227).

Общество прекратило свою деятельность вскоре после возникновения идейно близкого объединения ⇨ Страда, учрежденного в середине октября 1915 г. при ближайшем участии Городецкого и других активных членов «Красы». В письме Городецкого к Ширяевцу от 20 декабря 1915 г. говорится о «Красе» как о группе еще существующей, но оно содержит намеки на возможность скорой переориентации Клюева и Есенина: «К сожалению, мужики мало похожи на кремень, народ не очень прочный, лютый до денег, из-за чего на все стороны улыбки посылают. Я говорю о наших гостях-мужиках, Клюеве и Есенине» (De visu. 1993. № 3 (4). С. 28). Поскольку Городецкий вернул Н. К. Рериху его статью, предназначенную для неосуществленного сборника «Краса», письмом от 24 января 1916 г. (см.: *Вдовин.* С. 69), окончательный распад объединения следует предположительно датировать концом декабря 1915 г. – серединой января 1916 г.

В патриотически окрашенном народолюбии «Красы» многие современники ощущали фальшивые тона. Клюев и Есенин, которые после вечера «Красы» одевались на публичных выступлениях в подчеркнуто «народные» наряды, И. Н. Розановым воспринимались как «опереточные пейзане» и «пряничные мужички» (*Розанов И. Н.* Восп. о Сергее Есенине // С. А. Есенин в восп. совр.: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 432). Именно манеру «Красы» имел в виду В. Ф. Ходасевич, вспоминая «городецко-клюевский style russe: не то православие, не то хлыстовство, не то революция, не то черносотенство» (*Ходасевич В. Ф.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 125).

Лит.: *Иванов Г. В.* Стихи в журналах, изд-ва, альм., кружки в 1915 г. // Аполлон. 1916. № 1. С. 61; *Вдовин В. А.* Есенин и лит. группа «Краса» // Науч. доклады высшей школы. Филол. науки. 1968. № 5. С. 66–80; *Земсков В.* Александр Ширяевец, друг Есенина // Волга. 1973. № 8. С. 188; *Городецкий С. М.* Жизнь неукротимая. М., 1984. С. 42; *Азадовский К.* Клюев и Есенин в октябре 1915 г. (по мат-лам дневника Ф. Ф. Фидлера) // Cahiers du monde russe et soviétique. 1985. Vol. 26. № 3–4. P. 413, 414, 418–419, 423–424; *Чернявский В. С.* Три эпохи встреч (1915–1925) // С. А. Есенин в восп. совр.: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 212–213; *Ясинская З. И.* Мои встречи с Сергеем Есениным // Там же. С. 256–257; *Иванов Г. В.* Стихотв. Третий Рим. Петерб. зимы. Китайские тени. М., 1989. С. 331–333, 550; *Карпов П.* Пламень. Рус. ковчег. Из глубины. М., 1991. С. 325–327; *Есенин С. А.* Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1999. Т. 6. С. 66, 336, 363–365.

КРЕЧЕТОВА (СОКОЛОВА) ВОСКРЕСЕНЬЯ – литературные вечера в 1910-х гг. у владельца издательства «Гриф» С. А. Кречетова (Соколова) в Москве. В. А. Амфитеатров-Кадашев записал в дневнике 10 сентября 1918 г., что познакомился с А. А. Виленкиным «в 1913 году на одном из воскресений Грифа – в этом Ноевом ковчеге, где можно было встретить губернского предводителя дворянства и рядом... [В. В.] Маяковского» (*Амфитеатров-Кадашев*).

Лит.: *Амфитеатров-Кадашев В. А.* Страницы из дневника / Публ. С. В. Шумихина // Минувшее. М.; СПб., 1996. Вып. 20. С. 510, 613.

КРУГЛОВА ВОСКРЕСЕНЬЯ – журфиксы на квартире А. В. Круглова и его жены А. Н. Доганович; проходили в начале 1900-х гг. (до 1904 г.) в Петербурге.

Архивы: ИРЛИ. Ф. 139. № 431. Л. 29 [сообщено А. И. Рейтблатом].

А.В. Круглов

«**КРУЖАЛО**» – литературно-театральное объединение, существовавшее около 1911 г. в Петербурге. Его «лидером» был И. В. Игнатьев (Казанский).

Лит.: *Крусанов А. В.* Дороги и тропы рус. лит. авангарда: Эго-футуризм (1911–1922 гг.) // Рус. разъезд. 1993. № 1. С. 115; *Крусанов А. В.* Рус. авангард: 1907–1932 (Ист. обзор): В 3 т. СПб., 1996. Т. 1: Боевое десятилетие. С. 65.

КРУЖОК АКМЭ ⇨ АКМЕИСТЫ

[КРУЖОК БИБЛИОГРАФИРОВАНИЯ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ] – литературно-библиографический кружок, существовавший в 1900-е гг. в Москве. Создан при книжном магазине С. А. Скирмунта «Труд» с целью обсуждения и библиографирования детской литературы. В кружок входили детские писатели, педагоги, авторы научно-популярных работ, в том числе А. Н. Анненская, В. Л. Бианки, В. А. Герд, Н. И. Лихарева, А. П. Нечаев, С. А. Порецкий и др. Плодом работы кружка являлся рекомендательный аннотированный указатель детской и юношеской литературы «О детских книгах» (М., 1908). В составлении указателя «участвовало свыше 30 педагогов и писателей, которые просмотрели более 3500 детских книг. Значительная часть их вошла в указатель с обстоятельными аннотациями (1900 названий)» (*Машкова.* С. 352). По характеристике советской исследовательницы, «детская художественная литература рассматривалась составителями указателя с позиций буржуазного гуманизма, как выражение общечеловеческих идеалов добра, истины и красоты» (*Там же.* С. 353).

Лит.: *Машкова М. В.* История рус. библиографии нач. XX в. (до окт. 1917 г.). М., 1969. С. 352–354.

КРУЖОК ИЗУЧЕНИЯ ПОЭТОВ – студенческий литературный кружок, возникший по инициативе Н. С. Гумилева в октябре 1912 г. при романо-германском отделении историко-филологического факультета Петербургского университета. К. М. Мочульский сообщал В. М. Жирмунскому в письме от 22 октября 1912 г.: «Познакомился в университете с поэтом Гумилевым, который собирается учредить кружок изучения поэтов (вероятно, в том числе и самого себя), в котором будут участвовать многие достославные люди» (*Лавров.* С. 146). Видимо, об этом же кружке идет речь в письме М. Л. Лозинского к Вас. В. Гиппиусу от 29 октоября 1912 г.: «Сегодня [К. А.] Вогак, [О. Э.] Мандельштам и я сообщили вкратце [Ф. А.] Брауну о нашем кружке. Браун отказался быть руководителем за недостатком времени, но просил прийти к нему завтра, во вторник, в 7 часов для беседы о целях и характере кружка» (*Азадовский, Тименчик*). В состав объединения должны были войти К. А. Вогак, Вас. В. Гиппиус, Н. С. Гумилев, [Л. В.] Лебедев, Г. Л. Лозинский, М. Л. Лозинский, О. Э. Мандельштам, К. В. Мочульский, В. А. Пяст, В. К. Шилейко и др. – в основном члены ⇨ Романо-германского кружка. Сведений о дальнейшей деятельности кружка нет.

Лит.: *Азадовский К. М., Тименчик Р. Д.* К биографии Н. С. Гумилева // Рус. лит. 1988. № 2. С. 183; Письма К. В. Мочульского к В. М. Жирмунскому / Вступ. ст., публ. и примеч. А. В. Лаврова // Новое лит. обозр. 1999. № 35. С. 146–147.

КРУЖОК ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ – студенческое литературно-филологическое объединение, образовавшееся в конце 1903 г. в Петербурге под руководством Б. В. Никольского. Университетский кружок являлся, в сущности, продолжением домашнего Кружка ⇨ Никольского. Учредительное собрание состоялось 8 декабря 1903 г. (*Иванова.* С. 203). В уставе, утвержденном Советом Петербургского университета 26 января 1904 г., значилось: «Кружок имеет целью изучение изящной словесности (преимущественно поэтической) посредством докладов, разговоров и чтений» (*Иезуитова, Скворцова.* С. 72).

Членами кружка состояло около тридцати человек, в том числе А. А. Блок, С. М. Городецкий, Л. П. Карсавин, А. А. Кондратьев, В. Л. Поляков, Л. Д. Семенов, А. А. Смирнов, С. В. фон Штейн; неполный список участников, составленный Никольским 14 декабря 1904 г., содержит 27 фамилий (*Иезуитова, Скворцова.* С. 72–73). Собрания

проходили в здании университета, в зале Старо-физического института. Городецкий вспоминал об атмосфере в кружке: «...лысый и юркий Никольский, почитатель и исследователь Фета, сам плохой поэт, умел придать этим вечерам торжественную интимность» (*Городецкий.* С. 327).

Свою деятельность кружок начал 9 февраля 1904 г. докладом Полякова «Романтизм у Пушкина»; седьмое и последнее заседание в том учебном году состоялось 22 марта (*Иванова.* С. 205; 207). Часть рефератов носила историко-литературный характер, в зачитанных других обсуждались литературные новинки и современные литературные течения (в первую очередь декадентство). Осенью деятельность кружка возобновилась; с 15 октября по 13 декабря состоялось пять заседаний (*Там же.* С. 208). Декабрьское собрание было последним: студенты разошлись с Никольским — крайне консервативным монархистом, членом ⇨ «Русского собрания» и «махровым черносотенцем» (*Пяст.* С. 24) — на почве политических разногласий после революционных событий начала 1905 г. На смену объединению пришел возникший в конце 1905 г. ⇨ «Кружок молодых».

Лит.: *Городецкий С. М.* Восп. об Александре Блоке // Александр Блок в восп. совр.: В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 326–327; ЛН. 1981. Т. 92, кн. 2. С. 178; *Иезуитова Л. А., Скворцова Н. В.* Александр Блок в Петерб. ун-те // Очерки по истории Ленингр. ун-та. Л., 1982. [Вып.] 4. С. 66–68, 72–73, 75; *Иванова Е. В.* Блок в Кружке изящной словесности Б. В. Никольского // Александр Блок: Исслед. и мат-лы. Л., 1991. С. 198–212; *Баевский В.* Леонид Семенов — жизнестроитель и поэт // Вопр. лит. 1994. Вып. 5. С. 182–183; *Пяст В.* Встречи. М., 1997. С. 24; РП. 1999. Т. 4. С. 321–322.

КРУЖОК ИМЕНИ Я. П. ПОЛОНСКОГО ⇨ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КРУЖОК ИМЕНИ Я. П. ПОЛОНСКОГО

КРУЖОК ИМЕНИ А. П. ЧЕХОВА — существовал ок. 1910 г. в Петербурге.

Лит.: Чеховский кружок // Приазовская речь. 1910. № 48 (см.: *Масанов И. Ф.* Чеховиана. Сист. указ. лит. о Чехове и его творчестве. М., 1929. Вып. 1. № 2291).

КРУЖОК ИЩУЩИХ ХРИСТИАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ — религиозно-философский кружок, возникший в 1907 г. в Москве на основе домашнего кружка (Четвергов) ⇨ Новоселова; существовал еще во второй половине 1910-х гг. (ср.: *Половинкин, 1992.* С. 28–29). Собрания проходили «в особняке доктора Корнилова на Нижней Кисловке. В небольшой зале вечером приблизительно раз в две недели собиралось человек 60–70, из них 15–20 члены кружка, а остальные слушатели, публика, дамы, молодежь» (*Арсеньев, 1959.* С. 105). Среди участников кружка были философы, богословы, писатели и общественные деятели, в том числе Н. С. Арсеньев, С. Н. Булгаков, А. С. Глинка-Волжский, С. Н. Дурылин, Вл. А. Кожевников, Н. Д. Кузнецов, П. Б. Мансуров, С. П. Мансуров, М. А. Новоселов, гр. Д. А. Олсуфьев, Г. А. Рачинский, Ф. Д. Самарин (предс.), В. П. Свенцицкий, Л. А. Тихомиров, кн. Е. Н. Трубецкой, епископ Феодор (А. В. Поздеевский), П. А. Флоренский, И. И. Фудель, В. Ф. Эрн.

В уставе кружка 1907 г. значилось: «Кружок имеет целью помогать своим членам, а также и посторонним лицам, которые будут к нему обращаться, в усвоении начал христианского просвещения. Кружок никаких политических целей не преследует и в обсуждение политических вопросов не входит» (цит.: *Половинкин, 1995*).

На собраниях читались и обсуждались доклады по вопросам истории церкви, религиозной философии, отношения христианства к другим религиям и мировоззрениям. В своих воспоминаниях Н. С. Арсеньев неоднократно очень высоко оценивал деятельность кружка: «Весь тон, вся атмосфера этих вечеров были исполнены духовного горения и трезвения, будили и оплодотворяли духовно» (*Арсеньев, 1993.* С. 304). «Здесь было глубокое основное единство взглядов: это были все верующие и вместе с тем мыслящие христиане, люди, раскрытые для всего благородного и духовно-значительного, люди с повышенной умственной жизнью» (*Арсеньев, 1959.* С. 106).

Лит.: *Арсеньев Н. С.* Из юности: Картины моск. жизни // Возрождение. 1951. № 17. С. 79–81; *Арсеньев Н. С.* Из рус. культурной и творч. традиции. Франкфурт-на-Майне, 1959. С. 105–106; *Зернов Н. М.* Рус. религ. возрождение XX в. Париж, 1974. С. 122; РП. 1992. Т. 2. С. 587; *Половинкин С. М.* Путь к храму // Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество. М., 1992. С. 27–29; *Арсеньев Н. С.* О моск. религ.-филос. и лит. кружках и собраниях нач. XX в. // Восп. о серебряном веке. М., 1993. С. 300–304; Письма М. А. Новоселова к Л. Н. Толстому / Публ. Е. С. Полищука // Минувшее. М.; СПб., 1994. Вып. 15. С. 374; *Половинкин С. М.* Филос. и религ.-филос. об-ва // Рус. философия: Словарь / Под общей ред. М. А. Маслина. М., 1995. С. 579; *Burchardi K.* Die Moskauer «Religiös-philosophische Vladimir-Solov'ev-Gesellschaft» (1905–1918). Wiesbaden, 1998. S. 129; РП. Т. 4. С. 354.

КРУЖОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА [1] при Театральном клубе Союза ⇨ Драматических и музыкальных писателей – недолговечный кружок, созданный А. Л. Волынским и Н. Н. Ходотовым в 1907 г. в Петербурге (Литейный, д. 42).

Лит.: *Ходотов Н. Н.* Близкое – далекое. Л.; М., 1962. С. 205–206, 296.

КРУЖОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА [2] – студенческий кружок, существовавший около 1909 г. в Петербурге. Организовал «общественные процессы над [М.] Арцыбашевым, М. Кузминым, Ф. Сологубом, обвиняемыми по 1001-й статье [т.е. порнографии. – *М. Ш.*]» (*Муратова*). Как вспоминал В. А. Пяст, «остатки» ⇨ «Кружка молодых» и ⇨ «Кружка реалистов», «соединившись вместе, объявляли иногда “Общественные Суды” над теми или иными литературными произведениями или их авторами» (*Пяст.* С. 112). Кружком руководили А. С. Бухов, А. И. Гидони и Ю. Б. Кричевский; среди участников были В. А. Канторович, Д. В. Кузьмин-Караваев, Б. С. Мосолов.

Лит.: Лит. процессы // Наша газета. 1909. № 40. 18 февр. С. 2; История рус. лит. конца XIX – нач. XX в.: Библиогр. указ. / Под ред. К. Д. Муратовой. М.; Л., 1963. № 2214; *Пяст В.* Встречи. М., 1997. С. 112, 322.

КРУЖОК ЛЮБИТЕЛЕЙ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ЛИТЕРАТУР – литературно-научный кружок, организованный группой студентов-филологов Московского университета в 1894 г. Созданию кружка содействовал Н. И. Стороженко – академический учитель его организаторов; согласно рукописному отчету о деятельности объединения, мысль об основании кружка возникла 2 февраля 1894 г. на празднике-юбилее 35-летней научной деятельности Стороженко (РГБ. Ф. 389. Карт. 1. Ед. хр. 14. Л. 6). В состав кружка входили К. Д. Бальмонт, В. Я. Брюсов, В. Ф. Долгинцев, П. С. Коган, М. Криницкий, А. А. Курсинский, А. А. Ланг (Миропольский), В. М. Фриче, В. М. Шулятиков и др. (в одном из членских списков перечислено 26 имен; РГБ. Ф. 389. Карт. 1. Ед. хр. 17).

В задачу объединения входила «совместная разработка вопросов, касающихся истории западноевропейских литератур и ознакомление русской публики с произведениями западноевропейских писателей» (Устав Кружка любителей западноевропейских литератур // РГБ. Ф. 389. Карт. 1. Ед. хр. 13. Л. 2). С этой целью в кружке проводились еженедельные заседания, на которых участники зачитывали и обсуждали рефераты о произведениях иностранной литературы, а также читали собственные стихотворные переводы.

Первое собрание кружка состоялось 5 февраля 1894 г.; восьмое «торжественное» собрание от 7 апреля было посвящено 70-летию со дня смерти Байрона. На первом заседании «II сессии» (после летнего перерыва) 21 сентября в кружке впервые участвовали Бальмонт и Брюсов; на том же заседании секретарь кружка Курсинский зачитал отчет о его деятельности. В архиве Курсинского сохранились протоколы шестнадцати собраний (вплоть до 19 ноября) и другие материалы кружка; имеются также сведения о заседании 18 декабря 1894 г., на котором Брюсов выступил с рефератом (РГБ. Ф. 389. Карт. 1. Ед. хр. 30).

Лит.: *Брюсов В. Я.* Автобиогр. // Рус. лит. XX в. (1890–1910) / Под ред. С. А. Венгерова. М., 1914. Т. 1. С. 111; *Брюсов В. Я.* Дневники. М., 1927. С. 19; ЛН. 1991. Т. 98, кн. 1. С. 32, 83, 270, 293–294, 304.

Архивы: РГБ. Ф. 389 (Курсинский А. А.). Карт. 1. Ед. хр. 12–17, 30–31.

«**КРУЖОК МОЛОДЫХ**» – студенческое литературное объединение, основанное осенью 1906 г. в Петербурге. Его зародышем был литературно-музыкальный кружок, образовавшийся в конце 1905 г. по инициативе А. А. Блока, С. М. Городецкого, А. А. Кондратьева и В. А. Пяста; в воспоминаниях последнего этот безымянный кружок «молодых» условно назван «предварительным» или «внутренним» (*Пяст, 1997.* С. 87). В письме Городецкого к Блоку от 6 февраля 1906 г. (ЛН. 1981. Т. 92, кн. 2. С. 20) перечислены участники кружка: А. А. Блок, Я. В. Годин, С. М. Городецкий, Евг. Пав. Иванов, А. А. Кондратьев, П. С. Мосолов, П. П. Потемкин, В. А. Пяст, А. А. Юнгер и В. А. Юнгер. В состав кружка первоначально должен был войти и Н. В. Недоброво, но Городецкий воспротивился его включению (см.: *Пяст, 1997.* С. 67–68). На собраниях бывали также А. Белый, Т. Н. Гиппиус, А. П. Иванов, А. Б. Меерович, Б. С. Мосолов и др.; собирались на квартирах участников: у Блока, Городецкого, Пяста. Имеются сведения о заседаниях 14 и 25 февраля 1906 г.; на втором из них Блок читал «Балаганчик» (дневник Евг. Пав. Иванова; Блоковский сб. Тарту, 1964. Вып. 1. С. 399); ряд собраний «предварительного» кружка описан в воспоминаниях Пяста (*Пяст, 1997.* С. 61–68). Встречи кружка, по-видимому, вскоре прекратились; Городецкий писал Пясту 11 мая 1906 г.: «Совершенно определенно думаю о создании круга, прочного и самодовлеющего, без печальной участи нашей затеи» (ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 246).

Этот «прочный и самодовлеющий круг» был создан Городецким вместе с редакторами журнала «Студенчество» А. И. Гидони и Ю. Б. Кричевским к началу нового 1906/1907 учебного года в виде студенческого литературно-художественного объединения при Петербургском университете, куда вошли многие из участников «предварительного» кружка. Осенью 1906 г. студенты «Кружка молодых» объединились «с внешними элементами – литераторами и прочими непосредственно причастными к искусству лицами» (Золотое руно. 1907. № 1. С. 84) и образовали ⇨ Литературно-художественное общество [2], выступавшее как организатор открытых собраний «Кружка молодых», так называемых «Вечеров искусства». Общество возникло в ноябре 1906 г.; именно о нем, а не о «Кружке молодых» идет речь в дневниковой записи М. А. Кузмина от 17 ноября 1906 г.: «При университете образуется кружок искусства, куда между прочим решили пригласить и меня и [С. Ю.] Судейкина. Забраковали [Л. Д. Зиновьеву-]Аннибал и [Л. Н.] Вилькину, не приглашают [Б. А.] Лазаревского, [З. И.] Гржебина» (*Кузмин.* С. 264). На двойственный характер состава кружка намекает Пяст в письме к Блоку от 28 ноября 1906 г.: «Завтра заседание “Кружка молодых” (студентов, без литераторов)» (ЛН. 1981. Т. 92, кн. 2. С. 201). О создании и составе кружка В. Я. Брюсов сообщал З. Н. Гиппиус в письме от 27 декабря 1906 г.: «“Общество молодых” возникло из противоестественного соединения Луначарского и Кузмина, о. Михаила [Семенова] и Городецкого, Н. Бердяева и К. Чуковского, Ф. Зелинского и Ф. Сологуба и т.д. Собираются и спорят» (ЛН. 1976. Т. 85. С. 689).

«Вечера искусства» проходили в помещениях университета, чаще всего в зале Старо-физического института. Первый вечер состоялся 7 декабря 1906 г. (см.: *Пяст, 1997.* С. 298). Тематический спектр литературных вечеров «Кружка молодых» был весьма широк; так, на первых заседаниях выступили с докладами С. Л. Франк (о кризисе натуралистического мировоззрения), В. Э. Мейерхольд (о театре В. Ф. Коммиссаржевской), А. В. Луначарский и др., обсуждали стихотворный сборник Городецкого «Ярь». В мемуарных материалах хорошо освещен третий (по данным В. А. Зоргенфрея) вечер кружка, прошедший 1 февраля 1907 г., на котором Блок читал «Незнакомку», а М. А. Кузмин исполнял лирические сцены с музыкой «Куранты любви» (*Зоргенфрей*; ср. дневник Кузмина от 1 февр. 1907 г.; *Кузмин.* С. 316; рисунок, запечатлевший выступле-

ние Кузмина, воспроизведен в сб. «Альманах молодых» (СПб., 1908) и в кн.: *Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э.* Михаил Кузмин: иск-во, жизнь, эпоха. М., 1996. Между с. 160–161). На заседании кружка 9 октября 1907 г. произошел скандал, приведший к расколу и к образованию Кружка ⇨ «Реалисты» (*Пяст, 1997.* С. 306).

Среди членов, посетителей и выступающих на заседаниях кружка были Н. А. Бердяев, А. А. Блок, А. Л. Волынский, Л. Герасимов, А. И. Гидони, Я. В. Годин, С. М. Городецкий, М. Л. Гофман, Б. Дикс, С. С. Дубнова (секр.), Ф. Ф. Зелинский, В. А. Зоргенфрей, Вяч. И. Иванов, Евг. Пав. Иванов, В. Ф. Коммиссаржевская, А. А. Кондратьев, М. О. Косвен, Ю. Б. Кричевский, М. А. Кузмин, Д. В. Кузьмин-Караваев, А. В. Луначарский, М. О. Мазель, В. Э. Мейерхольд, Б. С. Мосолов, Н. В. Недоброво, П. П. Потемкин, В. А. Пяст, А. М. Радзиевский, А. М. Ремизов, Ф. К. Сологуб, С. Л. Франк, Д. М. Цензор, К. И. Чуковский, Г. И. Чулков, В. А. Юнгер и др.

Наряду с организацией литературных вечеров «Кружок молодых» занимался издательской деятельностью; под его маркой вышли сборник стихов Городецкого «Ярь» (в декабре 1906 г.) и брошюра Гофмана «Соборный индивидуализм» (СПб., 1907). В конце 1908 – начале 1909 г. Городецкий работал над составлением альманаха «Кружка молодых»; издание не состоялось (см.: ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 340). Активные участники кружка (Гофман, Пяст и Дикс) – инициаторы и основные авторы сборника статей «Книга о русских поэтах последнего десятилетия» (СПб.; М., [1909]). «Кружок молодых» просуществовал до 1909/1910 учебного года (*Пяст, 1997.* С. 112).

Слово «молодые» в названии группы Пяст объясняет тем, что по замыслу Городецкого кружок «должен был быть чем-то оппозиционным по отношению к старшему поколению, кругу Вячеслава Иванова» (*Там же.* С. 61). Если первоначальный «внутренний» кружок был достаточно элитарной группой молодых, модернистски настроенных поэтов и музыкантов, вхожих в близкие к ⇨ Символистам круги (Среды ⇨ Иванова и Воскресенья ⇨ Сологуба), то учреждение «Кружка молодых» как студенческого объединения стало попыткой «вынести келейные собрания нашего предварительного кружка – в широкую публику, на площадь, – демократизовать его» (*Там же.* С. 87). Следствием этого выхода «в широкую публику» было отсутствие единой эстетической и идеологической платформы: «...с самого начала резко обозначились в кружке две “партии” <...> к одной принадлежали “марксисты”, к другой – “декаденты”. <...> С. М. Городецкий занимал центральное и нейтральное положение» (*Там же.* С. 89). Об их соотношении в кружке говорится в статье явно “марксистски” настроенного участника Л. Герасимова: «Учредители “Кружка” “широко”, как они уверяли, раскрывали двери реалистам и материалистам, хотя они позаботились своевременно о том, чтобы в бюро “Кружка” преобладали декаденты и прочая соответствующая братия» (*Герасимов.* С. 8).

Лит.: *Герасимов Л.* «Кружок молодых» // Новая книга. 1907. № 1. С. 7–10; *Зоргенфрей В. А.* А. А. Блок // Записки мечтателей. 1922. № 6. С. 134; *Княжнин В. Н.* Александр Александрович Блок. Пб., 1922. С. 80–81; *Пяст В.* Восп. о Блоке. Пг., 1923. С. 32–35; *Городецкий С. М.* Мой путь // Сов. писатели. М., 1959. Т. 1. С. 324; ЛН. 1976. Т. 85. С. 689, 691–692; ЛН. 1980. Т. 92, кн. 1. С. 553–555; ЛН. 1981. Т. 92, кн. 2. С. 7, 20–22, 155–156, 178, 197, 199, 201; *Белый А.* Между двух революций. М., 1990. С. 56; *Дубнова-Эрлих С. С.* Хлеб и маца. СПб., 1994. С. 129–131; *Пяст В.* Встречи. М., 1997. С. 61–68, 86–95, 99, 112, 298, 306; *Кузмин М. А.* Дневник 1905–1907. СПб., 2000. С. 264, 275, 284, 286, 316; *Клейнборт Л. М.* Встречи. Федор Сологуб / Публ. М. М. Павловой // Рус. лит. 2003. № 1. С. 211.

КРУЖОК МОСКОВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ПОЭТОВ – существовал в 1917 г. в Москве. В РГАЛИ хранится стенная газета кружка, озаглавленная «Э!..», с автографами (шутливыми стихами и изречениями) Н. Я. Абрамовича (Муравьева), Е. И. Вашкова, А. И. Журина, А. П. Каменского, Влад. Сокола и др.

Архивы: РГАЛИ. Ф. 90 (Вашков Е. И.). Оп. 2. Д. 8.

КРУЖОК ПИСАТЕЛЕЙ ИЗ НАРОДА ⇨ **МОСКОВСКИЙ ТОВАРИЩЕСКИЙ КРУЖОК ПИСАТЕЛЕЙ ИЗ НАРОДА**

КРУЖОК ПОЭТОВ – литературный кружок молодых поэтов, студентов Петроградского университета, существовавший в 1915–1916 гг. Организационное собрание кружка состоялось осенью 1915 г. на квартире М. М. Винавера; как вспоминала Е. М. Тагер, «инициатор кружка был самый младший из нас – Геня Винавер» (цит.: *Богомолов, 1988*). В состав группы входили Н. А. Адуев, Е. М. Винавер, И. В. Евдокимов, В. А. Злобин, С. М. Кремков, М. О. Лопатто, Д. Л. Майзельс, Е. Р. Малкина, И. Р. Малкина, Г. В. Маслов, С. А. Никольский, Ю. А. Никольский, Н. А. Оцуп, Л. М. Рейснер, В. А. Рождественский, Г. П. Струве, Е. М. Тагер, В. М. Тривус. На заседаниях Кружка поэтов бывали С. А. Есенин, О. Э. Мандельштам. «Маслов и Рейснер – вот ядро нашего поэтического кружка» (*Рождественский, 1974.* С. 113).

Многие участники Кружка поэтов состояли также членами ⇨ Пушкинского кружка. В воспоминаниях Ю. Г. Оксмана говорится о студенческих вечерах поэтов; упомянутые лица числились членами различных литературных объединений при Петроградском университете (Кружка поэтов, Пушкинского кружка, ⇨ Романо-германского кружка) – Д. И. Выгодский, Вас. В. Гиппиус, Н. С. Гумилев, М. Л. Лозинский, О. Э. Мандельштам, Г. В. Маслов, Л. М. Рейснер, В. А. Рождественский, В. М. Тривус, Д. П. Якубович (см.: *Чудакова, Тоддес.* С. 92).

В тесной связи с Кружком поэтов стоял издаваемый М. А. Рейснером и Л. М. Рейснер журнал «Рудин», печатавший стихи и статьи участников кружка (вышло восемь номеров с ноября 1915 г. по апрель–май 1916 г.). Кружок поэтов издавал также машинописный журнал под названием «Альманах “Кружка поэтов”» (единственный известный выпуск – 3-й; см.: *Богомолов, 1994*). Кружок распался к концу 1916 г., когда некоторые его члены были мобилизованы. В 1918 и 1919 гг. многие из участников Кружка поэтов объединились в группах «Арзамас» и «Арион».

В своем поэтическом творчестве участники кружка ориентировались преимущественно на поэтику ⇨ Акмеистов, хотя в лице Злобина группа имела и свое “антиакмеистское” крыло (см.: *Злобин В. А.* Памяти Н. А. Оцупа // Возрождение. Париж, 1959. № 86. С. 136). Кружок поэтов упоминается в поэме Оцупа «Дневник в стихах» (Париж, 1950) (*Оцуп*).

Лит.: *Оксенов И.* Лариса Рейснер. Л., 1927. С. 8; *Амстердам А. В.* Всеволод Рождественский: Путь поэта. М.; Л., 1965. С. 15; *Житомирская С. В.* Архив Л. М. Рейснер // Зап. ОР ГБЛ. М., 1965. Вып. 27. С. 46; *Земсков В.* Встречи М. Горького и С. Есенина // Горьковские чтения: К 100-летию со дня рождения писателя. М., 1968. № 6. С. 218; *Рождественский В. А.* Страницы жизни. М., 1974. С. 111–114, 177–181, 227; *Тименчик Р. Д.* По поводу «Антологии петерб. поэзии эпохи акмеизма» // Russian Literature. 1977. Vol. 5. № 4. P. 316; *Струве Г. П.* К истории рус. поэзии 1910-х – нач. 1920-х гг. Berkeley, 1979. С. 16–24; ЛН. 1983. Т. 93. С. 192, 198; *Чудакова М. О., Тоддес Е. А.* Тынянов в восп. современника // Тыняновский сб. Первые Тыняновские чтения. Рига, 1984. С. 92, 99; *Соловей Э. С.* Лариса Рейснер: Очерк жизни и творчества. М., 1985. С. 29–32; *Тименчик Р. Д.* Поэзия И. Ф. Анненского в читательской среде 1910-х гг. // Блоковский сб. Тарту, 1985. Вып. 6. С. 113–114; *Тименчик Р. Д.* Тынянов и некоторые тенденции эстетич. мысли 1910-х гг. // Тыняновский сб.: Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986. С. 68; ЛН. 1987. Т. 92, кн. 4. С. 560–562; *Богомолов Н. А.* К изучению поэзии второй половины 1910-х гг. // Тыняновский сб.: Третьи Тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 183; *Оцуп Н. А.* Океан времени. СПб., 1993. С. 285–286; *Богомолов Н. А.* Мат-лы к библиогр. рус. лит.-худож. альм. и сб-ков. 1900–1937. М., 1994. № 46; *Рождественский Вс.* Н. С. Гумилев: (Из запасов памяти) // Николай Гумилев: Исслед. и мат-лы. Библиогр. СПб., 1994. С. 410–413.

КРУЖОК РАБОЧИХ БЕЛЛЕТРИСТОВ – существовал в 1913 г. в Петербурге при редакции большевистской газеты «Правда» (1912–1914). Инициатор его создания А. Н. Тихонов сообщал А. М. Горькому в письме от 8 мая 1913 г. об организации круж-

ка («Только что вернулся я с первого заседания “Кружка рабочих беллетристов”») и о его цели: «учить читать и писать начинающих литераторов» (*Брейтбург.* С. 65). В ответном письме из Капри от 23 мая 1913 г. Горький заявил о своих «сомнениях <...> в успехе благого этого дела: как бы оно не превратилось в окрошку и смятку, подобно “кружку пролетарской культуры”, в котором Луначарский — воистину блаженный человек! — говорит рабочим о “научном мистицизме”» (*Там же.* С. 42). (Имеется в виду Лига пролетарской культуры — кружок русских рабочих писателей и поэтов, возникший в октябре 1912 г. в Париже по инициативе Ф. И. Калинина и А. В. Луначарского; в его состав входили будущие деятели Пролеткульта П. К. Бессалько, А. К. Гастев, М. П. Герасимов, П. И. Лебедев-Полянский, Р. А. Пельше и др.; см.: *Johansson K.* Aleksej Gastev. Proletarian Bard of the Machine Age. Stockholm, 1983. P. 41—42.)

Произведения членов кружка были помещены в «Первом сборнике пролетарских писателей» (СПб., 1914). Среди участников — А. К. Гастев (М. Дозоров), А. Н. Линовский (Поморский), С. В. Малышев, В. Торский (М. Д. Царев), Н. А. Чердынцев и др. Ср. также: Кружок ⇨ Правдистов-поэтов.

Лит.: *Рогожин Н. П.* Лит.-худож. альм. и сб-ки: 1912—1917 гг. М., 1958. № 306, 534; *Горький М.* Письма к А. Н. Тихонову / Подгот. текста и коммент. А. Я. Тарараева // Горьковские чтения 1953—1957. М., 1959. С. 42, 86; *Брейтбург С. М.* Максим Горький — редактор «Сб-ков пролет. писателей» // Книга: Исслед. и мат-лы. М., 1965. Сб. 10. С. 65—66.

КРУЖОК ХЛОПАЮЩИХ СЕБЯ ПО КОЛЕНУ — дружеский кружок петербургских литераторов в середине 1900-х гг. (в годы первой русской революции). В его состав входили М. П. Арцыбашев, Н. Н. Брешко-Брешковский, А. А. Измайлов, А. П. Каменский, А. И. Куприн, В. В. Муйжель, И. И. Ясинский. «Кружком хлопающих себя по колену» содружество названо в письме Каменского к Муйжелю от 5 июля 1906 г. Кружок практиковал «легкое приятельство, безбытность и нек[ото]рое нарочитое “шалопайство”» (А. В. Чанцев).

Ср. также дневниковую запись М. А. Кузмина от 31 октября 1907 г.: «У Каменского была куча поющих людей, qui mieux mieux [наперегонки]. Играл “Куранты”. Ехал назад с [Ал. Н.] Чеботаревской» (*Кузмин М. А.* Дневник 1905—1907. СПб., 2000. С. 420).

Лит.: РП. 1992. Т. 2. С. 454.

КУБОФУТУРИСТЫ («**БУДЕТЛЯНЕ**»; «литературная компания» «**ГИЛЕЯ**») — литературно-художественная группировка, существовавшая «как таковая» в 1912—1914 гг. в Москве и Петербурге; как литературное течение кубофутуризм был влиятелен до конца 1920-х гг. К группе принадлежали виднейшие представители футуризма в России; в ее «канонический» состав входили Д. Д. Бурлюк, Н. Д. Бурлюк, Е. Г. Гуро, В. В. Каменский, А. Е. Крученых, Б. К. Лившиц, В. В. Маяковский и В. В. Хлебников.

Зародышем «Гилеи» был кружок молодых поэтов и художников, собиравшийся к концу 1909 г. в Петербурге у Е. Г. Гуро и М. В. Матюшина на Лицейской (*Матюшин, 1976.* С. 143) и на квартире В. В. Каменского на Фонтанке (*Каменский, 1990.* С. 443).

Участники сборника «Пощечина общественному вкусу». Спереди – В.В. Хлебников, Г.Л. Кузьмин, С.Д. Долинский, сзади – Н.Д. Бурлюк, Д.Д. Бурлюк, В.В. Маяковский. 1912 г.

Участники — В. Д. Бурлюк, Д. Д. Бурлюк, Н. Д. Бурлюк, А. Гей (А. М. Городецкий), Е. Г. Гуро, В. В. Каменский, М. В. Матюшин, С. Н. Мясоедов, Е. Г. Низен, В. В. Хлебников — готовили к печати литературный сборник «Садок судей [I]» (СПб., 1910), вышедший в свет во второй половине апреля 1910 г. (*Markov, 1968*. P. 8) (зарег. 11—18 мая; КЛ 1910/11495). Книга была напечатана на оборотной стороне обойной бумаги, в маленьком квадратном формате, с орфографическими и типографическими особенностями. Хотя ее «футуристичность», в сущности, тем и исчерпывалась, гилейцы впоследствии всегда причисляли книгу к своим изданиям, подчеркивая этим б льшую независимость от итальянского футуризма и временн е первенство над ⇨ Эгофутуристами.

«Гилея» окончательно оформилась к началу 1912 г.; организатором группы был «отец российского футуризма» Д. Бурлюк. В начале сентября 1911 г. Бурлюк познакомился с Маяковским (*Бурлюк, 1920*), в декабре 1911 г. — с Лившицем (*Лившиц, 1989*. С. 310). В декабре же братья Бурлюки поехали вместе с последним на каникулы в село Чернянка Нижнеднепровского уезда Таврической губернии, где проживала семья Бурлюков; там они вчетвером основали содружество (*Там же*. С. 346), названное «Гилеей» по древнегреческому наименованию части Скифии у устья Днепра, где была расположена Чернянка.

Маяковский вспоминал в автобиографии «Я сам», что «родился российский футуризм» в «памятнейшую ночь», проведенную в беседе с Д. Бурлюком после концерта с исполнением «Острова мертвых» С. В. Рахманинова (*Маяковский, 1955*. С. 19); концерт состоялся 4 февраля 1912 г. в Москве (*Катанян, 1985*).

В январе и феврале 1912 г. прошел ряд диспутов о современном искусстве, в которых гилейцы постепенно разрабатывали свои эстетические положения. 18 января Д. Бурлюк выступил на диспуте общества художников «Союз молодежи» в петербургском Троицком театре в качестве оппонента к докладу С. П. Боброва о современной живописи (*Лившиц, 1989*. С. 358); в прениях по этому докладу выступали также Н. Бурлюк, Н. И. Кульбин и И. М. Зданевич. Последний писал в неизданной статье 1918 г.: «В январе 1912 года в Троицком театре на докладе Сергея Боброва впервые в Петербурге декларировали мы футуризм и посеяли его семена в русской действительности» (цит.: *Там же*. С. 629).

В феврале 1912 г. общество художников «Бубновый валет» организовало в Политехническом музее в Москве два диспута о современном искусстве. Первый из них состоялся 12 февраля; рефераты прочли Кульбин («Свободное искусство как основа жизни») и Д. Бурлюк («О кубизме и других направлениях в живописи»); Н. С. Гончарова и М. Ф. Ларионов, выступившие в прениях с резкой критикой «Бубнового валета», взбудоражили публику сообщением, что они числятся членами новой группы «Ослиный хвост». Лившиц вспоминал, что это был «исторический диспут, положивший начало нашим дальнейшим публичным выступлениям <...> и окруживший ореолом скандала в ту пору еще недостаточно известные имена поборников нового искусства» (*Там же*. С. 364).

Второй диспут состоялся 25 февраля. Темой вечера был кубизм; М. А. Волошин зачитал реферат о его французских провозвестниках, причем «о самом кубизме и не заикнулся» (*Там же*. С. 365); Д. Бурлюк выступил с докладом «Эволюция понятия красоты в живописи (кубизм)». В качестве оппонентов выступили Крученых и Маяковский (*Сухопаров, 1992*. С. 42), привлеченные Бурлюком к этому времени в «Гилею»; это были их первые публичные выступления. Лившиц отмечал, что Бурлюк, «в первый раз публично заговорив о футуризме, <...> счел нужным отмежеваться от него как от явления отрицательного, как от попытки возродить психологизм» (*Лившиц, 1989*. С. 367) — к началу 1912 г. понятие «футуризм» было уже оккупировано группой недолюбливаемых гилейцами эгофутуристов.

Весной 1912 г. Крученых познакомился с Хлебниковым; к середине апреля они завершили работу над совместной поэмой «Игра в аду» (*Крученых, 1996*. С. 49). Во второй половине апреля Хлебников поехал в Херсон; там он хлопотал об издании своей

брошюры «Учитель и ученик» (зарег. 9—16 июля; КЛ 1912/18192); см. письмо к сестре, Е. В. Хлебниковой, от 23 апреля (*Хлебников, 1933.* С. 292—293). К началу августа была издана иллюстрированная Гончаровой «Игра в аду» (зарег. 15—22 окт.; КЛ 1912/27432) — об этой книге говорится еще в письме Д. Бурлюка к Лившицу от середины августа (*Лившиц, 1989.* С. 377); книжка открыла целую серию малотиражных литографированных изданий футуристов (см.: *Ковтун, 1989а*). Примерно тогда же вышло «сочинение» Крученых с «украшениями» Ларионова «Старинная любовь» (зарег. 15—22 окт.; КЛ 1912/27431); в составленном им в 1925 г. списке своих публикаций книга значится на первом месте (*Janecek, 1984.* P. 70). В августе вышла также книга Е. Гуро «Осенний сон» (зарег. 20—27 авг.; КЛ 1912/21219).

Афиша вечера футуристов. 1913 г.

Из упомянутого письма Бурлюка к Лившицу явствует, что Бурлюк надеялся издать в октябре 1912 г. субсидированный «Бубновым валетом» литературно-художественный сборник (*Лившиц, 1989.* С. 376). Однако осенью «Бубновый валет» отказался оплачивать расходы на сборник — возможно, в связи с тем, что один из его предполагаемых участников Крученых издавал свои книги в сотрудничестве с Гончаровой и Ларионовым, враждующими с «бубновалетцами» (*Compton, 1978.* P. 28). Маяковский нашел нового спонсора — своего знакомого Г. Л. Кузьмина; 19 октября 1912 г. Д. Бурлюк сообщал Лившицу, что сборник «на днях сдается в печать» (цит.: *Харджиев, 1976.* С. 13).

В ноябре—декабре 1912 г. в Петербурге прошел ряд диспутов с участием гилейцев. 17 ноября в кабаре ⇨ «Бродячая собака» состоялся диспут московских и петербургских поэтов; выступали Д. Бурлюк, Н. Бурлюк, а также Маяковский, впервые публично читавший свои стихи (*Парнис, Тименчик, 1985.* С. 165, 197). 20 ноября на вечере «Союза молодежи» в Троицком театре выступили с рефератами Д. Бурлюк («Что такое кубизм?») и Маяковский («О новейшей русской поэзии»; тезисы доклада см.: *Маяковский, 1955.* С. 365); в столичной прессе этому диспуту был посвящен ряд издевательских фельетонов (см.: *Харджиев, 1976.* С. 70). Очередное выступление Бурлюка состоялось 10 декабря в Художественно-артистической ассоциации. В декабре вышла следующая литографированная книга Крученых (в соавторстве с Хлебниковым) «Мирсконца» (зарег. 10—17 дек.; КЛ 1912/33950).

17 декабря Д. Бурлюк писал Гуро и Матюшину в ответ на предложение издать второй сборник «Садок судей»: «Дело решенное. Мы высылаем материал» (цит.: *Там же.* С. 16). Из письма явствует, что оно было отправлено накануне выхода в свет первого сборника гилейцев; таким образом, «Пощечина общественному вкусу» появилась 18 декабря 1912 г. (зарег. 7—14 янв. 1913 г.; КЛ 1913/1776). Сборник открывался эпатажным манифестом, давшим книге название, подписанным Д. Бурлюком, Крученых, Маяковским и Хлебниковым. Альманах, заполненный наполовину произведениями Хлебникова, содержал также стихи и прозу Лившица, Н. Бурлюка, Д. Бурлюка, Крученых, Маяковского, две статьи Д. Бурлюка об искусстве (подпись: Н. Бурлюк) и четыре стихотворения в прозе В. В. Кандинского, который «был в нашей группе человеком случайным» (*Лившиц, 1989.* С. 403) и вскоре печатно протестовал против включения его

Участники группы «Гилея».
Слева направо – А.Е. Крученых, Д.Д. Бурлюк, В.В. Маяковский, Н.Д. Бурлюк, Б.К. Лившиц. 1912 г.

произведений в сборник. Упоминая в манифесте ожидаемое «море свиста и негодования», гилейцы точно предугадали реакцию критики на сборник. Маяковский вспоминал: «Газеты стали заполняться футуризмом. Тон был не очень вежливый. Так, например, меня просто называли “сукиным сыном”» (*Маяковский, 1955.* С. 21).

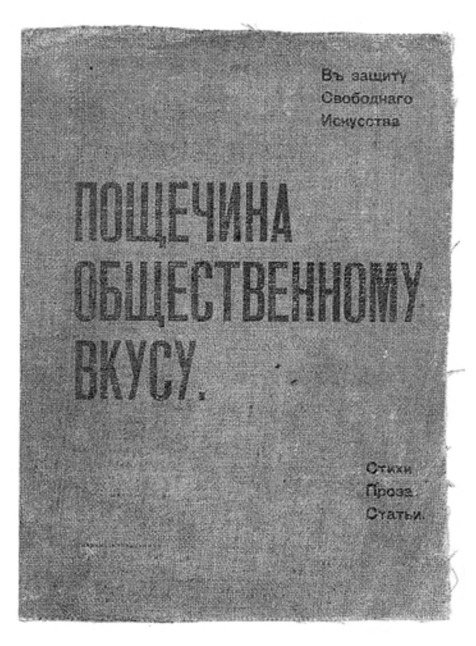
В ответ на критику в феврале 1913 г. была обнародована листовка под тем же заглавием «Пощечина общественному вкусу», где, в свою очередь, атаковались «все эти бесчисленные сюсюкающие Измайловы, Homunculus'ы, питающиеся объедками, падающими со столов реализма» (*Маяковский, 1961.* С. 247; Homunculus — псевдоним сотрудника газеты «День» Д. И. Заславского) и где Хлебников провозглашался «гением — великим поэтом современности». Листовка не подписана; вместо нее воспроизведена групповая фотография Маяковского, Хлебникова, Д. Бурлюка, Н. Бурлюка и двух спонсоров-издателей гилейцев Г. Л. Кузьмина и С. Д. Долинского.

Когда в январе 1913 г. душевнобольный А. А. Балашов изрезал картину И. Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван», желтая пресса обвинила футуристов в причастности к этому инциденту. По поводу происшедшего в Москве состоялся 12 февраля устроенный «Бубновым валетом» диспут о современном искусстве. Выступивший с докладом Волошин и его официальный оппонент Д. Бурлюк с разных позиций критически отозвались о художественных достоинствах картины (материалы диспута см.: *Волошин М. А.* О Репине. М., 1913; ср. воспоминания М. Н. Бурлюк об этом вечере: *Бурлюк, 1994.* С. 281—283). Д. Бурлюк не признал на диспуте ответственность футуристов за покушение; то же мнение он высказал в брошюре «Открытое письмо русским критикам (по поводу инцидента с картиной Репина)» (зарег. 11—18 марта; КЛ 1913/7526).

Второй диспут «Бубнового валета» состоялся 24 февраля. Из гилейцев Д. Бурлюк прочитал доклад «Новое искусство в России и отношение к нему художественной критики», а Маяковский выступал в прениях (*Харджиев, 1976.* С. 42). Если верить газетному отчету, второй из них к этому времени уже стал именоваться футуристом: «Некто Маяковский, громадного роста мужчина, с голосом, как тромбон, заявил, что он, футурист, желает говорить первым» (Моск. газ. 1913. 25 февр.; цит.: *Катанян, 1985*); ср. в воспоминаниях Лившица: «Мы и весной тринадцатого года не называли себя футуристами» (*Лившиц, 1989.* С. 412).

В январе—феврале 1913 г. Крученых выпустил три очередных литографированных издания: «Пустынники. Пустынница» (зарег. 28 янв. — 4 февр.; КЛ 1913/3995); «Полуживой» и «Помада» (зарег. 18—25 февр.; КЛ 1913/5548, 5549). Книги, изданные в Москве на средства Кузьмина и Долинского, были иллюстрированы Гончаровой и Ларионовым. В «Помаде» появились впервые «3 стихотворения, написанные на собственном языке. От др. отличается: слова его не имеют определенного значения», в том числе ставшее знаменитым «Дыр бул щыл» (см.: *Janecek, 1984.* P. 84; *Ковтун, 1989a.* С. 67).

В конце февраля в петербургском издательстве Матюшина «Журавль» вышел следующий коллективный сборник гилейцев «Садок судей II» (зарег. 25 февр. – 4 марта; КЛ 1913/6267). Напечатанный в начале книги второй манифест группы, подписанный восемью участниками, несколько менее заносчив и носил более программный характер по сравнению с «Пощечиной...». Книга содержит произведения Лившица, Хлебникова, Д. Бурлюка, Н. Бурлюка, Маяковского, Крученых, Е. Гуро, Е. Низен, а также, по настоянию Хлебникова (см.: *Хлебников, 1933.* С. 294–295), тринадцатилетней «Милицы-малороссиянки»; в сборнике иллюстрации В. Бурлюка, Д. Бурлюка, Гончаровой, Гуро и Ларионова (впоследствии Гончарова и Ларионов в изданиях кубофутуристов не принимали участия).



Обложка сборника «Пощечина общественному вкусу» (М., [1912])

6 марта 1913 г. у Матюшина состоялось заседание правления «Союза молодежи» при участии гилейцев Н. Бурлюка и Гуро, на котором «Гилея» объединилась с обществом художников на правах автономной поэтической секции (см. протокол заседания: *Харджиев, 1940.* С. 363–364). Следствием этого объединения было участие будетлян в третьем номере журнала «Союз молодежи», вышедшем в конце марта (зарег. 25 марта – 1 апр.; КЛ 1913/8787); без малого две трети его объема заняты произведениями почти всех (кроме Маяковского) гилейцев.

В марте же «Союз молодежи» организовал в Петербурге два диспута; на первом, «О современной живописи», состоявшемся 23 марта, читали доклады Д. Бурлюк («Искусство новаторов и академическое искусство XIX и XX века») и Малевич. На вечере распространялась листовка-манифест художницы О. В. Розановой «Союз молодежи», близкая по тону и положениям к декларациям кубофутуристов (текст см.: Ольга Розанова. 1886–1918. Helsinki; М., 1992. С. 101); начиная с июня 1913 г. Розанова стала участвовать в художественном оформлении большинства кубофутуристских изданий.

Второй диспут, «О новейшей русской литературе», состоялся 24 марта. Докладчиками были Н. Бурлюк – «Сказка-миф», Маяковский – «Пришедший сам», Д. Бурлюк – «Изобразительные элементы российской фонетики» и Крученых – «Разоблачение нового искусства» (см.: *Харджиев, 1976.* С. 43). Среди тезисов доклада Маяковского есть, между прочим, положения: «Кубизм в слове. Футуризм в слове» (*Маяковский, 1955.* С. 366), которые, возможно, способствовали появлению в прессе клички «кубофутуристы» по отношению к гилейцам.

К началу апреля 1913 г. вышел следующий коллективный сборник «Гилеи» «Требник троих» (зарег. 1–8 апр.; КЛ 1913/9413), в котором участвовали, вопреки названию, четыре поэта – Хлебников, Маяковский, Н. Бурлюк и Д. Бурлюк – и пять художников – В. Бурлюк, Д. Бурлюк, Над. Д. Бурлюк, Маяковский и В. Е. Татлин.

В конце апреля Крученых и Кульбин опубликовали в Петербурге листовку «Декларация слова как такового» (зарег. 29 апр. – 6 мая; КЛ 1913/11088), где впервые употребляется понятие «заумный язык». После публикации стихов из слов «без определенного значения» в книжке «Помада» и в «Союзе молодежи» («Го осн¼г кайд»; с примечанием: «написано на языке собственного изобретения»; Союз молодежи. 1913.

№ 3. С. 72) Крученых в «Декларации» пытается теоретически обосновать заумь (ср. мемуарную заметку Крученых об этом манифесте; цит.: *Харджиев, 1976*. С. 81).

В июне 1913 г. вышел ряд литографированных футуристских изданий: книжки Крученых «Взорваль», «Бух лесинный» (в соавторстве с Хлебниковым) (зарег. 3–10 июня; КЛ 1913/14411, 14412) и «Возропщем» (зарег. 10–17 июня; КЛ 1913/15182), а также первая книга стихов Маяковского «Я!» (зарег. 10–17 июня; КЛ 1913/15210). Все книги Крученых опубликованы под его новой издательской маркой «ЕУЫ» (этим звукосочетанием в «Декларации слова как такового» заменено «захватанное» слово «лилия»).

Летом 1913 г. «объединенный комитет “Союза молодежи” и “Гилеи” решил организовать футуристический театр “Будетлянин”» (*Матюшин, 1976*. С. 149). Для разработки проекта в июле 1913 г. был созван «первый всероссийский съезд футуристов». В середине июля на дачу Матюшина в Уусикиркко приехали Малевич и Крученых; намечалось также участие Хлебникова, проводившего лето у родителей в Астрахани, но он не смог приехать, так как потерял переведенные Матюшиным деньги на билет (*Хлебников, 1933*. С. 298–299). Участники съезда Крученых, Малевич и Матюшин на заседаниях от 18 и 19 июля выработали программу, нашедшую отражение в коллективном манифесте «Первый всероссийский съезд баячей будущего (поэтов-футуристов)», датированном 20 июля 1913 г. и напечатанном в журнале «За 7 дней» (1913. 15 авг. № 28. С. 605–606; переизд.: *Малевич, 1995*. С. 23–24). Из трех намеченных театральных проектов были впоследствии осуществлены два. Еще на съезде началась работа над оперой «Победа над солнцем»; Крученых писал либретто, Матюшин – музыку, Малевич делал наброски костюмов и декораций (см.: *Ковтун, 1989*. С. 122–123). Маяковский же работал летом в Москве над своей трагедией «Владимир Маяковский» (первоначальные названия: «Железная дорога», «Восстание вещей»).

В середине августа появилась следующая книжка стихов Крученых «Поросята» (зарег. 13–20 авг.; КЛ 1913/20675; второе издание вышло в начале января 1914 г.; КЛ 1914/584), написанная якобы в соавторстве с одиннадцатилетней девочкой Зиной В.; в книжке развивается манера, названная В. Ф. Марковым «infantilistic primitivism» (*Markov, 1968*. P. 203). В августе же вышел очередной коллективный сборник «Гилеи» «Дохлая луна» (с выходными данными: М., осень 1913) (зарег. 1–8 янв. 1914 г.; КЛ 1914 1914/657); книгу Д. Бурлюк напечатал в городе Каховке Таврической губернии (*Катанян, 1985*). Сборник открывался декларативной статьей Лившица «Освобождение слова», созданной еще в апреле 1913 г. (см.: *Лившиц, 1989*. С. 652), в которой главным достоинством и основой нового течения названо «изменение угла зрения на поэтическое произведение»; в книгу включены произведения Крученых, Маяковского, Н. Бурлюка, Хлебникова и Д. Бурлюка. На шмуцтитуле «Дохлой луны» значится: «сборник единственных футуристов мира!!» – гилейцы впервые «официально» приняли навязанную им прессой кличку.

В сентябре 1913 г. вышел в Петербурге под маркой «Журавль» сборник «Трое» с участием Крученых, Хлебникова и, посмертно, Е. Гуро (зарег. 17–24 сент.; КЛ 1913/24569). Книга содержит декларативную статью Крученых «Новые пути слова», где наряду с традиционной руганью в адрес литературной критики теоретически обоснован и изложен ряд новаторских поэтических приемов гилейцев – в частности, неологизмы и другие «неправильности в построении речи» (С. 30).

Самый бурный в истории кубофутуризма зимний сезон 1913–1914 гг. начался с «Первого в России вечера речетворцев», состоявшегося 13 октября в зале Общества любителей художеств в Москве (афишу см.: *Лившиц, 1933*. С. 165). Вечер описан в воспоминаниях Лившица (*Лившиц, 1989*. С. 432–436). С речами и стихами выступили Н. Бурлюк, Крученых, Лившиц и Маяковский. «Успех вечера был в сущности успехом Маяковского» (*Там же*. С. 434). В этот вечер Маяковский впервые показался в пресловутой желтой кофте (*Катанян, 1985*), затем прочно вошедшей в мифологию русского авангарда.

В мастерской Н.И. Кульбина.
Слева направо – Н.И. Кульбин, О.В. Розанова, В.В. Маяковский, А.С. Лурье, В.В. Каменский.
1915 г.

В октябре появились два издания гилейцев: брошюра-декларация Крученых и Хлебникова «Слово как таковое» (зарег. 15–22 окт.; КЛ 1913/27034) и вышедший в Херсоне сборник «Затычка» (зарег. 22–29 окт.; КЛ 1913/27804) со стихами Д. и Н. Бурлюков и Хлебникова.

В ноябре прошел целый ряд публичных выступлений футуристов. 2 ноября Н. Бурлюк и Хлебников выступали вместе с эгофутуристами В. Гнедовым и И. Северянином в Петербургском женском медицинском институте (*Лившиц, 1989.* С. 668). 3 ноября Д. Бурлюк читал в зале Тенишевского училища в Петербурге доклад «Пушкин и Хлебников» (афишу см.: *Лившиц, 1933.* С. 181). Бурлюк 11 ноября повторил эту лекцию на

Обложка сборника «Трое» (СПб., 1913)

вечере «Утверждение российского футуризма» в Политехническом музее в Москве; тогда же Маяковский прочел доклад «Достижения футуризма» (тезисы доклада см.: *Маяковский, 1955.* С. 366–367); с рефератом «Аэропланы и поэзия футуристов» выступил В. Каменский, приехавший из Перми в Москву по предложению Д. Бурлюка и пополнивший ряды кубофутуристов; вечер в Политехническом музее описан в воспоминаниях Каменского (*Каменский, 1940.* С. 28–47; *Каменский, 1990.* С. 471–476).

В середине ноября московские гилейцы отправились в Петербург, чтобы подготовить постановку пьес театра «Будетлянин». 20 ноября Д. Бурлюк, Крученых и Маяковский выступили в Троицком театре с докладами на вечере «Поэты-футуристы (о вчера, о сегодня, о завтра)», организованном «Союзом молодежи» (*Лившиц, 1989.* С. 663); Маяковский прочел доклад «О новейшей русской литературе».

«Первые в мире четыре постановки футуристов театра» состоялись в начале декабря в театре Луна-парк на Офицерской; 2 и 4 декабря играли трагедию Маяковского «Владимир Маяковский» в художественном оформлении П. Н. Филонова и И. С. Школьника (в главной роли выступал сам автор); 3 и 5 декабря шла опера Крученых и Матюшина «Победа над солнцем» в декорациях и костюмах Малевича (см.: *Лившиц, 1989.* С. 445–450; *Матюшин, 1976.* С. 149–153; *Ковтун, 1989.* С. 130–134; *Катанян, 1985.* С. 76–78, 515–516; *Крученых, 1996.* С. 63–74). Постановки субсидировались председателем и меценатом «Союза молодежи» Л. И. Жевержеевым. Во время спектаклей произошел конфликт между спонсором мероприятия и Крученых (см.: *Харджиев, 1976.* С. 79), который привел к распаду блока гилейцев с обществом художников и в конечном счете к прекращению деятельности «Союза молодежи».

Вскоре после постановки «Победы над солнцем» вышло в свет либретто Крученых (зарег. 20 дек. – 1 янв.; КЛ 1914/193). В ноябре–декабре 1913 г. появилось еще несколько изданий Крученых: «Чорт и речетворцы» (зарег. 26 нояб. – 9 дек.; КЛ 1913/31792), «Взорваль» (второе изд.) и «Утиное гнездышко... дурных слов» (зарег. 20 дек. – 1 янв.; КЛ 1914/192, 194); тогда же вышел сборник Хлебникова «Ряв! Перчатки 1908–1914 гг.» (КЛ 1914/400); все книги изданы под маркой «ЕУЫ».

«Спектакли на Офицерской подняли на небывалую высоту интерес широкой публики к футуризму» (*Лившиц, 1989.* С. 450). По мнению Лившица, успех кубофутуристов

побудил Северянина сблизиться с ними: «Будетляне прочно занимали господствующие высоты, и это отлично учел Северянин, когда через Кульбина предложил нам заключить союз» (*Там же.* С. 452). Плодом этого недолговечного блока было несколько совместных выступлений в провинции («Олимпиада футуризма»; см.: *Северянин И.* Колокола собора чувств. Юрьев, 1925. С. 37–46; *Он же.* Соч.: В 5 т. СПб., 1995. Т. 3. С. 256–263), а также участие Северянина в сборнике «Рыкающий парнас», вышедшем в начале февраля 1914 г. в Петербурге (зарег. 5–12 февр.; КЛ 1914/4065); сборник содержит стихи Маяковского, Д. Бурлюка, Каменского, Лившица, Крученых, Гуро, Хлебникова и Северянина, а также таблицу «тональностей гласных» Г. Елачича. Северянин был в числе подписавших напечатанный в сборнике последний коллективный, резко полемический, манифест кубофутуристов «Идите к чорту» («к чорту» посылались ⇨ Символисты, ⇨ Акмеисты, Эгофутуристы «Петербургского глашатая» и ⇨ «Мезонина поэзии», литературные критики и прочие «старички русской литературочки»). Книгу иллюстрировали В. Бурлюк, Д. Бурлюк, И. А. Пуни, О. Розанова и П. Филонов; в связи с рисунками Филонова цензура конфисковала издание за порнографию, и б льшая часть тиража не была распространена.

С середины декабря 1913 г. по конец марта 1914 г. Д. Бурлюк, Каменский и Маяковский предприняли турне по России, в ходе которого выступили в 15 городах (*Харджиев, 1975.* С. 144; ср.: *Харджиев, 1940.* С. 401–427; *Харджиев, 1997.* Т. 2. С. 6–36). Первое выступление состоялось 14 декабря в Харькове; затем 7 января в Симферополе (с участием Северянина и его местного подражателя В. Баяна), 9-го в Севастополе, 13 января в Керчи (здесь Северянин поссорился с гилейцами и прекратил участие в турне), 16-го и 19-го в Одессе, 21-го в Кишиневе, 24-го в Николаеве, 28 и 31 января в Киеве. 3 февраля Бурлюк, Каменский и Маяковский вернулись на несколько дней в Москву в связи с подготовкой к печати «Первого журнала русских футуристов».

Во время первого тура футуристского турне в Россию приехал «отец итальянского футуризма» Ф. Т. Маринетти; визит длился с 26 января по 17 февраля 1914 г. (см.: *Харджиев, 1975.* С. 123–140; *Харджиев, 1997.* Т. 2. С. 14–29; *Крусанов, 1995*). Приезд «основоположника» привел к разноголосице и расколам в стане русских футуристов (поэтов и художников). Накануне приезда Маринетти в Москву Ларионов высказался о нем в прессе резко отрицательно, предлагая забросать его тухлыми яйцами. От Ларионова письмами в редакцию немедленно отмежевались К. Малевич (*Малевич, 1995.* С. 25, 325–326) и бывший член умеренно-футуристского «Мезонина поэзии» В. Г. Шершеневич (см.: *Шершеневич В. Г.* Зеленая улица. М., 1916. С. 107).

Кубофутуристы откликнулись на приезд Маринетти лишь 1 февраля, в день его первого выступления в Петербурге. Хлебников и Лившиц напечатали листовку, в которой прокламировалась самобытность русского искусства и критиковались «туземцы», которые «склоняют благородную выю Азии под ярмо Европы» (листовка воспроизведена в: *Лившиц, 1933.* С. 215; ср.: *Лившиц, 1989.* С. 474). Распространяя листовку перед началом лекции Маринетти, Хлебников и Лившиц спровоцировали инцидент с «туземцем» Кульбиным, который обозвал Хлебникова «подлецом и негодяем», за что и был вызван им на поединок. Сохранился черновик письма Хлебникова от 2 февраля 1914 г., обращенного к «бездарному болтуну» Маринетти (см.: *Харджиев, 1997.* Т. 2. С. 22), в котором Хлебников под впечатлением «скотского поступка врача Кульбина» объявляет: «С членами “Гилеи” я отныне не имею ничего общего» (*Хлебников, 1940.* С. 368–369); с данным конфликтом связана записка, которую Хлебников дал К. И. Чуковскому в начале февраля: «Заявляю, что я больше к так называемым футуристам не принадлежу. В. Хлебников» (*Чуковский К. И.* Чукоккала. М., 1979. С. 128).

5 февраля 1914 г. в московской газете «Новь» было напечатано письмо-декларация от имени группы кубофутуристов (подписано: «Бурлюки, В. Каменский, Маяковский, Матюшин, Крученых, Лившиц, Низен, Велимир Хлебников»), в котором в резкой форме объявлялось, что «мы с итальянским футуризмом ничего общего, кроме клички, не имеем» (цит.: *Харджиев, 1975.* С. 133; *Харджиев, 1997.* Т. 2. С. 24); авторами дек-

ларации были Д. Бурлюк и Каменский. Неделю спустя Лившиц, Крученых, Н. Бурлюк и Матюшин опровергли в петербургской газете «День» от 13 февраля свое участие в составлении декларации; 15 февраля Маяковский, Большаков и Шершеневич отмежевались в «Нови» от письма (*Маяковский, 1955*. С. 369).

Маринетти, прочитав 4 февраля еще одну лекцию и проведя несколько вечеров в «Бродячей собаке» (*Парнис, Тименчик, 1985*. С. 225–226), вернулся 9 февраля в Москву. 11 февраля в Петербурге прошел вечер футуристов «Наш ответ Маринетти» с докладами Лившица «Итальянский и русский футуризм в их взаимоотношении» и А. С. Лурье «Музыка итальянского футуризма» (афишу с тезисами докладов см.: *Лившиц, 1933*. С. 249). «Ответ» был резок и отрицателен: Лившиц и Лурье развивали подчеркнуто антизападнические положения, изложенные ими еще месяцем раньше вместе с Г. Б. Якуловым в плакате-манифесте «Мы и Запад», датированном 1 января 1914 г.; история «блока с Якуловым» и создания декларации описана в воспоминаниях Лившица (*Лившиц, 1989*. С. 464–469).

Одновременно с петербургским диспутом 11 февраля в Минске прошло выступление Маяковского и Д. Бурлюка в рамках турне по провинции. На следующий день они вернулись в Москву, чтобы выступить в качестве оппонентов на диспуте «Общество и молодежь (искусство, пластика, музыка, танго, театр, футуризм)» в Политехническом музее; столкновение гилейцев с М. Криницким на вечере вызвало «грандиозный скандал» (*Харджиев, 1975*. С. 136). День спустя, 13 февраля, Д. Бурлюк и Маяковский присутствовали на последнем выступлении Маринетти в России в ⇨ Обществе свободной эстетики, устроив ему обструкцию; в тот же вечер они выступили в большом зале ⇨ Литературно-художественного кружка в прениях по докладу С. Глаголя (С. С. Голоушева) «Новейшие течения современной живописи», завершившихся еще одним скандалом (*Там же*. С. 138–139).

Во второй половине февраля Д. Бурлюк, Каменский и Маяковский возобновили турне по России. Выступления состоялись 20 февраля в Казани, 3 марта в Пензе, 8 марта в Самаре, 17 марта в Ростове-на-Дону, 19 марта вновь в Самаре, 27 марта в Тифлисе и 29 марта в Баку.

Февраль и март 1914 г. были самым активным периодом издательской деятельности группы кубофутуристов. Вначале вышли литографированные книжки Крученых и Хлебникова «Игра в аду» (второе, расширенное изд., с рисунками Малевича и Розановой) и «Тэ ли лэ» (зарег. 12–19 февр.; КЛ 1914/ 4452, 4453). В феврале же вышел в Херсоне под маркой «Гилеи» альманах «Молоко кобылиц» (зарег. 19–26 февраля; КЛ 1914/5426), содержащий стихи и прозу всех семи гилейцев; книга иллюстрирована В. Бурлюком, Д. Бурлюком и А. А. Экстер. Затем последовали книга стихов Каменского (совместно с А. Кравцовым) «Нагой среди одетых», статья Крученых «Стихи Маяковского» (зарег. 19–26 февр.; КЛ 1914/5074, 5106), его же «Старинная любовь. Бух лесинный» (зарег. 26 февр. – 6 марта; КЛ 1914/6165), херсонское издание книги стихов Лившица «Волчье сердце», «Небесные верблюжата» Гуро, «Творения (1906–1908)» Хлебникова (зарег. 6–13 марта; КЛ 1914/6420, 6463, 6814), «Изборник стихов. 1907–1914 гг.» Хлебникова с рисунками Филонова (зарег. 13–20 марта; КЛ 1914/7696), московское издание «Волчьего сердца» Лившица (зарег. 20–27 марта; КЛ 1914/8070), трагедия Маяковского «Владимир Маяковский», сборник «железобетонных поэм» Каменского «Танго с коровами» (зарег. 27 марта – 3 апр.; КЛ 1914/8655, 8856) и книжка Крученых «Собственные рассказы и рисунки детей» (зарег. 3–17 апр.; КЛ 1914/ 9288).

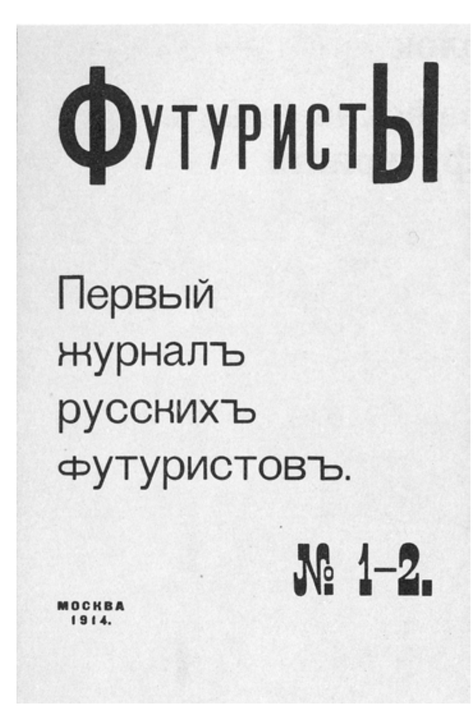
Особняком стоит собрание манифестов «Грамоты и декларации русских футуристов», вышедшее к концу февраля в виде свитка (или узкого плаката) под маркой «Свирельга» (зарег. 26 февр. – 6 марта; КЛ 1914/5650). Свиток содержит семь «грамот и деклараций»: 1) «Пощечина общественному вкусу»; 2) предисловие к сборнику «Садок судей II»; 3) «Декларация слова как такового» Крученых; 4) то же Кульбина; 5) «Что есть слово (II-я декларация слова как такового» Кульбина – датирована 27 янв. 1914 г.; вышла впервые в виде листовки в начале февр. (зарег. 5–12 февр.; КЛ 1914/3835); 6) «Глас

о согласе и злогласе» В. Гнедова и 7) «Мы и Запад» Якулова, Лившица и Лурье. Впервые печаталась лишь декларация Гнедова, в которой даны штрихи к концепции семантической рифмы. Так как среди гилейцев к началу 1914 г. «в связи с присоединением <...> Северянина поднялся вопрос о включении в <...> группу и Василиска Гнедова» (*Лившиц, 1989.* С. 461), можно предположить, что именно Гнедов осуществил издание «Грамот и деклараций». К подобному выводу приходит В. Марков, усматривая в названии издательской марки «Свирельга» что-то гнедовское (*Markov, 1968.* P. 180).

Обложка сборника «Стрелец» (Вып. 1. Пг., 1915)

Еще в первой половине января 1914 г. Д. Бурлюк задумал журнал футуристов, который объединял бы разные группировки русского футуризма (*Харджиев, 1975.* С. 118). В качестве союзников наряду с Северянином рассматривались Шершеневич и Большаков — члены распавшегося в конце 1913 г. «Мезонина поэзии», который еще в манифесте «Рыкающего парнаса», составленном, вероятно, в начале января 1914 г., значился в списке посылаемых «к чорту». Однако уже в начале февраля московские гилейцы сблизились с Шершеневичем настолько, что ему поручили отдел критики в новом периодическом органе футуристов и надзор за его печатанием. Сдвоенный первый номер «Первого журнала русских футуристов» вышел в свет в середине марта (зарег. 13—20 марта; Летопись повременной печати 1914/189). 16 марта Д. Бурлюк писал Лившицу из Ростова-на-Дону: «Пришлось печатание поручить Шершеневичу и — мальчишеское самолюбие — 1—2 № журнала вышел вздор!» (*Там же.* С. 142). В «толстом» журнале (с рубриками: поэзия, проза, теория и полемика, библиография, художественная хроника), иллюстрированном В. Бурлюком, Д. Бурлюком и А. Экстер, были напечатаны стихи и проза Маяковского, Шершеневича, Большакова, Каменского, Д. Бурлюка, Хлебникова, Лившица, Н. Бурлюка и Северянина; «теория» была представлена декларативной статьей Н. Бурлюка «Поэтические начала»; исключительно много места уделялось полемике с современной литературной критикой (статьи «Футуропитающиеся» Шершеневича, «Дубина на голову русской критики» Лившица и «Позорный столб российской критики» Д. Бурлюка и Лившица); в журнале помещена также статья Матюшина «Футуризм в Петербурге» о спектаклях кубофутуристов в начале декабря 1913 г.

«Вздором» был, в первую очередь, отдел «Библиография»; Лившиц справедливо отметил, что журнал «весь оказался нафарширован безответственными писаниями каких-то Эгиксов, Гаеров, Вагусов, превозносивших гений Вадима Шершеневича» (*Лившиц, 1989.* С. 460). В написанных под различными псевдонимами рецензиях Шершеневич главным образом сводил личные счеты с бывшими членами группы ⇨ «Лирика» (если верить С. П. Боброву, Шершеневич в свое время безуспешно пытался попасть в «Лирику»; см.: *Ц.ф.Г. [Бобров С. П.].* Книжные новости // Руконог. М., 1914. С. 42); Шершеневич не постыдился включить в номер панегирическую рецензию на собственную книгу стихов. Задетые за живое «библиографическими» замечаниями бывшие «лирики» Н. Н. Асеев, С. П. Бобров и Б. Л. Пастернак, образовавшие к этому времени группу ⇨ «Центрифуга», в альманахе «Руконог» дали обидчикам отповедь, рез-



Обложка «Первого журнала русских футуристов» (М., 1914. № 1/2)

кость которой, в свою очередь, задела участников «Первого журнала...». Представителям враждебных группировок пришлось выяснять отношения в личной встрече: «сшибка футуристов» состоялась в начале мая 1914 г.; тогда же впервые встретились Маяковский и Пастернак.

Другим плодом блока мезонинцев с гилейцами было второе издание «Дохлой луны», вышедшее, вероятно, почти одновременно с «Первым журналом» (зарег. 15–22 мая; КЛ 1914/11801). По данным Лившица, Шершеневич, редактируя сборник, «не постеснялся выбросить из “Дохлой Луны” пять вещей Хлебникова» (*Лившиц, 1989.* С. 460). Впоследствии Шершеневич отрицал свое участие в редактировании сборника (*Шершеневич, 1990.* С. 515), однако оно налицо: за счет сокращения объема произведений гилейцев в альманахе появились подборки стихов Большакова и Шершеневича, отсутствовавшие в первом издании.

«Дохлая луна» в шершеневичевском «изводе» была последним коллективным издательским начинанием «Гилеи». Группа просуществовала до начала Первой мировой войны; Лившиц вспоминал, что он «продолжал оставаться [участником «Гилеи»] до августа четырнадцатого года» (*Лившиц, 1989.* С. 469). Последним отдельным выступлением группы гилейцев был, по-видимому, вечер «Война и искусство» в Политехническом музее в Москве с участием Д. Бурлюка, Н. Бурлюка, Каменского и Маяковского, состоявшийся 14 октября 1914 г.

Футуристы «Гилеи» прекратили не только групповую, но почти на год и издательскую деятельность; с апреля 1914 г. по февраль 1915 г. вышла лишь брошюра Хлебникова «Битвы 1915–1917 гг.: Новое учение о войне» (зарег. 20–27 нояб.; КЛ 1914/30363) с навеянными началом войны новыми историческими исчислениями в поисках «закона времени». Из публикаций в периодике следует отметить составленную Маяковским литературную страницу газеты «Новь» от 20 ноября 1914 г. под заглавием «Траурное ура», в которой были напечатаны стихи Асеева, Большакова, Д. Бурлюка, Маяковского, Пастернака и рассказы Бурлюка и Маяковского.

К концу 1914 г. происходит постепенное сближение кубофутуристов с литературной элитой России; бывшие гилейцы теперь вхожи в литературные салоны, знакомятся со знаменитыми писателями-нефутуристами, господствуют и скандалят в «Бродячей собаке». «Поэты, гордившиеся когда-то положением изгнанников, стремились теперь стать частью литературного истеблишмента» («Poets who had once been proud of beeing outcasts now yearned to become part of the literary establishment»; *Markov, 1968.* P. 277). Плодом этого сближения стал вышедший в феврале 1915 г. под редакцией А. Э. Беленсона первый выпуск альманаха «Стрелец» (зарег. 4–11 марта; КЛ 1915/7091), впервые объединивший под одной обложкой (около)символистов А. А. Блока, З. А. Венгерову, Л. Н. Вилькину, М. А. Кузмина, А. М. Ремизова, Ф. К. Сологуба и (около)футуристов А. Беленсона, Д. Бурлюка, Н. Н. Евреинова, В. Каменского, А. Крученых, Н. Кульбина, Б. Лившица, А. Лурье, В. Маяковского, В. Хлебникова, А. А. Шемшурина. К выхо-

ду «Стрельца» был приурочен вечер в «Бродячей собаке» 25 февраля 1915 г. (*Парнис, Тименчик, 1985*. С. 241–242).

Три месяца спустя вышел следующий футуристский альманах «Весеннее контрагентство муз» под редакцией Д. Бурлюка и С. М. Вермеля (зарег. 16–26 мая; КЛ 1915/12545). Сборник содержит произведения гилейцев Д. Бурлюка, Н. Бурлюка, Каменского, Маяковского, Хлебникова, центрифугистов Асеева, Большакова и Пастернака, а также стихи Беленсона, Д. Вараввина (Ф. М. Вермеля), С. М. Вермеля и В. Канева (В. А. Канторовича) и ноты Н. А. Рославца. Альманах завершается декларативной статьей Д. Бурлюка «Отныне я отказываюсь говорить дурно даже о творчестве дураков», главная мысль которой выражена ее подзаголовком: «Едина эстетическая Россия», – Бурлюк призывает к единению представителей искусств всех направлений на почве патриотизма. Анонсировавшийся сборник «Осеннее контрагентство муз» не был осуществлен.

В августе 1915 г. вышли две книги Крученых: «Заумная гнига» – совместно с Алягровым (Р. О. Якобсоном), с гравюрами Розановой – и «Тайные пороки академиков» – совместно с И. В. Клюном и К. С. Малевичем (зарег. 11–18 авг.; КЛ 1915/19058, 19059); в сентябре отдельно издана поэма Маяковского «Облако в штанах» (зарег. 22–29 сент.; КЛ 1915/21346).

Издавший поэму О. М. Брик субсидировал также сборник «Взял. Барабан футуристов», вышедший в декабре 1915 г. (зарег. 16–31 дек.; КЛ 1915/25316). Наряду со стихами Маяковского, Хлебникова, Каменского, Пастернака, Асеева и Шкловского в сборнике помещена декларация Маяковского «Капля дегтя», завершающая серию литературных манифестов кубофутуристов. Декларация парадоксальным образом оповещает о смерти футуристского движения («футуризм умер как особенная группа») и одновременно о его победе («Сегодня все футуристы. Народ футурист»).

В феврале 1916 г. Брик издал следующую книгу Маяковского, поэму «Флейта-позвоночник» (зарег. 3–10 марта; КЛ 1916/4442); в феврале же вышла брошюра Крученых «Вселенская война» (зарег. 25 февр. – 3 марта; КЛ 1916/3903) (не путать с книгой «Война» Крученых и Розановой, вышедшей тоже в 1916 г.; в КЛ нет).

Еще в 1915 г. Д. Бурлюк «нашел» нового сподвижника и спонсора, футуриста «второго поколения» Г. И. Золотухина (см.: Color and Rhyme. 1956. № 31. P. 31). В московской квартире Золотухина, ставшей «штабом» футуристов, 29 февраля 1916 г. было провозглашено хлебниковское ⇨ Общество Председателей Земного Шара. Золотухин создал на свои средства издательство «К», выпустившее в ноябре 1915 г. роман Каменского «Стенька Разин» (зарег. 1–7 янв. 1916 г.; КЛ 1916/193; см.: *Каменский, 1990*. С. 504) и в марте 1916 г. коллективный сборник стихов «Четыре птицы» (зарег. 3–10 марта; КЛ 1916/4660) с произведениями Д. Бурлюка, Золотухина, Каменского и Хлебникова.

В марте 1916 г. Матюшин издал очередную брошюру Хлебникова с историческими исчислениями «Время мера мира» (зарег. 31 марта – 6 апр.; КЛ 1916/6291). В апреле появился первый и последний выпуск «журнала искусств» «Московские мастера» (зарег. 26 апр. – 3 мая; КЛ 1916/7517), изданного С. Вермелем; по составу участников этот сборник близок к «Весеннему контрагентству муз»; среди новых имен некоторую известность обрел впоследствии Т. В. Чурилин.

В августе вышел под редакцией Беленсона второй сборник «Стрелец» (зарег. 2–9 авг.; КЛ 1916/12334), частично продолжавший установку первого выпуска на симбиоз символистов и футуристов; из последних в сборник вошли лишь Маяковский и Хлебников. В книгу включена статья В. В. Розанова «Из последних страниц истории русской критики»; антисемитские нотки статьи вызвали письмо-протест Маяковского, опубликованное 26 августа 1916 г. в «Биржевых ведомостях» (*Маяковский, 1955*. С. 369–370). В октябре был издан следующий стихотворный сборник Маяковского «Простое, как мычание» (зарег. 11–18 окт.; КЛ 1916/14999).

В конце ноября вышла в Тифлисе книга стихов Каменского «Девушки босиком» (в КЛ нет); там же появился в конце января 1917 г. сборник «1918» с новыми «железобе-

тонными поэмами» Каменского, стихами Крученых и рисунками К. М. Зданевича (в КЛ нет), а также книжка Крученых «Учитесь художи» (в КЛ нет) с картинами К. Зданевича и с одним стихотворением С. Валишевского. Книга вышла в свет не позже чем в начале июня 1917 г. (существует экземпляр с дарственной надписью Зданевича армянскому поэту-футуристу Кара-Дервишу (А. М. Генджиану), датированной 9 июня 1917 г.; см.: Книги рус. авангарда: [Каталог букинист. фирмы «Крымский брод»]. М., 1995. С. 39–40).

Ряд книг 1916 и 1917 гг. с участием кубофутуристов был осуществлен издательством футуристской группы ⇨ «Лирень», в том числе пьеса Хлебникова «Ошибка смерти» (зарег. 13–31 дек.; КЛ 1916/18108) и три выпуска сборника «Временник» (М.; [Харьков], 1917; четвертый выпуск был издан Гнедовым в 1918 г. под маркой «Василиск и Ольга»).

После Февральской революции Каменский «26 марта в Москве, в театре “Эрмитажа”, организовал “Первый республиканский вечер искусств”, где выступали кроме меня Бурлюк, Маяковский, Василиск Гнедов, Рославец, Лентулов, Жорж Якулов, Татлин, Малевич. Все говорили о необходимости вынести мастерство на улицу, дать искусство массам трудящихся, ибо эти демократические задания всегда входили в программу футуризма» (*Каменский, 1990.* С. 513). 24 сентября Маяковский выступил в Политехническом музее в Москве с докладом «Большевики искусства» и чтением стихов (*Катанян, 1985*). После октябрьского переворота кубофутуристы в большинстве своем продолжали «давать искусство массам трудящихся».

См. в приложении статьи и манифесты кубофутуристов.

Лит.: *Каменский В. В.* Его – моя биогр. Великого Футуриста. М., 1918; *Бурлюк Д. Д.* Восп. // Творчество. Владивосток, 1920. № 1; *Львов-Рогачевский В.* Футуризм // Лит. энц.: Словарь лит. терминов. М.; Л., 1925. Т. 2. С. 1047–1058; *Крученых А. Е.* 15 лет рус. футуризма 1912–1927 гг.: Мат-лы и коммент. М., 1928; *Крученых А. Е.* О Хлебникове и др. // Хлебников В. В. Зверинец. М., 1930. С. 13–14; *Бурлюк Д. Д.* Три главы из кн.: «Маяковский и его совр.» // Красная стрела: Сб.-антология. New York, 1932; *Лившиц Б. К.* Полутораглазый стрелец. Л., 1933; *Хлебников В. В.* Собр. произв.: В 5 т. Л., 1933. Т. 5; *Каменский В. В.* Жизнь с Маяковским. М., 1940; *Спасский С. Д.* Маяковский и его спутники: Восп. Л., 1940; *Харджиев Н. И.* Маяковский и живопись; Турне кубо-футуристов 1913–1914 гг. // Маяковский: Мат-лы и исслед. М., 1940. С. 337–400; 401–427; *Хлебников В. В.* Неизданные произв. М., 1940; *Марков В. Ф.* Мысли о рус. футуризме // Новый журнал. 1954. Кн. 38. С. 169–181; *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 1; *То же.* 1961. Т. 13; Anfänge des russischen Futurismus / Hrsg. D. Tschiževskij. Wiesbaden, 1963; Манифесты и программы рус. футуристов / [Ред. В. Ф. Марков]. München, 1967. С. 8–9, 50–85; *Markov V.* Russian Futurism: A History. Berkeley; Los Angeles, 1968; *Лурье А.* Наш марш // Новый журнал. 1969. Кн. 94. С. 127–142; *Чуковский К.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1969. Т. 6. С. 202–259; *Харджиев Н., Тренин В.* Поэтич. культура Маяковского. М., 1970; *Barooshian V. D.* Russian Cubo-Futurism 1910–1930. The Hague, 1974; *Александров А. А., Смирнов И. П.* Футуризм // КЛЭ. М., 1975. Т. 8. С. 167–171; *Харджиев Н. И.* «Веселый год» Маяковского // Vladimir Majakovskij. Memoirs and Essays. Stockholm, 1975. С. 108–151; *Крученых А. Е.* Письма к М. В. Матюшину / Публ. В. Н. Капелюш // ЕжегРОПД. 1974. Л., 1976. С. 165–176; *Харджиев Н. И.* Поэзия и живопись: (Ранний Маяковский) // К истории рус. авангарда. Stockholm, 1976. С. 10–84; *Матюшин М. В.* Рус. кубо-футуристы: Восп. // Там же. С. 129–158; *Lawton A.* Russian and Italian Futurist Manifestoes // Slavic and East European Journal. 1976. Vol. 20. P. 405–420; *Богомолов Н. А.* «Гилея» // КЛЭ. М., 1978. Т. 9. С. 229; *Compton S. P.* The World Backwards: Russian Futurist Books 1912–16. London, 1978; *Ziegler R.* Briefe von A. E. Kručenych an A. G. Ostrovskij // Wiener Slawistischer Almanach. 1978. Bd. 1. S. 5–22; *Ladurner H.* David D. Burljuks Leben und Schaffen 1908–1920 // Ebd. S. 23–55; *Janecek G.* The Look of Russian Literature: Avant-Garde Visual Experiments, 1900–1930. Princeton, New Jersey, 1984; *Катанян В. А.* Маяковский: Хроника жизни и деятельности. 5-е изд. М., 1985; *Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия. 1983. Л., 1985. С. 165, 197–198, 221, 225–226, 240–242; *V.D.B. [Barooshian V. D.].* Futurism // Handbook of Russian Literature / Ed. V. Terras. New Haven; London, 1985. P. 161–164; *Stapanian J. R.* Mayakovsky's Cubo-

Futurist Vision. Houston, 1986; *Хлебников В. В.* Творения. М., 1986; *Thomson R. D. B.* Futurism // The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet Literature. Gulf Breeze, 1987. Vol. 8. P. 62–75; Russian Futurism through Its Manifestoes, 1912–1928 / Eds.: A. Lawton, H. Eagle. Ithaca; London, 1988; *Повелихина А.* С.П.Б. Песочная, 10 // Наше наследие. 1989. № 2. С. 117–121; *Ковтун Е. Ф.* «Победа над солнцем» – нач. супрематизма // Там же. С. 121–135; *Ковтун Е. Ф.* Рус. футурист. книга. М., 1989а; *Лившиц Б. К.* Полутораглазый стрелец: Стихотв. Переводы. Восп. Л., 1989; *Каменский В. В.* Танго с коровами. Степан Разин. Звучаль веснеянки. Путь энтузиаста. М., 1990; *Шершеневич В. Г.* Великолепный очевидец // Мой век, мои друзья и подруги. М., 1990. С. 485–550; *Сухопаров С. М.* Алексей Крученых: Судьба будетлянина. München, 1992; *Бурлюк Д. Д., Бурлюк М. Н.* Маяковский и его совр.: Фрагменты из восп. // Лит. обозр. 1993. № 6. С. 8–23; *Терехина В. Н.* «Только мы – лицо нашего времени» // Библиография. 1993. № 6. С. 69–79; *Бурлюк Д. Д.* Фрагменты из восп. футуриста. СПб., 1994; *Петровская И., Сомина В.* Театральный Петербург. Нач. XVIII в. – окт. 1917 г.: Обозрение-путеводитель. СПб., 1994. С. 240–242; *Крусанов А.* Маринетти в России // Сумерки. 1995. № 16; *Малевич К. С.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1995. Т. 1; О футуризме и футурист. книге: (Письма А. Е. Крученых к А. Г. Островскому, 1929 г.) / Публ. Н. А. Зубковой / / Книга: Исслед. и мат-лы. М., 1996. Сб. 72. С. 223–234; *Крусанов А. В.* Рус. авангард: 1907–1932 (Ист. обзор): В 3 т. СПб., 1996. Т. 1. Боевое десятилетие; *Крученых А.* Наш выход. К истории рус. футуризма. М., 1996; *Баян В.* Маяковский в первой олимпиаде футуристов / Вступ. ст. и коммент. А. Зименкова и В. Терехиной // Арион. 1997. № 1. С. 79–105; *Харджиев Н. И.* Статьи об авангарде. М., 1997. Т. 1–2; *Бобринская Е.* Жест в поэтике раннего рус. авангарда // Хармсиздат представляет: Авангардное поведение: Сб. мат-лов. СПб., 1998. С. 47–62; *Демиденко Ю.* «Надену я желтую блузу...» // Там же. С. 63–76; *Янгиров Р.* Футуризм и футуристы в театр. пародиях 1910-х гг. // Там же. С. 77–96; *Крусанов А., Шифрин Б.* «Заклятье смехом»: Футуризм в карикатурах // Там же. С. 97–122; Поэзия рус. футуризма / Сост. В. Н. Альфонсов, С. Р. Красицкий. СПб., 1999. С. 67–327, 617–628; Рус. футуризм: Теория. Практика. Критика. Восп. / Сост. В. Н. Терёхина, А. П. Зименков. М., 1999. С. 5–15, 33–128.

Архивы: РГАЛИ. Ф. 1334 (Крученых А. Е.). Оп. 1. Ед. хр. 38 (Жизнь будетлян); Ед. хр. 44 (Восп. о В. В. Маяковском и футуристах); ОР РГБ. Ф. 339 (Шемшурин А. А.).

КУВШИННИКОВОЙ САЛОН – воскресные журфиксы на квартире С. П. Кувшинниковой в конце 1880-х – начале 1890-х гг. в Москве. На вечерах «собиралось всегда много гостей: и врачи, и художники, и музыканты, и писатели» (*Чехов, 1981.* С. 103); бывали С. С. Голоушев (Глаголь), Е. П. Гославский, И. И. Левитан, гр. Ф. Л. Соллогуб, А. С. Степанов, А. П. Чехов, М. П. Чехов, Т. Л. Щепкина-Куперник и др. М. Чехов «любил там бывать» (*Там же*).

С.П. Кувшинникова. С этюда А.С. Степанова. Конец 1880-х гг.

Атмосфера салона и некоторые черты хозяйки и посетителей (в первую очередь, Левитана) нашли отражение в рассказе А. Чехова «Попрыгунья» (1892). Намеки на салон и на его хозяйку А. Чехов усматривал в повести Т. Щепкиной-Куперник «Одиночество» (1894), где говорится, что гостиную героини «называли маленьким отель Рамбулье; у нее можно было найти последний модный роман, последнее научное сочинение и каждую новую знаменитость» (цит.: *Чехов, 1977.* С. 589).

Лит.: *Щепкина-Куперник Т. Л.* О Чехове // Чехов в восп. совр. М., 1952. 285–287; *Чудаков А. П.* Поэтика и прототипы // В творч. лаборатории Чехова. М., 1974. С. 182–188; *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1977. Т. 5. С. 58, 348, 388, 589; *Чехов М. П.* Вокруг Чехова: Встречи и впечатления // Чехов М. П. Вокруг Чехова: Встречи и впечатления. Чехова Е. М. Восп. М., 1981. С. 103–104; *Чудаков А. П.* Мир Чехова: Возникновение и утверждение. М., 1986. С. 178–180; *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. М., 1986. Т. 8. С. 429–433.

М.К. Куприна-Иорданская с дочерью Лидой. 1904 г.

КУПРИНОЙ-ИОРДАНСКОЙ СРЕДЫ – проходили в 1900–1910-е гг. в Петербурге на квартире М. К. Куприной-Иорданской, издательницы журналов «Мир Божий» и «Современный мир» (с 1906 г.). На вечерах бывали сотрудники и писатели, связанные с этими журналами, в том числе Д. Я. Айзман, Л. Н. Андреев, Ф. Д. Батюшков, И. А. Бунин, М. Горький, С. И. Гусев-Оренбургский, Л. М. Клейнборт, А. С. Серафимович, С. Г. Скиталец, А. М. Федоров, Е. Н. Чириков. См. также: Журфиксы ⇨ «Мира Божьего».

Лит.: *Клейнборт Л. М.* Встречи: Леонид Андреев // Былое. 1924. № 24. С. 169–170.

ЛЕЙКИНА ВЕЧЕРА – проходили в 1890-е гг. в Петербурге в доме Н. А. Лейкина (ул. Петербургская). «Чета Лейкиных была очень гостеприимна. Бывали литературные собрания, т.е. вечера, когда собирались писатели, и тогда много ели, много пили и еще больше хвалили друг друга» (*Авилова.* С. 235). Среди посетителей были Л. А. Авилова, М. Н. Альбов, К. С. Баранцевич, Н. М. Ежов, А. С. Лазарев-Грузинский, И. Н. Потапенко, Ф. Ф. Фидлер, А. П. Чехов, И. И. Ясинский, сотрудники журнала «Осколки».

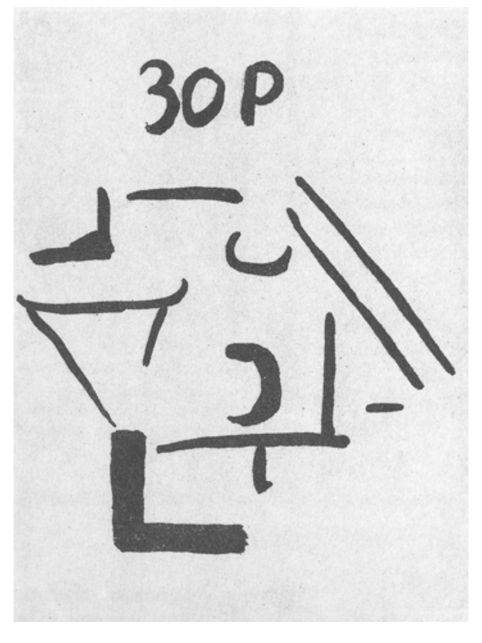
Лит.: *Авилова Л. А.* Рассказы. Восп. М., 1984. С. 130–131, 235–236; *Fiedler F.* Aus der Literatenwelt. Göttingen, 1996. S. 123, 183.

М.И. Ливеровская. Начало 1900-х гг.

ЛИВЕРОВСКОЙ ВЕЧЕРА – встречи кружка молодых филологов романо-германистов, проходившие в 1911 г. у М. И. Ливеровской в Петербурге (см. о ней: *Белодубровский Е. Б.* М. И. Ливеровская // Дантовские чтения. 1976. М., 1976. С. 119–131). Н. В. Султанова-Гвоздева вспоминала, что «бывала у Марии Исидоровны в Морском корпусе, где продолжали встречаться романо-германисты: говорили о книгах, о стихах, Мария Исидоровна пела под рояль старофранцузские песенки. Квартира была казенная, небогатая, ничего особенно светского, не салон, а встречи за чаем» (цит.: *Лавров*). Среди участников были А. А. Гвоздев, Вас. В. Гиппиус, В. М. Жирмунский, Б. А. Кржевский, К. В. Мочульский, А. А. Смирнов, Б. М. Эйхенбаум. См. также: ⇨ Романо-германский кружок.

Лит.: *Чудакова М. О., Тоддес Е. А.* Тынянов в восп. современника // Тыняновский сб.: Первые Тыняновские чтения. Рига, 1984. С. 99; *Султанова-Гвоздева Н. В.* «К истории автографа» // Вечер-

ний Ленинград. 1991. 14 янв. № 10. С. 3; Письма К. В. Мочульского к В. М. Жирмунскому / Вступ. ст., публ. и примеч. А. В. Лаврова // Новое лит. обозр. 1999. № 35. С. 134.



Обложка сборника стихотворений Н.Н. Асеева «Зор» (М., 1914)

«**ЛИРЕНЬ**» – футуристское литературно-издательское объединение, возникшее летом 1914 г. и существовавшее как книгоиздательство до 1922 г. в Харькове, Москве и Петрограде. В его состав входили поэты Н. Н. Асеев, Божидар (Б. П. Гордеев), Г. Н. Петников и художница М. М. Синякова-Уречина. Кружок оформился, по-видимому, на даче Синяковой в Красной Поляне под Харьковом.

Организованное группой издательство выпустило в 1914 г. три книги: литографированные стихотворные сборники Асеева «Зор» и Божидара «Бубен» (зарег. 28 авг. – 4 сент.; КЛ 1914/21710; 21737) и «Фрагменты» Новалиса в переводе Петникова (зарег. 11–18 сент.; КЛ 1914/23754).

7 сентября 1914 г. Божидар совершил самоубийство.

Издательство «Лирень» продолжало свою деятельность: летом 1915 г. вышел сборник Асеева и Петникова «Леторей» (зарег. 28 июня – 4 авг.; КЛ 1915/18101), в котором наряду со стихами был напечатан единственный литературный манифест группы («Несколько слов о “Леторее”»). Еще весной 1915 г. намечалось сближение объединения с ⇨ Кубофутуристами, когда Асеев и Петников решили издавать «вестник художественной речи» под заглавием «Słowoвед». К участию должны были быть привлечены Д. Д. Бурлюк, Н. Д. Бурлюк, А. Е. Крученых, М. В. Матюшин, В. В. Маяковский, П. А. Флоренский, В. В. Хлебников. Программа журнала охарактеризована в письме Асеева к Матюшину от 4 мая 1915 г.: «Никакой технике, никакой художественности слова в нем мест не будет. Он будет акушеркой речи (языка), и только» (*Хлебников.* С. 480; см. также объявление об издании журнала в сборнике «Леторей»). Подготовка первого номера длилась до осени 1916 г.; журнал так и не вышел.

В 1916 г. под маркой «Лирень» появились следующие издания: «Четвертая книга стихов. Ой конин дан окейн!» Асеева (зарег. 3–10 мая; КЛ 1916/7699); второе издание стихотворений Божидара «Бубен» с послесловием Асеева (зарег. 10–17 мая; КЛ 1916/8035); манифест Хлебникова «Труба Марсиан» (зарег. 5–12 июля; КЛ 1916/11137) – первая часть декларации подписана наряду с Хлебниковым всеми членами группы «Лирень», включая умершего двумя годами раньше Божидара; пьеса Хлебникова «Ошибка смерти» (зарег. 13–31 дек.; КЛ 1916/18108). В 1917 г. при участии группы вышли три выпуска сборника «Временник» (первый – в самом конце 1916 г.: зарег. 13–31 дек.; КЛ 1916/17851); основные авторы сборников – Асеев, Петников и Хлебников (четвертый выпуск был издан В. Гнедовым в 1918 г. в Москве под маркой издательства «Василиск и Ольга»).

В 1918 г. издательство «Лирень» выпустило стихотворные сборники Петникова «Быт побегов» и «Поросль солнца», а также два произведения Т. В. Чурилина – «Вторая книга стихов» и «Конец Кикапу: Полная повесть». В 1920 г. Петников напечатал в Петрограде под издательской маркой «Лирень» очередной томик стихов: «Книга

Марии — Зажги снега»; в том же году появился литературный альманах «Лирень», содержавший произведения Н. Н. Асеева, Е. Г. Гуро, В. В. Маяковского, Б. Л. Пастернака, Г. Н. Петникова и В. В. Хлебникова. Последними книгами издательства «Лирень» были, по-видимому, стихотворный сборник В. И. Нарбута «Александра Павловна» (Харьков, 1922) и второе издание книги стихов Петникова «Поросль солнца» (Пг., 1922).

Своим составом «Лирень» во многом совпадала с группой ⇨ «Центрифуга» (Асеев был одним из ее учредителей, Божидар — членом, Петников — участником одного из сборников группы); в письме от 4 сентября 1914 г. Асеев предлагал С. П. Боброву устроить «обмен отзывов и изданий» между обоими книгоиздательствами (РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 1). В творческой практике поэты группы «Лирень» разошлись с «Центрифугой», испытав сильнейшее воздействие эстетики гилейцев (кубофутуристов), в частности Хлебникова; В. Ф. Марковым «Лирень» охарактеризована как «курьезный гилейский отпрыск Центрифуги» («a curious Hylaean offshoot of Centrifuge»; *Markov, 1968*. P. 246).

Общей чертой поэтических опытов Асеева, Божидара и Петникова 1914—1917 гг. является установка на «дикое слово» (см. манифест «Несколько слов о “Леторее”»). В числе характерных словесных приемов следует назвать, во-первых, стилизацию под древнеславянскую речь: употребление редких слов славянского происхождения, морфологические архаизмы (звательный падеж — «Роксано»; двойственное число — «очима»); во-вторых, архаизирующие неологизмы на основе славянских корней («быстровый», «бунь», «дремлюга»), композита (сложные слова) («брегобег»), слияние слов («Гремль» — от «греметь» и «Кремль»). В книжках «Зор» Асеева и «Бубен» Божидара, а также в «Леторее» использованы зрительные эффекты — шрифты разной величины, примитивистская манера. Наиболее радикален в своих графических экспериментах Божидар, предвосхитивший, по мнению исследователя, позднейшие опыты дадаистов (*Парнис, 1989*. С. 308).

См. в приложении манифест «Несколько слов о “Леторее”», объявление об издании журнала «Słowовед» и манифест В. Хлебникова «Труба марсиан».

Лит.: *Хлебников В. В.* Неизданные произв. М., 1940. С. 480—481; Манифесты и программы рус. футуристов / [Ред. В. Ф. Марков]. München, 1967. С. 140—141; *Markov V.* Russian Futurism: A History. Berkeley, 1968. P. 244—256; РП. 1989. Т. 1. С. 116—117; *Парнис А. Е.* Божидар // Там же. С. 307—308; *Терехина В. Н.* «Только мы — лицо нашего времени» // Библиография. 1993. № 6. С. 77—78; РП. 1999. Т. 4. С. 572—573; Поэзия рус. футуризма / Сост. В. Н. Альфонсов, С. Р. Красицкий. СПб., 1999. С. 451—518.

«**ЛИРИКА**» — литературный кружок при одноименном книгоиздательстве, существовавший в 1912—1914 гг. в Москве. В его состав входили Ю. П. Анисимов, Н. Н. Асеев, С. П. Бобров, С. Н. Дурылин, К. Г. Локс, Б. Л. Пастернак, С. Я. Рубанович, А. А. Сидоров и В. О. Станевич.

Большинство членов «Лирики» участвовало еще в кружке ⇨ «Сердарда». Когда осенью 1912 г. возобновились вечера этого кружка на квартире Анисимова и его жены В. Станевич, жаждавшие печататься начинающие поэты «Сердарды» решили основать собственное «небольшое содружеское издательство на началах складчины» (*Пастернак, 1991*. С. 327), так как идейно близкие им московские издательства ⇨ Символистов «Мусагет» и «Альциона» их не печатали (или же печатали за счет автора — именно таким образом Анисимов выпустил в 1913 г. под маркой «Альционы» свою книгу стихов «Обитель»).

Издательство «Лирика» возглавлял «знавший типографское дело по службе в “Русском архиве” Бобров» (*Там же*). В ноябре 1912 г. в кружке обсуждались планы издания стихотворного альманаха участников (*Пастернак, 1989*. С. 173). В январе 1913 г. в Москву приехал Асеев, знакомый с Бобровым еще со времен встреч в редакции журнала ⇨ «Весна». Бобров ввел его в кружок, и стихи Асеева произвели на «лириков» такое

большое впечатление, что их решили включить в готовящийся к печати сборник группы. В конце апреля альманах «Лирика» вышел из печати (зарег. 29 апр. – 6 мая; КЛ 1913/11114); в нем опубликовано по пять стихотворений Анисимова, Асеева, Боброва, Пастернака, С. Раевского (Дурылина), Рубановича, Сидорова и Станевич. Сборник вызвал относительно благосклонный отзыв В. Я. Брюсова в статье «Новые течения в русской поэзии. Эклектики», отметившего уровень выше среднего и положительное влияние ⇨ Ритмического кружка А. Белого на поэтов «Лирики».

Серьезные эстетические расхождения внутри кружка, приведшие впоследствии к его распаду, намечались еще летом 1913 г. Предложение Анисимова и Дурылина издать второй альманах «Лирики» с участием «старших» символистов Эллиса, С. М. Соловьева, Б. А. Садовского, А. Белого и Вяч. И. Иванова вызвало резкое сопротивление Боброва и Асеева: «Смесь доморощенной теософии и сентиментально-грубого славянофильства – вот что будет в журнале Эллиса – Анисимова – Дурылина. Все это глубоко чуждо и враждебно мне, не говоря уже о некрасивых потугах рекламировать себя на всех перекрестках и улицах. Я думаю, что Боря [Пастернак] будет в добром согласии с нами» (письмо Асеева к Боброву от 30 июля 1913 г.; *Пастернак, 1989.* С. 193). Проект второго альманаха «Лирики» не был осуществлен.

Следующим изданием группы был напечатанный в июле стихотворный сборник Боброва «Вертоградари над лозами» (зарег. 15–23 июля; КЛ 1913/18037). В ноябре вышел осуществленный Анисимовым перевод книги стихов Р. М. Рильке «Das Stundenbuch» («Часослов»), озаглавленный «Книга часов» (зарег. 5–12 нояб.; КЛ 1913/29635), а не позднее чем 20 декабря (см.: *Пастернак, 1989.* С. 196) – первый сборник стихов Пастернака «Близнец в тучах» (зарег. 22–29 янв. 1914 г.; КЛ 1914/2795). В конце 1913 – начале 1914 г. были напечатаны остальные издания «Лирики»: книга стихов Асеева «Ночная флейта» и «Тайны» И. В. Гёте в переводе Сидорова (зарег. 29 янв. – 5 февр.; КЛ 1914/3130, 3178).

Осенью 1913 г., когда вновь начались вечера у Анисимовых, религиозно-мистические настроения у части членов кружка усилились; В. Станевич стала заниматься антропософией. Как вспоминал Локс, «собрания книгоиздательства “Лирика” скоро начали походить на секту, и Бобров стал поговаривать о необходимости изменить положение вещей» (*Локс.* С. 98). Чуждый всякой мистике Бобров – годом раньше он порвал с Белым, когда тот предался антропософии (*Постоутенко.* С. 120–121), – а вместе с ним Асеев и Пастернак стали тяготиться атмосферой кружка. Окончательный раскол группы произошел в январе 1914 г. На очередном собрании издательства 18 января у Анисимовых была предпринята последняя попытка примирения, но конфликт, напротив, еще углубился. На вечере обсуждалась книга стихов Пастернака; впоследствии Пастернак отметил «оскорбительный тон отдельных стилистически-этнографических [т.е. антисемитских] замечаний» (письмо к Локсу от 27 янв. 1914 г.; *Пастернак, 1993.* С. 183).

Несколько дней спустя Бобров, Асеев и Пастернак образовали «Временный экстраординарный комитет Центрифуга», подписали от имени комитета «декрет» о закрытии и упразднении издательства «Лирика» и 22 января 1914 г. разослали остальным членам соответствующие извещения. 24 января состоялось «общее собрание издательства», на котором «упраздненное» большинство членов «Лирики» в свою очередь исключило подписавших декрет из состава издательства (*Пастернак, 1989.* С. 204; ср.: *Казакова.* С. 465). Сверх того, Анисимов послал Пастернаку оскорбительную записку; в ответ Пастернак 27 января вызвал его на дуэль, попросив Локса быть посредником; дуэль, назначенная на 29 января, после извинений Анисимова не состоялась (*Пастернак, 1993.* С. 165).

Вскоре Асеев, Бобров и Пастернак сформировали группу ⇨ «Центрифуга» и открыли одноименное книгоиздательство; остальные экс-«лирики» основали общество ⇨ «Стрелец». В вышедшем весной 1914 г. первом альманахе «Центрифуги» сообщалось

от редакции, что «1-го марта к[нигоиздательст]во “Лирика” ликвидировало свою деятельность» (Руконог. М., 1914. С. 40).

Эстетические воззрения «лириков» были изложены теоретиками кружка Бобровым и Асеевым в ряде программных статей. Первым манифестом «Лирики» можно считать статью Боброва «О лирической теме», прочитанную им 9 декабря 1912 г. в мастерской скульптора К. Ф. Крахта (в кружке ⇨ «Молодой Мусагет») и напечатанную в «Трудах и днях» (1913. № 1–2; см.: *Постоутенко.* С. 120). В той же студии Крахта 10 февраля 1913 г. Пастернак читал доклад «Символизм и бессмертие» (текст утерян; тезисы доклада см.: *Пастернак, 1991.* С. 682–683), вероятно, отразивший в какой-то степени эстетические положения кружка. Программный характер носят также «Примечания» и «Приложения» Боброва к своей книге «Вертоградари над лозами», предисловие Боброва к «Ночной флейте» Асеева и предисловие Асеева к книге Пастернака «Близнец в тучах».

Высказывалось мнение, что «в своих эстетических исканиях “лирики” были более близки к футуризму в искусстве, чем символизму, хотя они исходили из опыта символистов» (*Казакова.* С. 464). Дарственная надпись редактору издательства «Мусагет» Э. К. Метнеру на сборнике «Лирика» от имени всех участников: «Основателю нашей славной метрополии “Мусагета” — Эмилию Карловичу Метнеру — от обитателей младшей колонии “Лирики”» (*Fleishman*) — свидетельствует о близости и преемственности «лириков» по отношению к символистской среде «Мусагета». Декларативный характер носит стихотворение Боброва «Завет»; из него явствует, что «лирики» — или, по крайней мере, Бобров — сами себя считали (нео)символистами: «Открыл нам берега и пущи / Благословенный символизм» (Лирика. Первый альм. М., 1913. С. 33). Что же касается поэтической практики, то Брюсов в своем отзыве об альманахе «лириков» подметил, что «“символизма” в их книжке мало (зато много примитивного романтизма)» (*Брюсов, 1990.* С. 405). Пожалуй, наиболее подходящее определение для этой группы на грани символизма и футуризма дает употребленный В. Ф. Марковым в отношении к стихотворениям Боброва периода «Лирики» эпитет «postsymbolist» (*Markov.* P. 232).

Лит.: *Markov V.* Russian Futurism: A History. Berkeley 1968. P. 230–242; *Пастернак Е. Б.* Борис Пастернак: Мат-лы для биогр. М., 1989. С. 172–204; *Fleishman L.* Unknown Autographs of Pasternak in the I. T. Holtzman Collection // Boris Pasternak and His Times / Ed. L. Fleishman. Berkeley, 1989. P. 421; *Брюсов В. Я.* Новые течения в рус. поэзии. Эклектики // Брюсов В. Я. Среди стихов. М., 1990. С. 405; *Казакова С. Я.* Творч. история объединения «Центрифуга» // Russian Literature. 1990. Vol. 27. P. 459–482; *Дурылин С. Н.* В своем углу. М., 1991. С. 304; *Пастернак Б. Л.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1991. Т. 4; Письма С. П. Боброва к Андрею Белому 1909–1912 / Вступ. ст., публ. и коммент. К. Ю. Постоутенко // Лица. М.; СПб., 1992. Вып. 1. С. 120; *Пастернак Б. Л.* Письма к Константину Локсу / Публ. Е. Б. и Е. В. Пастернак // Минувшее. М.; СПб., 1993. Вып. 13. С. 164–165, 181–183; *Локс К. Г.* Повесть об одном десятилетии (1907–1917) / Публ. Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова // Минувшее. М.; СПб., 1994. Вып. 15. С. 73–80, 98, 106–108; *Безродный М.* Между двух антологий: (Поэтич. карьера Сергея Боброва) // Модернизм и постмодернизм в рус. лит. и культуре. Helsinki, 1996. (Slavica helsingiensia 16). С. 192–193.

«**ЛИТЕРАТУРНАЯ КОЛЛЕГИЯ**» — кружок поэтов в 1916–1917 гг. в Петрограде. Кружком были изданы три альманаха: «Литературная коллегия» (вып. первый и второй; [Пг., 1916]) и «Причуды и вымыслы: Концентрация художественного материала вечера Индивидуальной мысли Литературной коллегии» ([Пг.], 1917). Судя по составу альманахов, в состав кружка входили О. Егорьева, Б. А. Леонтьев, А. Ф. Мейснер, Н. Михайлова (секр.), Н. Г. Поздняков, О. Полярный, Е. Северинова, А. Сычев («Президент коллегии»), И. Томный, Г. А. Тотс и С. К. Чукалов. Авторы отчасти придерживались поэтики ⇨ Эгофутуристов.

Лит.: *Богомолов Н. А.* Мат-лы к библиогр. рус. лит.-худож. альм. и сб-ков 1900–1937. М., 1994. Т. 1. № 49, 50, 67.

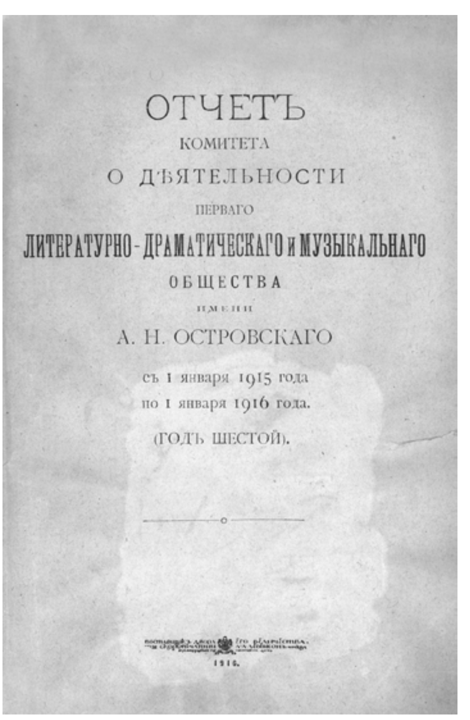
ЛИТЕРАТУРНО-АРТИСТИЧЕСКИЙ КРУЖОК ⇨ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБЩЕСТВО [1]

ЛИТЕРАТУРНО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ – литературно-библиографическое общество, существовавшее в 1916–1919 гг. в Петрограде. Учредительное собрание состоялось 21 октября 1916 г. В состав основанного С. А. Венгеровым общества входили Ф. Д. Батюшков, Н. И. Кареев, Н. М. Лисовский, А. И. Лященко, Н. К. Пиксанов, П. Н. Сакулин, А. Г. Фомин, А. А. Шахматов, И. А. Шляпкин. Объединение было призвано хранить архив Венгерова и завершить начатые им библиографические труды. Согласно уставу, оно ставило своей задачей: 1) библиографический учет русской литературы и произведений иностранных писателей на русском языке; 2) регистрацию литературы о русских писателях и русскоязычной литературы об иностранных писателях; 3) составление систематически-предметного каталога литературы о России («Россики»). Общество не располагало средствами, которые сделали бы возможной реализацию столь широко намеченной программы. Когда в 1917 г. возник Русский библиографический институт – государственное учреждение, цели которого совпадали с целями общества, Литературно-библиографический институт был реорганизован и ограничился ведением библиографии по литературе и истории. В связи с переходом в Книжную палату библиографической картотеки Венгерова в 1919 г. общество прекратило свое существование.

Лит.: Устав Литературно-библиографического института. Пг., 1916; *Б. [Боднарский Б. С.].* Литературно-библиографический институт проф. С. А. Венгерова // Библиогр. изв. 1916. № 1–2; *Фомин А. Г.* С. А. Венгеров как организатор и первый директор Рос. книжной палаты (ныне Института книговедения). Л., 1925. С. 6–8; *Машкова М. В.* История рус. библиогр. нач. XX в. (до окт. 1917 г.). М., 1969. С. 436–437.

ЛИТЕРАТУРНО-ДРАМАТИЧЕСКОЕ И МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО ИМЕНИ А. Н. ОСТРОВСКОГО – существовало в 1909–1930 гг. в Москве. Устав был рассмотрен Городским по делам об обществах присутствием 4 мая 1909 г.; Общество было зарегистрировано 10 июня 1909 г.; учредительное собрание состоялось 29 ноября 1909 г. Объединение возникло по инициативе Н. П. Кашина, Э. Э. Маттерна, И. П. Уманец-Райской, Л. Г. Урусова, Н. Н. Шамина. В состав Общества входили драматурги, театральные критики, актеры, театральные деятели; к 1916 г. в нем насчитывалось 355 действительных членов и 44 члена-сотрудника.

В уставе значилось, что «Общество ставит своей конечной целью создание народного театра по идее А. Н. Островского» (Устав. С. 3); согласно М. М. Ипполитову-Иванову, Общество имени Островского «было основано с целью распространения и популяризации его произведений среди народных масс – путем устройства лекций, спектаклей и сооружения в Москве народного


ОТЧЕТЪ
КОМИТЕТА
О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
ПЕРВАГО
ЛИТЕРАТУРНО-ДРАМАТИЧЕСКАГО и МУЗЫКАЛЬНАГО
ОБЩЕСТВА
имени
А. Н. ОСТРОВСКАГО
съ 1 января 1915 года
по 1 января 1916 года.
(ГОДЪ ШЕСТОЙ).

1916.

Отчет комитета о деятельности Литературно-драматического и музыкального общества имени А.Н. Островского. М., 1916. Обложка

театра его имени» (*Ипполитов-Иванов.* С. 140). На сооружение театра было собрано более 100 тыс. рублей, «но война помешала в свое время осуществить эту идею» (*Там же*). Общество обладало сетью филиалов – в Костроме, Саратове, Твери и других городах.

После революции Общество продолжало свою деятельность. Новый устав был утвержден НКВД 10 марта 1923 г. (РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 397. Л. 10–16). В правление входили А. А. Бахрушин, А. В. Богданович, М. М. Ипполитов-Иванов (предс.), Н. П. Леонов (тов. предс.), В. Н. Рыжова, Е. Д. Турчанинова, В. В. Федоров, А. А. Яблочкина (тов. предс.). По инициативе Общества был сооружен памятник Островскому на Театральной площади (его открытие состоялось 27 мая 1929 г.).

Общество было закрыто в 1930 г. согласно постановлению о его ликвидации, принятому НКВД 17 ноября 1929 г. (РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 457. Л. 165–171) и коллегией Наркомпроса 13 апреля 1930 г. (РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 505. Л. 73).

Лит.: Устав Первого Лит.-драм. и муз. об-ва им. А. Н. Островского. М., 1909; Отчет комитета о деятельности первого Лит.-драм. и муз. об-ва им. А. Н. Островского [с 1 янв. 1911 г. ... по 1 янв. 1916 г.]. М., 1912–1916; *Ипполитов-Иванов М. М.* 50 лет рус. музыки в моих восп. М., 1934. С. 140–141.

Архивы: РГАЛИ. Ф. 645 (Главискусство). Оп. 1. Ед. хр. 397. Л. 10–16; Ед. хр. 221. Л. 178–182; Ед. хр. 457. Л. 124–193; Ед. хр. 505. Л. 73.

ЛИТЕРАТУРНО-ДРАМАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ⇨ РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО

ЛИТЕРАТУРНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО ДЛЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВЫПОЛНЕНИЯ ПЕРЕВОДОВ – основано летом 1906 г. в Петербурге С. А. Кречетовым (Соколовым), Г. Э. Тастевеном и Эсмер-Вальдором (А. Мерсеро). Соколов пригласил А. А. Блока в письме от 6 июля 1906 г. участвовать в товариществе; Блок, видимо, согласился. Цель объединения – создание агентства по переводческим услугам; учредители надеялись «сконцентрировать переводное дело в своих руках» (письмо Соколова к Блоку от 5 авг. 1906 г.). Сведений о действиях товарищества нет.

Лит.: Переписка Блока с С. А. Соколовым / Предисл., публ. и коммент. К. Н. Суворовой // ЛН. 1980. Т. 92, кн. 1. С. 542–543.

ЛИТЕРАТУРНО-МЫСЛИТЕЛЬНЫЙ КРУЖОК – студенческий кружок, существовавший в 1895–1900 гг. в Петербурге. В кружке, объединявшем молодых ученых и литераторов разных идейных ориентаций, обсуждались вопросы социологии, истории, философии, литературы и искусства. В состав кружка входили И. Я. Билибин, М. А. Елачич, И. Коневской, П. П. Конради, Ф. А. Лютер, В. Р. Менжинский, Б. Э. Нольде, С. П. Семенов, Н. М. Соколов и др. Заседания происходили поочередно на квартирах участников. Поэт-символист Коневской, представлявший вместе с Семеновым идеалистическое и эстетическое крыло кружка, прочитал на собраниях в течение 1896–1897 гг. ряд докладов, в том числе реферат под названием «Современная русская лирика». Сохранились мемуарные заметки Семенова о деятельности кружка (отрывки см.: ЛН. 1991. Т. 98, кн. 1).

Лит.: *Степанов Н. Л.* Иван Коневской. Поэт мысли // ЛН. 1987. Т. 92, кн. 4. С. 183; ЛН. 1991. Т. 98, кн. 1. С. 535.

ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ КРУЖОК ИМЕНИ А. И. ГЕРЦЕНА – основан в 1905 г. Н. А. Котляревским и В. Я. Богучарским в Петербурге. К 1914 г. председателем кружка был М. М. Ковалевский, товарищем председателя – Н. А. Котляревский (Весь Петербург на 1914 г. С. 917). В числе членов был Дионео (И. В. Шкловский). Кружок издал книгу В. Я. Богучарского «Александр Иванович Герцен» (СПб., 1912). В справочнике «Весь Петроград» числился вплоть до 1917 г.

Лит.: Устав Лит.-обществ. кружка им. А. И. Герцена. СПб., 1908; РП. 1992. Т. 2. С. 119; РП. 1994. Т. 3. С. 111.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБЩЕСТВО [1] [ЛХО] (до 1899 г.: **ЛИТЕРАТУРНО-АРТИСТИЧЕСКИЙ КРУЖОК**) – существовало под разными названиями с 1886 г. по 1917 г. в Петербурге. Основанный Н. И. Костромитиновым Столичный артистический кружок (устав утвержден 17 февраля 1886 г.) в 1892 г. был переименован в Литературно-артистический кружок (*Галанина*. С. 42). Кружок был основан с целью «соединения и сближения литераторов и артистов всех отраслей изящных искусств» (Весь Петербург на 1895 год. С. 498). Так как «фактически, за неимением средств, кружок бездействовал» (*Кугель*. С. 153), обладая, однако, утвержденным властями уставом (чего было трудно добиться), его в 1893 г. по инициативе А. Р. Кугеля «захватила» группа профессиональных деятелей театра.

Кружок возродили вместе с А. Р. Кугелем А. П. Коломнин, Я. А. Плющевский-Плющик и Н. О. Холева. Председателем кружка в 1893–1895 гг. был П. П. Гнедич; в 1896 г. им стал А. С. Суворин, а в правление вошли Г. К. Градовский, П. Д. Ленский (кн. Оболенский) и К. К. Случевский. В состав общества входили А. Н. Бежецкий (тов. предс. с 1904 г.), Б. С. Глаголин, И. Ф. Горбунов, Е. П. Карпов, В. А. Крылов, С. К. Литвин, А. А. Плещеев, А. П. Чехов и др.

«На вечерах кружка бывало довольно много театрального люда, журналистов и вообще веселящейся публики. Пели, декламировали, танцовали» (*Там же*. С. 156); осуществлялись также театральные постановки. В 1895 г. при кружке был основан постоянный театр, организованный на паевых началах Гнедичем, Ленским и Сувориным (открытие состоялось 17 сентября 1895 г.).

Постепенно кружок превратился в чисто номинального содержателя театра (*Там же*. С. 164–167), а сам театр, именуемый в обиходе Суворинским, стал частным предприятием главного пайщика Суворина. 15 декабря 1899 г. кружок был переименован в Литературно-художественное общество. В 1900 г. в Суворинском театре произошел крупный скандал в связи с постановкой антисемитской пьесы В. А. Крылова и С. К. Литвина «Контрабандисты» («Сыны Израиля») (см.: РП. 1994. Т. 3. С. 369).

Общество издавало журналы «Театр ЛХО» (1906–1907. Вып. [1]–20) и «Журнал Театра ЛХО» (1907–1910; по 10 вып. в год). После смерти Суворина в 1912 г. театр был переименован в «Театр ЛХО им. А. С. Суворина»; в 1914 г. он отделился от Общества. К 1 марта 1915 г. в состав ЛХО входило 385 членов-соревнователей. В справочниках «Весь Петербург» ЛХО числилось вплоть до 1917 г.

Лит.: Очерк возникновения и деятельности театр. антрепризы ЛХО. СПб., 1904; Отчет дирекции ЛХО за время [с 1 мая 1906 г. по 1 окт. 1915 г.]. СПб., 1907–1915; *Плещеев А. А.* Как был основан постоянный театр ЛХО: (Страничка из восп.) // Журнал театра ЛХО. 1907. № 6. С. 124–126; Устав ЛХО. СПб., 1908; Отчет по театру ЛХО за сезон 1910–1911 гг. СПб., 1911; *Карпов Е. П.* А. С. Суворин и основание театра Лит.-артистич. кружка // Ист. вестн. 1914. Т. 137. № 8. С. 449–470. № 9. С. 873–902; Двадцатилетие театра им. А. С. Суворина / Сост. Н. Долгов. Пг., 1915; Список членов-соревнователей ЛХО. Пг., 1915; *Кугель А. Р.* Лит. восп. (1882–1896 гг.). Пг.; М., 1923. С. 152–167; *А. Шн. [Шнеер А. Я.]*. ЛХО театр // ТЭ. М., 1964. Т. 3. С. 546–547; *Чехов А. П.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Соч.: В 18 т. М., 1987. Т. 16. С. 263–264, 519–520; *Галанина Ю. Е.* Блок в Петерб. драм. кружке // ЛН. 1993. Т. 92, кн. 5. С. 35, 42; *Петровская И., Сомина В.* Театральный Петербург. Нач. XVIII в. – окт. 1917 г.: Обозрение-путеводитель. СПб., 1994. С. 200–214.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБЩЕСТВО [2] – объединение, созданное в конце 1906 г. при историко-филологическом факультете Петербургского университета. Общество включало участников студенческого ⇨ «Кружка молодых» и «внешние элементы» – литераторов, художников, деятелей культуры. В состав правления входили: Ф. Ф. Зелинский (предс.), Е. В. Аничков, В. Э. Мейерхольд, Г. С. Петров, Ф. К. Сологуб, Г. И. Чулков (члены), И. Я. Билибин, А. И. Зилоти, архимандрит Миха-

ил (Семенов), К. А. Сюннерберг, Е. Н. Чириков (кандидаты); одним из членов Общества был С. Л. Франк. Объединение организовало проходившие в помещениях университета «Вечера искусства» – открытые собрания «Кружка молодых».

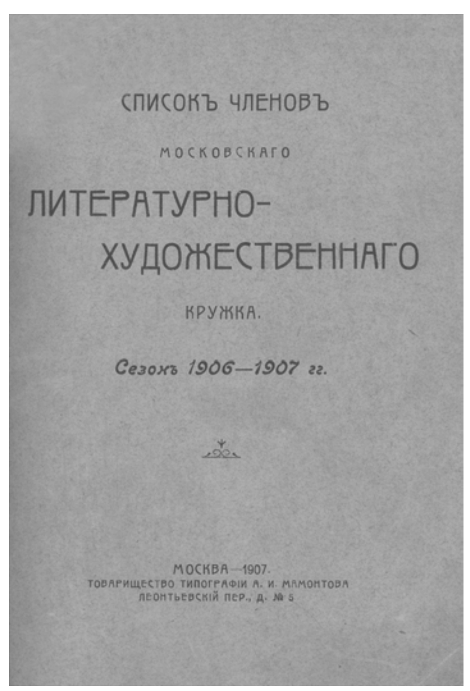
Лит.: Вести отовсюду // Золотое руно. 1907. № 1. С. 84.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КРУЖОК [ЛХК] – клуб деятелей литературы и искусств, существовавший в 1898–1920 гг. в Москве. Кружок возник по инициативе группы артистов, драматургов и театральных критиков – И. Я. Гурлянда, М. Н. Ермоловой, В. А. Михайловского, кн. А. И. Сумбатова-Южина, Н. Е. Эфроса и др. Устав кружка был утвержден 25 февраля 1898 г.; первое учредительное собрание состоялось 18 апреля 1898 г. В октябре 1899 г. ЛХК был открыт в помещении на Воздвиженке; первым председателем был избран Сумбатов-Южин.

Первоначальная интимная атмосфера кружка вскоре изменилась, так как «число членов росло не по дням, а по часам» (*Гиляровский.* С. 240); в связи с этим помещение несколько раз менялось на более крупное (на Мясницкой, на Тверской), пока кружок не обосновался в особняке на Большой Дмитровке, д. 15. ЛХК быстро стал «центром всей литературной, художественной и научной жизни Москвы» (*Белоусов.* С. 208), насчитывая «более 700 членов и 54 875 посещений в год» (*Гиляровский.* С. 246). В состав кружка входили многие выдающиеся московские писатели, художники, ученые, журналисты, театральные и общественные деятели; среди литераторов: Ю. И. Айхенвальд, Л. Н. Андреев, М. П. Арцыбашев, И. А. Белоусов, А. Белый, П. Д. Боборыкин, В. Я. Брюсов (предс. с 1908 г.), В. В. Вересаев, М. О. Гершензон, В. А. Гиляровский, Б. К. Зайцев, В. В. Каллаш, С. А. Кречетов (Соколов), С. С. Мамонтов, Н. И. Петровская, С. Я. Рубанович, С. Г. Скиталец, Н. Д. Телешов, В. Ф. Ходасевич и др.

ЛХК имел «основной целью способствовать развитию литературы и изящных искусств и ближайшей целью: а) общение литераторов и художников; б) исполнение совокупными силами членов Кружка и приглашенных лиц различных сценических произведений, концертов, публичных чтений и т.п.; в) устройство художественных выставок, вечеров и собраний» (*Устав, 1914.* С. 3). Развернувший многостороннюю деятельность ЛХК выполнял в первую очередь роль клуба – места встреч и различного рода начинаний. В залах кружка устраивались выставки, банкеты, балы, юбилейные торжества, по вторникам – доклады и диспуты на литературные, художественные, философские и политические темы, по пятницам – концерты и спектакли.

В здании кружка находилась богатая библиотека с читальней, столовая, бильярдная и карточные комнаты. ЛХК существовал за счет дохода от карточной игры – с игроков взимались прогрессивные «штрафы» за пребывание в игорной зале после половины третьего ночи: до трех – 30 к., до четырех – 2 р. 10 к., до пяти – 9 р. 30 к., до шести – 38 р. 10 к. (*Устав, 1914.* С. 5). В помещениях


СПИСОКЪ ЧЛЕНОВЪ
МОСКОВСКАГО
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННАГО
КРУЖКА.
Сезонъ 1906–1907 гг.

МОСКВА–1907.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. № 5

Список членов Литературно-художественного кружка. М., 1907. Обложка

Группа литераторов – участников постановки пьесы «Плоды просвещения» на сцене Литературно-художественного кружка. 1908 г.

кружка нашли приют многочисленные литературные и художественные объединения: ⇨ «Молодая среда», ⇨ Общество деятелей периодической печати и литературы, ⇨ Общество свободной эстетики, ⇨ «Среда», ⇨ Суриковский литературно-музыкальный кружок и др. При ЛХК была создана в 1904 г. Комиссия имени А. П. Чехова, выдававшая пособия нуждающимся литераторам, художникам, ученым, артистам (*Белоусов.* С. 200); кружок издавал критический и историко-литературный журнал «Известия ЛХК» (пробный вып.: весной 1913 г.; вып. 1–18: 1913–1917).

На проходивших по вторникам литературных собеседованиях с докладами выступали писатели и ученые: «...вся Москва, Петербург, Киев, Харьков, Одесса прошли через эстраду “Кружка”» (*Белый, 1990.* С. 234). Сквозной темой диспутов были споры о новой литературе, в связи с чем публика ходила на вторники отчасти «ради того, чтобы не пропустить очередного литературного скандала» (*Ходасевич, 1991.* С. 376). Преобладание в ЛХК «членов-соревнователей», т.е. представителей нетворческих профессий, «сотни зубных докторов, фармацевтов и присяжных поверенных» (*Шершеневич*), послужило поводом для сравнительно неблагосклонной оценки деятельности кружка несколькими мемуаристами, в частности А. Белым.

По данным Гиляровского, ЛХК закрылся в сентябре 1917 г. (*Гиляровский.* С. 246). Согласно Зайцеву, кружок был закрыт после революции по инициативе А. Серафимовича «как контрреволюционное гнездо» (*Зайцев.* С. 374) после перехода Серафимовича к большевикам и, как следствие, исключения его из кружка «Молодая среда» как противника свободы печати. Как указывает Ю. А. Бунин, собрания «Молодой среды» устраивались в ЛХК вплоть до середины февраля 1918 г. (РГАЛИ. Ф. 1292. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 84 об.); тогда, видимо, и было закрыто помещение кружка. О деятельности ЛХК к концу 1919 г. имеется сообщение О. А. Израэльсона (*Волжанин*). По данным Н. Б. Шика, лишь «в 1920 г. Кружок окончательно прекратил свое существование» (*Шик.* С. 263).

Лит.: Устав Моск. ЛХК. М., 1898 [и др.]; Отчет о деятельности дирекции Моск. ЛХК (с 1 апр. 1901 г. по 1 апр. 1902 г.). М., 1902; Отчет дирекции Моск. ЛХК с 1-го апр. 1903 г. по 1-е апр. 1904 г. М., 1904; *Мамонтов С. С.* Суд над ЛХК: Обозр. М., 1909; Моск. ЛХК. Отчет [за 1910–1916 гг.]. М., 1912–1916; *Михайловский В. А.* До возникновения Моск. ЛХК // Изв. ЛХК. 1915. № 10. С. 14–15; *Волжанин О.* О моск. писательских организациях: (Письмо из Москвы) // Вестн. лит. 1919. № 12. С. 6–7; *Белый А.* Отклики прежней Москвы // Современные записки. 1923. № 16. С. 192–195; *Бочаров Ю. М.* В гостиных ЛХК: Восп. // Журналист. 1927. № 5. С. 18–22; *Белоусов И. А.* Лит. среда: Восп. 1880–1928. М., 1928. С. 198–211; *Вересаев В. В.* Моск. ЛХК // Вересаев В. В. Собр. соч.: В 5 т. М., 1961. Т. 4. С. 349–355; *Телешов Н. Д.* Зап. писателя. М., 1958. С. 24–32; *Гиляровский В. А.* Избр.: В 3 т. М., 1961. Т. 3. С. 238–246; *Лидин В. Г.* Люди и встречи. М., 1961. С. 316–324; *Брюсов А. Я.* Лит. восп. // Север. 1965. № 4. С. 131, 133–134; *Байдин В. В.* К истории возникновения Моск. ЛХК // Проблемы истории СССР. М., 1978. Вып. 8. С. 144–159; Москва: Энц. М., 1980. С. 376; *Лейкина-Свирская В. Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М., 1981. С. 129–130, 140; *Шик Н. Б.* Валерий Брюсов и Моск. ЛХК // Брюсовские чтения 1980 года. Ереван, 1983. С. 253–263; *Шагинян М. С.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1986. Т. 1. С. 256–259; *Ходасевич В. М.* Портреты словами. М., 1987. С. 44–46; *Муромцева-Бунина В. Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М., 1989. С. 276; *Белый А.* Начало века. М., 1990. С. 231–239; *Белый А.* Между двух революций. М., 1990а. С. 209–210, 232–234; *Шершеневич В. Г.* Великолепный очевидец // Мой век, мои друзья и подруги. М., 1990. С. 430; *Дурылин С. Н.* В своем углу. М., 1991. С. 67, 317; *Ходасевич В. Ф.* Моск. ЛХК // Ходасевич В. Ф. Колеблемый треножник. М., 1991. С. 374–383; *Зайцев Б. К.* Лит. кружок // Зайцев Б. К. Соч.: В 3 т. М., 1993. Т. 2. С. 368–375; *Рындина Л.* Ушедшее // Восп. о серебряном веке. М., 1993. С. 414–415; *Байдин В. В.* Журнал «Изв. Моск. ЛХК» (1913–1917 гг.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1994. № 2. С. 75–87; *Дон-Аминадо.* Наша маленькая жизнь. М., 1994. С. 571–574; *Степун Ф. А.* Бывшее и несбывшееся. СПб., 1995. С. 239–242; *Розенталь Е. И.* Война и московская интеллигенция: Из истории Моск. ЛХК // Исторический музей – энциклопедия

отечественной истории и культуры. М., 1999. (Труды ГИМ. Вып. 103). С. 321—333; *Она же.* Моск. ЛХК в культурной и общественной жизни Москвы (1899—1907) // Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. М., 2000. (Труды ГИМ. Вып. 106). С. 80—93.

Архивы: ОР РГБ. Ф. 386 (Брюсов В. Я.). Карт. 113. Ед. хр. 20—41; Карт. 114. Ед. хр. 1—35; РГАЛИ. Ф. 1336 (Коллекция альбомов). Оп. 3. Ед. хр. 14.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КРУЖОК ИМЕНИ Я. П. ПОЛОНСКОГО — существовал в 1899—1917 гг. в Петербурге. Наряду с Пятницами ⇨ Случевского (впоследствии Вечерами ⇨ Случевского) кружок унаследовал традицию Пятниц ⇨ Полонского. «После кончины Полонского, 20 октября 1898 г., почитатели его решили продолжать “пятницы”, придав им характер общественных собраний» (*Евгеньев.* С. 3). «Почетной хозяйкой» и «непременным членом» кружка была вдова поэта Ж. А. Полонская.

Устав кружка был принят 17 октября 1900 г. на Общем собрании 73 членов-учредителей; первым председателем стал А. М. Бобрищев-Пушкин. В том же октябре 1900 г. произошел «маленький раскол, когда группа деятелей кружка, обуреваемых политическими стремлениями» (*Там же.* С. 4) вышла из его состава и основала ⇨ Русское собрание. Вечера кружка устраивались еженедельно по пятницам в С.-Петерб. музыкальной школе (Невский просп., 16), затем — в помещении нотариальной конторы (Невский просп., 68); в 1910 г. «кружок перенес вечера в Петровское училище [наб. Фонтанки, 62], но это помещение оказалось не по средствам» (*Там же*). С 1913 г. собрания проходили, как правило, на квартире Ж. А. Полонской (Владимирский просп., 13). В списках литературно-артистических обществ в справочнике «Весь Петербург» кружок числится по 1917 г.

Кружок имел своей целью «а) сближение лиц, интересующихся вопросами поэзии, изящной литературы и художественной критики и посильную разработку вопросов, имеющих отношение к этой области, и б) собирание и разработку биографических материалов о жизни и произведений Я. П. Полонского» (Весь Петербург на 1903 г. С. 823). Кружок устраивал «соответствующие его целям собрания семейно-общественного характера» (*Там же*). Вечера кружка «делились на реферативные и художественно-литературные» (*Евгеньев.* С. 4). За сезон (с октября по май) в кружке зачитывалось в среднем около 15 докладов из области литературы, публицистики, философии, искусства, музыки; тезисы рефератов воспроизводились в печатных отчетах кружка. С докладами выступали Е. В. Аничков, П. Д. Боборыкин, П. И. Вейнберг, бар. Н. В. Дризен, А. Ф. Кони, Д. Л. Михаловский, Б. В. Никольский, Н. К. Рерих, Д. В. Философов, И. И. Ясинский и др.

В отличие от Вечеров Случевского, носивших интимный и сравнительно элитарный характер (узкий круг лиц, непосредственно причастных к литературе), данный кружок имел более открытый характер: к 23 ноября 1901 г. насчитывалось 195 членов, к 17 декабря 1904 г. — 320, к 1 апреля 1909 г. — 472. Среди литераторов в кружке числились В. П. Авенариус, К. И. Арабажин, кн. В. В. Барятинский, Е. М. Беспятов, П. И. Вейнберг, З. А. Венгерова, Л. Н. Вилькина, З. Н. Гиппиус, И. А. Гриневская, А. А. Измайлов, Е. П. Карпов, А. Ф. Кони, Н. А. Котляревский, П. Н. Краснов, В. С. Лихачев, Д. С. Мережковский, Д. Л. Михаловский, Б. В. Никольский, К. К. Случевский, Н. М. Соколов, Вл. С. Соловьев, Н. Ф. Соловьев, Ф. В. Черниговец-Вишневский, И. И. Ясинский и др.

Лит.: Список членов кружка им. Я. П. Полонского. СПб., 1899; Отчет Совета Лит.-худож. кружка им. Я. П. Полонского [за 1900—1901; 1901—1902; 1902—1903; 1903—1904; 1904—1905; 1905—1906 и 1906—1907; 1907—1908 гг.]. СПб., 1901—1909; Устав Лит.-худож. кружка им. Я. П. Полонского. СПб., 1909; Список действительных членов и постоянных гостей кружка им. Я. П. Полонского. 1912—1913. СПб., 1913; *Евгеньев А. [Кауфман А. Е.].* Писательские об-ва и кружки // Вестн.

лит. 1919. № 3. С. 3–4; *Перцов П. П.* Лит. восп. М.; Л., 1933. С. 116–117; Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград: Энц. справочник. М., 1992. С. 350; *Барятинский В. В.* «Пятницы Полонского» и «Пятницы Случевского» // Восп. о серебряном веке. М., 1993. С. 295; Письма Д. С. Мережковского к Л. Н. Вилькиной / Публ. В. Н. Быстрова // ЕжегРОПД. 1991. СПб., 1994. С. 217–218; Новое лит. обозр. 1996. № 18. С. 365; *Fiedler F.* Aus der Literatenwelt. Göttingen, 1996. S. 459.

Архивы: РО ИРЛИ. Ф. 238 (Кружок им. Я. П. Полонского).

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КРУЖОК МОСКОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ – существовал в 1911–1912 гг. в Москве. Целью кружка являлось «развитие молодых творческих сил и способствование данному развитию» (Очередной сб. С. 3). Среди участников изданного кружком литературного сборника некоторую известность обрели А. А. Альвинг и В. А. Щуренков. Стихотворцы сборника придерживались в основном поэтики ⇨ Символистов.

Лит.: Устав Литературно-художественного кружка московской молодежи. М., 1911; Очередной сб. Литературно-художественного кружка московской молодежи. М., 1912. Вып. 1.

«**ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОЛУНОЩНИКИ**» – кружок литераторов, членов ⇨ Союза взаимопомощи русских писателей, существовавший с конца 1890-х гг. по 1901 г. в Петербурге. Кружок представлял собой «филиальное отделение Союза писателей» (*Либрович*. С. 194). По окончании официальных пятничных собраний, прекращавшихся к полуночи, в помещении Союза (Невский просп., д. 65) «оставался всегда сплоченный кружок литераторов с Л. Оболенским во главе. Этот кружок размещался в боковой комнате и за кипящим самоваром, бутылками пива и скромными бутербродами <...> проводил время иногда до 4 и 5 часов утра» (*Там же*).

В числе участников были М. В. Ватсон, М. Ю. Гольдштейн, И. А. Гриневская, А. Н. Кремлев, С. Ф. Либрович, С. В. Максимов, Г. А. Мачтет, гр. А. З. Муравьева, Л. Е. Оболенский, О. Н. Ольнем (Цеховская), Н. И. Позняков, И. А. Порошин, И. С. Рукавишников, А. Н. Толиверова, Е. А. Чебышева-Дмитриева, А. А. Черевкова, О. А. Шапир, А. Г. Шиле; бывали К. С. Баранцевич, П. И. Вейнберг, С. А. Венгеров, М. Горький, В. Е. Ермилов, Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. Н. Сальников, Ф. К. Сологуб, Ф. Ф. Фидлер и др.

Деятельность кружка описана в мемуарной статье Либровича: «Там велась самая непринужденная беседа, почти исключительно на литературные темы, читались стихотворения и статьи, по какой-нибудь причине не попавшие в печать, велись иногда ожесточенные споры по литературным вопросам, сообщались литературные новости и пр. <...> устраивались импровизированные вокально-музыкальные и декламационные концерты» (*Там же*). Кружок прекратил свое существование в связи с закрытием Союза взаимопомощи русских писателей в марте 1901 г.

Лит.: *Либрович С. Ф.* Мат-лы для истории рус. писателей // Лит. ежегодник на 1906 год. СПб., 1908. С. 193–196; *Fiedler F.* Aus der Literatenwelt. Göttingen, 1996. S. 256.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУЖОК ИМЕНИ А. П. ЧЕХОВА при Московском университете – существовал ок. 1909–1910 гг. в Москве. Опубликован «Устав Студенческого литературного кружка имени Антона Павловича Чехова при Московском университете» ([Б.м., б.г.]). В 1910 г. кружок отмечал 50-ю годовщину со дня рождения А. П. Чехова (см.: «1860–1910. Торжественное заседание Литературного кружка имени Антона Павловича Чехова при Московском университете» ([Б.м., б.г.]).

Лит.: *Соболев Ю. В.* Лит. кружок им. А. П. Чехова // Рампа и жизнь. 1909. № 9; *Симоновский В.* По поводу Лит. кружка им. А. П. Чехова // Рампа и жизнь. 1909. № 11; *Брендер В. А.* Лит. кружок им. Антона Павловича Чехова // Рампа и жизнь. 1909. № 13; (см.: *Масанов И. Ф.* Чеховиана. Сист. указ. лит. о Чехове и его творчестве. М., 1929. Вып. 1. № 2286–2290).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД ⇨ ОБЩЕСТВО ДЛЯ ПОСОБИЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМ И УЧЕНЫМ

ЛОПАТИНА СРЕДЫ – журфиксы в доме Е. Л. и М. Н. Лопатиных с середины 1870-х по 1890-е гг. в Москве (угол Гагаринского и Хрущевского переулков). Кн. Е. Н. Трубецкой вспоминал: «В Москве в то время не было дома, который бы столь ярко олицетворял духовную атмосферу московского культурного общества, как дом Лопатиных. Старик Лопатин – Михаил Николаевич – отец философа устраивал с осени до весны по средам еженедельные вечера с ужином, где собирались и засиживались до двух-трех часов утра наиболее интересные из представителей умственной жизни Москвы. Это было общество весьма разнообразное» (*Трубецкой.* С. 180).

«На их журфиксах бывало общество смешанное: аристократы, иногда сам Толстой, ученые, философы, друзья брата, судейские» (*Муромцева-Бунина*). В числе посетителей Лопатиных были И. С. Аксаков, И. А. Бунин, В. И. Герье, Н. П. Гиляров-Платонов, В. А. Гольцев, К. Я. Грот, Н. Я. Грот, Н. В. Давыдов, Ф. М. Достоевский, К. Ельцова (Е. М. Лопатина, дочь хозяев), А. М. Жемчужников, Н. А. Иванцов, В. О. Ключевский, М. С. Корелин, Ф. Е. Корш, А. И. Кошелев, В. М., Л. М. и Н. М. Лопатины (сыновья хозяев), А. Ф. Писемский, А. Н. Плещеев, Л. И. Поливанов, В. П. Преображенский, Н. А. Северцов, Вл. С. Соловьев, С. М. Соловьев, гр. Л. Н. Толстой, кн. Е. Н. Трубецкой, кн. С. Н. Трубецкой, А. А. Фет, С. А. Усов, Н. А. Чаев, С. А. Юрьев.

«В течение всей моей жизни я не помню в Москве кружка, столь богатого умственными силами. А при этом благодаря удивительной простоте, радушию и истинно московскому хлебосольству хозяев, дом Лопатиных был одним из самых приятных в Москве» (*Трубецкой.* С. 181). Г. Е. Львов вспоминал: «Едва ли в Москве можно было найти второй дом, в котором можно было провести время так поучительно, интересно и весело. Горячие споры, музыка, пенье русских народных песен, философские дебаты, исторические рассказы всю ночь до утра. Расходились, когда было уже светло» (*Львов.* С. 134). Среды прекратились во второй половине 1890-х гг. «вследствие долгой и тяжкой болезни старшего сына Михаила Николаевича – Николая Михайловича – и больше не возобновлялись» (*Трубецкой.* С. 183).

Лит.: *Давыдов Н. В.* Из прошлого. М., 1917. Ч. 2. С. 170–171; *Трубецкой Е. Н.* Восп. София, 1921. С. 179–183; *Муромцева-Бунина В. Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М., 1989. С. 168; *Ельцова К. М.* Сны нездешние // Книга о Владимире Соловьеве. М., 1991. С. 145; РП. 1992. Т. 2. С. 230; *Лопатин В. В., Лопатин Н. В.* Семья Лопатиных // Исслед. по истории рус. мысли: Ежегодник за 1997 г. СПб., 1997. С. 197–198; *Львов Г. Е.* Восп. М., 1998. С. 133–135, 235–236.

ЛОСЕВОЙ САЛОН – существовал в 1910-е гг. в Москве. У Е. И. Лосевой бывали преимущественно московские художники. «Впоследствии в этом салоне появились не только художники, но и философы и поэты. Даже Верхарн, Маринетти, Поль Фор и прочие иностранцы, навещавшие нас, считали своим долгом представиться этой даме» (*Чулков.* С. 274). Среди посетителей были М. А. Волошин, С. М. Городецкий, А. М. Кожебаткин, Н. П. Крымов, П. В. Кузнецов, В. Д. Милиоти, Г. Э. Тастевен, гр. А. Н. Толстой, Н. П. Ульянов, Н. П. Феофилактов, Г. И. Чулков и др.

Лит.: *Толстой А. Н.* Дневник 1911–1914 гг. / Вступ. ст. и публ. А. И. Хайлова // А. Н. Толстой. Мат-лы и исслед. М., 1985. С. 269, 306, 331; *Чулков Г. И.* Годы странствий. М., 1999. С. 274, 750.

ЛУКАШЕВИЧ-ХМЫЗНИКОВОЙ ВЕЧЕРА – проходили в 1900–1910-е гг. в Петербурге. В своих воспоминаниях о Ф. Ф. Фидлере Вас. И. Немирович-Данченко сообщает, что «покойный любил вечера у Лукашевич-Хмызниковой и у других, у кого собиралась вся тогдашняя "действующая" беллетристика» (*Немирович-Данченко.* С. 100). Один из упоминаемых мемуаристом вечеров относится к периоду Первой мировой войны, когда волну ненависти к немцам испытал на себе и русский немец Фидлер: «И действительно, на обычном вечере у Клавдии Владимировны Лукашевич я сам видел,

как одиноко чувствовал себя Федор Федорович в кружке своих вчерашних друзей... Куда он ни подходил – вокруг него сейчас же образовывалась пустота» (*Там же.* С. 108).

Лит.: *Немирович-Данченко Вас. И.* На кладбищах: (Восп.). Ревель, 1921. С. 100, 108.

ЛУЧИСТЫ – псевдогруппировка; о возникновении лучизма как литературного направления говорится в сборнике «Ослиный хвост и Мишень» (М., 1913) группы художников, объединившихся вокруг основателя и теоретика лучизма М. Ф. Ларионова. В полемической статье С. Худакова (высказывалось мнение, что это псевдоним И. М. Зданевича; см.: *Lawton*) со сверхавангардной позиции подвергаются резкой критике едва ли не все поэты-футуристы. Как истинно новаторские одобряются и цитируются лишь заумные стихи Антона Лотова (псевдоним, по-видимому, К. А. Большакова; см.: *Харджиев.* С. 47; ср.: *Parton*) из его сборника «Рекорд» (1913), а также поэтические опыты трех поэтов-лучистов, в чьих произведениях «ясно сказываются задачи Ларионовского живописного лучизма, только аналогично разработанные в литературных формах. Молодые поэты Н. Блеклов, А. Семенов, Рейшпер проповедуют литературный лучизм. Он собой знаменует нарóщение фразы и слов и всевозможную комбинацию букв из одного слова» (*Худаков.* С. 144). В статье даются примеры «нарóщения фразы» и «комбинаций из одного слова» – экспериментальных графических стихов (*Там же.* С. 144–147). В книгах группы Ларионова анонсировался сборник «Лучистая поэзия» (издание не состоялось). В. Ф. Марков предполагает, что названные поэты-лучисты – «выдумка Худакова (кем бы он ни был)» (*Markov.* P. 185). См. также: ⇨ Орфисты.

Лит.: *Худаков С.* Лит., худож. критика, диспуты и доклады // Ослиный хвост и Мишень. М., 1913. С. 140–147; *Markov V.* Russian Futurism: A History. Berkeley, 1968. P. 184–185; *Харджиев Н. И.* Поэзия и живопись: (Ранний Маяковский) // К истории рус. авангарда. Stockholm, 1976. С. 47–48; *Lawton A.* Russian and Italian Futurist Manifestoes // Slavic and East European Journal. 1976. Vol. 20. P. 418; *Parton A.* Mikhail Larionov and the Russian Avant-Garde. London, 1993. P. 227.

ЛЯНДАУ КРУЖОК – существовал в 1915 г. в Петрограде; участники встречались на квартире К. Ю. Ляндау (Фонтанка, 23). М. В. Бабенчиков вспоминал о Ляндау, что «в его небольшой комнате на набережной Фонтанки у Аничкова моста чуть не каждый вечер собирались страстные поклонники поэзии. <...> Старинная обстановка: мебель, полки с книгами и гравюры на стенах – делали ее похожей на интерьер первой половины прошлого века, а вечерние сборища, происходившие в ней, – на собрания пылких “архивных юношей” пушкинской поры. В “кружке Ляндау” до хрипоты спорили о поэзии» (*Бабенчиков.* С. 236). Среди посетителей были М. В. Бабенчиков, Вас. В. Гиппиус, С. А. Есенин, Г. В. Иванов, Р. Ивнев, М. А. Кузмин, Е. Г. Лисенков, О. Э. Мандельштам, Н. А. Оцуп, В. Я. Парнах, М. А. Струве, В. С. Чернявский, В. К. Шилейко, Ю. И. Юркун. В воспоминаниях Ивнева кружок Ляндау носит название «Лампа Аладдина».

Лит.: *Ивнев Р.* Часы и голоса: Стихи. Восп. М., 1978. С. 149, 152, 154; *Бабенчиков М. В.* Сергей Есенин // С. А. Есенин в восп. совр.: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 236–237; *Ивнев Р.* О Сергее Есенине // Там же. С. 325, 327–328; *Чернявский В. С.* Три эпохи встреч (1915–1925) // Там же. С. 200–201; РП. 1994. Т. 3. С. 443.

Е.А. Ляцкий

ЛЯЦКОГО ВЕЧЕРА – литературные вечера у основателя товарищеского издательства «Огни» Е. А. Ляцкого, проходившие в конце 1900-х – начале 1910-х гг. в Петербурге. Первой книгой издательства был сборник «К новым далям: Современная лирика» (СПб., 1909), содержащий преимущественно стихи ⇨ Символистов. В предисловии ко второму изданию сборника (Стокгольм: Северные огни, 1921. С. [5]) сообщено, что вошедшие в

сборник стихи читались «в тесном кругу первых участников “Огней” на литературных вечерах у Е. А. Ляцкого» (цит.: *Безродный*). В числе посетителей Ляцкого были А. Белый, И. Я. Билибин, В. Д. Бонч-Бруевич, кн. Н. В. Голицын, С. М. Городецкий, А. М. Ремизов, Г. А. Тотс.

Лит.: *Тотс Г. А.* «Зарево большого города...»: Страницы из восп. // Лит. обозр. 1988. № 11. С. 109–111; *Безродный М.* Изд-во «Огни» (1909–1923) // Solanus. 1993. New Series. Vol. 7. P. 39.

МАКЛАКОВОЙ ВЕЧЕРА – проходили в 1890-е [?] гг. в Москве. В числе посетителей литературных вечеров у Л. Ф. Маклаковой были Ал-др Н. Веселовский, Ал. Н. Веселовский, М. Горький, В. О. Ключевский, С. А. Муромцев, К. А. Тимирязев.

Лит.: РП. 1994. Т. 3. С. 478.

МАРКСА ЖУРФИКСЫ – проходили в начале 1900-х гг. в доме петербургского издателя А. Ф. Маркса. Упоминаются в воспоминаниях И. Э. Грабаря: «Ко времени моего возвращения в Петербург [1901] у Марксов бывали журфиксы, на которые съезжались все видные литераторы и бывал чиновный и сановный люд. Неизменным гостем был здесь А. Ф. Кони, с которым мы с Марксом и поэтом В. Л. Величко составляли постоянную партию в вист».

Лит.: *Грабарь И.* Моя жизнь. М., 2001. С. 165.

А.Ф. Маркс

[МАРКСИСТСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУЖОК] – существовал в конце 1890-х гг. в Петербурге. Среди участников были В. Я. Богучарский, В. В. Вересаев, А. М. Калмыкова, П. П. Маслов, М. П. Неведомский, П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский и др. «Собирались чаще всего у А. М. Калмыковой – старой народницы, ставшей убежденною марксисткою» (*Вересаев, 1982.* С. 501). В кружке царила «раскаленная общественная атмосфера, страстные дебаты сначала с народниками, потом с бернштейнианцами, согласное биение со все усиливающимся революционным пульсом, тесная связь с революционными низами» (*Вересаев, 1961.* С. 400). Встречи проходили в простой обстановке: «самовар, бутерброды с сыром и колбасой, беззаботные к костюму мужчины и женщины» (*Там же*). См. также: Журфиксы ⇨ Туган-Барановского.

Лит.: *Вересаев В. В.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1961. Т. 5. С. 400; *Вересаев В. В.* Восп. М., 1982. С. 434, 501–503.

«**МАРСЕЛЬСКИЕ МАТРОСЫ**» – общество поэтов, основанное Ю. Е. Дегеном в апреле 1917 г. в Петербурге. Собрания кружка проходили в доме М. М. Бамдаса на Марсовом поле. В состав группы входили посетители ⇨ «Триремы» и ⇨ «Цеха поэтов» (второго), в том числе Г. В. Адамович, М. М. Бамдас, Л. В. Берман, Ю. Е. Деген, Б. Е. Евгеньев, Г. В. Иванов, Р. Ивнев, М. А. Кузмин («капитан»), В. В. Курдюмов, В. В. Пруссак, А. Д. Радлова, М. А. Струве. Под издательской маркой «Марсельские матросы» вышли сборники стихов Бамдаса «Предрассветный ветер» (Пг., 1917) и «Голубь» (Пг., 1918). Название кружка восходит, видимо, к стихотворению «Пироскаф» (1844)

Е. А. Баратынского, «который занимал почетное место в литературном пантеоне этого поколения» (*Тименчик.* С. 321).

Лит.: *Тименчик Р. Д.* По поводу «Антологии петерб. поэзии эпохи акмеизма» // Russian Literature. 1977. Vol. 5. № 4. P. 316, 321; РП. 1989. Т. 1. С. 250; РП. 1992. Т. 2. С. 92; *Кузмин М. А.* Дневник 1934 года / Под ред., со вступ. ст. и примеч. Г. Морева. СПб., 1998. С. 255–256, 322.

[МАСОНСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛОЖА] – литературная организация масонов в Петербурге, созданная, по данным А. Я. Гальперна, в начале 1914 г. В ее состав входили В. Я. Богучарский (Яковлев), А. В. Карташев, А. А. Мейер, С. Д. Мстиславский (Масловский), Н. Н. Суханов. Ложа была создана для воздействия масонов на прессу: «По планам, в этой ложе должны были быть объединены крупные журналисты из важнейших левых газет, но осуществления эти планы не получили» (*Николаевский.* С. 59).

Лит.: Запись беседы с Александром Яковлевичем Гальперном // Николаевский Б. И. Рус. масоны и революция. М., 1990. С. 59–60; *Серков А. И.* История рус. масонства. 1845–1945. СПб., 1997. С. 116–117.

МАШИРОВА-САМОБЫТНИКА КРУЖОК – литературный кружок пролетарских писателей в первой половине 1910-х гг. в Петербурге. Кружок сформировался в Лиговском народном доме графини С. В. Паниной из посетителей вечерних курсов для рабочих этого просветительского учреждения. Панина вспоминала: «Ученики имели свои собственные литературные, научные, театральные кружки; издавали свой рукописный журнал; устраивали свои ученические спектакли и литературные вечера» (*Панина*).

Около 1912 г. один из таких литературных кружков возглавил И. А. Маширов-Самобытник. Среди участников были В. Д. Александровский, И. А. Батрак, В. Т. Кириллов, А. Н. Линовский (Поморский), Д. Я. Одинцов, И. И. Садофьев, В. Торский (М. Д. Царев) и др.

Члены кружка издали стихотворный сборник «Наши песни» (М., 1913); второй выпуск сборника был в 1914 г. конфискован. Произведения участников публиковались также в сборниках «Эхо ответное. Литературный сборник, посвященный 10-летию Лиговских вечерних классов» (СПб., 1913) и «Первый сборник пролетарских писателей» (СПб., 1914). Группа Маширова-Самобытника целиком вошла в Кружок ⇨ Правдистов-поэтов.

Лит.: Батрак Иван // Писатели совр. эпохи: Биобиблиогр. словарь рус. писателей XX в. / Ред. Б. П. Козьмин. М., 1928. С. 32; *Панина С. В.* На Петербургской окраине // Новый журнал. 1957. № 48. С. 182; *Шацева Р. А.* Примеч. // Пролет. поэты первых лет сов. эпохи. Л., 1959. С. 516, 528–529; *Эвентов И. С.* Партия, поэзия, печать // Поэзия в большевистских изданиях 1901–1917. Л., 1967. С. 21–22.

«**МЕДНЫЙ ВСАДНИК**» – клуб деятелей литературы и искусства в 1916–1917 гг. в Петрограде. Толчком к его созданию послужил спектакль «Писатели – студентам» в Театре имени В. Ф. Коммиссаржевской, прошедший, по данным Л. Рубанова, осенью 1914 г. (*Рубанов.* С. 465). Более вероятна датировка – годом позже: именно осенью 1915 г. по инициативе участвовавших в спектакле Ю. Л. Слезкина, Б. А. Садовского и М. А. Долинова было решено создать литературно-артистический клуб под названием «Медный всадник». По архивным данным, 19 октября 1915 г. Г. В. Иванов «вместе с Ю. Л. Слезкиным и Н. [П.?] В. Кузнецовым подал прошение на имя петроградского градоначальника о регистрации общества “Клуб деятелей искусств”» (*Тименчик, 1995*). В. Ф. Ходасевич в письме от 9 ноября 1915 г. просил Садовского выбрать его «в члены будущего клуба» (*Ходасевич.* С. 30).

Первое собрание общества состоялось в начале 1916 г. на квартире В. В. Святловского (см. газетные отзывы об открытии клуба: Вечернее время. 1916. 5 февр. С. 4; *Боцяновский В. Ф.* // Биржевые ведомости. 1916. 13 марта). В правление клуба вошли:

К. И. Арабажин (предс.), С. М. Городецкий, Н. С. Гумилев (казн.), М. А. Долинов, С. С. Прокофьев, Б. А. Садовской (секр.) и Ю. Л. Слезкин (тов. предс.) (Весь Петербург на 1917 год. С. 916). Закрытые вечера клуба проходили на квартирах М. А. Рейснера, В. В. Святловского, Ю. Л. Слезкина и др., а также в ресторане «Вена».

В заседаниях наряду с артистами, музыкантами и композиторами участвовали многочисленные писатели разных направлений и поколений. В воспоминаниях Рубанова, исполнявшего обязанности секретаря клуба, в числе посетителей названы А. Т. Аверченко, С. А. Ауслендер, А. А. Ахматова, А. Бельский (А. П. Пинкевич), Е. А. Галати, С. М. Городецкий, А. С. Грин, Н. В. Грушко, Н. С. Гумилев, М. А. Долинов, Г. В. Иванов, А. П. Каменский, М. А. Кузмин, Б. А. Лазаревский, О. Э. Мандельштам, В. И. Мозалевский, П. П. Потемкин, Л. М. Рейснер, П. С. Романов, А. С. Рославлев, Б. А. Садовской, В. В. Святловский, Ю. Л. Слезкин, Тэффи, Д. М. Цензор, Т. Л. Щепкина-Куперник, В. А. Юнгер, Ю. И. Юркун, Е. Ф. Яковлева-Карич, И. И. Ясинский и др.

Общество предполагало издавать альманах «Медный всадник» и журнал «Бюллетень литературы и искусства»; эти проекты не были реализованы. По мнению Ф. В. Иванова, оставившего о клубе страничку воспоминаний, кружок «не вытанцовался и скоро погиб» (*Иванов, 1920*). Клуб просуществовал до февраля 1917 г.

Лит.: *Иванов Ф. В.* Старому Петербургу: (Что вспомнилось) // Жизнь: Вестн. мира и труда. Берлин, 1920. № 9. С. 15; *Михайлов П.* Клуб «Медный Всадник» // Нева. 1967. № 1. С. 220; *Ходасевич В. Ф.* Письма Б. А. Садовскому. Ann Arbor, 1983. С. 30, 90; *Тименчик Р. Д.* «Медный всадник» в лит. сознании нач. XX в. // Проблемы пушкиноведения. Рига, 1983. С. 82; *Осповат А. Л., Тименчик Р. Д.* «Печальну повесть сохранить...». М., 1987. С. 156, 338; *Рубанов Л.* Клуб «Медный всадник» // Восп. о серебряном веке. М., 1993. С. 465–473; *Иванов Г. В.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 75–76; *Тименчик Р. Д.* Георгий Иванов как объект и субъект // Новое лит. обозр. 1995. № 16. С. 345.

«**МЕЗОНИН ПОЭЗИИ**» – футуристская литературная группа во второй половине 1913 г. в Москве. Инициаторами ее создания и руководителями были Л. В. Зак и В. Г. Шершеневич; в состав группы входили К. А. Большаков, Р. Ивнев, Б. А. Лавренев, Н. Г. Львова, С. М. Третьяков и др.

Эта «небольшая, но теплая группа» (*Шершеневич.* С. 522) внешне действовала как издательское объединение; книгоиздательство «Мезонин поэзии» с сентября по декабрь 1913 г. осуществило шесть изданий – три литературных сборника и три авторские книги стихов. Первый сборник «Вернисcаж» (зарег. 17–24 сент.; КЛ 1913/24093) содержит произведения Н. Бенедиктовой, Ивнева, Лавренева, Хрисанфа (псевдоним Зака), К. Чайкина, Шершеневича, П. Д. Широкова, а также стихи В. Я. Брюсова и члена группы ⇨ «Лирика» А. А. Сидорова. В сборнике опубликована также декларативная статья М. Россиянского (псевд. Зака) «Перчатка кубофутуристам», заявляющая уже самим названием об отрицательном отношении кружка к эстетике и поэтической практике ⇨ Кубофутуристов.

Одновременно с альманахом «Вернисcаж» в издательстве ⇨ Эгофутуристов «Петербургский глашатай» вышла книга стихов Шершеневича «Романтическая пудра: Поэзы» (зарег. 17–24 сент.; КЛ 1913/24583), что также свидетельствует об идейной ориентации руководителей «Мезонина поэзии» на эгофутуризм.

Во втором альманахе «Пир во время чумы» (зарег. 29 окт. – 5 нояб.; КЛ 1913/28845) наряду с произведениями Зака, Ивнева, Шершеневича напечатаны стихи Львовой, П. Погодина, Третьякова и эгофутуристов Грааль-Арельского, И. Северянина и Широкова. Одновременно вышли отдельными изданиями стихотворные сборники «Пламя пышет» Ивнева и «Экстравагантные флаконы» Шершеневича (зарег. 29 окт. – 5 нояб.; КЛ 1913/28610; 29071).

В ноябре появилась в издательстве «Искусство» очередная книга Шершеневича – эссе «Футуризм без маски: компилятивная интродукция» (зарег. 12–19 нояб.; КЛ 1913/30704), в котором автор делает попытку «познакомить публику с новым стихий-

ным поэзным течением» (С. 3). Брошюра, написанная с эгофутуристических позиций, содержит резкие выпады против кубофутуристов; попутно Шершеневич развивает некоторые положения манифеста Зака-Россиянского из альманаха «Вернисcаж» (С. 74—75).

Остальные две книги издательства «Мезонин поэзии» вышли к середине декабря: сборник стихов Большакова «Сердце в перчатке» и третий, последний, альманах группы «Крематорий здравомыслия» (зарег. 9—16 дек.; КЛ 1913/32387; 32636). В альманахе опубликованы произведения Большакова, Зака, Ивнева, Лавренева, М. Л. Моравской, Погодина, М. Б. Сандомирского, Северянина, Третьякова, Чайкина, Шершеневича, Широкова; там же напечатаны стихи, подписанные «Нелли» (мистификация Брюсова) и «С. Бекетова» (псевд. А. И. Ходасевич); сборник содержит также «прозаические эксперименты» Шершеневича и Хрисанфа. Планировавшийся четвертый альманах «Январские футурналии», равно как стихотворные сборники «Пиротехнические импровизации» Хрисанфа и «Поэзы» Львовой, не был издан.

Примерно в феврале 1914 г. бывшие мезонинцы по инициативе Шершеневича объединились с литературной группой кубофутуристов «Гилея». В воспоминаниях Лавренева описана встреча членов «Мезонина поэзии» Большакова, Третьякова, Хрисанфа, Шершеневича и гилейцев Д. Д. Бурлюка, Н. Д. Бурлюка, А. Е. Крученых, В. В. Маяковского на квартире Лавренева, где обсуждался вопрос объединения групп (*Лавренев*). Плодом этого кратковременного союза было сотрудничество Большакова и Шершеневича в «Первом журнале русских футуристов» и во втором издании сборника «Дохлая луна» (оба: М., 1914). Кубофутуристы, осуществлявшие в начале 1914 г. турне по русской провинции, поручили редактирование и выпуск сборников Шершеневичу, о чем впоследствии очень жалели: Шершеневич использовал отдел библиографии «Первого журнала русских футуристов» для самовосхваления и для полемики с членами «Лирики», организовавшими тогда группу ⇨ «Центрифуга». В тексте же «Дохлой луны», по сравнению с первым изданием, были допущены неприемлемые для гилейцев редакционные изменения.

26 апреля 1914 г. Шершеневич опубликовал в газете «Новь» «Декларацию о футуристическом театре», представляющую собой, по характеристике В. Ф. Маркова, «скорее размахивание руками в футуристическом стиле, чем серьезную попытку реформировать русский театр» (*Марков, 1967.* С. 146); во всяком случае, тезисы Шершеневича были несовместимы с принципами поставленных в декабре 1913 г. кубофутуристами спектаклей «Победа над солнцем» и «Владимир Маяковский».

Показательно, что Шершеневич, в отличие от Большакова, ставшего впоследствии членом «Центрифуги», не участвовал (или же не был приглашен к участию) ни в одном из многочисленных футуристских альманахов 1915—1917 гг. В 1916 г. вышли три его собственные книги, созданные большей частью еще в 1914 г.: «Автомобильная поступь» (лирические стихи), «монологическая драма» «Быстрь» и вторая теоретическая книга «Зеленая улица», в которой Шершеневич частично отмежевался от футуризма. «Подвергнутый остракизму» («ostracized»; *Markov, 1968.* P. 374) со стороны гилейцев и центрифугистов, Шершеневич занимал после 1914 г. позицию футуриста вне групп.

В поэтической практике, в эстетической концепции и в самооценке участников «Мезонин поэзии» представляет собой московскую разновидность петербургского эгофутуризма «северянинского пошиба». Разницу между ними Марков усматривает в том, что поэты кружка, «разделяя дендизм эгофутуристов, не принимали метафизических притязаний последних» («Though they shared dandyism with the ego-futurists, they never accepted the latters' metaphysical pretensions»; *Марков, 1967.* P. 10). «Футуристичность» участников группы заключается в аспекте тематики — в урбанизме и в эстетизации светского быта, в аспекте формы — в экспериментах с рифмой и метрикой, в вычурной метафорике и в пристрастии к изысканной лексике, в частности, к заимствованным из французского неологизмам (типа «вуалетка», «эскизетта», «эгрета»).

В отличие от кубофутуристов, члены группировки не отрицали культурного наследия и связи с европейской традицией. Футуризм «Мезонина поэзии» — цивилизованный, воспитанный футуризм; как считал Зак, «надо доказывать всем, что футуризм — течение культурное, а не нашествие гуннов» (*Шершеневич.* С. 524). «Бросая перчатку» кубофутуристам, мезонинцы, в сущности, возражали против их «неотесанности». В стихотворении Шершеневича «L'art poétique» (сб. «Романтическая пудра») развивается, несмотря на сверхпрограммное название, лишь положение первого стиха: «Обращайтесь с поэзами, как со светскими дамами». Постулат воспитанности заметен даже в самом радикальном поэтическом опыте группы — стихотворении Большакова «Городская весна» (сб. «Сердце в перчатке»): «Эсмерами вердоми труверит весна...» — образец прирученной зауми. Показательна в этом отношении и характеристика группы, данная Львовой осенью 1913 г. в письме к Б. А. Садовскому: «Стала футуристкой. Только вы не пугайтесь. Правда, это не так страшно. Ведь наши "эго-футуристы" народ самый безобидный и вполне приличный. К сожалению, многие пишут стихи слишком плохо. А в остальном очень мило» (цит.: *Ходасевич.* С. 84–85).

См. в приложении статьи М. Россиянского «Перчатка кубофутуристам» и В. Г. Шершеневича «Декларация о футуристическом театре».

Лит.: *Спасский С. Д.* Маяковский и его спутники: Восп. Л., 1940. С. 46–48; *Лавренев Б.* 1913-й, 1918-й... // Новый мир. 1963. № 7. С. 230–231; Манифесты и программы рус. футуристов / [Ред. В. Ф. Марков]. München, 1967. С. 10, 86–97; *Markov V.* Russian Futurism: A History. Berkeley, 1968. P. 101–116; *Марков В. Ф.* О поэзии М. Россиянского // Россиянский М. Утро внутри: Стихотв. и поэмы. München, 1970. С. 7–16; *Lawton A.* Vadim Shershenevich: From Futurism to Imaginism. Ann Arbor, 1981. P. 17; *Ходасевич В. Ф.* Письма Б. А. Садовскому. Ann Arbor, 1983. P. 22, 84–85; *Шершеневич В. Г.* Великолепный очевидец: Поэтические восп. 1910–1925 гг. // Мой век, мои друзья и подруги. М., 1990. С. 522–532; *Терехина В. Н.* «Только мы — лицо нашего времени» // Библиография. 1993. № 6. С. 75–76; Поэзия рус. футуризма / Сост. В. Н. Альфонсов, С. Р. Красицкий. СПб., 1999. С. 399–450; Рус. футуризм: Теория. Практика. Критика. Восп. / Сост. В. Н. Терёхина, А. П. Зименков. М., 1999. С. 20–26, 163–190.

МЕРЕЖКОВСКИХ ВОСКРЕСЕНЬЯ (САЛОН З. Н. ГИППИУС) — журфиксы, проходившие с 1890 до 1917 г. на квартире З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского в Петербурге (до мая 1912 г. — дом Мурузи на Литейном просп., 24, угол Пантелеймоновской, 27; с 1912 г. — ул. Сергиевская, 83). Мережковские принимали, как правило, по воскресеньям днем.

Их дом посещали видные представители литературных кругов Петербурга и Москвы, в основном модернистской (⇨ Символисты) и религиозно-философской ориентации. В числе посетителей были в разное время С. А. Андреевский, К. С. Арсенева, Л. С. Бакст, А. Белый, А. Н. Бенуа, Н. А. Бердяев, А. А. Блок, В. Я. Брюсов, З. А. Венгерова, Н. Венгров, А. Л. Волынский, Н. П. Ге, Вл. В. Гиппиус, А. С. Глинка-Волжский, С. А. Есенин, В. А. Злобин, Вяч. И. Иванов, Евг. Пав. Иванов, М. А. Кавос, А. В. Карташев, Е. Г. Лундберг, Н. И. Манассеина, Н. М. Минский, В. С. Миролюбов, Н. В. Недоброво, В. Ф. Нувель, Н. А. Оцуп, П. П. Перцов, А. Н. Плещеев, В. А. Пяст, А. М. Ремизов, В. В. Розанов, А. В. Руманов, Л. Д. Семенов, А. А. Смирнов, П. С. Соловьева, Ф. К. Сологуб, В. А. Тернавцев, Вас. В. Успенский, А. М. Федоров, Ф. Ф. Фид-

Дом Мурузи, в котором находилась квартира Мережковских (Петербург, Литейный проспект). Современная фотография.

лер, Д. В. Философов, К. М. Фофанов, Д. Н. Фридберг, Г. И. Чулков, М. С. Шагинян, И. И. Ясинский, Н. Н. Ястребов.

Большинство мемуарных и документальных источников о салоне Мережковских относится к началу 1900-х гг. Как вспоминала сама хозяйка, в 1910-е гг. характер журфиксов изменился: «В годы 15–16 мои “воскресенья” были очень многолюдны. Собирались не “знаменитости”; фактически преобладала самая зеленая молодежь, от 14 лет и выше... (попадались люди и много выше)» (*Гиппиус, 1993*). В середине 1910-х гг. бывали Арсенева, Есенин, Злобин, Оцуп, Шагинян, Ястребов.

З.Н. Гиппиус, Д.В. Философов и Д.С. Мережковский в своей квартире. 1913 г.

Как вспоминал Чулков, «в салоне Мережковских беседы велись на темы “церковь и культура”, “язычество и христианство”, “религия и общественность”» (*Чулков.* С. 148). Блок сообщал А. В. Гиппиусу в письме от 21 ноября 1902 г. о визите к Мережковским: «До трех часов ночи говорили по-французски о любви и chair sainte (святая плоть)» (ЛН. 1980. Т. 92, кн. 1. С. 436). Чулков противопоставлял атмосферу журфиксов у Мережковских Воскресеньям ⇨ Сологуба: «В салоне Мережковских шли горячие дебаты на религиозно-философские темы; произносились монологи и диалоги, иногда речи походили на проповедь... У Сологуба таких “платоновских” бесед не устраивалось. <...> У Мережковских говорили громко, у Сологуба – вполголоса» (*Чулков.* С. 161). Похоже обстановку салона охарактеризовал Бердяев: «В атмосфере салона Мережковских было что-то сверхличное, разлитое в воздухе, какая-то нездоровая магия, которая, вероятно, бывает в сектантской кружковщине, в сектах не рационалистического и не евангельского типа» (*Бердяев.* С. 143).

Лит.: *Пяст В.* Восп. о Блоке. Пг., 1923. С. 20–21; *Ремизов А. М.* Кукха. Розановы письма. Berlin, 1923. С. 22–34; *Брюсов В. Я.* Дневники. М., 1927. С. 123–124; *Гиппиус-Мережковская З. Н.* Дмитрий Мережковский. Париж, 1951. С. 131–133; *Злобин В. А.* Лит. дневник // Возрождение. Париж, 1959. № 86. С. 138; *Маковский С. К.* На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962. С. 27–28; *Рождественский В. А.* Страницы жизни. М., 1974. С. 225–226; *Бенуа А. Н.* Мои восп. М., 1980. Т. 2. С. 48–49, 290–295; ЛН. 1980. Т. 92, кн. 1. С. 436–437; ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 238–239, 474–475; *Шагинян М. С.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1986. Т. 1. С. 358–361; *Белый А.* Начало века. М., 1990. С. 460–466; *Бердяев Н. А.* Самопознание. М., 1991. С. 142–143; Дома рассказывают. СПб., 1991. Вып. 1. С. 141–150; Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград: Энц. справочник. М., 1992. С. 373; *Гиппиус З. Н.* Судьба Есениных // Рус. зарубежье о Есенине. М., 1993. Т. 1. С. 83; *Дубнова-Эрлих С. С.* Хлеб и маца. СПб., 1994. С. 128; *Fiedler F.* Aus der Literatenwelt. Göttingen, 1996. S. 179–180, 218–219, 400–401; *Пяст В.* Встречи. М., 1997. С. 28–34; *Чулков Г. И.* Годы странствий. М., 1999. С. 113–114, 145–148, 160, 161.

МИНЦЛОВА СУББОТЫ – журфиксы в 1890-е гг. в квартире Р. Р. Минцлова в Москве. В воспоминаниях сына хозяина, С. Р. Минцлова, сообщается: «На субботниках у отца было шумно и весело. Карт он не признавал и квартира его на Басманной, в которой собирался весь цвет Москвы, являла как бы продолжение и расцвет студенческих товарищеских вечеринок, на которых произносились горячие речи, не умолкали остроты, споры и смех. Говорили о литературе, о науке, о политике, и больше всего о последней. Это был в своем роде клуб энциклопедистов Москвы» (*Минцлов.* С. 207). В числе посетителей были И. Е. Ададуров, Алексей Н. Веселовский, В. А. Гольцев, Г. А. Джаншиев, Н. И. Кареев, Е. А. Лавровская, Ю. Н. Мельгунов, С. А. Муромцев, О. А. Новикова, Н. И. Стороженко, В. И. Танеев, кн. А. И. Урусов, Р. М. Хин-Гольдовская, И. И. Янжул. «Собирались гости сперва в большом кабинете отца, среди книг, сплошь закрывавших стены от пола до потолка. Затем все перекочевывали в такую же

огромную, тоже обставленную книгами столовую и там за ужином и вином засиживались до трех и четырех часов ночи» (*Там же.* С. 207).

Лит.: *Минцлов С. Р.* Далекие дни: Восп. 1870–90 гг. Берлин, [1925]. С. 202–203, 207–212; РП. 1999. Т. 4. С. 84.

«**МИРА БОЖЬЕГО» ЖУРФИКСЫ** – проходили с 1898 г. в редакции журнала «Мир Божий» (СПб., 1892–1906) по вторникам раз в две недели. Среди посетителей были А. И. Богданович, Т. А. Богданович, З. Н. Гиппиус, М. Горький, А. А. Давыдова, В. Г. Короленко, А. И. Куприн, М. К. Куприна-Иорданская, Д. С. Мережковский, Н. М. Могилянский, К. П. Пятницкий, Е. В. Тарле, М. И. Туган-Барановский, А. В. Тыркова-Вильямс. Ср. также: Салон ⇨ Давыдовой; Среды ⇨ Куприной-Иорданской.

Лит.: *Могилянский Н. М.* На рубеже столетий: (Из восп. о Пб. конца XIX и нач. XX в.) // Голос минувшего на чужой стороне. Париж, 1926. № 4/XVII. С. 105; *Куприна-Иорданская М. К.* Годы молодости. М., 1966. С. 211; *Тыркова-Вильямс А. В.* Тени минувшего. Встречи с писателями // Восп. о серебряном веке. М., 1993. С. 334.

Архивы: *Богданович Т. А.* Восп. // ОР РГБ. Ф. 218. № 383. Л. 251–255 [сообщено А. И. Рейтблатом].

«**МИРА ИСКУССТВА» КРУЖОК** – группа художников и литераторов, объединившаяся вокруг журнала «Мир искусства» (СПб., 1899–1904). Зародышем кружка явилось студенческое «общество самообразования» (*Бенуа, 1928.* С. 8; ср.: *Философов.* С. 279–280), организованное в 1890 г. Л. С. Бакстом, А. Н. Бенуа, В. Ф. Нувелем, Д. В. Философовым; позже к кружку примкнули С. П. Дягилев, Е. Е. Лансере, А. П. Нурок, В. А. Серов, К. А. Сомов и др.

Дягилев, возглавивший кружок с середины 1890-х гг., осенью 1897 г. начал создавать журнал «Мир искусства» (см. письмо Дягилева к Бенуа от 8 окт. 1897 г.; Сергей Дягилев и рус. иск-во. М., 1982. Т. 2. С. 28). Журнал издавался и субсидировался кн. М. К. Тенишевой и С. И. Мамонтовым; первый номер вышел 10 ноября 1898 г. В 1898–1903 гг. был организован ряд художественных выставок участников кружка. Среди сотрудников литературного отдела журнала ближайшее участие в деятельности кружка принимали кн. С. М. Волконский, Вл. В. Гиппиус, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский, Н. М. Минский, П. П. Перцов, В. В. Розанов, Ф. К. Сологуб, Д. В. Философов. Из художников и искусствоведов на собраниях сотрудников бывали Л. С. Бакст, М. В. Добужинский, В. Я. Курбатов, Е. Е. Лансере, А. П. Нурок, В. А. Серов, С. П. Яремич.

В воспоминаниях З. Гиппиус упоминаются регулярные встречи по средам в редакции журнала (Литейный просп., затем – Фонтанка), где собирались «тогдашние художественные и литературные “сливки”» (*Гиппиус.* С. 80). Перцов вспоминал, что собрания сотрудников проходили по понедельникам в редакции «Мира искусства» у Дягилева (*Перцов, 1998*). Согласно М. В. Добужинскому, днем собраний у Дягилева были в 1901 г. вторники (*Добужинский*).

Как утверждал Бенуа, «в основе приглашения того или другого художника лежала не принадлежность его к какому-либо направлению (у нашего кружка направления не было), а оценка вообще подлинности, даровитости, мастерства приглашаемого, к какому бы толку он ни принадлежал. <...> Вместо направления у нас царил вкус» (*Бенуа, 1928.* С. 50). В сущности же и журнал, и творчество участников кружка проникнуты духом модернизма, ознаменованного протестом против академизма, реализма, натурализма и стремлением к эстетизму и маньеризму, установкой на эстетику символизма (ср.: ⇨ Символисты).

Лит.: *Брюсов В. Я.* Дневники. М., 1927. С. 125–126; *Бенуа А. Н.* Возникновение «Мира иск-ва». Л., 1928; *Перцов П. П.* Лит. восп. М.; Л., 1933. С. 272–308; *Соколова Н.* «Мир иск-ва». М.; Л., 1934; *Гиппиус-Мережковская З. Н.* Дмитрий Мережковский. Париж, 1951. С. 78–88; *Маковский С. К.* Портреты современников. Нью-Йорк, 1955. С. 195–197; *Гусарова А.* «Мир иск-ва». Л., 1972; *Петров В. Н.* «Мир иск-ва». М., 1975; *Kennedy J.* The Mir Iskusstva Group and Russian Art, 1898–1912. New York,

1977; *Лапшина Н. П.* «Мир иск-ва»: Очерки истории и творч. практики. М., 1977; *Бенуа А. Н.* Мои восп. М., 1980. Т. 2. С. 186–197, 222–232, 414; *Корецкая И. В.* «Мир иск-ва» // Лит. процесс и рус. журналистика конца XIX – нач. XX в. 1890–1904: Буржуазно-либеральные и модернистские изд. М., 1982. С. 129–178; *Добужинский М. В.* Восп. М., 1987. С. 199–204; Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград: Энц. справочник. М., 1992. С. 378–379; *Северюхин Д. Я., Лейкинд О. Л.* Золотой век худож. объединений в России и СССР (1820–1932): Справочник. Пб., 1992. С. 115–119; *Лифарь С. М.* Дягилев. СПб., 1993. С. 39–156; *Сарабьянов Д. В.* История рус. иск-ва конца XIX – нач. XX в. М., 1993. С. 62–118; *Журавлева Л. С.* Кн. Мария Тенишева. Смоленск, 1994. С. 133–150; *Перцов П. П.* Восп. о В. В. Розанове // Новый мир. 1998. № 10. С. 153; Рус. художники: Энц. словарь. СПб., 1998. С. 840–842; *Философов Д.* Юношеские годы Александра Бенуа. 1885–1899: Страничка восп. // Europa Orientalis. 1997. Vol. 16. № 2. С. 277–300.

МИРОЛЮБОВА КРУЖОК ⇨ «ЖУРНАЛА ДЛЯ ВСЕХ» КРУЖОК

МИСТИЧЕСКИЕ АНАРХИСТЫ (кружок «**ФАКЕЛЫ**») – идейное направление, созданное Г. И. Чулковым. В печати это наименование впервые использовано в его статьях, опубликованных в петербургском журнале «Вопросы жизни»: в рецензии на альманахи «Северные цветы» (1905. № 6. С. 257–258), в статьях «О мистическом анархизме» (1905. № 7. С. 199–204), «Критические заметки» (№ 8. С. 207–208) и «Театр-студия» (№ 9. С. 245–250). Мистико-анархические искания Чулкова возникли под влиянием бесед с Вяч. И. Ивановым, разрабатывавшим к тому времени отчасти сходную мировоззренческую концепцию «мистического энергетизма» или «сверхиндивидуализма» (см.: *Иванов В. И.* Кризис индивидуализма // Вопр. жизни. 1905. № 9).

В ноябре 1905 г. Чулков начал работу над составлением мистико-анархически окрашенного литературного альманаха. Тогда же, видимо, возник кружок «Факелы» – А. М. Ремизов упоминает собрание кружка от 28 ноября 1905 г., на котором в члены «приняли» его, К. А. Сомова и Е. Е. Лансере (*Ремизов А. М.* Кукха. Розановы письма. Берлин, 1923. С. 33). Одним из мест, где обсуждались идеи Чулкова, были также Среды ⇨ Иванова.

В вышедшем весной 1906 г. сборнике «Факелы. Кн. 1» (СПб., 1906) приняли участие писатели разных литературных установок: модернисты – А. Белый, А. А. Блок, В. Я. Брюсов, С. М. Городецкий, Л. Д. Зиновьева-Аннибал, Вяч. И. Иванов, С. Л. Рафалович, А. М. Ремизов, П. С. Соловьева-Allegro, Ф. К. Сологуб, Г. И. Чулков, К. Эрберг (К. А. Сюннерберг) – и реалисты – Л. Н. Андреев, И. А. Бунин и С. Н. Сергеев-Ценский. Впоследствии Чулков писал: «Этот литературный эклектизм должен был, по моей мысли, подчеркнуть, что “Факелы” представляют вовсе не какую-нибудь поэтическую школу, а объединяют ревнителей разных школ на одной идейной теме» (*Чулков, 1999.* С. 105–106). Однако Брюсов воспринял мистико-анархические идеи Чулкова именно как попытку создания новой, враждебной символизму поэтической школы и откликнулся резко отрицательной рецензией на сборник (*Аврелий [Брюсов В. Я.].* Вехи. IV. Факелы // Весы. 1906. № 5. С. 54–58). В ответ на рецензию Иванов опубликовал полемическую статью «О “факельщиках” и других именах собирательных», доказывающую, что мистический анархизм не литературная школа, а миросозерцание и что участников сборника объединяет лишь «устремление из уединения к соборности» (Весы. 1906. № 6. С. 55).

В конце июня вышла книга Чулкова «О мистическом анархизме» (СПб., 1906) с предисловием Иванова «Идея неприятия мира и мистический анархизм». Первые отклики Чулков получил от Блока (письмо от 7 июля 1906 г.; *Блок.* С. 157–158) и Сологуба (письмо от 15 июля 1906 г.; *Чулков, 1999.* С. 167–170); обоим писателям мистический анархизм показался «не выдерживающим критики» (Блок), в чем они предвосхитили оценки рецензентов. В августовском номере «Весов» были помещены сразу две разгромные рецензии на книгу Чулкова (*Аврелий [Брюсов В. Я.].* Вехи. V. Мистические анархисты // Весы. 1906. № 8. С. 43–47; *Крайний А. [Гиппиус З. Н.].* Иван Александро-

вич – неудачник // Там же. С. 48–51). Скорее отрицательными были также рецензии Д. В. Философова (Золотое руно. 1906. № 10. С. 58–65) и Сологуба (*Сологуб Ф. К.* О недописанной книге // Перевал. 1906. № 1. Ноябрь. С. 40–42), однако статьи в «Весах» отличались резкостью тона и выпадами личного характера против Чулкова.

«Весы» впоследствии развили настоящую кампанию против мистического анархизма, длившуюся свыше двух лет; в качестве беспощадного критика Чулкова особенно отличился А. Белый. В полемике с «Весами» Чулкова поддерживали секретарь «Золотого руна» Г. Э. Тастевен и редактор «Перевала» С. А. Кречетов (Соколов), сочувствовавшие мистико-анархическим идеям. Чулков, в свою очередь, предпринимал контратаки; в начале 1907 г. он напечатал «дьявольски ядовитую» (письмо Кречетова к Чулкову от 5 февр. 1907 г.; ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 269) рецензию на книгу Брюсова «Земная ось» (Перевал. 1907. № 4. Февр.). В апреле Чулков известил Брюсова о своем выходе из числа сотрудников «Весов» (см. письмо Брюсова к Чулкову от 30 апр. 1907 г.; *Чулков, 1999.* С. 352).

Весной 1907 г. вышел сборник «Факелы. Кн. 2», содержавший философскую публицистику на тему анархизма вообще и мистического анархизма в частности; со статьями выступили участники первой книги «Факелов» Городецкий, Иванов и Чулков, а также А. А. Мейер (псевд. Ветров), Л. И. Шестов. «Весы» откликнулись на сборник резко критической рецензией Эллиса «Пантеон современной пошлости» (Весы. 1907. № 6. С. 55–62); статьи А. Белого и З. Гиппиус в том же номере содержат ряд полемических выпадов против Иванова и Чулкова («Шестой номер Весов возмутил всех», – сообщал Городецкий Чулкову 15 июля 1907 г.; ЛН. 1987. Т. 92, кн. 4. С. 400).

Дискуссия вокруг мистического анархизма вступила в новую стадию после публикации статьи Е. П. Семенова (С. М. Когана) «Le Mysticisme anarchique» в парижском журнале «Mercure de France» (1907. 16[e] juillet. № 242. P. 361–364). Ссылаясь на беседу с Чулковым, Семенов разделил современных русских поэтов на три группы – «декадентов», «неохристианских романтиков» и «мистических анархистов», причисляя к последним Блока, Городецкого, Иванова и Чулкова. Статья Семенова вызвала в кругу модернистов большое негодование, о чем свидетельствует переписка за июль–август 1907 г. задетых статьей писателей, в том числе Блока и Белого (*Блок, Белый.* С. 195–196, 204–205, 209–215), Брюсова и Иванова (ЛН. 1976. Т. 85. С. 500–501, 504–506), Блока и Чулкова (*Блок.* С. 204–207; ЛН. 1987. Т. 92, кн. 4. С. 400–402).

В начале августа 1907 г. Чулков опубликовал очередную программную статью, в которой опять провозгласил новое, на этот раз именно литературное, течение «мистического реализма» (*Чулков Г. И.* Молодая поэзия // Товарищ. 1907. 5 авг. № 337). Распри вокруг начинаний Чулкова достигли апогея; В. Ф. Нувель сообщал Л. Д. Зиновьевой-Аннибал 11 августа 1907 г.: «О “мистическом анархизме” иначе как с пеною у рта не говорят» (*Богомолов Н. А.* Михаил Кузмин: Статьи и мат-лы. М., 1995. С. 303). Дело «Mercure de France» кончилось тем, что Блок, Иванов и Чулков публично отмежевались от положений статьи Семенова. Блок послал в редакцию «Весов» письмо, датированное 26 августа 1907 г., в котором писал: «...никогда не имел и не имею ничего общего с “мистическим анархизмом”, о чем свидетельствуют мои стихи и проза» (Весы. 1907. № 8. С. 81). Иванов отправил в редакцию газеты «Товарищ» письмо, помеченное 8 сентября 1907 г., где протестовал против смысла, приданного Семеновым понятию «мистический анархизм» (Товарищ. 1907. 23 сент. № 379; перепечатано: Весы. 1907. № 9. С. 75–76; ср. также черновики писем Иванова в редакцию «Весов» и, вероятно, «Товарища»; *Обатнин.* С. 469). Рядом с письмом Иванова было напечатано «письмо в редакцию» Чулкова по тому же поводу; отдельную статью с возражениями Семенову он опубликовал в «Перевале» (*Чулков Г. И.* Мой ответ «Mercure de France» // Перевал. 1907. № 10. Авг. С. 50–51).

Накал страстей вокруг мистического анархизма к концу 1907 г. заметно ослаб. Когда в январе 1908 г. вышла третья и последняя книга «Факелов» (СПб., 1908), «Весы» не удостоили ее даже отдельного отзыва; З. Гиппиус уделила сборнику лишь несколько

разгромных замечаний (*Крайний А. [Гиппиус З. Н.].* Репа // Весы. 1908. № 2. С. 73–76). В сборнике, содержащем, в отличие от второй книги «Факелов», литературные произведения, приняли участие С. А. Ауслендер, А. А. Блок, Б. К. Зайцев, Вяч. И. Иванов, А. М. Ремизов, Ф. К. Сологуб и Г. И. Чулков. В течение 1908 г. полемика по поводу чулковской концепции почти прекратилась. Одним из последних выступлений был реферат А. Белого, прочитанный 15 октября 1908 г. в ⇨ Обществе свободной эстетики и содержащий серьезный разбор идей мистического анархизма (*Белый А.* Символизм и совр. рус. иск-во // Весы. 1908. № 10. С. 44–48).

Основные положения мистико-анархического миросозерцания заключаются в следующих тезисах: 1) отрицание догматизма: «Борьба с догматизмом в религии, философии, морали и политике – вот лозунг мистического анархизма» (*Чулков, 1906.* С. 67); 2) утверждение личности: декадентству – «утверждению эмпирической личности как самоцели» – противопоставляется «утверждение мистической личности в общественности» (*Там же.* С. 69); 3) устремление к соборности, сверхиндивидуализм: мистический анархизм – «символизм, пронизанный лучом соборности» (письмо Иванова к Брюсову от 3 июня 1906 г.; ЛН. 1976. Т. 85. С. 492); 4) неприятие мира: ссылаясь то на Ивана Карамазова (Чулков), то на Иисуса Христа (Иванов), мистические анархисты находятся в «споре против мира данного во имя мира долженствующего быть» (*Иванов.* С. 86).

Для книги Чулкова характерны теоретические недочеты, сумбурность изложения и несамостоятельность. Еще Брюсов указывал, что отдельные мысли принадлежат «Кропоткину, Бакунину, В. Розанову, Д. Мережковскому, Вл. Соловьеву, Ф. Достоевскому» (Весы. 1906. № 8. С. 47); к этому перечню можно было бы добавить имена Шопенгауэра, Ницше, Ибсена и др. Сам Чулков впоследствии признавал, что книга написана «неудачно, неосновательно и торопливо» (*Чулков, 1999.* С. 103). Тем не менее мистический анархизм в какой-то мере отразил настроения части русской интеллигенции – «хилиастические надежды, вызванные революцией 1905 г. у многих символистов» (*Rosenthal.* P. 627). Схожие идеи развивал, например, член ⇨ «Кружка молодых» М. Л. Гофман в книге «Соборный индивидуализм» (СПб., 1907). Даже злейший критик Чулкова 1906–1908 гг. А. Белый несколько лет спустя писал: «...опять, по-новому, я стал мистиком, не прежним (не мистическим анархистом – все мы были ими!), а новым» (письмо к Блоку, начало дек. 1911 г.; *Блок, Белый.* С. 281). Возникновение мистического анархизма впервые отчетливо выявило конфликт внутри русского символизма, приведший в 1910 г. к окончательному расколу ⇨ Символистов на «эстетов» и «мистиков».

Лит.: *Чулков Г. И.* О мистическом анархизме. СПб., 1906; *Блок А. А., Белый А.* Переписка. М., 1940. С. 167–168, 189–216; *Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1963. Т. 8; *Орлов В. Н.* Пути и судьбы: Лит. очерки. Л., 1971. С. 562–572; *Scherrer J.* Die Petersburger religiös-philosophischen Vereinigungen. Berlin, 1973. S. 159–167 и др. (указ.); ЛН. 1976. Т. 85. М., 1976. С. 284–286, 430–431, 490–505; *Rosenthal B. G.* The Transmutation of the Symbolist Ethos: Mystical Anarchism and the Revolution of 1905 // Slavic Review. 1977. Vol. 36. P. 608–627; *Иванов В. И.* Собр. соч. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 79–90, 718–729; ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. М., 1982. С. 162–163; *Лавров А. В.* «Золотое руно» // Рус. лит. и журналистика нач. XX в. 1905–1917: Буржуазно-либеральные и модернистские изд. М., 1984. С. 156–165; ЛН. 1987. Т. 92, кн. 4. М., 1987. С. 374–376, 388, 400–402; *Обатнин Г. В.* Неопубл. мат-лы Вяч. Иванова по поводу полемики о «мистическом анархизме» // Лица. М.; СПб., 1993. Вып. 3. С. 466–477; *Лавров А. В.* Андрей Белый в 1900-е гг.: Жизнь и лит. деятельность. М., 1995. С. 215–250; *Чулков Г. И.* Годы странствий. М., 1999. С. 100–106, 167–171, 352, 396–403.

МИХАЙЛОВА ЧЕТВЕРГИ – журфиксы в доме редактора-издателя журнала «Вестник воспитания» Н. Ф. Михайлова, проходившие в 1890–1910-е гг. в Москве. Среди посетителей были И. А. Бунин, Ю. А. Бунин, Н. Д. Телешов. По воспоминаниям Ю. Бунина, бывавшего у Михайлова в течение двадцати лет, вечера «не были обывательскими журфиксами, на которые собираются исключительно ради развлечения – отдохнуть в близком кругу, провести весело время, поиграть в карты, закусить, выпить и т.д.

Они носили интеллигентский характер; как ни разнороден был их состав, в общем это все-таки была прогрессивная компания» (цит.: ЛН. 1973. Т. 84, кн. 1. С. 477).

Лит.: ЛН. 1973. Т. 84, кн. 1. С. 476–477.

Архивы: *Бунин Ю. А.* «Четверги» у Н. Ф. Михайлова // РГАЛИ. Ф. 1292 (Бунин Ю. А.). Оп. 3. Ед. хр. 11. Л. 1–2.

Н.К. Михайловский

МИХАЙЛОВСКОГО ВЕЧЕРА – существовали примерно в 1890-е и в начале 1900-х гг. в Петербурге. Н. К. Михайловский отмечал ежегодно день рождения (15 ноября) и именины (6 декабря). «В эти дни двери в его квартиру не запирались. Все могли свободно приходить к нему, кто хотел его повидать и поздравить, оставаться сколько захочется и уходить, когда захочется. <...> Стеснения никто не чувствовал, и каждый делал, что хотел, поэтому эти два празднества пользовались популярностью в Петербурге и считались как бы общим праздником» (*Пименова*). Как вспоминал В. В. Вересаев, «15 ноября весь левый литературный и общественный Петербург собирался к Михайловскому поздравить его» (*Вересаев*. С. 348). И. А. Гриневская сообщает о своем знакомстве с «Н. К. Михайловским, на вечерах которого я встречала всех выдающихся в то недавнее время писателей» (*Гриневская*).

А. В. Тыркова-Вильямс писала о роли именин Михайловского для культурной жизни Петербурга: «Это было ежегодное событие литературного большого света. В календаре петербургских интеллигентов день этот был отмечен красным крестиком. Побывать на именинах Николая Константиновича считалось знаком отличия, этим можно было похвастать, щегольнуть. Это было почти служение народу» (*Тыркова-Вильямс*. С. 226).

Представление о круге посетителей дают наряду с воспоминаниями Вересаева также дневниковые записи Ф. Ф. Фидлера от 7 декабря 1894 г., от 7 декабря 1900 г. и от 16 ноября 1902 г. о праздновании именин и дня рождения Михайловского, где упоминаются К. С. Баранцевич, М. В. Ватсон, А. А. Вербицкая, Е. Н. Водовозова, Н. Г. Гарин-Михайловский, А. Г. Горнфельд, М. Горький, А. А. Давыдова, В. М. Дорошевич, А. И. Иванчин-Писарев, В. Г. Короленко, А. И. Куприн, В. В. Лесевич, Е. П. Леткова-Султанова, Т. А. Майзель (Майская), Д. Н. Мамин-Сибиряк, П. Н. Милюков, В. А. Морозова, В. А. Мякотин, А. А. Ольхин, В. П. Острогорский, В. И. Семевский, А. М. Скабичевский, В. М. Соболевский, А. И. Чупров, О. Н. Чюмина, О. А. Шапир, С. Н. Южаков, П. Ф. Якубович и др. См. также: Четверги ⇨ «Русского богатства» (Кружок Н. К. Михайловского).

Лит.: *Венгерова З. А.* О. Н. Чюмина // Вестник Европы. 1909. № 10. С. 859; *Гриневская И. А.* [Автобиогр.] // Первые лит. шаги: Автобиогр. совр. рус. писателей. М., 1911. С. 251; *Пименова Э. К.* Дни минувшие. Л.; М., 1929. С. 176–177; *Вересаев В. В.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1961. Т. 5. С. 348–349; *Елпатьевский С. Я.* Восп. за 50 лет. Уфа, 1984. С. 233–234; *Fiedler F.* Aus der Literatenwelt. Göttingen, 1996. S. 178–179, 283, 307–308; *Тыркова-Вильямс А. В.* То, чего больше не будет. М., 1998. С. 225–227.

«**МЛЕЧНОГО ПУТИ» СУББОТЫ** – литературно-художественный кружок при редакции московского журнала «Млечный Путь» (1914–1916), руководимый редактором-издателем А. М. Чернышевым. На вечерах кружка бывали сотрудники журнала и группировавшаяся вокруг него литературная молодежь: И. П. Бурмистров-Поволжский, С. Д. Дрожжин, С. А. Есенин, Н. И. Колоколов, И. К. Коробов, Н. Н. Ливкин, Н. Н. Лященко (Ляшко), А. С. Новиков-Прибой, Ф. Ц. Овагемов (выведен в воспоминаниях Д. Н. Семеновского под фамилией Николаев; *Семеновский.* С. 159; см.: *Есенин, 1999.* С. 395), Н. А. Павлович, Б. А. Пильняк, И. Северянин, Д. Н. Семеновский, Е. Г. Сокол, Л. Н. Столица, П. А. Терский, гр. И. Л. Толстой, А. М. Чернышев, А. В. Ширяевец, Ф. С. Шкулев и др.

Собрания в редакции журнала на Садовнической улице «проходили обычно живо и интересно. За столом писатели, поэты, художники, скульпторы, артисты. Все, кто хотел, могли прийти на эти “субботы”, и всех ждал радушный прием. Читали стихи и рассказы, обменивались мнениями, спорили, беседовали о новых книгах, журналах, картинах» (*Ливкин*). В воспоминаниях Ливкина описано чтение стихов Есениным на одном из вечеров. Согласно Спасскому, Чернышев к 1915 г. «начал присматриваться <...> к молодым беспризорным футуристам» (*Спасский.* С. 49); номера «Млечного Пути» 1916 г. содержат «несколько вещей, написанных в манере Маяковского» (*Там же.* С. 50).

В издательстве журнала «Млечный Путь» напечатана книга стихов Ливкина «Инок» (М., 1916).

Лит.: *Леонов М.* Суриковцы и млечнопутейцы // Северное утро. Архангельск, 1916. 4, 7, 17 июня; *Спасский С. Д.* Маяковский и его спутники: Восп. Л., 1940. С. 48–50; *Есенин С. А.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1968. Т. 5. С. 51, 245; *Ломан А., Ломан И.* «Товарищи по чувству, по перу...» // Нева. 1970. № 10. С. 197, 199; *Семеновский Д. Н.* Есенин // С. А. Есенин в восп. совр.: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 158–159; *Ливкин Н. Н.* В «Млечном Пути» // Там же. С. 163–164; *Есенин С. А.* Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1999. Т. 6. С. 61, 84, 319, 395–396.

МОЛОДАЯ РЕДАКЦИЯ «АПОЛЛОНА» ⇨ **«АПОЛЛОНА» КРУЖОК**

«**МОЛОДАЯ СРЕДА**» – литературное объединение, существовавшее в 1910–1919 гг. в Москве. Возникло в связи с регистрацией кружка ⇨ «Среда» в качестве официальной литературной организации при ⇨ Обществе помощи литераторам и журналистам (см.: *Бунин*). Участники созданного объединения сообщали Н. Д. Телешову в телеграмме от 10 сентября 1910 г.: «Кружок только что образовавшейся Молодой Среды, собравшись в первый раз, приветствует Вас как инициатора и вдохновителя старых славных Сред» (*Шемелова, 1962*).

Объединение возникло, согласно Ю. А. Бунину, «по инициативе С. С. Мамонтова, Д. Я. Голубева и О. А. Израэльсона» (РГАЛИ. Ф. 1292. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 75 об.). «Молодая среда» была «по типу и основной своей задаче сходна со “Старой Средой”» (*Там же*). Однако с изменением статуса характер «Среды» «коренным образом изменился» (*Телешов.* С. 56): собрания проходили теперь не в частной квартире Телешова, а в помещении ⇨ Литературно-художественного кружка.

«Молодую среду» возглавлял Ю. А. Бунин. Состав участников значительно расширился, «зато старые товарищи стали бывать на собраниях все реже и реже» (*Там же.* С. 58). Объединение насчитывало «104 постоянных члена» (*Владыкин.* С. 42): А. Альвинг, Н. С. Ашукин, И. А. Белоусов, Н. Ф. Бернер, А. Н. Бибиков, И. А. Бунин, Ю. А. Бунин (предс.), А. М. Васнецов, М. П. Гальперин (секр.), Д. Я. Голубев, А. Б. Дерман, Б. К. Зайцев, П. Н. Зайцев, Л. Н. Зилов, О. А. Израэльсон (Волжанин), А. А. Кипен, П. С. Коган, Е. М. Курч (Эк), В. Г. Лидин, Н. Н. Ляшко-Лященко, С. С. Мамонтов, Н. М. Мешков, В. Н. Муромцева, П. Г. Низовой-Тупиков, Н. Н. Никандров, И. А. Новиков, А. С. Новиков-Прибой, А. И. Окулов, П. Н. Петровский, Б. А. Пильняк, И. И. Попов, А. С. Серафимович, Ю. В. Соболев, А. Соболь, П. С. Сухотин, Н. Д. Телешов,

гр. А. Н. Толстой, А. А. Тришатов-Добровольский, С. Д. Фомин, А. А. Чумаченко, Н. Г. Шкляр, И. С. Шмелев, В. П. Ютанов, А. С. Яковлев и др.

Общество начало реально функционировать лишь с весны 1911 г., как явствует из протокола организационного собрания от 26 апреля 1911 г. (РГБ. Ф. 437. Карт. 1. Ед. хр. 30. Л. 3–4). На собраниях читались и обсуждались стихи и рассказы участников; Зайцев отмечал в кружке «тон простой и ненапыщенный. Состав довольно серый» (*Зайцев.* С. 373). Как вспоминала Муромцева, «чтение начиналось в десятом часу. По окончании его приступали к критике прочитанного, к прениям, и прения эти продолжались иногда очень долго и бывали необыкновенно страстны и откровенны. Вторая часть вечера – проходила за ужином. Тут опять шли споры и толки, но уже более мирного и веселого характера» (*Муромцева*). Тогда же зачитывались упоминаемые мемуаристами шуточные протоколы и стихотворения кружка (см.: РГБ. Ф. 437. Карт. 1. Ед. хр. 32, 35).

Часть писателей объединения участвовала в последних выпусках альманаха «Сполохи» (М., 1907–1917. Кн. 1–11). По словам Телешова, «в общем, молодая “Среда” отстаивала реалистическое направление» (*Телешов.* С. 57–58).

После Октябрьской революции большинство членов общества отнеслось враждебно к большевистской власти. Известен инцидент на собрании от 3 декабря 1917 г., когда объявивший себя коммунистом Серафимович по инициативе А. Соболя был исключен из Общества как противник свободной печати и литературы (*Муромцева*; *Лидин*; *Зайцев.* С. 374; ср. просоветскую точку зрения: *Владыкин.* С. 43). На исключение Серафимович ответил статьей «В капле», напечатанной в газете «Известия» (1917. 12 (25) дек. № 228 (235); см.: *Серафимович*). Инцидент послужил поводом для закрытия большевиками Литературно-художественного кружка: «через несколько дней вышло распоряжение национализировать здание Кружка, а “Среде” запретить собираться» (*Муромцева*).

По сообщению Ю. А. Бунина, «собрания до половины февраля [1918 г.] устраивались в Литературно-художественном кружке, затем <...> в Юридическом собрании» (РГАЛИ. Ф. 1292. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 84 об.). Еще в конце 1918 г. поднимался «вопрос о регистрации “Среды”» (РГБ. Ф. 437. Карт. 1. Ед. хр. 30. Л. 30); был разработан новый устав, в котором целью кружка значилось «выяснение различных вопросов литературы и искусства» (РГБ. Ф. 437. Карт. 1. Ед. хр. 29. Л. 1); устав подписали Н. С. Ашукин, И. А. Белоусов, Ю. А. Бунин, М. П. Гальперин, Н. Д. Телешов, А. А. Чумаченко, Н. Г. Шкляр и В. П. Ютанов. «Молодая среда» просуществовала до 1919 г.; на прощальном собрании председатель Ю. Бунин подвел итоги десятилетней деятельности объединения (см.: *Владыкин.* С. 43).

Лит.: *Ю. Б. [Бунин Ю. А.].* Об-во помощи литераторам и журналистам // Журналист. 1914. № 2. С. 17; *Белоусов И. А.* Лит. среда: Восп. 1880–1928. М., 1928. С. 181–182, 189, 194–198; *Муромцева В. Н.* Моск. «Среды» // Последние новости. Париж, 1930. 5 июля. № 3391. С. 5; *Телешов Н. Д.* Зап. писателя: Восп. и рассказы о прошлом. М., 1958. С. 56–58; *Серафимович А. С.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1959. Т. 6. С. 27–31, 637–638; *Скиталец С. Г.* Повести и рассказы. Восп. М., 1960. С. 431; *Лидин В. Г.* Люди и встречи. М., 1961. С. 138–140; *Шемелова М. И.* Кружок писателей-реалистов «Среда» (1899–1909 гг.): (Из истории лит.-худож. объединений России нач. XX в.): Автореферат канд. дис. Л., 1962. С. 18; *Шемелова М. И.* Кружок писателей-реалистов «Среда» (1899–1909): Из истории лит.-худож. объединений России нач. XX в. // Вестн. Ленингр. ун-та. 1962а. № 20. С. 88; *Владыкин И. И.* Телешовские «Среды» // Учен. зап. Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина. Серия рус. лит. 1966. № 255. С. 42–43; *Вересаев В. В.* Восп. М., 1982. С. 489; *Нинов А. А.* М. Горький и Ив. Бунин: История отношений. Проблемы творчества. Л., 1984. С. 188; *Зайцев Б. К.* Соч.: В 3 т. М., 1993. Т. 2. С. 372–374; *Сорокина О.* Московиана: Жизнь и творчество Ивана Шмелева. М., 1994. С. 61, 64, 77, 104, 118.

Архивы: ОР РГБ. Ф. 437 (Гальперин М. П.). Карт. 1. Ед. хр. 29–32, 35; РГАЛИ. Ф. 1292 (Бунин Ю. А.). Оп. 2. Ед. хр. 2, 5, 7, 9; Оп. 4. Ед. хр. 6; Ф. 1890 (Ашукин Н. С.). Оп. 3. Ед. хр. 577, 587.

«**МОЛОДОЙ МУСАГЕТ**» (официальное название с осени 1912 г.: **КРУЖОК ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СИМВОЛИЗМА В ИСКУССТВЕ**) – один из кружков литературной молодежи, образовавшихся вокруг символистского издательства «Мусагет» в начале 1910-х гг. в Москве (см. также: ⇨ Ритмический кружок; Вечера ⇨ «Мусагета»; Философский кружок ⇨ «Мусагета»). Кружок возник к осени 1910 г. и просуществовал до 1913 г. Собрания группы молодежи, объединившейся вокруг Эллиса, проходили в квартире-мастерской скульптора К. Ф. Крахта (Большая Пресня, 9); помещение студии описано Б. Л. Пастернаком в автобиографическом очерке «Люди и положения» (*Пастернак, 1991.* С. 319).

Как вспоминал А. Белый, «Эллис перенес арену действий своих в студию скульптора Крахта, где буйствовали собрания (человек по пятидесяти)» (*Белый, 1990.* С. 343); среди участников кружка были Ю. П. Анисимов, Н. Н. Асеев, В. Ф. Ахрамович, А. Белый, С. П. Бобров, Р. М. Глиэр, С. Н. Дурылин, П. Н. Зайцев, Н. П. Киселев, С. А. Клычков, К. Г. Локс, В. О. Нилендер, Б. Л. Пастернак, Д. Рем (А. А. Баранов), С. Я. Рубанович, Б. А. Садовской, А. А. Сидоров, М. И. Сизов, С. М. Соловьев, В. О. Станевич, В. Ф. Ходасевич, М. И. Цветаева, С. В. Шенрок и др.

Работой кружка руководили Эллис и Крахт. На заседаниях читались доклады и стихи, обсуждались общие вопросы культуры и искусства, разрабатывалась теория символизма. Представление об атмосфере в кружке и о характере занятий дает письмо Боброва к А. Белому от 16 февраля 1911 г., в котором описаны обстановка лекции в «Мусагете» от 9 февраля и заседание в студии Крахта от 13 февраля (*Бобров.* С. 156–158). Летом 1911 г. в издательстве «Мусагет» вышел альманах «Антология» со стихами многих участников кружка – как известных поэтов, так и мусагетской молодежи.

К осени 1912 г. в кружке произошли изменения; Крахт сообщал редактору «Мусагета» Э. К. Метнеру в письме от 15 сентября 1912 г.: «По соображениям внешним мы решили легализоваться и уже составили устав. В уставе этом формально <...> мы определяем цель кружка как “исследование проблемы эстетической культуры вообще и символизма во всех видах искусства в частности”» (*Лавров*). Имеются сведения о работе кружка в зиму 1912–1913 гг.; в студии Крахта 9 декабря 1912 г. обсуждалась статья Боброва «О лирической теме» (*Бобров.* С. 120); Пастернак 10 февраля 1913 г. сделал доклад «Символизм и бессмертие» (*Флейшман*).

К концу 1912 г. часть участников кружка, не имея возможности печататься в «Мусагете», организовала собственное книгоиздательское объединение ⇨ «Лирика».

Лит.: *Тургенева А.* Андрей Белый и Рудольф Штейнер // Мосты. Мюнхен, 1968. Вып. 13/14. С. 241; *Флейшман Л.* Статьи о Пастернаке. Bremen, 1977. С. 116; *Лавров А. В.* «Труды и дни» // Рус. лит. и журналистика нач. XX в. 1905–1917: Буржуазно-либеральные и модернистские изд. М., 1984. С. 207; *Толстых Г. А.* Изд-во «Мусагет» // Книга: Исслед. и мат-лы. М., 1988. Сб. 56. С. 121; *Пастернак Е. Б.* Борис Пастернак: Мат-лы для биогр. М., 1989. С. 176–178; *Белый А.* Между двух революций. М., 1990. С. 333, 342–343; *Дурылин С. Н.* В своем углу. М., 1991. С. 304; *Пастернак Б. Л.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1991. Т. 4. С. 319–320, 893–894; *Бобров С. П.* Письма к Андрею Белому 1909–1912 / Вступ. ст., публ. и коммент. К. Ю. Постоутенко // Лица. М.; СПб., 1992. Вып. 1. С. 116–117, 120, 156–158; *Белый А.* Собр. соч.: Восп. о Блоке. М., 1995. С. 387; *Майдель Р. фон.* «Спешу спокойно...»: К истории оккультных увлечений Эллиса // Новое лит. обозр. 2001. № 51. С. 229–232.

«**МОЛОДЫЕ СИЛЫ**» – литературный кружок, существовавший в 1907 г. при Вольной школе П. Ф. Лесгафта в Петербурге. Среди участников были Я. В. Годин, А. А. Кондратьев, Ф. К. Сологуб. О вечере кружка рассказывается в письме Кондратьева к Б. В. Беру от 1 мая 1907 г.

Лит.: ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 280; РП. 1994. Т. 3. С. 47.

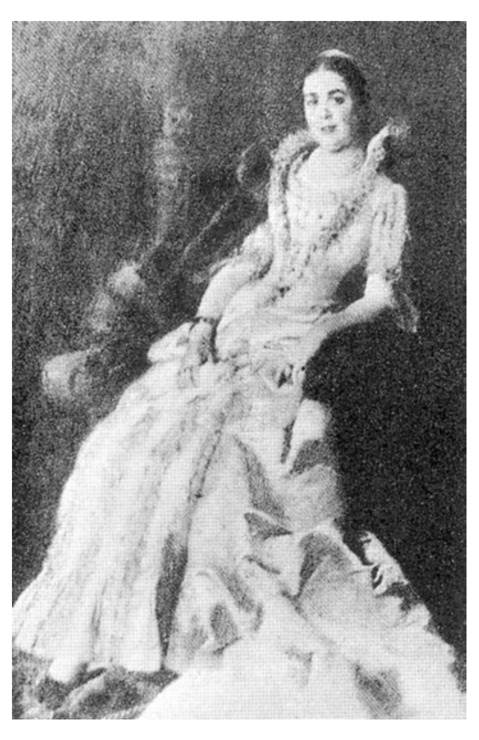
«**МОЛОТ**» – литературный кружок в 1913 г. в Москве. В кружок, возглавляемый А. Д. Ящуриным (Яшуриным), входили малоизвестные поэты, отчасти самоучки –

участники двух литературно-художественных сборников, изданных Ящуриным на товарищеских началах: «Громовые раскаты» и «Порывы» (оба: М., 1913); второй вышел под издательской маркой «А. Д. Яшурин. (Молот)». К кружку примыкал Н. Н. Минаев.

На пригласительном билете на заседание от 21 марта 1913 г. напечатаны девизы кружка: «Объединяйтесь и сами выковывайте из жизни все лучшее!» и «Вся красота жизни состоит в порыве исканий того непостижимого, что нас увлекает в сокровенную глубину свою...», свидетельствующие, по оценке А. А. Кеды, «о неопределенности лит.-эстетич. платформы кружка» (РП. 1999. Т. 4. С. 78).

Лит.: *Рогожин Н. П.* Лит.-худож. альм. и сб-ки: 1912–1917 гг. М., 1958. № 117, 177.

МОРОЗОВОЙ В. А. САЛОН – существовал в 1890-е – начале 1900-х гг. в Москве. Журфиксы проходили по четвергам (*Брюсов.* С. 99). Г. И. Чулков вспоминал: «Одним из тогдашних литературных салонов был салон В. А. Морозовой. В ее доме на Воздвиженке читали доклады и устраивались беседы. Этот салон посещали И. И. Иванов, В. Е. Ермилов, Н. Е. Эфрос, С. Г. Кара-Мурза, сотрудники “Русских ведомостей”, бывали здесь изредка А. П. Чехов, В. Г. Короленко, кое-кто из художников, иные из актеров и несколько студентов <...>. Вот в этом салоне В. А. Морозовой в 1900 году я вызвал сенсацию докладом о книге Брюсова “Tertia vigilia”» (*Чулков*; доклад был зачитан 14 января 1901 г.; см.: *Брюсов.* С. 100–101).



В.А. Морозова.
Портрет работы
К.Е. Маковского. 1884 г.

В числе посетителей были также И. П. Белоконский, П. Д. Боборыкин, В. Я. Брюсов, М. В. Вишняк, В. А. Гольцев, И. Ф. Горбунов, Н. В. Давыдов, Г. А. Джаншиев, И. И. Иванюков, В. О. Ключевский, П. С. Коган, С. П. Мельгунов, П. Н. Милюков, Н. К. Михайловский, Вас. И. Немирович-Данченко, М. А. Саблин, В. Ф. Саводник, В. И. Сизов, В. М. Соболевский (гражданский муж хозяйки), гр. Л. Н. Толстой, Г. И. Успенский, А. И. Чупров, Н. В. Шелгунов, А. С. Ященко и др. «У Морозовой бывали все выдающиеся литераторы и общественные деятели» (*Мельгунов.* С. 103).

Лит.: *Кара-Мурза С. Г.* Московская m-me Жофрен // Понедельник «Власти народа». 1918. № 2; *Немирович-Данченко Вас. И.* На кладбищах: (Восп.). Ревель, 1921. С. 135; *Брюсов В. Я.* Дневники. М., 1927. С. 92–93, 99–101; *Вишняк М. В.* О редакторе «Русских записок» // Последние новости. 1939. 22 марта; *Вишняк М. В.* Дань прошлому. New York, 1954. С. 104–105; *Мельгунов С. П.* Восп. и дневники. Париж, 1964. Вып. 1. С. 101–103; *Ключевский В. О.* Соч.: В 9 т. М., 1990. Т. 9. С. 325; *Морозова М. К.* Мои восп. // Наше наследие. 1991. № 6. С. 99; *Костеневич А.* Рус. собиратели фр. живописи. Два клана // Морозов и Щукин – рус. коллекционеры. От Моне до Пикассо: [Каталог выставки]. Эссен, 1993. С. 88; *Кизеветтер А. А.* На рубеже двух столетий: Восп. М., 1997. С. 168–169; *Чулков Г. И.* Годы странствий. М., 1999. С. 108–109.

МОРОЗОВОЙ М. К. САЛОН – существовал с весны 1905 г. по 1910-е гг. в Москве. Особняк М. К. Морозовой на Смоленском бульваре посещали философы, литера-

торы, общественные деятели. Хозяйка салона (вдова М. А. Морозова, умершего в 1903 г.) «приглашала несоединимые, вне ее дома не встречавшиеся элементы» (*Белый, 1990.* С. 505). В ее салоне «господствовали англоманские вкусы. <...> Гости были люди солидные, все больше профессора» (*Дымшиц-Толстая*). Бывали А. Белый, Н. А. Бердяев, П. А. Бурышкин, Е. К. Герцык, А. А. Кизеветтер, С. А. Котляревский, А. В. Кубицкий, Л. М. Лопатин, С. В. Лурье, П. Н. Милюков, Г. А. Рачинский, В. П. Свентицкий, Ф. А. Степун, гр. А. Н. Толстой, кн. Е. Н. Трубецкой, кн. С. Н. Трубецкой, А. Ф. Фортунатов, Б. А. Фохт, В. М. Хвостов, Г. Г. Шпет, В. Ф. Эрн.

М.К. Морозова.
Портрет работы Н.К. Бодаревского.
Середина 1890-х гг.

В доме Морозовой проводились литературно-музыкальные вечера, «устраивались беседы и читались лекции на самые животрепещущие темы» (*Морозова, 1988.* С. 528). С осени 1907 г. у Морозовой собирался философский кружок (см.: *Белый, 1990а.* С. 266); в ее доме бывали собрания московского ⇨ Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева (см.: *Герцык*; *Степун*). А. Белый следующим образом охарактеризовал хозяйку салона: «Будучи совершенно беспомощна в умении разобраться в течениях мысли, искусства, науки, общественности, Морозова обладала огромным умением мирить и приручать друг к другу вне ее салона непримиримых и неприручимых людей» (*Белый, 1990.* С. 506).

Лит.: *Дымшиц-Толстая С. И.* [А. Н. Толстой] // Восп. об А. Н. Толстом. М., 1973. С. 85; *Толстой А. Н.* Дневник 1911–1914 гг. / Вступ. ст. и публ. А. И. Хайлова // А. Н. Толстой: Мат-лы и исслед. М., 1985. С. 302; *Морозова М. К.* Андрей Белый // Андрей Белый: Проблемы творчества. М., 1988. С. 528–529; *Герцык Е. К.* Портреты философов // Наше наследие. 1989. № 2. С. 70; *Белый А.* Начало века. М., 1990. С. 504–511; *Белый А.* Между двух революций. М., 1990а. С. 266, 524; *Бердяев Н. А.* Самопознание. М., 1991. С. 164; *Зернов Н.* Рус. религ. возрождение XX в. Париж, 1991. С. 119–120; *Морозова М. К.* Мои восп. // Наше наследие. 1991. № 6. С. 99–100, 104; *Бурышкин П. А.* Москва купеческая. М., 1991. С. 111, 243; *Степун Ф. А.* Бывшее и несбывшееся. СПб., 1995. С. 198–204; *Трофимова Ю. Н.* Меценатская деятельность М. К. Морозовой // Некоторые проблемы отечественной и зарубежной истории. М., 1995. С. 13–23.

МОСКОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ СРЕДА ⇨ СРЕДА

МОСКОВСКИЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ КРУЖОК ⇨ РУССКОЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

МОСКОВСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КРУЖОК [МЛК] – филологическое объединение, существовавшее в 1915–1924 гг. в Москве. Кружок возник в марте 1915 г. по инициативе группы студентов историко-филологического факультета Московского университета. Первым председателем МЛК был Р. О. Якобсон (до января 1920 г.);

на этом посту его сменили М. Н. Петерсон (до сентября 1920 г.), А. А. Буслаев (до октября 1922 г.), Г. О. Винокур (до марта 1923 г.) и Н. Ф. Яковлев (до ноября 1924 г.). Заседания проходили на квартире Якобсона (Лубянский проезд, д. 3, кв. 10).

В состав кружка входили С. И. Бернштейн, Д. Д. Благой, П. Г. Богатырев, С. М. Бонди, О. М. Брик, А. А. Буслаев, Ф. М. Вермель, Г. О. Винокур, Б. В. Горнунг, Н. И. Жинкин, В. М. Жирмунский, С. О. Карцевский, М. М. Кенигсберг, С. Я. Мазэ, М. Н. Петерсон, А. М. Пешковский, Е. Д. Поливанов, А. И. Ромм, Ю. М. Соколов, Б. В. Томашевский, кн. Н. С. Трубецкой, Ю. Н. Тынянов, Б. В. Шергин, Викт. Б. Шкловский, Вл. Б. Шкловский, Р. О. Шор, Г. Г. Шпет, Р. О. Якобсон, Н. Ф. Яковлев, Б. И. Ярхо и др. В списке членов МЛК 1920-х гг. перечислены 51 действительный член, 3 почетных члена (Н. Н. Дурново, В. К. Поржезинский и Д. Н. Ушаков) и 12 членов-соревнователей (сотрудников), в том числе Н. В. Вахмистрова-Реформатская, Д. Е. Михальчи, А. А. Реформатский, А. И. Смирницкий, А. М. Сухотин, Е. Б. Тагер и др. (см.: *Якобсон, 1996.* С. 370).

В работе кружка участвовали также поэты: Н. Н. Асеев, С. П. Бобров, А. Е. Крученых, Б. А. Кушнер, О. Э. Мандельштам, В. В. Маяковский, Б. Л. Пастернак, выступавшие на заседаниях с докладами и с чтениями; в январе 1920 г. впервые публично читалась и обсуждалась поэма Маяковского «150 000 000».

МЛК «с первых шагов своей деятельности поставил задачей разработку вопросов лингвистики, понимая под этим термином науку о языках различных функций, в том числе особенно анализ языка поэтического» (*Якобсон, 1996.* С. 365–366). Наряду с лингвистическими темами в кружке исследовались и обсуждались проблемы смежных дисциплин: литературоведения (в частности, поэтики, стихосложения, теории литературы), фольклористики, этнографии, философии языка, истории культуры. Одновременно с (оформившимся номинально в 1919 г.) петроградским Обществом изучения поэтического языка (Опояз) в МЛК разрабатывались новые методы формального и структурного анализа текстов, имевшие большое влияние на развитие филологических наук. Согласно М. И. Шапиру, «именно к МЛК восходят лучшие традиции российского структурализма и семиотики» (*Там же.* С. 364).

В отличие от Опояза кружок не обладал печатными органами или издательской базой. Некоторые члены МЛК издавали в 1922–1924 гг. на правах рукописи машинописный журнал «Гермес» (см.: Пятые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и мат-лы для обсуждения. Рига, 1990. С. 167–210). В 1926 г. как идеи, так и организационная форма МЛК легли в основу Пражского лингвистического кружка, по словам Р. О. Якобсона, «существенно двинувшего вперед и широко развернувшего работу своего предтечи» (*Якобсон, 1996.* С. 368).

Лит.: *Винокур Г.* МЛК // Науч. изв. акад. центра Наркомпроса. 1922. Сб. 2. С. 289–290; *Цейтлин Р. М.* Григорий Осипович Винокур. М., 1965. С. 11–18; Томашевский и МЛК / Публ., предисл. и примеч. Л. С. Флейшмана // Труды по знаковым системам. 1977. Вып. 9. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 422). С. 113–132; *Ивлев Д. Д.* МЛК // КЛЭ. 1978. Т. 9. С. 542–543; *Jakobson R.* To the History of the Moscow Linguistic Circle // Logos semantikos: Studia linguistica in honorem Eugenio Coseriu, 1921–1981. Berlin; New York; Madrid, 1981. Vol. 1. P. 285–288; *Тоддес Е. А., Чудакова М. О.* Первый рус. перевод «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра и деятельность МЛК // Федоровские чтения 1978. М., 1981. С. 229–249; *Реформатская Н.* Из восп. студенч. лет (1919–1924) // Вопр. лит. 1982. № 4. С. 109–110; *Шапир М. И.* Мат-лы по истории лингв. поэтики в России (конец 1910-х – нач. 1920-х гг.) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1991. Т. 50. № 1. С. 43–57; Протокол заседания МЛК 26 февр. 1923 г. / Публ., подгот. текста и примеч. *М. И. Шапира* // Philologica. 1994. Т. 1. №. 1/2. С. 191–203; *Якобсон Р. О.* МЛК / Подгот. текста, публ., вступ. заметка и примеч. М. И. Шапира // Philologica. 1996. Т. 3. № 5/7. С. 361–380; *Якобсон Р. О., Винокур Г. О.* Переписка / Публ. С. Гиндина и Е. Ивановой // Новое лит. обозр. 1996. № 21. С. 73–74 и др.; *Баранкова Г. С.* Мат-лы МЛК в Ин-те рус. языка им. В. В. Виноградова РАН // Археограф. ежегодник за 1997 г. М., 1997. С. 309–318; *Касаткин Л. Л.* МЛК // Рус. язык: Энц. М., 1997. С. 252–253; *Шапир М. И.* МЛК // Лит. энц. терминов и понятий. М., 2003. С. 591–594.

МОСКОВСКИЙ ТОВАРИЩЕСКИЙ КРУЖОК ПИСАТЕЛЕЙ ИЗ НАРОДА – объединение писателей-самоучек в 1902–1905 гг. в Москве. Своими корнями кружок восходит к группе поэтов-самоучек (А. Я. Бакулин, С. Я. Дерунов, Д. Е. Жаров, М. А. Козырев, А. Е. Разоренов, И. Д. Родионов и др.), объединившихся в начале 1870-х гг. вокруг И. З. Сурикова и подготовивших сборник «Рассвет» (М., 1872). После кончины Сурикова в 1880 г. «старые» суриковцы – Дерунов, Козырев, Разоренов, а также И. С. Ивин – участвуют в собраниях и издательских начинаниях группы поэтов-самоучек, образовавшейся в 1886–1887 гг. вокруг М. Л. Леонова; среди участников – И. А. Белоусов, И. М. Вдовин, С. Д. Дрожжин, П. Е. Зайцев, М. Е. Захаров, И. И. Зачесов, И. И. Зернов, С. В. Лютов, В. Е. Миляев, Е. Е. Нечаев, М. И. Ожегов, И. В. Репин, М. К. Савин, А. И. Слюзов, П. А. Травин, Ф. С. Шкулев, И. М. Юрцев и др. По словам Травина, «с конца 80-х годов, в течение около десяти лет, кружковая жизнь писателей-самоучек развивается непрерывно» (*Травин.* С. 271). Встречи проходили в трактире отца Зернова (*Белоусов.* С. 8). Ивин, посетивший «три-четыре раза» эти собрания, сообщал, что «беседа <...> сосредоточивалась в это время преимущественно на литературных сборниках, издававшихся в разное время в память покойных писателей-самоучек А. Разоренова и И. Д. Родионова» (*Ивин*).

Начиная с 1889 г. участники кружка издали на товарищеских началах ряд альманахов с собственными произведениями (все в Москве): «Родные звуки» (Вып. 1 – 1889; Вып. 2 – 1891), «Блестки» (1890), «Искры» (1890), «Звезды» (1891), «Метеор» (1891), «Наша хата» (1891), «Первый луч» (Вып. 1 – 1892; Вып. 2 – 1893), «Родная нива» (1893), «На доброе дело» (1894), «Думы» (1895) и «Нужды» (1896 – сборник памяти И. Д. Родионова; вышел под маркой «Кружок самоучек писателей»). После 1897 г. «собрания кружка постепенно превратились в попойки и распались» (*Травин.* С. 271).

Травин, по собственному указанию, «в конце 1901 года <...> стал собирать кружок снова» (*Там же*); 16 апреля 1902 г. он был избран председателем, а Шкулев – казначеем получившего официальный статус объединения. В числе учредителей были также М. Е. Захаров, Е. Е. Нечаев и М. К. Савин (см.: Доля бедняка. 1911. № 1). В 1902–1905 гг. к кружку присоединились С. Ф. Аниканов, С. Ф. Бобриков, Д. П. Варлыгин, Н. И. Волков, П. Г. Горохов, П. Я. Заволокин, Е. К. Кузьмичев, Н. А. Лазарев-Темный, М. А. Логинов-Тихоплесец, И. И. Морозов, Я. И. Морозов-Мащеровский, И. А. Назаров, Н. Д. Никаноров-Каринский, С. М. Попов, Г. П. Попов-Завражный, М. В. Праскунин, С. С. Степанов, П. П. Филимонов, С. Д. Фомин, М. А. Цыганов и др.

Члены Московского товарищеского кружка писателей из народа. Слева направо: Е.Е. Нечаев, М.Л. Леонов, Ф.С. Шкулев, С.Д. Дрожжин. 1903 г.

«Собрания кружка происходили еженедельно, по праздникам, в квартирах членов кружка по очереди» (*Там же*); первоначально заседания носили открытый характер – иногда собирались 10–15 членов и до 50 гостей. В конце 1902 г. был разработан устав кружка. Весной 1903 г. после возникшего в кружке раскола Травин сложил с себя звание председателя (*Клейнборт*); некоторых чле-

нов кружка, по собственному предположению, не устраивало, что его «занимали больше собрания, чем издания» (*Травин.* С. 271); в мае 1903 г. новым председателем был избран Леонов.

Устав зарегистрированного официально кружка был утвержден 10 марта 1904 г.; в нем значилось, что кружок «имеет целью издание с надлежащего разрешения и с соблюдением действующих на сей предмет правил произведений действительных членов кружка и развитие эстетического, художественного чувства и литературной техники среди них» (Устав. С. 1). Как сообщал Травин, после утверждения устава характер кружка изменился: «С мая месяца собрания кружка происходят в чайной лавке и носят исключительно деловой характер. Посторонним лицам, по постановлению общего собрания, вход на собрания воспрещен...» (*Травин.* С. 272).

В 1902–1905 гг. кружок выпустил ряд литературных сборников: «Малое великим» (1902), «Молодые всходы» (1903), «Памяти Н. А. Некрасова» (1903), «В поисках света» (1904), «К заветной цели» (1904), «Народные досуги» (1905).

Кружок распался в начале 1905 г.; причиной являлось, возможно, размежевание в вопросе об отношении к сложившейся в стране революционной обстановке и раскол на «левое» и на «мелкобуржуазное» крыло (*Золотницкий.* С. 759–760). В мае 1905 г. кружок реорганизовался в ⇨ Суриковский литературно-музыкальный кружок; параллельно возникли недолговечные кружки писателей-самоучек ⇨ «Народный кружок» и ⇨ «Обновленный народ».

Лит.: Устав Моск. товарищеского кружка писателей из народа. М., 1904; *Травин П. А.* Кружок писателей-самоучек в Москве: (Письмо в ред.) // Вестн. знания. 1904. № 4. С. 270–272; [Групповой фотопортрет учредителей кружка] // Доля бедняка: Народная газета. 1911. № 1 (10); *Клейнборт Л. М.* Очерки нар. лит. (1880–1923 гг.). Л., 1924. С. 31; *Белоусов И. А.* Лит. Москва (Восп. 1880–1928). Писатели из народа. Писатели-народники. М., 1929; *Золотницкий Д. И.* Дрожжин и поэты деревни // История рус. лит. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 755–763; *Голубева О. Д.* Из истории изданий рус. альм. нач. XX в. // Книга: Исслед. и мат-лы. М., 1960. Сб. 3. С. 327–334; *Ивин И. С.* Автобиогр. // Лубочная книга / Сост. А. И. Рейтблат. М., 1990. С. 385; РП. 1994. Т. 3. С. 322.

«**МОСКОВСКОГО ЛИСТКА» КРУЖОК** – кружок сотрудников низовой газеты «Московский листок» (М., 1881–1918), сложившийся вокруг издателя-редактора Н. И. Пастухова; существовал в 1880–1900-е гг. в Москве. В его состав входили А. М. Герсон, М. А. Козырев, И. К. Кондратьев, А. М. Пазухин, В. А. Риваль, С. Ф. Рыскин и др.

Лит.: *Горемыка М. [Леонов М. Л.].* Н. М. Пастухов: [Некролог] // Северное утро. 1911. 30 июля. № 35; РП. 1999. Т. 4. С. 550–551.

МОСКОВСКОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО (официальное название: Психологическое общество при Императорском Московском университете) – существовало в 1885–1922 гг. Инициатором и первым председателем (1885–1887) был М. М. Троицкий. На этом посту его затем сменили Н. Я. Грот (1887–1899), Л. М. Лопатин (1899–1920) и И. А. Ильин (1920–1922). С 1889 г. при участии Общества издавался под редакцией Н. Я. Грота журнал «Вопросы философии и психологии» (1889–1918. Кн. 1–142); в журнале регулярно публиковались протоколы заседаний, тезисы докладов и списки членов Общества. К 1893 г. в Обществе насчитывался 191 член, к 1904 г. – 215 членов, к 1912 г. – 214 членов (Вопр. философии и психологии. 1893. Кн. 17. С. 124–129; 1904. Кн. 72. С. 273–279; 1912. Кн. 112. С. 364–370). Общество объединяло практически всех тогдашних русских философов и психологов; в его состав входили многие видные ученые других отраслей – историки, естественники, богословы, историки литературы, а также писатели. Среди членов были Ю. И. Айхенвальд, Н. А. Бердяев, П. Д. Боборыкин, Н. В. Бугаев, С. Н. Булгаков, Александр И. Введенский, Алексей И. Введенский, В. И. Вернадский, Алексей Н. Веселовский, В. А. Гольцев, Н. В. Давыдов, Е. В. Де-Роберти, К. Ф. Жаков, Н. И. Кареев, В. О. Ключевский, А. Ф. Кони, С. С. Корсаков, С. А. Котляревский, В. В. Лесевич, В. Ф. Миллер, П. Н. Ми-

люков, Р. Р. Минцлов, М. К. Морозова, Вл. И. Немирович-Данченко, Л. Е. Оболенский, Г. А. Рачинский, М. Н. Розанов, В. Ф. Саводник, Вл. С. Соловьев, Н. И. Стороженко, Н. Н. Страхов, П. Б. Струве, К. А. Тимирязев, Н. И. Тимковский, гр. Л. Н. Толстой, кн. Е. Н. Трубецкой, кн. С. Н. Трубецкой, Г. Г. Шпет, А. И. Эртель, Б. В. Яковенко.

Лит.: *Виноградов Н. Д.* Краткий ист. очерк деятельности Московского психологического общества за 25 лет // Вопросы философии и психологии. 1910. Кн. 103. С. 249–262; *Половинкин С. М.* Московское психологическое общество // Рус. философия: Словарь / Под общ. ред. М. А. Маслина. М., 1995. С. 305–306.

МОШИНА ВТОРНИКИ – проходили в 1907 г. в Петербурге. У А. Н. Мошина бывали А. Д. Вяльцева, В. Е. Маковский, К. Е. Маковский, Вас. И. Немирович-Данченко, Н. Б. Нордман-Северова, И. Е. Репин, Ф. И. Шаляпин, Т. Л. Щепкина-Куперник и др.

Лит.: РП. 1999. Т. 4. С. 143.

«**МУСАГЕТА**» **ВЕЧЕРА** – литературные собрания, проходившие в начале 1910-х гг. в редакции издательства ⇨ Символистов «Мусагет» (М., 1910–1917) в Москве (Пречистенский бульвар, д. 31, кв. 9). На вечерах бывали сотрудники и приближенные ("мусагетская молодежь") организованного Э. К. Метнером издательства. Ф. А. Степун вспоминал: «Кроме почти ежедневных сборищ основного ядра сотрудников, в "Мусагете" устраивались и открытые вечера, на которые собиралось человек до пятидесяти, а может быть, и больше. "Сквозною темою" всех этих вечеров был "кризис культуры"» (*Степун.* С. 211). На собраниях читались и обсуждались произведения участников, рефераты на литературные и философские темы.

Среди посетителей были В. Ф. Ахрамович, А. Белый, С. П. Бобров, В. В. Бородаевский, В. Я. Брюсов, М. О. Гершензон, Б. А. Грифцов, С. Н. Дурылин, Вяч. И. Иванов, Н. П. Киселев, А. М. Кожебаткин, Э. К. Метнер, П. П. Муратов, В. О. Нилендер, А. С. Петровский, Г. А. Рачинский, М. В. Сабашникова (Волошина), Б. А. Садовской, М. И. Сизов, С. М. Соловьев, Ф. А. Степун, Л. Н. Столица, В. Ф. Ходасевич, М. И. Цветаева, М. С. Шагинян, Эллис, а также участники различных кружков, образовавшихся вокруг «Мусагета» (⇨ «Молодой Мусагет»; ⇨ Ритмический кружок; Философский кружок ⇨ «Мусагета»).

Руководители «Мусагета» сознательно не ограничивались издательской деятельностью, претендуя на роль идеологического центра. Белый писал Метнеру 1–2 октября 1910 г.: «фактически уже "Мусагет" – клуб, где бывают философы, художники и т.д., то есть место завязывания новых идейных узлов, общений, планов и т.д.» (цит.: *Толстых.* С. 120). Схожее мнение о значении издательства для круга московских модернистов высказал Метнер в письме к Белому от 26 июня 1911 г.: «Мусагет показал, что он не только книгоиздательство, но и общественная единица, хотя и очень небольшая» (цит.: *Там же.* С. 122).

Лит.: *Толстых Г. А.* Изд-во «Мусагет» // Книга: Исслед. и мат-лы. М., 1988. Сб. 56. С. 120–124; *Пастернак Б. Л.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1991. Т. 4. С. 319; *Бобров С. П.* Письма к Андрею Белому 1909–1912 / Вступ. ст., публ. и коммент. К. Ю. Постоутенко // Лица. М.; СПб., 1992. Вып. 1. С. 158–159, 163; *Степун Ф. А.* Бывшее и несбывшееся. СПб., 1995. С. 208–215.

«**МУСАГЕТА**» **ФИЛОСОФСКИЙ КРУЖОК** – один из кружков литературной молодежи, образовавшихся вокруг московского издательства «Мусагет» в начале 1910-х гг. (также ⇨ «Молодой Мусагет»; Вечера ⇨ «Мусагета»; ⇨ Ритмический кружок). Философский кружок при «Мусагете» возник «к осени 1910 года» (*Белый, 1990*). Его руководителем был Ф. А. Степун: «Когда "студийная" молодежь "Мусагета" разбилась на группы для изучения вопросов культуры, я взял на себя руководство секцией по вопросам эстетики» (*Степун*). Сведения о деятельности и участниках кружка скудны. А. Белым в числе участников назван Б. Л. Пастернак (*Белый, 1990*); в письме Белого к А. А. Блоку от конца октября 1910 г. упоминается в числе «маленьких курсов» издательства «семинарий

по эстетике Канта (с рефератами и обсуждениями)» (*Блок, Белый*). Степун упоминает в связи с кружком имя Б. В. Яковенко.

Лит.: *Блок А. А., Белый А.* Переписка. М., 1940. С. 240; *Степун Ф. А.* Бывшее и несбывшееся. СПб., 1995. С. 219; *Белый А.* Между двух революций. М., 1990. С. 342; *Пастернак Б. Л.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1991. Т. 4. С. 319; *Белый А.* Собр. соч.: Восп. о Блоке. М., 1995. С. 371.

МУСИНОЙ-ОЗАРОВСКОЙ САЛОН – литературно-художественный салон, существовавший в 1900-е гг. в доме Д. М. Мусиной-Озаровской и Ю. Э. Озаровского в Петербурге. А. Л. Волынский вспоминал: «Я любил бывать и особенно часто бывал в этом последнем доме. Хозяйка его – не то музыкантша, не то драматическая актриса, женщина с чутким ухом для литературного слова – устраивала у себя от времени до времени шикарные и многолюдные чаепития. <...> За столом у Озаровских иногда разгорались преволнительные дебаты, в которых принимали участие большие известности тогдашнего литературно-театрального мира» (*Волынский*. С. 265–266). Среди посетителей была И. Л. Рубинштейн.

Лит.: *Волынский А. Л.* Рус. женщины / Предисл., коммент., публ. А. Л. Евстигнеевой // Минувшее. М.; СПб., 1994. Вып. 17. С. 265–266, 270.

МЯКОТИНА ВОСКРЕСЕНЬЯ – проходили в первой половине 1890-х гг. в Петербурге у В. А. Мякотина. Н. М. Могилянский вспоминал: «На его “воскресеньях” или иных семейных праздниках я встречался с многими представителями литературного Петербурга: Н. К. Михайловским, С. Н. Южаковым, поэтом А. И. Иванчиным-Писаревым, А. Г. Горнфельдом и др.» (*Могилянский*. С. 97). В числе посетителей был также П. Н. Милюков.

Лит.: *Могилянский Н. М.* На рубеже столетий: (Из восп. о Пб. конца XIX и нач. XX в.) // Голос минувшего на чужой стороне. Париж, 1926. № 4 (XVII). С. 97, 107.

НАГРОДСКОЙ САЛОН – существовал в 1910-е гг. в Петербурге. Журфиксы («файфоклоки»; *Ивнев*) на квартире Е. А. Нагродской (Мойка, 91) проходили по четвергам после обеда. В числе посетителей в воспоминаниях Г. В. Иванова упоминаются Р. Ивнев, «менее известная писательница К.» (вероятно, Т. Г. Краснопольская-Шенфельд; см.: *Тименчик*), М. А. Кузмин (живший в 1913–1914 гг. в доме хозяйки салона), его секретарь «Агашка» (М. Г. Сазонов) и Ю. И. Юркун. Бывали также Г. В. Адамович, С. А. Ауслендер, М. И. Семенов. «Часов с трех дня на Мойке начинался съезд. К пяти “салон гудел веселым ульем”» (*Иванов*. С. 333). В воспоминаниях Ивнева отмечена «разношерстная публика в этом салоне, который с большой натяжкой можно было бы назвать литературным, ибо, кроме Кузмина, в нем не присутствовал ни один ст ящий писатель» (*Ивнев*).

М.А. Кузмин и Е.А. Нагродская. Середина 1910-х гг.

Лит.: *Ивнев Р.* Встречи с М. А. Кузминым // Звезда. 1982. № 5. С. 161; *Иванов Г. В.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 102–103, 332–334; *Тименчик Р. Д.* Георгий Иванов как объект и субъект

// Новое лит. обозр. 1995. № 16. С. 342; *Кузмин М. А.* Дневник 1934 года / Под ред., со вступ. ст. и примеч. Г. Морева. СПб., 1998. С. 254, 290; РП. 1999. Т. 4. С. 203–204; *Keller U., Sharandak N.* Abende nicht von dieser Welt. St. Petersburger Salondamen und Künstlerinnen des Silbernen Zeitalters. Berlin, 2003. S. 146–161.

«**НАРОДНЫЙ КРУЖОК**» – литературно-издательское объединение писателей-самоучек, организованное П. А. Травиным весной 1905 г. в Москве. Кружок был создан после распада ⇨ Кружка писателей из народа; в факте его возникновения одновременно с ⇨ Суриковским литературно-музыкальным кружком отражаются, возможно, разногласия в среде писателей-самоучек в оценке революционных событий 1905 г. Знаменательно, что в изданиях кружка отсутствуют наиболее «левые» суриковцы М. Л. Леонов, Е. Е. Нечаев, Ф. С. Шкулев.

Под маркой «Народный кружок» вышло три литературных сборника: «Утро», «Волны» и «Прибой» (все: М., 1905); о цензурных препятствиях к изданию готовившегося четвертого («Огни») рассказано в воспоминаниях И. А. Белоусова (*Белоусов*). Среди участников сборников – Е. А. Бахарев, Н. И. Волков, И. М. Дрожжин, С. Е. Завражнов, Н. А. Клюев, М. А. Логинов-Тихоплесец, С. С. Степанов, П. А. Травин и др.; год спустя часть их вошла в состав авторов альманаха кружка ⇨ «Обновленный народ». В январе 1906 г. при обыске у Клюева были отобраны материалы, связанные с деятельностью кружка, в том числе письмо председателя к Клюеву от 17 июня 1905 г. (*Азадовский*).

Лит.: *Клейнборт Л. М.* Очерки народной лит. (1880–1923 гг.). Л., 1924. С. 31; *Белоусов И. А.* Лит. Москва: (Восп. 1880–1928). Писатели из народа. Писатели-народники. М., 1929. С. 121–124; *Золотницкий Д. И.* Дрожжин и поэты деревни // История рус. лит. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 760; *Голубева О. Д.* Из истории изданий рус. альм. нач. XX в. // Книга: Исслед. и мат-лы. М., 1960. Сб. 3. С. 329–330; *Грунтов А.* Первые публ. стихов Н. А. Клюева // Север. 1967. № 1. С. 155–157; *Азадовский К. М.* Раннее творчество Н. А. Клюева: (Новые мат-лы) // Рус. лит. 1975. № 3. С. 193.

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО при историко-филологическом факультете Петербургского университета – студенческий литературно-научный кружок, учрежденный в 1894 г. по инициативе Арс. И. Введенского и С. Ф. Платонова под названием «**БЕСЕДЫ СТУДЕНТОВ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА**»; в 1902 г. преобразован в Научно-литературное общество. В 1906 г. Общество еще существовало.

В 1900-е гг. объединением руководил профессор А. С. Лаппо-Данилевский; в числе участников были А. А. Блок, В. Е. Евгеньев-Максимов, А. М. Евлахов, Иванов-Разумник, В. А. Пяст, Л. Д. Семенов, А. Л. Слонимский, П. Б. Шаскольский, Н. Н. Шульговский. 30 октября 1901 г. в кружке выступил Иванов-Разумник с докладом «О “декадентстве” в современном русском искусстве»; в числе присутствующих был Блок (*Иезуитова, Скворцова.* С. 66). Общество упоминается в воспоминаниях Пяста, посетившего и описавшего собрание Общества в ноябре 1904 г.

О большом значении «Бесед» для участвующих студентов говорится в письме Иванова-Разумника к Лаппо-Данилевскому от 22 декабря 1903 г: «Эти беседы дали мне (да и, вероятно, не одному мне) наиболее светлые и неизгладимые впечатления; когда я вспоминаю их, мне чувствуется “дыхание жизни” на общем довольно сером фоне обычной университетской жизни» (*Щетинина*).

К кружку «тяготела прогрессивно настроенная часть студенчества» (*Иванова.* С. 199); в этом отношении Научно-литературное общество противостояло существовавшему одновременно, тяготевшему к консерватизму студенческому ⇨ Кружку Никольского.

Научно-литературное общество не следует путать с существовавшим в 1882–1887 гг. в Петербурге студенческим Научно-литературным обществом (см.: *Бороздин А. К.* Студ. Научно-литературное общество при С.-Петерб. ун-те // Ист. вестн. 1900. Т. 79. № 1.

С. 302–312; *Ольденбург Е. Г.* Студ. Научно-литературное общество при С.-Петерб. ун-те // Вестн. Ленингр. гос. ун-та. 1947. № 2. С. 145–155; *Горфункель и др.* С. 83).

Лит.: *Евгеньев-Максимов В.* Из прошлых лет // Звезда. 1941. № 4. С. 164; Мат-лы по истории Ленингр. ун-та 1819–1917. Обзор архивных документов / Сост. А. Х. Горфункель, Л. А. Никулина, С. Н. Семанов. Л., 1961. С. 56–57; ЛН. 1981. Т. 92, кн. 2. С. 367; *Иезуитова Л. А., Скворцова Н. В.* Александр Блок в Петерб. ун-те // Очерки по истории Ленингр. ун-та. Л., 1982. [Вып.] 4. С. 66, 85–86; *Иванова Е. В.* Блок в Кружке изящной словесности Б. В. Никольского // Александр Блок: Исслед. и мат-лы. Л., 1991. С. 199, 204, 205; *Щетинина Г. И.* Идейная жизнь рус. интеллигенции: конец XIX – нач. XX в. М., 1995. С. 180; *Пяст В.* Встречи. М., 1997. С. 25–26; *Иванов-Разумник.* Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки / Вступ. ст., сост. В. Г. Белоуса. М., 2000. С. 107, 462.

НЕОФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО при Императорском Санкт-Петербургском университете – научно-литературное объединение, существовавшее с 1885 по 1910-е гг. В середине 1890-х гг. Общество возглавляли видные русские филологи Ал-др Н. Веселовский (предс.), А. Н. Пыпин (тов. предс.), Ф. Д. Батюшков (секр.), Р. О. Ланге (казн.), Ф. А. Браун, Л. Н. Майков. «К 1 января 1898 г. Общество имело 4 почетных и 137 действительных членов» (Весь Петербург на 1899 г. С. 749). В его состав входили ученые-филологи и писатели, в том числе Е. В. Аничков, И. Ф. Анненский, С. М. Боткин, П. И. Вейнберг, А. А. Гвоздев, И. И. Гливенко, В. М. Жирмунский, Ф. Ф. Зелинский, Вяч. И. Иванов, П. С. Коган, Б. А. Кржевский, И. И. Лапшин, Л. А. Левина, А. Я. Левинсон, В. В. Лесевич, Д. С. Мережковский, К. В. Мочульский, Д. К. Петров, Н. К. Пиксанов, В. А. Пяст, Э. Л. Радлов, Б. П. Сильверсван, В. В. Сиповский, С. В. Соловьев, А. А. Чебышев (казн.), И. А. Шляпкин, Б. М. Эйхенбаум.

Общество служило «своего рода центром теоретических исследований в области сравнительного литературоведения; отличительной чертой его был академизм» (*Коренева.* С. 341). Там устраивались и обсуждались доклады на научные и литературные темы. Батюшков и Шляпкин оставили воспоминания о чтении в Обществе В. М. Гаршиным своего «Сказания о гордом Аггее» 3 апреля 1886 г. В письмах Анненского к Алдру Веселовскому конца 1904 г. освещены обстоятельства выступления Анненского в Обществе с докладом о К. Д. Бальмонте 15 ноября 1904 г. (*Лавров*). В воспоминаниях А. И. Дейча описано заседание 11 марта 1912 г. в день 25-летия литературной деятельности Бальмонта, на котором выступили Ф. А. Браун, Ф. Д. Батюшков, Е. В. Аничков, Вяч. Иванов и Н. Н. Ходотов.

Объединение издавало «Записки Романо-германского отделения Филологического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете» (1888. Вып. 1), переименованные позднее в «Записки Неофилологического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете» (1892–1915. Вып. 2–8).

В начале 1918 г. Общество еще существовало, как следует из письма Эйхенбаума к Жирмунскому от 12 (27) февраля 1918 г. (*Эйхенбаум, Жирмунский.* С. 299).

Лит.: *М. К. [Кудряшев М. И.].* В Неофилол. об-ве // Новости. 1893. 9 марта; Ист. вестн. 1896. № 3. С. 1045; *Петров Д. К.* Двадцать пять лет жизни Неофилол. об-ва. 1885–1910 // Зап. Неофилол. об-ва при Имп. С.-Петерб. ун-те. 1910. Вып. 4; *Перцов П. П.* Лит. восп. 1890–1902 гг. М.; Л., 1933. С. 220–221; *Гаршин В. М.* Полн. собр. соч.: В 3 т. М.; Л., 1934. Т. 3. Письма. С. 369, 514–515; *Дейч А. И.* День нынешний и день минувший: Лит. впечатления и встречи. М., 1969. С. 295–299; *Батюшков Ф. Д.* Памяти Гаршина // Современники о В. М. Гаршине. Саратов, 1977. С. 165–168; *Шляпкин И. А.* Памяти В. А. Гаршина // Там же. С. 165–169; *Лавров А. В.* И. Ф. Анненский в переписке с Александром Веселовским // Рус. лит. 1978. № 1. С. 176–180; Переписка Б. М. Эйхенбаума и В. М. Жирмунского / Публ. Н. А. Жирмунской и О. Б. Эйхенбаум // Тыняновский сборник. Третьи Тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 282, 290, 299 и др.; Из писем к Веселовскому: Д. С. Мережковский / Публ. М. Ю. Кореневой // Наследие Александра Веселовского. Исслед. и мат-лы. СПб., 1992. С. 341–346; Письма К. В. Мочульского к В. М. Жирмунскому / Вступ. ст., публ. и примеч. А. В. Лаврова // Новое лит. обозр. 1999. № 35. С. 123, 142–152, 155, 160.

НИКОЛАЕВСКОГО ИНЖЕНЕРНОГО УЧИЛИЩА ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУЖОК – существовал около 1907–1909 гг. в Петербурге. Опубликованы два сборника с произведениями участников кружка (СПб., 1907. Вып. 1; 1909. Вып. 2). Среди авторов – Ф. А. Витберг, Б. В. Жиркович и др.

Лит.: *Голубева О. Д.* Лит.-худож. альм. и сб-ки: 1900–1911 гг. М., 1957. № 236, 384.

НИКОЛЬСКОГО КРУЖОК – возник осенью 1901 г. в Петербурге в связи с проектом стихотворного сборника студентов-литераторов. Подбор стихов и редактирование сборника студенты поручили Б. В. Никольскому, приват-доценту по кафедре русской словесности историко-филологического факультета Петербургского университета, выступившему в качестве поэта с книгой «Сборник стихотворений» (СПб., 1899). Никольский записал в дневнике 24 сентября 1901 г.: «В университете [С. В. фон] Штейн просил меня принять редакцию сборника студенческих стихотворений» (*Беззубов, Исаков.* С. 328).

Начинающие литераторы, желавшие участвовать в сборнике, встречались на квартире Никольского: «...его гостеприимный кабинет на Екатерингофском проспекте по средам видел почти всю студенческую пишущую братию» (*Штейн.* С. 188); судя по дневниковым записям Никольского, вечера кружка проходили чаще всего по вторникам. В конце 1901 г. в контакт с кружком вступил А. А. Блок; в письме к Никольскому от 1 ноября 1901 г. он предложил двенадцать своих стихотворений для сборника (*Беззубов, Исаков.* С. 331). Никольский записал 10 февраля 1902 г., что «отобрал кое-что из убогого полудекадента Блока» (*Там же.* С. 329); в письме от 6 марта 1902 г. Блок послал Никольскому три отредактированных стихотворения для сборника (*Там же.* С. 331).

Книга, подготовленная к печати к весне 1902 г., вышла лишь ранней весной следующего года под заглавием «Литературно-художественный сборник» (СПб., 1903). Художественную часть альманаха редактировал И. Е. Репин. Наряду с многочисленными студентами, не оставившими впоследствии заметного следа в литературе, в сборнике участвовали А. А. Блок, Л. П. Карсавин, А. А. Кондратьев, В. И. Кривич (Анненский), В. Л. Поляков, Л. Д. Семенов, Д. Н. Фридберг, С. В. фон Штейн.

На основе домашнего кружка Никольского в конце 1903 г. возник университетский студенческий ⇨ Кружок изящной словесности.

Лит.: *Княжнин В. Н.* Александр Александрович Блок. Пб., 1922. С. 60–62; *Беззубов В. И., Исаков С. Г.* Блок – участник студ. сб-ка // Блоковский сб. Тарту, 1972. Вып. 2. С. 325–331; *Штейн С. В.* Восп. об Александре Александровиче Блоке // Александр Блок в восп. совр.: В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 188–189; ЛН. 1981. Т. 92, кн. 2. С. 178; *Иезуитова Л. А., Скворцова Н. В.* Александр Блок в Петерб. ун-те // Очерки по истории Ленингр. ун-та. Л., 1982. [Вып.] 4. С. 66–68, 72–73, 75; *Иванова Е. В.* Блок в Кружке изящной словесности Б. В. Никольского // Александр Блок: Исслед. и мат-лы. Л., 1991. С. 198–212; *Баевский В.* Леонид Семенов – жизнестроитель и поэт // Вопр. лит. 1994. Вып. 5. С. 182–183; *Пяст В.* Встречи. М., 1997. С. 24; РП. 1999. Т. 4. С. 321–322.

НИКОЛЬСКОГО СРЕДЫ – литературный кружок Б. В. Никольского, существовавший в 1893–1894 гг. в Петербурге. Постоянными посетителями встреч у Никольского были бар. Н. В. Дризен, бар. А. Ф. Мейендорф, Г. В. Чичерин. Как вспоминал Дризен, кружок Никольского сыграл «огромную цивилизующую роль»; «пока Никольский был студентом и в меблированной комнате “Палэ Рояль” устраивал свои “среды”, на свете жилось много легче, и мы в один вечер уносили с собой такой запас энергии, какого с избытком могло хватить на целый месяц» (*Дризен*).

Лит.: *Дризен Н. В.* Старый Петербург: Лит. кружки // Возрождение. Париж, 1935. 15 февр. С. 5; РП. 1999. Т. 4. С. 321.

«НОВОГО ЖУРНАЛА ДЛЯ ВСЕХ» КРУЖОК – литературные «среды» при редакции «Нового журнала для всех», устраивавшиеся в 1915–1916 гг. в Петрограде. Еженедельные встречи проходили в помещении редакции (Эртелев пер.) под руководством

возглавлявшей журнал в 1914–1916 гг. А. К. Боане. На собраниях кружка «можно было встретить представителей всех школ и течений» (*Оксенов, 1931*); среди участников были Г. В. Адамович, О. М. Брик, Н. Венгров, Г. В. Иванов, Р. Ивнев, М. А. Кузмин, В. В. Курдюмов, М. Е. Левберг, О. Э. Мандельштам, В. В. Маяковский, А. А. Мгебров, М. Л. Моравская, Е. Г. Низен, И. А. Оксенов, В. В. Чекан и др. Как вспоминал Оксенов, «главным сокровищем редакции была большая скатерть из простого холста, на которой сотрудники журнала и гости оставляли свои подписи. Эти подписи затем вышивались разноцветным шелком. Здесь пестрели имена почти всех тогдашних поэтов и многих прозаиков» (*Оксенов, 1940.* С. 18). В воспоминаниях Оксенова описано выступление Маяковского в кружке в ноябре 1915 г. с чтением «Облака в штанах» (*Там же.* С. 19–21).

«Это был своего рода “литературный университет”: в 1915–16 гг. эта редакция была одним из самых живых петербургских кружков» (*Оксенов, 1922*).

«Новый журнал для всех».
Обложка

Лит.: *Оксенов И. А.* [Писатели – о себе] // Новая рус. книга. Берлин, 1922. № 10. С. 41; *Оксенов И. А.* Маяковский в дореволюционной лит. // Ленинград. 1931. № 4. С. 96; *Оксенов И. А.* Маяковский среди поэтов 1915 г. // Маяковскому: Сб. восп. и статей. Л., 1940. С. 17–21; РП. 1989. Т. 1. С. 286.

«**НОВОГО СЛОВА**» **КРУЖОК** – еженедельные совещания в редакции научно-литературного и политического журнала «Новое слово» (СПб., 1894–1897). До весны 1897 г. журнал был органом либеральных народников, затем (до его закрытия в декабре 1897 г.) – «легальных марксистов». В собраниях редакции народнического периода участвовали все постоянные сотрудники журнала, в том числе В. П. Воронов, П. В. Засодимский, С. Н. Кривенко, Е. Д. Максимов, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Вас. И. Немирович-Данченко, Л. Е. Оболенский, О. Н. Попова (издатель), В. А. Поссе, Н. О. Пружанский, Н. А. Рубакин, А. М. Скабичевский (ред.), А. А. Слепцов (ред.), В. А. Тимирязев, В. Г. Яроцкий.

Лит.: *Поссе В. А.* Мой жизненный путь. М.; Л., 1929. С. 114–115; Рус. период. печать (1702–1894): Справочник. М., 1959. С. 739–740.

НОВОСЕЛОВА ЧЕТВЕРГИ (САМАРИНСКИЙ КРУЖОК) – религиозно-философский кружок «консервативной тенденции» (*Зернов.* С. 121), существовавший в 1905–1906 гг. в Москве. В его состав входили Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Н. Дурылин, Н. Ф. Езерский, Вл. А. Кожевников, П. Б. Мансуров, Ф. Д. Самарин, епископ Феодор (Поздеевский), П. А. Флоренский. Бердяев, посетивший несколько раз собрания кружка, но вскоре почуявший там дух «обскурантизма», вспоминал: «М. [А.] Новоселов был центральной фигурой, и у него на квартире, которая производила впечатление монастырского общежития, происходили собрания, читались доклады и велись споры» (*Бердяев.* С. 186). Участники кружка «были убеждены, что истинный голос русского христианина исходит не из официальных церковных кругов, но из учения стар-

цев, сохранивших нетронутым его подлинный дух» (*Зернов.* С. 121). На основе кружка Новоселова в 1907 г. возник ⇨ Кружок ищущих христианского просвещения.

Лит.: *Scherrer J.* Die Petersburger relig ös-philosophischen Vereinigungen. Berlin, 1973. S. 206; *Зернов Н. М.* Рус. религ. возрождение XX в. Париж, 1974. С. 121–122; *Бердяев Н. А.* Самопознание. М., 1991. С. 185–187; РП. 1992. Т. 2. С. 587; *Половинкин С. М.* Путь к храму // Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество. М., 1992. С. 27; Письма М. А. Новоселова к Л. Н. Толстому / Публ. Е. С. Полищука // Минувшее. М.; СПб., 1994. Вып. 15. С. 374; *Burchardi K.* Die Moskauer «Religiös-philosophische Vladimir-Solov'ev-Gesellschaft» (1905–1918). Wiesbaden, 1998. S. 129, 130; РП. 1999. Т. 4. С. 354.

НОВОСТИЙЦЕВ ОБЕДЫ – встречи сотрудников газеты «Новости и Биржевая газета» (СПб., 1880–1906), проходившие ежемесячно в начале 1890-х гг. в Петербурге. Бывали И. Ф. Василевский, П. А. Гайдебуров, И. Ф. Горбунов, В. П. Далматов, Г. П. Данилевский, С. В. Максимов, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Н. М. Минский, В. О. Михневич, В. Д. Спасович, Ф. Ф. Фидлер. Последний записал 9 января 1892 г. в дневнике со слов Минского: «...на позавчерашнем обеде новостийцев [auf dem vorgestrigen Diner der Nowostejzy] сильно пьяный Далматов колотил не менее нализавшегося Мамина-Сибиряка, в общей суматохе наносил вслепую удары во все стороны и кричал: “Это ужасно! Не вижу, кого бью, какой он национальности!”»; *Fiedler.* S. 117).

Лит.: Южно-русский альманах. Год 7. Одесса, 1902. С. 82; *Fiedler F.* Aus der Literatenwelt. Göttingen, 1996. S. 93, 117.

НОСОВОЙ САЛОН – существовал в 1910-е гг. в Москве. Е. П. Носова, состоятельная меценатка из семьи миллионеров Рябушинских, «собирала в своем доме самую утонченную группу эстетически крайне настроенных москвичей» (*Шервинский*). Особняк Е. П. и В. В. Носовых находился на углу Малой Семеновской и Введенской площади. Племянник хозяйки Ю. А. Бахрушин вспоминал: «Она была типичной представительницей меценатствующего московского капитализма. Окруженная поэтами-символистами и художниками-“мирискусниками”, она “рассудку вопреки, наперекор стихиям” превращала памятный мне по детству старый носовский дом на Введенской площади во дворец Козимо Медичи» (*Бахрушин.* С. 244).

Е.П. Носова.
Портрет работы
А.Я. Головина. 1914 г.

В числе посетителей были А. Я. Головин, М. В. Добужинский, М. А. Кузмин, К. А. Сомов, С. Ю. Судейкин, гр. А. Н. Толстой. С. И. Дымшиц-Толстая писала о доме Носовой: «Салон ее был известен тем, что “мирискусники” Сомов, Добужинский и другие расписывали в нем стены и потолки. И все же в этих стенах и под этими потолками не было радостной атмосферы искусства, а царила безвкусная купеческая “роскошь”» (*Дымшиц-Толстая*). У Носовой 23 февраля 1914 г. состоялась домашняя постановка пьесы М. А. Кузмина «Венецианские безумцы»; одним из зрителей спектакля был гр. А. Н. Толстой.

Лит.: *Дымшиц-Толстая С. И.* [А. Н. Толстой] // Восп. об А. Н. Толстом. М., 1973. С. 84; А. Н. Толстой: Мат-лы и исслед. М., 1985. С. 303, 330, 403, 413; *Бахрушин Ю. А.* Восп. М., 1994. С. 244–245, 525–526; *Полунина Н., Фролов А.* Коллекционеры старой Москвы. М., 1997. С. 248; *Шервинский С. В.* Стихотв. Восп. Томск, 1997. С. 98.

ОБЕДЫ БЕЛЛЕТРИСТОВ (другие названия: **АРЗАМАС**; **БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИЕ ОБЕДЫ**) – писательские беседы, проводившиеся с 12 января 1893 г. по 27 января 1901 г. в петербургских ресторанах «Малый Ярославец» и «Донон», как правило, в последнюю субботу месяца. Состоялось 53 встречи. Литературные обеды возникли по инициативе А. П. Чехова; в письме от 13 января 1893 г. он сообщал брату М. П. Чехову: «Обед выдумал я, и теперь беллетристы будут собираться обедать ежемесячно» (*Чехов, 1977.* С. 152). В. А. Тихонов вспоминал в 1896 г. о первой встрече: «Обед, т.е. еда, оказался прескверным, но прошел очень оживленно и весело» (ЛН. 1960. Т. 68. С. 497).

В первые годы во главе обедов стоял В. А. Тихонов; с 1895 г. организатором был С. Н. Сыромятников. К 1894 г. по отношению к обедам использовалось название «Арзамас» (см.: *Сигма*); согласно И. Н. Потапенко, к беллетристическим обедам «пришпилили <...> ничем не оправдываемое название “Арзамас”. Кличка, как нимало не подходящая и взятая напрокат, скоро сама собою отклеилась» (*Потапенко.* С. 246). В 1899 г. «Обеды беллетристов» были переименованы в «Беллетристические обеды» (*Чехов, 1987.* С. 517).

Среди участников были В. П. Авенариус, М. Н. Альбов, А. В. Амфитеатров, К. С. Баранцевич, кн. В. В. Барятинский, В. В. Билибин, В. П. Буренин, И. Ф. Василевский (Буква), В. Л. Величко, Н. Н. Вентцель, кн. М. Н. Волконский, Н. Г. Гарин-Михайловский, П. П. Гнедич, И. Ф. Горбунов, В. М. Грибовский, Д. В. Григорович, В. Л. Дедлов (Кигн), Н. М. Ежов, А. Е. Зарин, Н. Н. Каразин, Н. И. Кареев, А. А. Коринфский, П. А. Крушеван, Н. А. Лейкин, А. А. Луговой (Тихонов), С. В. Максимов, Д. Н. Мамин-Сибиряк, В. О. Михневич, Д. Л. Мордовцев, Вас. И. Немирович-Данченко, Н. И. Позняков, И. Н. Потапенко, П. А. Сергеенко, К. К. Случевский, К. К. Случевский-сын (Лейтенант С.), А. С. Суворин, С. Н. Сыромятников, С. Н. Терпигорев (Атава), В. А. Тихонов, кн. Э. Э. Ухтомский, Ф. Ф. Фидлер, А. Н. Чермный, Ф. В. Черниговец-Вишневский, А. П. Чехов, И. И. Ясинский.

С 18 марта 1895 г. по 27 января 1901 г. посетители обедов вели «Альбом обеденных благоглупостей российских беллетристов». Как явствует из записей в альбоме, «на обедах допускалось многое, вплоть до конфиденциальных “мужских” андекдотов, которые тоже записывались в альбом, но в этом случае все “неприличные места” стыдливо прикрывались “фиговыми листками”, на которых рукой Мордовцева предусмотрительно делалась кокетливая запись: “Что под сим – читать прекрасному полу не полагается”» (*Сапожков.* С. 268).

Как вспоминал Потапенко, «обеды погибли от взаимного равнодушия участников и – как это ни странно – отсутствия общих интересов» (*Потапенко.* С. 247). По предположению же современного исследователя, выродившиеся в «литературное хулиганство» «мужские» беседы участников привели к тому, что «желающих “поглупеть” с каждым обедом становилось все меньше» (*Сапожков.* С. 268). Обеды беллетристов возобновились в 1902 г. в виде ⇨ Фидлеровских обедов.

Литературные обеды разного типа проходили и до Обедов беллетристов; писатели встречались обычно в «Малом Ярославце» или «Медведе». Одну из причин популярности организационной формы литературных обедов П. П. Перцов усматривал в правительственных ограничениях общественной деятельности в 1890-е гг.; подобные мероприятия были «популярнейшей формой писательского общения, так как другие формы были сопряжены с затруднениями и опасностями» (*Перцов П. П.* Лит. восп. М.; Л., 1933. С. 72).

Лит.: Сигма [*Сыромятников С. Н.*] Два Арзамаса // Новое время. 1894. 20 февр. № 6459; *Тихонов В. А.* Антон Павлович Чехов // Мир Божий. 1905. № 8. С. 18–19; *Грибовский В. М.* Несколько встреч с А. С. Сувориным // Ист. вестн. 1912. № 10; *Зарин А. Е.* В. А. Тихонов (Некролог) // Ист. вестн. 1914. № 6. С. 1026–1027; *Ежов Н. М.* Алексей Сергеевич Суворин // Ист. вестн. 1915. № 1. С. 124–128; *Потапенко И. Н.* Несколько лет с А. П. Чеховым // Чехов в восп. совр. М., 1952. С. 246–247; ЛН. 1960. Т. 68. С. 497, 501; ЛН. 1977. Т. 87. С. 308; *Чехов А. П.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1977. Т. 5. С. 150, 152, 437–438; *Леденев А. В.* Писательские объединения в рус. демокр. лит. конца XIX – нач. XX в. // Из истории рус. реализма конца XIX – нач. XX в. М., 1986. С. 53–54; *Чехов А. П.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Соч.: В 18 т. М., 1987. Т. 16. С. 261, 515–518; *Кареев Н. И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 196, 255; *Суворин А. С.* Дневник. London; М., 1999. С. 356, 375; *Сапожков С. В.* «Пятницы» К. К. Случевского (по новым мат-лам) // Новое лит. обозр. 1996. № 18. С. 238, 268; *Fiedler F.* Aus der Literatenwelt. Göttingen, 1996. S. 19, 236; *Гнедич П. П.* Книга жизни: Восп. 1855–1918. М., 2000. С. 172–174.

«**ОБЕЗЬЯНЬЯ ВЕЛИКАЯ И ВОЛЬНАЯ ПАЛАТА**» (**ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ**) – фантастическое «тайное общество», придуманное А. М. Ремизовым, по собственному утверждению, «в 1908 году» (*Ремизов, 1923.* С. 38); иногда Ремизов датировал начало Обезвелволпала также 1907 г. (см.: *Кодрянская.* С. 44). Ремизов руководил своим «орденом» от имени обезьяньего царя Асыки Первого, персонажа его пьесы «Трагедия о Иуде принце искариотском» (написанной в 1908 г.; публ.: Золотое руно. 1909. № 11–12).

История Обезвелволпала, фрагментарно изложенная Ремизовым в книге «Кукха», возможно, такая же мистификация, как и сама палата; по Ремизову, первыми носителями «обезьяньих знаков» были кроме его маленькой племянницы Ф. Ф. Коммиссаржевский, А. П. Зонов и В. Г. Сахновский – участники спектакля «Трагедия о Иуде» (впервые поставленного, однако, лишь в октябре 1916 г.); концом лета 1915 г. датирован разговор Ремизова с В. В. Розановым о нескольких членах и некоторых особенностях Обезвелволпала (*Ремизов, 1923.* С. 39–40).

Сведения о деятельности общества между 1907 и 1915 гг. немногочисленны; с идеей Обезвелволпала связан, вероятно, использованный на одном из домашних маскарадов у Ф. К. Сологуба начала 1910-х гг. «костюм» Ремизова, «как-то ухитрившегося сквозь задний разрез пиджака помахивать обезьяньим хвостом» (*Эрберг К.* Восп. // ЕжегРОПД. 1977. Л., 1979. С. 141; ср.: *Рындина Л.* Ушедшее // Восп. о серебряном веке. М., 1993. С. 425–426; *Обатнина, 1993*); другой пример ранней деятельности «обезьяньей палаты» можно усмотреть в орденском звании М. А. Кузмина: «музыкант Обезвелволпала» – Кузмин написал «обезьяний марш» для ремизовской «Трагедии о Иуде» еще до издания пьесы в 1909 г. (см.: Золотое руно. 1909. № 11/12. С. 35).

Период революции и берлинской эмиграции Ремизова 1921–1923 гг. – время наибольшей активности Обезвелволпала. Ремизов сумел вовлечь в свою игру-мистификацию виднейших представителей русской культуры: в «обезьянью палату» принимались писатели, художники, музыканты, издатели, деятели культуры. Среди литераторов членами Обезвелволпала были А. А. Ахматова, Ю. К. Балтрушайтис, А. Белый, А. А. Блок, Ю. Н. Верховский, М. О. Гершензон, М. Горький, Н. С. Гумилев, Е. И. Замятин, Иванов-Разумник, Н. А. Клюев, М. А. Кузмин, М. К. Лемке, Н. А. Оцуп, Б. А. Пильняк, М. М. Пришвин, С. Э. Радлов, В. В. Розанов, И. С. Соколов-Микитов, К. А. Сюннерберг, гр. А. Н. Толстой, В. Ф. Ходасевич, Л. И. Шестов, В. Я. Шишков, В. Б. Шкловский, П. Е. Щеголев, И. Г. Эренбург и др.

Членам палаты Ремизов присваивал фантастические чины и звания: старейший князь, князь обезьяний, зауряд-князь, забеглый князь, староста, старейший кавалер, кавалер, служка, полпред и др.; существовали также индивидуальные звания (например, у Розанова – «великий фаллофор» (*Ремизов, 1923.* С. 39), у Замятина – епископ обезьянский Замутий). Себя самого Ремизов назначил канцеляриусом Обезвелволпала, в «обязанности» которого входило выдавать членам палаты собственноручно рисованные «обезьяньи грамоты» (стилизованные под древнерусскую скоропись каллиг-

рафические сообщения о возведении в чин) и «обезьяньи знаки», т.е. ордена «для ношения тайно» (некоторые из них опубликованы, в том числе грамота, выданная Ахматовой 5 авг. 1921 г.: ЕжегРОПД. 1974. Л., 1976. Вклейка между с. 64 и 65; знак, выданный Блоку 31 окт. 1918 г.: ЛН. 1981. Т. 92, кн. 2. С. 115; см. также: *Кодрянская, 1977.* С. 45; *Резникова, 1980.* С. 26–27; Československ rusistika. 1969. Т. 14. С. 178–179; *Азадовский К. М.* Николай Клюев: Путь поэта. Л., 1990. С. 195–196).

Ремизов продолжал свою литературную игру в тайное общество до конца жизни, принимая все новых членов и даря им грамоты и знаки. За два года до смерти Ремизов сообщал В. Ф. Маркову: «Обезвелволпал существует, и только по слепоте не могу написать вам грамоту о возведении в кавалеры обезьяньего знака с паутинной хчеей 1 степени» (письмо от 7 дек. 1955 г.; Wiener Slawistischer Almanach. 1982. Bd. 10. S. 433; «хчея» – намек на опечатку (вместо «ячея») в одном из хлебниковских текстов, приведшую некогда Маркова и Ремизова в заблуждение; см.: *Там же.* С. 444).

Среди ремизовских «документов» Обезвелволпала имеется и «манифест», провозглашающий: «...презирая гнусное человечество, омрачившее свет мечты и слова, объявляем <...>, что здесь в лесах и пустынях нет места гнусному человеческому лицемерию» (*Ремизов, 1927.* С. 273). Мизантропическая окраска «обезьяньей палаты» – это не только пародийный прием, но и знак протеста против некоторых ненавистных Ремизову черт человеческого общежития: «“адское” (обезьянье) противополагается “изолгавшемуся человеческому с его прописной моралью, лицемерием и лавочной религией”» (*Ремизов А. М.* Иверень: Загогулины моей памяти. Berkeley, 1986. С. 88). За шутейным маскарадом «обезьяньей палаты» ощутим дух сатирической утопии; Ремизов сам указывает на сродство Обезвелволпала с республикой Гуингномов в «Гулливере»: «Мое “обезьянье царство” одной мечты с “лошадиным царством” Свифта» (*Кодрянская, 1959*).

Лит.: *Ремизов А. М.* Ахру: Повесть петербургская. Берлин; Пг.; М., 1922. С. 49–51; *Ремизов А. М.* Кукха: Розановы письма. Берлин, 1923. С. 38–40; *Шкловский В. Б.* ZOO. или Письма не о любви. Берлин, 1923. С. 27–29; *Ремизов А. М.* Взвихренная Русь. Париж, 1927. С. 272–275; *Кодрянская Н. В.* Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 130; *Анненков Ю. П.* Дневник моих встреч: Цикл трагедий. New York, 1966. Т. 1. С. 220–221; *Резникова Н.* Из восп. о А. М. Ремизове // Мосты. Мюнхен, 1968. Вып. 13/14. С. 370–371; *Гречишкин С. С.* Архив А. М. Ремизова // ЕжегРОПД. 1975. Л., 1977. С. 32–34; *Кодрянская Н. В.* Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. С. 44–45; *Флейшман Л. С.* Из коммент. к «Кукхе»: Конкректор Обезвелволпала // Slavica Hierosolymitana. 1977. Vol. 1. P. 188–189; *Резникова Н. В.* Огненная память. Berkeley, 1980. С. 24–26; *Гречишкин С. С.* Царь Асыка в «Обезьяньей Великой и Вольной палате» Ремизова // Studia Slavica. Budapest, 1980. Vol. 26. С. 173–176; ЛН. 1981. Т. 92, кн. 2. С. 126; *Ремизов А. М.* Встречи. Париж, 1981. С. 188–189; *Lampl H.* Remizovs Petersburger Jahre: Materialien zur Biographie // Wiener Slawistischer Almanach. 1982. Bd. 10. S. 299–301, 320–321; *Добужинский М. В.* Восп. М., 1987. С. 277; *Крюкова А.* А. М. Горький и А. М. Ремизов (переписка и вокруг нее) // Вопр. лит. 1987. № 8. С. 208–209; *Ахматова А. А.* Листки из дневника // Вопр. лит. 1989. № 2. С. 207; *Ремизов А. М.* Письма к В. В. Перемиловскому // Рус. лит. 1990. № 2. С. 206–207; *Обатнина Е. Р.* От маскарада к третейскому суду: («Судное дело об обезьяньем хвосте» в жизни и творчестве А. М. Ремизова) // Лица. М.; СПб., 1993. Вып. 3. С. 448–465; *Обатнина Е. Р.* «Обезьянья великая и вольная палата»: игра и ее парадигмы // Новое лит. обозр. 1996. № 17. С. 185–217; *Доценко С. Обезвелволпал* А. М. Ремизова как зеркало рус. революции // Europa Orientalis. 1997. Vol. 16. № 2. С. 305–320; *Обатнина Е. Р.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001.

«**ОБНОВЛЕННЫЙ НАРОД**» – кружок писателей-самоучек в 1906 г. в Москве. В издательстве кружка вышел литературный альманах «Думы и жизнь» (М., 1906), в котором поместили свои произведения С. Е. Бодрягин, П. Г. Горохов, Н. Грусть, С. Д. Дрожжин, М. А. Логинов-Тихоплесец, С. С. Степанов и др. Участники сборника, входившие большей частью в состав бывшего ⇨ Кружка писателей из народа, реорганизовавшегося в 1905 г. в ⇨ Суриковский литературно-музыкальный кружок, принадлежали, как и участники ⇨ Народного кружка, к умеренному крылу суриковцев.

Лит.: *Голубева О. Д.* Лит.-худож. альм. и сб-ки: 1900–1911. М., 1957. № 151; *Золотницкий Д. И.* Дрожжин и поэты деревни // История рус. лит. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 760.

ОБЩЕСТВО ДЕЯТЕЛЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ – студенческое объединение, существовавшее в 1900-е гг. при Московском университете. Согласно А. Белому, участвовавшему в его работе, руководителем Общества был Н. Н. Русов (*Белый*). Не исключено, что данное объединение тождественно с ⇨ Обществом искусств и изящной литературы.

Лит.: *Белый А.* Между двух революций. М., 1990. С. 173; *Богомолов Н. А.* Рус. лит. первой трети XX в. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 469–470.

ОБЩЕСТВО ДЕЯТЕЛЕЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ И ЛИТЕРАТУРЫ [ОДППиЛ] – литературное объединение, основанное 16 сентября 1907 г. в Москве и существовавшее, судя по году издания последнего отчета, еще в 1918 г. Проект устава Общества был выработан ⇨ Русским библиографическим обществом еще в 1902 г. (*Беспалова.* С. 48). Устав ОДППиЛ был утвержден 17 мая 1907 г.; открытие состоялось в октябре 1907 г. Общество заседало в помещениях ⇨ Литературно-художественного кружка; «иногда собирались в Юридическом Собрании на Мал. Никитской» (*Бочаров.* С. 21).

Первоначально в правление входили В. А. Анзимиров, И. А. Белоусов, П. Д. Боборыкин (предс.), Ю. А. Бунин, И. А. Данилин, И. И. Попов, Н. А. Скворцов и кн. А. И. Сумбатов-Южин. ОДППиЛ объединяло газетных и журнальных работников, писателей и причастных к литературе общественных деятелей (в члены не допускались сотрудники монархических изданий). Ко времени открытия в Обществе насчитывалось 313 членов, к 1 января 1914 г. – 377, к 1 января 1915 г. – 533, к 1 января 1916 г. – 607, в том числе семь почетных членов: П. Д. Боборыкин, И. А. Бунин, Ю. А. Бунин, М. Горький, А. Ф. Кони, В. Г. Короленко и Н. Ф. Михайлов. Из более известных литераторов членами Общества числились Ю. И. Айхенвальд, В. Я. Брюсов, А. А. Вербицкая, В. В. Вересаев, В. А. Гиляровский, О. Л. Д'Ор, Б. К. Зайцев, Н. Н. Златовратский, С. А. Кречетов (Соколов), С. С. Мамонтов, И. И. Митропольский, Л. Г. Мунштейн, Б. А. Пильняк, П. Н. Сакулин, Н. Д. Телешов, Д. И. Тихомиров, В. М. Фриче, И. С. Шмелев. Как вспоминал Ю. М. Бочаров, «состав членов общества был крайне пестр. В списках его членов фигурировали беллетристы и газетные корректора, поэты и научные работники, репортеры и издатели, редакторы газет и адвокаты» (*Бочаров.* С. 19).

Целью ОДППиЛ являлась «товарищеская взаимопомощь» и охрана «этических интересов работников печати и литературы» (Обзор. С. 7). Общество устраивало публичные лекции и литературные вечера, выдавало нуждающимся членам ссуды и пособия, организовывало литературные конкурсы (в 1909 г. прошел конкурс имени Н. В. Гоголя для начинающих и малоизвестных беллетристов; в 1915 г. был объявлен конкурс пьес для сельского театра). В середине 1910-х гг. образовались филиальные отделения ОДППиЛ в Екатеринограде и в Саратове, намечалось основание филиалов в Иркутске и Ярославле.

По инициативе членов Общества 9 февраля 1915 г. был устроен День печати, вышла однодневная газета под тем же названием; в связи с Днем печати был издан литературно-художественный альманах «Клич» (М., 1915). При ОДППиЛ издавался журнал «Журналист» (М., 1914–1915; вышло всего 17 (14 + 3) номеров, в том числе 6 двойных). Большую часть расходов Общества покрывали доходы от продажи граммофонных пластинок с записями видных писателей и артистов, по договору с производящим их акционерным обществом «Граммофон»; в воспоминаниях Белоусова рассказана история записи голоса Л. Н. Толстого 17 октября 1909 г. в Ясной Поляне (*Белоусов.* С. 212–229).

Лит.: Проект устава Моск. ОДПП. М., 1902; Устав ОДППиЛ. М., 1907; *Анзимиров В. А.* Об-во литераторов // Современная Русь. 1907. № 10; Обзор деятельности ОДППиЛ за четырехлетие 1907–1911 гг. М., 1912; ОДППиЛ в Москве. Отчет о деятельности об-ва [за 1914 ... 1917 гг.]. М., 1915–1918; Вечерние вести. М., 1918. 20 мая. № 44; *Бочаров Ю. М.* В гостиных лит.-худож. круж-

ка: Восп. // Журналист. 1927. № 5. С. 18–22; *Белоусов И. А.* Лит. среда. Восп. 1880–1928. М., 1928. С. 211–212, 229; *Телешов Н. Д.* Записки писателя: Восп. и рассказы о прошлом. М., 1958. С. 60; *Горький М.* Письмо ОДППиЛ 10 апр. 1914 г. // Перцов В. О. Маяковский. Жизнь и творчество (1893–1917). М., 1969. С. 282–283; *Лейкина-Свирская В. Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М., 1981. С. 143; *Вересаев В.* Восп. М., 1982. С. 481–485; *Летенков Э. В.* «Лит. промышленность» России конца XIX – начала XX в. Л., 1988. С. 83–84; Как закрывали Рус. библиогр. об-во / Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Э. К. Беспаловой // Сов. библиогр. 1989. № 2. С. 48, 53; *Рындина Л.* Ушедшее // Восп. о серебряном веке. М., 1993. С. 414–415.

ОБЩЕСТВО ДЛЯ ВСЕСТОРОННЕГО ИЗУЧЕНИЯ РИТОРИКИ КАК ХУДОЖЕСТВА – основано весной 1916 г. петроградскими литераторами С. С. Лукьяновым, Н. В. Недоброво, С. Э. Радловым, А. Д. Радловой и В. А. Чудовским. Сведений о деятельности Общества нет. Ср.: ⇨ Общество изучения современной поэзии.

Лит.: *Litotes [Недоброво Н. В.].* Об-ва и собрания // Аполлон. 1916. № 4/5. С. 87.

ОБЩЕСТВО ДЛЯ ПОСОБИЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМ И УЧЕНЫМ [ОПНЛУ] (неофициальное название: **ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД**) – благотворительное общество вспомоществования писателям, существовавшее в 1859–1922 гг. в Петербурге.

Инициатива создания фонда в пользу нуждающихся литераторов принадлежит А. В. Дружинину (*N. [Дружинин А. В.].* Несколько предположений по устройству Литературного фонда для пособия нуждающимся лицам ученого и лит. круга // Библиотека для чтения. 1857. Т. 146. № 11. Отд. 2. С. 1–28). Идею Дружинина поддержали писатели разных направлений; в числе учредителей были П. В. Анненков, В. П. Гаевский, А. Д. Галахов, А. В. Дружинин, С. С. Дудышкин, А. П. Заблоцкий-Десятовский, К. Д. Кавелин, Е. П. Ковалевский, В. Ф. Корш, А. А. Краевский, М. Л. Михайлов, Н. А. Некрасов, А. В. Никитенко, И. С. Тургенев, Н. Г. Чернышевский.

Устав ОПНЛУ утвержден 7 августа 1859 г.; первое общее собрание учредителей состоялось 8 ноября 1859 г. Общество возглавлял комитет из 12 членов, избираемых на 3 года и избиравших ежегодно из своей среды председателя. Первым (бессменным) председателем был Е. П. Ковалевский (1859–1868); затем эту должность занимали в разное время К. К. Арсеньев, Ф. Д. Батюшков, П. И. Вейнберг, В. П. Гаевский, Я. К. Грот, А. П. Заблоцкий-Десятовский, В. А. Манассеин, Л. Ф. Пантелеев, Г. К. Репинский, В. И. Сергеевич, Н. С. Таганцев и др. К 1860 г. в Обществе состояло 580 членов, к 1890 г. – 706, к 1896 г. – 512 членов.

Общество имело целью «вспомоществовать нуждающимся осиротевшим семействам литераторов и ученых и самим литераторам и ученым, которые, по преклонности лет или по каким-либо другим обстоятельствам, находятся в невозможности содержать себя собственными трудами» (Устав ОПНЛУ. СПб., 1859. С. 3). Денежные средства складывались из членских взносов, пожертвований, субсидий Министерства народного просвещения, доходов от публичных чтений, литературных вечеров, концертов, спектаклей, изданий литературных и научных произведений.

К помощи фонда прибегали С. А. Венгеров, В. М. Гаршин, М. Горький, А. С. Грин, Ф. М. Достоевский, Н. Н. Златовратский, В. Ф. Корш, И. И. Лажечников, А. И. Левитов, К. Н. Леонтьев, Н. А. Морозов, С. Я. Надсон, Н. Я. Николадзе, Г. В. Плеханов, Г. Н. Потанин, А. С. Серафимович, Н. А. Серно-Соловьевич, К. М. Станюкович, Г. И. Успенский, Н. В. Успенский, Н. Д. Хвощинская (В. Крестовский), А. П. Щапов, Т. Л. Щепкина-Куперник, А. И. Эртель и др.

В 1890 г. при Обществе была организована ⇨ Касса взаимопомощи литераторов и ученых.

Общество развило широкую издательскую деятельность, публикуя официальные материалы Общества («Устав ОПНЛУ», годовые отчеты и т.п.), юбилейные книги «XXV лет. 1859–1884. Сборник ОПНЛУ» (СПб., 1884) и «L. Юбилейный сборник Литературного фонда. 1859–1909» (СПб., 1909), а также ряд литературных и научных

Комитет Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Сидят (слева направо): Н.К. Михайловский, Я.Г. Гуревич, Е.Э. Картавцев, В.А. Манассеин, Н.С. Таганцев, Н.И. Кареев, К.К. Арсеньев, В.А. Поссе; стоят: К.М. Станюкович, П.И. Вейнберг, Ф.Ф. Воропонов, В.И. Семевский. 1894 г.

произведений авторов, которые завещали Обществу право собственности на свои сочинения (отчасти в связи с оказанной им материальной помощью); в числе книг, изданных ОПНЛУ, — «Стихотворения» С. Я. Надсона (с 1887 по 1916 г. 28 изданий), «Рассказы» В. М. Гаршина (с 1890 по 1919 г. 16 изданий), «Собрание сочинений» Н. И. Костомарова (СПб., 1903—1906. Кн. 1—8. Т. 1—21) и др. Издательская деятельность являлась основным источником доходов Общества; А. Е. Кауфман писал в 1909 г.: «Одни сочинения Надсона и Гаршина принесли уже в кассу фонда свыше 200 000 рублей» (*Евгеньев*. С. 648).

После Октябрьской революции капиталы Общества в 1918 г. были аннулированы. В 1921 г. вследствие отсутствия средств деятельность Общества была приостановлена (*Кауфман, 1921*); в 1922 г. оно было ликвидировано декретом Совета народных комиссаров. В 1927 г. возник Литературный фонд РСФСР при Федерации Объединений советских писателей. Вновь созданный (постановлением Совета народных комиссаров СССР № 39 от 28 июля 1934 г.) Литературный фонд при Союзе писателей СССР существует по нынешний день.

Программа литературных чтений в пользу Литературного фонда. 1880 г.

Лит.: *Гаевский В. П.* А. В. Дружинин как основатель Литературного фонда // XXV лет. 1859—1884. Сб. ОПНЛУ. СПб., 1884. С. 423—434; *Репинский Г. К., Скабичевский А. М.* Летописи ОПНЛУ с 1859 по 1884 г. // Там же. С. 1—199; ОПНЛУ // Почин. Сб. Об-ва любителей рос. словесности на 1895 г. М., 1895. Отд. 2. С. 16—18; Энц. словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1896. Т. 17 (Кн. 34). С. 797—799; *Вейнберг П. И.* Литературный фонд за 40 лет его существования. М., 1900; *Градовский Г. К.* Из минувшего // Русская старина. 1908. № 4. С. 151—157; *Арсеньев К.* Пятидесятилетие рус. Литературного фонда // Вестн. Европы. 1909. № 11. С. 374—380; *Евгеньев А. [Кауфман А. Е.].* К пятидесятилетию Литературного фонда (1859—1909) // Ист. вестн. 1909. Т. 98. № 11. С. 642—653; *Корнилов А. А.* Пятидесятилетие Литературного фонда: Общий очерк // L. Юбилейный сб. Литературного фонда. 1859—1909. СПб., 1909. С. 3—94; *Пругавин А. И.* Уроки из истории рус. лит-ры: (К юбилею Литературного фонда) // Русские ведомости. 1909. № 251, 260, 266, 287, 290, 294; Энц. словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°». М., [1916]. Т. 30. С. 417; Литературный фонд — Декларация // Нива. 1917. № 11/12. С. 181; *К-ф-м [Кауфман А. Е.].* Литературный фонд: [В связи с прекращением его деятельности] // Вестн. лит. 1921. № 10 (34). С. 14—15; *Кауфман А. Е.* Литературный фонд: (Ист. справка) // Там же. 1922. № 2/3 (38/39). С. 26—27; ЛЭ. М., 1932. Т. 6. С. 474—477; *Пантелеев Л. Ф.* Восп. М., 1958. С. 271—273; *Алексеев И. А.* Литературный фонд и Горький // Из истории рус. лит. отношений XVIII—XX вв. М.; Л., 1959. С. 412—423; *Рубинштейн А.* Литературному фонду — сто лет // Вопр. лит. 1959. № 11. С. 253—255; *Юдина И.* Литературный фонд и русские писатели 1910-х годов // Рус. лит. 1966. № 2. С. 209—212; КЛЭ. М., 1967. Т. 4. С. 322—323; *Лейкина-Свирская В. Р.* Рус. интеллигенция в 1900—1917 гг. М., 1981. С. 133—134; *Сажин В. Н.* Об источниковедческом значении архива ОПНЛУ (Литературного фонда) // Источники по исто-

рии отечественной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг. Л., 1983. С. 34–53; *Ярославцев Я. А.* Издательская деятельность Литературного фонда (1859–1917) // Книга: Исслед. и мат-лы. М., 1987. Сб. 54. С. 141–158; *Ярославцев Я. А.* Документы Литературного фонда о жизни и быте рус. писателей второй половины XIX – нач. XX в. // Археограф. ежегодник за 1987. М., 1988. С. 204–209; *Карпов П.* Пламень. Рус. ковчег. Из глубины. М., 1991. С. 279–280; Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград: Энц. справочник. М., 1992. С. 350.

Архивы: ОР РНБ. Ф. 438; РО ИРЛИ. Ф. 155; РГАЛИ. Ф. 591.

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ – существовало в 1916–1917 гг. в Петрограде при редакции журнала «Аполлон». В его состав входили В. М. Жирмунский, М. Л. Лозинский, О. Э. Мандельштам, К. В. Мочульский, В. А. Пяст, С. Э. Радлов, Л. М. Рейснер, М. А. Струве, М. М. Тумповская, В. А. Чудовский, В. К. Шилейко, Б. М. Эйхенбаум. В декабре 1916 г. Жирмунский прочитал на заседании Общества в виде доклада первую главу своей книги о В. Я. Брюсове; доклад обсуждался на заседаниях 15 декабря 1916 г. и 13 января 1917 г. (*Никольская и др.*). На втором из упомянутых заседаний проходили также прения по докладу Радлова «Употребление метафоры у Брюсова» (*Мец, Кравцова.* С. 15). См. также: ⇨ Общество для всестороннего изучения риторики как художества.

Лит.: *Жирмунский В. М.* Валерий Брюсов и наследие Пушкина. Пб., 1922. С. 95; Кофейня разбитых сердец: Коллективная шуточная пьеса в стихах при участии О. Э. Мандельштама / Публ. Т. Л. Никольской, Р. Д. Тименчика и А. Г. Меца. Stanford, 1997 (Stanford Slavic Studies; Vol. 12). С. 33; *Мец А. Г., Кравцова И. Г.* Предисловие // Шилейко В. К. Пометки на полях. СПб., 1999. С. 15, 41.

ОБЩЕСТВО ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ – большевистская культурно-просветительская организация, существовавшая в 1913–1916 гг. в Петербурге. Предыстория объединения относится к 1911 г., когда Н. Е. Буренин «с группой товарищей предпринял попытку организовать демократическое музыкально-пропагандистское общество» (*Буренин.* С. 180); тогда же «при Обществе друзей музыки была учреждена секция общедоступных концертов, которую мы [т.е. большевики] взяли в свои руки» (*Там же.* С. 181). В 1913 г. секция была преобразована в самостоятельное общество, куда входили Н. Е. Буренин (тов. предс.), М. Горький, В. Н. Давыдов, Е. П. Карпов (предс.), А. И. Маширов-Самобытник, И. Е. Репин, А. Н. Тихонов (тов. предс.) и др.

Согласно уставу, целью Общества являлась «разработка основных вопросов всех видов изящных искусств (музыка, литература, театр, живопись) и распространение их для поднятия культурного и эстетического уровня широких слоев населения» (Весь Петроград на 1916 год. С. 866). При Обществе существовали четыре секции: музыкальная, драматическая, литературная и художественная (ваяния и живописи). «В военные годы общество занялось устройством концертов для раненых в солдатских госпиталях Петербурга» (*Буренин.* С. 185), чему – ввиду «антиправительственной и антипатриотической агитации» Общества (*Там же.* С. 187) – вскоре воспрепятствовали власти. «Лишенные доступа в военные госпитали, мы продолжали проводить концерты, литературно-музыкальные вечера, ставить спектакли в рабочих районах Петербурга» (*Там же*). В списках литературных объединений в справочнике «Весь Петроград» Общество числилось вплоть до 1917 г.

Лит.: Устав Общества изящных искусств. Пг., 1914; Общество изящных искусств. Муз. секция. Пг., 1914; *Буренин Н. Е.* Общество изящных искусств // Буренин Н. Е. Памятные годы: Восп. Л., 1961. С. 180–188.

ОБЩЕСТВО ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ ПРИ «ЛИГЕ ОБРАЗОВАНИЯ» – существовало около 1908 г. в Петербурге; опубликован устав общества (СПб., 1908).

Лит.: История рус. лит. XIX – нач. XX в.: Библиогр. указ. Общая часть / Под ред. К. Д. Муратовой. СПб., 1993. № 3841.

ОБЩЕСТВО ИМЕНИ А. Н. ОСТРОВСКОГО – существовало в 1910–1917 гг. в Петербурге. Общество было зарегистрировано 24 июля 1907 г., но фактически его деятельность началась с первого Общего собрания, состоявшегося 22 октября 1910 г. Общество ставило «своей задачей изучение русского театра в заветах великого драматурга» (Весь Петербург на 1912 г. С. 982); с этой целью оно устраивало литературно-музыкальные вечера и собрания-беседы, на которых читались рефераты на литературно-театральные темы.

По свидетельству Н. Д. Носкова, Общество было создано «в противовес» модернистскому «антибытовому» течению, царившему, к примеру, в театре В. Ф. Коммиссаржевской (*Носков.* С. 106). Петербургское объединение состояло в дружеских отношениях с московским ⇨ Литературно-драматическим и музыкальным обществом имени А. Н. Островского (см.: Отчет. С. 8).

В состав Общества входили театральные деятели, драматурги, актеры, в том числе К. И. Арабажин, Е. М. Беспятов (казн.), бар. Н. В. Дризен, А. А. Измайлов, Е. П. Карпов (предс.), А. Р. Кугель, П. О. Морозов, П. П. Немвродов (секр. с 1911 г.), Н. Н. Окулов-Тамарин (секр. до 1911 г.), А. А. Санин, В. Н. Соловьев, Л. Н. Урванцов, Е. Н. Чириков и др. «В 1911–12 г. в Обществе состояло 398 членов» (Отчет. С. 8).

Деятельность Общества прекратилась фактически в 1915 г. (см.: *Носков.* С. 106), хотя газетное интервью с председателем Карповым свидетельствует о номинальном существовании в начале 1917 г. (см.: *Театрал*). По характеристике Носкова, «Общество отцвело, не успевши расцвесть. Оно не сплотило вокруг себя деятельных сил, ни научных, ни литературных, ни театральных. На пути изучения Островского оно не пошло дальше десятка случайных рефератов и вечеров-журфиксов. Преобладание чисто дилетантского отношения к делу сказалось ясно, и ни одной мало-мальски серьезной работы об Островском не вышло из среды членов Общества его имени» (*Носков.* С. 106).

Лит.: Устав Об-ва им. А. Н. Островского. СПб., 1910; Отчет Совета С.-Петерб. Об-ва им. А. Н. Островского о деятельности об-ва в сезоне 1911–12 г. СПб., 1912; *Театрал.* Е. П. Карпов об «Об-ве им. А. Н. Островского» // Петерб. газ. 1917. № 29. 30 янв. С. 5; *Носков Н. Д.* Наш долг // Бирюч Петрогр. гос. акад. театров: Сб. статей. Пг., 1920 [обл.: 1921]. С. 105–107.

ОБЩЕСТВО ИМЕНИ С. Н. ТРУБЕЦКОГО – студенческое религиозно-философское общество, существовавшее в 1907–1911 гг. при Московском университете. Общество являлось преемником ⇨ Историко-филологического общества, унаследовав его библиотеку и традиции. Согласно Н. С. Арсеньеву, «борьба за право духа была связана с именем трагически скончавшегося в 1905 году князя С. Н. Трубецкого»; Общество его имени «было одним из духовных центров этой борьбы» (*Арсеньев*). Общество закрылось, когда в связи с репрессивными мерами министра народного просвещения Л. А. Кассо по пресечению студенческих беспорядков в Московском университете в начале 1911 г. покровительствующие Обществу либеральные профессора подали в отставку. Библиотека Общества была передана в Народный университет им. А. Л. Шанявского.

Лит.: *Давыдов Н. В.* Кн. С. Н. Трубецкой // Моск. еженедельник. 1908. 1 апр. № 14. С. 31–32; *Давыдов Н. В.* Из прошлого: Кн. С. Н. Трубецкой // Голос минувшего. 1917. № 1. С. 18–19; *Арсеньев Н. С.* Из рус. культурной и творч. традиции. Frankfurt am Main, 1959. С. 103; *Богачевская-Хомяк М.* Философия, религия и общественность в России в конце 19-го и начале 20-го вв. // Рус. религ.-филос. мысль XX в. Питтсбург, 1975. С. 67; *Bohachevsky-Chomiak M.* Sergei N. Trubetskoi: An Intellectual Among the Intelligentsia in Prerevolutionary Russia. Belmont (Mass.), 1976. P. 180.

ОБЩЕСТВО ИСКУССТВ В МОСКВЕ – существовало около 1915–1916 гг. в Москве; тогда же были опубликованы списки членов и устав Общества.

Лит.: История рус. лит. XIX – нач. XX в.: Библиогр. указ. Общая часть / Под ред. К. Д. Муратовой. СПб., 1993. № 3855–3858.

ОБЩЕСТВО ИСКУССТВ И ИЗЯЩНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ при Московском университете (другие названия: **ОБЩЕСТВО ИЗЯЩНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**; **ОБЩЕСТВО ИСКУССТВ**; **ОБЩЕСТВО ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ**) – студенческое общество, существовавшее в 1900–1910-е гг. Возникло в 1903 г. (*Щетинина*) по инициативе Д. Н. Крачковского и П. Н. Сакулина. Около 1907 г. в работе Общества принимали участие А. Белый, Н. Н. Русов, А. М. Эфрос.

Русов сообщал Э. Ф. Голлербаху в автобиографическом письме 1920-х (?) гг. о своей учебе в Москве в начале 1900-х гг.: «Тогда были основаны студ[енческие] общества: Истор[ико]-фил[ологическое] и Общ[ество] искусств. В обоих я принимал близкое участие своими рефератами: о В. К. Тредьяковском, Надсоне, Жемчужникове, символизме, там же я читал о нищем искусстве в первоначальном наброске (тогда, помню, на моем реферате выступали А. Белый и [А. А.] Бурнакин)» (*Богомолов*).

Общество издало литературный сборник «Студенчество жертвам войны» (М., 1916) под редакцией приват-доцентов гр. Ф. Г. Де-ла-Барта и Н. В. Самсонова; среди участников сборника – К. А. Большаков, В. Г. Шершеневич. Общество искусств в Москве, издавшее в 1915–1916 гг. ряд официальных документов (устав, списки членов; см. *Муратова*), вероятно, тождественно со студенческим обществом. Ср. также: ⇨ Общество деятелей литературы; ⇨ Историко-филологическое общество.

Лит.: *Рогожин Н. П.* Лит.-худож. альм. и сб-ки: 1912–1917 гг. М., 1958. № 472; *Белый А.* Между двух революций. М., 1990. С. 235; РП. 1994. Т. 3. С. 141; *Щетинина Г. И.* Идейная жизнь рус. интеллигенции: конец XIX – нач. XX в. М., 1995. С. 180; *Богомолов Н. А.* Рус. лит. первой трети XX в. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 467.

ОБЩЕСТВО ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ [ОИиЛ] – литературно-драматический кружок, основанный в 1888 г. в Москве. Общество возникло по инициативе Ф. П. Коммиссаржевского, гр. Ф. Л. Соллогуба, К. С. Станиславского (Алексеева) и А. Ф. Федотова; в числе активных участников были Н. В. Давыдов, Ф. А. Куманин, А. А. Федотов, Г. Н. Федотова (предс. в 1897 г.). Министр внутренних дел утвердил устав ОИиЛ 7 августа 1888 г. На открытии Общества 3 ноября 1888 г. в помещении бывшего Пушкинского театра (Тверская, 37) присутствовал А. П. Чехов; данный вечер описан им в иронических красках в письме к А. С. Суворину от 3 ноября 1888 г. (*Чехов А. П.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1976. Т. 3. С. 55). Первый спектакль любительской труппы ОИиЛ состоялся 8 декабря 1888 г.

Первым председателем Общества был Коммиссаржевский; в апреле 1891 г. руководителем стал Станиславский. «Собрания бывают два раза в неделю на квартире К. С. Алексеева – Садовая-Черногрядская, д. 342» (Вся Москва на 1894 г. С. 736). С 1898 г. во главе кружка стоял Н. Н. Арбатов.

Первоначально ОИиЛ устраивало спектакли, литературные и музыкальные вечера, выставки картин; до середины 1891 г. при его артистическом клубе существовало музыкально-драматическое училище. Однако в связи с недостатком средств работа Общества вскоре свелась к деятельности любительского драматического кружка. К середине 1890-х гг. кружок объявил своей целью «устраивать драматические спектакли и способствовать развитию талантов в области этого драматического искусства» (Вся Москва на 1897 г. С. 410).

В январе 1893 г. Чехов охарактеризовал ОИиЛ в «Новом времени» в статье, посвященной Столичному литературно-артистическому кружку (см.: ⇨ Литературно-художественное общество), как одно из начинаний, «которые не удались именно от наплыва элементов, ничего общего с искусством не имеющих» (*Чехов, 1987.* С. 264). В справочниках «Вся Москва» Общество числилось еще в начале 1900-х гг.

Лит.: *Станиславский К. С.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1954. Т. 1. Моя жизнь в иск-ве. С. 101–103, 456–457, 495–496; *Телешов Н. Д.* Записки писателя: Восп. и рассказы о прошлом. М., 1958. С. 33; ОИиЛ // ТЭ. М., 1965. Т. 4. С. 125–126; Там же. М., 1967. Т. 5. С. 434; *Чехов А. П.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Письма: В 12 т. Указ. к т. 1–12. М., 1983. С. 195; *Чехов А. П.* Полн. собр. соч.: В 30 т.

Соч.: В 18 т. М., 1987. Т. 16. С. 263–264, 520; *Немирович-Данченко Вл. И.* Рождение театра. М., 1989. С. 86–87, 115–116.

ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ – филологическое объединение в 1910-е гг. в Москве. Основано А. И. Некрасовым, В. Ф. Ржигой, М. Н. Розановым, М. Н. Сперанским, С. К. Шамбинаго и др. в 1910 г. Целью Общества являлось «изучение и исследование вопросов истории литературы всех времен и народов» (Устав Общества истории литературы // Беседы. С. 94).

Своей деятельностью и составом членов Общество было связано со студенческим Кружком истории литературы, существовавшим в 1908–1913 гг. при Московском университете. К 1914 г. насчитывалось 54 члена, в том числе Н. С. Арсеньев, Н. Л. Бродский, В. Я. Брюсов, Ал. Н. Веселовский, М. О. Гершензон, А. Е. Грузинский, Е. Н. Елеонская (пом. секр.), А. Ф. Лютер, В. Ф. Миллер, А. И. Некрасов, М. А. Петровский, М. М. Покровский, В. Ф. Ржига (секр.), И. Н. Розанов, М. Н. Розанов (тов. предс. с 1912 г.), В. Ф. Саводник, П. Н. Сакулин, Б. М. Соколов, Ю. М. Соколов, М. Н. Сперанский (предс.), С. К. Шамбинаго (тов. предс. в 1911–1912 гг.), Б. И. Ярхо.

Устав Общества был утвержден 10 мая 1910 г.; первое организационное собрание состоялось 25 января 1911 г. На заседаниях читались и обсуждались доклады членов; Общество устраивало также научные экскурсии и публичные лекции. За первые три с половиной года существования (1911–1914 гг.) был прочитан 51 доклад. Общество выпустило сборник «Беседы» (М., 1915. Вып. 1), в котором были помещены доклады членов и другие материалы.

Лит.: Общество истории литературы в Москве. 1911–1914. [Доклады. Протоколы заседаний. Устав. Личный состав] // Беседы: Сб. Общества истории литературы в Москве. М., 1915. Вып. 1. Отд. 2. С. 1–99.

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ – общество коллекционеров и исследователей древних русских рукописей и старопечатных книг, основанное по инициативе кн. П. П. Вяземского в 1877 г. в Петербурге; просуществовало до 1931 г.

В воспоминаниях букиниста-антиквара П. П. Шибанова охарактеризован ранний период деятельности Общества: «В это общество вошла, можно сказать, вся петербургская знать, возглавляемая [гр. С. Д.] Шереметевым, который дал этому обществу приют в своем доме на Фонтанке, 38, где было отведено для этого очень уютное помещение в нижнем этаже, в старом здании со сводами, расписанными в древнерусском стиле, снабженное массой шкафов, витрин и т.п., которые в скором времени наполнились редчайшими древними рукописями. Членский взнос в это Общество был 200 руб.» (*Шибанов.* С. 155).

В состав Общества входили Д. И. Абрамович, Д. В. Айналов, Н. П. Барсуков, Ф. И. Булгаков, А. Ф. Бычков, И. А. Бычков, кн. П. П. Вяземский (почетный предс. до 1888 г.), Г. Ф. Карпов, Д. Ф. Кобеко, Н. П. Лихачев, Х. М. Лопарев (секр. с. 1891 г.), В. В. Майков (секр. с 1894 г.), Л. Н. Майков, Н. К. Никольский, В. Н. Перетц, И. В. Помяловский (секр. до 1891 г.), П. И. Савваитов, А. И. Соболевский, М. Н. Сперанский, гр. А. Г. Строганов, П. Н. Тиханов, Н. Д. Чечулин, гр. С. Д. Шереметев (предс.), гр. Е. П. Шереметева, П. Н. Шеффер (секр. в 1897–1903 гг.), П. В. Шибанов, И. А. Шляпкин и др.

Основной задачей Общества являлось издание древнерусских памятников. Плодом его издательской деятельности были многочисленные книги и периодические издания: «Памятники древней письменности» (СПб., 1878–1925. Вып. 1–190), в которых наряду с текстами и научными исследованиями публиковались также протоколы и отчеты заседаний Общества, и «Библиографическая летопись» (СПб., 1914–1917. Вып. 1–3). «Издания Общества воспроизводили древние памятники нашей письменности и отличались необыкновенным изяществом и точностью» (*Шибанов.* С. 155).

Лит.: *Шереметев С. Д.* Основание Общества любителей древней письменности: 1877. СПб., 1891. (Памятники древней письменности; Вып. 83. Прил.); *Шибанов П. П.* Друзья книги / Публ. Е. П. Шибановой и А. П. Толстякова // Книга: Исслед. и мат-лы. М., 1973. Сб. 27. С. 155–156; РП. 1989. Т. 1. С. 501; Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры: Биогр. словарь. Т. 1. Имп. Публич. библиотека 1795–1917. СПб., 1995. С. 121, 124, 330, 331, 338, 519, 579 и др.; *Карнишина Л. М.* Издательская и переводческая деятельность Е. П. Шереметевой // Книга: Исслед. и мат-лы. М., 1999. Сб. 76. С. 120.

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ [ОЛРС] при Московском университете – литературно-научное общество, существовавшее в 1811–1930 гг. Основано 6 июня 1811 г. (*Нерозняк, Клейменова.* С. 297); в числе учредителей были профессора Московского университета П. П. Бекетов, М. Г. Гаврилов, М. Т. Каченовский, А. Ф. Мерзляков, Н. Н. Сандунов, П. И. Страхов, а также поэт В. Л. Пушкин (*Смирнов.* С. 30). Первым председателем стал А. А. Прокопович-Антонский, занимавший этот пост до 1826 г. В уставе значилось, что ОЛРС основано с целью, «распространить сведения о правилах и образцах здравой словесности и доставить публике обработанные сочинения в стихах и прозе на российском языке, рассмотренные предварительно и прочитанные в собрании» (цит.: *Смирнов.* С. 29–30). Общество открыло свою деятельность 28 сентября 1811 г. речью Прокоповича-Антонского, посвященной в основном проблемам русского языка (*Бельчиков.* С. 110).

В начальный период своей деятельности Общество издавало журнал «Труды ОЛРС» (М., 1812–1828. Т. 1–[27]), в котором печатались филологические и литературные произведения членов; опубликованы были также «Речи, произнесенные в торжественных собраниях Императорского Московского университета» (М., 1819–1823. Т. 1–4) (*Клейменова*). С. Т. Аксаков вспоминал о деятельности ОЛРС 1820-х гг.: «Это Общество имело значение и влияние. Московская публика приняла живое участье в его заседаниях и начала очень охотно посещать их, потому что они получили менее сухой, ученый характер, а более чисто литературный, более понятный, доступный людям светским и особенно приятный любителям изящной словесности. Собрания становились многочисленны и блистательны; образованные женщины лучшего круга оживляли их своим присутствием!» (*Аксаков.* С. 53).

Мендельсон Н. М. Общество любителей российской словесности при Московском университете: Историческая записка и материалы за сто лет. М., 1911. Обложка

С конца 1820-х гг. ОЛРС находилось в кризисном состоянии: «Общество изжило себя. Оплот академизма самого консервативного толка, оно продолжало существовать исключительно как своего рода литературное ископаемое» (*Левитт.* С. 64). С 1827 по 1830 г. председателем ОЛРС был Ф. Ф. Кокошкин; на этом посту его заменил И. А. Двигубский. С 1833 по 1836 г., в последние годы начального периода, пост председателя занимал М. Н. Загоскин. В 1837 г. деятельность ОЛРС была приостановлена.

В середине 1850-х гг. группа писателей-славянофилов, которым не было разрешено издавать собственный журнал, вспомнила о приостановленном, но официально никогда не распущенном Обществе с его зафиксированными в уставе ценными привилегиями (правом проводить публичные собрания и издавать труды без разрешения цензуры); ОЛРС было воскрешено по инициативе С. Т. Аксакова, избранного действительным членом еще в 1821 г., и его сына К. С. Аксакова (*Гиляров-Платонов.* С. 300–301; *Мендельсон.* С. 40).

Новым председателем стал в 1858 г. А. С. Хомяков; после его смерти в 1860 г. на этом посту его заменил М. П. Погодин. 1860-е гг. – период второго расцвета ОЛРС. В это время Общество издало «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (М., 1863–1866), а также русские народные песни, собранные П. В. Киреевским (М., 1860–1874. Вып. 1–10). Тогда же появилось новое периодическое издание Общества – «Беседы в ОЛРС» (М., 1867–1871. № 1–3). В 1866 г. председателем избран Н. В. Калачев. Одновременно Общество разработало новый устав, утвержденный 15 октября 1866 г.; в § 1 значится, что ОЛРС «имеет целью содействовать развитию отечественного языка и успехам его литературы» (Устав ОЛРС // Беседы в ОЛРС. М., 1867. Вып. 1. Прил. С. 1).

Очередными председателями Общества являлись: А. И. Кошелев (1869–1872), И. С. Аксаков (1872–1874), Ф. И. Буслаев (1874–1877), С. А. Юрьев (1878–1885), Н. С. Тихонравов (1885–1893), Н. И. Стороженко (1894–1901), Ал. Н. Веселовский (1901–1906), П. Д. Боборыкин (1906–1909), А. Е. Грузинский (1909–1922) и П. Н. Сакулин (1922–1930). В состав ОЛРС входили многочисленные видные писатели и ученые; «Словарь членов ОЛРС при Московском университете. 1811–1911» (М., 1911), изданный к столетнему юбилею Общества, насчитывает свыше 600 биобиблиографических статей и заметок.

После революции 1917 г. Общество сначала продолжало свою деятельность. Несмотря на то что многие члены эмигрировали, общее их число увеличилось с 117 членов в 1917 г. до 241 члена в 1927 г. (*Сакулин.* С. 301). Оформился ряд комиссий (пушкинская, тургеневская, гоголевская, историко-литературная и комиссия по изучению современной литературы), разрабатывавших планы издания собраний сочинений, справочников, научных сборников. Напечатать удалось лишь несколько книг, в том числе сборники «Тургенев и его время» (М.; Пг., 1923) и «Пушкин» (Сб. 1–2. М.; Л., 1924–1930). Общество не было, однако, созвучно новой эпохе; как отмечает «Литературная энциклопедия» 1930-х гг., ОЛРС «не сумело перестроить свою работу в методологическом отношении. Проблемы марксистского литературоведения занимали его членов в самой незначительной степени» (*Ашукин.* С. 212). С 1929 г. в прессе «появляются клеветнические нападки на Общество» (*Нерозняк, Клейменова.* С. 304), в которых оспаривается его право на существование. После смерти П. Н. Сакулина 7 сентября 1930 г. новый председатель не был избран, и ОЛРС прекратило свою деятельность.

Лит.: Энц. словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. 1897. Т. 21 (Кн. 42). С. 620; *Гиляров-Платонов Н. П.* Возрождение ОЛРС // Гиляров-Платонов Н. П. Собр. соч. М., 1900. Т. 2. С. 292–308; *Линниченко И. А.* ОЛРС: (Страничка из его прошлого) // Изв. Одесского библиогр. об-ва. 1911. Т. 1. Вып. 3. С. 64–76; *Мендельсон Н. М.* ОЛРС при Моск. ун-те: Ист. записка и мат-лы за сто лет. М., 1911; Словарь членов ОЛРС при Моск. ун-те. 1811–1911. М., 1911; *Сакулин П. Н.* ОЛРС // Печать и революция. 1927. № 7. С. 300–306; *Ашукин Н.* ОЛРС при Моск. ун-те // ЛЭ. М., 1934. Т. 8. С. 211–212; *Аксаков С. Т.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1956. Т. 3. С. 52–53; *Вельчиков Ю. А.* ОЛРС // Рус. речь. 1968. № 2. С. 109–113; *Наркевич А. Ю.* ОЛРС // КЛЭ. 1968. Т. 5. С. 374; *Смирнов А. А.* ОЛРС (1811–1930) // Вестн. Моск. ун-та. Филология. 1979. № 6. С. 29–34; *Клейменова Р. Н.* Сист. роспись изданий ОЛРС при МГУ, 1811–1930. М., 1981; *Котрелев Н.* Вячеслав Иванов – член ОЛРС // Europa Orientalis. Salerno, 1993. Vol. 12. № 1. P. 323–335; *Левит М. Ч.* Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 г. М., 1994. С. 64–69; *Нерознак В., Клейменова Р.* Восхождение к здравой словесности // Грани. 1994. № 171. С. 297–306; Пушкин и ОЛРС: Сб. М., 1999; *Клейменова Р. Н.* ОЛРС, 1911–1930. М., 2002..

Архивы: РГАЛИ. Ф. 590 (ОЛРС).

ОБЩЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ О МУЗЫКЕ – существовало около 1907 г. в Петербурге. Опубликован устав Общества (СПб., 1907).

Лит.: История рус. лит. конца XIX – нач. XX в.: Библиогр. указ. / Под ред. К. Д. Муратовой. М.; Л., 1963. № 691.

ОБЩЕСТВО ПОМОЩИ ЛИТЕРАТОРАМ И ЖУРНАЛИСТАМ – литературное объединение, возникшее в 1913 г. в Москве. Первое общее собрание Общества состоялось 22 сентября 1913 г. В состав Совета входили В. А. Александров (казн.), Ю. А. Бунин (тов. предс.), Л. И. Гальберштадт (секр.) и А. А. Мануйлов (предс.). К началу 1914 г. Общество насчитывало 168 действительных членов и свыше 60 членов-соревнователей.

Программа Общества в основном совпадала с программой ⇨ Общества деятелей периодической печати и литературы, но в отличие от последнего оно не носило узкопрофессионального характера и не занималось взаимоотношениями издателей и работников печати.

Как дочерняя организация при Обществе был официально зарегистрирован кружок ⇨ «Молодая среда»: «В состав Общества вошла, между прочим, большая группа литераторов и журналистов (свыше 100 человек), существовавшая ранее в виде частного кружка, известного под именем "Среда", сорганизовавшись теперь при Обществе в особую "комиссию литературных собеседований", задача которой заключается главным образом в оказании помощи писателям путем обсуждения их новых литературных произведений» (*Бунин.* С. 17).

Лит.: Устав Моск. Общества помощи литераторам и журналистам. М., 1913; *Ю. Б. [Бунин Ю. А.].* Общество помощи литераторам и журналистам // Журналист. 1914. № 2. С. 16–17.

ОБЩЕСТВО ПОЭТОВ (другие названия: **НОВОЕ ОБЩЕСТВО ПОЭТОВ**; «**ФИЗА**») – литературное объединение, основанное по инициативе Е. Г. Лисенкова, Н. В. Недоброво и А. Д. Скалдина в марте 1913 г. в Петербурге и существовавшее до мая 1914 г.

Проект создания собственного литературного кружка Недоброво и Лисенков разрабатывали еще в начале 1912 г. (см. письмо Недоброво к Б. В. Анрепу от 6 февр. 1912 г.; *Струве, 1981.* С. 438). Замысел осуществился лишь год спустя как попытка замещения ⇨ Общества ревнителей художественного слова, временно прекратившего весной 1912 г. свою деятельность; после того, как часть «ревнителей» примкнула к ⇨ «Цеху поэтов», остальные, не желавшие подчиняться «синдикам» «Цеха» Н. С. Гумилеву и А. М. Городецкому или относившиеся враждебно к провозглашаемому ими акмеизму (⇨ Акмеисты), нуждались в другом месте для чтений и выступлений.

Ал. Н. Чеботаревская сообщала Вяч. И. Иванову 4 марта 1913 г.: «Недоброво вместе с Лисенковым <...> открывают клуб литераторов под заглавием "Белая бумага"» (ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 417). Организационное собрание учредителей состоялось 25 марта 1913 г.; Лисенков получил звание председателя, Недоброво – товарища председателя. Первое официальное заседание состоялось 4 апреля 1913 г. в актовом зале Шестой гимназии; организаторам удалось привлечь к участию А. А. Блока, который прочел вслух свою драму «Роза и Крест». Блок, которому не понравилась обстановка вечера (см. дневниковую запись от 7 апр. 1913 г.; *Блок, 1963.* С. 235; ср. письмо к В. Н. Княжнину от 30 апр. 1913 г.; *Блок, 1925.* С. 202), в собраниях Общества, видимо, больше не участвовал. Последующие заседания проходили в более интимной атмосфере частной квартиры на ул. Спасской, 18, кв. 23 (*Струве, 1981.* С. 439).

На третьем заседании, состоявшемся 20 апреля 1913 г., была прочитана поэма Б. В. Анрепа «Физа» (*Там же.* С. 453); с тех пор это имя укоренилось в качестве названия Общества вместо невыразительного официального. Пяст утверждает, что именно он «окрестил» Общество «Физой» (см.: *Пяст.* С. 143).

Объединение просуществовало два сезона. В первый, короткий сезон, с апреля по май 1913 г., состоялось, видимо, шесть заседаний. Осенью 1913 г. «возродились дела

Общества поэтов» (письмо Недоброво к Анрепу от 29 окт. 1913 г.; *Струве, 1981.* С. 459). Судя по повесткам собраний, сохранившимся у Княжнина (их перечень см.: *Блок, 1925.* С. 212–213; *Пяст.* С. 346), с ноября 1913 г. по май 1914 г. состоялось не меньше 15 заседаний. На собраниях проходили дискуссии о литературе, читались стихи, проза и «рефераты о поэзии всех направлений» (*Пяст.* С. 144); в повестках предусматривались чтения, доклады и сообщения А. А. Блока, Р. фон Вальтера, Ю. Н. Верховского, Вяч. И. Иванова, Г. В. Иванова, Р. Ивнева, А. А. Кондратьева, Т. Г. Краснопольской, Д. А. Крючкова, Е. Г. Лисенкова, О. Э. Мандельштама, М. Л. Моравской, Н. В. Недоброво, А. А. Попова (Вира), В. А. Пяста, Б. А. Садовского, А. Д. Скалдина, А. А. Смирнова, Б. В. Томашевского, В. Р. Ховина, В. А. Юнгера и др.

Судя по всему, заседания пользовались большим успехом среди петербургских литераторов разных направлений. В. А. Юнгер сообщал Б. А. Садовскому: «Бывают у них на собраниях и цеховики, и футуристы. Общество хочет быть беспартийно, потому не будет замыкаться в рамках каких-либо программ» (письмо от 25 апр. 1913 г.; *Иванов, 1989.* С. 574). В собраниях участвовали Г. В. Адамович, Б. В. Анреп, А. А. Ахматова, Я. В. Годин, С. М. Городецкий, Н. С. Гумилев, Л. Я. Гуревич, М. А. Долинов, И. В. Евдокимов, И. М. Зданевич, М. А. Зенкевич, Б. М. Зубакин, Г. В. Иванов, Р. Ивнев, В. Н. Княжнин, А. А. Конге, А. А. Кондратьев, Д. А. Крючков, М. А. Кузмин, Л. В. Лесная, О. Э. Мандельштам, Д. С. Мережковский, М. Л. Моравская, В. А. Пяст, Б. А. Садовской, В. Н. Соловьев, Ф. К. Сологуб, А. И. Тиняков, А. В. Тыркова-Вильямс, Ал. Н. Чеботаревская, Ан. Н. Чеботаревская, В. А. Юнгер и др. Мнимый участник «Физы» А. В. Велянсон (см.: *Огородников, Розин, 1991*; *М. А., 1992*) – мистификация (сообщение М. В. Безродного).

Представление о царящей в обществе атмосфере дают несколько шаржированные воспоминания Г. В. Иванова: «Над “Физой” все смеялись – но все ее посещали. Помещение было просторное, благоустроенное, где-то на Сергиевской. Выступлений эстетов-учредителей можно было бы и не слушать – коротая время в комфортабельной столовой за бесплатными сандвичами и даровым портвейном» (*Иванов, 1989.* С. 475). Ивановская картина «благонравной публики», «эстетических дам и пишущих стихи камер-юнкеров – хозяев “Физы”» (*Там же.* С. 476) подтверждается наблюдением Пяста, что на заседаниях Общества не было «поэтического хулиганства» (*Пяст.* С. 144). О не вполне серьезном отношении литераторов к Обществу свидетельствует письмо Кондратьева к Садовскому от 21 июня 1913 г.: «Я думаю, что вам там понравится, т[ак] к[ак] бывает много дам и девиц, которые несомненно обратят на себя Ваше внимание. К сожалению, не все они достаточно молоды» (*Богомолов, Шумихин, 1994.* С. 10).

Лит.: *Блок А. А.* Письма. Л., 1925. С. 201–202, 212–213; *Струве М.* Памяти М. А. Долинова // Последние новости (Париж). 1936. 21 октября; *Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 235; *Струве Г. П.* К истории рус. лит. 1910-х гг.: Письма Н. В. Недоброво к Б. В. Анрепу // Slavica hierosolymitana. 1981. Т. 5/6. С. 439, 452–453, 459–463; ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 417–418; *Основат А. Л., Тименчик Р. Д.* «Печальну повесть сохранить...». М., 1987. С. 176–177; *Иванов Г. В.* Стихотв. Третий Рим. Петерб. зимы. Китайские тени. М., 1989. С. 474–476, 573–574; *Топоров В. Н.* Неомифологизм в рус. лит. нач. XX в.: Роман А. А. Кондратьева «На берегах Ярыни». Trento, 1990. С. 201; *Огородников Б., Розин П.* Эпизод из истории рус. поэзии 1910-х гг. // Alma mater. Тарту, 1991. № 3 (5). С. 3; *М. А.* Из поэтич. наследия Аркадия Велянсона // Alma mater. Тарту, 1992. № 2 (7). С. 6; *Крайнева Н. И.* Рукоп. Н. В. Недоброво и мат-лы о нем в отд. рукоп. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Шестые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и мат-лы для обсуждения. Рига; М., 1992. С. 114–117; *Шумихин С. В.* Мат-лы Н. В. Недоброво в ЦГАЛИ // Там же. С. 125, 126; *Богомолов Н. А., Шумихин С. В.* А. А. Кондратьев. Письма Б. А. Садовскому // De Visu. 1994. № 1/2 (14). С. 10–13, 30–31; *Иванов Г. В.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 402–404; *Пяст В.* Встречи. М., 1997. С. 143–144, 340, 345–346.

ОБЩЕСТВО ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ ЗЕМНОГО ШАРА (**ОБЩЕСТВО ПРЕДЗЕМШАРОВ**; **ОБЩЕСТВО 317 ЧЛЕНОВ**) – утопийное общество, задуманное В. В. Хлебниковым в конце 1915 г., но тесно связанное с его поэтической мифологией второй

половины 1900-х гг. Идею Предземшаров содержит в особенности литературное имя-псевдоним Велимир (Велемир), принятое Хлебниковым в 1909 г.; этим псевдонимом подписано письмо Хлебникова к Вяч. Иванову от 10 июня 1909 г. (*Хлебников, 1940.* С. 357); см. также его письмо к семье от 30 декабря 1909 г. (*Хлебников, 1933.* С. 289; ср.: *Шишкин А.* “Велимир”: Об имени Хлебникова // Europa Orientalis. 1996. Т. 15. № 2. С. 119–142).

С соответствующими мифопоэтическими построениями связана запись Хлебникова в дневнике: «20 декабря 1915 был избран королем времени» (*Там же.* С. 333). В ноябре–декабре 1916 (?) г. Хлебников сообщал Н. И. Кульбину: «29 февраля в Москве возникло общество “317” членов. Хотите быть членом? Устава нет, но общие дела» (*Там же.* С. 310). Дата возникновения — 29 февраля 1916 г. — подтверждается воспоминаниями Д. В. Петровского (*Петровский, 1923.* С. 146), сообщавшего также, что «к первому дню существования “317”» участники общества «собрались на Воздвиженке, где жил тогда [Г. И.] Золотухин» (*Там же.* С. 143).

Число 317 имело для Хлебникова, начиная с брошюры «Учитель и ученик» (Херсон, 1912), большое значение в связи с его вычислениями «закона времени»: Хлебников был убежден, что во всем происходящем в мире наблюдается «б льшая стройность, если рассматривать события через 317 лет» (письмо к М. В. Матюшину от апр. 1915 г.; *Хлебников, 1940.* С. 379). Числу 317 как вездесущей константе подчинялось и количество Предземшаров.

В состав Председателей входили первоначально литераторы из окружения Хлебникова 1916–1917 гг.: Г. И. Золотухин, Р. Ивнев, А. С. Лурье, Г. Н. Петников, Д. В. Петровский, С. Д. Спасский. Петровский вспоминал, что он вышел из союза «в 1917 г., когда Хлебников обратил его в кунсткамеру, записывая в Председатели то Вильсона и Керенского, то Али-Серара и Джути, только потому, что это были первые арабы или абиссинцы, каких он встретил» (*Петровский, 1923.* С. 143). В автобиографическом рассказе Хлебникова «Октябрь на Неве», опубликованном в ноябре 1918 г., приведен список принятых заочно Председателей, где перечислены «писатели <...>, художники <...>, летчики <...>, американцы <...> и многие другие» (*Хлебников, 1986.* С. 544).

К «виртуальной» деятельности Общества относится ряд деклараций Хлебникова: «Воззвание Председателей Земного Шара» (Временник. М., 1917. Вып. 2); обнародованный 1 июня 1918 г. в Нижнем Новгороде «Манифест скифов» (Без муз. Н. Новгород, 1918) — в числе подписавшихся: Ф. С. Богородский, Б. Е. Гусман, С. Д. Спасский и др.; «Приказ Председателей Земного Шара» от 30 января 1922 г. (Вестник Велимира Хлебникова. М., 1922. № 1) (*Хлебников, 1933.* С. 162–167; *Хлебников, 1940.* С. 348; *Хлебников, 1986.* С. 609–614). Миф Предземшаров отразился также в стихотворении Хлебникова «Если я обращу человечество в часы» (*Хлебников, 1986.* С. 170–171) и в других его произведениях.

Хлебников противопоставлял задуманное им «временн е королевство» Предземшаров реально существующим «пространственным» государствам, в частности Вре́менному правительству А. Ф. Керенского. Если в «Воззвании», напечатанном в начале 1917 г. во «Временнике», Хлебников выдавал Керенскому «пропуск в правительство звезды» (*Хлебников, 1986.* С. 614), то несколько месяцев спустя его отношение к этому политику резко изменилось; так, в экземпляре «Временника» Петровского к фамилии Керенского была сделана пометка: «Изгнать, как преступника. В. Х.» (*Петровский, 1923.* С. 161). В «Октябре на Неве» рассказывается о письме Предземшаров к Временному правительству с постановлением от 22 октября 1917 г.: «Считать Временное правительство временно не существующим, а главнонасекомствующего Александра Федоровича Керенского находящимся под строгим арестом» (*Хлебников, 1986.* С. 546).

Существует мнение, что хлебниковская утопия Предземшаров «восходит к платоновской идее своеобразного государства поэтов и ученых» (*Парнис*). Другой исследователь считает этот взгляд «недоразумением», утверждая, что, по мысли Хлебникова, «Председателем Земного Шара мог быть каждый, кто ощущал свое единство со всем человечеством и сознавал ответственность за его судьбу» (*Дуганов*). В произведениях

Хлебникова можно найти аргументы в пользу и “аристократической” и “демократической” интерпретации идеи Предземшаров.

Лит.: *Петровский Д. В.* Восп. о Велемире Хлебникове // ЛЕФ. 1923. № 1. С. 145–146, 161, 164; *Петровский Д. В.* Повесть о Хлебникове. М., 1926. С. 9–10; *Хлебников В. В.* Собр. произв. Л., 1933. Т. 5. С. 162–167, 310, 319; *Спасский С. Д.* Маяковский и его спутники: Восп. Л., 1940. С. 75; *Хлебников В. В.* Неизданные произв. М., 1940. С. 348, 464–465; *Лурье А.* Наш марш // Новый журнал. 1969. Кн. 94. С. 131, 136; *Парнис А. Е.* В. Хлебников – сотрудник «Красного воина» // Лит. обозр. 1980. № 2. С. 112; *Хлебников В. В.* Творения. М., 1986. С. 170–171, 544–546, 609–614, 707; *Дуганов Р. В.* Велимир Хлебников: Природа творчества. М., 1990. С. 30.

ОБЩЕСТВО ПРОЛЕТАРСКИХ ИСКУССТВ (первоначально: **КРУЖОК ПРОЛЕТАРСКОГО ИСКУССТВА)** – объединение литераторов и художников, созданное по инициативе К. С. Еремеева весной 1917 г. в Петрограде при издательстве «Прибой» и редакции большевистской газеты «Правда» (возобновленной 5 марта 1917 г.). В «Правде» (1917. 7 мая. № 51) было опубликовано воззвание «К поэтам, беллетристам и художникам» с призывом «сплотиться при издательстве “Прибой” в “Кружок пролетарского искусства”. Кружком будет издан ряд художественно-литературных сборников. Присылайте свои произведения...» (цит.: *Эвентов*; ср.: *Лапшин*. С. 136, 356).

14 и 22 мая 1917 г. в бывшем особняке М. Ф. Кшесинской состоялись первые два заседания Общества. Второе собрание «поэтов, беллетристов, художников и музыкантов-интернационалистов» (Правда. 1917. 14 мая), в котором среди прочих участвовали А. А. Богданов (Малиновский) и В. В. Маяковский, описано в воспоминаниях О. И. Лешковой: «На собрании присутствовало около 20 человек, из которых, кроме В. В. Маяковского, одного художника и одного певца, не было ни одного профессионала в какой бы то ни было области искусства... Поставлен был вопрос об установлении “классовой сущности искусства”, и предложено было исходить из партийности авторов...» (цит.: *Катанян*. С. 88). Тогда же Богданов (Малиновский) выступил с воззванием «к творцам и носителям пролетарского искусства», предвосхищавшим идеи Пролеткульта: «Пролетариат, как носитель общечеловеческих идей интернационализма, является самым лучшим и верным носителем истинного искусства» (Новая жизнь. 1917. 25, 31 мая; цит.: *Лапшин*. С. 138).

Общество предполагало издавать журнал «Сатирический листок» и литературно-художественный еженедельник; эти проекты не были осуществлены. Общество планировало организовать клуб, проводить литературные вечера и чтения лекций по искусству; в «Новой жизни» (1917. 31 мая) сообщалось о постановлении литературной секции Общества «созвать 4 июня грандиозный митинг, посвященный вопросам пролетарского искусства с участием А. Луначарского, А. Богданова и других лиц» (цит.: *Там же*. С. 139).

Литературная секция Общества подготовила коллективный стихотворный сборник, вышедший осенью 1917 г. под названием «Под знамя правды: (Первый сборник Общества пролетарских искусств)» (Пб., 1917 [на обл.: 1918]). Среди участников – Д. Бедный, А. А. Белозеров, Я. П. Бердников, А. А. Богданов-Волжский, И. И. Ионов, В. Т. Кириллов, А. П. Кузьмин, И. С. Логинов, Е. А. Трифонов и др.

Лит.: *Богданов-Волжский А.* Восп. // Лит. газета. 1937. 5 мая. № 24; *Катанян В.* Маяковский: Лит. хроника. 3-е изд. М., 1956. С. 93, 427; *Эвентов И. С.* Партия, поэзия, печать // Поэзия в большевистских изданиях 1901–1917. Л., 1967. С. 27; *Лапшин В. П.* Худож. жизнь Москвы и Петрограда в 1917 г. М., 1983. С. 136–140, 141, 195, 196, 356, 362, 386, 401; *Вейс З. А., Гречнев В. Я.* С Маяковским по Санкт-Петербургу. СПб., 1993. С. 126–127.

ОБЩЕСТВО РЕВНИТЕЛЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА [**ОРХС**] (другие названия: **АКАДЕМИЯ СТИХА**; **ПОЭТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ**; **ПРО-АКАДЕМИЯ**) – литературное объединение, возникшее вокруг Вяч. И. Иванова при журнале «Аполлон» осенью 1909 г. в Петербурге. ОРХС являлось в известной степени продолжением литературных вечеров на квартире Иванова (см.: Среды ⇨ Иванова).

Предыстория объединения относится к весне 1909 г., когда по инициативе Н. С. Гумилева, П. П. Потемкина и гр. А. Н. Толстого, осознавших себя «недостаточно владеющими своим ремеслом» (*Пяст.* С. 100), Иванов читал группе молодых поэтов у себя на «башне» (ул. Таврическая, 25, кв. 24) курс древнегреческого стихосложения. Среди участников были С. А. Ауслендер, Е. И. Васильева (Черубина де Габриак), Ю. Н. Верховский, А. К. Герцык, Е. К. Герцык, В. В. Гофман, М. Л. Гофман, Н. С. Гумилев, И. фон Гюнтер, С. И. Дымшиц-Толстая, М. М. Замятнина, Е. А. Зноско-Боровский, В. Н. Княжнин, О. Э. Мандельштам, Б. С. Мосолов, П. П. Потемкин, В. А. Пяст, А. М. Ремизов, С. П. Ремизова, К. А. Сюннерберг, гр. А. Н. Толстой. Замятниной и Мосоловым были сделаны конспекты лекций (см.: Зап. ОР ГБЛ. М., 1973. Вып. 34. С. 258; *Гаспаров*). Состоялось всего 8 заседаний, последнее — 16 мая. Весенний курс поэтики получил впоследствии название «Про-Академия» (*Пяст.* С. 99).

Лекции Иванова оказали немалое влияние на участников курса; так, Гумилев признавался Брюсову: «...только теперь я начинаю понимать, что такое стих» (письмо от 21 апр. 1909 г.: ЛН. 1994. Т. 98, кн. 2. С. 491); для Пяста «раскрылись тайны анапестов, пеонов и эпитритов» (*Пяст.* С. 100); Мандельштам писал Иванову 20 июня 1909 г.: «Ваши семена глубоко запали в мою душу» (*Мандельштам О. Э.* Камень. Л., 1990. С. 205); ср. также воспоминания Мандельштама о заседаниях Про-Академии в пересказе И. В. Одоевцевой (*Одоевцева И.* Избр. М., 1998. С. 369–370).

19 сентября 1909 г. Гумилев предложил Иванову продолжить весенние чтения (ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 356). Два дня спустя, 21 сентября 1909 г., секретарь редакции журнала «Аполлон» Зноско-Боровский пригласил письменно В. Я. Брюсова прочесть курс лекций наряду с Вяч. Ивановым и И. Ф. Анненским (ЛН. 1976. Т. 85. С. 523–524). История ОРХС с самого его зарождения тесно связана с «Аполлоном»; одним из членов-учредителей Общества был редактор и издатель «Аполлона» С. К. Маковский; сотрудники журнала составляли организационное ядро Общества; местонахождением ОРХС и местом собраний являлись редакционные помещения «Аполлона» на Мойке.

К середине октября 1909 г. учреждение ОРХС завершилось. В состав правления Общества входили первоначально Вяч. И. Иванов, И. Ф. Анненский, В. Я. Брюсов, М. А. Кузмин, А. А. Блок (лекторы), С. К. Маковский и Е. А. Зноско-Боровский (администраторы) (см.: ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 356); после кончины Анненского 30 ноября 1909 г. на его место был кооптирован Ф. Ф. Зелинский (см.: ЛН. 1976. Т. 85. С. 523). В октябре 1909 г. ОРХС развернуло свою деятельность: «Первые недели прошли, чередуясь, в повторении и развитии “Про-Академического” курса Вячеслава Иванова и связанных с ним общностью подхода, как и темы, лекций Иннокентия Федоровича Анненского» (*Пяст.* С. 105). Анненский сделал разбор стихотворения Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...». Брюсов, давший «обещание прочесть 5–7 лекций по теории и истории русского стиха» (письмо Маковского к Брюсову от 24 нояб. 1909 г.: ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 356), с чтениями в ОРХС не выступал.

Заседания происходили сезонами, т.е. с осени по весну, с последующим летним перерывом до следующей осени. Деятельность ОРХС распадается на два периода, первый из которых продолжался три сезона (до весны 1912 г.).

В октябре 1911 г. Н. С. Гумилев и С. М. Городецкий основали собственное общество ⇨ «Цех поэтов», провозгласили весной 1912 г. новое литературное направление — акмеизм (см.: ⇨ Акмеисты), так что в ОРХС они больше не нуждались; окончательный разрыв «цеховиков» с символистами Академии стиха произошел на заседании 18 февраля 1912 г. (см.: *Недоброво.* С. 27; ср. также запись в дневнике Г. А. Тотса об этом собрании: *Тотс.* С. 108).

В мае 1912 г. Иванов уехал больше чем на год за границу, а после возвращения переехал осенью 1913 г. в Москву. После его отъезда деятельность ОРХС фактически прекратилась: Академия стиха без Иванова стала «совсем сиротой, беспризорной или чем-то вроде “Академии без Ломоносова”» (письмо Маковского к Иванову от 3 окт. 1912 г.: ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 410).

О прекращении деятельности Общества сетовали «анти-Цехово» настроенные члены Академии стиха, в том числе Н. В. Недоброво, который зимой 1912–1913 гг. хлопотал о возобновлении заседаний ОРХС (см. письмо Недоброво к Иванову от 22 янв. 1913 г.; ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 410). Попытки воскресить ОРХС не увенчались успехом; тогда Недоброво вместе с А. Д. Скалдиным основал в противовес «цеховикам» весной 1913 г. собственный литературный кружок ⇨ Общество Поэтов («Физа»), расцениваемое самими учредителями как «возрождение ОРХС» (см. письмо Скалдина к Иванову от 11 апр. 1913 г.: ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 417).

По-настоящему ОРХС возродилось лишь осенью 1913 г. при содействии Недоброво, избранного в ноябре 1913 г. в состав совета Общества (см. письмо Недоброво к Б. В. Анрепу от 16 ноября 1913 г.: Slavica hierosolymitana. 1981. Т. 5/6. С. 460). К 1915 г. в состав совета входили также В. А. Чудовский (секр.) и Н. С. Гумилев (Весь Петроград на 1915 г. С. 828). Этот второй период деятельности ОРХС длился, видимо, до весны 1916 г. К концу 1916 г. относится еще одна попытка возобновления Академии стиха, как явствует из письма Недоброво к Скалдину от 23 декабря 1916 г.: «Новые Цех и Академия смущают меня. <...> боюсь, что новая Академия совсем обратится в сборище непосвященных» (*Тименчик*); упомянутый в письме «новый Цех» – это ⇨ «Цех поэтов» (второй).

Представление о том, как происходили собрания ОРХС, дают многие источники, в том числе воспоминания участников (*Пяст*), а также ряд отчетов о заседаниях ОРХС в современной прессе, например, в журналах «Русская художественная летопись» ([о собрании 13 апр. 1911 г.] // 1911. № 9. С. 142; [о собрании 29 окт. 1911 г.] // 1911. № 20. С. 320–321; [о собрании 18 янв. 1912 г.] // 1912. № 3. С. 40–41), «Труды и дни» ([отчет Недоброво о трех заседаниях в янв. и февр. 1912 г.] // *Недоброво*) и «Аполлон» ([о собрании 18 февр. 1912 г.] // 1912. № 5. С. 55; [о трех заседаниях в нояб. и дек. 1913 г.] // 1914. № 1/2. С. 135; [о двух собраниях в февр. 1914 г.] // 1914. № 5. С. 53–54; [о собраниях 12 дек. 1915 г. и 28 янв. 1916 г.] // 1916. № 2. С. 55–56; [о собраниях в марте и апр. 1916 г.] // 1916. № 4/5. С. 86–87). Заседание ОРХС от 3 дек. 1911 г. описано в дневнике Блока (*Блок, 1963*. С. 99–100). Многие собрания упоминаются в письмах Блока.

ОРХС сыграло заметную роль в истории русской культуры начала века, являясь форумом для выступлений, докладов и чтений едва ли не всех петербургских писателей школы символизма. В работе Общества принимали участие Е. В. Аничков, И. Ф. Анненский, С. А. Ауслендер, А. А. Ахматова, А. Белый, А. А. Блок, В. Я. Брюсов, Е. И. Васильева, Ю. Н. Верховский, М. А. Волошин, В. М. Волькенштейн, С. Гедройц, А. К. Герцык, Е. К. Герцык, Вас. В. Гиппиус, С. М. Городецкий, В. В. Гофман, М. Л. Гофман, Н. С. Гумилев, И. фон Гюнтер, Ф. Ф. Зелинский, Е. А. Зноско-Боровский, Вяч. И. Иванов, Н. А. Карпов, В. Н. Княжнин, А. А. Кондратьев, М. А. Кузмин, С. К. Маковский, О. Э. Мандельштам, М. Л. Моравская, Б. С. Мосолов, Н. В. Недоброво, П. П. Потемкин, В. А. Пяст, С. Э. Радлов, А. М. Ремизов, А. Д. Скалдин, В. Н. Соловьев, К. А. Сюннерберг, гр. А. Н. Толстой, Б. В. Томашевский, Г. А. Тотс, В. А. Чудовский, В. К. Шилейко и др.

Лит.: *Гофман М. Л.* Поэтич. академия // Вестн. лит. 1909. № 8. С. 186–187; *Недоброво Н. В.* ОРХС в Петербурге // Труды и дни. 1912. № 2. С. 23–27; *Маковский С. К.* Вячеслав Иванов в России // Новый журнал. 1952. Кн. 30. С. 138–139; *Маковский С. К.* На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962. С. 150–151; *Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1963. Т. 7. С. 78, 86, 99–100; *Маковский С. К.* Николай Гумилев по личным восп. // Новый журнал. 1964. Кн. 77. С. 166–167; ЛН. 1976. Т. 85. С. 523–524; ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 356; *Осповат А. Л., Тименчик Р. Д.* «Печальну повесть сохранить...». М., 1987. С. 184; *Тотс Г. А.* «Зарево большого города...»: Страницы из восп. // Лит. обозр. 1988. № 11. С. 108, 111; *Кузнецова О. А.* Дискуссия о состоянии рус. символизма в «ОРХС» // Рус. лит. 1990. № 1. С. 200–207; *Тименчик Р. Д.* Из поздней переписки Н. В. Недоброво // Шестые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и мат-лы для обсуждения. Рига; М., 1992. С. 150; Лица. М.; СПб., 1992. Вып. 1. С. 299; *Гаспаров М. Л.* Лекции Вяч. Иванова в Поэтич.

Академии 1909 г. // Новое лит. обозр. 1994. № 10. С. 89–105; ЛН. 1994. Т. 98, кн. 2. С. 491–492; *Пяст В.* Встречи. М., 1997. С. 99–111, 308–322; *Шишкин А.* Вяч. Иванов и сонет серебряного века // Europa Orientalis. 1999. Vol. 18. № 2. С. 229–232, 262–266; Письмо В. В. Гофмана к А. А. Шемшурину // Писатели символистского круга: Новые мат-лы. СПб., 2003. С. 247–248.

Архивы: ОР РГБ. Ф. 339 (Шемшурин А. А.). Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 7, 42; *Карпов Н. А.* В лит. болоте: (Восп.) // РГАЛИ. Ф. 2114 (Карпов Н. А.). Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 75–76 [сообщено А. И. Рейтблатом].

ОБЩЕСТВО РЕВНИТЕЛЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДРАМЫ И МУЗЫКИ – существовало около 1912 г. в Петербурге. Опубликован устав Общества (СПб., 1912).

Лит.: История рус. лит. конца XIX – нач. XX в.: Библиогр. указ. / Под ред. К. Д. Муратовой. М.; Л., 1963. № 696.

ОБЩЕСТВО РУССКИХ ДРАМАТИЧЕСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ОПЕРНЫХ КОМПОЗИТОРОВ [ОРДПиОК] – профессиональная организация деятелей театра, возникшая в 1874 г. в Москве. Ее основу составило неофициальное Русское драматическое общество, организованное в ноябре 1870 г. по инициативе А. Н. Островского и В. И. Родиславского. Проект устава, написанный Островским в начале 1871 г., обсуждался членами Собрания драматических писателей в Москве и Петербурге (*Островский.* С. 351). Устав Общества русских драматических писателей (ОРДП) был утвержден Министерством внутренних дел 30 июля 1874 г.; открытие ОРДП состоялось 21 октября 1874 г. В 1877 г. к Обществу присоединились оперные композиторы.

В первоначалный состав правления входили А. Н. Островский (предс.), В. И. Родиславский (секр.), А. А. Майков (казн.). После кончины Островского в 1886 г. функцию председателя выполняли Н. А. Чаев, С. А. Юрьев, А. А. Майков, И. В. Шпажинский, кн. А. И. Сумбатов-Южин и др. Родиславского на посту секретаря сменил И. М. Кондратьев, затем – А. С. Балагин.

Целью Общества являлась, в первую очередь, охрана авторских прав и защита материальных интересов его членов; ОРДПиОК взимало через уполномоченных агентов авторские отчисления с театральных антрепренеров по всей России. Общество проводило также литературные вечера и конкурсы: в 1875 г. была учреждена ежегодная премия, присуждаемая членам Общества за лучшую пьесу сезона; в 1879 г. премия получила название Грибоедовской (*Овчарова.* С. 137); среди лауреатов – Л. Н. Андреев, М. Горький, С. А. Найденов, Вл. И. Немирович-Данченко, А. Н. Островский, кн. А. И. Сумбатов-Южин, Н. А. Чаев, А. П. Чехов и др. В состав ОРДПиОК входили едва ли не все русские драматурги. «Благодаря упрощенной процедуре членом Общества мог сделаться и делался (вероятно, из тщеславных побуждений) буквально каждый мало-мальски грамотный» (*Королев.* С. 145). К 1897 г. в ОРДПиОК числилось 619 членов.

Общество развернуло интенсивную издательскую деятельность (*Там же*). Ее поручено было вести С. Ф. Рассохину, издавшему в течение нескольких десятилетий, наряду с внутренними документами (устав, отчеты, каталоги драматических произведений), сотни пьес членов (в виде литографированных брошюр). Рассохин злоупотреблял своей монополией, наживаясь за счет драматургов и нарушая отчасти их авторские права.

В конце 1890-х гг. возникли расхождения между московским правлением и частью петербургских членов Общества (обострению их способствовала рассохинская издательская практика [*Там же.* С. 156]); в Москве и в Петербурге стали отдельно проводиться общие собрания (*Сумбатов.* С. 44–46). Роль главы петербургской группы играл В. В. Билибин, выступавший неоднократно в печати против ОРДПиОК (*Там же.* С. 7). Конфликт вспыхнул после статьи Билибина в журнале «Театр и искусство» в ноябре 1901 г., содержащей тяжелые обвинения в адрес правления Общества. Главным поводом для выпадов послужил вопрос о размерах процентного вознаграждения должностных лиц; Билибин утверждал также, что не учитываются интересы петербургских

Комитет Общества русских драматических писателей и оперных композиторов.
Слева направо – Н.А. Чаев, И.М. Кондратьев, В.И. Родиславский, И.А. Мещерский,
А.Н. Островский, В.Н. Кашперов, А.А. Майков, М.П. Цветков. Конец 1870-х гг.

членов, и усматривал «гибель» Общества «в том, что, с одной стороны, стоит большинство, воодушевленное самыми лучшими стремлениями, но разрозненное и потому бессильное, а с другой стороны – меньшинство, сплоченное и потому сильное, но сильное в ущерб коренным интересам самого Общества» (*Билибин.* С. 845). ОРДПиОК немедленно ответило брошюрой, в которой опровергались положения Билибина: «...все это говорится наобум, бездоказательно, противно истине и вопреки здравому смыслу, лишь бы оправдать цель призыва к борьбе петербургских членов с московскими, которую проповедует г. Билибин, нанося тем вред и оскорбление Обществу» (ОРДПиОК: Записка В. В. Билибина. С. 13).

Усиливающийся одновременно «антагонизм» (*Сумбатов.* С. 43) в отношениях между ОРДПиОК и возникшим в 1894 г. петербургским ⇨ Русским театральным обществом привел к образованию по инициативе Билибина в 1903 г. ⇨ Союза драматических и музыкальных писателей, членов Русского театрального общества. Фактически Общество разделилось на московскую (в 1923 г. переименовано в Московское общество драматических писателей и композиторов) и петербургскую (Драмсоюз, впоследствии Ленинградское общество драматических писателей и композиторов) организации. Оба Общества просуществовали вплоть до 1930 г., когда слились во Всероссийское общество драматургов и композиторов (Всероскомдрам) (М., 1930–1933).

Лит.: Каталог пьес членов ОРДПиОК. М., [1887; 1895; 1900; 1907; 1914]; Дополнение к каталогу пьес членов ОРДПиОК. М., [1892–1916];; ОРДПиОК // Почин. Сб. Об-ва любителей рос. словесности на 1895 г. М., 1895. Отд. 2. С. 14–16; Общества // Энц. словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. 1897. Т. 21 (Кн. 42). С. 622–623; Обзор деятельности ОРДПиОК за XXV-летие

его существования. 1874–1899. М., 1899; *Билибин В. В.* Что творится в Об-ве драм. писателей // Театр и иск-во. 1901. 18 нояб. № 47. С. 842–845; ОРДПиОК: Записка В. В. Билибина. М., 1901; *Сумбатов А. И.* Острый момент ОРДП. М., 1902; Устав ОРДПиОК. М., 1903; Каталог библиотеки ОРДПиОК. М., 1907; *Островский А. Н.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1952. Т. 12. С. 79–80, 93–95, 259–261, 351; *Телешов Н. Д.* Зап. писателя. М., 1958. С. 35; *С. Г. [Ганцевич С. М.].* ОРДПиОК // ТЭ. М., 1965. Т. 4. С. 126–127; *Лейкина-Свирская В. Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М., 1981. С. 132–133; *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем.: В 30 т. Письма: В 12 т. Указ. к т. 1–12. М., 1983. С. 196; *Овчарова П. И.* ОРДП: Обзор рукоп. фонда // Новые мат-лы по истории рус. лит.: Сб. науч. трудов. (ГЛМ). М., 1994. С. 131–152; *Королев Д. Г.* Издательская деятельность ОРДПиОК // Книга: Исслед. и мат-лы. М., 1998. Сб. 75. С. 145–161.

Архивы: РГАЛИ. Ф. 675 (Всерос. ОРДПиК); Ф. 878 (Южин А. И.). Оп. 1. Ед. хр. 26, 47, 67; Ф. 2097 (ОРПиОК); ГЛМ. Ф. 151 (ОРДП) (см.: *Овчарова*).

ОБЩЕСТВО РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ДЛЯ ПОМОЩИ ЖЕРТВАМ ВОЙНЫ – существовало в 1914–1917 гг. в Петрограде. Общество выпустило «Невский альманах жертвам войны» (Пг., 1915) и «Невский альманах. Вып. 2» (Пг., 1917), Устав (Пг., 1914) и отчет о деятельности со списком членов (Пг., 1916).

Лит.: *Рогожин Н. П.* Лит.-худож. альм. и сб-ки: 1912–1917 гг. М., 1958. № 387, 499; История рус. лит. XIX – нач. XX в.: Библиогр. указ. Общая часть / Под ред. К. Д. Муратовой. СПб., 1993. № 3862–3863.

ОБЩЕСТВО СВОБОДНОЙ ЭСТЕТИКИ [**ОСЭ**] – литературно-художественное объединение в 1906–1917 гг. в Москве. Общество возникло по инициативе В. Я. Брюсова, Н. Р. Кочетова, В. В. Переплетчикова и И. И. Трояновского. Первое собрание состоялось 8 ноября 1906 г. Брюсов сообщал З. Н. Гиппиус в письме от 27 декабря 1906 г.: «“ОСЭ” – нечто вроде Ивановских сред, собирается по средам же и очень полезно для писателей младшего возраста» (ЛН. 1976. Т. 85. С. 689); см.: Среды ⇨ Иванова.

Официально деятельность ОСЭ началась после утверждения устава 10 апреля 1907 г., а в октябре были избраны литературная, театральная, музыкальная и художественная комиссии; в литературную комиссию входили Ю. К. Балтрушайтис, А. Белый, В. Я. Брюсов, В. В. Гофман, М. Ф. Ликиардопуло, С. М. Соловьев и Эллис. Собрания ОСЭ проходили в помещении ⇨ Литературно-художественного кружка.

Как зафиксировано в отчетах о деятельности Общества, за сезон состоялось от 13 до 19 собраний; на них читались доклады и литературные произведения, исполнялись концертные номера, проходили художественные выставки. С докладами и чтениями выступали К. Д. Бальмонт, А. Белый, В. Я. Брюсов, С. А. Есенин, Вяч. И. Иванов, Н. А. Клюев, М. А. Кузмин, Б. А. Садовской, И. Северянин, Ф. К. Сологуб, Ф. А. Степун, гр. А. Н. Толстой, В. Ф. Ходасевич, М. И. Цветаева, В. Г. Шершеневич, Эллис и др. Доклад Вяч. Иванова «О новых литературных группировках», прочитанный в ОСЭ 17 марта 1910 г. (см. Отчет 1909–1910 г.) и повторенный им 26 марта в ⇨ Обществе ревнителей художественного слова (напечатан под заглавием «Заветы символизма»; Аполлон. 1910. № 8), стал одной из вех в истории русских ⇨ Символистов. Общество посещали знаменитые иностранцы: А. Матисс (27 октября 1911 г.), Э. Верхарн (5 декабря 1913 г.), Ф. Т. Маринетти (13 февраля 1914 г.). Одно из последних собраний Общества от 23 марта 1917 г. описано в стихотворном «Дневнике поэта» Брюсова (ЛН. 1976. Т. 85. С. 30).

По данным печатных списков членов к 1910 г. в ОСЭ числилось 120, в 1912 г. – 177, в 1914 г. – 196 членов; среди литераторов к 1911 г. «действительными членами» и «членами-посетителями» были Ю. К. Балтрушайтис, А. Белый, П. Д. Боборыкин, В. Я. Брюсов, А. И. Булдеев, А. К. Виноградов, М. А. Волошин, М. О. Гершензон, гр. Ф. Г. Де-ла-Барт, С. А. Кречетов (Соколов), М. Ф. Ликиардопуло, Э. К. Метнер, П. П. Перцов, А. С. Петровский, С. А. Поляков, Г. А. Рачинский, Б. М. Рунт, Б. А. Садовской, Ф. А. Сте-

пун, М. Я. Шик, Н. Г. Шкляр, Г. Г. Шпет, Эллис, М. А. Эртель (ОСЭ. Список членов. 1910–1911 г. М., [б.г.]). В состав Общества входили, наряду с писателями, художниками, музыкантами и другими деятелями искусств, также многочисленные представители «буржуазии (любителей, меценатов, модников с модницами или просто людей общества)» (*Белый.* С. 197).

Трения между фракциями «деятелей» и «любителей» искусств, обусловленные богемным презрением к нетворческой “буржуазии”, послужили сквозной темой эпистолярных и мемуарных свидетельств об ОСЭ. Так, Ходасевич писал Садовскому 25 мая 1913 г.: «Об Эстетике Вы не правы. Очищать ее не к чему, поздно. Надо оставить ее Гиршманам, любящим искусство адвокатам <...> и прочей публике» (*Ходасевич.* С. 17; В. О. Гиршман – фабрикант, коллекционер, член главного комитета ОСЭ). Как вспоминал Белый, «было модно стать членом “Эстетики”; ее погубило переполнение ее миллионершами, позднее поднявшими голос» (*Белый.* С. 195).

ОСЭ намеревалось «способствовать успеху и развитию в России искусств и литературы и содействовать общению деятелей их между собой» (Устав. С. 1). Общество объединяло преимущественно приверженцев эстетики символизма и любителей «нового искусства»; Белый сообщал З. Н. Гиппиус в августе 1907 г.: «мы надеемся организовать из кружка клуб “Весов”» (*Аллой.* С. 212). Сопоставляя ОСЭ с действующим параллельно Литературно-художественным кружком, Степун охарактеризовал его следующим образом: «Если Кружок был витриною новой литературы, то ОСЭ было скорее всего ее лабораторией. На сравнительно малолюдные собрания этого Общества собиралась только своя, частично весьма снобистическая публика. Здесь корифеи “символизма” читали свои новые стихи и более утонченно, чем в Кружке, развивали свои новаторские теории» (*Степун.* С. 242). Как вспоминал С. В. Шервинский, заседания ОСЭ «были одновременно и очагом самой свежей художественной деятельности и вместе с тем вскоре превратились в собрания клубного типа, где встречались люди примерно одинаковых эстетических вкусов, где завязывались и укреплялись знакомства, где каждому из молодых лестно было провести вечер рядом с видными и авторитетными представителями художественного мира, причем не только московского, но и иногороднего, а нередко и заграничного» (*Шервинский.* С. 98).

Лит.: ОСЭ. Отчет о деятельности. [1908–1909 г.; 1909–1910 г.; 1910–1911 г.; 1911–1912 г.; 1912–1913 г.; 1913–1914 г.]. М., 1909–1914; ОСЭ. Список членов [к 1 мая 1910 г.; 1910–1911 г.; 1911–1912 г.; 1913–1914 г.]. М., 1910–1914; Устав ОСЭ. М., 1915; *Спасский С.* Маяковский и его спутники: Восп. Л., 1940. С. 35–39; *Брюсов А. Я.* Лит. восп. // Север. 1965. № 4. С. 133–134; ЛН. 1976. Т. 85. С. 30, 33, 400–401, 519–520, 618, 688; *Ходасевич В. Ф.* Письма Б. А. Садовскому. Ann Arbor, 1983. С. 9–10, 15, 17, 73; *Белый А.* Между двух революций. М., 1990. С. 194–219, 504–507; *Ходасевич А. И.* Восп. о В. Ф. Ходасевиче // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 396; *Шершеневич В. Г.* Великолепный очевидец // Мой век, мои друзья и подруги. М., 1990. С. 433–434; Неизвестное письмо Андрея Белого / Публ. В. Аллоя // Минувшее. М., 1991. Вып. 5. С. 211–212, 220; *Дурылин С. Н.* В своем углу. М., 1991. С. 317–320; *Садовской Б. А.* Записки (1881–1916) // Рос. архив. М., 1991. Вып. 1. С. 155, 167–168; *Зайцев Б. К.* Соч.: В 3 т. М., 1993. Т. 2. С. 372–373; *Рындина Л.* Ушедшее // Восп. о серебряном веке. М., 1993. С. 415; Новое лит. обозр. 1993. № 4. С. 112; *Локс К. Г.* Повесть об одном десятилетии (1907–1917) / Публ. Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова // Минувшее. М.; СПб., 1994. Вып. 15. С. 39–41; *Степун Ф. А.* Бывшее и несбывшееся. СПб., 1995. С. 242–243; *Шервинский С. В.* Стихотв. Восп. Томск, 1997. С. 85–90, 94–100; *Серпинская Н. Я.* Флирт с жизнью. М., 2003. С. 90–91, 94.

Архивы: ОР РГБ. Ф. 386 (Брюсов В. Я). Карт. 114. Ед. хр. 36–45; Карт. 115. Ед. хр. 1–9; РГАЛИ. Ф. 2554 (Бобров С. П.). Оп. 2. Ед. хр. 657.

ОБЩЕСТВО ТОЛСТОВСКОГО МУЗЕЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ было официально утверждено (под названием Общество для устройства Дома-музея Л. Толстого) 27 января 1909 г. В марте 1909 г. оно провело Толстовскую выставку, в 1911 г. был открыт музей. В 1910 г. было создано Московское отделение Общества Толстовского

музея. В октябре 1911 г. оно открыло в Москве Толстовскую выставку, 30 апреля 1912 г. был утвержден устав Московского общества Толстовского музея. Петербургское общество Толстовского музея выпускало «Известия Общества Толстовского музея в Санкт-Петербурге» (1911), Московское – «Толстовский ежегодник» (М., 1912–1913). Московское общество опубликовало устав (М., 1912) и четыре годовых отчета за 1913–1916 гг. (М., 1913–1917). В воспоминаниях О. А. Израэльсона (Волжанина) говорится о посещении Ясной Поляны группой членов Московского общества в ноябре 1914 г.

Лит.: *Бем А. Л.* К истории изучения Толстого. 1. Толстовские общества и их издательская деятельность // Библиологический сборник. Пг., 1916. Т. 1. Вып. 3. С. 111–124; *Волжанин О.* Правда о С. А. Толстой // Вестн. лит. 1921. № 6/7 (30/31). С. 2–5; № 8 (32). С. 2–4; История рус. лит. XIX – нач. XX в.: Библиогр. указ. Общая часть / Под ред. К. Д. Муратовой. СПб., 1993. № 3851–3852.

«**ОГНИ**» – литературный кружок, существовавший в 1912–1913 гг. в Москве. Среди участников был И. И. Морозов. В кружок входили, видимо, сотрудники и авторы ежемесячного литературно-общественного журнала «Огни» (М., 1912–1913), редактором которого был Морозов (издатель – И. П. Рогожин). Вышло 5 номеров (ноябрь 1912 – март 1913). Пятый номер был арестован и уничтожен по приговору суда за распространение революционных идей.

Лит.: РП. 1999. Т. 4. С. 132.

«**ОДИНОКИЕ**» – кружок начинающих писателей, основанный весной 1908 г. в Петербурге. Инициаторами создания кружка были А. С. Андреев, М. Либерсон и Малкис. Первая встреча желавших создать кружок состоялась 15 апреля 1908 г. на квартире Блока; на этот вечер были приглашены также Г. И. Чулков, Евг. Пав. Иванов, Н. П. Ге, Т. Налепинский и К. Эрберг. Организационное собрание было назначено на 27 апреля 1908 г. На одном из первых заседаний присутствовал М. А. Волошин, отнесшийся, как и Эрберг, скептически к задаче кружка «бороться с одиночеством во имя создания новых форм жизни, основанных на *культурных* и искренних отношениях между людьми» (письмо Либерсон к Эрбергу от 15 апр. 1908 г.; *Блок, 1979.* С. 152).

А. Андреев писал Блоку 9 сентября 1908 г. о намерении кружка издавать сборник или газету: «...рефераты, статьи об одиночестве дадут Либерсоны, Веревкины, Абраши, Мейскины, А. Андреевы и пр. и пр.» (цит.: *Блок, 1936*); намечалось также участие Л. Н. Толстого, Л. Н. Андреева и Блока. Проект издания не был осуществлен. Год спустя Либерсон выпустила компилятивную брошюру «Страдания одиночества» (СПб., 1909).

Блок относился положительно к начинаниям кружка, как явствует из записи от 12 сентября 1908 г. в записной книжке: «Из “одиноких” может что-нибудь выйти» (*Блок, 1965*); члены кружка упоминаются также в письмах Блока к Иванову от 13 сентября 1908 г. (*Блок, 1963.* С. 252), к матери от 24 ноября 1908 г. (*Блок, 1927*) и к ней же от 14 декабря 1908 г. (*Блок, 1963.* С. 268).

Весьма скептически отнеслись к затеям кружка З. Н. Гиппиус (в письме к Блоку от 11 дек. 1908 г.; см.: *Минц*) и Г. И. Чулков; последний иронически изложил беседу у Блока с «симпатично-наивными борцами с одиночеством» в очерке «Самоубийцы» (Речь. 1912. 6 марта; ср.: *Чулков, 1916*) и карикатурно интерпретировал идеи кружка в романе «Сережа Нестроев» (*Чулков, 1916а*).

Лит.: *Чулков Г. И.* Вчера и сегодня: Очерки. М., 1916. С. 62–63; *Чулков Г. И.* Сережа Нестроев: Роман. М., 1916а. С. 118–119; *Блок А. А.* Письма к родным. М.; Л., 1927. Т. 1. С. 235; *Блок А. А.* Письма к Е. П. Иванову. М.; Л., 1936. С. 122; *Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1963. Т. 8. С. 252, 268; *Блок А. А.* Записные книжки. М., 1965. С. 114; *Блок А. А.* Письма к Конст. Эрбергу (К. А. Сюннербергу) // ЕжегРОПД. 1977. Л., 1979. С. 152–153; *Минц З. Г.* А. Блок в полемике с Мережковскими // Блоковский сб. Тарту, 1981. Вып. 4. С. 165–167; ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 381, 391–392.

«**ОМФАЛИТИЧЕСКИЙ ОЛИМП**» (или «**ОМФАЛОС**») – шуточный литературный кружок, возникший весной 1916 г. в Петрограде по инициативе В. С. Бабаджана, Н. М. Бахтина и М. О. Лопатто. В кружке «шутников от науки» участвовали также М. М. Бахтин, Л. В. Пумпянский, Н. Э. Радлов, С. Э. Радлов (*Дувакин, 1993.* С. 132; *Дувакин, 1996.* С. 50–52). Зародышем кружка являлись совместные занятия пародийным стихотворством Н. Бахтина и Лопатто в Вильне в 1911–1912 гг. (*Эджертон.* С. 218).

Участники кружка сочиняли пародии на модные литературные течения. Основанное кружком издательство «Омфалос» (греч. ὀμφαλός – «пуп») выпустило осенью 1916 г. книгу стихов «Кавалерийские победы» (Пг., 1917) Клементия Бутковского (псевдоним Бабаджана; книга была не столько сборником пародий, сколько литературной мистификацией, создававшей пародийный образ «поэта-любителя» типа Козьмы Пруткова). В списках изданий «Омфалоса» числится также вышедшая в конце 1915 – начале 1916 г. без издательской марки книга стихов Лопатто «Избыток» (Пг., 1916).

После Октябрьской революции издательство «Омфалос» переместилось в Одессу, где, благодаря поддержке местного мецената Я. Г. Натансона, продолжило свою деятельность вплоть до 1920 г., выпустив 22 книги (частично с выходными данными «Пг. – Одесса»). Активное участие в работе одесского издательства принимал художник Ф. Г. Гозиасон.

В 1918 г. вышел коллективный сборник новых литературных мистификаций «Омфалитический Олимп: (Забытые поэты)», в котором наряду с инициаторами кружка приняла участие также З. К. Шишова (см. письмо Шишовой к Р. Д. Тименчику от 15 апр. 1971 г.; *Тименчик.* С. 171); в другом месте Шишова указывала на соавторство ее мужа А. Фиолетова (письмо Шишовой к Е. М. Голубовскому от 24 марта 1965 г.; *Лущик, 1993.* С. 165–166); по данным Г. А. Шенгели, авторами книги были В. С. Бабаджан и Э. Г. Багрицкий (*Там же.* С. 166).

Под маркой «Омфалос» вышли также книги «Всадник» (1917), «Врубель: (Печальный гений)» (1918) «Сезанн: Жизнь, творчество и избраные отрывки из писем» (1919) и «Зоя: Стихи» (1919) Бабаджана, «Круглый стол: Стихи» (1919) Лопатто, «Стихотворения. Книга 2-я» (1919) Н. В. Крандиевской-Толстой, «Пенаты: Стихи» (1919) Шишовой, «Вторник у Каролины Павловой» (1919) и «Портрет Манон Леско: Два этюда о Тургеневе» (1919) Л. П. Гроссмана, «Собрание стихов» Р. М. Рильке в переводе А. А. Биска (1919), «Стихотворения» Э. Верхарна в переводе М. А. Волошина (1919), «Избранные сонеты» Ж.-М. Эредиа в переводе Шенгели (1920) и др.

Впоследствии Лопатто следующим образом охарактеризовал деятельность кружка: «Мы выдумывали персонажей и сочиняли их стихотворные портреты. Это было нашим вызовом современной поэтике, вычурной упадочности стихотворцев» (письмо к Ф. Уилсон от 5 марта 1951 г.; *Эджертон.* С. 235). «Иронические стихи (см. “Омфалитический Олимп”) Бахтин, Бабаджан и я писали для упражнения в совершенствовании техники, как музыканты играют гаммы и этюды» (письмо к В. Эджертону от 30 янв. 1972 г.; *Там же.* С. 223).

М. Бахтин вспоминал, что в кружке «писали пародийные произведения различных жанров, различных стилей. <...> устраивали пародийные собрания» (*Дувакин, 1993.* С. 134; *Дувакин, 1996.* С. 54); им же приведены первые стихи программной для кружка поэмы его брата Н. Бахтина «Omphalos epiphales [epiphanes? – *М. Ш.*]» («Явленный пуп»).

Лит.: *Лущик С. З.* Библиофильское кн-во «Омфалос» (Пг.-Одесса, 1916–1920) // Актуальные проблемы теории и истории библиофильства. Л., 1982. С. 32–34; *Тименчик Р. Д.* Тынянов и «лит. культура» 1910-х гг. // Тыняновский сб.: Третьи Тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 164–168, 171; *Эджертон В.* Ю. Г. Оксман, М. И. Лопатто, Н. М. Бахтин и вопрос о кн-ве «Омфалос»: (Переписка и встреча с М. И. Лопатто) // Пятые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и мат-лы для обсуждения. Рига, 1990. С. 211–237; *Тоддес Е. А., Чудакова М. О.* Несколько цитат, библиогр. заметок и мемуарная реплика на полях публ. В. Эджертона // Там же. С. 238–244; Разговоры с Бахтиным / [Запись В. Д. Дувакина] // Человек. М., 1993. № 5. С. 131–135; *Лущик С. З.* Кн-во «Омфалос»

// Книга: Исслед. и мат-лы. М., 1993. Сб. 66. С. 158–174; РП. 1994. Т. 3. С. 391–392; Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным. М., 1996. С. 50–55; *Федякин С. Р., Юрченко Т. Г.* «Омфалос» // Лит. энц. терминов и понятий. М., 2003. С. 693; *Устинов А. Б.* Из истории литературной жизни Одессы конца 1910-х годов // В. Я. Брюсов и русский модернизм. М., 2004. С. 251–260.

ОППЕЛЕЙ ВОСКРЕСЕНЬЯ – проходили в 1880–1890-е гг. в Петербурге. На воскресных завтраках у композитора Анд. Ал. Оппеля и его жены В. Л. Оппель бывали В. А. Гольцев, Н. А. Гольцева (сестра хозяина), Н. И. Кареев, Н. К. Михайловский, П. М. Свободин, Вл. С. Соловьев, Г. И. Успенский.

Архивы: *Оппель Анд. Анд.* Восп. // ОР РГБ. Ф. 218. Карт. 1292. Ед. хр. 18. Л. 13 [сообщено А. И. Рейтблатом].

ОРФИСТЫ – псевдогруппировка; литературное направление, возникшее якобы в 1913 г.; упоминается в полемической статье об авангардных литературных направлениях, опубликованной под псевдонимом С. Худаков кем-то из окружения художника-лучиста М. Ф. Ларионова: «Последними новостями литературы являются стихи орфистов – основанные на гармонической комбинации звуков, и стихи лучистов. Последние два направления явились как следствие влияния живописных теорий, носящих это же название» (*Худаков*). Название заимствовано у ценимого Ларионовым авангардного течения во французской живописи (orphisme), представителем которого был Р. Делоне (см.: *Харджиев*). Орфисты (как и упомянутые выше поэты-лучисты) – скорее всего литературная мистификация. Ср.: ⇨ Лучисты.

Лит.: *Худаков С.* Лит., худож. критика, диспуты и доклады // Ослиный хвост и Мишень. М., 1913. С. 143; *Харджиев Н.* Поэзия и живопись: (Ранний Маяковский) // К истории рус. авангарда. Stockholm, 1976. С. 45, 79.

«**ОРЫ**» – литературно-издательское объединение литераторов символистской ориентации (⇨ Символисты), объединившихся вокруг Вяч. И. Иванова, существовавшее в 1906–1912 гг. в Петербурге. Представление о круге лиц, причастных к «Орам», дает вышедший в мае 1907 г. сборник «Цветник Ор. Кошница первая» (СПб., 1907), в состав которого вошли К. Д. Бальмонт, А. А. Блок, В. Я. Брюсов, Ю. Н. Верховский, М. А. Волошин, А. К. Герцык, С. М. Городецкий, Л. Д. Зиновьева-Аннибал, Вяч. И. Иванов, М. А. Кузмин, В. А. Пяст, А. М. Ремизов, М. В. Сабашникова, П. С. Соловьева-Allegro, Ф. К. Сологуб и Г. И. Чулков. Среди участников сборника Брюсов был лицом скорее посторонним. В письме к отцу, Я. К. Брюсову, от 21 июня 1907 г. он сообщал о распрях отдельных символистских групп: «Все четыре фракции декадентов: “Скорпионы”, “золоторунцы”, “перевальщики” и “оры” – в ссоре друг с другом и в своих органах язвительно поносят один другого» (ЛН. 1934. Т. 15. С. 214); сам Брюсов принадлежал к «фракции» журнала «Весы» при издательстве «Скорпион».

Под издательской маркой «Оры» вышел ряд книг участников сборника и друзей Иванова. Первым был сборник стихотворений Иванова «Эрос», вышедший в декабре 1906 г. (СПб., 1907). В 1907 г. вышли «Снежная маска» Блока, «Перун» Городецкого, «Трагический зверинец» и «Тридцать три урода» Зиновьевой-Аннибал, «Лимонарь, сиречь Луг духовный» Ремизова, «Тайга» Чулкова и сборник «Цветник Ор»; в 1908 г. – «Комедии: О Евдокии из Гелиополя; О Алексее человеке Божьем; О Мартиниане» Кузмина; в 1909 г. – «Стихотворения. Элегии, оды, идиллии» В. В. Бородаевского, «По звездам: Статьи и афоризмы» Иванова; в 1910 г. – «Идиллии и элегии» Верховского; в 1912 г. – «Нежная тайна. Лепта» Иванова и «Стихотворения (1911–1912)» А. Д. Скалдина.

Издательское начинание Иванова, предназначенное для узкой группы друзей и единомышленников, воспринималось современниками как литературный кружок: «Вячеслав Иванов предлагает некоторый новый “синтез личного начала и общественности”, из которого делаются выводы в области эстетики, принимаемые в литератур-

ном кружке “Ор” к руководству» (*Войтоловский*). См. также Среды ⇨ Иванова; ⇨ Мистические анархисты; ⇨ «Друзья Гафиза»; ⇨ «Фиас».

Лит.: *Войтоловский Л.* Итоги рус. модернизма // Лит. распад: Критич. сб. СПб., 1908. [Кн. 1]. С. 184; ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 268–269, 274, 277; *Богомолов Н. А.* Глава из истории символистской печати: Альманах «Цветник Ор» // Богомолов Н. А. Рус. лит. первой трети XX в.: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 323–342.

ОСТРОГОРСКОГО ВТОРНИКИ – журфиксы на квартире редактора «Мира Божьего» В. П. Острогорского в 1880–1890-е гг. в Петербурге. «У Острогорских по вторникам собирались. Собиралась молодежь, писатели, профессора, педагоги, актеры и художники. И, конечно, появлялась неизменная выпивка. Вечера бывали оживленные, веселые, а главное – непринужденные» (*Алтаев. С. 165*). Среди посетителей были Ал. Алтаев (М. В. Ямщикова), Н. П. Анненкова-Бернар, П. Г. Ганзен, В. М. Максимов, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Д. М. Мусина-Озаровская, О. Э. Озаровская, Ю. Э. Озаровский, Ф. Ф. Фидлер, С. Г. Фруг, М. Н. Чернышевский.

Лит.: *Алтаев Ал. [Ямщикова М. В.].* Памятные встречи. М., 1957. С. 165–168; *Fiedler F.* Aus der Literatenwelt. Göttingen, 1996. S. 47–48, 83.

В.П. Острогорский

«**ОЧАГ**» – литературный кружок, основанный в сентябре 1902 (?) г. в Москве по инициативе В. А. Гольцева и Д. И. Тихомирова; в числе учредителей кружка А. В. Лебедевым назван также Н. А. Соловьев-Несмелов, умерший, однако, еще в декабре 1901 г. В состав кружка входили также некоторые члены ⇨ Среды (Сред Н. Д. Телешова). Состоялись лишь три или четыре заседания. Ю. А. Бунин объяснял недолговечность кружка тем, что он «не имел по своей цели никаких специфических особенностей и не отличался от “Среды”, кроме некоторой разницы в составе членов» (цит.: *Леденев*).

Лит.: *Леденев А. В.* Рус. лит. объединения конца XIX – нач. XX в. в лит. движении эпохи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1985. № 1. С. 18.

«**ПАРНАС**» – литературный кружок, существовавший в 1886–1899 гг. в Москве. В состав кружка входили И. А. Белоусов, И. А. Бунин, Ю. А. Бунин, С. С. Голоушев (Глаголь), В. С. Лысак, С. Д. Махалов-Разумовский, В. М. Михеев, А. И. Слюзов, Н. Д. Телешов, С. Д. Телешов, Н. И. Тимковский и др.

«Парнас» возник из созданного в начале 1883 г. дружеского кружка начинающих поэтов, ядро которого составляли Махалов, братья Телешовы и Лысак. В начале 1886 г. Н. Телешов познакомился со Слюзовым, искавшим путем газетного объявления молодых поэтов, готовых издать на товарищеских началах сборник стихов. Сборник под названием «Искреннее слово» вышел в сентябре 1886 г.; работа над составлением книги способствовала формированию «Парнаса» – большинство участников сборника впоследствии стали его членами, в том числе Слюзов, Н. Телешов, И. Б. Усов (Белоусов) и И. Человеков (Махалов).

Кружок сформировался к концу 1886 г. (см. письмо Н. Телешова к Белоусову от 21 дек. 1886; *Шемелова.* С. 64); утверждение Белоусова, что сборник «Искреннее слово» был издан кружком (*Белоусов, 1928.* С. 108), опровергается фактическим материалом. Владыкин склонен датировать возникновение самого «Парнаса», а не его зачатков началом 1883 г.; его полемика с Шемеловой по этому поводу (*Владыкин, 1963*; *Владыкин, 1963а*) малоубедительна.

Собрания «Парнаса» проходили в доме Н. Телешова на ул. Валовой; члены кружка собирались спорадически (см. письмо Телешова к Белоусову от 6 мая 1887 г.: «“Парнас” устрою осенью. Пока готовьте какой-нибудь рассказик»; *Шемелова.* С. 66). Первоначально кружок имел литературно-артистический характер; у Телешова встречались молодые литераторы, певцы и музыканты и «читали, пели, декламировали» (*Телешов.* С. 12). Начинающие писатели «Парнаса» ориентировались на «реалистическую» поэтику.

К началу 1890-х гг. «в практике кружка намечается заметный перелом в сторону усиления литературных интересов вообще и профессионально-писательских в частности» (*Шемелова.* С. 67). В 1890-е гг. члены «Парнаса» бывают регулярно на Субботах ⇨ Тихомирова; к группе Телешова примыкают другие молодые литераторы—посетители тихомировского кружка: братья Бунины, Голоушев, Михеев, Тимковский (*Телешов.* С. 23). В 1895 г. на собраниях «Парнаса» бывают «начинающие поэты-декаденты: [П. П.] Никольский, [В. Ф.] Долгинцев, Воронов, Платонов» (*Владыкин, 1963.* С. 367; *Владыкин, 1963а.* С. 206). Кружок просуществовал до 1899 г., когда на его основе возникло организованное Телешовым объединение ⇨ Среда (Среды Н. Д. Телешова).

Лит.: *Белоусов И. А.* Лит. среда: Восп. 1880—1928. М., 1928. С. 107—109; *Касторский С.* Статьи о Горьком. Л., 1953. С. 237—238; *Телешов Н. Д.* Зап. писателя: Восп. и рассказы о прошлом. М., 1958. С. 13—24; *Шемелова М. И.* Предыстория лит. кружка «Среда» // Вестн. Ленингр. ун-та. 1959. № 14. Серия истории, языка и лит-ры. Вып. 3. С. 58—70; *Владыкин И. И.* Новое о лит. Москве конца XIX – нач. XX вв. // Учен. зап. / Шуйский гос. пед. ин-т. Шуя, 1963. Вып. 10. С. 359—374; *Владыкин И. И.* Новое о моск. лит. кружке «Парнас» (80—90 гг. XIX в.) // Науч. доклады высшей школы. Филол. науки. 1963а. № 3. С. 201—207; *Муромцева-Бунина В. Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М., 1989. С. 184, 186.

ПАСТУХОВА КРУЖОК ⇨ «МОСКОВСКОГО ЛИСТКА» КРУЖОК

ПАШУТИСТЫ – кружок литераторов и художников, завсегдатаев петербургского кабачка «Пашу» (Невский просп., 51), существовавший в начале 1910-х гг. В числе участников были В. И. Вердеревский, С. Р. Минцлов, Ф. К. Плетнев (Геккер), Е. Э. Сно, М. И. Шейнин, «актеры, и крупные чиновники, и члены Государственной Думы и т.д.» (*Минцлов.* С. 232). Кружок упоминается в дневниковых записях Минцлова, относящихся к началу 1912 г.: «“Пашутисты”, оказывается, учредили среды, и каждый из них обязан непременно заглянуть в этот день в погребок. Собрания их происходят от часу до шести» (*Там же.* 242). В мемуарных записях Минцлова приведен текст «марша пашутистов», исполняемого членами хором на встречах («Мы пашутисты, / Душою чисты, / Весьма речисты, / Не скандалисты!..»), а также ряд экспромтов-куплетов, сочинением которых забавлялись участники встреч.

Лит.: *Минцлов С. Р.* Дебри жизни: Дневник 1910—1915 гг. Берлин, [1925]. С. 231—233, 242—244; *Пикуль В. С.* Честь имею. Исповедь офицера российского Генштаба: Роман. М., 1990. С. 44—46.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО ⇨ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОБЩЕСТВО ЖУРНАЛИСТОВ – существовало в 1900-е гг. в Петербурге. Как вспоминал А. Т. Михайлов, собрания проходили «еженедельно в клубе инженеров на Николаевской улице. Читались доклады, преимущественно на литера-

турные темы, в заключениях давались литературно-концертные отделения, на которые приглашались артисты Александринки, выступали и литераторы» (*Михайлов.* С. 285). На собраниях председательствовал Ф. Д. Батюшков. Среди посетителей был Д. Н. Мамин-Сибиряк.

Лит.: *Михайлов А. Т.* Памятные встречи // Д. Н. Мамин-Сибиряк в восп. совр. Свердловск, 1962. С. 285–286.

ПЕТРОВСКОГО САЛОН – журфиксы на квартире врача А. Г. Петровского в конце 1890-х – начале 1900-х гг. в Москве (Шереметьевский пер.). Семья Петровского находилась «в центре духовной жизни Москвы <...>. У Петровских бывали Владимир Соловьев, Лев Михайлович Лопатин, дети Льва Толстого и много других представителей науки и литературы» (*Степун.* С. 150).

Лит.: *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. М., 1995. С. 150–151.

ПЕТРОВСКОЙ САЛОН – существовал в середине 1900-х гг. на квартире Н. И. Петровской и ее мужа С. А. Кречетова (Соколова) в Москве (ул. Знаменская, 20; с августа 1906 г. – Большой Николо-Песковский пер., 28). Среди посетителей были молодые поэты – участники кружка ⇨ «Грифа» и другие видные ⇨ Символисты, в том числе К. Д. Бальмонт, А. Белый, В. Я. Брюсов, В. В. Гофман, А. А. Курсинский, А. А. Ланг (Миропольский), М. И. Пантюхов, А. С. Рославлев, В. Ф. Ходасевич. «На Знаменке читалось много стихов, выпивалось много вина. Весь дом, что называется, “встал вверх дном”. Соседи жаловались домохозяину на вечный ночной шум» (*Петровская, 1992.* С. 23).

В августе 1907 г. Петровская развелась с Соколовым. В письме к В. Ф. Ходасевичу от 29 апреля 1907 г. она писала: «Мальчики наши рассеялись, как дым» (*Петровская, 1993.* С. 373), подразумевая участников кружка «Грифа» – основных посетителей салона. В мемуарной заметке Е. В. Выставкиной (Галлоп) о Петровской говорится: «В 1924 г. я встретила ее в Берлине. В опустившейся, старой, больной, нищей женщине трудно было узнать сразу блестящую хозяйку модного литературного салона» (цит.: *Гарэтто*).

Лит.: ЛН. 1976. Т. 85. С. 773; Жизнь и смерть Нины Петровской / Публ. Э. Гарэтто // Минувшее. М., 1992. Вып. 8. С. 13; *Петровская Н. И.* Восп. // Там же. С. 22–30; Из переписки Н. И. Петровской / Публ. Р. Л. Щербакова и Е. А. Муравьевой // Минувшее. М.; СПб., 1993. Вып. 14. С. 368, 373.

ПЕТРОГРАДСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУЖОК – существовал около 1916 г. в Петрограде. Опубликован устав кружка (Пг., 1916).

Лит.: История рус. лит. конца XIX – нач. XX в.: Библиогр. указ. / Под ред. К. Д. Муратовой. М.; Л., 1963. № 699.

ПЕТРОГРАДСКИЙ СОЮЗ ДЕЯТЕЛЕЙ ПЕЧАТИ – основан в конце 1915 г. в Петрограде. Учредителями являлись Г. В. Клочков и Л. Ф. Комеровский. «Девяносто процентов уставных правил» (*Летенков.* С. 86) организации совпадало с Уставом основанного почти одновременно Петроградского общества журналистов (см.); дополнительной целью Союза являлось «всемерное содействие в поддержке существующих, в открытии новых органов русской печати и в широком их распространении». Иначе определялся также круг возможных участников: «членами Союза могли быть издатели, редакторы и сотрудники только русской печати» (*Там же*). Сведений о деятельности Союза нет.

Лит.: *Летенков Э. В.* «Лит. промышленность» России конца XIX – начала XX в. Л., 1988. С. 85–86.

ПЕТРОГРАДСКОЕ ОБЩЕСТВО ЖУРНАЛИСТОВ – основано в конце 1915 г. в Петрограде. В числе учредителей был Л. М. Клячко (Львов). Согласно прошению об

утверждении устава, целью организации являлось «изучение и удовлетворение профессиональных нужд, защита профессиональных интересов, охрана прав по закону о печати» (*Летенков.* С. 84). Членами могли стать сотрудники повременных изданий; прием издателей в Общество воспрещался уставом. Объединение хлопотало об открытии клуба, призванного «содействовать более тесному сближению членов общества между собой и доставлять им возможность культурного и полезного препровождения времени» (цит.: *Там же.* С. 85). По образцу московского ⇨ Литературно-художественного кружка предполагалось устраивать в клубе «коммерческую игру в карты» и снимать с игроков прогрессивные «штрафы» за пребывание в клубе после двух часов ночи. Общество, видимо, просуществовало недолго.

Лит.: *Летенков Э. В.* «Лит. промышленность» России конца XIX – начала XX в. Л., 1988. С. 84–85.

ПИКСАНОВА КРУЖОК при Бестужевских курсах – существовал в 1909–1913 гг. в Петербурге. Кружок под руководством преподавателя Высших женских (Бестужевских) курсов Н. К. Пиксанова занимался изучением новейшей русской литературы. Кроме бестужевок-слушательниц в работе кружка участвовали и преподаватели курсов, в том числе С. К. Булич, Т. М. Глаголева, В. В. Сиповский. На открытых собраниях, устраиваемых кружком, читались рефераты о современной русской литературе; заседания завершались художественным отделением с чтением стихов русских поэтов и исполнением музыкальных произведений. Литературные вечера, организованные кружком в честь А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, гр. Л. Н. Толстого, пользовались большим успехом; на вечере памяти Толстого присутствовало примерно 1500 человек. В числе организованных кружком вечеров были также юбилейные чествования преподавателей Бестужевских курсов. Так, 19 марта 1913 г. состоялся 35-летний юбилей научной деятельности Д. Н. Овсянико-Куликовского; 7 октября 1913 г. чествовался С. К. Булич (*Тишкин*). Кружок обладал собственной библиотекой художественной литературы, критики и истории новейшей литературы. См. также: ⇨ Тургеневский кружок.

Н.К. Пиксанов

Лит.: *Ивлева М. М., Цветова М. С.* Преподавание лит-ры на историко-филол. ф-те // С.-Петерб. Высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918 гг.): Сб. статей. Л., 1965. С. 96–97; *Тишкин Г. А.* Н. К. Пиксанов – преподаватель Бестужевских курсов // Рус. лит. 1978. № 4. С. 154.

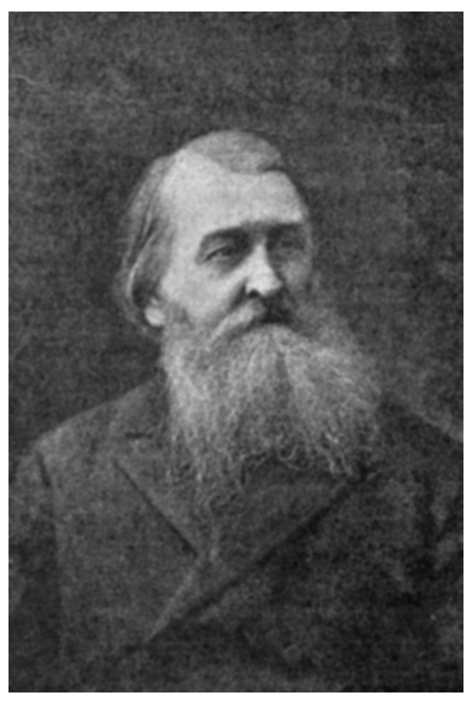
ПИМЕНОВОЙ ВЕЧЕРА – проходили в 1890-е гг. в Петербурге. С. Я. Елпатьевский сообщает, что в сопоставлении с Вечеринками ⇨ Ватсон они были «по составу более близкие к “Русскому богатству”» (*Елпатьевский*). У Э. К. Пименовой бывали Н. Ф. Анненский, В. В. Лесевич, Н. К. Михайловский, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Г. И. Успенский, Ф. Ф. Фидлер и др. Фидлер записал в дневнике 2 января 1899 г.: «Вчера – именины Пименовой. Примерно семьдесят пять человек (в прошлом году сто)» (*Fiedler*). Ср. также: Четверги ⇨ «Русского богатства».

Лит.: *Елпатьевский С. Я.* Восп. за 50 лет. Уфа, 1984. С. 234; *Fiedler F.* Aus der Literatenwelt. Göttingen, 1996. S. 246; РП. 1999. Т. 4. С. 605.

ПЛЕЩЕЕВА ВЕЧЕРИНКИ – литературные вечера на квартире А. Н. Плещеева в 1880-е и в начале 1890-х гг. в Петербурге. Среди посетителей были В. М. Гаршин,

З. Н. Гиппиус, В. Н. Ладыженский, Д. С. Мережковский, С. Я. Надсон, С. И. Уманец, А. П. Чехов, И. Л. Щеглов (Леонтьев). Уманец вспоминал, что на Пятницы ⇨ Полонского и на вечера Плещеева «охотно шли, зная, что там встретят всегда дружеский прием и участливую речь» (*Уманец.* С. 1039).

Лит.: *С. У. [Уманец С. И.]* Мозаика: (Из старых записных книжек) // Ист. вестн. 1912. Т. 130. № 12. С. 1039, 1042; *Щеглов И. Л.* Из восп. об Антоне Чехове // Чехов в восп. совр. М., 1952. С. 123; *Гиппиус З. Н.* Живые лица: Восп. Тбилиси, 1991. С. 137–138; *Мережковский Д. С.* Письма к С. Я. Надсону / Предисл., публ. и примеч. А. В. Лаврова // Новое лит. обозр. 1994. № 8. С. 175–176.

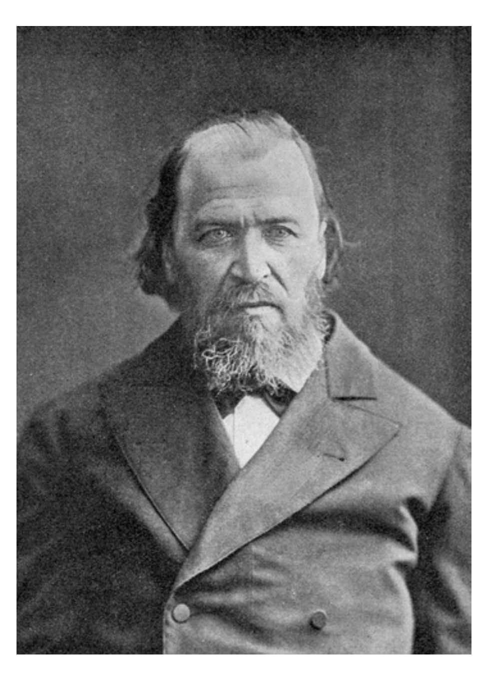


А.Н. Плещеев

ПОЛОНСКОГО ПЯТНИЦЫ – литературно-музыкальные вечера, проходившие на квартирах четы Ж. А. и Я. П. Полонских в Петербурге: сначала на углу Николаевской и Звенигородской улиц, затем – на наб. Фонтанки, д. 24; с 1883 г. – на Знаменской, д. 26 (угол ул. Бассейной). Начались вскоре после переезда Полонского в Петербург в 1858 г. (*Смиренский.* С. 303); с 1870-х гг. проходили регулярно вплоть до кончины поэта в 1898 г.

По свидетельству Н. В. Дризена, среди петербургских литературных кружков середины 1890-х гг. Пятницы Полонского пользовались «наибольшей популярностью» (*Дризен, 1935*). На многолюдных пятничных вечерах бывали писатели, художники, музыканты, артисты, государственные деятели. «На ежегодном же вечере-монстре, в конце декабря, в день рождения Полонского, бывало столько любопытного народа, что казалось, “весь Петербург” выворотил свои заветные недра» (*Гиппиус.* С. 140). Среди посетителей были в разное время Д. В. Аверкиев, И. К. Айвазовский, А. В. Амфитеатров, С. А. Андреевский, кн. В. В. Барятинский, Е. Д. Безобразова, В. И. Бибиков, П. И. Вейнберг, С. А. Венгеров, П. А. Гайдебуров, В. М. Гаршин, З. Н. Гиппиус, гр. А. А. Голенищев-Кутузов, И. А. Гончаров, И. Ф. Горбунов, Д. В. Григорович, Я. Я. Гуревич, В. Н. Давыдов, Г. П. Данилевский, Ф. М. Достоевский, бар. Н. В. Дризен, Д. Н. Кайгородов, Н. Н. Каразин, А. А. Козлов, А. Ф. Кони, В. А. Крылов, А. И. Леман, Н. С. Лесков, Е. П. Леткова-Султанова, А. Н. Майков, Л. Н. Майков, Д. С. Мережковский, М. О. Микешин, Н. М. Минский, Л. Ф. Нелидова, Б. В. Никольский, Е. Н. Опочинин, А. Я. Панаева, П. П. Перцов, А. Н. Плещеев, К. П. Победоносцев, И. Е. Репин, А. Г. Рубинштейн, М. Г. Савина, Д. Н. Садовников, К. К. Случевский, Вл. С. Соловьев, Вс. С. Соловьев, С. М. Соловьев, Н. Н. Страхов, И. С. Тургенев, С. И. Уманец, кн. Э. Э. Ухтомский, А. А. Фет, Ф. Ф. Фидлер, кн. Д. Н. Цертелев, О. Н. Чюмина, С. Н. Шубинский, И. И. Ясинский и др.

«За большим столом пили чай, а в промежутках между музыкальными номерами беседовали о литературных явлениях дня» (*Ясинский.* С. 209). Е. Н. Опочинин описал атмосферу собраний у Полонского: «Здесь царила полная свобода, все могли говорить о чем угодно, но никому бы и в голову не пришло болтать здесь о каких-нибудь пустяках, рассказать пошлый анекдот. Тем не менее вечер проходил оживленно; о скуке, томительном стеснении не было и помину. Каждый чувствовал себя легко, время проходило быстро. Интересные споры об искусстве, о литературных новинках, иногда же



Я.П. Полонский

и о политических событиях загорались, потухали и вспыхивали вновь» (*Опочинин.* С. 322). Как вспоминал П. П. Перцов, «“Пятницы” Полонского были так популярны, что (случай, кажется, единственный в своем роде) пережили даже своего хозяина» (*Перцов.* С. 116–117) – традицию Пятниц унаследовали сразу два кружка: Пятницы ⇨ Случевского и Кружок имени ⇨ Я. П. Полонского.

Лит.: *Леман А.* Рассказы. СПб., 1888. С. 29–30; *Дризен Н. В.* Я. П. Полонский: (Отрывки из восп.) // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. 1898 год. Рязань, 1899. Т. 13. Вып. 3. С. 399–404; *Венгерова З. А.* О. Н. Чюмина // Вестн. Европы. 1909. № 10. С. 858; *С. У. [Уманец С. И.]* Мозаика: (Из старых записных книжек) // Ист. вестн. 1912. Т. 130. № 12. С. 1028–1030, 1034; *Фидлер Ф. Ф.* Я. П. Полонский // Новое слово. 1914. № 5. С. 32–40; *Амфитеатров А. В.* Памяти Полонского // Он же. Собр. соч.: [В 37 т.]. Пг., 1915. Т. 35. С. 287–297; *Садовников Д. Н.* Встречи с И. С. Тургеневым. Пятницы у поэта Я. П. Полонского // Русское прошлое. 1923. № 3. С. 99–119; *Ясинский И. И.* Роман моей жизни. М.; Л., 1926. С. 209–211; *Перцов П. П.* Лит. восп. М.; Л., 1933. С. 115–117; *Дризен Н. В.* Старый Петербург. Лит. кружки // Возрождение. Париж, 1935. 15 февр. С. 5; *Орлов П. А.* Я. П. Полонский. Рязань, 1961. С. 36–38; Ф. М. Достоевский в восп. совр. М., 1964. Т. 2. С. 205, 380–383; *Смиренский В.* «Пятницы» Полонского // Прометей. М., 1972. Вып. 9. С. 303–305; *Нелидова Л. Ф.* Восп. о Гончарове и Тургеневе // ЛН. 1977. Т. 87. С. 27, 30; Современники о В. М. Гаршине. Саратов, 1977. С. 71, 170–172; *Гиппиус З. Н.* Живые лица: Восп. Тбилиси, 1991. С. 138–141; *Опочинин Е. Н.* Яков Петрович Полонский и его пятницы / Вступ. заметка, публ. и коммент. М. Одесской // Вопр. лит. 1992. №. 3. С. 312–331; Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград: Энц. справочник. М., 1992. С. 531; *Барятинский В. В.* «Пятницы Полонского» и «Пятницы Случевского» // Восп. о серебряном веке. М., 1993. С. 295; *Fiedler F.* Aus der Literatenwelt. Göttingen, 1996. S. 58, 61, 63–66, 77, 81–82, 88–89, 93–94.

«ПОЭТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ» ⇨ ОБЩЕСТВО РЕВНИТЕЛЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА

[ПОЭТОВ-ПРАВДИСТОВ КРУЖОК] – литературный кружок пролетарских поэтов, сотрудников большевистской газеты «Правда» (СПб., 1912–1914) и журнала «Просвещение» (СПб., 1911–1914); существовал с октября 1913 г. по июль 1914 г. в Петербурге. Кружок был организован при вечерних классах Лиговского народного дома (Тамбовская ул.). В его состав входили поэты-рабочие «Правды», а также участники Кружка ⇨ Маширова-Самобытника, в том числе В. Д. Александровский, М. Д. Артамонов, И. А. Батрак, Я. П. Бердников, И. А. Воинов, М. П. Герасимов, И. Е. Ерошин, В. Т. Кириллов, А. Н. Линовский (Поморский), И. С. Логинов, В. Львов, Д. Я. Одинцов, Н. И. Рыбацкий, И. И. Садофьев, В. Торский (М. Д. Царев), И. Г. Филипченко и др. «В этот кружок входило до 30 пролетарских писателей-правдистов» (*Маширов-Самобытник, 1937.* С. 32). Кружок возглавляли Маширов-Самобытник и Одинцов. В его работе участвовали также редакторы «Правды» К. С. Еремеев и С. В. Малышев. Сове-

щания кружка проходили в классных комнатах Лиговского народного дома или в литературно-артистическом трактире «Капернаум».

Помимо публикации своих произведений в периодической печати большевиков участники кружка занимались изданием коллективных литературных сборников. Первой попыткой был альманах «Наши песни. Первый сборник стихотворений. Поэты-рабочие» (М., 1913), приуроченный к приезду в Россию в ноябре 1913 г. Эмиля Верхарна и ему же посвященный (*Маширов-Самобытник, 1937.* С. 32). В сборнике опубликованы стихи Александровского, Ветрова (вероятно, М. А. Савельева), Маширова-Самобытника, Линовского (Поморского), Торского.

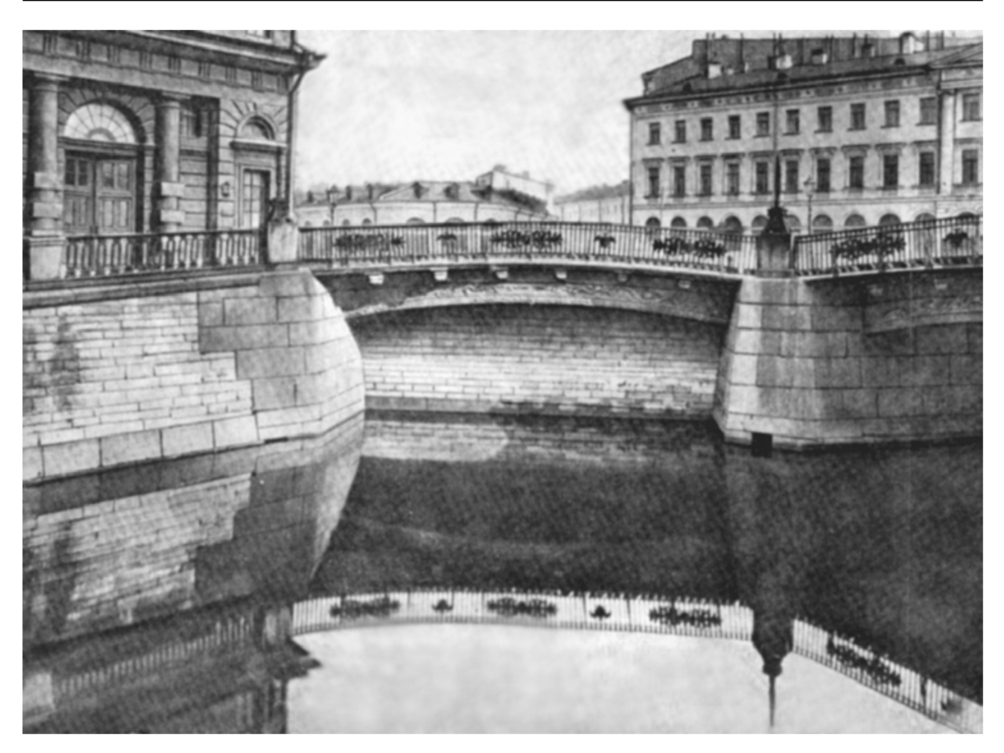
Зимой 1913 г. члены кружка задумали составить еще один коллективный сборник стихов. Редактирование его осуществил М. Горький, приехавший в Россию в конце декабря 1913 г. Горький расширил программу сборника и включил в него также прозаические произведения участников действующего параллельно ⇨ Кружка рабочих беллетристов. Встреча Горького с членами литературных кружков «Правды», посвященная подготовке сборника, состоялась 22 февраля 1914 г. (*Одинцов, 1966.* С. 71), по другим данным — между 5 и 15 марта 1914 г. (*Брейтбург.* С. 70). «Первый сборник пролетарских писателей» (СПб., 1914) с предисловием Горького вышел в свет 10 июня 1914 г. В предисловии говорится об объеме материала, на основе которого составлен сборник: «В течение трех месяцев в издательство поступило свыше 450 рукописей, в том числе около 300 стихотворений и 8 драматических пьес. Все эти произведения принадлежат перу 94 авторов, огромное большинство которых — люди физического труда: рабочие, ремесленники, крестьяне, приказчики и т.д.» (С. 3).

Кружок прекратил существование в связи с закрытием «Правды» 8 июля 1914 г. и с началом Первой мировой войны.

Лит.: *Малышев С. В.* Моя работа в «Правде» // Большевистская печать. 1937. № 5. С. 23–24; *Маширов-Самобытник А. И.* «Правда» — организатор пролет. лит. // Там же. С. 31–32; *Дымшиц А. Л.* Поэты пролет. революции // Рев. поэзия (1890–1917). Л., 1954. С. 19–21; Рус. рев. поэзия 1895–1917: Антология. Л., 1957. С. 436–437; *Одинцов Д.* Дорога радостного дня // Октябрь. 1962. № 5. С. 3–4; *Поморский А.* У Максима Горького // Там же. С. 4–5; *Одинцов Д. Я.* Поэты «Правды» // Ленинской «Правде» — 50 лет. М., [1962]. С. 31; *Одинцов Д. Я.* Славное поколение рабочих-правдистов // Страницы славной истории: (Восп. о «Правде» 1912–1917 гг.). М., 1962. С. 256; *Маширов-Самобытник А. И.* Как мы начинали // Забытым быть не может. М., 1963. С. 112–116; *Брейтбург С. М.* Максим Горький — редактор «Сб-ков пролет. писателей» // Книга: Исслед. и мат-лы. М., 1965. Сб. 10. С. 62–83; *Одинцов Д.* Друг пролет. поэтов // Большевик-правдист: Восп. о К. С. Еремееве. М., 1965. С. 54–61; *Одинцов Д. Я.* В «Звезде» и «Правде» // Восп. о Демьяне Бедном. М., 1966. С. 71–72; *Эвентов И. С.* Партия, поэзия, печать // Поэзия в большевистских изданиях 1901–1917. Л., 1967. С. 20–25; *Одинцов Д. Я.* Путь к «Правде» // По ленинскому пути: Восп. старых большевиков. М., 1972. С. 53–60; РП. 1999. Т. 4. С. 390.

«**ПРИВАЛ КОМЕДИАНТОВ**» (официальное название: **ПЕТРОГРАДСКОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБЩЕСТВО**) — литературно-артистическое кабаре, существовавшее в 1916–1919 гг. в Петрограде (Марсово поле, 7, угол наб. Мойки, 1; подвальное помещение со входом во дворе). «Привал комедиантов» был задуман как продолжение кабаре ⇨ «Бродячая собака», закрытого весной 1915 г. Инициатор обоих предприятий Б. К. Пронин осенью 1915 г. создал Петроградское художественное общество, служившее головной организацией «Привала комедиантов». В правление общества входили Н. Н. Евреинов, М. А. Кузмин, К. М. Миклашевский, Н. В. Петров, В. А. Подгорный, Б. К. Пронин, В. А. Щуко. В числе действительных членов были Н. П. Ашешов, А. Я. Гальперн, М. В. Добужинский, Ф. Ф. Коммиссаржевский, П. П. Потемкин, А. А. Радаков, Тэффи, И. А. Фомин, П. Е. Щеголев, П. М. Ярцев и др.

Стены трех залов подвала расписали Б. Д. Григорьев, С. Ю. Судейкин и А. Е. Яковлев. Марку создал М. В. Добужинский. Кабаре открылось 18 апреля 1916 г. В нем устраивались театральные постановки, литературные и музыкальные вечера, научные



Дом Адамини, в котором находился «Привал комедиантов» (Марсово поле, 7 / Набережная Мойки, 1). 1910-е гг.

доклады, чествования деятелей искусства. Пронин вспоминал: «Это был уже не кабачок, а скорее подземный театр, где были регулярные постановки и программы» (цит.: *Конечный и др.* С. 97). «Привал комедиантов» обладал постоянной труппой, ядро которой составляли участники Студии В. Э. Мейерхольда (Студии на Бородинской) – О. А. Глебова-Судейкина, А. И. Кулябко-Корецкая, А. В. Смирнова и др. Ставились дивертисменты, пародии, арлекинады, пантомимы, балаганные и кукольные зрелища; в числе режиссеров были Ю. П. Анненков, К. Э. Гибшман, Н. Н. Евреинов, В. Э. Мейерхольд, Н. В. Петров, Б. Г. Романов, П. П. Сазонов, Ю. Л. Слонимская-Сазонова, К. К. Тверской.

По четвергам в подвале проходили «вечера поэтов». Свои произведения читали Н. Я. Агнивцев, Г. В. Адамович, А. А. Ахматова, К. Д. Бальмонт, А. А. Блок, Б. Е. Евгеньев, М. А. Зенкевич, Г. В. Иванов, Р. Ивнев, Л. И. Каннегисер, Н. А. Клюев, М. А. Кузмин, В. В. Курдюмов, М. Л. Лозинский, А. В. Луначарский, К. Ю. Ляндау, О. Э. Мандельштам, В. В. Маяковский, Н. А. Оцуп, В. А. Пяст, С. Э. Радлов, А. Д. Радлова, В. А. Рождественский, М. А. Струве, М. М. Тумповская, Тэффи, В. К. Шилейко, В. А. Юнгер и др. В подвале заседали иногда члены ⇨ «Цеха поэтов»

Интерьер «Привала комедиантов». 1916 г.

(второго). «Привал комедиантов» закрылся весной 1919 г. Один из последних театральных вечеров состоялся 26 апреля 1919 г.

По оценке исследователей, «литературная сторона деятельности “Привала” была скорее невыразительной. Однако она, безусловно, компенсировалась богатством театральной программы. <...> “Привал комедиантов” был лабораторией нарождающихся форм театрального искусства начала 1920-х годов» (*Там же.* С. 99, 100).

Лит.: *А. Шн. [Шнеер А. Я.].* «Привал комедиантов» // ТЭ. М., 1965. Т. 4. С. 466; *Конечный А. М., Мордерер В. Я., Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Артистич. кабаре «Привал комедиантов» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1988. М., 1989. С. 96–154; Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград: Энц. справочник. М., 1992. С. 509–510; *Тихвинская Л. И.* Кабаре и театры миниатюр в России. 1908–1917. М., 1995. С. 121–134.

ПРО-АКАДЕМИЯ ⇨ ОБЩЕСТВО РЕВНИТЕЛЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА.

ПРОППЕРА ВЕЧЕРА – проходили в середине 1890-х гг. на квартире редактора-издателя «Биржевых ведомостей» С. М. Проппера в Петербурге. У Проппера бывали сотрудники газеты и литераторы, в том числе Г. К. Градовский, В. П. Далматов, А. Р. Кугель, Д. А. Линев, И. И. Ясинский. В воспоминаниях Кугеля в иронических красках описана одна из «суаре» «литературного салона С. М. Проппера» (*Кугель.* С. 139–140).

Кугель сопоставлял приемы у Проппера с Субботами [издателя «Петербургской газеты»] ⇨ Худекова: «Чувствовалось, что он [Худеков] из “разбогатевших” и еще не вполне освоившихся со своим положением. То же наблюдалось на “суаре” издателя “Бирж[евых] вед[омостей]” С. М. Проппера, хотя все же эти последние были оживленнее» (*Там же.* С. 73).

Лит.: *Кугель А. Р.* Лит. восп. (1882–1896 гг.). Пг.; М., 1923. С. 73, 137, 139–140.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ СОТРУДНИКОВ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ (другое название: **СОЮЗ ЖУРНАЛИСТОВ**) – объединение литераторов профсоюзного типа, существовавшее в 1905 г. в Петербурге. Организация возникла вследствие политических разногласий среди участников съезда учредителей ⇨ Союза российских писателей, состоявшегося 5–8 апреля 1905 г. Группа из 27 революционно-демократически настроенных делегатов съезда отказалась вступить в создаваемый Союз, посчитав принятую большинством политическую платформу недостаточно радикальной.

Устав нового Союза был утвержден 15 мая 1905 г. на учредительном собрании, в котором приняло участие 120 петербургских журналистов. Одной из целей Союза, наряду с защитой материальных и социальных интересов членов, была «борьба с капиталистическим принципом организации печати, объединяющая деятелей пера со всеми другими тружениками печатного дела»; членами могли стать «сотрудники всех периодических изданий, не позорящие себя недостойною литературной деятельностью, как-то: проповедью религиозной или национальной нетерпимости, человеконенавистничеством» (цит.: *Лейкина-Свирская.* С. 141). К концу 1905 г. Союз журналистов насчитывал 220 членов. Ср. также: Петербургское общество журналистов.

Лит.: Устав Профессионального союза сотрудников периодических изданий. [СПб., 1905]; *Лейкина-Свирская В. Р.* Рус. интеллигенция в 1900–1917 гг. М., 1981. С. 140–142.

ПУНИ САЛОН – существовал в середине 1910-х гг. в Петербурге (угол ул. Гатчинской и Большого просп. Петербургской стороны, д. 56/1). Салон художников И. А. Пуни и его жены К. Л. Пуни (Богуславской) был местом встреч представителей литературного и художественного авангарда, в частности ⇨ Кубофутуристов. Как вспоминал Б. А. Лившиц, в квартире Пуни «будетляне имели свой собственный “салон”, хотя в применении к ним это слово нельзя употреблять иначе как в кавычках» (*Лившиц.*

С. 522). Среди посетителей были Д. Д. Бурлюк, Н. Д. Бурлюк, Б. А. Лившиц, М. В. Матюшин, В. В. Маяковский, И. Северянин, В. В. Хлебников.

Лит.: *Лившиц Б. К.* Полутораглазый стрелец. Л., 1989. С. 521–525, 698.

ПУШКИНСКИЙ КРУЖОК ⇨ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУЖОК ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА

ПУШКИНСКОЕ ЛИЦЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО – существовало в 1899–1936 гг. в Петербурге. Устав Общества опубликован в 1899 г.; переиздан в 1915 г.

Лит.: История рус. лит. XIX – нач. XX в.: Библиогр. указ. Общая часть / Под ред. К. Д. Муратовой. СПб., 1993. № 3805.

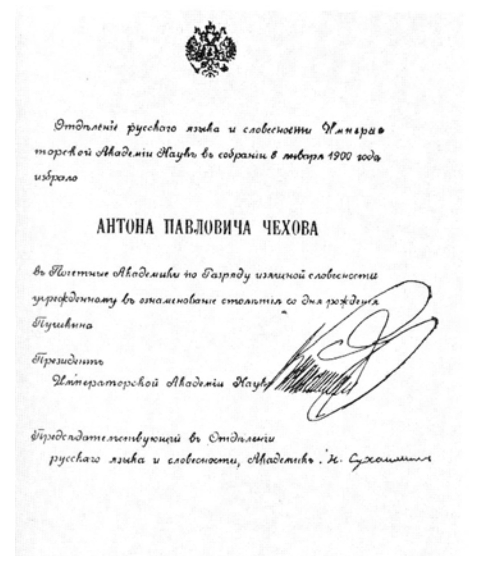
Архивы: РО ИРЛИ. Ф. 665 (Пушкинское лицейское об-во).

РАЗРЯД ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ Отделения русского языка и словесности Академии наук в Петербурге – учрежден правительственным указом от 29 апреля 1899 г. Проект создания российской «литературной академии» (*Арсеньев.* С. 6) – особого учреждения Академии наук, объединяющего видных писателей, был выдвинут в связи со 100-летием со дня рождения А. С. Пушкина. В постановлении о Разряде изящной словесности, утвержденном указом от 23 декабря 1899 г., значилось: «Этот разряд составляют, во-первых, избираемые в действительные члены Академии писатели-художники и ученые исследователи в области языка и словесности и, во-вторых, почетные академики и корреспонденты Отделения по Разряду изящной словесности. В почетные члены избираются писатели-художники и литературные критики» (цит.: *Чехов, 1980.* С. 260).

Первые выборы в Разряд состоялись 8 января 1900 г. Почетными академиками были избраны гр. А. А. Голенищев-Кутузов, А. М. Жемчужников, А. Ф. Кони, В. Г. Короленко, А. А. Потехин, Вл. С. Соловьев, гр. Л. Н. Толстой и А. П. Чехов. При вторых выборах 1 декабря 1900 г. почетными академиками стали К. К. Арсеньев, П. Д. Боборыкин, К. Р. (вел. кн. К. К. Романов), С. В. Максимов и В. В. Стасов.

В связи с кончиной Соловьева и Максимова в 1900 и 1901 гг. потребовались новые выборы, состоявшиеся 25 февраля 1902 г.; новыми членами были избраны А. М. Горький и А. В. Сухово-Кобылин. Избрание Горького вызвало негодование царя; Николай II записал на донесении о выборах: «Более, чем оригинально» (*Князев.* С. 33). Приказом от 5 марта 1902 г. членство Горького было объявлено недействительным, что повлекло за собой выход Короленко и Чехова из числа членов Академии.

Почетными академиками были избраны также Н. А. Котляревский (1906), В. О. Ключевский (1908), И. А. Бунин (1909), Н. Н. Златовратский (1909) и кн. А. И. Сумбатов-Южин (1916) (РП. 1994. Т. 3. С. 110; РП. 1992. Т. 2. С. 61; РП. 1989. Т. 1. С. 358; РП.


Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ въ собраніи 8 января 1900 года избрало

АНТОНА ПАВЛОВИЧА ЧЕХОВА

въ Почетные Академики по Разряду изящной словесности учрежденному въ ознаменованіе столѣтія со дня рожденія Пушкина

Президентъ
Императорской Академіи Наукъ

Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи
русскаго языка и словесности, Академикъ Н. Сухомлиновъ

Диплом почетного академика по Разряду изящной словесности, выданный А.П. Чехову. 8 января 1900 г.

1992. Т. 2. С. 345; ЛЭ. 1939. Т. 11. С. 112). С марта 1917 г. Академия вновь считала Горького своим почетным членом; Короленко был снова избран почетным академиком 27 мая 1918 г. (*Князев.* С. 44).

Лит.: *Арсеньев К. К.* Рос. академия и Разряд изящной словесности. СПб., 1901. (СОРЯС. Т. 70. № 4); *Минцлов С. Р.* Петербург в 1903–1910 годах. Рига, 1931. С. 38–39; *Князев Г. А.* Максим Горький и царское правительство // Вестн. АН СССР. 1932. № 2. С. 23–44; *Короленко В. Г.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1956. Т. 10. С. 337–339, 346; *Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К.* Академия наук СССР: Краткий ист. очерк: В 2 т. М., 1977. Т. 1. 1724–1917. С. 306–310; *Чехов А. П.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1980. Т. 9. С. 10–11, 25–27, 258–260, 264, 271, 277 и др.; То же. 1981. Т. 10. С. 217, 223, 226, 227, 500–502, 506–508 и др.; То же. 1982. Т. 11. С. 22–24, 28, 354–355; *Кони А. Ф.* Восп. о писателях. М., 1989. С. 548.

«**РЕАЛИСТЫ**» – студенческий литературный кружок, возникший осенью 1907 г. в Петербурге вследствие раскола в ⇨ «Кружке молодых». В его состав вошли бывшие участники кружка ⇨ «Грядущий день». Среди членов были К. М. Антипов-Зарницын, А. И. Гидони, Ю. Л. Слезкин и др.

Лит.: *Каплан М. Я.* «Реалисты» // Студ. отклики. 1907. 30 окт.; *Маркович Л.* Кружок «реалистов» // Весна. 1908. № 11; РП. 1989. Т. 1. С. 91; *Пяст В.* Встречи. М., 1997. С. 99, 112, 306–307.

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ СОБРАНИЯ – объединение «богоискательски» настроенных литераторов, религиозных философов, богословов и представителей духовенства, действовавшее с осени 1901 г. по весну 1903 г. в Петербурге. Местом заседаний был зал Русского географического общества (пл. Чернышёва, 2).

Собрания возникли по идее З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского; в числе инициаторов были также А. Н. Бенуа, В. С. Миролюбов, В. В. Розанов, В. А. Тернавцев, Д. В. Философов. 8 октября 1901 г. «члены-учредители» Мережковский, Миролюбов, Розанов, Тернавцев и Философов посетили обер-прокурора св. Синода К. П. Победоносцева, а затем петербургского митрополита Антония (Вадковского), и получили от них разрешение на организацию Религиозно-философских собраний (*Гиппиус, 1961.* С. 306).

На первом заседании, состоявшемся 29 ноября 1901 г., Тернавцев сделал программный доклад «Русская церковь пред великою задачей»; эту задачу он усматривал в преодолении идейно-нравственного кризиса и в религиозно-общественном возрождении России путем диалога интеллигенции с православной церковью. На последующих встречах обсуждались такие темы, как взаимоотношение церкви и интеллигенции, церкви и культуры, свобода религиозной совести, отношение церкви к государству, к учению Л. Н. Толстого, новое религиозное сознание, дух и плоть, брак, пол. Всего состоялось 22 заседания. Протоколы бесед публиковались в качестве приложения к журналу Мережковских «Новый путь» (1903. № 1–12; 1904. № 1–2; в 1906 г. выпущены отдельным изданием). Собрания прекратились 5 апреля 1903 г. по распоряжению Победоносцева, «которого встревожил слишком широкий размах и независимый характер этих публичных прений» (*Зернов.* С. 104).

Среди участников Собраний: К. М. Аггеев, епископ Антонин (Грановский), А. Н. Бенуа, Н. А. Бердяев, А. И. Бриллиантов, кн. С. М. Волконский, А. Л. Волынский, З. Н. Гиппиус, М. М. Добролюбова, Е. А. Егоров (секр.), А. В. Ельчанинов, архиепископ Иннокентий (Беляев), Н. Ф. Каптерев, А. В. Карташев, А. А. Киреев, А. П. Лебедев, П. И. Лепорский, М. А. Лисицын, Д. С. Мережковский, Н. М. Минский, В. С. Миролюбов, архимандрит Михаил (Семенов), М. А. Новоселов, П. П. Перцов, Г. С. Петров, В. В. Розанов, епископ Сергий (Страгородский) (предс.), архимандрит Сергий (Тихомиров) (вице-президент), В. М. Скворцов, С. А. Соллертинский, В. А. Тернавцев, Вас. В. Успенский, Вл. В. Успенский, кн. Э. Э. Ухтомский, архимандрит Феофан (Быстров), Д. В. Философов, В. И. Ясевич-Бородаевская.

Заседания пользовались большой популярностью, привлекая всегда не менее 200 человек публики. Тем не менее А. Н. Бенуа в письме к П. П. Перцову от 25 марта 1902 г. скорее отрицательно охарактеризовал деятельность Собраний, подытожив: «Разумеется, есть кое-что и хорошего, но это хорошее никогда не выражается цельно, выпукло. Нет гения, и слишком много ума. Немало также русского разгильдяйства мысли» (*Лавров*. С. 39); известны также отрицательные отзывы В. Г. Короленко и гр. Л. Н. Толстого (см.: *Там же*. С. 38). Согласно Н. А. Бердяеву, Религиозно-философские собрания «были замечательны как первая встреча представителей русской культуры и литературы, заболевшей религиозным беспокойством, с представителями традиционно-православной церковной иерархии» (*Бердяев*. С. 144).

Опыт Собраний способствовал основанию в 1905 г. московского ⇨ Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева; в Петербурге Собрания возобновились в 1907 г. в виде ⇨ Религиозно-философского общества.

Лит.: Записки Религиозно-философских собраний (1902—1903 гг.). СПб., 1906; *Гиппиус З. Н.* Первая встреча. К истории Петерб. Религиозно-философских собраний // Последние новости. 1931. 2, 4 авг.; *Гиппиус З. Н.* Перед запрещением. Зима 1902—1903 г. С.-Петерб. Религиозно-философские собрания // Там же. 1931. 2, 13, 23 окт.; *Гиппиус З. Н.* Дмитрий Мережковский. Париж, 1951. С. 87—107; *Гиппиус З. Н.* Правда о земле // Мосты. Мюнхен, 1961. № 7. С. 300—326; *Маковский С. К.* Религиозно-философские собрания (1901—1902) // Маковский С. К. На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962. С. 13—33; *Scheibert P.* Die Petersburger religiös-philosophischen Zusammenkünfte von 1902 und 1903 // Jahrbücher für die Geschichte Osteuropas. 1964. № 12. S. 513—560; *Scherrer J.* Die Petersburger religiös-philosophischen Vereinigungen. Berlin, 1973. S. 98—111, 235—303 и др.; *Зернов Н. М.* Рус. религ. возрождение XX в. Париж, 1974. С. 103—109; *Scherrer J.* Les «Sociétés philosophico-religieuses» et la quête idéologique de l'intelligentsia russe avant 1917 // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1974. T. 15. № 3/4. P. 297—305; *Богачевская-Хомяк М.* Философия, религия и общественность в России в конце 19-го и нач. 20-го вв. // Рус. религ.-филос. мысль XX в. Питтсбург, 1975. С. 59—61; *Пахмусс Т.* З. Н. Гиппиус // Там же. С. 291—293; *Лавров А. В.* Архив П. П. Перцова // ЕжегРОПД на 1973. Л., 1976. С. 37—43; *Бенуа А. Н.* Мои восп. М., 1980. Т. 2. С. 290—299; *Кувакин В. А.* Религ. философия в России. Нач. XX в. М., 1980. С. 21—23; *Чулкова Н. Г.* Валентин Александрович Тернавцев // Вестн. Русского христианского движения. 1981. № 134. С. 114—115; *Бердяев Н. А.* Самопознание. М., 1991. С. 143—144, 241; *Полищук Е. С.* Церковь и интеллигенция: к истории диалога // Журнал моск. патриархии. 1991. № 4. С. 27—30; Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград: Энц. справочник. М., 1992. С. 543—544; *Волынский А. Л.* Рус. женщины // Минувшее. М.; СПб., 1994. Вып. 17. С. 227, 274, 279; *Половинкин С. М.* Филос. и религ.-филос. об-ва // Рус. философия: Словарь / Под общей ред. М. А. Маслина. М., 1995. С. 577; *Burchardi K.* Die Moskauer «Religiös-Philosophische Vladimir-Solov'ev-Gesellschaft» (1905—1918). Wiesbaden, 1998. S. 217—221; *Половинкин С. М.* Религиозно-философские собрания // Лит. энц. терминов и понятий. М., 2003. С. 867—868; *Manfredi P.* Il neocristianesimo nelle Riunioni religioso-filosofiche di Pietroburgo (1901—1903). Agli albori del dibattito modernista. Milano, 2004.

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО [РФО] — существовало в 1907—1917 гг. в Петербурге. Идея создания официальной организации по образцу ⇨ Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева, которая продолжала бы деятельность ⇨ Религиозно-философских собраний 1901—1903 гг., возникла в конце февраля — начале марта 1907 г. Общество было создано по инициативе Н. А. Бердяева (*Бердяев*). На предварительном заседании, состоявшемся 8 апреля 1907 г., В. В. Розанов прочел доклад «Отчего падает православие?»; в прениях участвовали К. М. Аггеев, С. А. Аскольдов, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, А. В. Карташев, П. Б. Струве (см.: Религ.-обществ. хроника // Век. 1907. 15 апр. № 15. С. 208—209). Первое официальное заседание состоялось 3 октября 1907 г.; председательствовавший на этом вечере А. В. Карташев определил РФО как «общество людей, серьезно, хотя и совершенно по-разному, относящихся к религиозному вопросу и желающих между собою об этом поговорить» (Записки С.-Петерб. РФО. СПб., 1908. Вып. 1. С. 2).

Точное количество членов РФО неизвестно, но, судя по имеющимся данным за последние годы его существования, оно пользовалось популярностью: в 1914–1915 гг. в члены было принято 188 человек, в 1916 г. – 163, в 1917 г. – 8 человек (*Бронникова.* С. 120). А. А. Мейер вспоминал: «Хотя доступ на заседания был сильно стеснен, ибо заседания не были публичными и на них допускались только члены общества, но с первых же недель началась усиленная запись в члены общества, и небольшая сравнительно зала Географического общества, тогда помещавшегося в здании Министерства народного просвещения, не могла вместить всех посетителей» (*Мейер.* С. 109). В числе членов РФО были К. М. Аггеев, П. С. Аксенов, И. Д. Андреев, Н. Р. Антонов, Н. П. Анциферов, С. А. Аскольдов (предс. до 1909 г.), Г. А. Баронов, А. Белый, Н. А. Бердяев, А. А. Блок, Д. В. Болдырев, С. Н. Булгаков, Ал-др И. Введенский, Л. Е. Галич, С. И. Гессен, Вл. В. Гиппиус, З. Н. Гиппиус, А. Г. Горнфельд, Н. А. Гредескул, С. О. Грузенберг, Л. М. Добронравов, А. Я. Ефименко, К. Ф. Жаков, Вяч. И. Иванов, Е. П. Иванов, С. П. Каблуков (секр. в 1907–1913 гг.), А. А. Каменская, В. А. Караулов, А. В. Карташев (предс. с 1909 г.), Д. М. Койген, С. С. Кондурушкин, А. М. Коноплянцев, М. А. Лисицын, Н. А. Макшеева, А. А. Мейер, Д. С. Мережковский, архимандрит Михаил (Семенов), Б. В. Никольский, П. П. Перцов, С. В. Познер, К. А. Половцова (секр. в 1913–1917 гг.), П. В. Раевский, В. В. Розанов, В. П. Свентицкий, А. Д. Скалдин, С. А. Соллертинский, С. М. Соловьев, Ф. А. Степун, Б. Г. Столпнер, П. Б. Струве, В. А. Тернавцев, И. М. Трегубов, М. И. Туган-Барановский, Вл. В. Успенский, Д. В. Философов, С. Л. Франк, И. Д. Холопов, Ал. Н. Чеботаревская, В. Г. Чертков, Г. И. Чулков, В. Ф. Эрн.

РФО ставило своей задачей «всестороннюю разработку вопросов религии и философии»; пассаж о цели Общества в уставе РФО (*Бронникова.* С. 123) почти дословно воспроизводит соответствующий параграф устава московского Религиозно-философского общества. На заседаниях зачитывались и обсуждались рефераты членов; основная тематика докладов – старое и новое религиозное сознание, интеллигенция и народ, религия и социализм (богоискательство и богостроительство), роль интеллигенции в истории России, религиозное значение мессианизма, национализма и патриотизма, реформа русской православной церкви (*Scherrer, 1974.* P. 308). Отчеты о заседаниях публиковались в «Записках» Общества (из планировавшихся шести выпусков третий и пятый не были осуществлены).

В отличие от Религиозно-философских собраний, РФО не ставило своей задачей сближение церкви и интеллигенции, что и отразилось в значительно меньшем количестве представителей духовенства среди участников. Согласно А. А. Мейеру, собеседования первоначально имели «отвлеченно-академический характер», но «очень скоро обнаружилось, что общество, увлеченное темою “нового религиозного сознания”, уклоняется от теоретических задач и что “чистой” философии в нем нечего делать. Злые критики по этому поводу утверждали, что “в этом обществе” нет “ни религии, ни философии”. И такое суждение нельзя не принять правильным. <...> Речь шла о попытках подметить новые пути религиозного сознания человечества» (*Мейер.* С. 109). После того как З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский и Ф. В. Философов, возвратившись в 1908 г. из заграницы, вошли в состав Совета, РФО превратилось в форум для обсуждения разнообразных проблем общественной жизни, внешне взаимосвязанных формулой определения «нового религиозного сознания». Лейтмотивом собеседований был вопрос о роли русской интеллигенции.

13 ноября 1908 г. А. А. Блок выступил в РФО с нашумевшим докладом «Народ и интеллигенция» (повторно – 12 декабря 1908 г. в ⇨ Санкт-Петербургском литературном обществе). В сезон 1913/1914 гг. с рефератом в Обществе выступил видный немецкий философ Г. Коген. Одной из вех в истории РФО было исключение В. В. Розанова из членов Общества на заседании 26 января 1914 г. в связи с его антисемитскими выступлениями в печати по поводу дела Бейлиса.

Лит.: Записки С.-Петерб. РФО. СПб., 1908–1916. Вып. 1, 2, 4, 6; *Гиппиус З. Н.* Дмитрий Мережковский. Париж, 1951. С. 186–207; *Франк С. Л.* Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956.

С. 89–93; *Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 329–334; *Scherrer J.* Die Petersburger religiös-philosophischen Vereinigungen. Berlin, 1973. S. 184–202, 303–360, 435–439 и др.; *Scherrer J.* Les «Soci t s philosophico-religieuses» et la qu te id ologique de l'intelligentsia russe avant 1917 // Cahiers du Monde russe et sovi tique. 1974. T. 15. № 3/4. P. 305–310; *Иванова Е.* Об исключении В. В. Розанова из РФО // Наш совр. 1990. № 10. С. 104–122; *Бердяев Н. А.* Самопознание. М., 1991. С. 148; *Пришвин М. М.* Дневники 1914–1917. М., 1991. С. 28–30; *Мейер А. А.* Петерб. РФО // Вопр. филос. 1992. № 7. С. 107–115; Петерб. РФО (1907–1917) / [Предисл., публ. и примеч. Е. В. Бронниковой] // Вопр. филос. 1993. № 6. С. 119–158; *Половинкин С. М.* Филос. и религ.-филос. об-ва // Рус. философия: Словарь / Под общей ред. М. А. Маслина. М., 1995. С. 578; *Половинкин С. М.* РФО // Лит. энц. терминов и понятий. М., 2003. С. 868–869.

Архивы: РГАЛИ. Ф. 2176 (Петерб. РФО).

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА – действовало в 1905–1918 гг. в Москве. Среди инициаторов его создания были Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Г. А. Рачинский, В. П. Свентицкий, кн. Е. Н. Трубецкой, В. Ф. Эрн. Планы создания Общества относятся к весне 1905 г.; в течение этого года состоялось несколько негласных собраний (Новое общество // Стрела. 1906. № 1. С. 4; *Burchardi.* S. 131, 366). Устав был утвержден в августе 1906 г.; первое официальное заседание состоялось 4 ноября 1906 г.

В Обществе было около 300 членов, в том числе литераторы, философы, богословы, священники, историки, художники: К. М. Аггеев, Н. С. Арсеньев, Н. Н. Асеев, С. А. Аскольдов, Ю. К. Балтрушайтис, А. Белый, Н. А. Бердяев, А. А. Блок, И. П. Брихничев, С. Н. Булгаков (предс.), Б. П. Вышеславцев, Д. Д. Галанин, М. О. Гершензон, С. И. Гессен, А. С. Глинка-Волжский, Б. А. Грифцов, С. Н. Дурылин (секр. с 1912 г.), Н. Ф. Езерский, А. В. Ельчанинов (секр. с 1905 г.), М. Здзеховский, Ф. Ф. Зелинский, В. В. Зеньковский, Вяч. И. Иванов, Иванов-Разумник, И. А. Ильин, В. В. Кандинский, Н. Ф. Каптерев, В. И. Качалов, С. А. Котляревский, Л. М. Лопатин, А. Ф. Лосев, Е. Г. Лундберг, Д. С. Мережковский, архимандрит Михаил (Семенов), Т. Мицинский, М. К. Морозова, М. В. Нестеров, П. И. Новгородцев, Г. А. Рачинский (предс.), М. М. Рубинштейн, Н. Н. Русов, В. П. Свенцицкий, А. А. Сидоров, А. Н. Скрябин, Л. В. Собинов, С. М. Соловьев, Ф. А. Степун, Б. Г. Столпнер, П. Б. Струве, М. М. Тареев, В. А. Тернавцев, А. К. Топорков, кн. Е. Н. Трубецкой, Н. В. Устрялов, Н. Н. Фиолетов, П. А. Флоренский, С. Л. Франк, В. М. Хвостов, Ф. И. Шаляпин, Л. И. Шестов, Г. Г. Шпет, В. Ф. Эрн, Б. В. Яковенко.

В уставе значилось о цели Общества: «§ 1. Общество имеет всесторонней целью разработку вопросов религии и философии. § 2. Для достижения этой цели Общество: а) Устраивает заседания, библиотеку, читальню и издает труды Общества. б) Предпринимает издание книг и периодических изданий. в) Организует лекции на общественных началах. г) Образует специальные секции» (цит.: *Burchardi.* S. 422). Основным видом деятельности Общества были открытые и закрытые заседания, на которых его члены читали доклады на религиозные, философские, литературные, художественные, общественно-политические темы. Имеются подробные данные о 120 докладах за 1905–1918 гг. (*Ibid.* S. 349–382). Открытые заседания Общества, проходившие в залах Политехнического общества, Польской библиотеки и других общественных учреждений, пользовались большой популярностью, привлекая обычно 250–600 слушателей (*Ibid.* S. 136). Закрытые заседания проводились, как правило, в домах М. К. Морозовой на Смоленском бульваре, Знаменке (с 1911 г.), Новинском бульваре (с 1912 г.). В разные годы Общество располагалось в разных местах (Зачатьевский пер., 6, кв. 1; Мертвый пер., 9).

К. Буркарди различает три периода деятельности Общества. В первые годы (1905–1910/1911) обсуждаются преимущественно вопросы конструктивной критики социализма, политической практики, роли интеллигенции. Для второго периода (ок. 1911 г.) характерна интенсивная дискуссия произведений Вл. Соловьева. В центре внимания

третьего периода (1912–1918) – религиозно-философские темы, теоретическое обоснование общественной концепции синтеза православных принципов и либеральных идеалов Востока и Запада.

Общество не обладало собственным печатным органом. Доклады членов печатались преимущественно в «Русской мысли», «Вопросах философии и психологии», «Московском еженедельнике». Своей программой и кругом сотрудников с Обществом было тесно связано издательство «Путь» (М., 1910–1919), созданное на средства М. К. Морозовой (*Голлербах*).

Лит.: *Александров Н.* Религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьева // Век. 1907. № 22. С. 342–343; *Е. [Ельчанинов А.].* Религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьева // Век. 1907. № 9. С. 107–108; *Степун Ф. А.* Москва накануне войны 1914 г. // Новый журнал. 1951. Кн. 26. С. 140–147; *Арсеньев Н. С.* Из рус. культурной и творческой традиции. Frankfurt am Main, 1959. С. 103–104; *Арсеньев Н. С.* Годы юности в Москве // Мосты. 1959. № 3. С. 369–371; *Scherrer J.* Die Petersburger religiös-philosophischen Vereinigungen. Berlin, 1973 (ук.); *Scherrer J.* Les «Soci t s philosophico-religieuses» et la qu te id ologique de l'intelligentsia russe avant 1917 // Cahiers du Monde russe et sovi tique. 1974. T. 15. № 3/4. P. 310–312; *Померанцева Г. Е.* О Сергее Николаевиче Дурылине // Дурылин С. Н. В своем углу. М., 1991. С. 20–21; *Фудель С.* Воспоминания // Новый мир. 1991. № 4. С. 183; *Фиолетова Н. Ю.* История одной жизни / Предисл. В. Кейдана // Минувшее. М., 1992. Вып. 9. С. 8–11, 13–16; *Голлербах Э.* Религ.-филос. изд-во «Путь» (1910–1919) // Вопр. филос. 1994. № 2. С. 123–165; № 4. С. 129–163; *Соболев А. В.* К истории Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева // Историко-философский ежегодник 1992. М., 1994. С. 102–114; *Половинкин С. М.* Филос. и религ.-филос. об-ва // Рус. философия: Словарь / Под общей ред. М. А. Маслина. М., 1995. С. 578–579; *Степун Ф. А.* Бывшее и несбывшееся. СПб., 1995. С. 198–204; *Асеев Н. Н.* Моск. записки / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. А. Е. Парниса // Вячеслав Иванов: Мат-лы и исслед. М., 1996. С. 156; *Burchardi K.* Die Moskauer «Religiös-Philosophische Vladimir-Solov'ev-Gesellschaft» (1905–1918). Wiesbaden, 1998; *Богомолов Н. А.* Рус. лит. первой трети XX в.: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 467–468; *Половинкин С. М.* Религиозно-философское общество // Лит. энц. терминов и понятий. М., 2003. С. 869–870.

РИТМИЧЕСКИЙ КРУЖОК – студия стиховедения под руководством А. Белого в 1910–1912 гг. в Москве; один из кружков, образовавшихся при книгоиздательстве «Мусагет» (см. также: ⇨ «Молодой Мусагет»; Вечера ⇨ «Мусагета»; Философский кружок ⇨ «Мусагета»).

Исследуя летом 1908 г. ритмику стихотворений Пушкина, А. Белый обнаружил, что «стихи одного метра разнятся ритмом. Ритм с метром не совпадает и определяется пропуском метрических ударений. <...> Теперь все это стало азбукой. В тот день это было открытием, действительно простым и внезапным, как Архимедово» (*Ходасевич*); о впечатлении, какое произвело «открытие» Белого на литературную среду Москвы и Петербурга, вспоминает В. А. Пяст: «Как методы, как наглядность подхода к ритму, так и выводы Белого звучали чем-то вроде до гениальности простого откровения» (*Пяст В.* Встречи. М., 1997. С. 109). Выводы своих стиховедческих исследований Белый изложил в книге «Символизм» (М., 1910), вышедшей в конце апреля 1910 г.; еще до ее появления Белый в докладах «Ритмика русского ямба» и «Эксперимент в лирике», прочитанных им в начале 1910 г. в Петербурге и в Москве, представил свои соображения о метре и ритме.

Кружок «ритмистов» возник в апреле 1910 г., когда под впечатлением стиховедческих лекций Белого к нему обратилась молодежь, группировавшаяся вокруг издательства «Мусагет», с предложением возглавить экспериментальную студию по изучению ритма. В кружке участвовали В. Ф. Ахрамович (секр.), А. А. Баранов (Рем), С. П. Бобров, С. Н. Дурылин, П. Н. Зайцев, В. О. Нилендер, А. А. Сидоров, В. О. Станевич, В. Ф. Ходасевич, С. В. Шенрок и др. Ходасевич, по-видимому, скоро перестал посещать заседания кружка, так как, по его мнению, «ритмическое содержание» стихов не

рассматривалось в кружке «в связи с содержанием смысловым», что ему казалось «ложным и вредным делом» (*Ходасевич*). Белый утверждал, что на собраниях кружка появлялся также Б. Л. Пастернак (*Белый, 1995.* С. 364), что опровергает сам Пастернак в автобиографическом очерке «Люди и положения» (*Пастернак*).

Задачей кружка Белый поставил универсальное описание ритма пятистопного ямба; каждый участник взял на себя статистическую обработку стихов данного размера у различных поэтов в соотношении с их ритмическими особенностями (в терминологии Белого – ускорений, замедлений, паузных форм, ритмических фигур и др.). Ряд заседаний в мае 1910 г. был посвящен выработке предварительной номенклатуры; тогда же участники кружка распределили между собой стиховой материал, охвативший произведения русских поэтов от Ломоносова до современников-символистов. «С осени начинаются частые, длительные, плодотворнейшие заседания» (*Белый, 1990.* С. 352). Представление о работе кружка дают наряду с воспоминаниями Белого (*Там же.* С. 350–353) письма Боброва к Белому (*Постоутенко.* С. 149–152), а также сохранившиеся протоколы заседаний кружка (см. выдержки из протоколов собраний 4 окт. и 8 нояб. 1910 г.: *Гречишкин, Лавров.* С. 102–103). В начале ноября 1910 г. на одном из заседаний кружка присутствовал А. А. Блок (*Белый, 1995.* С. 378–379).

В конце ноября 1910 г. Белый уехал на несколько месяцев за границу. Заседания кружка продолжались и без его участия, но лишь изредка: «...после вашего отъезда туго и малолюдно собирался кружок раза два» (письмо Ахрамовича к Белому от 17 янв. 1911 г.; *Гречишкин, Лавров.* С. 103). В мае 1911 г. Белый вернулся в Россию; на заседании 18 мая участники кружка подвели итоги совместных исследований пятистопного ямба.

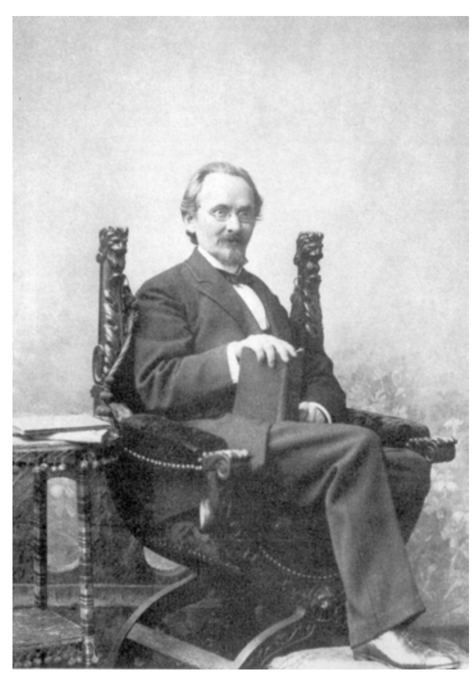
Весной 1911 г. в кружке обсуждались планы издания «учебника ритма»; Бобров предлагал также создать при кружке «журнал, посвященный поэзии в самом широком смысле слова и ритму в частности» (письмо к А. Белому от 2 июля 1911 г.: *Постоутенко.* С. 162); этот замысел не осуществился. Разработкой учебника ритма участники кружка занимались на заседании 21 ноября 1911 г.; труд группы планировалось издать под намеренно скромным заглавием «К будущему учебнику ритма» в виде приложения к журналу «Труды и дни», но подготовка к печати остановилась на стадии корректуры (учебник опубл.: Труды по знаковым системам. Тарту, 1981. Вып. 12. С. 119–131).

28 января 1912 г. Белый выступил на заседании ⇨ Общества ревнителей художественного слова с сообщением о работах кружка по исследованию пятистопного ямба (см.: *Недоброво*; ср.: Рус. худож. летопись. 1912. № 3). В марте 1912 г. Белый уехал на четыре года за границу; лишившись своего руководителя и вдохновителя, кружок «ритмистов» распался.

Лит.: *Недоброво Н. В.* Об-во ревнителей худож. слова в Пб. // Труды и дни. 1912. № 2. С. 24–26; *Белый А.* Ритм как диалектика и «Медный всадник». М., 1929. С. 71; *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* О стиховедч. наследии А. Белого // Труды по знаковым системам. Тарту, 1981. Вып. 12. (Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 515.) С. 101–106; *Белый А.* Между двух революций. М., 1990. С. 333, 337, 342, 350–353; *Пастернак Б. Л.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1991. Т. 4. С. 319; Письма С. П. Боброва к Андрею Белому 1909–1912 / Вступ. ст., публ. и коммент. К. Ю. Постоутенко // Лица. М.; СПб., 1992. Вып. 1. С. 149–152, 161–162; *Локс К. Г.* Повесть об одном десятилетии (1907–1917) / Публ. Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова // Минувшее. М.; СПб., 1994. Вып. 15. С. 52; *Белый А.* Собр. соч.: Восп. о Блоке. М., 1995. С. 364, 370–371, 375–376, 378–379; *Ходасевич В. Ф.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 53.

«**РОДНИК**» – кружок писателей из народа в 1911 г. в Москве. Среди участников – Н. И. Волков и И. И. Морозов. В конце 1911 г. под маркой «Издательство товарищеского кружка “Родник”» вышел в свет стихотворный сборник Волкова «Озимь» (М., на т.л. – 1912).

Лит.: Новый литературный кружок // Доля бедняка: Народная газета. 1911. № 4 (13); РП. 1989. Т. 1. С. 465; РП. 1999. Т. 4. С. 132.



В.В. Розанов

РОЗАНОВА ВОСКРЕСЕНЬЯ – литературные журфиксы на квартире В. В. Розанова в конце 1890-х – 1910-е гг. в Петербурге. Адрес Розанова в то время часто менялся (1899–1904 гг. – Шпалерная, д. 39, кв. 4; 1905–1910 гг. – Казачий пер., д. 4, кв. 12; 1910–1912 гг. – Звенигородская, д. 18, кв. 23; 1912–1916 гг. – Коломенская, д. 33, кв. 21; 1916–1917 гг. – Шпалерная, д. 44, кв. 22). Расцвет розановских Воскресений приходится на 1900-е гг., когда «на Шпалерную ходили решительно все» (*Гиппиус.* С. 91).

У Розанова бывали А. Белый, Ю. Д. Беляев, Н. А. Бердяев, А. М. Бутягина, Н. П. Ге, З. Н. Гиппиус, Л. М. Добронравов, Вяч. И. Иванов, Евг. Пав. Иванов, П. И. Карпов, М. А. Кузмин, Д. А. Лутохин, Д. С. Мережковский, М. В. Нестеров, П. П. Перцов, Г. С. Петров, В. А. Пяст, А. М. Ремизов, Б. А. Садовской, Ф. К. Сологуб, Б. Г. Столпнер, В. В. Суслов, В. А. Тернавцев, А. И. Тиняков, Ан. Н. Чеботаревская, Г. И. Чулков, Л. И. Шестов, И. Л. Щеглов, И. П. Щербов, а также члены петербургского ⇨ Религиозно-философского общества, художники кружка ⇨ «Мира искусства» и др.

В отличие от проходивших отчасти параллельно Воскресений ⇨ Сологуба, вечера у Розанова не имели ярко выраженного литературного характера: «У Розанова почти не читали своих литературных произведений; но обильно закусывали; долго засиживались за чайным столом; разговаривали – говорил по большей части хозяин...» (*Пяст.* С. 83). Как вспоминал Белый, «у Розанова “воскресенья” совершались нелепо, нестройно, разгамисто, весело» (*Белый, 1990.* С. 478). Перцов высоко оценивал значение розановского салона для культурной жизни Петербурга начала века: «Его дом, естественно, стал одним из интеллектуальных “фокусов” столицы, куда волна выносила, надолго или мимолетно, каждого захваченного течением. <...> наряду с понедельниками у Дягилева (редакция “Мира искусства”), собраниями у Мережковского и друг., розановские воскресенья были одним из тех очагов, где ковалась новая идейность» (*Перцов*; ср.: *Розанова.* С. 229).

13 января 1907 г. Розанов писал А. Г. Достоевской, что «“воскресенья” почти прекратились и ничего интересного теперь на них нет. Они были действительно оживлены, когда у меня сходились разные люди и разные мнения, писатели и духовенство, и обменивались жаркими то спорами, то сочувствиями. Теперь этот фейерверк угас, “литературного” ничего по воскресеньям не происходит, литераторов не бывает, а бывают 2–3, 5–6 своих домашних друзей, мне очень милых и приятных, но абсолютно неинтересных ни для кого» (*Гарэтто*). Согласно Т. В. Розановой, прекращение Воскресений связано с вызвавшими скандал печатными выступлениями Розанова по поводу дела Бейлиса (еврея, обвиненного в совершении ритуального убийства): «После дела Бейлиса и исключения папы из Религиозно-философского общества [в январе 1914 г.] у нас почти никто не бывал, и воскресные вечера как-то сами собой прекратились» (*Розанова.* С. 217). Однако Э. Ф. Голлербах вспоминал, что Воскресенья проходили и в 1915–1917 гг.: «Из писательской братии продолжали изредка бывать у него, если не ошибаюсь, – А. М. Ремизов, К. И. Чуковский, М. А. Кузмин, Н. О. Лернер, А. А. Измайлов и кое-кто из “правого лагеря”» (*Голлербах*).

Лит.: *Баранова-Шестова Н. Л.* Жизнь Льва Шестова. Paris, 1983. Т. 1. С. 52; *Розанова Т. В.* Восп. об отце — Василии Васильевиче Розанове и всей семье // Рус. лит. 1989. № 3. С. 217–218, 229; *Белый А.* Начало века. М., 1990. С. 478–480, 483, 485; *Гиппиус З. Н.* Живые лица: Восп. Тбилиси, 1991. С. 91, 112; *Садовской Б. А.* Записки (1881–1916) // Рос. архив. М., 1991. Вып. 1. С. 175; Из архива А. Г. Достоевской / Публ. Э. Гарэтто // Минувшее. М., 1992. Вып. 9. С. 286; *Белый А.* Собр. соч.: Восп. о Блоке. М., 1995. С. 146–147; *Лутохин Д. А.* Восп. о Розанове // В. В. Розанов: Pro et contra. СПб., 1995. Кн. 1. С. 194–195; *Пяст В.* Встречи. М., 1997. С. 50–51, 83; *Голлербах Э. Ф.* Встречи и впечатления. СПб., 1998. С. 89; *Перцов П. П.* Восп. о В. В. Розанове // Новый мир. 1998. № 10. С. 152–153.

РОЗЕНФЕЛЬДОВ ВЕЧЕРА — проходили в начале 1910-х гг. в Петербурге. Редактор-издатель журналов «Новая жизнь» и «Жизнь для всех» И. М. Розенфельд и его жена О. Э. Розенфельд (псевд. О. Миртов) раз в две недели принимали у себя литераторов, сотрудничавших в их журналах. Среди посетителей были И. С. Книжник-Ветров, А. П. Чапыгин.

Архивы: *Книжник-Ветров И. С.* Записки восьмидесятилетнего // ОР РНБ. Ф. 352. № 178. Л. 105 [сообщено А. И. Рейтблатом].

РОМАНО-ГЕРМАНСКИЙ КРУЖОК — объединение студентов романо-германского отделения при историко-филологическом факультете Петербургского университета. Кружком, организованным в декабре 1909 г., руководил испанист проф. Д. К. Петров. В его состав входили в 1909–1915 гг. А. А. Ахматова, С. М. Боткин, Ф. А. Браун, К. А. Вогак, Д. И. Выгодский, А. А. Гвоздев, Вас. В. Гиппиус, Н. С. Гумилев, В. М. Жирмунский, М. А. Жирмунский, Б. А. Кржевский, А. Я. Левинсон, М. И. Ливеровская, М. Л. Лозинский, О. Э. Мандельштам, К. В. Мочульский, Ю. А. Никольский, В. А. Пяст, В. Ф. Шишмарев, Вл. Б. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум и др.

На заседаниях кружка участники читали и разбирали литературоведческие рефераты и собственные литературные произведения. Видную роль в кружке играли члены ⇨ «Цеха поэтов» и будущие ⇨ Акмеисты; в начале 1913 г. с докладами выступили Гумилев (о Т. Готье) и Мандельштам (о Ф. Вийоне); 13 ноября 1913 г. в рамках кружка прошел «Вечер стихов» с участием Гиппиуса, Гумилева, Г. В. Иванова, Мандельштама, Пяста и др.; на вечере 28 января 1915 г. Гумилев читал свои стихотворения. По словам Г. В. Адамовича, «здесь была штаб-квартира недавно возникшего акмеизма, здесь же постоянно бывали первые русские формалисты» (*Адамович, 1969*; цит.: *Азадовский, Тименчик*. С. 184). См. также: ⇨ Кружок изучения поэтов.

Лит.: Отчет о состоянии и деятельности имп. С.-Петерб. ун-та за 1910 г. СПб., 1911. С. 301; Отчет ... за 1912 г. СПб., 1913. С. 85; Отчет ... за 1913 г. СПб., 1914. С. 384; *Шкловский Вл. Б.* [Рец. на кн.:] Н. С. Гумилев. Костер // Кн. и революция. 1922. № 7 (19). С. 57; *Адамович Г. В.* Петерб. ун-т: (к 150-летию со дня его основания) // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1969. 7 марта; *Тименчик Р. Д.* Тынянов и некоторые тенденции эстетич. мысли 1910-х гг. // Тыняновский сб.: Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986. С. 61; *Азадовский К. М., Тименчик Р. Д.* К биографии Н. С. Гумилева // Рус. лит. 1988. № 2. С. 182–184; *Лукницкая В.* Николай Гумилев. Л., 1990. С. 137; *Адамович Г. В.* Мои встречи с Анной Ахматовой // Восп. об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 65–67; Письма К. В. Мочульского к В. М. Жирмунскому / Вступ. ст., публ. и примеч. А. В. Лаврова // Новое лит. обозр. 1999. № 35. С. 123–124, 146–151, 153–155, 159–160, 172–173.

РУНТ КРУЖОК — существовал в середине 1910-х гг. в Москве. Хозяйка кружка — сестра жены В. Я. Брюсова, редактор журнала «Женское дело»; собрания проходили на ее квартире в Дегтярном переулке. Среди участников кружка — Е. В. Выставкина (Галлоп), Дон-Аминадо, С. А. Заречная, М. А. Каллаш, М. Л. Мандельштам, Анна Мар, В. В. Маяковский, С. Я. Рубанович, В. Ф. Ходасевич, В. Г. Шершеневич, Г. Б. Якулов и др. Атмосфера кружка описана в воспоминаниях Дон-Аминадо «Поезд на третьем пути»: «До поздней ночи, до слабого утреннего рассвета кричали, шумели, спорили,

превозносили Блока, развенчивали, защищали Брюсова, читали стихи Анны Ахматовой, Кузмина, Гумилева, говорили о “Железном перстне” Сергея Кречетова, глумились над Майковым, Меем, Апухтиным, Полонским» (*Дон-Аминадо.* С. 583).

Лит.: *Дон-Аминадо [Шполянский А. П.].* Наша маленькая жизнь. М., 1994. С. 579–584.

«**РУССКОГО БОГАТСТВА» ЧЕТВЕРГИ** – литературный кружок сотрудников и авторов либерально-народнического журнала «Русское богатство», существовавший в 1893–1900-е гг. в Петербурге. Встречи проходили вечерами по четвергам в редакции журнала на ул. Бассейной. Среди участников были Н. Ф. Анненский, Ю. И. Безродная, А. И. Богданович, В. В. Вересаев, Г. А. Галина, Н. Г. Гарин-Михайловский, Дионео (И. В. Шкловский), С. Я. Елпатьевский, А. И. Иванчин-Писарев, Д. В. Каррик, Д. А. Клеменц, А. А. Корнилов, В. Г. Короленко, С. Н. Кривенко, Ф. Д. Крюков, А. И. Куприн, В. В. Лесевич, Е. П. Леткова, Д. Н. Мамин-Сибиряк, П. Н. Милюков, Н. К. Михайловский (главный редактор журнала), Н. В. Михайловская, П. В. Мокиевский, Н. А. Морозов, В. В. Муйжель, В. А. Мякотин, О. Н. Ольнем, Э. К. Пименова, С. П. Подъячев, В. И. Семевский, В. Серошевский, О. Н. Чюмина, Л. Я. Штернберг, С. Н. Южаков, П. Ф. Якубович и др.

«За длинным столом пили чай с бутербродами, беседовали. Серьезных разговоров тут не поднималось, споров не было, – была веселая болтовня интеллигентных людей, обмен политическими и литературными новостями» (*Вересаев, 1961.* С. 347). После революции 1905 г. «Четверги “Русского богатства” сделались многолюдные и разнообразные по составу, “Русское богатство” сделалось сборным пунктом для разных левых людей. <...> Происходили собрания не литературные, а политические» (*Елпатьевский.* С. 290).

Лит.: *Венгерова З. А.* О. Н. Чюмина // Вестник Европы. 1909. № 10. С. 859; *Корнилов А.* Страничка восп. // Голос минувшего. 1916. № 10. С. LXIV; *Штернберг Л. Я.* Встречи и впечатления // В. Г. Короленко. Жизнь и творчество. Пг., 1922. С. 61–73; *Тейтель Я. Л.* Из моей жизни. Париж, 1925; *Пименова Э. К.* Дни минувшие. Л.; М., 1929. С. 155, 172; *Дионео* [*И. В. Шкловский*]. С. Я. Елпатьевский // Последние новости. 1933. 19 янв.; *Милюков П. Н.* Памяти В. А. Мякотина // Последние новости. 1937. 8 окт.; *Куприна-Иорданская М. К.* Годы молодости: Восп. о А. И. Куприне. М., 1960. С. 34–36; *Вересаев В. В.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1961. Т. 5. С. 346–348; *Вересаев В. В.* Восп. М., 1982. С. 391–392, 403, 416; *Михайловская Н. В.* [Н. Г. Гарин-Михайловский] // Н. Г. Гарин-Михайловский в восп. совр. Новосибирск, 1983. С. 95; То же // Гарин-Михайловский Н. Г. Проза. Восп. совр. М., 1988. С. 457 [там же на вклейке – коллективная фотография участников Четверга во второй половине 1890-х гг.]; *Елпатьевский С. Я.* Восп. за 50 лет. Уфа, 1984. С. 235, 289, 290; *Попов И. И.* Забытые иркутские страницы. Иркутск, 1989. С. 39, 209–210, 305.

Архивы: *Богданович Т. А.* Восп. // ОР РГБ. Ф. 218. № 383. Л. 251, 256 [сообщено А. И. Рейтблатом].

РУССКОЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО при Московском университете **[РБО]** – существовало в 1889–1930 гг. в Москве. Общество возникло осенью 1889 г. под названием **МОСКОВСКИЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ КРУЖОК [МБК]** по инициативе А. Д. Торопова. Первоначальная встреча будущих учредителей Общества (А. Н. Соловьева, А. Д. Торопова, В. Ф. Фреймана) состоялась в книжной лавке А. А. Астапова (*Торопов.* С. 275). Устав МБК был утвержден 31 июля 1890 г.; кружок начал свою деятельность 4 октября 1890 г.; к этому времени его членами состояло 59 человек. 13 февраля 1900 г. МБК был переименован в РБО.

Целью Общества являлось: «а) обстоятельное исследование и подробное описание всех русских книг и рукописей; б) содействие правильной разработке отечественной библиографии в отношении системы и методов этой разработки, а также развитию и распространению разнообразных технических знаний, имеющих отношение к книжному делу вообще» (цит.: *Здобнов.* С. 522–524). МБК поставил своей задачей составле-

Члены редакции и сотрудники журнала «Русское богатство». Сидят (слева направо): Н.Г. Гарин-Михайловский; А.И. Иванчин-Писарев (?), П.И. Вейнберг, Н.К. Михайловский, А.Г. Горнфельд, Н.Ф. Анненский, Л.И. Елпатьевская; стоят: С.Я. Елпатьевский, неустановленное лицо, А.В. Пешехонов, В.И. Семевский, П.Н. Милюков, В.А. Мякотин, Мякотина, М.В. Ватсон; за Мякотиной (выше) – Н.И. Кареев, за ним (выше) – Д.В. Каррик, М.И. Писарев, Д.А. Клеменц (сидит). 1903 г.

ние репертуара русской книги — полного сводного каталога русских книг гражданской печати. К 1917 г. собранная Обществом картотека насчитывала около 600 тысяч библиографических записей; во время Октябрьской революции в ходе боевых действий эти материалы были частично уничтожены (*Машкова.* С. 70—71).

За 40 лет существования Общества на его заседаниях было сделано 462 научных доклада. С 1907 г. внутри Общества действовал кружок (с 1913 г. — комиссия) сибирской библиографии (см.: *Рожнова*); в 1911 г. при РБО возникли Толстовская комиссия и комиссия библиотековедения. Плодом издательской деятельности Общества были три журнала — «Книговедение» (М., 1894—1896), «Бюллетени РБО» (М., 1901—1902) и «Библиографические известия» (М., 1913—1929), а также около 120 отдельных изданий — библиографических указателей, работ по книговедению и истории книги, оттисков статей, отчетов.

В общей сложности РБО насчитывало около 600 членов. В состав Общества входили В. Я. Адарюков, Д. Н. Анучин, И. А. Багашев, Б. С. Боднарский (предс. в 1920—1929 гг.), Р. Ф. Брандт (предс. в 1910—1920 гг.), В. Я. Брюсов, И. А. Бутин, С. А. Венгеров, К. Н. Дерунов, кн. В. А. Долгоруков, П. М. Дульский, Н. В. Здобнов, У. Г. Иваск, А. И. Калишевский (тов. предс. в 1910—1914 гг.), А. И. Кирпичников (предс. в 1899—1903 гг.), Е. Ф. Кудрявцев, С. К. Кузнецов, А. А. Курсинский, М. Н. Куфаев, Н. М. Лисовский (тов. предс. в 1914—1920 гг.), Н. П. Лихачев, А. М. Ловягин, С. Н. Мамеев, И. Ф. Масанов, В. И. Межов, А. В. Мезьер, Н. И. Носов, Н. Н. Орлов, А. Н. Петунников, Н. А. Рубакин, А. А. Сидоров, А. В. Смирнов, А. Н. Соловьев, Н. М. Сомов, И. Д. Сытин, И. Т. Тарасов (предс. в 1903—1910 гг.), А. А. Титов, А. Д. Торопов (предс. в 1890-е гг.), Д. В. Ульянинский (тов. предс. в 1902—1910 гг.), А. Г. Фомин, В. Ф. Фрейман, В. М. Фриче, Л. Б. Хавкина, Е. И. Шамурин, П. П. Шибанов, В. М. Шулятиков, А. Д. Эйхенгольц и др.

В конце 1929 г. особая комиссия Главнауки (Главного управления научными, музейными и научно-художественными учреждениями) «обследовала» деятельность РБО и сделала вывод, «что деятельность эта никакой ценности для социалистического строительства не имеет» (цит.: *Беспалова.* С. 76). Распоряжением Наркомпроса РСФСР от 13 ноября 1930 г. РБО было ликвидировано.

Лит.: Устав МБК. М., 1890; То же // Библиограф. 1890. № 9—10; Очерк деятельности МБК за первый год существования. (С 4 окт. 1890 по 1 дек. 1891 г.). М., 1892; МБК // Почин. Сб. Об-ва любителей рос. словесности на 1895 г. М., 1895. Отд. 2. С. 21; РБО // Библиогр. изв. 1919. № 1/2. С. 80; № 3/4. С. 136—137; 1920. № 1/2. С. 29—30; № 3/4. С. 159—160; 1921. № 1/4. С. 73—75; *Торопов А. Д.* МБК: Страничка восп. // Sertum bibliologicum в честь президента Рус. библиологич. об-ва проф. А. И. Малеина. Пб., 1922. С. 275—276; Отчет о деятельности РБО [за 1923 ... 1929 гг.]. М., [1923—1929]; *Мезьер А. В.* Словарный указ. по книговедению. Пб., 1924. С. 13—16; *Орлов Н. Н.* Тридцать пять лет деятельности РБО // Библиогр. изв. 1924. № 1/4. С. 1—129; Список членов РБО к 17 окт. 1924 г. М., 1925; *Орлов Н. Н.* Очерк деятельности РБО за 1917—1925 гг. // Библиотечное обозр. 1926. Кн. 1/2. С. 161—164; *Орлов Н. Н.* РБО в 1917—1924 гг. // Труды Первого Всерос. библиогр. съезда в Москве 2—8 дек. 1924 г. М., 1926. С. 7—12; *Мезьер А. В.* Словарный указ. по книговедению. М.; Л., 1931. Ч. 1. С. 64—65; *Здобнов Н. В.* История рус. библиогр. до нач. XX в. М., 1955. С. 522—526; *Машкова М. В.* История рус. библиогр. нач. XX в. (до окт. 1917 г.). М., 1969. С. 412—421 и др.; *Рожнова В. И.* Комиссия сибирской библиогр. в РБО (1907—1917) // Сов. библиогр. 1977. № 5. С. 41—48; *Тарасенко И. Н.* Журнал «Библиогр. изв.» и его роль в становлении сов. книговедения // Книга: Исслед. и мат-лы. М., 1978. Сб. 37. С. 127—151; Книговедение: Энц. словарь. М., 1982. С. 476—477 и др. (по указ.); *Алексеева Г. А.* Журнал МБК [«Книговедение», 1894—1896 гг.] // Сов. библиогр. 1984. № 3. С. 60—61; Как закрывали РБО: [Документы и мат-лы] / Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Э. К. Беспаловой // Сов. библиогр. 1989. № 1. С. 75—81; № 2. С. 47—54; *Фокеев В. А.* Отечеств. библиогр. (1917—1929 гг.): Указ. библиогр. лит. за 1917—1990 гг. М., 1992. № 1209—1226; *Хомякова И. Г.* «Неисправимый библиогр. мечтатель»: Науч. связи Поля Отле и РБО в 1896—1918 гг. // Библиография. 2000. № 1. С. 85—94.

РУССКОЕ БИБЛИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО [РБО] – возникло в мае 1899 г. в Петербурге по инициативе А. М. Ловягина. Общество начало свою деятельность 25 сентября 1899 г. и просуществовало до января 1931 г.

Согласно одному из проектов устава целью РБО было «содействие научной разработке библиологии, то есть книговедения и книгоописания» (цит.: *Машкова.* С. 422). Основателем Общества Ловягиным слово «библиология» толковалось так же, как «научная библиография» и как «история литературы в обширном смысле этого слова» (см.: *Здобнов.* С. 527).

В 1899 г. членами РБО состояло 56 человек, в 1925 г. – 76, в 1930 г. – 94 (*Мартынов.* С. 99). В работе Общества принимали участие В. П. Адрианова-Перетц, И. К. Антошевский, С. Д. Балухатый, В. Э. Банк, А. М. Белов, Н. Н. Белявский, А. Л. Бем, П. Н. Берков, П. М. Богданов, Б. С. Боднарский, А. К. Бороздин, В. Ф. Боцяновский (предс. в 1904–1905 гг.), В. В. Буш, И. А. Бычков, С. А. Венгеров, В. В. Виноградов, Ф. А. Витберг, Э. А. Вольтер, О. Э. Вольценбург, П. П. Гнедич, Б. М. Городецкий, Я. П. Гребенщиков, Н. С. Державин, Л. К. Ильинский, М. К. Клеман, В. Н. Княжнин, А. Ф. Кони, Б. И. Коплан, А. О. Круглый, М. Н. Куфаев, В. И. Ламанский, Н. М. Лисовский, Н. П. Лихачев, Л. П. Лобов, А. М. Ловягин (предс. в 1899–1902, 1905–1917 гг.), Х. М. Лопарев, Е. А. Ляцкий, А. И. Лященко (предс. в 1903 г.), Л. Н. Майков (предс. в 1899 г.), А. Г. Максимов, А. И. Малеин (предс. в 1919–1927 гг.), А. В. Мезьер, Б. Л. Модзалевский, Н. К. Никольский, Ю. Г. Оксман, С. Ф. Ольденбург, Н. П. Павлов-Сильванский, В. Н. Перетц, Н. К. Пиксанов, А. С. Поляков, В. И. Саитов, С. Г. Сватиков, П. К. Симони, В. С. Спиридонов, В. И. Срезневский, А. Д. Торопов, А. Г. Фомин (предс. в 1927–1931 гг.), Д. Д. Шамрай, К. И. Шафрановский, П. Н. Шеффер, Ф. Г. Шилов, Н. К. Шильдер и др.

В работе РБО преобладали два направления – книговедческое и историко-литературное. В начале 1900-х гг. в Обществе действовало несколько секций: библиотековедения, книговедения, историко-литературная, филологическая, археологическая, историко-географическая. В 1903 г. при РБО было создано Справочное библиологическое бюро (Ист. вестн. 1903. Т. 94. № 12. С. 1134). На заседаниях Общества читались и обсуждались доклады на библиографические и историко-литературные темы.

РБО развило также издательскую деятельность, выпустив ряд периодических изданий и научных сборников – «Литературный вестник» (СПб., 1901–1904. Т. 1–8), «Доклады и отчеты» (СПб., 1908–1917. Вып. 1–4), однодневную газету «Достоевский» (Пг., 1921. 30 окт.), «Библиографические листы РБО» (Пб., 1922. № 1–3), «Библиологический сборник» (Пг., 1915–1918. Т. 1. Вып. 1–4; Т. 2. Вып. 1–2), «Литературно-библиологический сборник» (Пг., 1918. Вып. 1), «Sertum bibliologicum в честь президента РБО проф. А. И. Малеина» (Пб., 1922).

В январе 1931 г. постановлением Ленинградского областного отдела народного образования РБО было реорганизовано в Библиологическую секцию Общества библиотековедения. Первое и последнее заседание секции состоялось 10 июня 1931 г. (*Мартынов.* С. 103–104).

Лит.: Отчет РБО за 1899 г. СПб., 1900; Устав РБО. СПб., 1903; РБО // Библиогр. изв. 1919. № 1/2. С. 80; № 3/4. С. 137; 1920. № 1/2. С. 30; № 3/4. С. 60; 1921. № 1/4. С. 75; РБО // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 520–521; Летопись РБО // Библиогр. листы РБО. 1922. № 1. С. 25–27; № 2. С. 26–27; № 3. С. 25–26; Sertum bibliologicum в честь президента РБО проф. А. И. Малеина. Пб., 1922; *Мезьер А. В.* Словарный указ. по книговедению. Пб., 1924. С. 13–16; *Ильинский Л.* РБО за годы революции // Библиотечное обозр. 1926. Кн. 1/2. С. 147–156; *Шафрановский К. И.* РБО // Труды Первого Всерос. библиогр. съезда в Москве 2–8 дек. 1924 г. М., 1926. С. 12–18; РБО в 1928 и 1929 гг. // Библиотековедение и библиогр. 1930. № 1/2. С. 216–217; *Мезьер А. В.* Словарный указ. по книговедению. М.; Л., 1931. Ч. 1. С. 65; *Здобнов Н. В.* История рус. библиогр. до нач. XX в. М., 1955. С. 527–528; *Машкова М. В.* История рус. библиогр. нач. XX в. (до окт. 1917 г.). М., 1969. С. 421–431; *Мартынов И. Ф.* РБО в годы сов. власти (1917–1931 гг.) // Книга: Исслед. и мат-лы. М., 1974. Сб. 29. С. 98–113; РБО // Книговедение: Энц. словарь. М., 1982. С. 477 и др.

Группа членов Русского библиологического общества. Сидят (слева направо): М.С. Боцяновская, Ф.А. Витберг, С.А. Венгеров, Э.Ф. Лисовская, А.М. Ловягин, В.Ф. Боцяновский, А.И. Лященко, Т.А. Ловягина; стоят: Е.А. Ляцкий, А.М. Белов, П.Н. Шеффер, А.К. Бороздин, Б.Л. Модзалевский, Л.П. Лобов, Н.М. Лисовский, А.С. Раевский, Б.М. Городецкий, И.К. Антошевский, А.Г. Максимов, Х.М. Лопарев, Н.П. Павлов-Сильванский, А.И. Малеин, В.Н. Кораблев, А.Л. Липовский, К.И. Храневич. 1904 г.

(указ.); *Матвеева И. Г.* А. М. Ловягин — создатель и президент Русского библиологического общества // Историко-библиографические исследования. СПб., 1992. Вып. 2. С. 59—75; *Она же.* РБО (1899—1937 гг.) // Книга в меняющемся мире: Седьмая науч. конф. по проблемам книговедения. Секция библиографоведения: Тезисы докладов. М., 1992. С. 33—34; *Фокеев В. А.* Отечеств. библиогр. (1917—1929 гг.): Указ. библиогр. лит. за 1917—1990 гг. М., 1992. № 1227—1236; *Чудаков А. П.* Учусь у Виноградова // Тыняновский сб. Вып. 10: Шестые — Седьмые — Восьмые Тыняновские чтения. М., 1998. С. 832.

Архивы: РО ИРЛИ. Ф. 147 (РБО).

РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО [РЛО] — основано в 1879 г. в Петербурге под названием **САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ СЦЕНИЧЕСКОГО ИСКУССТВА**; в 1886 г. преобразовано в **ЛИТЕРАТУРНО-ДРАМАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО**; в 1888 г. переименовано в РЛО. Помещение Общества находилось на ул. Гороховой, д. 33. РЛО ставило целью «изучение литературы во всех ее формах и видах, разработку теоретических и практических литературных вопросов и распространение литературных знаний» (*Брокгауз, Ефрон*). Общество устраивало публичные лекции, литературные утра и вечера и юбилейные торжества в честь писателей (Д. В. Григоровича, А. Н. Майкова, Я. П. Полонского и др.).

Как вспоминал С. И. Уманец, РЛО «сосредоточивало в себе в то время все наши лучшие писательские силы» (*Уманец, 1912.* С. 1038). К середине 1890-х гг. в состав правления входили Д. В. Аверкиев, П. П. Гнедич, М. А. Загуляев (секр.), П. Н. Исаков (предс.), А. А. Катенин, Л. Н. Майков и А. А. Потехин (тов. предс.) (Весь Петербург на 1895 год. С. 508). РЛО состояло из почетных членов (в том числе А. Н. Майков, А. Н. Плещеев, Я. П. Полонский, гр. Л. Н. Толстой), действительных (не более 50) и членов-соревнователей (не более 100); в числе членов были С. А. Андреевский, В. И. Бибиков, П. Д. Боборыкин, В. П. Буренин, П. В. Быков, П. И. Вейнберг, В. Л. Величко, П. Г. Ганзен, В. М. Гаршин, гр. А. А. Голенищев-Кутузов, И. Ф. Горбунов, Д. В. Григорович, Я. Я. Гуревич, Г. П. Данилевский, М. А. Кавос, Н. Н. Каразин, В. Д. Комарова, А. Ф. Кони, К. Р. (вел. кн. К. К. Романов), П. А. Кусков, Н. А. Лейкин, В. С. Лихачев, М. Г. Майков, Б. М. Маркевич, Д. С. Мережковский, В. О. Михневич, кн. Д. П. Муравлин (Голицын), И. Е. Репин, А. А. Слепцов, К. К. Случевский, Вл. С. Соловьев, Н. Н. Страхов, А. С. Суворин, В. А. Тихонов, С. И. Уманец, кн. А. И. Урусов, А. А. Фет, Ф. Ф. Фидлер, К. М. Фофанов, кн. Д. Н. Цертелев, Ф. А. Червинский, А. П. Чехов, И. И. Ясинский. В 1892 г. З. Н. Гиппиус добилась, чтобы на собрания РЛО допускались женщины (ср. дневниковую запись Ф. Ф. Фидлера от 10 марта 1892 г.; *Fiedler.* S. 117).

А. Е. Кауфман следующим образом охарактеризовал идейное направление общества: «...так называемое “гражданское направление” не находило отклика в стенах Рус. лит. общ., где культивировалась преимущественно чистая поэзия» (*Евгеньев.* С. 5). Характеристику и оценку деятельности объединения содержат воспоминания Гнедича: «Ничего, впрочем, нужного из этого кружка писателей не вышло: никакой спайки между членами не было. Никаких сборников Общество не издавало. Преследовалась, по преимуществу, цель — читать вещи крупных литературных достоинств, не появившиеся еще в печати и только что набранные в корректурных листах» (*Гнедич.* С. 217).

В 1896 г. при РЛО был основан ⇨ Союз взаимопомощи русских писателей (Союз писателей). В справочнике «Весь Петербург» РЛО числилось вплоть до 1904 г. По данным архивного списка членов (ОР РНБ. Ф. 118. № 73. Л. 519) существовало еще в 1905 г.

Лит.: Ист. вестн. 1888. № 4. С. 233—234; Устав РЛО. СПб., 1888; То же. СПб., 1894; Отчет РЛО за 1888—1889 гг. СПб., 1889; РЛО. Список членов к 1-му апр. 1889 г. СПб., 1889; РЛО. Очерк деятельности Об-ва за 1886—1894 гг. СПб., 1894; РЛО // Почин. Сб. Об-ва любителей рос. словесности на 1895 г. М., 1895. Отд. 2. С. 19—21; *Уманец С. И.* Из восп. об А. Н. Майкове // Ист. вестн. 1897. Т. 68. № 5. С. 460—470; Очерк деятельности Об-ва за 1894—1896 гг. СПб., 1897; Энц. словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. 1897. Т. 21 (Кн. 42). С. 620; *Суворин А. С.* [Фельетон] // Новое время. 1898. 21 янв.; *С. У. [Уманец С. И.].* Мозаика: (Из старых записных книжек) // Ист. вестн.

1912. Т. 130. № 12. С. 1038, 1040; *Уманец С. И.* Из лит. прошлого нашей столицы: (Очерки и восп.) // Наша старина. 1915. № 6. С. 514–525; № 7. С. 647–655; *Евгеньев А. [Кауфман А. Е.].* Писательские об-ва и кружки // Вестн. лит. 1919. № 1/2. С. 4–5; *Перцов П. П.* Лит. восп. 1890–1902 гг. М.; Л., 1933. С. 221–222; *Ушаков А. В.* Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895–1904. М., 1976. С. 69; *Лейкина-Свирская В. Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М., 1981. С. 136; *Кони А. Ф.* Восп. о писателях. М., 1989. С. 447; РП. 1992. Т. 2. С. 309; РП. 1994. Т. 3. С. 43; *Fiedler F.* Aus der Literatenwelt. Göttingen, 1996. S. 18, 79–81, 83–84, 87–88, 90, 92–93, 117–118, 127–128, 188; *Гнедич П. П.* Книга жизни. Восп. 1855–1918. М., 2000. С. 217–218.

Архивы: *Комарова В. Д.* РЛО. Отрывок из моих мемуаров // РГАЛИ. Ф. 238 (Комарова В. Д.). Оп. 1. Ед. хр. 18; ОР РНБ. Ф. 118. № 73. Л. 519 (состав РЛО в 1905 г.) [сообщено А. И. Рейтблатом]; РГАЛИ. Ф. 2161 (РЛО); ИРЛИ. Архив Я. П. Полонского. № 12826 («список членов Лит.-драм. об-ва»; см.: *Коренева М. Ю.* [Предисл. к публ. писем Д. С. Мережковского к А. Н. Веселовскому] // Наследие Александра Веселовского: Исслед. и мат-лы. СПб., 1992. С. 341).

РУССКОЕ СОБРАНИЕ [РС] – литературно-политическое объединение, основанное в 1900 г. в Петербурге. По свидетельству А. Е. Кауфмана, оно возникло вследствие «маленького раскола» в ⇨ Кружке имени Я. П. Полонского, «когда группа деятелей кружка, обуреваемых политическими стремлениями <...> ушли и положили основание “Русскому собранию”. Там скоро расцвела пышным цветом политика в стиле [лидеров черносотенного Союза русского народа А. И.] Дубровина и [Н. Е.] Маркова 2-го...» (*Евгеньев*). Согласно «историческому очерку Собрания», идея его основания «возникла в октябре 1900 г., когда кружок лиц, убедившись в той опасности, которую представляла для русского дела космополитичность высших слоев высшего общества, признал желательным дать жизнь националистическому кружку» (Список. С. 1; цит.: *Степанов.* С. 33).

Инициаторами и учредителями общества были писатели и публицисты А. В. Васильев, В. Л. Величко, кн. М. Н. Волконский, В. В. Комаров, Н. А. Энгельгардт и др.; среди литераторов в составе РС были также М. М. Бородкин, В. А. Грингмут, Д. И. Иловайский, Н. П. Кондаков, Н. П. Лихачев, А. А. Навроцкий, Б. В. Никольский, В. М. Пуришкевич, Н. М. Соколов, А. С. Суворин, С. Н. Сыромятников и др. Первым председателем объединения был избран кн. Д. П. Муравлин (Голицын). «В первый год существования это общество собиралось друг у друга на “конспиративных квартирах”, потом нашло помещение в Троицкой улице, в одном доме с известной “дамой Павловой”» (*Энгельгардт.* С. 37).

Устав РС был утвержден 26 января 1901 г.; общество, открывшееся 12 февраля, поставило своей задачей «содействовать выяснению, укреплению в общественном сознании и проведению в жизнь исконных творческих начал и бытовых особенностей русского народа» (Весь Петербург на 1903 год. С. 821); с этой целью проводились по пятницам литературно-научные и музыкальные вечера, читались и обсуждались доклады. На вечерах бывали Ф. Ф. Зелинский, И. Е. Репин, Н. К. Рерих. «Собрание интересовало уже потому, что В. А. Прокофьев, главный репортер “Нового времени”, который давал и придворную хронику, помещал отчеты о пятницах» (*Энгельгардт.* С. 38).

По характеристике Н. А. Энгельгардта, в первые годы своей деятельности РС «было какой-то маленькой Государственной Думой <...> В нем поднялось гражданское чувство, забил ключ живой мысли, так как в нем немало было людей талантливых. <...> После кончины от жестокого плеврита В. Л. Величко [в 1903 г.] РС скоро утратило живое, общественное значение, наполнилось чиновниками с их служебными интригами, и бюрократическая мертвечина быстро, как песком, затянула пробивавшийся вначале здесь ключ оригинальной мысли и гражданского чувства и подъема» (*Там же.* С. 39, 46).

Писательский кружок быстро превратился в общественно-политическую организацию. В 1903–1904 гг. в нескольких провинциальных городах открылись отделения РС. Националистические настроения во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. и

опыт революции 1905 г. способствовали росту объединения, вокруг которого сплотились правые, монархистские, охранительные силы. К 1 сентября 1905 г. в состав РС входило ок. 2000 членов (Весь Петербург на 1906 год. С. 859); из них свыше 1600 принадлежало к дворянскому сословию (*Степанов.* С. 110).

РС принимало деятельное участие в создании в конце 1905 г. Союза русского народа (*Там же.* С. 90–91). В мае 1901 г. вышел единственный номер «Летописи Русского собрания»; в 1903–1904 гг. издавались «Известия Русского собрания» (пять номеров); в 1906–1912 и 1915–1916 гг. – «Вестник Русского собрания».

Объединение просуществовало до 1917 г. «Совет РС <...> в полном составе тоже отправился на поклон к Временному правительству... Это холопство, это проявление общественной низости людей, живших монархией, должно было быть наказано, и оно скоро было наказано» (*Энгельгардт.* С. 58).

Лит.: Список членов РС с прил. ист. очерка Собрания. СПб., 1906; *Евгеньев А. [Кауфман А. Е.].* Писательские об-ва и кружки // Вестн. лит. 1919. № 3. С. 4; *Степанов С. А.* Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992. С. 32–36, 40–41, 88–103, 110–112; *Кирьянов Ю.* «РС» // Полит. партии России. Конец XIX – первая треть XX в.: Энц. М., 1996. С. 534–536; *Энгельгардт Н. А.* Эпизоды моей жизни: (Восп.) / Публ. С. В. Шумихина // Минувшее. СПб., 1998. Вып. 24. С. 37–41, 46, 58; РП. 1999. Т. 4. С. 153, 200, 321, 322; *Кирьянов Ю. И.* Русское собрание 1900–1917. М., 2003.

РУССКОЕ (РОССИЙСКОЕ) ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО [РТО] – объединение деятелей театра, созданное в 1894 г. в Петербурге. Его предшественниками были основанное в 1876 г. **ОБЩЕСТВО ВЗАИМНОГО ВСПОМОЖЕНИЯ РУССКИХ АРТИСТОВ** и заменившее его в 1883 г. **ОБЩЕСТВО ДЛЯ ПОСОБИЯ НУЖДАЮЩИМСЯ СЦЕНИЧЕСКИМ ДЕЯТЕЛЯМ**, основанное по инициативе М. Г. Савиной. В 1894 г. Общество преобразовалось в РТО.

В Совет Общества входили П. П. Гнедич, Е. Н. Жулева, Н. А. Лейкин, П. Д. Ленский (кн. Оболенский), А. Е. Молчанов, А. А. Нилус (Нильский), М. И. Писарев, А. А. Потехин (предс.), М. Г. Савина и др. РТО ставило своей задачей «содействовать всестороннему развитию театрального дела в России» (Весь Петербург на 1897 год. С. 615).

Как и его предшественники, РТО занималось и филантропической деятельностью (в 1895 г. открыло убежище для престарелых артистов). В 1896 г. РТО учредило Театральное справочно-статистическое бюро, выполнявшее функцию посредника при найме актеров. К 1 января 1897 г. членами Общества числилось 325 человек (*Брокгауз, Ефрон*). По другим данным, «членов в Об-ве в 1897 г. состояло свыше 1200» (Весь Петербург на 1899 год. С. 769).

В 1897 г. РТО организовало в Москве первый Всероссийский съезд сценических деятелей. В 1903 г. возник ⇨ Союз драматических и музыкальных писателей, членов РТО. В 1904 г. Общество получило титул «императорского»; бессменным президентом стал А. Е. Молчанов. В 1906 г. при РТО был создан Всероссийский союз сценических деятелей. В 1913–1917 гг. издавались «Известия Совета РТО» (вышло 23 номера). В 1915 г. Общество организовало Всероссийский съезд деятелей народного театра.

В советское время объединение продолжало свою деятельность. В справке для Главискусства 1925 г. сообщается: «После падения царского режима вплоть до 1921 г. РТО продолжает работу своего справочно-статистического и комиссионного бюро, передав впоследствии комиссионные функции Бирже Труда Рабиса [т.е. профсоюза работников искусств], откомандировывает в ТЕО Наркомпроса [т.е. театральный отдел Народного комиссариата просвещения] часть своего аппарата для работы по обследованию театра в провинции, <...> работает над пополнением своей фундаментальной библиотеки и доводит ее до размеров свыше 20 000 экземпляров» (РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 221. Л. 176). РТО издавало журналы «Мастерство театра» (М., 1922–1923. № 1–2) и «Временник РТО» (М., 1925 [на обложке: 1924]. № 1), а также театральные

пьесы (к 1925 г. вышло более 20 книг). В начале 1933 г. РТО было переименовано во Всероссийское театральное общество.

Лит.: Общества // Энц. словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. 1897. Т. 21 (Кн. 42). С. 623; *Кугель А. Р.* К тридцатилетию РТО. (1894–1924) // Временник РТО. М., 1924. Вып. 1. С. 5–14; *Станиславский К. С.* Статьи. Речи. Беседы. Письма. М., 1953. С. 157–158; *А. Пок. [Покровский А. В.], Ю. Ш.* Всерос. театр. об-во // ТЭ. М., 1961. Т. 1. С. 1038–1040.

Архивы: РГАЛИ. Ф. 645 (Главискусство). Оп. 1. Ед. хр. 221. Л. 176–177 об.; Ф. 960 (Об-во для пособия нуждающимся сценич. деятелям); Ф. 970 (Всерос. театр. об-во).

«**РУССКОЙ МЫСЛИ**» **КРУЖОК** – литературный кружок, существовавший в 1890-е гг. в Москве. Кружок группировался вокруг журнала «Русская мысль» (М., 1880–1918) и его редактора В. А. Гольцева. Как вспоминала Н. А. Гольцева, «В. А. был объединяющим центром для многих выдающихся деятелей литературы, науки и общественности, не только как редактор “Русской мысли”, но как литератор, который касался целого ряда животрепещущих вопросов» (цит.: *Простаков*). Наряду с редакционными собраниями, по субботам проходили журфиксы издателя «Русской мысли» В. М. Лаврова (*Кара-Мурза*). Лавров «устраивал у себя в Москве в большом особняке и на даче сборища друзей, причастных к журналу литераторов, молодых женщин, с шумными беседами, прекрасными ужинами, речами и картами. Несмотря на обильную выпивку, тон здесь никогда не снижался до вульгарного» (*Немирович-Данченко*). Среди участников были Н. Н. Златовратский, В. Г. Короленко, Д. Н. Мамин-Сибиряк, И. Н. Потапенко, В. С. Пругавин, кн. А. И. Сумбатов-Южин, А. П. Чехов, Т. Л. Щепкина-Куперник. См. также: Гольцева вторники.

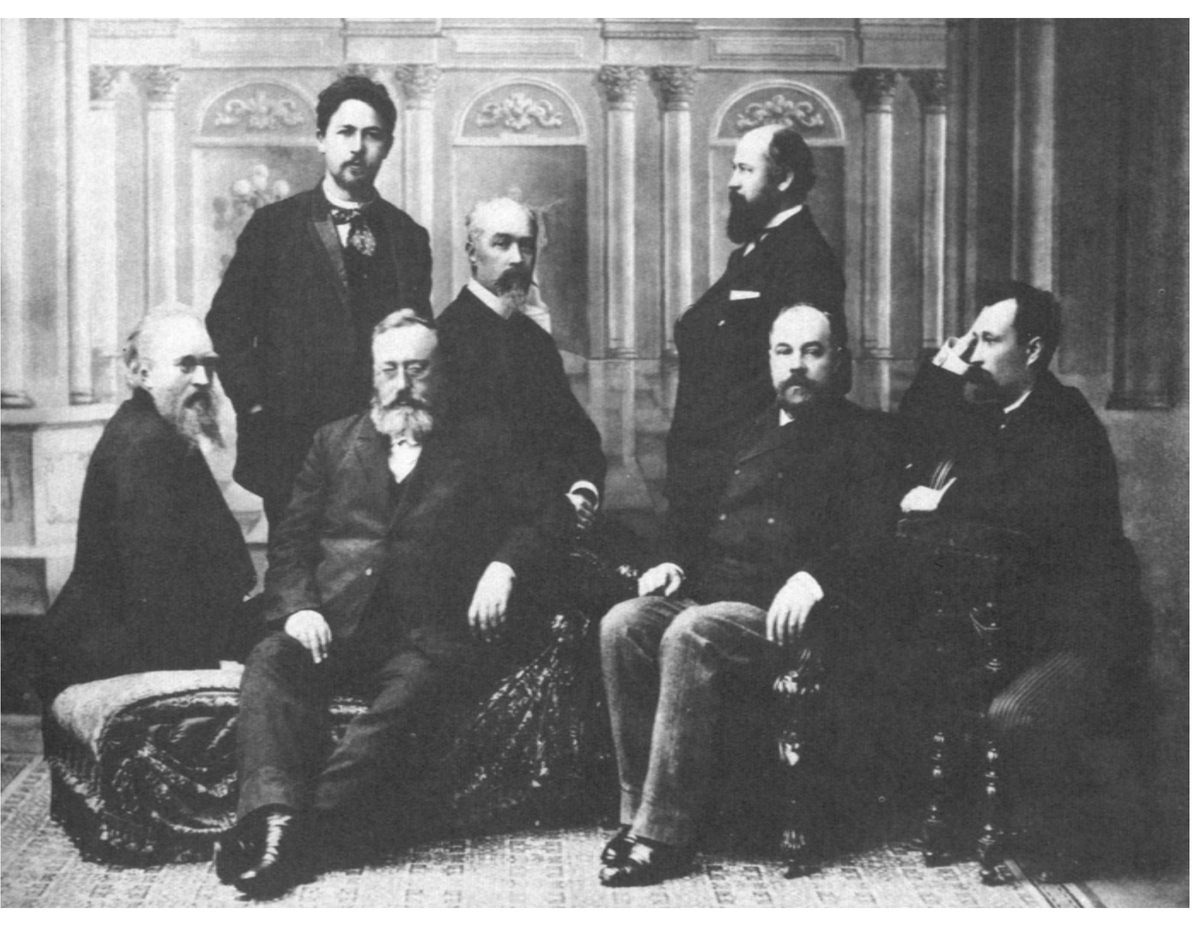
Лит.: *Кара-Мурза С. Г.* Журфиксы прошлого столетия // Понедельник. 1918. № 8. С. 3; *Короленко В. Г.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1955. Т. 8. С. 131; *Щепкина-Куперник Т. Л.* Письмо о Д. Н. Мамине // Д. Н. Мамин-Сибиряк в восп. совр. Свердловск, 1962. С. 227; *Немирович-Данченко Вл. И.* Рождение театра. М., 1989. С. 77; *Простаков О. Г.* Хозяйка моск. салона: (О восп. Н. А. Гольцевой «Забытое прошлое») // Археограф. ежегодник за 1997 г. М., 1997. С. 288.

САМАРИНСКИЙ КРУЖОК ⇨ НОВОСЕЛОВА ЧЕТВЕРГИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО [СЛО] – существовало в 1907–1911 гг.; было задумано как продолжение ⇨ Союза взаимопомощи русских писателей. Помещение Общества находилось на Фонтанке, д. 83.

Устав Общества был утвержден 28 февраля 1907 г.; СЛО поставило своей целью «1) сближение, общение и объединение деятелей всех отраслей литературы на почве литературных интересов; 2) всестороннее содействие развитию и процветанию литературы» (Отчет. С. 4). В уставе была намечена широкая программа Общества; говорилось, что оно «1) издает свой журнал, свои труды и труды своих членов, а также произведения, распространение которых оно признает полезным; 2) собирается на заседания для обсуждений сообщений и докладов по всем отраслям литературы и для решения всех дел, касающихся Общества; 3) устраивает литературные собрания, чтения, публичные лекции, спектакли и концерты; 4) организует свою библиотеку, кабинеты для чтения, музеи и выставки; 5) созывает всероссийские, областные и местные литературные съезды; 6) учреждает литературные клубы; 7) открывает провинциальные отделения в разных городах <...>» (Устав. С. 1–2). В уставе предусматривалось, что «членами Общества могут быть без различия направлений лица, заявившие себя трудами в области литературы, науки и периодической печати, а также лица, редактирующие органы периодической печати или состоящие постоянными сотрудниками этих последних» (Устав. С. 2).

К 1910 г. в СЛО числился 431 член. Первоначально в совет Общества входили Е. В. Аничков, Н. Ф. Анненский (предс.), К. С. Баранцевич, Ф. Д. Батюшков (тов.



Участники кружка журнала «Русская мысль». Слева направо: М.Н. Ремезов, А.П. Чехов, М.А. Саблин, И.И. Иванюков, В.А. Гольцев, В.М. Лавров, И.Н. Потапенко. 1892 г.

предс.), В. Я. Богучарский, П. А. Брюнелли, С. А. Венгеров, С. П. Елисеев (казн.), А. Н. Кремлев и Ф. Ф. Фидлер (секр.) (Весь Петербург на 1908 год. С. 839). Членами и посетителями заседаний Общества являлись из более известных литераторов М. Н. Альбов, Л. Н. Андреев, С. А. Андреевский, И. Ф. Анненский, К. И. Арабажин, М. П. Арцыбашев, Д. Бедный, Н. А. Бердяев, А. А. Блок, П. Д. Боборыкин, В. Д. Бонч-Бруевич, А. Н. Будищев, П. В. Быков, Л. М. Василевский, З. А. Венгерова, М. А. Волошин, И. В. Гессен, З. Н. Гиппиус, А. Г. Горнфельд, С. М. Городецкий, Г. К. Градовский, И. А. Гриневская, Л. Я. Гуревич, С. И. Гусев-Оренбургский, С. Я. Елпатьевский, А. Е. Зарин, В. И. Засулич, Вяч. И. Иванов, Иванов-Разумник, А. А. Измайлов, Н. И. Иорданский, А. П. Каменский, Н. И. Кареев, А. Е. Кауфман, Л. Н. Клейнборт, М. М. Ковалевский, А. М. Коллонтай, Е. А. Колтоновская, В. Г. Короленко, Н. А. Котляревский, В. П. Кранихфельд, А. Р. Кугель, М. А. Кузмин, А. И. Куприн, М. К. Лемке, Н. О. Лернер, Д. А. Линев, А. А. Луговой (Тихонов), Д. Н. Мамин-Сибиряк, Д. С. Мережковский, П. Н. Милюков, С. А. Найденов, Вас. И. Немирович-Данченко, Д. Н. Овсянико-Куликовский, Л. Ф. Пантелеев, И. Н. Потапенко, А. М. Ремизов, А. С. Серафимович, Л. З. Слонимский, М. К. Соколовский, П. С. Соловьева-Allegro, Ф. К. Сологуб, П. Б. Струве, гр. А. Н. Толстой, Д. В. Философов, Л. А. Чарская, Ан. Н. Чеботаревская, Е. Н. Чириков, К. И. Чуковский, О. А. Шапир, П. Е. Щеголев, С. С. Юшкевич.

Идейное направление СЛО охарактеризовано в воспоминаниях М. К. Соколовского: «Всматриваясь в состав этого общества, нельзя не признать, что в нем сплотились только оппозиционные, либеральные элементы, а все пахнущее черносотенством “Нового времени” или антисемитизмом “Веча” изгонялось дрекольем и вилами» (*Соколовский.* Л. 99). На заседаниях СЛО «читались возбуждавшие большой интерес <...> литературные рефераты», в которых «находили себе отражения и волновавшие общество политические вопросы, и модные среди интеллигенции “богоискательство” и “богостроительство”» (*Евгеньев*). Евгеньевым упоминается, в частности, «нашумевший» в Обществе реферат К. И. Чуковского о В. М. Гаршине. В качестве докладчиков выступали и ⇨ Символисты; 8 марта 1908 г. Вяч. И. Иванов прочел реферат «о современном символизме» (см.: *Fiedler.* S. 368); 12 декабря 1908 г. А. А. Блок выступил в СЛО с докладом «Народ и интеллигенция» (см.: ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 341–342). 3 января 1909 г. К. И. Чуковский сделал в Обществе доклад «Нат Пинкертон и современная литература» (*Минцлов*). В протоколах заседаний, хранящихся в составе архива СЛО в ГАРФ, имеются сведения о докладах Л. З. Слонимского «О положении и роли писателей в периодической печати» 14 мая 1910 г.; К. И. Арабажина «Основные линии творчества Л. Андреева и его “Океан”» 5 ноября 1910 г.; К. И. Чуковского «Доклад о В. Г. Короленко» 10 декабря 1910 г.; В. Г. Короленко «Памяти С. Н. Южакова» 17 декабря 1910 г. и др. (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 1155).

Скорее всего, именно СЛО упоминается в письме В. Я. Брюсова к З. Н. Гиппиус от середины апреля 1907 г.: «Потом приехал из Петербурга “поэт” Лев Василевский, пригласить в “Общество литераторов”» (ЛН. 1976. Т. 85. С. 692; в примечаниях (С. 694) разъяснено как ⇨ Литературно-художественное общество [1]).

Весной 1911 г. в СЛО была принята «резолюция, направленная против профессоров <...>, читавших лекции в присутствии агентов полиции» (*Евгеньев*), которая послужила поводом для конфликтов внутри Общества и вызвала запросы градоначальства. Вероятно, вследствие этой резолюции 1 июля 1911 г. распоряжением администрации Общество было закрыто. Преемником СЛО стало ⇨ Всероссийское литературное общество.

Лит.: Устав СЛО. СПб., 1907; СЛО. [Совет. Члены]. СПб., [б.г.]; СЛО. [Состав]. СПб., [б.г.]; Весь Петербург на 1908 г. С. 839; Отчет Всерос. лит. об-ва за 1912 г. СПб., 1913. С. 4–5; *Евгеньев А. [Кауфман А. Е.].* Писательские об-ва и кружки // Вестн. лит. 1919. № 3. С. 5; *Минцлов С. Р.* Петербург в 1903–1910 гг. Рига, 1931. С. 280–281; *Удинцев Б. Д.* Восп. о Д. Н. Мамине-Сибиряке в годы его петерб. жизни // Д. Н. Мамин-Сибиряк в восп. совр. Свердловск, 1962. С. 260–261; *Лейкина-Свирская В. Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М., 1981. С. 144–146; *Коллон-*

тай А. М. «Революция – великая мятежница...». М., 1989. С. 439; *Fiedler F.* Aus der Literatenwelt. Göttingen, 1996. S. 18, 367–369, 394, 407; *Пяст В.* Встречи. М., 1997. С. 107, 319.

Архивы: ГАРФ. Ф. 539 (Водовозов В. В.). Оп. 1. Ед. хр. 1111, 1114, 1121, 1123, 1153, 1155, 1156, 1158, 1172; РГАЛИ. Ф. 442 (Соколовские): *Соколовский М. К.* Науч. и лит. встречи (1897–1917 гг.) // Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 99–103; *Соколовский М. К.* Петерб. лит. об-во тридцать лет назад (По личным восп.) // Оп. 1. Ед. хр. 19.

САТИРИКОНЦЫ – группа писателей-юмористов и художников-карикатуристов, сотрудников петербургских журналов «Сатирикон» (1908–1914) и «Новый Сатирикон» (1913–1918): А. Т. Аверченко, В. А. Ашкинази (Азов), А. С. Бухов, С. Горный, В. В. Князев, В. В. Маяковский, П. П. Потемкин, А. А. Радаков, Н. Э. Радлов, Н. В. Ремизов (Ре-Ми), Саша Черный и др. «Сотрудники “Сатирикона”, молодого журнала, одно время были неразлучны друг с другом и всюду ходили гурьбой. Завидев одного, можно было заранее сказать, что сейчас увидишь остальных» (*Чуковский*). Саша Черный вспоминал, что редактор журнала А. Аверченко работал в своем кабинете до 12 часов дня:

Ровно в полдень встанет. Баста!
Сатирическая банда,
Гулко топая ногами,
Вдоль Фонтанки шла за ним
К Чернышеву переулку...
Там, в гостинице «Московской»,
Можно вдосталь съесть и выпить,
Можно всласть похохотать...
(*Саша Черный.* Сатирикон)

В ресторане гостиницы «представитель-редактор, внешне сдержанный и неповоротливый, был среди своих неистощимо весел, но как-то под сурдинку, исподтишка, точно раскачивая других. И собрания эти проходили словно нескончаемый пикник молодых центавров, которые в числе прочих развлечений вздумали выпускать еженедельный “смешной” журнал» (*Саша Черный.* Памяти Аверченко).

Лит.: *Саша Черный.* Сатирикон: Стихотворение памяти Аркадия Аверченко // Русская газета (Париж). 1925. 25 марта (цит. по: *Левицкий Д. А.* Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко. М., 1999. С. 200); *Саша Черный.* Памяти Аверченко // Иллюстрированная Россия. 1925. № 16. С. 8–9 (цит. по: *Левицкий Д. А.* Указ. соч. С. 200); *Эвентов И.* Маяковский в «Новом Сатириконе» // Маяковскому: Сб. восп. и статей. Л., 1940. С. 218–247; *Чуковский К.* Саша Черный // Чуковский К. Современники. М., 1962. С. 383; Поэты «Сатирикона» / Предисл. Г. Е. Рыклина. Вступ. ст., биогр. справки, подгот. текста и примеч. *Л. А. Евстигнеевой.* М.; Л., 1966; *Евстигнеева Л. А.* Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы. М., 1968; *Евстигнеева Л. А.* «Сатирикон» // КЛЭ. М., 1971. Т. 6. С. 680–681; *Спиридонова (Евстигнеева) Л. А.* Рус. сатирич. лит. нач. XX в. М., 1977 (указ.); *Корнфельд М. Г.* Восп. // Вопр. лит. 1990. № 2. С. 269–280; *Волков А.* «Сатирикон» // ЛЭ. München, 1991. Т. 10. С. 573–574; *Радаков А. А.* «Сатирикон» и сатириконцы // Лит. обозр. 1993. № 6. С. 29–31; *Левицкий Д. А.* Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко. М., 1999.

СВЕНТИЦКОЙ СУББОТЫ – проходили у инженера-путейца Свентицкого и его жены М. Х. Свентицкой в начале 1900-х гг. в Москве – «гнездо радикалов и социал-демократов». В числе посетителей были И. Ф. Арманд, А. А. Богданов (Волжский), А.А. Вербицкая, В. В. Вересаев, Н. Г. Гарин-Михайловский, С. И. Мицкевич, В. П. Ногин, В. П. Потемкин, Н. А. Рожков, В. М. Фриче.

Лит.: *Мицкевич С. И.* Революционная Москва. М., 1940. С. 28; *Серебров А. [Тихонов А. Н.].* Время и люди: Восп. 1898–1905. М., 1955. С. 106; *Ушаков А. В.* Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895–1904. М., 1976. С. 28.

«**СВЕТА» ВЕЧЕРА** – собрания в редакции газеты «Свет», проходившие в 1900-е гг. в Петербурге. Бывали редактор-издатель В. В. Комаров, редактор газеты Н. Я. Стечкин, Н. Н. Лендер (Путник). Последний вспоминал: «Я не забуду интересных вечерних собраний в редакции “Света”, которые всегда оживлялись с появлением В. В. Комарова и которые были особенно назидательны в тяжелое время охватившей Россию смуты 1905–1906 гг.» (*Лендер*).

Лит.: *Лендер (Путник) Н. Н.* Виссарион Виссарионович Комаров // Ист. вестн. 1908. Т. 111. № 2. С. 608–609.

«**СВОБОДНАЯ ЛИРА**» – «литературно-художественный кружок», организуемый П. С. Савицким в 1917 г. в Москве. В письме Савицкого к В. Я. Брюсову от 19 мая 1917 г., в котором последний приглашался в члены кружка, сообщалось: «Группа лиц, поставившая себе целью развитие отечественной литературы и искусств, поднятие к ним общественного интереса, оказание посильной помощи молодым литераторам, композиторам, художникам и артистам, организует в настоящее время литературно-художественный кружок “Свободная лира” в память Чернышевского, Огарева, Герцена, Михайлова, Писарева, К. Аксакова и прочих писателей борцов за свободу народа. (Кружок основан молодым поэтом Скальдом)». Скальд – псевдоним Савицкого (см.: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов. М., 1958. Т. 3. С. 115). Сведений о деятельности этого едва ли в итоге организованного кружка нет.

Архивы: РГБ. Ф. 386 (Брюсов В. Я.). Карт. 90. Ед. хр. 62.

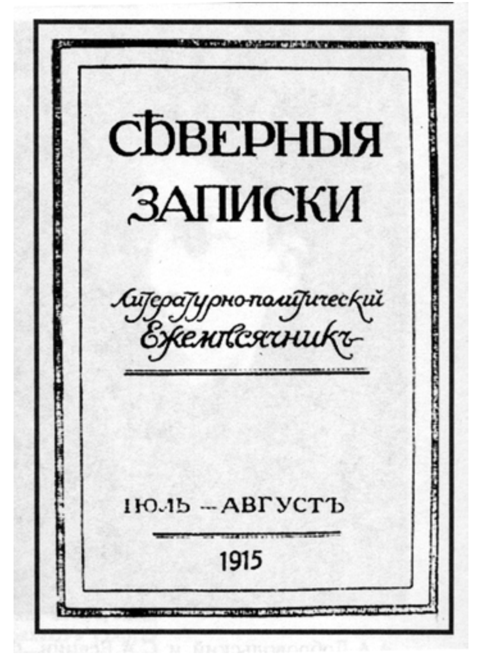
«**СЕВЕРНАЯ СТУДИЯ**» – литературно-художественное объединение, возникшее весной 1908 г. в Петербурге. В газете «Свободные мысли» от 28 апреля 1908 г. сообщалось, что «во главе студии стоят» А. А. Блок, М. А. Волошин, В. Г. Каратыгин, М. А. Кузмин, Г. П. Новицкий, А. М. Ремизов, Ф. К. Сологуб, В. Я. Степанов, К. А. Сюннерберг, Д. М. Цензор, Г. И. Чулков и др. Студия имела целью «служить действительным отражением литературно-художественно- и музыкально-критической жизни» (цит.: ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 330). Возможно, об этом проекте говорится в письме Степанова В. Э. Мейерхольду от 26 июня 1908 г. (*Там же*. С. 329–330).

Лит.: Свободные мысли. СПб., 1908. 28 апр. С. 4; ЛН. 1982. Т. 94, кн. 3. С. 329–330.

«**СЕВЕРНОГО ВЕСТНИКА» КРУЖОК ⇨ ГУРЕВИЧ САЛОН**

«**СЕВЕРНЫХ ЗАПИСОК» ВЕЧЕРА** – редакционные рауты сотрудников журнала «Северные записки» (СПб., 1913–1917), проходившие в середине 1910-х гг. в Петербурге (Саперный пер., 21). На устраиваемых редакторами журнала Я. Л. Сакером и С. И. Чацкиной вечеринках бывали А. А. Ахматова, С. А. Есенин, А. Ф. Керенский, Г. А. Ландау, Г. А. Лопатин, А. М. Ремизов, Ф. А. Степун, М. И. Цветаева.

Лит.: *Свирская М. Л.* Из восп. // Минувшее. М., 1992. Вып. 7. С. 47, 49; *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. М., 1995. С. 229–231, 234–236; *Цветаева М. И.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1994. Т. 4. С. 288.



«Северные записки». Обложка журнала. 1915 г.

СЕМЕВСКОГО и ВОДОВОЗОВОЙ-СЕМЕВСКОЙ ВТОРНИКИ – «литературно-научные журфиксы с политическим оттенком» (*Бартенев.* С. 168), существовавшие с конца 1880-х гг. до 1910-х гг. в Петербурге. По мнению В. В. Бартенева, из числа возникших тогда кружков «всего больше имели значения “Вторники” у В. И. Семевского» (*Там же*).

Т. А. Богданович вспоминала: «У Семевских, на их знаменитых вторниках, собирался весь литературно-научный мир Петербурга» (Л. 135). Бывали В. В. Бартенев, Ю. И. Безродная, С. А. Венгеров, Н. Н. Златовратский, Н. И. Кареев, А. А. Корнилов, В. В. Лесевич, И. А. Линниченко, Г. А. Лопатин, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Н. К. Михайловский, В. А. Мякотин, О. Н. Ольнем (В. Н. Цеховская), Л. Ф. Пантелеев, П. П. Перцов, А. М. Скабичевский, Ф. Ф. Фидлер, С. Н. Южаков, П. Ф. Якубович, сотрудники «Русского богатства», «Былого» и «Голоса минувшего».

Е.Н. Водовозова-Семевская

Перцов, посещавший журфиксы у Семевского в 1892–1893 гг., вспоминал, что у него «было скучно, и общество как-то не склеивалось, хотя сам хозяин и жена его <...> весьма усердно занимали гостей» (*Перцов*). Примерно с конца 1890-х гг. приемы проходили по воскресеньям и носили более интимный характер. После кончины Семевского в 1916 г. «воскресенья еще продолжались по инерции» (*Ольнем-Цеховская.* С. 159), но вскоре прекратились.

Вторники Семевских были продолжением журфиксов, устраиваемых Е. Н. Водовозовой-Семевской вместе с ее первым мужем В. И. Водовозовым с 1862 г. вплоть до его кончины в 1886 г. Кружок возник из кружка молодежи, посещавшей любимого учителя. С сентября 1863 г., после переезда в более просторную квартиру (2-я линия Васильевского острова, д. 11), собрания приняли регулярный характер. В 1860–1870-е гг. у Водовозовых собирались литераторы, ученые, студенты, учителя, журналисты. Обсуждались злободневные политические и литературные вопросы, велась полемика о романах Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и И. С. Тургенева «Отцы и дети». Устраивались литературно-музыкальные вечера с благотворительными целями. В этот период кружок посещали П. А. Гайдебуров, Е. К. Гайдебурова, Д. В. Григорович, Г. З. Елисеев, В. С. Курочкин, Н. С. Курочкин, П. Л. Лавров, А. Н. Майков, С. В. Максимов, Н. А. Некрасов (1 раз), Н. Д. Новицкий, В. И. Семевский, М. И. Семевский, В. А. Слепцов, К. Д. Ушинский, В. Р. Щиглев, П. И. Якушкин. «Водовозовские журфиксы были популярны в передовых кругах интеллигенции» (*Кареев.* С. 180). После смерти супруга Е. Н. Водовозова вышла вторично замуж за его ученика и друга В. И. Семевского, «жившего в том же доме, в соседней квартире, но не имевшего своего хозяйства» (*Там же*).

В. Н. Ольнем-Цеховская приводит в своих воспоминаниях высказывание С. Ф. Либровича конца 1899 или начала 1900 г. о значении журфиксов Водовозовой-Семевской: «И при Водовозове, и теперь дом ее являлся постоянным центром, вокруг которого в течение многих десятилетий объединялась петербургская интеллигенция левого, главным образом народнического направления. Знаменитые Водовозовские “вторники” должны бы войти в историю российской культуры» (*Ольнем-Цеховская.* С. 149).

Лит.: [*Щиглев В. Р.*] В. И. Водовозов в восп. В. Р. Щиглева // Рус. старина. 1886. № 11. С. 410–416; *Семевский В. И.* Вас. Ив. Водовозов: Биогр. очерк. СПб., 1888. С. 80–81; *В. Б-ъ [Бартенев В. В.].* Восп. петербуржца о второй половине 80-х гг. // Минувшие годы. 1908. № 11. С. 168–169; *Водовозова Е. Н.* Среди петерб. молодежи 60-х гг.: Из личных переживаний // Современник. 1911. № 3, 4, 6; *Линниченко И. А.* Из восп. // Голос минувшего. 1916. № 10. С. XXXVIII–XXXIX; *Корнилов А.* Страничка восп. // Там же. С. LXIV; *Пепельницкий А З.* Моя страничка о Василии Ивановиче Семевском // Там же. С. XCI; *Пантелеев Л. Ф.* Памяти В. И. Семевского // Голос минувшего. 1917. № 9/10. С. 79–80; *Мельгунов С.* Встречи. 1. Г. А. Лопатин // Голос минувшего. 1920–1921. С. 94; *Кареев Н. И.* Памяти ушедших. Елиз. Ник. Водовозова-Семевская // Голос минувшего. 1923. № 2. С. 180–183; *Ольнем-Цеховская В.* Е. Н. Водовозова-Семевская // Там же. № 3. С. 149, 152, 159; *Перцов П. П.* Лит. восп. 1890–1902 гг. М.; Л., 1933. С. 71; *Водовозова Е. Н.* На заре жизни. М., 1964. Т. 2; РП. 1989. Т. 1. С. 455; *Fiedler F.* Aus der Literatenwelt. Göttingen, 1996. S. 11, 59, 123, 287.

Архивы: *Богданович Т. А.* Восп. // ОР РГБ. Ф. 218. № 383. Л. 135–137 [сообщено А. И. Рейтблатом].

«**СЕРАПИОНОВО БРАТСТВО**» – литературный кружок, существовавший с 1899 г. в Москве. Из писателей в его состав входили участники ⇨ Среды Е. П. Гославский, А. Е. Грузинский, А. А. Кизеветтер, Н. И. Тимковский. Кружок охарактеризован Тимковским в письме к И. А. Бунину от 3 марта 1899 г.: «Компания наша <...> собирается периодически для хороших разговоров <...>. Кое-что делаем сообща по вопросу о голоде <...> обсуждали вопросы этики и эстетики и вообще говорили о жизни» (*Горький.* С. 589). В письме М. Горького к Л. В. и С. П. Срединым от 23 апреля 1899 г. сообщается: «Тимковский предложил мне участвовать в их кружке, что весьма хорошо» (*Там же.* С. 329).

Лит.: *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 1997. Т. 1. С. 329, 589.

«**СЕРДАРДА**» – литературно-артистический кружок молодежи, существовавший в 1909–1913 гг. в Москве. Участники кружка встречались на квартире Ю. П. Анисимова. «Знакомые собирались у него в хорошую погоду весной и осенью. Читали, музицировали, рисовали, рассуждали, закусывали и пили чай с ромом» (*Пастернак, 1991.* С. 317). «Сердарда» упоминается Пастернаком также в «Охранной грамоте» в виде «пьяного сообщества, основанного десятком поэтов, музыкантов и художников» (*Там же.* С. 158).

Среди участников кружка были Ю. П. Анисимов, С. П. Бобров, А. И. Гурьев, С. Н. Дурылин, Б. Б. Красин, К. Г. Локс, Н. М. Мешков, Б. Л. Пастернак, В. О. Станевич, С. Е. Фейнберг и др.; по свидетельству Пастернака, на вечерах бывали Б. А. Садовской, секретарь издательства «Мусагет» А. М. Кожебаткин и издатель «Аполлона» С. К. Маковский. Многие члены «Сердарды» посещали одновременно кружки, возникшие при «Мусагете» (⇨ «Молодой Мусагет»; ⇨ Ритмический кружок; Вечера ⇨ «Мусагета»; Философский кружок ⇨ «Мусагета»). Литераторы – участники «Сердарды» сформировали осенью 1912 г. кружок ⇨ «Лирика».

Представление об эстетических пристрастиях членов «Сердарды», бывших в основном приверженцами символизма, дает Пастернак в письме к О. М. Фрейденберг от августа 1910 г., именуя сотоварищей по кружку «моими неоромантиками» (*Пастернак, 1992*).

Лит.: РП. 1989. Т. 1. С. 76; *Пастернак Б. Л.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1989. Т. 1. С. 734; *То же.* М., 1991. Т. 4. С. 158, 317–318; *То же.* М., 1992. Т. 5. С. 25; *Пастернак Е. Б.* Борис Пастернак: Мат-лы для биогр. М., 1989а. С. 109, 118, 129; *Локс К. Г.* Повесть об одном десятилетии (1907–1917) / Публ. Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова // Минувшее. М.; СПб., 1994. Вып. 15. С. 53–54; РП. 1999. Т. 4. С. 39.

СИМВОЛИСТЫ – представители литературного направления, возникшего в России в начале 1890-х гг. в качестве ответвления общеевропейского модернистского течения.

Символисты. Слева направо: Г.И. Чулков, К.А. Сюннерберг, А.А. Блок, Ф.К. Сологуб. 1908 г.

Принято различать два поколения русских символистов: к первому принадлежат писатели, выступившие еще в 1890-е гг. как модернисты; ко второму – писатели, начавшие творческую деятельность после 1900 г. К *«старшим»* символистам принадлежат: петербуржцы – З. Н. Гиппиус, А. М. Добролюбов, И. И. Коневской (Ореус), Д. С. Мережковский, Н. М. Минский, Ф. К. Сологуб; москвичи – К. Д. Бальмонт, В. Я. Брюсов, А. А. Курсинский и А. А. Миропольский (Ланг). Виднейшими представителями *«младших»* символистов являются: в Петербурге – А. А. Блок, М. А. Волошин, Л. Д. Зиновьева-Аннибал, Вяч. И. Иванов, А. М. Кузмин, А. М. Ремизов, Г. И. Чулков; в Москве – Ю. К. Балтрушайтис, А. Белый, С. А. Кречетов (Соколов), С. М. Соловьев, Эллис. К символистскому кругу были причастны также в разное время: в Петербурге – И. Ф. Анненский, С. А. Ауслендер, В. В. Бородаевский, Ю. Н. Верховский, Л. Н. Вилькина, С. М. Городецкий, М. Л. Гофман, Н. С. Гумилев, А. А. Кондратьев, Н. В. Недоброво, В. А. Пяст, С. Л. Рафалович, Л. Д. Семенов, А. Д. Скалдин, К. А. Сюннерберг, А. И. Тиняков (Одинокий) и др.; в Москве – В. В. Гофман, Б. К. Зайцев, А. А. Койранский, М. Ф. Ликиардопуло, С. К. Маковский, Э. К. Метнер, Н. И. Петровская, С. А. Поляков, Б. А. Садовской, Г. Э. Тастевен, В. Ф. Ходасевич и др.

Проведенная выше биографически-топографическая классификация затрагивает проблему исторической и эстетико-идеологической периодизации символистского движения в России (перечень имеющихся концепций см.: *Hansen-Löve, 1989.* S. 29–34). Первые попытки историко-типологического подразделения были предприняты самими символистами. Эллис различал «символизм художественный в собственном смысле (как самоцель)» и «символизм (идейный) как средство» (*Эллис, 1910.* С. 2). Сологуб выделял «три стадии» символистского движения: «космический», «индивидуалистический» и «демократический» символизм (Заветы. 1914. № 2. Отд. 2. С. 75). С. А. Венгеров отмечал три этапа «нео-романтического» движения: 1) «переоценка всех ценностей» (1890-е гг.), 2) «синтетический модернизм» (начало 1900-х гг.) и 3) «спад революционной волны» (1906–1910) (*Венгеров, 1914.* Т. 1. С. X–XI). Тройственны и новейшие концепции эволюции символизма. З. Г. Минц выделяет три подсистемы символистского «панэстетизма»: 1) «эстетический бунт» («декадентство»), 2) «эстетическую утопию» и 3) «самоцельный эстетизм», сформировавшиеся одновременно и сосуществовавшие на протяжении всей истории движения, причем первая подсистема доминирует в 1890-е гг., вторая – в 1901–1907 гг., третья – в 1908–1910 гг. (*Минц, 1986.* С. 16). А. Ханзен-Лёве различает три типа моделей: 1) «дьявольский», 2) «мифопоэтический» и 3) «гротескно-карнавализирующий» символизм. Каждая из этих моделей разделена на две связанные хронологически и эволюционно «программы»; в рамках первой модели это «эстетизм» («негативный дьяволизм») 1890-х гг. и «панэстетизм» («позитивный дьяволизм», «магический символизм») конца XIX – начала XX в.; в рамках второй – это «позитивный мифопоэтизм» начала 1900-х гг. и «негативный мифопоэтизм» 1903/04–1907 гг.; третья модель, с разделением на «позитивную де- и ремифологизацию» и на «деструкцию и автомифизацию гетерогенных “символизмов”», начинается с 1907/08 гг. и продолжается вплоть до 20-х гг. (*Hansen-Löve, 1989.* S. 17, 23–24).

Конец 1880-х и начало 1890-х гг. – период предсимволизма, становления «нового искусства» в России. Мотивы и настроения, характерные для ранних символистов, возникают постепенно в произведениях таких поэтов, как К. Н. Льдов, Н. М. Минский, С. Я. Надсон и К. М. Фофанов. В 1887 г. было напечатано стихотворение Минского

З.Н. Гиппиус и А.Л. Волынский. 1890-е гг.

«Как сон, пройдут дела и помыслы людей», названное П. П. Перцовым «первым манифестом русского символизма» (*Перцов, 1933*. С. 224).

Историю символистского течения в России принято начинать с 1892 г. (см.: *Peterson, 1993*. P. 13; *Pyman, 1994*. P. 343). В январе 1892 г. вышел сборник стихотворений Мережковского со знаменательным названием «Символы» (СПб., 1892). В сентябре появилась статья З. А. Венгеровой «Поэты-символисты во Франции» (Вестн. Европы. 1892. № 9), пробудившая в России интерес к творчеству французских символистов.

Важную роль в становлении раннего символизма сыграл журнал «Северный вестник» (СПб., 1885–1898; см.: *Гуревич Л. Я.* История «Северного вестника»: Восп. // *Венгеров, 1914*. Т. 1. С. 235–264; *Максимов, 1930*; *Куприяновский, 1969*; *Иванова, 1982*), придерживавшийся в первые годы существования либерально-народнического направления; журнал, приобретенный в 1891 г. Л. Я. Гуревич, под литературной редакцией А. Л. Волынского стал постепенно первой и едва ли не единственной трибуной «декадентов»; см. также: Салон ⇨ Гуревич (Кружок «Северного вестника»). В 1892 г. в журнале были напечатаны отдельные стихотворения Сологуба (№ 2) и Мережковского (№ 10); в 1893 г. появились подборки стихов Минского (№ 2, 4) и Сологуба (№ 4, 6).

26 октября 1892 г. Мережковский выступил в ⇨ Русском литературном обществе с лекцией «О причинах упадка русской литературы». Он повторил ее 8 декабря, а 15 декабря прочел вторую часть — «О новых течениях современной русской литературы» (см.: *Чехов А.П.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1977. Т. 5. С. 431–432). Тексты докладов легли в основу книги Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (СПб., 1893), вышедшей в январе 1893 г. и ставшей первым программным произведением русского символизма. В качестве положительной программы автор выделяет «три главных элемента нового искусства: *мистическое содержание, символы* и расширение художественной впечатлительности» (*Мережковский Д. С.* Полн. собр. соч.: В 17 т. СПб., 1912. Т. 15. С. 250).

Книга Мережковского вызвала ряд откликов, в том числе статью Н. К. Михайловского «Русское отражение французского символизма» (Рус. богатство. 1893. № 2); появление таких критических работ, как обзорная статья К. П. Медведского «Символизм на русской почве» (Наблюдатель. 1894. № 1), свидетельствует, несмотря на их отрицательный характер, о растущем интересе к новому течению.

В 1894 г. количество публикаций символистов увеличилось. В феврале появился сборник стихов Бальмонта «Под северным небом» (СПб., 1894). В начале марта вышел первый выпуск сборника «Русские символисты» (М., 1894) с произведениями Брюсова и Миропольского. Второй выпуск, вышедший в начале октября (М., 1894), содержит декларативное предисловие Брюсова «Ответ», где символизм определен как «поэзия намеков», а также стихи Н. Н. Бахтина, Брюсова, Эрл. Мартова и Миропольского, напечатанные отчасти под различными псевдонимами (см.: *Иванова, Щербаков, 2000*). В декабрьском номере «Северного вестника» вышел рассказ Сологуба «Тени»; в течение года журнал опубликовал стихи Бальмонта, Мережковского, Минского, Сологуба.

В феврале 1895 г. вышел сборник стихов «Молодая поэзия», составленный В. В. и П. П. Перцовыми (СПб., 1895); среди 42 участников было и несколько модернистов: Бальмонт, Брюсов, Мережковский, Минский. В августе появился третий и последний сборник «Русские символисты» (М., 1895), содержавший заметку Брюсова «Зоилам и аристархам», а также стихи и переводы Бахтина, Брюсова, Эрл. Мартова, А. В. Гиппиуса, Миропольского и В. Хрисонопуло; утверждение А. Н. Емельянова-Коханского, что ему принадлежат стихотворения за подписью З. Фукс во втором и третьем выпусках (см.: *Тяпков, 1979.* С. 149–150), видимо, не соответствуют действительности (см.: *Гудзий, 1927.* С. 184–185; ЛН. 1991. Т. 98, кн. 1. С. 693). В августе вышли также первые стихотворные сборники Брюсова «Chefs d'œuvre» (М., 1895) и Добролюбова «Natura naturans. Natura naturata» (СПб., 1895).

В течение 1895 г. появились первые книги подражателей, мистификаторов и пародистов «декадентства». В. Ф. Долгинцев, «человек, называющий себя символистом» (письмо Брюсова к П. Перцову от 6 июля 1895 г.: *Брюсов, 1927а.* С. 24; к датировке см.: ЛН. 1991. Т. 98, кн. 1. С. 668), опубликовал сборник стихов «Грезы и мечты» (М., 1895); как «декадентский» (ЛН. 1991. Т. 98, кн. 1. С. 687) расценивался и сборник С. Д. Степанова «Песни к жизни» (СПб., 1895). К числу мистификаций, стилизованных под декадентские, относится сборник стихов Емельянова-Коханского «Обнаженные нервы» (М., 1895), состоящий отчасти из не предназначенных для печати юношеских опытов Брюсова (см.: *Брюсов, 1927а.* С. 30). Следует отметить также две книги с пародиями на декадентство (*Терзаев С. [Патараки С. А.], Краснов В. [Мазуркевич В. А.], Славянский М. [Шевляков М. В.].* Кровь растерзанного сердца: Тревожные песни трех первых русских декадентов. СПб., 1895; *Граф Алексис Жасминов [Буренин В. П.].* Голубые звуки и белые поэмы. СПб., 1895); знаменитые стихи-пародии содержит рецензия Вл. С. Соловьева на третий выпуск «Русских символистов» (Вестн. Европы. 1895. № 10).

Ряд символистских изданий вышел в свет в декабре 1895 г.: сборник стихов Бальмонта «В безбрежности» (М., 1895), «Стихотворения» Минского, первый сборник рассказов и стихов З. Гиппиус «Новые люди» и «Стихи. Книга I-я» Сологуба (все: СПб., 1896). «Северный вестник» опубликовал в 1895 г. несколько стихотворений З. Гиппиус (в том числе ставшие знаменитыми «Посвящение» и «Песня»; № 3, 12), а также первые романы Мережковского «Смерть богов. (Юлиан Отступник)» (под названием «Отверженный»; № 1–6) и Сологуба «Тяжелые сны» (№ 7–12), вышедшие отдельными изданиями в 1896 г.

В феврале 1896 г. появилась очередная книга Мережковского «Новые стихотворения (1891–1895)» (СПб., 1896), в марте – второе, дополненное и измененное издание брюсовских «Chefs d'œuvre» (М., 1896). В марте же вышел сборник критических статей «Философские течения русской поэзии» (СПб., 1896), составленный П. Перцовым; в числе участников был Мережковский, опубликовавший статью «Пушкин». Попытку философского осмысления творчества символистов предпринял одновременно В. В. Розанов в статье «О символистах и декадентах» (Рус. вестн. 1896. № 4).

Во второй половине 1896 г. вышел ряд книг писателей символистского круга: в октябре – «Тени. Рассказы и стихи» Сологуба (СПб., 1896), в ноябре – «Вечные спутники. Портреты из всемирной истории» Мережковского (СПб., 1897), в декабре – вторая книга стихов Брюсова «Me eum esse» (М., 1897).

В декабрьском номере «Северного вестника» была опубликована статья Волынского «Литературные заметки», представляющая собой очередной шаг в разработке теории символизма. Волынский определяет символизм как «художественное сочетание мира явлений с таинственным миром божества» (Северный вестн. 1896. № 12. С. 253), отделяя его от декадентства – понятной, но художественно ущербной «реакции искусства против материализма» (С. 249). Автор цитирует письмо в редакцию единомышленника – «молодого писателя» Л. Денисова (псевдоним З. Гиппиус), где утверждается, что символизм «диаметрально противоположен декадентству» (С. 250).

Единомыслие Волынского и петербургских символистов вскоре прекратилось. В течение 1897 г. модернисты по разным причинам покинули редакцию «Северного вестника». Мережковские, дружившие с Волынским и еще весной 1896 г. совершившие совместное путешествие по Италии, порвали с ним отношения на почве личного и литературного конфликтов (см.: Письма З. Н. Гиппиус к А. Л. Волынскому / Публ. А. Л. Евстигнеевой и Н. К. Пушкаревой // Минувшее. М.; СПб., 1993. Вып. 12. С. 274–341). Волынский, отказавшийся печатать в «Северном вестнике» подготовленный во время итальянской поездки роман Мережковского «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи», опубликовал там собственное исследование о да Винчи (1897. № 9–12; 1898. № 1–4). Кончилось тем, что «Флексер, не спросив меня, не предупредив, исключил мое имя и З. Н. [Гиппиус] из списка сотрудников "С[еверного] В[естника]" на будущий год, это после того, как он воспользовался всем моим материалом для статей о Леон[ардо] д[а] Винчи. Смердяковская у него сущность» (письмо Мережковского к Перцову от 6 нояб. 1897 г.; цит. по: *Лавров А. В.* Архив П. П. Перцова // ЕжегРОПД. 1973. Л., 1976. С. 34).

Символисты. Слева направо: К.Д. Бальмонт, С.А. Поляков, Ю.К. Балтрушайтис. 1901 г.

После ухода символистов «Северный вестник», лишенный убедительной концепции, притесняемый цензурой и обремененный долгами, вскоре закрылся. Последние две книжки журнала, сдвоенная (№ 8/9) и строенная (№ 10/12), вышли в январе и апреле 1898 г. Подводя итоги в заметке «О символизме и символистах», Волынский обличал бывших соратников в отсутствии «художественного идеализма» и, следовательно, «истинного символизма» (Северный вестн. 1898. № 10/12. С. 175).

В 1897–1898 гг. появилось лишь несколько произведений писателей символистского круга: в ноябре 1897 г. – «Зеркала. Вторая книга рассказов» З. Гиппиус (СПб., 1898); в августе 1898 г. – сборник Бальмонта «Тишина. Лирические поэмы» (СПб., 1898); в ноябре – брошюра Брюсова «О искусстве» (в выходных данных: М., 1899).

С 8 по 17 декабря 1898 г. Брюсов ездил в Петербург, где лично познакомился с Мережковскими, Сологубом, Минским, Коневским, И. А. Буниным и др. и посетил одну из первых Пятниц ⇨ Случевского (см.: *Брюсов, 1927.* С. 53–58).

В течение 1898 г. группа художников-модернистов и художественных критиков, объединившихся вокруг С. П. Дягилева и Д. В. Философова, организовала новое периодическое издание в стиле выходившего с 1896 г. мюнхенского журнала «Die Jugend». Первый номер журнала «Мир искусства» (СПб., 1899–1904; см.: *Корецкая, 1982.* С. 129–178) вышел 10 ноября 1898 г. Философов, заведовавший литературно-критическим отделом, пригласил к сотрудничеству своих друзей З. Гиппиус и Мережковского, а также Минского, Перцова, Розанова, Сологуба и др., образовавших «литературную секцию» Кружка ⇨ «Мира искусства».

В марте 1899 г. Брюсов снова поехал в Петербург, встречался с Бальмонтом, Коневским, Перцовым, Мережковскими, посетил кружок Случевского. В августе Брюсов познакомился с Балтрушайтисом и с Поляковым; вместе с Бальмонтом они затеяли (и к концу года основали) книгоиздательство «Скорпион» (М., 1899–1916). В ноябре вышла первая книга Коневского «Мечты и думы» (СПб., 1900), коллективный сборник «Книга раздумий» (СПб., 1899) со стихами Бальмонта, Брюсова, М. А. Дурнова и Коневского, а в декабре – альманах кружка Пятницы ⇨ Случевского «Денница» (СПб., 1900), с участием «декадентов» Бальмонта, З. Гиппиус и Сологуба.

В 1900 г. вышли первые книги «Скорпиона»: в марте – «Собрание стихов» Добролюбова, с предисловиями Коневского и Брюсова; в октябре – третий стихотворный

сборник Брюсова «Tertia vigilia»; в течение года «Скорпион» издал также ряд переводных книг с произведениями К. Гамсуна, Г. Ибсена, Г. Д'Аннунцио и А. Шницлера. В других издательствах вышли: в марте — «Альма: Трагедия из современной жизни» (СПб., 1900) Минского; в мае — «Горящие здания: Лирика современной души» (М., 1900) Бальмонта. Роман Мережковского «Воскресшие боги. (Леонардо да Винчи)» был впервые полностью напечатан в журнале «Мир Божий» (1900. № 1–12).

В ноябре 1900 г. Брюсов и Поляков отправились в Петербург в поисках произведений для затеянного ими альманаха (см.: *Брюсов, 1927.* С. 95–97). «Все “видные” литераторы давали вещи отвергнутые или запрещенные» (*Там же.* С. 101). Сборник, вышедший в апреле 1901 г. под названием «Северные цветы на 1901 год, собранные кн-вом “Скорпион”», содержал в основном произведения московских и петербургских символистов и «околосимволистов»: Балтрушайтиса, Бальмонта, Брюсова, Вл. Гиппиуса, З. Гиппиус, Коневского, М. Криницкого, Курсинского, А. Г. Мирович, Миропольского, Перцова, Розанова, Сологуба и Д. Н. Фридберга; в альманах вошли также проза И. А. Бунина и А. П. Чехова, стихи М. Лохвицкой и Случевского, а также подборка извлеченных из архивов материалов К. К. Павловой, А. С. Пушкина, Вл. Соловьева, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета и А. И. Урусова. Сборник завершался очередной декларативной статьей Брюсова «Истины. Начала и намеки».

8 июля 1901 г. умер Коневской (утонул в реке Аа, в Лифляндии, во время летней поездки).

29 ноября 1901 г. в Петербурге открылись ⇨ Религиозно-философские собрания; целью общества, возникшего по инициативе Мережковских, Минского, Розанова, Философова и др., было развитие диалога интеллигенции с церковью и провозглашение «нового религиозного сознания».

Мережковский опубликовал в 1901–1902 гг. ряд книг: в марте 1901 г. — первый том работы «Л. Толстой и Достоевский» (СПб., 1901; второй том вышел в мае 1902 г.); в декабре — новеллу «Любовь сильнее смерти» (М.: Скорпион, 1902); отдельными изданиями появились также роман «Воскресшие боги» (СПб., 1901) и «Стихотворения (1888–1902)» (СПб., 1902). В январе 1902 г. вышла «Третья книга рассказов» З. Гиппиус (СПб., 1901), в феврале — трагедия Анненского «Царь Иксион» (СПб., 1902).

В декабре 1901 г. и в феврале 1902 г. Мережковский и З. Гиппиус гостили в Москве. Мережковский выступал с докладами: 8 декабря — на религиозно-философскую тему («Доклада не понял никто» — *Брюсов, 1927.* С. 111); 17 февраля — на тему «Судьба Гоголя».

В марте 1902 г. вышла вторая книжка альманаха «Северные цветы» (М.: Скорпион, 1902). Состав участников почти полностью соответствовал первому выпуску. Особняком стояла помещенная в конце статья Волынского «Современная русская поэзия», содержавшая выпады против символистов — участников альманаха; в рецензии Философова на сборник факт публикации этой статьи расценивался как «самобичевание» (Мир иск-ва. 1902. № 4. С. 81).

В 1902 г. состоялись литературные дебюты двух видных символистов: в апреле вышла первая книга А. Белого «Симфония 2-я, драматическая» (М.: Скорпион, 1902); в октябре появилась первая книга лирики Вяч. Иванова «Кормчие звезды» (СПб., 1903). Летом была опубликована поэма Миропольского «Лествица» (М.: Скорпион, 1902) с предисловием Брюсова и с его стихотворением памяти Коневского.

В конце 1902 г. возникли новые издательские начинания символистов. З. Гиппиус и П. Перцов организовали ежемесячник «Новый путь» (СПб., 1903–1904; см.: *Максимов, 1930*; *Корецкая, 1982.* С. 179–233); первый номер вышел в конце декабря 1902 г. Журнал был первым периодическим изданием собственно символистской литературы (литературный отдел «Мира искусства» печатал почти исключительно критику). «Новый путь» служил также органом Религиозно-философских собраний, публикуя протоколы заседаний общества.

К концу года С. А. Кречетов (Соколов) создал издательство «Гриф» (М., 1903–1914). Первое его издание – «Альманах кн-ва “Гриф”», вышедший в марте 1903 г.; книга содержит в основном произведения участников Кружка ⇨ «Грифа»: В. В. Гофмана, А. А. Койранского, Г. А. Койранского (Г. Тверского), М. И. Пантюхова, Н. И. Петровской, А. С. Рославлева, С. А. Кречетова, а также стихи Бальмонта, Белого, Брюсова, Волошина и Курсинского. В марте же вышел третий выпуск альманаха «Северные цветы» (М.: Скорпион, 1903); наряду с произведениями участников первых выпусков (Балтрушайтиса, Бальмонта, Брюсова, З. Гиппиус, Минского и др.) опубликованы стихи Белого, Блока, Л. Н. Вилькиной, Волошина, С. Л. Рафаловича. Публикации Белого в этих двух альманахах были его поэтическим дебютом. Блок дебютировал несколько раньше подборкой стихов в мартовской книжке «Нового пути»; той же весной вышел «Литературно-художественный сборник» (СПб., 1903) Кружка ⇨ Никольского с тремя стихотворениями Блока.

В течение года оба модернистских издательства выпустили отдельными изданиями целый ряд произведений символистов. В мае вышел сборник лирики Бальмонта «Будем как солнце» (М.: Скорпион, 1903); книга стала первым коммерческим успехом символистской поэзии и обеспечила автору большую популярность. В октябре была издана следующая книга стихов Бальмонта «Только любовь: Семицветник» (М.: Гриф, 1903). В октябре же появились «Северная симфония (1-я, героическая)» Белого, «Urbi et orbi: Стихи 1900–1903 гг.» Брюсова, «Собрание стихов. 1889–1903 гг.» З. Гиппиус, «Собрание стихов. 1883–1903 гг.» Мережковского и «Собрание стихов. Кн. 3 и 4. 1897–1903 гг.» Сологуба; в ноябре – «Стихи и проза. Посмертное собрание сочинений» Коневского (все: М.: Скорпион, 1904). В декабре 1903 г. вышла первая книга стихов Чулкова «Кремнистый путь» (М., 1904).

С октября 1903 г. Белый начал проводить у себя литературные собрания кружка ⇨ Аргонавтов (см.: Воскресенья ⇨ Белого). На одном из первых «воскресений» Белый прочел программный реферат «Символизм как миропонимание», истолковывавший символизм не как литературное течение, а как особое мировосприятие (опубл.: Мир иск-ва. 1904. № 5). Когда Блок с женой в январе 1904 г. гостили в Москве, они впервые встретились с Белым и посетили одно из собраний кружка.

В ноябре 1903 г. назрел конфликт между «Скорпионом» и «Грифом». Издатель «Грифа» Кречетов (Соколов) сообщал Блоку в письме от 3 ноября 1903 г.: «“Скорпион”, недовольный развивающейся деятельностью “Грифа”, намерен потребовать от всех своих сотрудников, чтобы они воздержались от участия в “Грифе” на том основании, что “Гриф”, будучи в общем аналогичен “Скорпиону” по направлению, является, по его мнению, “лишним”» (ЛН. 1980. Т. 92, кн. 1. С. 529). Инициатором столкновения был, видимо, Брюсов, опасавшийся не только потери монополии на издание символистской беллетристики, но и снижения уровня и дискредитации символизма (см.: ЛН. 1976. Т. 85. С. 280, 372–373). Несмотря на ультиматум, многие писатели продолжали участвовать в начинаниях обоих издательств.

Одним из самых значительных предприятий «Скорпиона» было основание критико-библиографического журнала «Весы», сыгравшего определяющую роль в истории русского символизма второй половины 1900-х гг. (см.: *Азадовский К. М., Максимов Д. Е.* Брюсов и «Весы»: (К истории изд.) // ЛН. 1976. Т. 85. С. 257–324; *Лавров, Максимов, 1984*). Первый номер журнала, вышедший в январе 1904 г., открывался статьей Брюсова «Ключи тайн», воспринятой современниками как манифест символизма и развивавшей тезис, что «искусство есть постижение мира иными, не рассудочными путями» (Весы. 1904. № 1. С. 19). Программный характер имели также другие статьи, вышедшие в течение года: «Критицизм и символизм» Белого (№ 2), «Поэт и чернь» Вяч. Иванова, «Светлеют дали» Чулкова (№ 3), «Вехи» Брюсова (№ 8), «Магия творчества» Волошина (№ 11). Редакция журнала служила местом встреч литераторов и художников символистского круга (см.: Вторники ⇨ «Весов»).

В феврале 1904 г. вышел второй «Альманах “Гриф”» при участии Бальмонта, Белого, Блока, Иванова, Кречетова (Соколова), Одинокого (А. И. Тинякова), Ремизова,

Эллиса и др. В том же месяце появился первый сборник лирики Анненского «Тихие песни» за подписью Ник. Т-о (СПб., 1904). В марте вышли две книги Бальмонта: «Собрание стихов. Т. 2» (М.: Скорпион, 1904) и сборник критики «Горные вершины» (М.: Гриф, 1904) с декларативной статьей «Элементарные слова о символической поэзии»; в марте же опубликованы лирические сборники Белого «Золото в лазури» и Иванова «Прозрачность» (оба: М.: Скорпион, 1904). Во второй половине года появились: в июле — книга рассказов Сологуба «Жало смерти»; в сентябре — драма Зиновьевой-Аннибал «Кольца» (обе: М.: Скорпион, 1904); в октябре — первая книга Блока «Стихи о Прекрасной Даме» и «Книга сказок» Сологуба; в ноябре — «Возврат. III симфония» Белого; в декабре — «Литургия красоты: Стихийные гимны» Бальмонта (все: М.: Гриф, 1905).

К концу 1904 г. журналы «Мир искусства» и «Новый путь» прекратили свое существование. Продолжением второго был ежемесячник «Вопросы жизни» (СПб., 1905), выходивший под редакцией философов-идеалистов С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, Н. О. Лосского и др. В сравнении с «Новым путем» журнал усилил беллетристический отдел; в числе опубликованных там впервые произведений — роман Ремизова «Пруд» (№ 4—5, 11) и часть романа Сологуба «Мелкий бес» (№ 6—11). В «Вопросах жизни» появилось также несколько статей Чулкова, в которых развивалась концепция мистического анархизма как нового идейного направления внутри символизма (см.: ⇨ Мистические анархисты).

Место «Мира искусства» попытался занять возникший в январе 1905 г. художественный и художественно-критический журнал «Искусство» (М., 1905. № 1—8), редактором которого был Н. Я. Тароватый (см.: ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 227). В журнале печатались начинающие литераторы символистской ориентации: В. В. Гофман, С. К. Маковский, Пантюхов, Ходасевич и др. Кречетов (Соколов), принявший летом на себя редакцию литературного отдела, хотел привлечь к участию Белого, Блока, Брюсова и других видных символистов, но на восьмом выпуске (в котором Блок напечатал рецензию) журнал приостановился в связи с болезнью и кончиной Тароватого.

В начале 1905 г. вышли очередные выпуски символистских альманахов: в январе — «Северные цветы ассирийские» (М.: Скорпион, 1905) с произведениями Бальмонта, Брюсова, Вилькиной, Волошина, З. Гиппиус, Зиновьевой-Аннибал, Иванова, Минского, Рафаловича, Ремизова, Л. Семенова, С. Соловьева и др.; в феврале — третий «Альманах кн-ва “Гриф”» (М.: Гриф, 1905), где опубликованы стихи Бальмонта, Белого, Блока, Одинокого, Садовского, Сологуба, Ходасевича и др., проза Кондратьева, Мережковского, Петровской, Кречетова, статьи Н. Я. Абрамовича (Аратова), Белого, Кречетова.

В 1905 г. в «Весах» появилось несколько статей, свидетельствующих о нарастающих идейных разногласиях среди ближайших сотрудников журнала. В январской книжке Брюсов опубликовал статью-манифест «Священная жертва», определяя искусство как самопожертвование поэта и как акт жизнетворчества. Белый в статье «Апокалипсис в русской поэзии», превозносящей поэзию Брюсова, толкует искусство как «кратчайший путь к религии» (Весы. 1905. № 4. С. 16). Брюсов откликнулся статьей «В защиту от одной похвалы» (№ 5), возражая против «идеалистической мистики» Белого; Белый продолжил полемику статьей «В защиту от одного нарекания» (№ 6).

Весной 1905 г. Вяч. Иванов и Зиновьева-Аннибал переехали из Швейцарии в Россию и поселились в Петербурге. С сентября Ивановы организовали у себя журфиксы по средам, пользовавшиеся большой популярностью и вскоре ставшие одним из культурных, идейных и товарищеских центров людей символистского круга (Среды ⇨ Иванова).

В сентябре 1905 г. появилась книга Бальмонта «Фейные сказки. Детские песенки» (М.: Гриф, 1905), в декабре — сборник Брюсова «Στέφανος. Венок. Стихи 1903—1905 года» (М.: Скорпион, 1906).

В январе 1906 г. вышел первый номер нового символистского журнала «Золотое руно» (М., 1906—1909; см.: *Лавров, 1984.* С. 137—173), издаваемого фабрикантом

Н. П. Рябушинским в роскошном оформлении (большой формат, мелованная бумага, множество иллюстраций; материалы первых шести номеров печатались параллельно на русском и на французском языках). Журнал «художественный, литературный и критический» опубликовал в течение 1906 г. в литературном отделе произведения Бальмонта, Белого, Блока, Брюсова, З. Гиппиус, Иванова, Сологуба и др. В программной статье «От редакции» провозглашалась «Красота» с прописной буквы и вечное, единое, символичное и свободное искусство (Золотое руно. 1906. № 1. С. 4).

«Весы» начиная с 1906 г. «решили расширить программу» и стали печатать также «произведения творческой литературы» (От ред. // Весы. 1905. № 12 [он же: 1906. № 1]. С. 94). Из опубликованной там в 1906 г. прозы скандальную известность получила из-за гомоэротической тематики повесть Кузмина «Крылья» (1906. № 11; отд. изд.: М.: Скорпион, 1907). Более существенным изменением стала смена литературной позиции журнала, наметившаяся с майского номера: прежнюю «тактику объединения русского символизма» заменило «размежевание “Весов” с другими символистскими издательствами» (*Азадовский К. М., Максимов Д. Е.* Брюсов и «Весы» // ЛН. 1976. Т. 85. С. 282). Исходной точкой послужило появление сборника «Факелы. Кн. 1», вышедшего в марте 1906 г. под редакцией Чулкова (СПб., 1906). Брюсов откликнулся на сборник отрицательной рецензией, критикуя, в частности, проявления концепции мистического анархизма (Весы. 1906. № 5. С. 54—58). В следующем номере была опубликована статья Иванова «О “факельщиках” и других именах собирательных» в поддержку Чулкова. Когда в июле вышла книга Чулкова «О мистическом анархизме» со вступительной статьей Иванова (СПб.: Факелы, 1906), «Весы» в августовском номере продолжили полемику сразу двумя насмешливыми откликами: рецензией Брюсова и статьей З. Гиппиус «Иван Александрович неудачник».

Процесс дифференциации символистского лагеря продолжался во второй половине 1906 г. появлением новых издательских начинаний. Осенью вышел первый номер «журнала свободной мысли» «Перевал» (М., ноябрь 1906 — октябрь 1907. № 1—12; см.: *Лавров, 1984*. С. 174—190); редактором журнала был Кречетов (Соколов), ушедший в июле из «Золотого руна», где он заведовал литературным отделом. В первом номере «Перевала» вышла статья-манифест «От редакции», провозглашавшая «идеал абсолютной свободы» и «философский, эстетический и общественный радикализм» (Перевал. 1906. № 1. Нояб. С. 3—4). В конце 1906 г. возникло издательство «Оры» (СПб., 1906—1912), организованное Вяч. Ивановым и обслуживавшее группу близких ему писателей-символистов (⇨ «Оры»). Во второй половине 1906 г. литературная молодежь круга модернистов организовала в Петербурге ⇨ Кружок молодых, тоже функционировавший как издательство.

Осенью 1906 г. произошло сближение символистов с театральным миром Петербурга. В октябре В. Ф. Коммиссаржевская организовала в своем театре ряд вечеров (⇨ Субботы театра Коммиссаржевской), на которых символисты читали новые драматические и лирические произведения: Блок — пьесу «Король на площади», Сологуб — драму «Дар мудрых пчел». В ноябре в театре Коммиссаржевской успешно поставили пьесу Сологуба «Победа смерти». Там же 30 декабря 1906 г. состоялась премьера «Балаганчика» Блока.

В течение 1906 г. вышли следующие книги писателей символистского круга: в феврале — исследование Мережковского «Гоголь и Черт» (М.: Скорпион, 1906); в марте — его же «I. Грядущий хам. II. Чехов и Горький» (СПб., 1906); в апреле — стихи Сологуба «Родине» (СПб., 1906); в июне — сборник стихов и прозы Курсинского «Сквозь призму души» (М.: Гриф, 1906); в июле — «Стихотворения» Бальмонта (СПб.: Знание, 1906) и четвертая книга рассказов З. Гиппиус «Алый меч» (СПб., 1906); в октябре — стихотворный сборник Бальмонта «Злые чары: Книга заклятий» (М.: Золотое руно, 1906); в ноябре — «Политические сказочки» Сологуба (СПб., 1906) и второе изд. первой книги рассказов З. Гиппиус «Новые люди» (СПб., 1907); в декабре — второй сборник стихов Блока «Нечаянная радость» (М.: Скорпион, 1907), сборник Брюсова «Земная ось:

Рассказы и драматические сцены. 1901–1906» (М.: Скорпион, 1907), сборник стихов и прозы Вилькиной «Мой сад» (М.: Гриф, 1906), а также сборники лирики Городецкого «Ярь» (СПб.: Кружок молодых, 1907) и Иванова «Эрос» (СПб.: Оры, 1907).

1907–1908 гг. прошли под знаком внутрисимволистских междоусобиц и усиленной взаимной полемики. Знаменательна в этом отношении статья Белого «Художник оскорбителям» в январской книжке «Весов»; в своем «Манифесте» (этот подзаголовок в печати был опущен; см.: ЛН. 1976. Т. 85. С. 402–403) Белый («Мы, милостию Божией, художник») поносил повально всех «оскорбителей»: от «либералов, буржуев, эстетов, кадетов» до «оргиастов, педерастов, садистов» (Весы. 1907. № 1. С. 56, 54). По поводу статьи Блок писал Брюсову 19 февраля 1907 г.: «Мне нравится то, что Андрей Белый поливает всех картечью, только если бы знать – во имя чего?» (*Блок, 1963.* Т. 8. С. 179–180). Сам Белый полгода спустя сознавался: «Да, все, что я писал, начиная с “Манифеста”, неряшливо, истерично, грубо, непонятно при кажущейся упрощенности большинству даже читателей “*Весов*”» (письмо к Метнеру от 23 авг. 1907 г.: ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 295).

К 1907 г. сложились, по словам Брюсова, «четыре фракции декадентов: “Скорпионы”, “золоторунцы”, “перевальщики” и “оры”» (письмо к отцу, Я. К. Брюсову, от 21 июня 1907 г.: ЛН. 1934. Т. 15. С. 214). Группа «Весов» (Белый, Брюсов, З. Гиппиус, Эллис) открыла весной 1907 г. военные действия против остальных фракций. В мартовской книжке «Весов» вышла отрицательная рецензия Брюсова на № 1–2 «Золотого руна» за 1907 г.; в мае в «Весах» появился целый ряд критических материалов полемического характера: статья Белого «Штемпелеванная калоша», направленная против «Ор» и против Блока; статья З. Гиппиус «Трихина» (о первых шести номерах «Перевала»); рецензии Брюсова на вышедшие в апреле сборники стихов С. Соловьева «Цветы и ладан», Кречетова «Алая книга» (обе: М.: Гриф, 1907) и Блока «Снежная маска» (СПб.: Оры, 1907).

В начале 1907 г. из «Золотого руна» ушел редактор литературного отдела Курсинский; обстоятельства его ухода привели к ссоре Брюсова и Белого с Рябушинским (см. письмо Брюсова к Сологубу от 31 авг. 1907 г.: ЕжегРОПД. 1973. Л., 1976. С. 110–111) и к бойкоту журнала «весовцами». С третьего номера за 1907 г. секретарем и литературным редактором стал Г. Э. Тастевен, человек, близкий идеям мистического анархизма. Под его редакцией журнал приобрел новое идейное направление, не совместимое с позицией «Весов» (преодоление эстетического индивидуализма, примирение с реализмом, стремление к соборности). Тастевен опубликовал (под псевдонимом Эмпирик) статьи «Причины одной литературной метаморфозы», где «Весам» приписывались «признаки наступающей дряхлости» (Золотое руно. 1907. № 4. С. 80), и «О культурной критике» (1907. № 5. С. 75), направленную против рецензий З. Гиппиус в «Весах». В том же номере вышла статья Блока «О реалистах», воспринятая в стане «Весов» как заискивание перед знаньевцами (⇨ «Знание»). По поводу этой статьи Белый так нагрубил Блоку в письме от 5–6 августа 1907 г. (*Блок, Белый, 1940.* С. 192), что Блок ответил вызовом на дуэль (она не состоялась после взаимных письменных объяснений).

В апреле–июне 1907 г. появилось несколько коллективных сборников с участием символистов: «Цветник Ор. Кошница первая» (СПб.: Оры, 1907), «Корабли» (М., 1907), «Факелы. Кн. 2», «Белые ночи: Петербургский альманах» и «Проталина» (все: СПб., 1907). Тогда же вышли книги прозы Зиновьевой-Аннибал: «Трагический зверинец» и «Тридцать три урода» и драма Чулкова «Тайга» (все: СПб.: Оры, 1907).

«Весы» в июньской книжке продолжали перебранку с враждебными фракциями: статьей Брюсова (подпись: Р.) «Золотому руну», а также полемическими рецензиями Эллиса (на второй выпуск «Факелов») и Белого (на «Цветник Ор» и на «Тайгу» Чулкова). В июльском номере следовали рецензии З. Гиппиус на книги Зиновьевой-Аннибал и ее же статья «Засоборились» о смене идейного направления в «Золотом руне».

Брюсов еще в мае задумал проект о коллективном «уходе из Содома и Гоморры» (письмо к З. Гиппиус от 22 мая 1907 г.: ЛН. 1976. Т. 85. С. 696) – об отказе «весовцев»

сотрудничать в «Золотом руне». Когда в шестом выпуске этого журнала, вышедшем в июле, редакция оповестила официально об изменении программы журнала (Золотое руно. 1907. № 6. С. 68), замысел Брюсова был осуществлен: в августе некоторые столичные и провинциальные газеты опубликовали «письма в редакцию» об отказе от сотрудничества в «Золотом руне» за подписями Мережковского, З. Гиппиус, Брюсова, Белого, Кузмина, Балтрушайтиса и секретаря «Весов» М. Ф. Ликиардопуло (перепечатано: Весы. 1907. № 8. С. 78–79). В ответ Рябушинский и Тастевен вновь привлекли к сотрудничеству в «Золотом руне» ушедших в начале года Андреева, Бунина, Зайцева и Чулкова (см.: ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 297–299), о чем сообщалось в их «письме в редакцию» (Золотое руно. 1907. № 7/9. С. 160).

В сентябрьской книжке «Весов», в статье Брюсова (псевдоним: В. Бакулин) «Торжество победителей» по поводу одноименной статьи А. Г. Горнфельда (Товарищ. 1907. 23 авг. № 352) говорится о кризисе «декадентства» и о связанном с ним процессе необходимой «дифференциации», которую «следует, однако, отличать <...> от “отступничества”, от “хулиганства” и от “провокации”» (Весы. 1907. № 9. С. 56). Чулков, имя которого упоминается в этом контексте, ответил Брюсову, в свою очередь, полемической статьей «Разоблаченная магия» (Золотое руно. 1908. № 1).

В течение года в «Весах» печаталась первая часть романа Брюсова «Огненный ангел» (1907. № 1–3, 5–12). В числе символистских публикаций 1907 г. следует также отметить следующие книги: Сологуба – отдельное издание «Мелкого беса», сборник стихов «Змий» (обе: СПб., 1907), сборник рассказов «Истлевающие личины» (М.: Гриф, 1907) и мистерия «Литургия мне» (М., 1907); Бальмонта – «Жар-птица. Свирель славянина» (М.: Скорпион, 1907), «Песни мстителя» (Париж, 1907) и драма «Три расцвета» (СПб., [1907]); Ремизова – сборник прозы «Посолонь» (М.: Золотое руно, 1907) и «Лимонарь» (СПб.: Оры, 1907); М. Гофмана – «Кольцо: Тихие песни скорби» и трактат «Соборный индивидуализм» (обе: СПб., 1907); Кондратьева – роман «Сатиресса» (М.: Гриф, 1907); Городецкого – сборник стихов «Перун» (СПб.: Оры, 1907). В конце года вышел также стихотворный сборник Чулкова «Весною на север» (СПб.: Факелы, 1908).

В 1908 г. «Весы» продолжали войну против «отступников» и «хулиганов» символизма. Новый фронт возник еще в сентябре 1907 г., когда московская группа литераторов-модернистов, объединившихся вокруг Б. К. Зайцева, ⇨ «Зори» в программном предисловии к первому номеру журнала «Литературно-художественная неделя» подвергла критике позицию «Весов» и заявила о «старческой дряхлости» Бальмонта и Брюсова (см.: *Белый, 1990а.* С. 512–513). В феврале 1908 г. в «Весах» появились сразу две статьи, задевающие Зайцева: «Наши эпигоны. О стиле, Л. Андрееве, Борисе Зайцеве и многом другом» Эллиса (где произведения Андреева и Зайцева критикуются за смешивание реализма и символизма) и «Вольноотпущенники» Белого, где мельком упоминаются имена «зористов» Зайцева и В. И. Стражева и где эпигоны символизма обозваны «обозной сволочью» (Весы. 1908. № 2. С. 71). В том же номере вышла также статья-рецензия А. Крайнего (З. Гиппиус) «Репа», разбирающая ряд коллективных сборников, в том числе «Факелы. Кн. 3» (СПб., 1908) – последний символистский альманах 1900-х гг., в котором участвовали Ауслендер, Блок, Зайцев, Вяч. Иванов, Ремизов, Сологуб и Чулков.

Продолжительную полемику вызвала статья Иванова «Два течения в современном символизме» (Золотое руно. 1908. № 3/4–5), провозглашающая под лозунгом «a realibus ad realiora» «реалистический символизм». Белый откликнулся статьей «Realiora» (Весы. 1908. № 5), упрекая Иванова в неоригинальности, фактически даже обвиняя его в плагиате. В ответ Иванов опубликовал статью «Б. Н. Бугаев и Realiora» (Весы. 1908. № 7). Ивановская теория «реалистического символизма» обсуждалась Чулковым на страницах «Золотого руна» в статьях «Покрывало Изиды» (№ 5) и «Лилия и роза» (№ 6). Одновременно там же вышло несколько статей и заметок, направленных против «Весов» и против Брюсова: «О “чистом символизме”, теургизме и

нигилизме» Эмпирика (Тастевена) (№ 5), «Исход» Чулкова и «Аминь» Городецкого (№ 7/9). Белый откликнулся на статьи Чулкова и Тастевена заметкой «Из журналов» за подписью В. Быков (Весы. 1908. № 10). В том же номере Белый в статье «Символизм и русское искусство» продолжил полемику с концепцией Иванова; Иванов ответил в следующем номере статьей «Эстетика и исповедание» (Весы. 1908. № 11). Полемику 1908 г. завершила в ответ А. Белому заметка Эмпирика «Сфинкс без загадки» (Золотое руно. 1908. № 11/12).

Статья Белого «Символизм и русское искусство» воспроизводит текст доклада, прочитанного им 15 октября 1908 г. в московском ⇨ Обществе свободной эстетики. Месяц спустя, 21 ноября, Белый выступил в Москве с публичной лекцией «Символизм», где популярно изложил принципы своей эстетики (опубл.: Весы. 1908. № 12). Почти одновременно, 13 ноября, Блок прочел в петербургском ⇨ Религиозно-философском обществе доклад «Народ и интеллигенция»; повторное чтение доклада состоялось 12 декабря 1908 г. на заседании ⇨ Санкт-Петербургского литературного общества (опубл.: Золотое руно. 1909. № 1).

В 1908 г. писатели-символисты опубликовали следующие книги: Бальмонт – сборники стихов «Зеленый вертоград: Слова поцелуйные», «Птицы в воздухе», «Зовы древности» и «Белые зарницы: Мысли и впечатления» (все: СПб., 1908); А. Белый – «Кубок метелей. Четвертая симфония» (М.: Скорпион, 1908) и вышедшую в декабре 1908 г. книгу стихов «Пепел» (СПб., 1909); Блок – «Лирические драмы» (СПб., 1908) и сборник стихов «Земля в снегу» (М.: Золотое руно, 1908); Брюсов – отдельное издание романа «Огненный ангел» в двух книгах и двухтомное собрание стихов «Пути и перепутья» (все: М.: Скорпион, 1908); Верховский – «Разные стихотворения» (М.: Скорпион, 1908); З. Гиппиус – сборник критики «Литературный дневник» (под псевд. Антон Крайний), драму «Маков цвет» и пятую книгу рассказов «Черное по белому» (все: СПб., 1908); Городецкий – «Дикая воля: Стихи и сказки» (СПб.: Факелы, 1908); Кузмин – первую книгу стихов «Сети» (М.: Скорпион, 1908) и «Комедии» (СПб.: Оры, 1908); Мережковский – драму «Смерть Павла I» (Берлин, [1908]), эту же драму под названием «Павел I» и две книги статей: «Не мир, но меч» и «В тихом омуте» (все: СПб., 1908); Ремизов – романы «Пруд», «Часы», рассказы и поэмы «Чортов лог и Полунощное солнце», повесть «Что есть табак» (все: СПб., 1908); Сологуб – сборник стихов «Пламенный круг» (М.: Золотое руно, 1908) и рассказы «Книга разлук» (СПб., 1908); Чулков – «Покрывало Изиды: Критические очерки» (М.: Золотое руно, 1908).

В 1909 г. распри в стане символистов постепенно прекратились. Полемика «Весов» и «Золотого руна» продолжалась по инерции еще в первых выпусках журналов: в «Золотом руне» (1909. № 1) вышла статья Городецкого «Идолотворчество», где мифотворчеству реалистического символизма собственного лагеря противопоставлено идолотворчество идеалистического символизма «весовцев»; в «Весах» Эллис в статье «О современном символизме, о “действе” и о “чорте”» отстаивает индивидуализм и лозунг «самоценного и вечного искусства» (Весы. 1909. № 1. С. 76). В том же номере был, однако, напечатан «Каталог № 8» издательства «Скорпион», во вступительной заметке которого редакция явно шла навстречу петербургским символистам, заявляя, что «миросозерцание <...> “крайнего индивидуализма” ныне отжило свой век» и что надобно отделять «от вопроса об индивидуализме вопрос о символизме как методе творчества» (С. 3).

О перестановке сил в символистском лагере и о приближении «весовцев» к позициям петербургских символистов свидетельствует изменившийся тон статей 1909 г. московских застрельщиков полемики. На вышедший в июле сборник статей Иванова «По звездам» (СПб.: Оры, 1909) Эллис откликнулся большой, серьезной, в целом положительной статьей-рецензией (Весы. 1909. № 8). Белый в статье «Штемпелеванная культура» (Весы. 1909. № 9) выступил против западнического уклона в русской культуре, скрыто полемизируя с Брюсовым и перекликаясь с Блоком и Ивановым.

В январе—феврале 1909 г. произошло и личное сближение прежних антагонистов — А. Белого и Иванова (см.: ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 347). 17 января Белый в Петербурге выступил с докладом «Настоящее и будущее русской литературы» (опубл.: Весы. 1909. № 2—3); тогда же произошла, по его словам, «интимная встреча с Вячеславом Ивановым; перманентная трехдневная беседа между мною, Ивановым, [А. Р.] Минцловой» (*Белый, 1990а.* С. 533). 27 января Белый оппонировал Иванову на его лекции «Последние течения в литературе» в московском ⇨ Литературно-художественном кружке; в ходе прений произошел скандальный инцидент, когда Ф. Ф. Тищенко обвинил Белого в беспринципности и довел его этим до истерического припадка (см.: *Там же.* С. 233—234, 517; *Богомолов, 1999*).

Весной 1909 г. Иванов прочел группе молодых поэтов-модернистов у себя на «башне» курс лекций по стихосложению. В продолжение этих чтений осенью возникло ⇨ Общество ревнителей художественного слова, в правление которого вошли видные символисты — Анненский (умерший 30 ноября 1909 г. после одного из первых собраний), Блок, Брюсов, Иванов и Кузмин. Объединение было организационно и персонально тесно связано с новым модернистским журналом «Аполлон» (СПб., 1909—1917; см.: *Корецкая, 1984*), первый номер которого вышел в октябре 1909 г.

Мистико-реалистические символисты «Золотого руна», прекратив полемику с «Весами», новой мишенью избрали «Аполлон», укоряя журнал в неодекадентстве, эстетизме и формализме. В статье «О петербургском “аполлинизме”» Эмпирик (Тастевен) писал, что «“Аполлон” переносит нас лет за двадцать тому назад, в эпоху первого зарождения декадентства» (Золотое руно. 1909. № 7/9. С. 137). Против «Аполлона» была направлена также статья Городецкого «Формотворчество» (Золотое руно. 1909. № 10) — этим понятием пополнялась январская схема противостояния «мифотворчества» и «идолотворчества».

В конце 1909 г. «Весы» и «Золотое руно» прекратили свое существование. Последние номера обоих журналов, вышедшие с опозданием лишь весной 1910 г., завершились декларативными статьями «от редакции»: сообщалось, что «“Весы” приостанавливаются <...> совершенно сознательно» в связи с «торжеством дорогих им идей» (Весы. 1909. № 12. С. 185, 190) и что «“Золотое руно” исполнило свою миссию» (Золотое руно. 1909. № 11/12. С. 107).

В течение 1909 г. символисты опубликовали следующие книги: Анненский — сборник статей «Вторая книга отражений» (СПб., 1909); Бальмонт — «Полное собрание стихов. Т. 10. Хоровод времен» (М.: Скорпион, 1909); Белый — сборник стихов «Урна» (М.: Гриф, 1909); Бородаевский — «Стихотворения: Элегии, оды, идиллии» (СПб.: Оры, 1909); Брюсов — «Пути и перепутья. Собрание стихов. Т. 3. Все напевы. 1906—1909» (М.: Скорпион, 1909); Ремизов — «Рассказы» (СПб., 1910; вышла в ноябре 1909 г.); Сологуб — «Книга очарований: Новеллы и легенды», драмы «Мелкий бес», «Ванька-ключник и паж Жеан», сборник прозы «В толпе» и первые три тома «Собрания сочинений» (все: СПб., 1909); Чулков — «Рассказы» (СПб., 1909). В «Весах» был опубликован роман А. Белого «Серебряный голубь» (1909. № 3—4, 6—7, 10—12; отд. изд.: М.: Скорпион, 1910).

Закрытие обоих символистских журналов к началу 1910 г. ознаменовало собой кризис символизма как литературной школы и начало его распада. «Аполлон» привнес новую эстетическую установку; одним из первых ее выразителей стал Кузмин в вышедшей в январе 1910 г. статье «О прекрасной ясности» (Аполлон. 1910. № 4; ⇨ «Кларисты»). Переломным моментом истории символизма принято считать публичные выступления Иванова и Блока в марте—апреле 1910 г. В московском Обществе свободной эстетики 17 марта Иванов выступил с докладом о «теургическом» символизме и повторил его 26 марта в петербургском Обществе ревнителей художественного слова; о реферате Брюсов записал в дневнике: «Его основная мысль — искусство должно служить религии» (*Брюсов, 1927.* С. 142). Доклад обсуждался в Академии стиха 1 и 8 апреля; на втором заседании Блок прочел поддерживающий Иванова реферат «О современном состоянии русского символизма», понимаемый им самим как путеводитель («Бедекер») по идеям Иванова.

Публикация докладов Иванова (под заглавием «Заветы символизма») и Блока (Аполлон. 1910. № 8) вызвала волну полемики в символистском лагере: Брюсов откликнулся желчной статьей «О “речи рабской”, в защиту поэзии» (Аполлон. 1910. № 9); в ответ на нее последовала поддерживающая Иванова и Блока статья Белого «Венок или венец» (Аполлон. 1910. № 11). Мережковский в статье «Балаган и трагедия» (Рус. слово. 1910. 14 сент.) раскритиковал «теургов» с «неохристианских» позиций. Против Блока в поддержку Брюсова выступил Городецкий в статье «Страна Реверансов и ее пурпурно-лиловый Бедекер» (Против течения. 1910. 15 окт. № 1).

В полемике вокруг глашатаев «теургического» искусства отразился раскол «ех-декадентов» на «кларистов» и «мистиков» (как писал Брюсов Перцову 23 марта 1910 г.: Печать и революция. 1926. № 6. С. 46). «Кларисты» сплотились вокруг «Аполлона»; трибуной «мистиков» стало новое издательство «Мусагет» (М., 1910–1917; см.: *Толстых, 1988*), организованное Белым, Эллисом и Э. К. Метнером. Белый писал Блоку в октябре 1910 г.: «Весь “Мусагет” есть попытка сохранить символизм, но пересадить его на кремнистую почву подтянутости и энергии из болот “психологических туманов”» (*Блок, Белый, 1940.* С. 240). Издательство открыло свою деятельность в начале 1910 г. Первая книга «Мусагета», сборник стихов С. Соловьева «Апрель», вышла к началу марта; за ней следовали: книга статей Белого «Символизм», «Собрание стихов. Кн. вторая. 1903–1909» З. Гиппиус и сборники статей – Эллиса «Русские символисты» и Садовского «Русская Камена» (все: М., 1910). В «Мусагете» с 1910 г. издавался также философский журнал «Логос» (М., 1910–1914; см.: *Безродный, 1992*). Вокруг издательства расцвела кружковая деятельность: в апреле 1910 г. образовался ⇨ Ритмический кружок под руководством Белого; к осени возникли кружки: Вечера ⇨ «Мусагета», ⇨ «Молодой Мусагет» и Философский кружок ⇨ «Мусагета». Свою деятельность открыло также близкое «Мусагету» издательство «Альциона» (М., 1910–1923), в котором Белый опубликовал сборник статей «Луг зеленый» (М., 1910).

В других издательствах символисты в 1910 г. опубликовали следующие книги: Анненский – второй, посмертный сборник стихов «Кипарисовый ларец» (М.: Гриф, 1910); Бальмонт – сборники стихов «Змеиные цветы» (М.: Скорпион, 1910) и «Морское свечение» (СПб.; М., 1910); Волошин – «Стихотворения. 1900–1910» (М.: Гриф, 1910); Городецкий – «Рассказы. Кн. 2» (СПб., 1910); В. Гофман – «Искус: Новые стихи» (СПб., 1910); Гумилев – сборник стихов «Жемчуга» (М.: Скорпион, 1910); Кузмин – «Первую книгу рассказов», «Вторую книгу рассказов» и «Куранты любви» (все: М.: Скорпион, 1910); Мережковский – сборник статей «Больная Россия» и «Собрание стихов. 1883–1910» (обе: СПб., 1910); Ремизов – «Сочинения. Т. 1–2» (СПб.: Шиповник, 1910); Сологуб – «Собрание сочинений. Т. 4–10» (СПб.: Шиповник, 1910).

Ситуация, сложившаяся в стане символистов к 1911 г., охарактеризована Блоком в письме к Белому от 6 июня 1911 г.: «*Талантливое* движение, называемое “новым искусством”, кончилось; т.е. маленькие речки, пополнив древнее и вечное русло чем могли, влились в него. Теперь уже есть только хорошее и плохое, искусство и не искусство» (*Блок, 1963.* Т. 8. С. 344). Борьбу за символистское (а не просто хорошее) искусство продолжал пока «Мусагет», где в 1911 г. вышли книги статей Белого «Арабески» и «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой», книги стихов Блока «Ночные часы» и «Собрание стихотворений. Кн. 1», стихотворный сборник Эллиса «Stigmata» и коллективный сборник «Антология», в который наряду с маститыми символистами (Белым, Блоком, Ивановым, С. Соловьевым, Эллисом) были представлены многие участники «Молодого Мусагета».

Форму коллективного издания возобновил в 1911 г. и «Скорпион», выпустив после шестилетнего перерыва пятый и последний альманах «Северные цветы» с участием старых соратников Балтрушайтиса, Бальмонта, Брюсова, Волошина, Гумилева, Кузмина, Садовского и единственного новичка Д. С. Навашина. В 1911 г. «Скорпион» издал также сборники стихов Балтрушайтиса «Земные ступени» и Иванова «Cor ardens. Ч. 1» и две книги Брюсова: сборник статей «Далекие и близкие» (М., 1912; вышла в

октябре 1911 г.) и драму «Путник». В других издательствах вышли: «Сочинения. Т. 3–6» Ремизова (СПб., 1911) и роман З. Гиппиус «Чортова кукла» (М., 1911).

В 1912 г. «Мусагет» предпринял еще одну попытку возрождения символизма как цельного литературного направления, основав журнал «Труды и дни» (М., 1912–1916; см.: *Лавров, 1984.* С. 191–211), призванный «способствовать раскрытию и утверждению принципов подлинного символизма в области художественного творчества» (От ред. // Труды и дни. 1912. № 1. С. 1). Первый номер, вышедший в марте, открывался декларативными статьями Иванова «Мысли о символизме», Белого «О символизме» и Пяста «Нечто о каноне», отстаивающими символизм как универсальную категорию всякого подлинного искусства. Статьи Иванова и Белого были первоначально прочтены в качестве докладов 18 февраля 1912 г. в Обществе ревнителей художественного слова; в ходе прений по поводу докладов Городецкий и Гумилев публично отмежевались от символизма (см. отчет Н. В. Недоброво о заседании: Труды и дни. 1912. № 2. С. 26–27).

Даже идейно близкие люди восприняли журнал как несвоевременный и нежизненный: «Лозунг символизма вряд ли может соединить и вызвать живую активность. Может образоваться догматика и даже схоластика символизма» (письмо Н. А. Бердяева к Белому от 16 мая 1912 г.: *Лавров, 1984.* С. 202; ср. также письмо Блока к Белому от 16 апр. 1912 г.: *Блок, 1963.* Т. 8. С. 386–387). «Труды и дни» вскоре зачахли; вышло всего лишь восемь выпусков: в 1912 г. – пять, в 1913, 1914 и 1916 гг. – по одному.

В числе символистских изданий 1912 г. следует отметить «Собрание стихотворений. Кн. 2 и 3» Блока. (М.: Мусагет, 1912); сборники стихов Балтрушайтиса «Горная тропа», Брюсова «Зеркало теней», Иванова «Cor ardens. Ч. 2» и Кузмина «Осенние озера» (все: М.: Скорпион, 1912); книгу стихов Бальмонта «Зарево зорь» (М.: Гриф, 1912), рассказы З. Гиппиус «Лунные муравьи» (М.: Альциона, 1912), книги стихов Иванова «Нежная тайна. Лепта» и А. Д. Скалдина «Стихотворения (1911–1912)» (обе: СПб.: Оры, 1912) и «Сочинения. Т. 7» Ремизова (СПб.: Шиповник, 1912).

Последний, восьмой том Сочинений Ремизова вышел в том же году в издательстве «Сирин» (СПб., 1912–1914), основанном в октябре 1912 г. и финансируемом М. И. Терещенко (руководитель Иванов-Разумник). Новое издательство, по характеристике Брюсова, «предприятие не коммерческое, а художественное, чуть-чуть не “меценатское”» (письмо к Полякову от 25 окт. 1912 г.: ЛН. 1994. Т. 98, кн. 2. С. 132), посвятило себя распространению модернистской литературы; было затеяно издание собраний сочинений Брюсова и Сологуба, произведений Блока и Белого, литературных альманахов. Из намеченного Полного собрания сочинений и переводов Брюсова в 25 томах вышли в 1913–1914 гг. лишь тома 1–4, 12, 13, 15 и 21. Не было доведено до конца и Собрание сочинений Сологуба в 20 томах (СПб.: Сирин, 1913–1914. Т. 3–20). В 1913–1914 гг. вышли три альманаха «Сирин», в которых впервые был напечатан роман Белого «Петербург». В первый (СПб., 1913) вошли также стихи Сологуба, драма Блока «Роза и Крест» и проза Ремизова; во второй (СПб., 1913) – стихи Брюсова и Пяста; в третий (СПб., 1914) – стихи Брюсова, З. Гиппиус, Вяч. Иванова и проза Ремизова и Сологуба.

В начале 1914 г. вышел четвертый, юбилейный «Альманах “Гриф”. 1903–1913» (М.: Гриф, 1914), содержащий стихи многочисленных авторов–участников «Грифа» прошедших десяти лет. В том же году издательство «Гриф» прекратило свое существование. В течение 1913–1914 гг. писатели символистского направления опубликовали также следующие книги: Бальмонт – сборник стихов «Белый зодчий» (СПб.: Сирин, 1914); Бородаевский – книгу стихов «На лоне родимой земли» (М.: Мусагет, 1914); Брюсов – сборник рассказов и драматических сцен «Ночи и дни» и поэтическую мистификацию «Стихи Нелли» (обе: М.: Скорпион, 1913); З. Гиппиус – повествование «Роман-царевич» (М., 1913); Кузмин – «Третья книга рассказов» (М.: Скорпион, 1913), «Покойница в доме. Сказки. Четвертая книга рассказов» (СПб., 1914) и «Глиняные голубки. Третья книга стихов» (Пг., 1914); Мережковский – роман «Александр I» (СПб., 1913); Ремизов – книги прозы «Подорожник» (СПб.: Сирин, 1913) и «Докука и балагу-

рье» (СПб.: Сирин, 1914); С. Соловьев – сборник стихов «Цветник царевны» (М.: Мусагет, 1913); Сологуб – сборник стихов «Лазурные горы» (СПб.: Сирин, 1913); Эллис – книгу стихов «Арго» (М.: Мусагет, 1914).

Последней попыткой представления символизма как все еще актуального литературного течения был публичный диспут о современной литературе, состоявшийся 20 января 1914 г. в Петербурге (см.: ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 428–429). Речи выступивших на диспуте Сологуба, Чулкова и Вяч. Иванова были напечатаны под заглавием «Символисты о символизме» в журнале «Заветы» (1914. № 2. С. 71–84). Сологуб сообщал, что русский символизм пребывает в стадии «соборности и коллегиальности» (С. 77), названной им «демократическим символизмом». Чулков отличал «символизм как мироотношение» от «символизма как школы», представляющего собой «явление преходящее» (С. 78). Иванов говорил о «символизме всякого истинного искусства» (С. 81).

В годы Первой мировой войны символисты продолжали творческую деятельность, но не как школа, а как конкретные литераторы и как представители культурного истеблишмента. В 1915–1917 гг. писатели символистского круга опубликовали следующие книги: Бальмонт – эссе «Поэзия как волшебство» (М.: Скорпион, 1915; последняя книга «Скорпиона»; вышла в январе 1916 г.), сборник стихов «Ясень. Видение древа» (М., 1916) и «Сонеты солнца, меда и луны» (М., 1917); А. Белый – первое отдельное издание романа «Петербург» (Пг., 1916); Блок – «Стихи о России» (Пг., 1915), «Стихотворения. Кн. 1–3» и «Театр» (все: М.: Мусагет, 1916); Брюсов – «Семь цветов радуги: Стихи 1912–1915 года» (М., 1916); Верховский – «Стихотворения. Т. 1» (М.: Мусагет, 1917; последнее изд. «Мусагета» в России); З. Гиппиус – пьесу «Зеленое кольцо» (Пг., 1916); Вяч. Иванов – сборник статей «Борозды и межи» (М.: Мусагет, 1916); Мережковский – «Было и будет. Дневник 1910–1914» (Пг., 1915), «Невоенный дневник: 1914–1916» (Пг., 1917) и пьесы «Будет радость» (Пг., 1916) и «Романтики» (Пг., 1917); Ремизов – сборники прозы «Весеннее порошье» (СПб.: Сирин, 1915) и «Среди мурья» (М., 1917); Сологуб – «Война: Стихи» (Пг., 1915), «Ярый год: Рассказы» (М., 1916), сборник прозы «Алая лента» (Пг., 1917) и сборник стихов «Алый мак» (М., 1917).

См. в приложении тексты Д. С. Мережковского, В. Я. Брюсова, З. Н. Гиппиус, К. Д. Бальмонта, Г. И. Чулкова, М. А. Волошина, Вяч. Иванова, Ф. К. Сологуба о символизме.

Лит.: Книга о рус. поэтах последнего десятилетия / Ред. М. Л. Гофман. СПб.; М., 1909; *Эллис [Кобылинский Л. Л.].* Рус. символисты. М., 1910; Рус. лит. XX в. (1890–1910) / Под ред. С. А. Венгерова. М., 1914–1918. Т. 1–3; *Брюсов В. Я.* Дневники. 1891–1910. М., 1927; Письма В. Я. Брюсова к П. П. Перцову 1894–1896 гг.: (К истории раннего символизма). М., 1927а; *Гудзий Н.* Из истории раннего рус. символизма: Моск. сб. «Рус. символисты» // Иск-во. 1927. № 4. С. 180–218; *Максимов Д.* «Северный вестник» и символисты; «Новый путь» // Евгеньев-Максимов В. Е., Максимов Д. Е. Из прошлого рус. журналистики. Л., 1930. С. 83–254; *Перцов П. П.* Лит. восп. Л., 1933; ЛН. 1937. Т. 27–28; *Блок А. А., Белый А.* Переписка. М., 1940; *Holthusen J.* Studien zur Ästhetik und Poetik des russischen Symbolismus. Göttingen, 1957; *Donchin G.* The Influence of French Symbolism on Russian Poetry. The Hague, 1958; *Голубева О. Д.* Из истории изданий рус. альм. нач. XX в. // Книга: Исслед. и мат-лы. М., 1960. Сб. 3. С. 308–314; *Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960–1963; *Блок А. А.* Записные книжки. М., 1965; *Тагер Е. Б.* Возникновение модернизма // Рус. лит. конца XIX – нач. XX в.: Девяностые годы. М., 1968. С. 189–212; *Куприяновский П. В.* Поэты-символисты в журнале «Северный вестник» // Рус. сов. поэзия и стиховедение. М., 1969. С. 113–135; *West J.* Russian Symbolism: A Study of V. Ivanov and the Russian Symbolist Aesthetics. London, 1970; *Михайловский Б. В.* Символизм // Рус. лит. конца XIX – нач. XX в. 1901–1907. М., 1971. С. 229–318; *Эткинд Е. Г., Долгополов Л. К.* Символизм // КЛЭ. М., 1971. Т. 6. С. 831–840; ЛН. 1976. Т. 85; *Тяпков С. Н.* К истории первых изд. рус. символистов: (В. Брюсов и А. Емельянов-Коханский) // Рус. лит. 1979. № 1. С. 143–152; ЛН. 1980–1993. Т. 92, кн. 1–5; *Иванова Е. В.* «Северный вестник» // Лит. процесс и рус. журналистика конца XIX – нач. XX в. 1890–1904: Буржуазно-либеральные и модернистские изд. М., 1982. С. 91–128; *Корецкая И. В.* «Мир искусства» // Там же. С. 129–178; *Она же.* «Новый путь». «Вопросы жизни» // Там же. С. 179–233; *Лавров А. В., Максимов Д. Е.* «Весы» // Рус. лит. и

журналистика нач. XX в.: 1905–1917. Буржуазно-либеральные и модернистские изд. М., 1984. С. 65–136; *Лавров А. В.* «Золотое руно»; «Перевал»; «Труды и дни» // Там же. С. 137–211; *Корецкая И. В.* «Аполлон» // Там же. С. 212–256; *E. Br. [Bristol E.]*. Symbolism // Handbook of Russian Literature / Ed V. Terras. New Haven; London, 1985. P. 460–464; *Минц З. Г.* Об эволюции рус. символизма: (К постановке вопроса: тезисы) // Блоковский сб. Тарту, 1986. Вып. 7. С. 7–24; *Толстых Г. А.* Изд-во «Мусагет» // Книга: Исслед. и мат-лы. М., 1988. Сб. 56. С. 112–133; *Hansen-Löve A. A.* Der russische Symbolismus: System und Entfaltung der poetischen Motive. Bd. 1: Diabolischer Symbolismus. Wien, 1989; *Белый А.* На рубеже двух столетий. М., 1989; *Белый А.* Начало века. М., 1990; *Белый А.* Между двух революций. М., 1990а; *Брюсов В. Я.* Среди стихов. М., 1990; *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Биогр. источники романа Брюсова «Огненный ангел» // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 530–589; ЛН. 1991–1994. Т. 98, кн. 1–2; *Михайловский Б.* Символизм // ЛЭ. München, 1991. Т. 10. С. 713–723; *Безродный М. В.* Из истории рус. неокантианства: (Журнал «Логос» и его редакторы) // Лица. М.; СПб., 1992. Вып. 1. С. 372–407; *Peterson R. E.* A History of Russian Symbolism. Amsterdam, 1993; *Pyman A.* A History of Russian Symbolism. Cambridge, 1994; *Пяст В.* Встречи. М., 1997; *Богомолов Н. А.* История одного лит. скандала // Богомолов Н. А. Рус. лит. нач. XX в. и оккультизм: Исслед. и мат-лы. М., 1999. С. 239–254; *Чулков Г. И.* Годы странствий. М., 1999; *Иванова Е., Щербаков Р.* Альманах В. Брюсова «Русские символисты»: Судьбы участников // Блоковский сб. Тарту, 2000. [Вып.] 15. С. 33–75; *Колобаева Л. А.* Рус. символизм. М., 2000; *Богомолов Н. А.* К истории «Золотого руна» // Богомолов Н. А. От Пушкина до Кибирова. М., 2004. С. 41–83.

«**СИНДЕТИКОН**» – литературно-художественное общество, возникшее в октябре 1917 г. в Москве. О его образовании сообщали московские газеты «Вечерние новости» от 19 октября и «Московский листок» от 20 октября 1917 г. Целью общества было «“склеивание” артистов, художников, музыкантов, поэтов, писателей в одну сплоченную группу для объединения всех молодых сил в искусстве и содействия в их начинаниях как с материальной, так и с духовной стороны» (цит.: *Лапшин.* С. 410). Общество собиралось открыть «библиотеку по вопросам искусства, музей искусств, клуб, театр и кабаре» (*Там же*).

Лит.: *Лапшин В. П.* Худож. жизнь Москвы и Петрограда в 1917 г. М., 1983. С. 409–410.

СИНЕГУБ САЛОН – литературные журфиксы в середине 1910-х гг. в доме Е. Е. Синегуб в Москве на Спиридоновке. Хозяйка салона была, по словам В. Г. Шершеневича, «небогатой помещицей, неимоверно скупой, но мечтавшей быть литературной меценаткой. <...> У нее бывали, но над ней издевались». Бывали, судя по воспоминаниям Шершеневича, В. Ф. Ходасевич, В. В. Маяковский и К. Д. Бальмонт, поклонницей которого являлась Синегуб. Ее салон представлял собой, по характеристике Шершеневича, «оплот бальмонтизма и поэтического мещанства».

Лит.: *Шершеневич В. Г.* Великолепный очевидец // Мой век, мои друзья и подруги. М., 1990. С. 439–443.

СКАБИЧЕВСКОГО СРЕДЫ – литературные журфиксы у А. М. Скабичевского в конце 1880-х – начале 1890-х гг. в Петербурге. В числе посетителей были К. С. Баранцевич, Б. Б. Глинский, В. С. Лихачев, В. П. Острогорский, П. П. Перцов, Ф. Ф. Фидлер,

А.М. Скабичевский

Ф. А. Червинский. Перцов вспоминал, что «у Скабичевского было гораздо проще и, может быть поэтому, приятнее», чем на Вторниках ⇨ Семевского (*Перцов.* С. 71). Хозяин Сред «был олицетворенная приветливость и в то же время, не навязываясь гостям, умел предоставлять беседе развиваться своим естественным ходом» (*Там же.* С. 72).

Лит.: *Перцов П. П.* Лит. восп. 1890–1902 гг. М.; Л., 1933. С. 71–72; *Fiedler F.* Aus der Literatenwelt. Göttingen, 1996. S. 75.

СКИРМУНТА ПРИЕМЫ – проходили в начале 1900-х гг. в Москве (Гранатный пер., д. 22). Н. В. Крандиевская-Толстая сообщает: «В доме [С. А.] Скирмунта часто происходили многолюдные собрания. Я помню одно из них, на котором Горький делал сообщение о студенческой демонстрации у Казанского собора в 1901 г. Публики собралось много, и была она очень разнообразной: писатели, адвокаты, актеры, купцы и нарядные дамы. <...> Было ясно, что большинство пришло все за тем же: посмотреть вблизи на Горького» (*Крандиевская-Толстая.* С. 29). В воспоминаниях Крандиевской-Толстой описан, по-видимому, вечер 7 ноября 1901 г. (ср.: *Горький.* С. 411). У Скирмунта бывали Ю. К. Балтрушайтис, К. Д. Бальмонт, М. Горький, кн. Павел Д. Долгоруков, кн. Петр Д. Долгоруков, А. Р. Крандиевская, В. А. Морозова, К. П. Пятницкий.

Лит.: *Крандиевская-Толстая Н. В.* Восп. Л., 1977. С. 29, 73; *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 1997. Т. 2. С. 203, 411.

«**СКОРПИОНА**» **КРУЖОК** (**ВТОРНИКИ** «**СКОРПИОНА**») – группа писателей из среды ⇨ Символистов, сотрудников основанного С. А. Поляковым московского издательства «Скорпион» (1899–1916) и выпускаемых под его маркой альманахов «Северные цветы» (1901–1905, 1911) и журнала «Весы» (1904–1909). Ядро этого круга литераторов составляли Ю. К. Балтрушайтис, К. Д. Бальмонт, А. Белый, В. Я. Брюсов, С. А. Поляков и М. Н. Семенов.

В начальный период существования издательства редакционные встречи проходили по вторникам; ср. записи в дневнике Брюсова 1900–1901 гг.: «На наших вторниках упорно бывает Л. [Г.] Жданов»; «Даже пьяные вторники “Скорпиона” остепенились и в значительной степени посвящались делам» (*Брюсов, 1927.* С. 99, 102).

Понятие «Кружок “Скорпиона”» употреблялось впоследствии не столько в связи с определенной кружковой деятельностью редакции издательства или журнала, сколько с целью полемического противопоставления Кружку ⇨ «Грифа», другой группе московских символистов, сплотившихся вокруг основанного С. А. Кречетовым (Соколовым) издательства «Гриф». В ранних воспоминаниях сотрудников «Весов» (*Брюсов, 1990* [1917]; *Белый, 1922*) оба кружка упоминаются вместе и противопоставляются друг другу: по словам Брюсова, «в 900-х годах в среде писателей, составлявших “школу символистов”, определилось два не столько течения, сколько кружка. Один группировался около издательства “Скорпион” и его журнала “Весы” <...>. Другой кружок примыкал к издательству “Гриф” <...>. Как то часто бывает в родственных группах, между двумя издательствами и редакциями существовало некоторое соперничество и род антагонизма» (*Брюсов, 1990.* С. 512). Неприязненные отношения этих двух околоиздательских кружков относятся в основном к начальному периоду существования «Грифа» 1903–1905 гг.; редакция «Весов» во главе с Брюсовым находила альманахи «Грифа» эпигонскими и художественно не выдержанными; в деятельности конкурентов «скорпионовцы» видели опасность дискредитации символистского течения в целом.

Лит.: *Белый А.* Восп. о Блоке // Эпопея. 1922. № 1. С. 178; *Брюсов В. Я.* Дневники. М., 1927. С. 99, 102, 106; *Белый А.* Начало века. М., 1990. С. 410–425; *Брюсов В. Я.* Мои восп. о Викторе Гофмане // Брюсов В. Я. Среди стихов. М., 1990. С. 509, 512; *Петровская Н. И.* Восп. / Публ. Э. Гарэтто // Минувшее. М., 1992. Вып. 8. С. 32–33; *Грабарь И.* Моя жизнь. М., 2001. С. 206.

СЛУЧЕВСКОГО ВЕЧЕРА – «кружок поэтов и поэтесс», существовавший в 1904–1917 гг. в Петербурге. Объединение являлось продолжением Пятниц ⇨ Случевского.

В день его смерти (25 сентября 1904 г.) участники Пятниц, собравшиеся в ресторане «Москва», решили периодически встречаться в рамках кружка памяти Случевского; его председателем избрали Ф. Ф. Фидлера. Как явствует из дневника Фидлера, первый «вечер поэтов» состоялся на его квартире 30 сентября 1904 г. — два дня спустя после похорон Случевского (*Fiedler.* S. 349; запись от 19 февраля 1906 г.).

Ежемесячные собрания кружка проходили сезонами (с октября по май) по очереди на квартирах постоянных участников. Официальный статус кружок получил 17 апреля 1908 г. Новым председателем его стал Ф. В. Черниговец-Вишневский; весной 1909 г. на этом посту его сменил Н. Н. Вентцель. 5 февраля 1909 г. состоялся юбилейный ужин по случаю десятилетия кружка (считая со времени возникновения Пятниц Случевского в конце 1898 г.). 2 марта 1913 г. председателем стал И. И. Ясинский. Последнее собрание кружка состоялось 4 ноября 1917 г. у бар. С. И. Таубе (Аничковой) (*Азадовский, Тименчик.* С. 186).

Первоначальное ядро Вечеров образовали преимущественно эстетически консервативные поэты и поэтессы; впоследствии принимались в кружок и «модернисты», составлявшие к 1909 г., по подсчетам В. Н. Княжнина, 10% членов (*Княжнин*). Несмотря на известное омоложение состава в середине 1910-х гг., в кружке всегда «преобладали литераторы-бюрократы» (*Садовской.* С. 178). Согласно имеющимся спискам (РГАЛИ. Ф. 512. Оп. 1. Ед. хр. 50; Оп. 2. Ед. хр. 3а. Л. 1), в состав объединения, насчитывавшего в среднем около 70 членов, входили к 1917 г. В. П. Авенариус, Л. Н. Афанасьев, А. А. Ахматова, Т. К. Берхман, А. А. Блок, Б. Д. Богомолов, А. Н. Будищев, И. А. Бунин, А. А. Бурнакин, З. Д. Бухарова, П. В. Быков, З. И. Быкова, Н. Н. Вентцель, Ю. Н. Верховский, М. Г. Веселкова-Кильштедт, Л. Н. Вилькина, С. Д. Всеволожский, Е. А. Галати, Г. А. Галина, Л. Е. Галич, А. К. Ганчелин, Б. Б. Глинский, С. М. Городецкий, В. В. Гофман, В. М. Грибовский (тов. предс.), И. А. Гриневская, Н. В. Грушко, Н. С. Гумилев, В. П. Далматов, А. Е. Зарин, Ф. Е. Зарин, Е. А. Зноско-Боровский, В. И. Иванов, А. А. Измайлов, кн. Ф. Н. Касаткин-Ростовский, Н. А. Катанский, Д. И. Коковцев, А. А. Кондратьев (секр.), С. А. Копыткин, Н. В. Корецкий, А. А. Коринфский, П. Н. Краснов, В. И. Кривич, В. В. Курдюмов, В. Н. Ладыженский, В. П. Лебедев, М. Е. Левберг, А. А. Луговой, К. Н. Льдов, В. А. Мазуркевич, С. К. Маковский, И. К. Маркузе, А. Ф. Мейснер, Н. М. Минский, В. К. Мюр, В. П. Мятлев, Н. Н. Окулов, В. П. Опочинин, М. А. Пожарова, Н. И. Позняков, Т. Л. Поленова, А. Ф. Радченко, С. Л. Рафалович, В. И. Рудич, Б. А. Садовской, А. К. Случевская, И. И. Соколов (секр.), П. С. Соловьева, Ф. К. Сологуб, бар. С. И. Таубе, А. И. Тиняков, гр. А. Н. Толстой, Н.А. Тэффи, В. В. Уманов-Каплуновский (тов. предс.), И. П. Умов, Ф. Ф. Фидлер, Н. Б. Хвостов, Д. М. Цензор, Е. И. Цесоренко, Е. А. Чебышева-Дмитриева, Ф. В. Черниговец-Вишневский, О. Н. Чюмина, С. В. Штейн, Н. Н. Шульговский, Т. Л. Щепкина-Куперник и И. И. Ясинский. В дневнике Фидлера зафиксировано присутствие П. И. Карпова, Н. А. Клюева и М. В. Лапиной на вечере 1 октября 1915 г. (*Fiedler.* S. 480; ср.: *Карпов*). З. И. Ясинская вспоминает о вечере в доме отца 1916 г., на котором выступал и якобы был принят членом кружка С. А. Есенин (*Ясинская*).

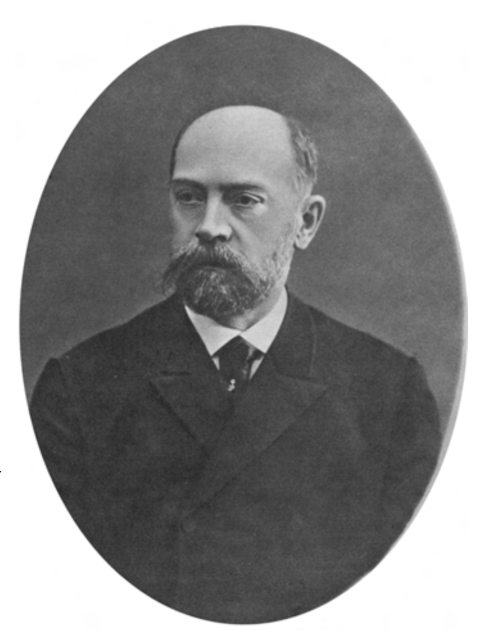
Условия вступления в кружок были довольно сложны: кандидат должен был иметь опубликованную книгу стихов, рекомендацию не менее трех постоянных участников и согласие большинства из них, полученное путем тайной баллотировки. Собрания кружка носили интимный характер и проходили по определенным правилам: «Каждый поэт читает три стихотворения, по поводу которых иногда обмениваются замечаниями, а потом собранию предлагается ужин, за которым продолжается оживленная беседа» (Златоцвет. 1914. № 4. С. 16). Несколько повесток о заседаниях кружка опубликованы (*Топоров.* С. 221, 231).

Лит.: *W. [Уманов-Каплуновский В. В.].* «Пятницы» и «вечера» К. К. Случевского: (Юбилейная справка) // Петерб. вед. 1909. 5 февр. С. 2–3; *Соколов М.* Кружок поэтов им. Случевского // Изв. книжных магазинов Т-ва М. О. Вольф по лит., наукам и библиогр. и Вестн. лит. 1910. № 9. С. 255–258; *Б.п. [Цензор Д. М. (?)].* Кружок Поэтов им. К. Случевского // Златоцвет. 1914. № 4. С. 16;

Княжнин В. Н. Александр Александрович Блок. Пб., 1922. С. 100; *Галич Ю.* Хромой Пегас // Сегодня (Рига). 1926. № 261; *Ясинский И. И.* Роман моей жизни. М.; Л., 1926. С. 213–214; *Смиренский В. В.* К истории пятниц К. К. Случевского // Рус. лит. 1965. № 3. С. 219; *Мазур Т.П.* Лит. «пятницы» Случевского // Страницы истории рус. лит. М., 1971. С. 268–270; ЛН. 1980. Т. 92, кн. 1. С. 560–561; ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 831, 834–837; *Азадовский К.* Клюев и Есенин в октябре 1915 г.: (По мат-лам дневника Ф. Ф. Фидлера) // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1985. Vol. 26 (3–4). P. 415–416, 420, 423; *Ясинская З. И.* Мои встречи с Сергеем Есениным // С. А. Есенин в восп. совр.: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 259–260; *Тименчик Р. Д.* Неизвестные письма Н. С. Гумилева // Изв. АН. Отд. лит. и языка. 1987. Т. 46. С. 57; *Азадовский К. М., Тименчик Р. Д.* К биогр. Н. С. Гумилева: (Вокруг дневников и альбомов Ф. Ф. Фидлера) // Рус. лит. 1988. № 2. С. 173–181, 184–186; *Топоров В. Н.* Неомифологизм в рус. лит. нач. XX в.: Роман А. А. Кондратьева «На берегах Ярыни». Trento, 1990. С. 194, 200, 221, 231, 241; *Карпов П.* Пламень. Рус. ковчег. Из глубины. М., 1991. С. 268–269; *Садовской Б. А.* Записки (1881–1916) // Рос. архив. М., 1991. Вып. 1. С. 178–179; Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград: Энц. справочник. М., 1992. С. 531; *Кондратьев А. А.* Письма к Б. А. Садовскому // De visu. 1994. № 1/2 (14). С. 6, 13–15, 24, 29; *Сапожков С. Ф.* Федор Сологуб на пятницах К. К. Случевского: (По архивным материалам) // Рус. словесность. 1995. № 5. С. 89–93; *Сапожков С. В.* «Пятницы» К. К. Случевского и их альбом. (по новым мат-лам) // Новое лит. обозр. 1996. № 18. С. 273–274; *Случевская-Коростовец А.* Восп. об отце // Контекст 1994, 1995. М., 1996. С. 152, 160–161; *Fiedler F.* Aus der Literatenwelt. Göttingen, 1996. S. 328, 348–349, 352, 369–370, 454, 479–480; *Тахо-Годи Е. А.* Константин Случевский: Портрет на пушкинском фоне. СПб., 2000. С. 376–389.

Архивы: ИРЛИ. Р. 1. Оп. 42. Ед. хр. 94; РГАЛИ. Ф. 512 (Уманов-Каплуновский В. В.). Оп. 1. Ед. хр. 48–50; Оп. 2. Ед. хр. 1, 3а, 12; Оп. 3. Ед. хр. 8; Ф. 518 (Фидлер Ф. Ф.). Оп. 1. Ед. хр. 6–7; РНБ. Ф. 703. № 2.

СЛУЧЕВСКОГО ПЯТНИЦЫ – литературные вечера на квартире К. К. Случевского в Петербурге (ул. Николаевская, 7; затем – Фонтанка, 127) в 1898–1903 гг. Пятницы Случевского наследовали Пятницам ⇨ Полонского, прекратившимся с кончиной поэта в октябре 1898 г. Предложение продолжить пятничные встречи у себя на квартире Случевский выдвинул на похоронах Полонского, как сообщает ряд мемуаристов (*Евгеньев*; *Ясинский*; *Брюсов*. С. 54; *Fiedler*. S. 241).



К.К. Случевский

Указание А. Е. Кауфмана (Евгеньева), что первое собрание у Случевского состоялось 1 октября 1898 г., неверно, так как Полонский скончался только 18 октября (неверную дату перенял комментатор брюсовских «Дневников» и др. исследователи; см.: *Брюсов*. С. 161; *Мазур, 1964*. С. 170; *Смиренский, 1965*. С. 216). Неверно также утверждение Т.П. Мазур, что первая Пятница состоялась 23 октября 1898 г. (*Мазур, 1971*. С. 265); как явствует из дневника Ф. Ф. Фидлера, датой первого собрания является 30 октября 1898 г.: «war gestern, zum ersten dieser Freitage, da» («был вчера на первой из этих Пятниц»; запись от 31 октября 1898 г.; *Fiedler*. S. 241). Одну из следующих Пятниц, прошедшую 11 декабря 1898 г., посетил и описал в днев-

нике В. Я. Брюсов (утверждение Смиренского, что Брюсов присутствовал на первой Пятнице, неверно; см.: *Смиренский, 1965.* С. 216).

На двенадцатой Пятнице, прошедшей 12 февраля 1899 г., был заведен альбом для экспромтов и афоризмов посетителей кружка (опубл.: *Сапожков.* С. 281–352). Записи в альбоме доведены до 12 декабря 1903 г. – дня последнего заседания.

На Пятнице, состоявшейся 5 ноября 1899 г., члены кружка решили издавать юмористический еженедельный листок «Словцо». Редактором был избран В. С. Лихачев. Вышло всего 18 номеров, первый – 20 декабря 1899 г., последний – 26 апреля 1900 г. На страницах «Словца» печатались шутливые произведения членов кружка. Еще весной 1899 г. было задумано издание альманаха из произведений участников Пятниц. Вышедший в начале января 1900 г. под названием «Денница» (СПб., 1900) объемистый сборник содержал произведения почти сорока постоянных посетителей кружка.

Составленный исследователем Пятниц список участников содержит 98 имен, не считая самого Случевского (*Смиренский, 1965.* С. 223–224). Согласно другому исследователю, перечень Смиренского «неоправданно расширен» (*Сапожков.* С. 356) – в частности, за счет необоснованного привлечения в качестве источника поэмы Фофанова «Поэтесса» (1899). Сапожковым «точно, документально устанавливается на сегодняшний день 67 фамилий “пятничников”» (*Там же.* С. 358; ср.: С. 281): В. П. Авенариус, С. А. Андреевский, К. Д. Бальмонт, П. И. Бартенев, кн. В. В. Барятинский, В. Я. Брюсов, А. Н. Будищев, И. А. Бунин, В. П. Буренин, П. В. Быков, Арс. И. Введенский, П. И. Вейнберг, В. Л. Величко, Н. Н. Вентцель, В. П. Гайдебуров, В. А. Гиляровский, З. Н. Гиппиус, П. П. Гнедич, гр. А. А. Голенищев-Кутузов, В. М. Грибовский, А. Е. Зарин, кн. Ф. Н. Касаткин-Ростовский, Е. Н. Квашнин-Самарин, А. А. Коринфский, П. Н. Краснов, В. А. Крылов, В. П. Лебедев, Л. П. Лебедева, В. С. Лихачев, М. А. Лохвицкая, А. А. Луговой (Тихонов), К. Н. Льдов, В. А. Мазуркевич, А. Ф. Мейснер, Д. С. Мережковский, Н. М. Минский, Д. Л. Михаловский, А. П. Михневич (Тамбовский), В. К. Мюр, В. П. Мятлев, Вас. И. Немирович-Данченко, Н. И. Позняков, П. Ф. Порфиров, С. Л. Рафалович, В. М. Романова, В. И. Рудич, С. А. Сафонов, К. К. Случевский, К. К. Случевский-сын (Лейтенант С.), И. И. Соколов, Н. М. Соколов, Вл. С. Соловьев, П. С. Соловьева-Allegro, Ф. К. Сологуб, С. Н. Сыромятников, В. В. Уманов-Каплуновский (под вопросом; см.: *Там же.* С. 357), кн. Э. Э. Ухтомский, А. М. Федоров, О. И. Фельдман, Ф. Ф. Фидлер, К. М. Фофанов, кн. Д. Н. Цертелев, Ф. В. Черниговец-Вишневский, О. М. Чюмина, В. А. Шуф, Т. Л. Щепкина-Куперник и И. И. Ясинский.

Пятницы проходили, как правило, без определенной программы; программных вечеров (доклады, тематические беседы, обсуждение организационных и издательских вопросов) состоялось примерно 30. «Собирались между восемью и девятью часами вечера» (*Барятинский.* С. 297). Обычно гости Случевского читали свои произведения, беседовали. Пятницам были присущи элементы литературной игры: «Под конец ужина Случевский задавал какую-нибудь тему, на которую все присутствовавшие должны были написать экспромты в стихах» (*Там же.* С. 298); эти же экспромты записывались в альбоме кружка и публиковались в «Словце».

Согласно Ясинскому, Пятницы Случевского не носили «такого торжественно-литературного характера, какой был присущ пятницам на углу Знаменской и Бассейной [т.е. у Полонского]. Не было обаяния старины, не было того литературного воздуха» (*Ясинский.* С. 213). Тем не менее некоторые участники воспринимали пятничные собрания у Случевского как «нашу вольную академию художественного слова» (письмо Льдова к Случевскому от 15 дек. 1899 г.: *Мазур, 1964.* С. 170; ср.: *Брюсов.* С. 54).

Еще в ноябре 1901 г. обсуждалось предложение Льдова об учреждении на основе Пятниц «Общества поэзии и философии имени Случевского», которое продолжало бы деятельность кружка и после близкой кончины хозяина. После смерти поэта многие бывшие участники Пятниц основали кружок Вечера ⇨ Случевского.

Лит.: *W. [Уманов-Каплуновский В. В.].* «Пятницы» и «вечера» К. К. Случевского: (Юбилейная справка) // Петерб. вед. 1909. № 28. 5 февр. С. 2–3; *Соколов М.* Кружок поэтов им. Случевского

Участники Вечеров К.К. Случевского. Сидят (слева направо): Ф.Ф. Фидлер, В.С. Лихачев, два неустановленных лица, Ф.В. Черниговец-Вишневский, М.Г. Веселкова-Кильштет, В.П. Авенариус, Н.Н. Вентцель; стоят: А.А. Коринфский, Л.Н. Афанасьев, А.А. Измайлов, А.Е. Зарин, Ф.К. Сологуб, неустановленное лицо, В.В. Уманов-Каплуновский, В.А. Мазуркевич, Г.Т. Северцев-Полилов, Н.М. Минский, Ф.Н. Касаткин-Ростовский. 28 апреля 1905 г.

// Изв. книжных магазинов Т-ва М. О. Вольф по лит., наукам и библиогр. и Вестн. лит. 1910. № 9. С. 255–258; *Евгеньев А. [Кауфман А. Е.].* Писательские об-ва и кружки // Вестн. лит. 1919. № 3. С. 4; *Ясинский И. И.* Роман моей жизни: Книга восп. М.; Л., 1926. С. 213; *Брюсов В. Я.* Дневники. М., 1927. С. 54–56, 64–67, 124–127, 160–161; *Минцлов С. Р.* Петербург в 1903–1910 гг. Рига, 1931. С. 71–72; *Мазур Т. П.* Об одном несостоявшемся изд. // День поэзии. М., 1964. С. 170–171; *Смиренский В. В.* К истории пятниц К. К. Случевского // Рус. лит. 1965. № 3. С. 216–226; *Смиренский В. В.* К истории «пятниц» К. К. Случевского: По восп. Т. Л. Щепкиной-Куперник // Вопр. лит. 1965а. № 8. С. 254–255; *Мазур Т. П.* Лит. «пятницы» Случевского // Страницы истории рус. лит.: К 80-летию чл.-кор. АН СССР Н. Ф. Бельчикова. М., 1971. С. 264–268; ЛН. 1991. Т. 98, кн. 1. С. 341, 413–414; Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград: Энц. справочник. М., 1992. С. 531; *Барятинский В. В.* «Пятницы Полонского» и «Пятницы Случевского» // Восп. о серебряном веке. М., 1993. С. 296–299; ЛН. 1994. Т. 98, кн. 2. С. 65; «Пятницы» К. К. Случевского и их альбом / Исслед. и публ. С. В. Сапожкова // Новое лит. обозр. 1996. № 18. С. 231–375; *Случевская-Коростовец А.* Восп. об отце // Контекст 1994, 1995. М., 1996. С. 150–152, 157, 158, 160–161; *Тахо-Годи Е. А.* Владимир Соловьев и Константин Случевский. К истории взаимоотношений // Контекст 1993. М., 1996. С. 332–333; *Fiedler F.* Aus der Literatenwelt. Göttingen, 1996. S. 241–242, 244–247, 249–253, 266, 270, 292–295, 306–307, 309–314; *Бунин И. А.* Публицистика 1918–1953 гг. М., 1998. С. 305; Письма К. Д. Бальмонта к К. К. Случевскому / Публ. О. Коростелева и Ж. Шерона // Рус. лит. 1998. № 1. С. 88–89, 92; *Тахо-Годи Е. А.* Константин Случевский: Портрет на пушкинском фоне. СПб., 2000. С. 308–325.

Архивы: РНБ. Ф. 703. № 2; РГАЛИ. Ф. 518 (Фидлер Ф. Ф.). Оп. 1. Ед. хр. 6–7.

СНЕГИНОЙ САЛОН – существовал в середине 1910-х гг. в доме О. П. Снегиной в Петербурге (Херсонская ул., 1). «В этом литературном салоне официальных приемов не устраивали, но всегда были рады гостям» (*Ломан*). Племянница хозяйки, Е. Н. Кореневская, вспоминала: «Ольга Павловна, живя в Петербурге, встречалась со многими писателями, музыкантами, художниками и т.д. Так я помню, как О. П. рассказывала о [Ф. И.] Шаляпине, певшем у нее на вечерах, об [Л. Н.] Андрееве, [И. Е.] Репине, с женой которого [Н. Б. Нордман-Северовой] она была хорошо знакома, о молодом [С. А.] Есенине, Саше Черном... Она часто встречалась и была в дружеской переписке с И. [А.] Буниным» (цит.: *Ломан*). Есенина в салон Снегиной привел М. П. Мурашев.

Лит.: *Ломан А., Ломан И.* «Товарищи по чувству, по перу...» // Нева. 1970. № 10. С. 198.

«**СОДРУЖЕСТВО**» – литературное объединение и товарищеское издательство, существовавшие в 1905–1906 гг. в Петербурге. В состав кружка входили Л. Н. Вилькина, Л. Е. Галич (Габрилович), О. И. Дымов, С. К. Маковский, Ю. Э. Озаровский, С. Л. Рафалович, Н. К. Рерих, А. В. Руманов и Л. Д. Семенов. Руководителем издательства был Маковский (*Блок.* С. 153). Участники «Содружества» надеялись привлечь в кружок А. А. Блока (см. письмо Семенова к Блоку, первая половина мая 1905 г.; ЛН. 1987. Т. 92, кн. 4. С. 395).

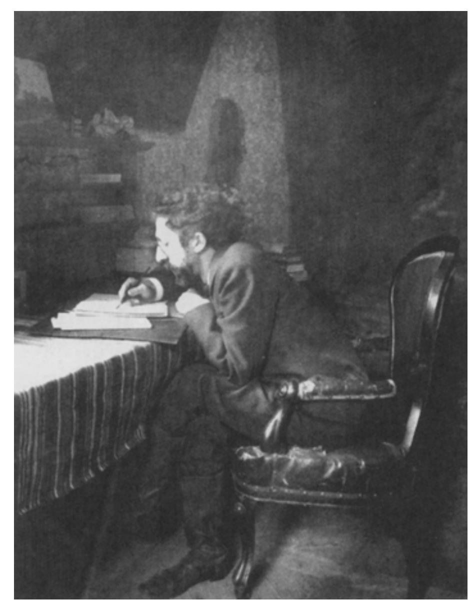
Издательскую деятельность «Содружества» должен был открыть совместный сборник пайщиков (см. письмо Дымова к Вилькиной от 9 января 1905 г.; *Там же.* С. 394); замысел не был осуществлен. В течение 1905 г. «Содружество» издало стихотворные сборники «Собрание стихов» Маковского, «Светлые песни» Рафаловича и Собрание стихотворений Семенова, сборник рассказов Дымова «Солнцеворот» и эссе Габриловича «Новейшие русские метафизики: (Идеализм П. Струве)». В 1906 г. под маркой «Содружества» вышла книга Рафаловича «Женские письма».

Лит.: *Блок А. А.* Письма. Л., 1925. С. 123–124, 153–154; ЛН. 1987. Т. 92, кн. 4. С. 394–395; *Пяст В.* Встречи. М., 1997. С. 103, 314.

СОЛОВЬЕВА М. С. КРУЖОК – существовал в конце 1890-х – начале 1900-х гг. в Москве. К. Ельцова (Е. М. Лопатина), вспоминая о взаимоотношениях семей Лопатиных и Соловьевых, упомянула, что педагог М. С. Соловьев (брат философа Вл. С. Соло-

вьева) «жил поблизости на Арбате и объединял вокруг себя кружок новаторской литературной молодежи» (*Ельцова*). В воспоминаниях А. Белого упоминается «кружок, сгруппированный вокруг Соловьевых, – кружок, о котором узнали, к которому притянулись и старшие, и молодые: знакомые Соловьевых и некоторые из моих университетских друзей» (*Белый*. С. 358). В кружок входили А. Белый, В. Я. Брюсов, З. Н. Гиппиус, А. Г. Коваленская, М. Н. Коваленский, Г. А. Рачинский, Вл. С. Соловьев, С. М. Соловьев (сын), О. М. Соловьева (жена), кн. С. Н. Трубецкой. Для Белого «круглый стол Соловьевых стал выходом и в общественность» (*Там же*. С. 357).

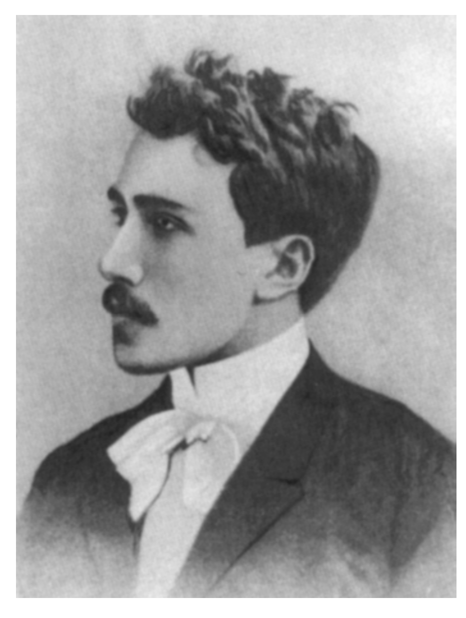
Лит.: *Брюсов В. Я.* Дневники. 1891–1910. М., 1927. С. 106; *Белый А.* На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 357–358; *Ельцова К. М.* Сны нездешние // Книга о Владимире Соловьеве. М., 1991. С. 145.



М.С. Соловъев

СОЛОВЬЕВА С. М. КРУЖОК – существовал около 1907 г. в Москве. Н. С. Арсеньев вспоминал, что бывал «на интимных литературных вечеринках» на квартире С. М. Соловьева, где собирались «его друзья и товарищи, также молодые поэты-символисты или начинающие ученые» (*Арсеньев*. С. 307). Среди участников были А. Белый, В. О. Нилендер, С. К. Шамбинаго, Эллис и другие члены кружка ⇨ «Аргонавтов». По характеристике Арсеньева, в кружке Соловьева не было ни «столь модного в то время радикально-интеллигентского <...> кликушества», ни «оргиастического символизма. <...> В нем ощущался искренний идеалистический порыв – борьба за права красоты, за права духа и религиозного начала, против материалистического отрицания» (*Там же*. С. 308).

Лит.: *Арсеньев Н. С.* О моск. религ.-филос. и лит. кружках и собр. нач. XX в. // Восп. о серебряном веке. М., 1993. С. 307–308.



С.М. Соловъев

СОЛОВЬЕВА-НЕСМЕЛОВА КРУЖОК – существовал в 1880–1890-е гг. в Петербурге. У Н. А. Соловьева-Несмелова бывали М. Н. Альбов, К. С. Баранцевич, С. Д. Дрожжин, А. А. Коринфский, Д. Н. Мамин-Сибиряк, П. Ф. Порфиров, Ф. Ф. Фидлер, К. М. Фофанов.

Лит.: [*Дрожжин С. Д.*] Поэт-крестьянин Спиридон Дрожжин в его восп. 1848–1884 // Рус. старина. 1884. Т. 44, кн. 11. С. 322; *Fiedler F.* Aus der

Literatenwelt. Göttingen, 1996. S. 121, 129; РП. Т. 5 (Порфиров) [в печати; сообщено А. И. Рейтблатом].

Ф. Сологуб

СОЛОГУБА ВОСКРЕСЕНЬЯ – литературный салон в 1900–1910-х гг. в Петербурге. В истории вечеров у Ф. К. Сологуба отчетливо выделяются своим характером и атмосферой два различных периода, причем границу между ними составляет лето 1907 г. Самые ранние мемуарные свидетельства о воскресных журфиксах на квартире Сологуба относятся к зиме 1905–1906 г. (*Пяст.* С. 50–51). Сологуб жил тогда вместе со своей сестрой О. К. Тетерниковой на 7-й линии Васильевского острова, д. 20/2.

Мемуаристы, описывая специфику обстановки и атмосферы сологубовских Воскресений первого периода, часто сопоставляли их с другими петербургскими салонами (Среды ⇨ Иванова, Воскресенья ⇨ Розанова, Салон ⇨ Мережковских); особенностью журфиксов у Сологуба был их определенно литературный характер: «Тут велись разговоры исключительно литературные» (*Пяст.* С. 83). В отличие от салона Мережковских, где «спорили о церкви вдохновенно и даже запальчиво, у Сологуба – рассуждали о стихах с бесстрастием мастеров и знатоков поэтического ремесла. <...> Это был ареопаг петербургских поэтов» (*Чулков, 1999.* С. 162).

Вечера проходили, как правило, по заранее подготовленной литературной программе; машинописные копии программ рассылались приглашенным циркулярно (см. воспроизведение программ от 28 января и от 4 февраля 1907 г. в: Чукоккала. М., 1979. С. 145). В завершение вечеров Сологуб обычно читал собственные стихи. В воспоминаниях посетителей сообщается единодушно, что «на “*сологубовских*” воскресеньях господствовал строгий дориз» (*Белый, 1995.* С. 147); ср. подробное описание одного из вечеров начала 1907 г. в мемуарном очерке К. И. Чуковского (Чукоккала. М., 1979. С. 144–145). В 1906–1907 гг. Сологуб вел тетрадь, в которой им точно фиксировались посетители и выступающие вечеров. А. Белый вспоминал, что он, посещая Петербург, предпочитал салону Сологуба «шум и гам» Воскресений у Розанова и что «молодежь убегала с холодных, нелюдных воскресников Ф. К. Тетерникова» (*Белый, 1990.* С. 483).

В 1907 г. жизненные обстоятельства Сологуба резко изменились. В июне 1907 г. умерла его сестра; одновременно крупный успех романа «Мелкий бес» позволил ему бросить нелюбимую профессию учителя и покинуть служебную квартиру (переехал на ул. Широкую); в том же 1907 г. Сологуб познакомился с Ан. Н. Чеботаревской и вскоре на ней женился. Сологуб с женой неоднократно меняли квартиру: до лета 1910 г. они жили в Гродненском пер., д. 11, кв. 7, затем на ул. Разъезжей, д. 31, кв. 4; осенью 1916 г. Сологуб снова поселился на Васильевском острове.

Вместе с бытовыми переменами изменился и характер сологубовских Воскресений. Чуковский вспоминал: «Прежде, когда он жил на Васильевском острове, обстановка в его доме была скромная, без всяких претензий. Теперь он переехал на Разъезжую улицу, и жена его устроила литературный салон» (Чукоккала. М., 1979. С. 133; ср. *Чуковский.* С. 427–428). «В квартире на Разъезжей собирался почти весь тогдашний театраль-

ный, художественный и литературный Петербург» (*Эрберг.* С. 140). Согласно воспоминаниям Н. В. Дризена, сологубовские Воскресенья «протекали весело, шумно, в чтении стихов, а потом в обильном ужине, который заканчивался далеко за полночь» (*Дризен*). Отрицательный отзыв о сологубовских вечерах имеется в дневнике М. М. Пришвина: «Салон Сологуба: величайшая пошлость, самоговорящая, резонирующая, всегда логичная мертвая маска... <...> поиски популярности...» (*Пришвин.* С. 121). Обстановка и атмосфера вечеров второго периода подробно описана в мемуарном очерке И. Северянина «Салон Сологуба» (*Северянин*).

Вечера у Сологуба не имели узкокружкового характера; на них «бывали и писатели-модернисты, и писатели-знаньевцы» (*Эрберг.* С. 138); в числе посетителей были Л. Н. Андреев, Е. В. Аничков, К. И. Арабажин, А. А. Ахматова, Л. С. Бакст, кн. В. В. Барятинский, А. Белый, А. Н. Бенуа, И. Я. Билибин, А. А. Блок, И. А. Бунин, З. А. Венгерова, Ю. Н. Верховский, Л. Н. Вилькина, М. А. Волошин, А. Л. Волынский, Л. Е. Галич, Вл. В. Гиппиус, З. Н. Гиппиус, О. А. Глебова-Судейкина, С. М. Городецкий, М. В. Добужинский, бар. Н. В. Дризен, О. И. Дымов, Н. Н. Евреинов, Б. К. Зайцев, Ф. Ф. Зелинский, Вяч. И. Иванов, Иванов-Разумник, Р. Ивнев, В. И. Качалов, А. А. Кондратьев, М. А. Кузмин, Н. И. Манассеина, В. Э. Мейерхольд, Д. С. Мережковский, Н. М. Минский, Вас. В. Немирович-Данченко, В. Ф. Нувель, П. П. Потемкин, В. А. Пяст, С. Л. Рафалович, А. М. Ремизов, О. Э. Розенфельд, И. С. Рукавишников, И. Северянин, А. С. Серафимович, С. Н. Сергеев-Ценский, П. С. Соловьева-Allegro, К. С. Станиславский, С. Ю. Судейкин, К. А. Сюннерберг, А. И. Тиняков, гр. А. Н. Толстой, Тэффи, Ф. Ф. Фидлер, Д. В. Философов, Д. М. Цензор, А. П. Чапыгин, Е. Н. Чириков, К. И. Чуковский, Г. И. Чулков, П. Е. Щеголев, Т. Л. Щепкина-Куперник, Л. Б. Яворская.

Лит.: *Чулков Г. И.* Александр Блок и его время // Письма Александра Блока. Л., 1925. С. 105–106; *Дризен Н. В.* Старый Петербург. Лит. кружки // Возрождение (Париж). 1935. 15 февр. С. 5; *Щепкина-Куперник Т. Л.* Театр в моей жизни. М.; Л., 1948. С. 334; *Бунин И. А.* Собр. соч. М., 1967. Т. 9. С. 289; *Ивнев Р.* Часы и голоса. Стихи. Восп. М., 1978. С. 129–130; Чукоккала. М., 1979. С. 133–139, 143–146; *Эрберг К.* Восп. / Публ. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова // ЕжегРОПД. 1977. Л., 1979. С. 138–141; ЛН. 1981. Т. 92, кн. 2. С. 153, 166; ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 231; *Добужинский М. В.* Восп. М., 1987. С. 275–276; *Белый А.* Начало века. М., 1990. С. 483–485; *Волынский А. Л.* Ф. К. Сологуб // Сологуб Ф. К. Творимая легенда. М., 1991. Т. 2. С. 223–224; *Пришвин М. М.* Дневники 1914–1917. М., 1991. С. 121; Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград: Энц. справочник. М., 1992. С. 586; *Белый А.* Собр. соч.: Восп. о Блоке. М., 1995. С. 147–148; *Чуковский К.* Дневник. 1930–1969. М., 1995. С. 409, 427–428; *Северянин И.* Салон Сологуба // Северянин И. Соч.: В 5 т. СПб., 1996. Т. 5. С. 39–46; *Fiedler F.* Aus der Literatenwelt. Göttingen, 1996. S. 395–397, 407–409, 452–453; *Пяст В.* Встречи. М., 1997. С. 50–51, 75, 83–85; *Философов Д.* Облики Сологуба // Russian Studies. 1996 (1998). Т. II. № 4. С. 287; *Тэффи.* Проза. Стихи. Пьесы. Восп. Статьи. СПб., 1999. С. 394–398; *Чулков Г. И.* Годы странствий. М., 1999. С. 148–149, 160–162; *Кузмин М. А.* Дневник 1905–1907. СПб., 2000. С. 216, 231, 262, 266, 288, 291, 304, 308, 311, 317, 325, 331, 341; *Клейнборт Л. М.* Встречи. Федор Сологуб / Публ. М. М. Павловой // Рус. лит. 2003. № 1. С. 199, 209.

Архивы: *Сологуб Ф.* Тетрадь «Литературные вечера и чтения (посещения) 1906–1907 гг.» // РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 81 (см.: Вячеслав Иванов: Мат-лы и сообщения. М., 1996. С. 108).

СОЮЗ ВЗАИМОПОМОЩИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ [СВРП] при ⇨ Русском литературном обществе (неофициальное название: **СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ**) – литературное объединение, существовавшее в 1897–1901 гг. в Петербурге. Общество было задумано как профессиональный союз литераторов, что нашло свое выражение в целях, зафиксированных в уставе СВРП, утвержденном 21 ноября 1896 г., например, посредничество между авторами и издателями, представительство на съездах, ходатайство перед правительственными и общественными учреждениями, материальная помощь членам и др. (см.: Отчет, 1913. С. 3).

Учредительное собрание СВРП состоялось 25 января 1897 г.; членами комитета были избраны: П. Н. Исаков (предс.), Н. К. Михайловский (тов. предс.), Л. Е. Оболен-

ский (секр.), Л. Ф. Пантелеев (казн.), Н. Ф. Анненский, П. Д. Боборыкин, М. А. Загуляев, Н. И. Кареев, Д. Н. Мамин-Сибиряк, В. И. Семевский и кн. Э. Э. Ухтомский. В учрежденные при Союзе комиссии (суд чести, юридическая комиссия) входили к 1900 г. наряду с названными также Я. В. Абрамов, К. К. Арсеньев, К. С. Баранцевич, А. Н. Бекетов, Н. Н. Бекетов, В. А. Бильбасов, П. И. Вейнберг (предс. с 1898 г.), С. А. Венгеров, Г. К. Градовский, В. Ф. Дерюжинский, В. Г. Короленко, Н. А. Котляревский, С. Н. Кривенко, В. А. Манассеин, П. Н. Милюков, Р. Р. Минцлов, Н. К. Михайловский, И. В. Мушкетов, В. А. Мякотин, О. К. Нотович, Г. Н. Потанин, И. Н. Потапенко, М. И. Свешников, А. М. Скабичевский, Вл. С. Соловьев, В. Д. Спасович, К. М. Станюкович, Н. С. Таганцев, А. С. Фаминцын, П. П. Фан-дер-Флит и С. Н. Южаков (*Брокгауз, Ефрон.* С. 95). В СВРП состояло свыше 500 членов; в его состав «вошел весь цвет русской литературы» (*Евгеньев.* С. 5).

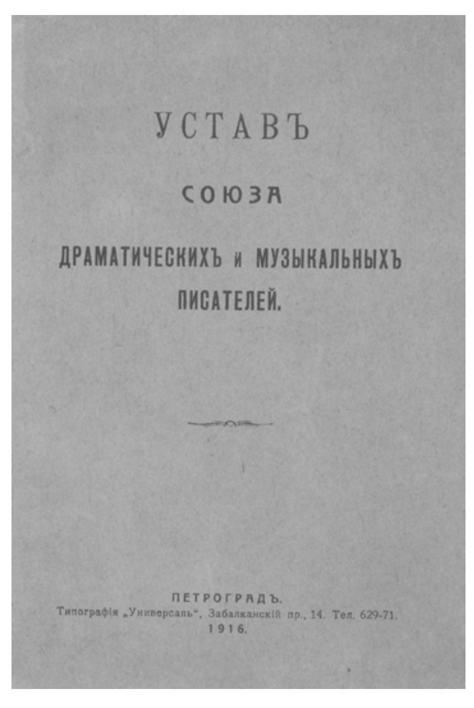
Собрания Союза проходили по пятницам, раз в две недели. На заседаниях читались доклады, выступали певцы и музыканты. Союз устраивал также публичные собрания. СВРП дважды безуспешно пытался созвать Всероссийский съезд писателей: в 1899 г. к пушкинскому юбилею (см.: *Толстяков*) и в 1900 г. Взамен съезда, воспрещенного администрацией, 10 ноября 1900 г. состоялось «первое Общее Собрание для рассмотрения нужд провинциальной печати и вообще профессиональных вопросов» (Отчет, 1913. С. 3). СВРП был закрыт 12 марта 1901 г. распоряжением градоначальника в связи с протестом 40 членов Союза против избиения и задержания студентов полицией во время студенческой демонстрации в Петербурге 4 марта 1901 г.; события, предшествовавшие закрытию, описаны в воспоминаниях Н. М. Могилянского (*Могилянский.* С. 109–110). Преемником СВРП явилось ⇨ Санкт-Петербургское литературное общество.

Хотя в СВРП участвовали литераторы разных направлений, преобладали в нем представители либерального крыла народнического лагеря. Тенденциозность организации отразилась в скандальных обстоятельствах избрания А. П. Чехова членом Союза: на голосовании его «чуть не забаллотировали» (*Суворин А. С.* Дневник. London; М., 1999. С. 316; запись от 27 апр. 1898 г.). Как вспоминал впоследствии Суворин, Чехов «был глубоко оскорблен, когда бывший Союз писателей выбрал его в свои члены незначительным большинством за повесть “Мужики”, которая, будучи правдива, грешила против тенденции Союза» (Новое время. 1904. 4 июля. № 10179; цит.: *Чехов.* С. 642).

Лит.: Устав СВРП при Рус. лит. об-ве. СПб., 1897; *Михневич Вл.* «Союз писателей» // Новости и Биржевая газета. 1897. 19 янв.; *Фингал [И. Н. Потапенко].* Особое мнение // Новое время. 1897. 9 февраля; Отчет о деятельности СВРП. СПб., 1899–1900; *[Б.п.].* СВРП // Энц. словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1900. Т. 31 (Кн. 61). С. 95–96; *Михайловский Н. К.* Отклики. СПб., 1904. Т. 2. С. 23–27, 41–52; Отчет Всерос. лит. об-ва за 1912 г. СПб., 1913. С. 3–4; *Евгеньев А. [Кауфман А. Е.].* Писательские об-ва и кружки // Вестн. лит. 1919. № 1/2. С. 5–6; *Могилянский Н. М.* На рубеже столетий (Из восп. о Пб. конца XIX и нач. XX вв.) // Голос минувшего на чужой стороне. Париж, 1926. № 4 (XVII). С. 108–110; *Толстяков А.* Когда должен был состояться первый съезд рус. писателей? // Вопр. лит. 1969. № 12. С. 242–243; ЛН. 1973. Т. 84, кн. 1. С. 488; *Ушаков А. В.* Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895–1904. М., 1976. С. 69–75; *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: В 12 т. М., 1978. Т. 6. С. 636, 641–644; *Гитович Н.* Кто был против?: (По следам пропавших документов) // Вопр. лит. 1980. № 1. С. 148–155; *Лейкина-Свирская В. Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М., 1981. С. 135–139; *Авилова Л. А.* Рассказы. Восп. М., 1984. С. 241–246; *Fiedler F.* Aus der Literatenwelt. Göttingen, 1996. S. 234–235, 246, 251–252, 254–256, 264–267.

Архивы: РГАЛИ. Ф. 2161 (Рус. лит. об-во). Оп. 1. Ед. хр. 11–12.

СОЮЗ ДРАМАТИЧЕСКИХ И МУЗЫКАЛЬНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ [СДиМП], членов ⇨ Русского театрального общества (**ДРАМСОЮЗ**) – профессиональное объединение деятелей театра, основанное в 1903 г. в Петербурге. Целью Союза была охрана авторских прав драматургов и композиторов и регулярное получение ими авторских отчислений с театральных антрепренеров за исполнение пьес.



Устав Союза драматических и музыкальных писателей. Пг., 1916. Обложка

СДиМП возник по инициативе группы членов Русского театрального общества (Н. Ф. Арбенина, В. В. Билибина, Г. Г. Ге, Я. А. Плющевского-Плющика, В. О. Трахтенберга и др.), недовольных деятельностью старейшей русской организации, занимавшейся защитой материальных интересов драматических и музыкальных писателей — московского ⇨ Общества русских драматических писателей и оперных композиторов (ОРДПиОК), основанного еще в 1874 г. В очерке о деятельности СДиМП о мотивах возникновения Союза говорится весьма туманно — как о сознании его инициаторами «необходимости создания нового Общества по охране интересов драматургов и композиторов — на иных, более совершенных и справедливых, началах самоуправления, чем существовавшее уже 26 лет ОРДПиОК» (Очерк. С. 3). С целью создания Союза 3 июля 1902 г. был утвержден новый пункт устава Русского театрального общества о возможности создания отдельных самостоятельных авторских, актерских, музыкантских и т.п. объединений в рамках Общества. Устав СДиМП был утвержден 22 апреля 1903 г., а 14 мая 1903 г. состоялось первое Общее собрание.

В правление Союза входили Н. Ф. Арбенин, В. В. Билибин, Г. Г. Ге (секр. с 1904 г.), В. С. Лихачев (казн.), А. Е. Молчанов (предс.), Я. А. Плющевский-Плющик, И. Н. Потапенко (тов. предс.), В. А. Рышков (тов. предс. с 1909 г.), В. О. Трахтенберг (секр.) и др. При открытии Союз защищал авторские права 117 членов; к 1905 г. насчитывалось 214, к 1907 г. — 318, к 1915 г. — свыше 800 членов. В состав СДиМП входили Е. М. Беспятов, О. И. Дымов, Л. Г. Жданов, А. Р. Кугель, В. Э. Мейерхольд, Вл. И. Немирович-Данченко, А. М. Ремизов, М. А. Суворин, О. М. Чюмина (Михайлова) и др.

В 1905 г. Союз провел первый Всероссийский съезд драматических и музыкальных писателей. СДиМП устраивал конкурсы имени А. Н. Островского на лучшую театральную пьесу; в начале 1910-х гг. при Союзе был создан Театральный музей.

В 1920-е гг. СДиМП (Драмсоюз) был переименован в Петроградское (Ленинградское) общество драматических писателей и композиторов (ЛОДПиК). В 1930 г. преемник ОРДПиОК, Московское общество драматических писателей и композиторов (МОДПиК), и ЛОДПиК объединились и образовали Всероссийское общество драматургов и композиторов (Всероскомдрам) (М., 1930—1933).

Лит.: Устав СДиМП. СПб., 1903; Устав СДиМП. Пг., 1916; Отчет СДиМП [за 1903 ... 1916 г.]. СПб., 1905—1917; Очерк десятилетия деятельности СДиМП. (1903 г. — 14.5.1913 г.). СПб., 1913; Каталог произв. членов СДиМП взамен всех каталогов, доп. и прибавлений, изд. с 1903 г. по 1 сент. 1913 г. [СПб., 1913]; В СДиМП // Вестн. лит. 1919. № 7. С. 15; *А. Шн. [Шнеер А. Я.].* Драмсоюз // ТЭ. М., 1963. Т. 2. С. 523; *Лейкина-Свирская В. Р.* Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М., 1981. С. 133.

Архивы: РГАЛИ. Ф. 675 (Драмсоюз); Ф. 2097 (СДиМП); РО ИРЛИ. Ф. 53 (СДиМП).

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ ⇨ СОЮЗ ВЗАИМОПОМОЩИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

СОЮЗ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРАВОЙ РУССКОЙ ПЕЧАТИ – существовал в 1907–1912 гг. в Петербурге. Учредителями являлись кн. Э. Э. Ухтомский и кн. М. Л. Шаховской. Согласно прошению об утверждении устава на имя министра внутренних дел, целью организации являлось «объединение по всей российской империи в лице повременных органов прессы и органов журналистики и литературы, науки и искусства, для всестороннего развития печати, для укрепления в жизни страны русских созидательных и творческих начал, для взаимной духовной и материальной поддержки»; Союз был призван служить орудием «при укреплении национальных и созидательных начал, права и правды, законности и порядка, а также в деле борьбы с освободительной смутой и крамолой»; в члены принимались «деятели печати только христианского вероисповедания» (цит.: *Летенков.* С. 82, 83). Союз фигурирует в списках объединений справочников «Весь Петербург» за 1908–1912 гг.

Лит.: Устав Союза представителей правой русской печати. СПб., 1907; *Летенков Э. В.* «Лит. промышленность» России конца XIX – начала XX в. Л., 1988. С. 82–83.

СОЮЗ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ – литературно-политическое объединение профсоюзного типа, существовавшее в 1905 г. в Петербурге. Идея создания Союза возникла на съезде журналистов в Петербурге 3–4 марта 1905 г. На состоявшемся 5–8 апреля 1905 г. съезде присутствовали «110 представителей газетных и журнальных редакций и литературных организаций и 30 особо приглашенных деятелей» (*Лейкина-Свирская.* С. 140). Союз был образован 74 делегатами на основе умеренной (либерально-демократической) политической платформы. Более радикальная группа делегатов съезда отказалась от вступления в Союз, организовав ⇨ Профессиональный союз сотрудников периодических изданий. В состав «центрального бюро» Союза (10 членов и 5 кандидатов) вошли Н. Ф. Анненский, М. М. Винавер, И. В. Гессен, В. Г. Короленко, П. Н. Милюков, В. А. Мякотин и др. Сведений о деятельности объединения нет; осенью 1905 г. учредители Союза в большинстве своем вступили в Конституционно-демократическую партию и открыто занялись политической деятельностью.

Лит.: *Лейкина-Свирская В. Р.* Рус. интеллигенция в 1900–1917 гг. М., 1981. С. 140–141.

СПЕРАНСКОГО ПОНЕДЕЛЬНИКИ – журфиксы у филолога М. Н. Сперанского, заведенные им в 1906 г. (когда он был выбран профессором Московского университета) и просуществовавшие до апреля 1934 г. (до его ареста органами ОГПУ). В квартире Сперанского (Грибоедовский пер., д. 6, кв. 8) собирались в основном ученые-филологи, слависты и русисты, в том числе М. С. Грушевский, Н. Н. Дурново, Г. А. Ильинский, кн. Н. С. Трубецкой. Многие из посетителей Сперанского 1920-х – начала 1930-х гг. были в 1934 г. арестованы и осуждены в связи с их мнимым участием в фиктивной Российской национальной партии (т.н. «делом славистов»); понедельничные встречи упоминаются в их показаниях как места «нелегальных собраний». Сам Сперанский, допрашиваемый о роли политики на его журфиксах, сообщил: «Посетители моих “понедельников” – это в основном мои ученики и слушатели. Главную часть времени у нас занимали беседы по специальным вопросам. Однако мы беседовали у меня и на политические темы. Я припоминаю, что в разное время были беседы по вопросам о тяжелом положении науки в Советском Союзе, о тяжелом положении интеллигенции, о продовольственных затруднениях...» (цит.: *Ашнин, Алпатов.* С. 91–92).

Лит.: *Ашнин Ф.Д., Алпатов В. М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994. С. 90–92, 116.

«**СРЕДА**» (другие названия: **МОСКОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ СРЕДА**; **СРЕДЫ ТЕЛЕШОВА**) – литературный кружок писателей-реалистов, возникший осенью 1899 г. в Москве по инициативе Н. Д. Телешова; просуществовал до 1916 г. «Среда» являлась продолжением деятельности товарищеского кружка ⇨ «Парнас». После женитьбы на Е. А. Карзинкиной в сентябре 1898 г. и после свадебного путешествия по Италии Телешов переехал в августе 1899 г. на новую квартиру (Чистопрудный бульвар, 21) и стал

Члены «Среды». Слева направо: С.Г. Петров-Скиталец, Л.Н. Андреев, Ф.И. Шаляпин, М. Горький, И.А. Бунин, Н.Д. Телешов, Е.Н. Чириков. 1902 г.

устраивать у себя «сначала по вторникам, а потом по средам» (*Телешов.* С. 38) — отсюда название кружка — регулярные еженедельные собрания московских литераторов.

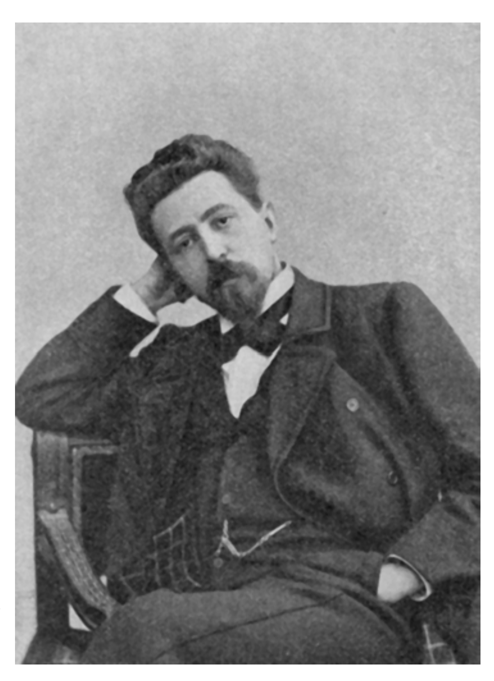
Первоначальное ядро кружка образовали члены «Парнаса» и молодые посетители Суббот ⇨ Тихомирова. Круг участников быстро расширялся; на собраниях у Телешова бывали не только писатели, но и художники, артисты, публицисты, издатели. Постоянные товарищи кружка наделялись «адресами» — шутливыми прозвищами, образованными из названий московских улиц, переулков и площадей; мемуарные и документальные списки этих прозвищ (см.: *Белоусов.* С. 136–137; *Муромцева.* С. 4; *Телешов.* С. 50–51; ЛН. 1973. Т. 84, кн. 1. С. 535) позволяют восстановить круг ближайших участников «Среды». В указанных источниках названы следующие лица, обладавшие прозвищами-«адресами»: Л. Н. Андреев, И. А. Белоусов, И. А. Бунин, Ю. А. Бунин, [Н. Е. ?] Буренин, В. В. Вересаев, В. А. Гиляровский, С. С. Голоушев, В. А. Гольцев, М. Горький, Е. П. Гославский, В.Е. Ермилов, Н. Н. Златовратский, А. И. Куприн, В. М. Лавров, В. С. Миролюбов, И. И. Митропольский, В. М. Михеев, В. П. Острогорский, А. С. Серафимович, С. Г. Скиталец, Н. Д. Телешов, Н. И. Тимковский, Д. И. Тихомиров, Е. Н. Тихомирова, Я. А. Фейгин, Л. А. Хитрово, Е. Н. Чириков, Ф. И. Шаляпин и В. М. Шулятиков. Бывали также Н. П. Ашешов, П. Д. Боборыкин, А. М. Васнецов, Н. Г. Гарин-Михайловский, А. Я. Головин, А. Е. Грузинский, С. И. Гусев-Оренбургский, И. А. Данилин, С. Я. Елпатьевский, Б. К. Зайцев, А. А. Карзинкин, А. А. Кизеветтер, В. Г. Короленко, А. Р. Крандиевская, Н. А. Крашенинников, И. И. Левитан, Д. Н. Мамин-Сибиряк, С. Д. Махалов, С. А. Найденов, С. Т. Семенов, А. М. Федоров, А. П. Чехов, С. С. Юшкевич и др.

Собрания «Среды» задумывались как «товарищеские собрания, где в интимном кругу молодые авторы сами читают свои новинки, еще не появившиеся в печати, а товарищи высказывают о прочитанном свои откровенные мнения» (*Телешов.* С. 38–39). Мемуаристы подчеркивают присущий собраниям кружка характер творческой мастерской, равно как откровенность и резкость оценок при обсуждении прочитанных произведений: «На “Средах” читались только что написанные и не бывшие в печати произведения членов кружка; произведения эти разбирались, обсуждались, критиковались без всякого лицемерия: слабые места отмечались; высказывались мнения о прочитанном откровенно и без стеснения» (*Белоусов.* С. 110). «У нас было правило: говорить без стеснений» (*Телешов.* С. 40). «Собрания “Среды” сделались как бы чистилищем, через которое проходило каждое новое произведение ее участников, прежде чем попадало в печать» (*Скиталец.* С. 422).

Так как круг участников «Среды» вскоре значительно расширился, Андреев, очень ценивший откровенные обсуждения своих новых рассказов в этом кружке, предпринял в 1902 г. попытку создать параллельно собственные журфиксы, где должны были участвовать избранные, наиболее компетентные члены «Среды» (Понедельники ⇨ Андреева). Однако собрания в его квартире были еще многолюднее, чем встречи у Телешова. Это привело к возникновению двух разновидностей «Среды»: «Помимо обычных наших постоянных собраний, время от времени устраивались так называемые выходные, или большие, “Среды”, на которые съезжалось очень много народа» (*Телешов.* С. 49). «Выходные» «Среды» проходили либо у Андреева (в Ср. Тишинском пер., 5–7), либо у Голоушева (в Хамовниках); в числе гостей бывали и писатели-модернисты: К. Д. Бальмонт, А. Белый, В. Я. Брюсов, С. А. Кречетов (Соколов).

Изменения в устройстве собраний, видимо, связаны отчасти с кризисом, пережитым «Средой» во второй половине 1902 г. и вызванным разногласием относительно характера и задач кружка. Как отметил «летописец» «Среды» Ю. Бунин, «в это время некоторые члены “Среды” настаивали на том, чтобы внимание кружка сосредоточивалось не столько на вопросах литературы и искусства, сколько на вопросах политических. Требование это не нашло, однако, отклика у большинства членов “Среды”, которые, выражая сочувствие начавшемуся в обществе политическому брожению, считали более целесообразным сохранить за кружком литературно-эстетическое направление» (цит.: *Шемелова, 1962.* С. 89). Ю. Бунин имел в виду не увенчавшиеся успе-

хом попытки политической радикализации кружка, предпринятые такими членами, как, например, «легальный марксист» Вересаев. Схожие споры происходили в кружке в начале 1905 г. на фоне приближавшихся революционных событий; в своем очерке истории кружка Ю. Бунин сообщает, что, рассматривая «вопрос о результатах деятельности» кружка, «одни признавали интимность "Среды" желательной, занятия вопросами литературы и искусства интересными. Другие находили все это скучным и недостаточным» (цит.: *Там же.* С. 92).



Н.Д. Телешов

Революция 1905 г. повлияла не только на характер собраний «Среды» (политические события стали обсуждаться чаще, чем литературные произведения; ср. письмо Л. Н. Андреева к В. Вересаеву от 6 февр. 1905 г.: «Литература в загоне – на "Среде" вместо рассказов читают "протесты", заявления и т.п.»; *Вересаев.* С. 406), но и способствовала расслоению ее членов – политической радикализации одних, уходу от общественной деятельности других. В 1906 г. обострился кризис «Среды»; как вспоминал Ю. Бунин, деятельность кружка «почти совсем замерла»; «Среда» «лишь изредка собиралась, но уже не на частной квартире, а в помещении Литературно-художественного кружка» (цит.: *Леденев.* С. 63); см.: ⇨ Литературно-художественный кружок. Андреев, переехавший в 1907 г. в Петербург, безуспешно пытался возобновить у себя собрания типа «Среды» и восстановить ее творческую атмосферу (Среды ⇨ Андреева).

Осенью 1909 г. отмечалось 10-летие со дня основания кружка и 25-летие литературной деятельности Телешова (см.: *Владыкин.* С. 39). К этому времени был решен вопрос о легализации кружка; «Среда» официально зарегистрировалась как литературное объединение при ⇨ Обществе помощи литераторам и журналистам. Вскоре и характер собраний и состав участников «коренным образом изменился» (*Телешов.* С. 56); на почве «Среды» возникло, в сущности, совсем новое общество ⇨ «Молодая Среда». Писатели, образовавшие ядро «старой» «Среды», оставаясь членами нового объединения, после 1909 г. продолжали изредка, «3–5 раз в год» (*Владыкин.* С. 40), собираться в интимном кругу знакомых на квартире Телешова. Известны сообщения прессы о таких собраниях – в газетах «Утро России» (29 янв. 1912 г.), «Столичная молва» (3 дек. 1912 г.) и «Русское слово» (12 дек. 1913 г.). Как вспоминал Телешов, «последнее собрание "Среды" состоялось в 1916 году» (*Телешов.* С. 64).

«Среда» была виднейшим объединением писателей реалистического направления начала века; по выражению А. Белого, «"середовцы" – упорные бытовики» (*Белый.* С. 404). Эстетическая позиция участников «Среды» отразилась в издательской деятельности кружка. В 1902 г. «Среда» издала сборник «Книга рассказов и стихотворений». Сборники издательского объединения ⇨ «Знание» «были организованы Горьким у нас же, на одной из "Сред"» (*Телешов.* С. 53) и составлялись почти всецело из произведений участников кружка. Когда намечалось закрытие издательства «Знание», «средовцы» организовали в 1912 г. на товарищеской основе ⇨ Книгоиздательство писателей в Москве, выпускавшее сочинения пайщиков, литературные сборники «Слово» (1913–1918. Кн. 1–8), серии «Народно-школьная библиотека», «Дешевая библиотека» и др.;

Члены «Среды». Слева направо: С.С. Голоушев, Б.К. Зайцев, Ю.А. Бунин, С.Д. Малахов, И.А. Бунин, И.А. Белоусов, Л.Н. Андреев, Н.Д. Телешов, А.Е. Грузинский. 1910-е гг.

издательство просуществовало до 1923 г. (ср. также: ⇨ Издательское товарищество писателей). Писатели «Среды» были также причастны к созданию литературных сборников «Друкарь» (М., 1910), «Клич» (М., 1915), «В помощь пленным русским воинам» (М., 1916) и журнала «Путь» (М., 1911–1914).

По оценке Белоусова, объединение «Среда» «сыграло немаловажную роль в деле развития и укрепления того направления в русской литературе, которое господствовало в России в 90-х годах: влияние “Сред” на беллетристов и поэтов того времени было очень заметно» (*Белоусов*. С. 110).

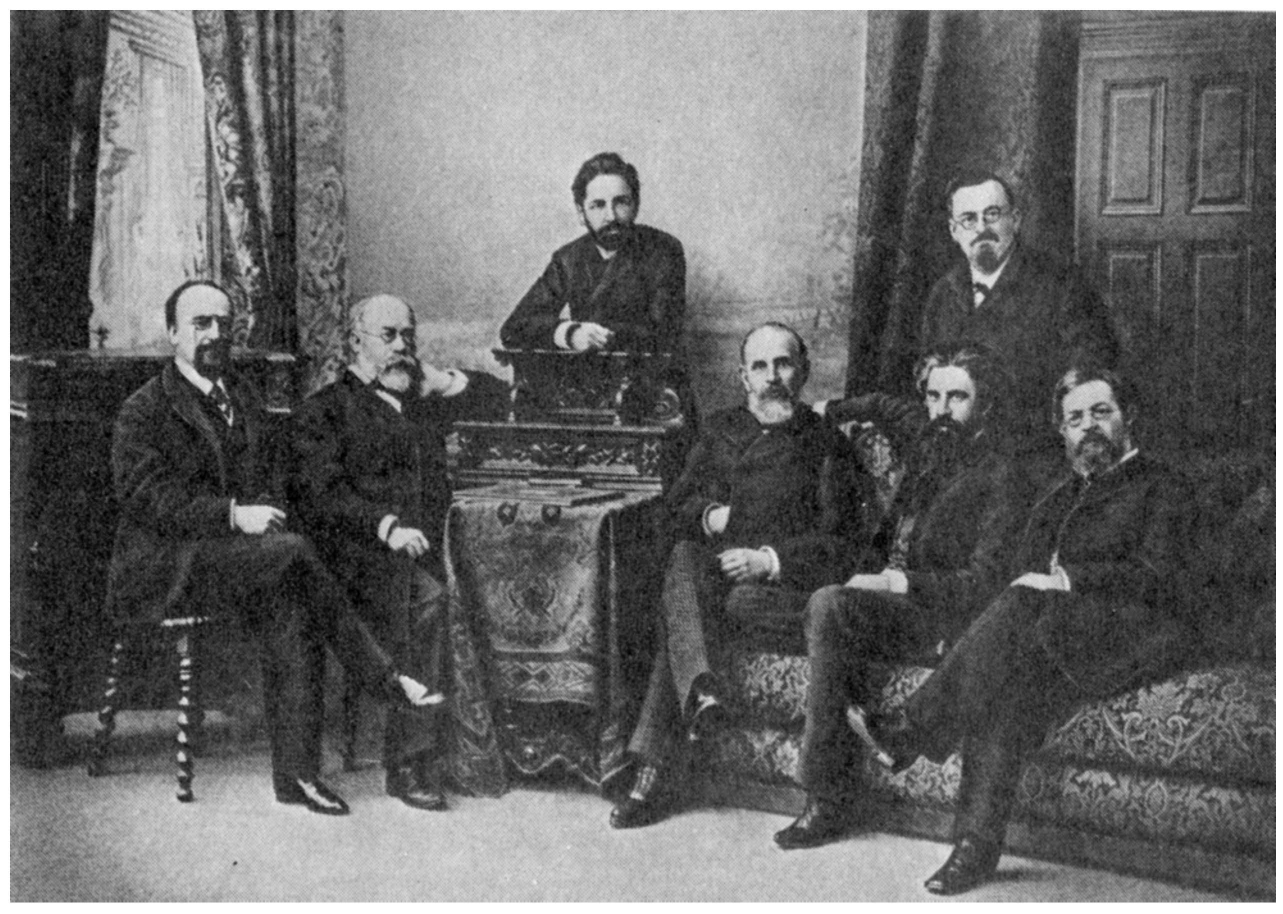
Лит.: *Александрович Ю.* Моск. кружок литераторов «Среды» // Наш журнал. 1910. № 6. Стб. 15–18; *Львов-Рогачевский В. Л.* Л. Андреев о моск. «Средах» // Львов-Рогачевский В. Л. Две правды: Книга о Л. Андрееве. СПб., 1914. С. 212–213; *Белоусов И. А.* Лит. среда: Восп. 1880–1928. М., 1928. С. 57–58, 107–141, 167–181, 231–233; *Кизеветтер А. А.* На рубеже двух столетий: (Восп. 1881–1914). Прага, 1929. С. 359–362; *Муромцева В. Н.* Моск. «Среды» // Последние новости. Париж, 1930. 5 июля. № 3391. С. 4–5; *Касторский С. В.* Статьи о Горьком. Л., 1953. С. 237–240; *Телешов Н. Д.* Зап. писателя: Восп. и рассказы о прошлом. М., 1958. С. 37–68; *Скиталец С. Г.* Повести и рассказы. Восп. М., 1960. С. 420–431; *Вересаев В. В.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1961. Т. 5. С. 399–402, 406; *Шемелова М. И.* Кружок писателей-реалистов «Среда» (1899–1909): Из истории лит.-худож. объединений России нач. XX в. // Вестн. Ленингр. ун-та. 1962. № 20. С. 86–98; *Шемелова М. И.* Кружок писателей-реалистов «Среда» (1899–1909). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1962а; *Владыкин И. И.* Телешовские «Среды» // Учен. зап. Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина. Серия рус. лит. 1966. № 255. С. 24–44; *Цыбенко В. А.* У истоков рус. лит. XX в.: (Творч. объединения «Среда» и «Знание») // Вопр. рус., сов. и зарубежной лит. Горно-Алтайск, 1969. (Науч. труды Новосиб. пед. ин-та. Вып. 22.) С. 38–60; *Калашников В. А.* «Среда» // КЛЭ. 1972. Т. 7. С. 130–131; ЛН. 1973. Т. 84, кн. 1. С. 521, 533, 535, 619 и др.; *Бунина В. Н.* Беседы с памятью // ЛН. 1973. Т. 84, кн. 2. С. 180–182; *Гославская С. Е.* Записки киноактрисы. М., 1974. С. 5–8; *Ушаков А. В.* Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895–1904. М., 1976. С. 75; Москва: Энц. М., 1980. С. 578–579; *Нинов А. А.* М. Горький и Ив. Бунин: История отношений. Проблемы творчества. Л., 1984. С. 129–147, 172–189; *Леденев А. В.* Писательские объединения в рус. демокр. лит. конца XIX – нач. XX в. // Из истории рус. реализма конца XIX – нач. XX в. М., 1986. С. 59–64; *Муромцева-Бунина В. Н.* Жизнь Бунина. М., 1989. С. 186–187, 211, 235, 287–288, 469; *Белый А.* Начало века. М., 1990. С. 402–404; РП. 1992. Т. 2. С. 531; *Белицкий Я. М., Глезер Г. Н.* Москва незнакомая. М., 1993. С. 212–214; *Зайцев Б. К.* Соч.: В 3 т. М., 1993. Т. 2. С. 355–356, 366–367, 384–386; *Сорокина О.* Московиана: Жизнь и творчество Ивана Шмелева. М., 1994. С. 60–65.

Архивы: РГАЛИ. Ф. 1292 (Бунин Ю. А.). Оп. 2. Ед. хр. 2–3; Оп. 4. Ед. хр. 6.

СТАНЮКОВИЧА КРУЖОК – регулярные «литературные беседы молодежи», возникшие по инициативе В. К. Станюковича и проходившие в 1891–1892 гг. дома у В. Я. Брюсова в Москве. В числе участников были А. А. Миропольский (Ланг), П. П. Никольский, П. М. Пильский и др. Об одной из первых бесед Брюсов записал в дневнике 12 октября 1891 г.: «Удавшийся литературный вечер» (*Брюсов*. С. 3). Как вспоминал Станюкович, встречи продолжались до весны 1892 г. и возобновились осенью, но тогда «состоялось только одно собрание. Пришедшие по приглашению Брюсова, неизвестные мне московские “денди” внесли с улицы в дом атмосферу “жуткой зоны” и превратили собрание в кружок рассказывания извращенно-неприличных анекдотов. Это возмутило меня, и я вышел из-за стола. Некоторые последовали за мною, и больше мы не собирались» (*Станюкович*. С. 727).

Лит.: *Брюсов В. Я.* Дневники. М., 1927. С. 3, 4; *Пильский П. М.* Валерий Брюсов // Мансарда. Рига, 1931. № 5/6. С. 23–24; *Станюкович В. К.* Восп. о В. Я. Брюсове // ЛН. 1976. Т. 85. С. 726–727, 753; ЛН. 1991. Т. 98, кн. 1. С. 611.

СТАСЮЛЕВИЧА СУББОТЫ (КРУЖОК «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ») – кружок сотрудников журнала «Вестник Европы», группировавшийся вокруг М. М. Стасюлевича, который с 1866 г. по 1908 г. стоял во главе редакции журнала; кружок существовал в



Члены редакции и сотрудники журнала «Вестник Европы». Слева направо: Е.И. Утин, К.К. Арсеньев, Л.З. Слонимский, М.М. Стасюлевич, Вл.С. Соловьев, В.Д. Спасович, А.Н. Пыпин. 1890 г.

1870–1900-е гг. в Петербурге. А. Ф. Кони вспоминал: «По понедельникам (а с девяностых годов по субботам) к трапезе собирался, под председательством гостеприимной хозяйки, небольшой и довольно замкнутый кружок людей, связанных с редактором "Вестника Европы" не только сотрудничеством большинства из них, но и личными дружескими отношениями» (*Кони.* С. 533).

Упомянутой «гостеприимной хозяйкой» была жена М. М. Стасюлевича Л. И. Стасюлевич. В состав кружка входили К. К. Арсеньев, В. А. Арцимович, И. А. Гончаров, К. К. Грот, А. М. Жемчужников, К. Д. Кавелин, В. О. Ключевский, А. Ф. Кони, А. В. Плетнева, А. Н. Пыпин, Л. З. Слонимский, Вл. С. Соловьев, В. Д. Спасович, В. В. Стасов, И. С. Тургенев, кн. А. И. Урусов, Е. И. Утин.

Кони сообщал С. М. Лукьянову в разговоре 8 октября 1914 г.: «В кружке М. М. Стасюлевича господствовала некоторая прямолинейная нетерпимость. Чтобы быть принятым в этот кружок, надо было предъявить некоторый "инвентарь" взглядов и убеждений. Малейший недочет считался достаточным основанием для того, чтобы человек был признан недостойным вступления. М. М. Стасюлевич очень настойчиво требовал, чтобы ближайшие сотрудники еженедельно по субботам собирались у него за обеденным столом. Это была своего рода "повинность". Застольные беседы часто бывали очень интересными, но тут все держались раз навсегда одобренного "инвентаря"» (*Шаханов.* С. 402).

Лит.: М. М. Стасюлевич и его совр. в их переписке. СПб., 1912. Т. 3. С. 353; *Кони А. Ф.* Восп. о писателях. М., 1989. С. 533–559; Мат-лы к биографии Вл. Соловьева (Из архива С. М. Лукьянова) / Публ. А. Н. Шаханова // Рос. архив. М., 1992. Вып. 2/3. С. 402–404.

СТО́ЛИЦЫ САЛОН ⇨ «**ЗОЛОТАЯ ГРОЗДЬ**»

СТОЛИЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-АРТИСТИЧЕСКИЙ КРУЖОК ⇨ **ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБЩЕСТВО [1]**

СТОРОЖЕНКО ВОСКРЕСЕНЬЯ – журфиксы в доме Н. И. Стороженко по воскресным утрам в 1880–1900-е гг. в Москве (Оружейный пер.; впоследствии Арбат, Малый Николо-Песковский пер.). Среди посетителей «стороженковских воскресников» были К. Д. Бальмонт, А. Белый, П. Д. Боборыкин, Ф. И. Буслаев, Ал-др Н. Веселовский, Ал. Н. Веселовский, В. Е. Ермилов, И. И. Иванов, И. И. Иванюков, А. Ф. Кони, И. А. Линниченко, С. П. Мельгунов, М. М. Покровский, М. Н. Розанов, В. Ф. Саводник, Д. Я. Самоквасов, В. И. Семевский, Вл. С. Соловьев, В. И. Танеев, гр. Л. Н. Толстой, В. М. Фриче, Р. М. Хин-Гольдовская, И. Л. Щеглов (Леонтьев), В. Е. Якушкин, И. И. Янжул и др.

Согласно И. А. Линниченко, квартира Стороженко «была десятки лет центром не только для московской, но и всякой, заезжавшей в Москву, русской интеллигенции» (*Линниченко*). Более сдержанная оценка А. Белого: «Люди менялись в годах; не менялся лишь тон, задаваемый мужем маститым, а после уже дряхлым старцем: довольно пустой; та квартира мне служит уроком: и кариатиды легко... покрываются мохом!» (*Белый, 1989.* С. 141).

Лит.: *Белый А.* Николай Ильич Стороженко // Весы. 1906. № 2. С. 68; *Линниченко И. А.* Из восп. // Голос минувшего. 1916. № 10. С. XXXVIII; *Розенблюм Н.* Лев Толстой в неизд. переписке и восп. совр. // Рус. лит. 1960. № 4. С. 162; *Белый А.* На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 135–143; *Хин-Гольдовская Р. М.* Из дневников 1913–1917 / Предисл. и публ. Е. Б. Коркиной; примеч. А. И. Добкина // Минувшее. М.; СПб., 1997. Вып. 21. С. 581–582.

«**СТРАДА**» – литературно-художественное общество, основанное осенью 1915 г. в Петербурге и просуществовавшее до 1917 г. Целью общества было «всестороннее содействие развитию и процветанию народной литературы и распространение ее худо-

жественных образцов» (Отклики Кавказа. 1915. № 259; цит.: *Белоусов.* С. 229; ср.: *Вдовин.* С. 174).

Установка на народную культуру связывала «Страду» с группой ⇨ «Краса», образовавшейся вокруг С. М. Городецкого. Городецкий первоначально принимал деятельное участие в формировании «Страды», будучи одним из учредителей общества; на его квартире 10 октября 1915 г. состоялось совещание и — ровно неделю спустя, 17 октября, — учредительное собрание «Страды». Тогда же должностными лицами общества были избраны И. И. Ясинский (предс.), С. М. Городецкий (тов. предс.), М. П. Мурашев (член-распорядитель), В. В. Игнатов (секр.), Г. В. Клочков (казн.), А. Д. Семеновский, И. С. Ломакин (члены правления), В. С. Миролюбов, М. Ф. Доронович и В. Н. Унковский (члены ревизионной комиссии). Кроме названных из писателей в состав общества входили: Б. А. Верхоустинский, В. И. Горянский, Л. М. Добронравов, С. А. Есенин, А. А. Измайлов, П. И. Карпов, Н. А. Клюев, М. М. Марьянова, А. М. Ремизов; в «Страде» участвовали также художники, артисты, певцы, актеры и другие деятели искусства.

1915 1915

ПЕРВЫЙ ВЕЧЕРЪ ИСКУССТВЪ

Литературно-Художественнаго Общества

„СТРАДА“

въ Четвергъ, 19-го Ноября,

ВЪ ЗАЛѢ ГРАЖДАНСКИХЪ ИНЖЕНЕРОВЪ

(Серпуховская ул., 10).

Чистая прибыль отъ вечера поступаетъ на содержаніе койки имени О-ва «Страда», при лазаретѣ «Дѣятелей Искусствъ».

Начало въ 8 час. вечера.

Программа вечера «Страды»

Для проведения мероприятий общество наняло зал Товарищества гражданских инженеров (Серпуховская, 10). «Страда» организовала 19 ноября 1915 г. свой первый «вечер искусств», в литературном отделении которого выступили Городецкий, Добронравов, Есенин, Клюев, Ремизов, Ясинский и др. (афиша вечера воспроизведена в кн.: С. А. Есенин в восп. совр.: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 191). Очередное мероприятие «Страды» состоялось 10 декабря 1915 г. — «закрытый вечер, посвященный произведениям народных поэтов Н. А. Клюева и С. А. Есенина» (полный текст пригласительного билета см.: *Белоусов.* С. 80). Ясинский выступил на вечере с рефератом «Поэзия Клюева и Есенина» (*Азадовский, 1985.* С. 421).

К этому времени Городецкий, видимо, уже порвал со «Страдой» по идейным соображениям; именно Городецкого имел в виду Ясинский, сообщая Н. Н. Фигнеру в письме от 15 декабря 1915 г., что «маленькие трения, которые возникли было между Правлением и одним из его членов по принципиальным вопросам, устранены добровольным уходом этого члена» (*Азадовский, 1990.* С. 167—168). Расхождения заключались в том, что Городецкий пытался придать «Страде» народофильское направление, проявившееся еще в группе «Краса» в форме некритического увлечения деревней и стариной. Большинство участников «Страды» придерживались, однако, точки зрения Ясинского: «Идеал, который ставит себе “Страда”, — не народничество, а народность, а практика — не подыгрывание к народу, не опускание до его низов, а поднятие самого народа до верхов, до каких уже поднялась русская творческая мысль» (цит.: *Вдовин.* С. 189). На посту товарища председателя Городецкого сменил Измайлов.

7 февраля 1916 г. «Страда» открыла собственный театр «Новая студия»; спектакли студии представляли собой сочетание коротких пьес, вокальных и балетных номеров и литературных чтений (со своими стихами выступали Клюев и Есенин). Программа театра, по-видимому, не смогла привлечь широкую публику — уже на третий день после премьеры часть певцов и балетная группа отказались выступать. Прошло всего лишь несколько спектаклей, и 19 февраля 1916 г. «Новая студия» была закрыта. Вследствие

краха театра многие участники «Страды» потеряли интерес к работе общества (см.: *Вдовин*. С. 181); с весны 1916 г. оно практически прекратило свою деятельность, хотя и продолжало числиться в списке литературно-художественных обществ (см.: Весь Петроград на 1917 г. С. 916).

В конце апреля 1916 г. под издательской маркой мецената общества А. Д. Семеновского вышел литературный сборник «Страда» (Пг., 1916), содержащий произведения Б. А. Верхоустинского, С. А. Есенина, П. И. Карпова, Н. А. Клюева, И. С. Ломакина, М. М. Марьяновой, М. П. Мурашева, А. М. Ремизова, Ф. Родина (Ф. И. Карпова), И. И. Ясинского и др. Вышедший год спустя второй сборник «Страда» (Пг., 1917) не имел четкого кружкового характера и включал наряду с произведениями членов общества и произведения Л. Н. Андреева, А. Белого, В. Я. Брюсова и др.

Лит.: *Ясинский И. И.* Роман моей жизни. М.; Л. 1926. С. 319–320; *Марьянова М. М.* Встречи с Есениным // Восп. о Сергее Есенине. М., 1975. С. 193; *Вдовин В. А.* Есенин и лит.-худож. об-во «Страда» // Есенин и рус. поэзия. Л., 1967. С. 171–193; *Белоусов В. Г.* Сергей Есенин: Лит. хроника. М., 1969. Ч. 1. С. 76–86, 228–230; *Азадовский К.* Клюев и Есенин в октябре 1915 г.: (По мат-лам дневника Ф. Ф. Фидлера) // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1985. Vol. 26. № 3/4. P. 416, 419, 421; *Мурашов М. П.* Сергей Есенин // С. А. Есенин в восп. совр.: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 189–190; *Азадовский К. М.* Николай Клюев: Путь поэта. Л., 1990. С. 166–168.

СТРАХОВА СРЕДЫ – проходили в 1880–1890-е гг. на квартире Н. Н. Страхова в Петербурге. «На его среды собиралось немало интересного народа. Тут бывали и его юные поклонники из учащейся молодежи, <...> литераторы, журналисты и люди совсем другой категории – его личные знакомые из чиновного мира» (*Уманец*. С. 1044–1045). Среди посетителей были Д. В. Аверкиев, Ф. Н. Берг, И. А. Вышнеградский, А. С. Гиероглифов, гр. И. Д. Делянов, П. А. Кусков, В. И. Ламанский, П. Г. Моравек, Э. Л. Радлов, Н. П. Семенов, П. П. Семенов-Тян-Шанский, Вл. С. Соловьев, С. И. Уманец. «Разговор был по средам разнообразный, но всегда до приторности “благонамеренный”, причем излюбленными были две темы, к которым постоянно и возвращались: это известная книга Н. Я. Данилевского “Россия и Европа” и граф Лев Толстой» (*Там же*. С. 1046).

Лит.: *С. У. [Уманец С. И.]*. Мозаика: (Из старых записных книжек) // Ист. вестн. 1912. № 12. С. 1043–1047.

Н.Н. Страхов

«**СТРЕЛЕЦ**» – литературный кружок, возникший весной 1914 г. в Москве после распада группы ⇨ «Лирика». В сборнике «Руконог», изданном ⇨ «Центрифугой», «наследницей» (наряду со «Стрельцом») «Лирики», сообщалось, что «два течения в этом к[нигоиздательст]ве, весьма ясно означавшиеся за последнее время, в конце концов разбили его на две части. Одна из них организовалась под именем к[нигоиздательст]ва “Центрифуга”, другая, по слухам, намерена принять имя “Стрелец”» (*Бобров*). В состав «Стрельца» должны были, таким образом, входить: Ю. П. Анисимов, С. Н. Дурылин, К. Г. Локс, С. Я. Рубанович, А. А. Сидоров и В. О. Станевич. Сведений о том, действовал ли кружок на самом деле, нет.

Лит.: *Ц.ф.Г. [Бобров С. П.].* Книжные новости // Руконог. М., 1914. С. 40; *Markov V.* Russian Futurism: A History. Berkeley, 1968. P. 239–240.

СУББОТЫ ТЕАТРА В. Ф. КОММИССАРЖЕВСКОЙ – ряд литературных вечеров, состоявшихся в октябре 1906 г. при театре Коммиссаржевской в Петербурге. Субботние встречи были организованы возглавлявшими театр В. Э. Мейерхольдом и В. Ф. Коммиссаржевской для «сближения театра с петербургской художественной интеллигенцией» (*Волков.* С. 262). Вечера проходили в помещении для репетиций (Английский просп., 30, кв. 34).

В.Ф. Коммиссаржевская

Участниками Суббот были писатели: Е. В. Аничков, С. А. Ауслендер, А. А. Блок, В. Я. Брюсов, С. А. Венгеров, Ю. Н. Верховский, Л. Н. Вилькина, М. А. Волошин, С. М. Городецкий, Л. Д. Зиновьева-Аннибал, Вяч. И. Иванов, М. А. Кузмин, А. П. Нурок, А. М. Ремизов, Ф. К. Сологуб, К. А. Сюннерберг, Д. М. Цензор, Г. И. Чулков; художники: И. Я. Билибин, Н. Н. Сапунов, К. А. Сомов, С. Ю. Судейкин, Н. П. Феофилактов; артисты театра, а также немногочисленная публика.

Состоялось всего три «субботника»; 14 октября Блок читал пьесу «Король на площади», а Иванов, Волошин, Городецкий и Кузмин – стихи; 21 октября участники ⇨ Кружка молодых устроили театрализованное чтение «Дифирамба» Иванова; свои произведения читали также Ремизов, Блок, Иванов, Волошин и Кузмин; 28 октября Сологуб читал трагедию «Дар мудрых пчел», а Иванов и приехавший из Москвы Брюсов – стихи.

Некоторые реалии «субботников» нашли отражение в повести Кузмина «Картонный домик» (*Богомолов.* С. 132); Кузмин изобразил несколько карикатурно сологубовское чтение («медлительным старческим голосом, как архимандрит в великий четверг» – Белые ночи: Петерб. альм. СПб., 1907. С. 123; ср. дневник Кузмина от 28 окт. 1906 г.: «Сологуб читал, как архиерей на 12 еванг[елиях]»; *Кузмин.* С. 251), за что Сологуб обиделся на него (см. письмо Сологуба к Чулкову от 25 июня 1907 г.: *Чулков Г. И.* Годы странствий. М., 1999. С. 163; ср.: *Кузмин.* С. 398; *Cheron*). С началом сезона 1906–1907 г. Субботы прекратились.

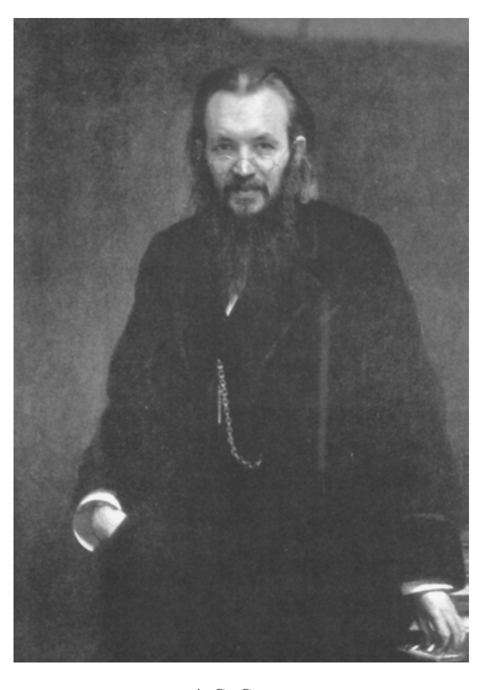
Польза встреч актеров театра с деятелями «нового» искусства по-разному расценивалась участниками. Если артист А. А. Дьяконов вспоминал, что «непосредственное знакомство с писателями и их творчеством будило мысль у театральной молодежи и эстетически ее воспитывало» (*Дьяконов.* С. 83), то К. А. Сюннерберг считал, что «ничего не выходило» (*Эрберг, 1979.* С. 134), так как слишком отличались интересы, манера чтения и эстетическая культура писательского и актерского коллективов.

Лит.: *Сюннерберг К. А.* Худож. жизнь Петербурга // Золотое руно. 1906. № 11/12. С. 135; *Волков Н. Д.* Мейерхольд. М.; Л., 1929. Т. 1. С. 262; *Дьяконов А. А.* Александр Блок в театре Коммиссаржевской // О Коммиссаржевской: Забытое и новое. М., 1965. С. 82–83; *Веригина В. П.* Восп. Л., 1974. С. 87–90; *Эрберг К. [Сюннерберг К. А.].* Восп. // ЕжегРОПД. 1977. Л., 1979. С. 134, 137; ЛН. 1981. Т. 92, кн. 2. С. 144, 152; *Cheron G.* F. Sologub and M. Kuzmin: Two letters // Wiener

Slawistischer Almanach. 1982. Bd. 9. S. 369–374; ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 259; *Богомолов Н. А.* Михаил Кузмин: Статьи и мат-лы. М., 1995. С. 130–132; Максимилиан Волошин в Петербурге: осень 1906. Письма к М. В. Сабашниковой / Публ. В. П. Купченко // Минувшее. М.; СПб., 1997. Вып. 21. С. 297–298; *Кузмин М. А.* Дневник 1905–1907. СПб., 2000. С. 240–241, 245, 250–251, 264.

СУВОРИНА ЧЕТВЕРГИ – проходили в 1890–1900-е гг. в Петербурге. В доме А. С. Суворина бывали А. В. Амфитеатров, В. П. Буренин, Д. В. Григорович, В. С. Кривенко, А. Н. Маслов, Вас. И. Немирович-Данченко, Я. А. Плющевский-Плющик, Я. П. Полонский, К. А. Скальковский, С. И. Смирнова-Сазонова, Ф. В. Черниговец-Вишневский, А. П. Чехов и др.

Лит.: *Снессарев Н.* Мираж «Нового времени». СПб., 1914. С. 24–25; *Амфитеатров А. В.* Собр. соч.: [В 37 т.] Пг., [1915]. Т. 35. С. 200–201; *Амфитеатров А. В.* [Восп.] // Руль. 1924. № 985. С. 2; ЛН. 1977. Т. 87. С. 306–307; *Динерштейн Е. А.* А. С. Суворин. М., 1998. С. 183, 224; *Суворин А. С.* Дневник. London; М., 1999. С. 266, 399; *Амфитеатров А. В.* Собр. соч: В 10 т. М., 2003. Т. 10, кн. 1. С. 382.



А.С. Суворин

СУРИКОВСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ КРУЖОК [СЛМК] – объединение писателей-самоучек, учрежденное и официально утвержденное весной 1905 г. в Москве и существовавшее официально до 1921 г., неофициально до 1933 г.

В названии кружка была зафиксирована преемственная связь с группой поэтов-самоучек, объединившихся в 1872 г. вокруг И. З. Сурикова. После кончины Сурикова в 1880 г. писатели из народа продолжали в 1880–1890-е гг. собираться спорадически в недолговечных кружках, пока в 1902 г. не возникла первая официально зарегистрированная организация суриковцев – ⇨ Московский товарищеский кружок писателей из народа. По данным И. А. Белоусова и Н. Д. Телешова, этот кружок «в 1903 г. переименовался» (*Белоусов.* С. 89) в СЛМК (ср.: *Телешов.* С. 131), что, однако, не подтверждается фактическим материалом. Товарищеский кружок писателей из народа просуществовал до начала 1905 г. Весной того же года М. Л. Леонов на основе старого кружка организовал СЛМК; устав возобновленного объединения был утвержден 28 мая 1905 г.

В состав СЛМК в разное время входили Е. Л. Афонин, И. А. Белоусов, С. Е. Бодрягин, Д. П. Варлыгин, Н. И. Волков, С. Е. Ганьшин, П. Г. Горохов, Г. Д. Деев-Хомяковский, С. Д. Дрожжин, С. А. Есенин, И. И. Зачесов, Ф. А. Кислов, И. К. Коробов, С. Н. Кошкаров, И. И. Лебедев, М. Л. Леонов, М. А. Логинов-Тихоплесец, С. И. Лягин, В. Е. Миляев, И. И. Морозов, Н. И. Морозов-Столешников, Е. Е. Нечаев, Н. Д. Никаноров-Каринский, М. И. Ожегов, Т. В. Поздняков, С. М. Попов, Г. П. Попов-Завражный, М. В. Праскунин, И. В. Репин, М. К. Савин, С. Ф. Семенов-Филиппов, С. С. Степанов, Н. П. Телешов, П. А. Травин, П. П. Филиппов, С. Д. Фомин, Е. Е. Шаров, А. В. Ширяевец, Ф. С. Шкулев, В. А. Щуренков, И. М. Юрцев и др.

Представление об общем числе участников дает номер членского билета Фомина – 118-й (*Фомин.* С. 255), вступившего в кружок примерно в начале 1910-х гг. (см.: *Лягин.* С. 3). Из отчета о деятельности СЛМК за 1915 г. и первую половину 1916 г., опублико-

ванного в журнале суриковцев «Друг народа» (1916. Октябрь. № 1), явствует, что к концу 1914 г. в кружке состояло 75 действительных членов, в том числе 46 москвичей и 29 «провинциалов» (см.: *Козловский.* С. 459). Многие суриковцы участвовали также в существовавших одновременно с СЛМК мелких кружках писателей-самоучек (см.: ⇨ «Десять»; ⇨ «Дружба»; ⇨ Народный кружок; ⇨ «Обновленный народ»; ⇨ «Родник»; ⇨ «Товарищеская библиотека»).

Первоначально во главе СЛМК стоял Леонов; после его высылки из Москвы в конце 1910 г. председателем Совета кружка стал Кошкаров; в 1916 г. его сменил Афонин; в 1918 г. председателем стал Деев-Хомяковский, член правления и казначей с 1914 г.

Собственного помещения кружок не имел; суриковцы собирались то в частных квартирах (у Леонова, Травина, Кошкарова, Деева-Хомяковского), то в ⇨ Литературно-художественном кружке, «а то просто в каком-нибудь трактире» (*Шаров.* С. 186). Наряду с творческими встречами членов устраивались литературные вечера, на которых «присутствовало до сорока человек» (*Лягин.* С. 3).

Главным в деятельности кружка было издательское дело. По данным Лягина, объединение с конца 1911-го по 1918 г. издало до 25 брошюр писателей из народа (*Там же*). Под маркой СЛМК вышли альманахи «Жизнь» (1914), «Чернозем» (Вып. 1–2. 1918–1919), а также стихотворные сборники Ганьшина «Искра» (1911), Кошкарова «Босяки» (1911), «Песни жаворонка», «Родные типы», «Чайка» (1914), «Набат» (1915) и «Святой Георгий» (1916), Фомина «Песни радости и печали» (1914), Щуренкова «Поэзия» (1914), Дрожжина «Из мрака к свету» (1915), Деева-Хомяковского «Борозды» (1919). От имени СЛМК издавались также журналы «Народная мысль» (1911. Январь–февраль. № [1–2]) и «Друг народа» (1915. № 1–10; 1916. № 1; 1918. № 1).

Кроме названных книг и печатных органов кружка в 1900–1910-е гг. вышло под различными издательскими марками множество книг, в которых печатались исключительно писатели-самоучки, в том числе альманахи и сборники «Народная сила» (1908), «Галерея современных поэтов», «Новое начало», «Родные думы» (1909), «Песни мира», «Старый дуб» (1910), «Руль» (1911), «Молодые побеги» (1913), «Эхо жизни» (1916).

Имеются сведения об обстоятельствах организации журнала «Друг народа». Избранные 2 февраля 1915 г. редакторами Есенин и Фомин собирались, видимо, проверить литературный уровень имеющегося материала, чему сопротивлялась старая редакция: Деев-Хомяковский, Кошкаров, Щуренков и др. (см.: *Есенин, 1999.* С. 324; ср.: *Клейнборт, 1986.* С. 168). Этот спор, в ходе которого дело даже дошло до оскорбления Фомина Кошкаровым, заставил Есенина 8 февраля заявить о своем выходе из числа действительных членов кружка (*Есенин, 2000.* С. 199–200).

Месяц спустя, 7 марта 1915 г., Деев-Хомяковский писал Клейнборту: «Ей-богу, никак не могу уяснить себе такое явление в жизни: все идут в наш кружок, знакомятся с ним, с членами и, побыв некоторое время, уходят» (*Козловский.* С. 459). Объяснение этому обстоятельству Деев-Хомяковский мог бы найти в письме другого руководителя кружка, Кошкарова, к Н. П. Дружинину от ноября 1910 г.: «Когда я слушал их [суриковцев] разговоры, я прямо был поражен их невежеством! Мне показалось, что я приехал не в Москву, а в какое-то глухое село и попал в компанию волостных писарей или псаломщиков или немного лучше этих лиц! <...> Мне было ясно, что эти люди ничего не могут дать народу ввиду своего крайнего невежества» (цит.: *Золотницкий.* С. 762).

25 марта 1916 г. состоялось торжественное заседание в честь 75-летия со дня рождения Сурикова. В 1917 г. был разработан новый устав СЛМК, утвержденный на собрании 27 сентября 1917 г. На события Октябрьской революции кружок отреагировал «Манифестом Суриковского студийного союза поэтов, художников и музыкантов», оставшимся, видимо, неопубликованным; хотя многие суриковцы приветствовали революцию (часть из них принадлежала к партии большевиков – Афонин, Деев-Хомяковский, Кошкаров и др.), в манифесте говорилось осторожно, что «литературная секция» союза «не хочет сливать свою судьбу с революцией или контррево-

люцией политической» (РГАЛИ. Ф. 1641. Оп. 2. Ед. хр. 32. Л. 2 об.). К осени 1918 г. было организовано «Кооперативное издательство членов Суриковского кружка» (см.: *Лягин.* С. 3).

Как считает советский исследователь, основные суриковские мотивы «печали и горя», навеянные бесправным положением крестьянства при царском режиме, после революции оказались несостоятельными (см.: *Лапшин.* С. 57), в связи с чем левое крыло СЛМК с Деевым-Хомяковским во главе в 1921 г. решило созвать конференцию с целью реорганизации кружка. Конференция, посвященная уставу нового объединения, состоялась 9 мая 1921 г. (см.: Печать и революция. № 2. С. 248). Впоследствии «большая часть суриковцев составила ядро вновь организованного Всероссийского союза крестьянских писателей, а меньшая по-прежнему оставалась в кружке, который продолжал существовать до 1933 года» (*Лапшин.* С. 58). Кружок самораспустился в мае 1932 г. в связи с Постановлением ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций». Сохранилось письмо-донос Деева-Хомяковского в Оргкомитет Союза советских писателей от 2 августа 1933 г., в котором сообщается, что «между тем осталась группа стариков писателей, которая продолжает собираться и время от времени выступает под названием кружка. <...> Собирается она у старика писателя Травина П. А. – Москва, Живарев пер., д. 10. Как творческая группа она, как мне известно, в большинстве занимается пьянкой» (РГАЛИ. Ф. 1883 (Деев-Хомяковский Г. Д.). Оп. 4. Ед. хр. 26. Л. 1).

См. в приложении «Манифест Суриковского студийного союза поэтов, художников и музыкантов».

Лит.: *Афонин Е. Л.* Суриковцы // Чернозем. М., 1918. Вып. 1; *Лягин С. И.* СЛМК: (Ист. обзор деятельности Кружка) // Друг народа. М., 1918. № 1. С. 1–3; *Клейнборт Л. М.* Очерки народной лит. (1880–1923 гг.). Л., 1924. С. 31; *Деев-Хомяковский Г. Д.* Февральская революция и крестьянские писатели. Суриковский кружок // Жернов. 1927. № 9/10. С. 10–11; *Белоусов И. А.* Лит. Москва (Восп. 1880–1928). Писатели из народа. Писатели-народники. М., 1929; *И. К.* Суриковцы // ЛЭ. М., 1939. Т. 11. С. 120–121; *Золотницкий Д. И.* Дрожжин и поэты деревни // История рус. лит. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 755–763; *Телешов Н. Д.* Зап. писателя: Восп. и рассказы о прошлом. М., 1958. С. 125–126, 130–136; *Фомин С. Д.* В Суриковском кружке: (Из восп. о С. Н. Кошкарове) // Лит. Ярославль. 1958. Вып. 9. С. 255–257; *Шацева Р. А.* Примеч. // Пролет. поэты первых лет сов. эпохи. Л., 1959. С. 540, 543, 554–555; *Калмановский Е. С.* Суриков и поэты-суриковцы // И. З. Суриков и поэты-суриковцы. М.; Л., 1966. С. 43–54; *Есенин С. А.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1968. Т. 5. С. 50, 54, 242–243, 246–247; *Лапшин М.* От Суриковского кружка к крестьянскому союзу... // Вопр. лит. 1971. № 9. С. 57–58; *Шаров Е. Е.* Четыре встречи // Дон. 1971. № 1. С. 186–187; *Щуров И. А.* СЛМК // КЛЭ. М., 1972. Т. 7. С. 270–272; *Деев-Хомяковский Г. Д.* Правда о Есенине // С. А. Есенин в восп. совр.: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 147–150; *Семеновский Д. Н.* Есенин // Там же. С. 155–157; *Клейнборт Л. М.* Встречи. Сергей Есенин // Там же. С. 168–169; *Козловский А. А.* Коммент. // Там же. С. 458–461; *Есенин С. А.* Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1999. Т. 6. С. 62–63, 323–325; То же. М., 2000. Т. 7, кн. 2. С. 199–200; 272–277.

Архивы: РГАЛИ. Ф. 1641 (СЛМК).

«**СУСАЛЬНОЕ ЗОЛОТО**» – литературный кружок, образовавшийся в 1906 г. в Петербурге и существовавший параллельно «предварительному» ⇨ Кружку молодых. Из-за родственных связей между этими группами это «неразлучное общество Сусального Золота» (*Пяст.* С. 86) называлось также шутливо «кружком младших братьев». В его состав входили А. М. Городецкий (брат С. М. Городецкого), В. П. Лачинов, Б. А. Пестовский (брат В. А. Пяста), Александр А. Попов, Анат. А. Попов. Кружок был группой друзей, «не претендовавших на выступление в большой публике, – но издававших [рукописный] журнал для себя, со всякими странностями и чудачествами, – по мысли Александра Городецкого названный “Сусальное Золото”» (*Пяст.* С. 62).

Лит.: *Пяст В.* Встречи. М., 1997. С. 62–63, 86, 93.

СЦИЕНТИСТЫ – псевдогруппировка; сциентизм как литературное направление был представлен Б. А. Гуревичем, автором объемного стихотворного сборника «Вечно человеческое. Книга космической поэзии» (СПб., 1913), вышедшего осенью 1912 г. (зарег. 29 окт. – 5 нояб.; КЛ 1912/ 28904). Гуревич снабдил свою книгу декларативным предисловием «О сциентизме (научной поэзии)», в котором будущая поэзия сциентизма охарактеризована как «гимн и миф мировой жизни, какой она загорелась перед взором спектроскопа и лучом радия» (С. 6). Книга Гуревича содержит также ряд программных стихотворений: «В защиту научной поэзии», «Манифест сциентизма», «Пророчества сциентизма», «Сциентистам» и др.

Н. С. Гумилев откликнулся на сборник убийственной рецензией, увидев в «сциентизме» Гуревича «только вульгаризацию идей Ренэ Гиля, уже доказавших свою несостоятельность»; о стихах же автора Гумилев заметил, что они «несамостоятельны, вялы, многословны и нередко безграмотны» (*Гумилев, 1912*; см.: *Гумилев, 1990.* 162–163). Книгу Гуревича рецензировал также Вяч. И. Иванов, оценивший ее схоже: «...не вижу ни одного выдержанного стихотворения; курьезов же не оберешься» (цит. по: *Гумилев, 1990.* С. 323).

См. в приложении манифест Б. А. Гуревича «О сциентизме».

Лит.: *Гумилев Н. С.* Письма о рус. поэзии // Аполлон. 1912. № 10. С. 75; *Поступальский И.* К вопр. о науч. поэзии // Печать и революция. 1929. Кн. 2/3. С. 56–57; *Гумилев Н. С.* Письма о рус. поэзии. М., 1990. С. 162–163, 322–323.

СЭНСЭРИСТЫ (ЭОЛОАРФИСТЫ) – псевдогруппировка; литературное направление, единственным представителем которого являлся Г. П. Новицкий, автор стихотворных сборников «Зажженные бездны» (СПб., 1908) и «Необузданные скверны» (СПб., 1909; конфискован за порнографию). Осенью 1910 г. Новицкий напечатал «Манифест сэнсэризма (эолоарфизма)» (зарег. 21–28 окт.; КЛ 1910/23771), в котором провозглашалось «новое и совершенно оригинальное направление в искусстве, опирающееся на интуицию как на единственный критерий прекрасного и единственный путь для достижения абсолютной свободы художественного творчества» (С. 5). Название направления происходит, видимо, от фр. «sinc re» – «искренний». Новицкий относился к своей затее совершенно серьезно, разослав «Манифест» видным писателям; в библиотеке М. Горького находится экземпляр с дарственной надписью Новицкого от 26 окт. 1910 г. (см.: Личная библиотека А. М. Горького в Москве. Описание. М., 1981. № 2625). Н. С. Гумилев отметил в одной из своих рецензий 1912 г. «высокопарную безграмотность» манифеста. Свою брошюру-манифест Новицкий снабдил «образчиками сэнсэризма» – тремя стихотворениями, написанными, как и вышеназванные книги стихов, под влиянием поэзии символистов. Новицкий был также редактором-издателем «еженедельного журнала» «Сэнсэризм: Универсальный орган современного искусства», первый и последний номер которого вышел 10 ноября 1910 г.

См. в приложении написанный Г. П. Новицким «Манифест сэнсэризма (эолоарфизма)».

Лит.: *Гумилев Н. С.* Письма о рус. поэзии. М., 1990. С. 162, 322; РП. 1999. Т. 4. С. 347.

ТАГАНЦЕВА ВЕЧЕРА – проходили в 1900-е гг. в Петербурге. И. И. Лазаревский сообщал Э. Ф. Голлербаху, что встречался с А. А. Блоком «еще у стариков Таганцевых [Н. С. Таганцев – правовед, сенатор] на их интересных литературных вечерах», а также на Вечерах ⇨ Котляревского и Пушкаревой.

Лит.: Э. Ф. Голлербах и И. И. Лазаревский (Из переписки 1930-х гг.) / Публ. О. С. Острой и Л. И. Юниверга // Минувшее. М.; СПб., 1994. Вып. 16. С. 396.

ТАУБЕ (АНИЧКОВОЙ) ВЕЧЕРА – проходили в 1910-е гг. в Петербурге. Хозяйка, бар. С. И. Таубе, с 1912 г. редактор журнала «Весь мир», «примерно раз в месяц устраивала у себя в квартире пиршество» (*Рождественский.* С. 350), на которое приглашались

литераторы—сотрудники журнала. А. С. Грин рассказывал В. А. Рождественскому, что «она на своих сборищах совершенно не терпела женщин и, распространяя вокруг себя атмосферу самого рискованного кокетства, любила оставаться в пестрой мужской компании единственным центром общих восторгов и внимания. <...> было у них и шумно, и весело, и бестолково» (*Рождественский.* С. 351). С. И. Таубе еще в 1920 г. устраивала свои вечеринки; на одну из них попали А. С. Грин, В. А. Рождественский и Д. М. Цензор. Изучив шуточные записи посетителей на обоях приемной комнаты, Рождественский «наглядно убедился, что круг литературных знакомств чудаковатой Софьи Ивановны был необычайно широк! И мелкая литературная братия, и богема дореволюционных времен, и даже самые солидные имена, оказывается, бывали здесь» (*Рождественский.* С. 355). Вечера Таубе-Аничковой посещали, в частности, Н. С. Гумилев, Г. В. Иванов, О. А. Ильинская-Стахевич.

Лит.: *Ильинская О.* У Петерб. лампы. Лит. вечера у бар. Таубе // Рубеж (Харбин). 1938. № 40. С. 5; *Рождественский В. А.* Страницы жизни. М., 1974. С. 347–355; *Иванов Г. В.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 198–199; Словарь поэтов Рус. Зарубежья / Под общей ред. В. Крейда. СПб., 1999. С. 237.

ТЕЛЕШОВА СРЕДЫ ⇨ **«СРЕДА»**

ТИХОМИРОВА СУББОТЫ (ТИХОМИРОВСКИЙ КРУЖОК, КРУЖОК «ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ») – литературно-художественный кружок, существовавший с 1870-х гг. до середины 1900-х гг. в Москве. Устроителями субботников (в воспоминаниях В. А. Гиляровского – «воскресений») были Д. И. Тихомиров и Е. Н. Тихомирова. В 1894 г. хозяева стали редакторами-издателями журнала «Детское чтение»; с тех пор вечера кружка проходили, как правило, в помещениях редакции журнала на ул. Тверской (раньше в собственном доме Тихомировых на Большой Молчановке).

Как вспоминал Н. Д. Телешов, на вечерах «народу собиралось почти всегда много. Бывали артисты, художники, педагоги, журналисты, но преимущественно писатели, сотрудники “Детского чтения”, как москвичи, так и приезжие <...>. Бывали профессора Московского университета, народные учительницы и учителя, театральные критики и разного рода общественные деятели» (*Телешов.* С. 14–15). Согласно Гиляровскому, «это были скучнейшие, но всегда многолюдные вечера с ужинами» (*Гиляровский.* С. 186). На вечерах обсуждалась «общественная жизнь, административные сюрпризы, вопросы литературы» (*Телешов.* С. 17–18).

Из литераторов вечера у Тихомировых посещали М. Н. Альбов, К. С. Баранцевич, И. А. Белоусов, Е. А. Буланина, И. А. Бунин, Ю. А. Бунин, В. А. Гиляровский, С. С. Голоушев, В. А. Гольцев, С. Я. Елпатьевский, В. Е. Ермилов, Н. Н. Златовратский, И. И. Иванов, В. М. Лавров, В. Н. Ладыженский, А. П. Лукин, Д. Н. Мамин-Сибиряк, В. М. Михеев, П. М. Невежин, Вас. И. Немирович-Данченко, Вл. И. Немирович-Данченко, В. П. Острогорский, С. Т. Семенов, А. С. Серафимович, А. М. Скабичевский, Н. А. Соловьев-Несмелов, К. М. Станюкович, Н. Д. Телешов, Н. И. Тимковский, А. А. Федоров-Давыдов, Л. А. Хитрово, Т. Л. Щепкина-Куперник, Д. И. Эварницкий.

На тихомировских Субботах бывали также члены кружка молодых писателей ⇨ «Парнас»; в конце 1890-х гг. к ним примкнули другие младшие посетители субботников. Сформировавшийся тогда под руководством Телешова новый литературный кружок стал зародышем объединения ⇨ «Среда» (Сред Н. Д. Телешова). С развитием телешовских Сред, с основанием в 1899 г. московского ⇨ Литературно-художественного кружка, а также «за смертью Соловьева-Несмелова [в 1901 г.] тихомировские субботники мало-помалу утратили свое былое значение и затихли» (*Телешов.* С. 24). Согласно Гиляровскому, «воскресенья <...> к 1905 году прекратились» (*Гиляровский.* С. 187).

Лит.: *Белоусов И. А.* Лит. среда: Восп. 1880–1928. М., 1928. С. 98–106; *Волков А. А.* Лит. объединения // История Москвы. М., 1955. Т. 5. С. 522–523; *Телешов Н. Д.* Зап. писателя: Восп. и рассказы о прошлом. М., 1958. С. 13–24; *Шемелова М. И.* Предыстория лит. кружка «Среда» //

Вестн. Ленингр. ун-та. 1959. № 14. С. 68–69; *Щепкина-Куперник Т. Л.* [Письмо о Д. Н. Мамине] // Д. Н. Мамин-Сибиряк в восп. совр. Свердловск, 1962. С. 227; *Гиляровский В. А.* Соч.: В 4 т. М., 1967. Т. 3. С. 186–187.

Архивы: РГАЛИ. Ф. 499 (Телешов Н. Д.). Оп. 2. Ед. хр. 79. Л. 4–5 (письмо И. С. Лаптева Н. Д. Телешову от 15 марта 1945 г.) [сообщено А. И. Рейтблатом].

ТИХОНОВА ЗАВТРАКИ – воскресные собрания у В. А. Тихонова, проходившие в 1890-е гг. в Петербурге. Бывали Л. А. Авилова, кн. Д. П. Голицын (Муравлин), Н. А. Морозов, Ф. Ф. Фидлер. «У Тихонова все-таки было какое-то приятное гостеприимство. Недостаток посуды и всего прочего он покрывал бесконечной любезностью, неиссякаемой веселой болтовней, а главное, поливал пивом и дешевеньким вином в неограниченном количестве» (*Авилова.* С. 238).

Лит.: *Авилова Л. А.* Рассказы. Восп. М., 1984. С. 237–238; *Fiedler F.* Aus der Literatenwelt. Göttingen, 1996. S. 190.

«**ТОВАРИЩЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА**» – кружок писателей-самоучек, существовавший в 1906 г. в Москве. Под издательской маркой «Товарищеская библиотека» вышел литературный сборник «Луч» (М., 1906); среди участников – Е. К. Кузьмичев, М. Л. Леонов, П. А. Травин, Ф. С. Шкулев и др. Участники сборника входили в основном в состав ⇨ Суриковского литературно-музыкального кружка. Ср. также: ⇨ «Десять»; ⇨ Народный кружок; ⇨ «Обновленный народ».

Лит.: *Голубева О. Д.* Лит.-худож. альм. и сб-ки: 1900–1911. М., 1957. № 158; *Голубева О. Д.* Из истории изданий рус. альм. нач. XX в. // Книга: Исслед. и мат-лы. М., 1960. Сб. 3. С. 330.

ТОВАРИЩЕСКИЙ КРУЖОК ПИСАТЕЛЕЙ ИЗ НАРОДА ⇨ **МОСКОВСКИЙ ТОВАРИЩЕСКИЙ КРУЖОК ПИСАТЕЛЕЙ ИЗ НАРОДА**

ТОЛСТОГО ВЕЧЕРА – литературные вечера, проходившие в конце 1900-х – 1910-е гг. на квартире С. И. Дымшиц-Толстой и гр. А. Н. Толстого в Петербурге (ул. Таврическая, д. 25; с осени 1910 г. – Невский просп., д. 147, кв. 43). «Иногда на домашних литературных вечерах, устраивавшихся у нас, Алексей Николаевич выступал с чтением своих произведений» (*Дымшиц-Толстая.* С. 76). Р. М. Хин-Гольдовская записала в своем дневнике 15 января 1913 г.: «Были мы с Эвой [Е. А. Фельдштейн] у Толстых в четверг. Было много народу и довольно занятно. Но все это... de quinzi me ordre [пятнадцатого разряда (*фр.*)]» (*Хин-Гольдовская*).

Лит.: *Дымшиц-Толстая С. И.* [А. Н. Толстой] // Восп. об А. Н. Толстом. М., 1973. С. 68, 76; *Хин-Гольдовская Р. М.* Из дневников 1913–1917 / Предисл. и публ. Е. Б. Коркиной; примеч. А. И. Добкина // Минувшее. М.; СПб., 1997. Вып. 21. С. 525.

«**ТРАНГОПС**» – шуточный литературный кружок в 1910–1912 гг. в Петербурге. Собрания кружка проходили на квартире М. Л. Лозинского (Васильевский остров, Румянцевская пл. 1, кв. 7). Как вспоминал В. А. Пяст, заседания были посвящены «благоглупостям в стиле Дружининского “Чернокнижия” – то есть главным образом писанию шуточных стихов да зачитыванию некоторых рефератов на театральные темы» (*Пяст.* С. 172). Среди участников были К. А. Вогак, М. А. Кузмин, Б. С. Мосолов, В. А. Пяст, В. Н. Соловьев. Лозинский приглашал А. А. Блока в письме от 19 марта 1911 г. председательствовать на одном из вечеров, на котором должна была обсуждаться шуточная книжка-мистификация Соловьева «С. П. Сенявин. Книга начал». Ср. также толкование А. А. Ахматовой понятия «транхопсы» [sic!] в дневниковой записи П. Н. Лукницкого от 20 декабря 1924 г.: «Это шуточные стихи, которые сочиняли вместе» (*Лукницкий*).

Лит.: «Я, петербуржец»: Переписка А. А. Блока и М. Л. Лозинского / Предисл., публ. и коммент. А. Лаврова и Р. Тименчика // Лит. обозр. 1986. № 7. С. 110–111; *Лукницкий П. Н.* Acumiana.

Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. 1924–25 гг. Paris, 1991. С. 13; *Иванов Г. В.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 226–227; РП. 1994. Т. 3. С. 382; *Пяст В.* Встречи. М., 1997. С. 172–173, 366–367.

«**ТРИРЕМА**» – литературный кружок в 1914–1916 гг. в Петрограде. В его состав входили в основном бывшие члены первого ⇨ «Цеха поэтов» и бывшие ⇨ Эгофутуристы. Поэты, причастные к кружку, были участниками альманаха «Вечер “Триремы”. Лазарету деятелей искусств» (Пг., 1916): Г. В. Адамович, Грааль-Арельский, Б. Е. Евгеньев, Г. В. Иванов, Р. Ивнев, Д. И. Коковцев, Д. А. Крючков, В. В. Курдюмов, М. Е. Левберг и А. А. Тамамшев. В кружок входил также А. Я. Гофман (см.: *Тименчик*. С. 320).

Кроме альманаха под издательской маркой «Трирема» (или «Вечера Триремы») вышла книга стихов Евгеньева «Ваятель: Стихи. 1910–1914» (Пг., 1915), а также стихотворные сборники Курдюмова «Ламентации мои» (Пг., 1914), «Зимою зори» (Пг., 1915), «Прошлогодняя синева» (Пг., 1915) и «Свет двух свечей» (Пг., 1915). Кружок упоминается в обзорной статье Г. Иванова о литературной жизни Петербурга: «Довольно оживленными и не лишенными интереса были собрания литературного кружка “Трирема”, ознаменовавшего свою деятельность изданием нескольких сборников стихов» (*Иванов*).

Лит.: *Иванов Г. В.* Стихи в журналах, изд-ва, альм., кружки в 1915 г. // Аполлон. 1916. № 1. С. 61; *Тименчик Р. Д.* По поводу «Антологии петерб. поэзии эпохи акмеизма» // Russian Literature. 1977. Vol. 5. № 4. P. 315, 320; *Крейд В.* Из ст.: «Трирема»: (Непрочитанная страница истории рус. поэзии). Не опубл. [sic!] // Забытый авангард / [Ред.:] А. Очеретянский, Дж. Янечек, В. Крейд. Нью-Йорк; СПб., 1993. Кн. 2. С. 251–252.

ТРУБАЧЕВА ВЕЧЕРА – литературные вечера в 1890-е гг. в Петербурге. На вечеринках у С. С. Трубачева бывали поэты и артисты, в том числе К. В. Бравич, К. А. Варламов, В. Н. Давыдов, В. П. Далматов, А. А. Коринфский, П. Н. Орленев, Я. П. Полонский, К. К. Случевский, Н. Н. Ходотов, Л. Б. Яворская. Некоторые участники Вечеров посещали впоследствии Пятницы ⇨ Случевского.

Лит.: *Орленев П. Н.* Жизнь и творчество рус. актера Павла Орленева, описанные им самим. Л.; М., 1961. С. 99; *Ходотов Н. Н.* Близкое – далекое. Л.; М., 1962. С. 113; *Смиренский В. В.* К истории пятниц К. К. Случевского // Рус. лит. 1965. № 3. С. 225.

ТУГАН-БАРАНОВСКОГО ЖУРФИКСЫ – проходили во второй половине 1890-х гг. на квартире Л. К. и М. И. Туган-Барановских в Петербурге. Как вспоминал В. В. Вересаев, марксистов «очень часто <...> можно было встретить на журфиксах М. И. Туган-Барановского, где собирались все тогдашние представители легального марксизма – П. Б. Струве, В. Я. Богучарский, П. П. Маслов, М. П. Неведомский, А. М. Калмыкова и др.» (*Вересаев*. С. 370). Среди посетителей были также Н. Ф. Анненский, З. Н. Гиппиус, М. Горький, В. Г. Короленко, Д. С. Мережковский, А. В. Тыркова-Вильямс. Горький сообщал Е. П. Пешковой в письме от 13 октября 1899 г.: «Вчера я был на вечере у Тугана» (*Горький*). См. также: ⇨ Марксистский литературный кружок.

Лит.: *Вересаев В. В.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1961. Т. 5. С. 368–370; *Тыркова-Вильямс А. В.* Тени минувшего. Встречи с писателями // Восп. о серебряном веке. М., 1993. С. 327–329; *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 1997. Т. 1. С. 366; *Тыркова-Вильямс А. В.* То, чего больше не будет. М., 1998. С. 231–234.

ТУРГЕНЕВСКИЙ КРУЖОК при Бестужевских курсах – существовал в 1910-е гг. в Петербурге. В состав кружка, организованного в 1912 г. преподавателем литературы на Высших женских (Бестужевских) курсах Н. К. Пиксановым, входили бестужевки–слушательницы курсов – за два года около ста человек. Результатом научной работы кружка по изучению творчества И. С. Тургенева был «Тургеневский сборник» (Пг., 1915), содержащий шесть работ четырех авторов (библиография, публикации неиздан-

ной переписки, воспоминаний). В предисловии к сборнику Пиксанов изложил основные задачи кружка: собирание и изучение текстов произведений и писем Тургенева, собирание биографических материалов и воспоминаний современников, изучение историко-литературных и биографических исследований о Тургеневе. Изданию второго выпуска «Тургеневского сборника», готовившегося к печати в 1917 г., помешала Октябрьская революция. В числе участниц были Н. К. Гинс и М. Н. Медведовская.

Опыт деятельности кружка был учтен при создании в Петрограде в мае 1919 г. Тургеневского общества. См. также: Кружок ⇨ Пиксанова.

Лит.: *Ивлева М. М., Цветова М. С.* Преподавание лит-ры на историко-филол. ф-те // С.-Петерб. Высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918 гг.): Сб. статей. Л., 1965. С. 96; *Тишкин Г. А.* Н. К. Пиксанов – преподаватель Бестужевских курсов // Рус. лит. 1978. № 4. С. 155–156; *Сергеев В. А.* Тургеневское об-во: (Ист. очерк) // Тургеневский сб. М., 1998. Вып. 1. С. 152–154, 155; Сотрудники РНБ – деятели культуры: Биогр. словарь. СПб., 1999. Т. 2. С. 435.

ТЫРКОВОЙ-ВИЛЬЯМС САЛОН – существовал во второй половине 1900-х гг. и в 1910-е гг. в Петербурге. В доме А. В. Тырковой-Вильямс и ее мужа Г. Вильямса собирались писатели и политические деятели – в частности, лидеры кадетской партии. В числе посетителей были писатели – А. А. Ахматова, А. А. Блок, Ю. Н. Верховский, С. М. Городецкий, Л. Д. Зиновьева-Аннибал, Вяч. И. Иванов, А. И. Куприн, А. М. Ремизов, В. В. Розанов, Б. А. Садовской, Ф. К. Сологуб, гр. А. Н. Толстой; политики – П. В. Герасимов, И. В. Жилкин, В. А. Маклаков, П. Н. Милюков, Д. Д. Протопопов, Ф. И. Родичев, П. Б. Струве, А. И. Шингарев; ученые – А. А. Корнилов, С. Ф. Ольденбург, А. Д. Руднев. В воспоминаниях сына хозяйки А. А. Бормана зафиксировано высказывание Тырковой: «Кроме Маяковского, они все бывали у меня». Сам Борман вспоминал: «И действительно кого только из петербургских писателей не перебывало у мамы. <...> Иногда мама собирала только одних писателей и поэтов. У нее в доме Ремизов впервые прочел свою пьесу “Бесовское Действо”. Читали стихи, разговаривали о литературе» (*Борман.* С. 106).

А.В. Тыркова-Вильямс

Лит.: *Ремизов А. М.* Кукха. Розановы письма. Берлин, 1923. С. 96–97; *Борман А. А.* А. В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и восп. сына. Лувэн; Вашингтон, 1964. С. 89, 105–107; *Тыркова-Вильямс А. В.* Тени минувшего. Встречи с писателями // Восп. о серебряном веке. М., 1993. С. 326; «Вы – друг старый и верный...»: Письма И. А. Бунина к А. В. Тырковой-Вильямс / Публ. Р. Янгирова // Минувшее. М.; СПб., 1994. Вып. 15. С. 167.

[УЖИНЫ БЕЛЛЕТРИСТОВ] – проходили по понедельникам в петербургском ресторане «Москва» в 1902 г. Участвовали К. С. Баранцевич, А. И. Куприн, П. М. Пильский, А. И. Свирский, А. М. Федоров и др.

Лит.: Пильский П. Куприн в России; Остроумие и смех // Балтийский архив. IV. Рига, 1999. С. 292, 304–305; *Он же.* Уездный человек в Петербурге // Там же. V. Рига, 1999. С. 281–282.

«ФАКЕЛЫ» ⇨ **МИСТИЧЕСКИЕ АНАРХИСТЫ**

ФАЛЬКОВСКОГО ЖУРФИКСЫ – проходили около 1906 г. на квартире Ф. Н. Фальковского в Петербурге (ул. Садовая, д. 32). Ф. Ф. Фидлер записал в дневнике 18 ноября 1906 г.: «Falkowskij lud uns ein, ihn freitags, an seinem Jourfix von 2 Uhr ab, zu besuchen» («Фальковский пригласил нас посещать его по пятницам на его журфиксах с двух часов»). Приглашались К. С. Баранцевич, В. Е. Ермилов, В. А. Тихонов и Ф. Ф. Фидлер.

Лит.: *Fiedler F.* Aus der Literatenwelt. Göttingen, 1996. S. 361.

«**ФИАС**» – женский кружок, существовавший в ноябре – декабре 1906 г. в Петербурге. Собрания, организованные Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, проходили в ее квартире на «башне», параллельно с журфиксами мужа, Вяч. И. Иванова (см.: Среды ⇨ Иванова), но в отличие от последних носили узкоинтимный, дружеский характер. Название кружка происходит от греч. «θίασος» – «вакхический хоровод, торжественное шествие вакхантов и вакханок». О значимости этого понятия в частной мифологии Вяч. Иванова и его окружения свидетельствует стихотворение Иванова «Тихий Фиас» (*Иванов В. И.* Собр. соч. Брюссель, 1971. Т. 1. С. 641), а также дарственная надпись Иванова К. А. Сюннербергу на стихотворном сборнике «Прозрачность» от 4 мая 1906 г.: «Дорогому Константину Александровичу Сюннербергу, συμμούσᾳ καῖ συνθιασώτῃ πυρφόρῳ— Ζακλῆς [сопоэту и соучастнику фиасов, факелоносцу – Цаклес]» (Книги и рукоп. в собр. М. С. Лесмана. М., 1989. С. 99; ср. также письмо Иванова к Ш. Дю Бос от 10 февр. 1931 г. // Archivio Russo-Italiano III. Vjačeslav Ivanov – Testi Inediti. Salerno, 2001. С. 514). Иванов печатался под псевдонимом Ζακλῆς в «Весах» (см.: ЛН. 1976. Т. 85. С. 267).

Зиновьева-Аннибал, стремившаяся «собрать закрытый круг женщин, некую констелляцию, которая поможет каждой душе свободно раскрыть что-то исконно свое» (*Волошина*), сообщала М. М. Замятниной в письме от 11 ноября 1906 г.: «Состоялся мой женский Фиас почти случайно, вернее, стихийно, сам собой. Тебя жду в нем участвовать» (*Богомолов.* С. 75). Собрания были задуманы наподобие заседаний другого связанного с «башней» общества ⇨ «Друзей Гафиза»; как вспоминает Волошина, «мы должны были называться другими именами, носить другие одежды, чтобы создать атмосферу, поднимающую нас над повседневностью» (*Волошина*).

В состав кружка входили жена А. А. Блока Л. Д. Блок (носившая в кружке имя «Беатриче»), жена М. А. Волошина М. В. Сабашникова («Примавера») и жена Г. И. Чулкова Н. Г. Чулкова; Зиновьева-Аннибал носила свое гафизитское имя «Диотима»; по данным М. В. Михайловой, участвовала и сестра Г. И. Чулкова Л. И. Рыбакова (*Михайлова.* С. 327). Были, видимо, и случайные посетительницы, вроде «одной учительницы из народной школы, которая, превратно понимая суть дела, вела себя несколько вакхически» (*Волошина*). Как вспоминает Чулкова, «эти собрания женщин происходили недолго, кажется, только 3 или 4 раза, потом Л. Д. заболела» (*Чулкова*) (Зиновьева-Аннибал заболела воспалением легких в декабре 1906 г.).

Кружок «Фиас» представлял собой очередной и, видимо, неудачный – «никакой новой духовности не родилось» (*Волошина*) – опыт воплощения в жизнь связанных с именем Иванова идей мифотворчества и жизнестроительства.

Лит.: ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 236; *Davidson P.* The poetic imagination of Vyacheslav Ivanov. Cambridge, 1983. P. 111; *Волошина (Сабашникова) М. В.* Зелёная Змея: История одной жизни. М., 1993. С. 155; *Чулкова Н. Г.* Вячеслав Иванов // Серебряный век: [Альм.]. Киев, 1994. С. 91; *Богомолов Н. А.* Михаил Кузмин: Статьи и мат-лы. М., 1995. С. 75–76, 347; *Михайлова М. В.* Лидия Зиновьева-Аннибал и Вячеслав Иванов: сотворчество жизни // Вячеслав Иванов: Мат-лы и исслед. М., 1996. С. 327–328.

ФИДЛЕРА ВЕЧЕРИНКИ – проходили в 1890–1910-е гг. в Петербурге на квартире Ф. Ф. Фидлера (ул. Николаевская, 67, кв. 12), раз в год в день его рождения (4 ноя-

Литературно-художественный вечер у Ф.Н. Фальковского. Сидят во 2-м ряду: 4-я справа – Ан.Н. Чеботаревская, 5-й – Ф.К. Сологуб (в очках, соединив руки на коленях), 6-й – Ф.Н. Фальковский. Среди других участников: А.С. Рославлев, В.А. Ашкинази (Азов), В.А. Рышков. Конец 1900-х (?)

бря). На многолюдных вечеринках (собиралось порядка 30–40 человек) бывали видные петербургские писатели. В изданных в 1996 г. фрагментах дневника Фидлера описаны вечеринки 1895, 1897 и 1898 гг. В дневнике А. А. Блока отмечен праздник 1911 г.: «Народ прибывает непрестанно, и к полуночи уже некуда яблоку упасть» (*Блок.* С. 80).

В числе посетителей в дневнике хозяина и в записках современников упоминаются Л. Н. Андреев, К. С. Баранцевич, А. А. Блок, Ф. А. Браун, И. А. Бунин, И. М. Василевский, Л. М. Василевский, М. В. Ватсон, Арс. И. Введенский, П. И. Вейнберг, С. А. Венгеров, З. А. Венгерова, А. А. Виницкая, Е. И. Водовозова-Семевская, З. Н. Гиппиус, М. Ю. Гольдштейн, З. И. Гржебин, О. И. Дымов, А. Е. Зарин, А. А. Измайлов, А. П. Каменский, Е. П. Карпов, Н. А. Карпов, А. И. Куприн, Б. А. Лазаревский, В. С. Лихачев, М. А. Лохвицкая, А. А. Луговой, Д. Н. Мамин-Сибиряк, П. Д. Маныч, Д. С. Мережковский, Н. К. Михайловский, Вас. И. Немирович-Данченко, В. П. Острогорский, Г. С. Петров, Э. К. Пименова, Н. И. Позняков, И. Н. Потапенко, П. П. Потемкин, А. А. Рейнхольдт, А. М. Ремизов, И. С. Рукавишников, С. Н. Сергеев-Ценский, А. А. Слепцов, М. Н. Слепцова, Ф. К. Сологуб, С. Н. Сыромятников, В. А. Тихонов, В. И. Томашевская, О. И. Фельдман, В. Э. Фирсов, Н. Н. Ходотов, О. Н. Чюмина, С. Н. Южаков, И. И. Ясинский. «На свои крохотные средства Ф. Ф. ухитрялся хоть раз в год – накормить и напоить всех, именно всех без исключения. Более близкие и интимные друзья собирались к нему сверх того каждое воскресенье на интимный пирог с капустой и на Калинкинское пиво» (*Немирович-Данченко.* С. 103).

Свой последний день рождения больной Фидлер отметил в ноябре 1916 г. в больнице, где его посетили среди прочих И. М. Булацель, С. А. Венгеров, С. Н. Журавская и К. В. Лукашевич. Фидлер записал 5 ноября 1916 г. в дневнике: «Und wo blieb die übrige Hundert, die an diesem Abend und in dieser Nacht bei mir gegessen und getrunken und mich für meine Gastfreundschaft in Prosa und in Versen besungen?» («Но где же остальная сотня, которая в те вечера и ночи ела и пила у меня и воспевала меня в прозе и стихах за мое гостеприимство?» (*Fiedler.* S. 492).

Лит.: *Немирович-Данченко Вас. И.* На кладбищах: (Восп.). Ревель, 1921. С. 103, 104, 109–110; *Ходотов Н. Н.* Близкое – далекое. Л.; М., 1962. С. 207; *Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 80–81; *Чуковский К. И.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1965. Т. 2. С. 180–181; *Fiedler F.* Aus der Literatenwelt. Göttingen, 1996. S. 19, 27, 196–198, 232–233, 242–244, 492.

Архивы: *Карпов Н. А.* В лит. болоте: (Восп.) // РГАЛИ. Ф. 2114 (Карпов Н. А.). Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 72–73 [сообщено А. И. Рейтблатом].

ФИДЛЕРОВСКИЕ ОБЕДЫ – встречи писателей, существовавшие в 1900-е гг. в Петербурге. Товарищеские обеды возникли по инициативе Ф. Ф. Фидлера и были задуманы как возобновление прекратившихся в январе 1901 г. ⇨ Обедов беллетристов. Обеды проходили в ресторане Палкина (Невский просп.). Среди участников были М. Н. Альбов, К. С. Баранцевич, кн. В. В. Барятинский, С. Я. Елпатьевский, С. Н. Кривенко, А. И. Куприн, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Д. Л. Мордовцев, Вас. И. Немирович-Данченко, Г. С. Петров, И. Н. Потапенко, А. М. Хирьяков, Ф. И. Шаляпин, Л. Г. Яковлев и др. В дневнике Фидлера описаны «Kameradschaftliche Diners» («Товарищеские обеды») от 28 декабря 1902 г. и от 18 января 1903 г.

Лит.: *Старцев Г.* Заметки дня // Телеграф. 1907. 27 янв. № 4. С. 3; *Немирович-Данченко Вас. И.* На кладбищах: (Восп.). Ревель, 1921. С. 102; *Fiedler F.* Aus der Literatenwelt. Göttingen, 1996. S. 18–19, 309, 311, 315–316, 360.

«ФИЗА» ⇨ ОБЩЕСТВО ПОЭТОВ («ФИЗА»)

ФИЛИППОВА СУББОТЫ – проходили в 1901 г. в Москве у Н. Д. Филиппова, «сына известного булочника» (запись И. Н. Розанова на форзаце принадлежавшего ему экземпляра анонимной книги стихов Филиппова «Мой дар» (М., [1918]); см.: Библиотека рус. поэзии И. Н. Розанова: Библиогр. описание. М., 1975. С. 210). В. Я. Брюсов

записал в дневнике за февраль—март 1901 г.: «Бывал я еще на субботах у Н. Д. Филиппова, встречался там с Соболевским и др., но люди это недалекие, моих суждений о анархизме и поэзии пугались, а сами кропали политические эпиграммы. <...> Собирались к Филиппову чуть ли не исключительно затем, чтобы пить его вина, ликеры и шоколад».

Лит.: *Брюсов В. Я.* Дневники. 1891—1910. М., 1927. С. 101.

ФРИЧЕ ЖУРФИКСЫ — проходили в 1897 г. в Москве на квартире В. М. Фриче на ул. Тверской по субботам. Среди посетителей были В. Я. Брюсов и В. Ф. Саводник. Последний вспоминал, что во время вечеринок «за стаканом чая читались рефераты преимущественно историко-литературного содержания» (*Саводник.* С. 105).

Лит.: Поэт и ученый: (Восп. о В. Я. Брюсове В. Ф. Саводника и письма к нему В. Я. Брюсова) / Публ. Е. М. Беня // Встречи с прошлым. М., 1988. Вып. 6. С. 104—105.

ФУТУРИСТЫ ⇨ КУБОФУТУРИСТЫ; ⇨ ЭГОФУТУРИСТЫ

ХИН-ГОЛЬДОВСКОЙ САЛОН — существовал в 1890—1910-е гг. в Москве. В доме Гольдовских бывали «многие выдающиеся литераторы, ученые и общественные деятели. Хозяйку этого салона иногда в шутку называли “мадам Рамбуйе”» (*Коркина*). По-видимому, исследовательница имеет в виду пассаж в дневнике Р. М. Хин-Гольдовской от 27 января 1902 г., в котором зафиксировано высказывание В. А. Гольцева и А. А. Вербицкой о том, «что [П. Д.] Боборыкин спросил: “Где же Р. М. — la duchesse de Rambouillet?” — Вот как он вас величает!» (*Хин-Гольдовская*). Боборыкин шутя сопоставлял Хин-Гольдовскую с Catherine de Rambouillet (1588—1665), хозяйкой знаменитого парижского салона Hôtel de Rambouillet (1613—1650).

Р.М. Хин-Гольдовская

В 1910-е гг. «вторники» Хин-Гольдовской посещал М. А. Волошин; его стихотворение «Р. М. Хин» (1913) «запечатлело творческую жизнь этого литературного салона» (*Беляев*); в стихотворении упоминаются имена А. Ф. Кони, Р. Р. Минцлова, Вл. С. Соловьева, Н. И. Стороженко, В. И. Танеева, кн. А. И. Урусова и др. В дневнике гр. А. Н. Толстого упоминается вечер у Гольдовских, прошедший 2 марта 1913 г. Среди посетителей («человек 50») названы М. А. Волошин, кн. А. И. Сумбатов-Южин.

Лит.: *Толстой А. Н.* Дневник 1911—1914 гг. / Вступ. ст. и публ. А. И. Хайлова // А. Н. Толстой: Мат-лы и исслед. М., 1985. С. 308; *Беляев Д. А.* [Предисл. к публ.: Цветаева М. И. Письма М. С. Фельдштейну и Е. А. Фельдштейн] // De visu. 1993. № 9 (10). С. 5; *Хин-Гольдовская Р. М.* Очарованье старых дневников. 1902—1905 / Публ. М. Ситковецкой // Грани. 1995. № 177. С. 169; *Коркина Е. Б.* [Предисл. к публ.: *Хин-Гольдовская Р. М.* Из дневников 1913—1917] // Минувшее. М.; СПб., 1997. Вып. 21. С. 521.

ХОДОТОВА ВЕЧЕРА — проходили с 1905 по 1910-е гг. в Петербурге. Как вспоминал Е. Н. Чириков, дом актера Н. Н. Ходотова «был салоном, открытым для служите-

лей всех девяти муз искусства и науки в лице их наличного состава столицы, от знаменитостей до непризнанных гениев богемы. <...> Надо сказать, что вечера Ходотова и его салона всегда напоминали просто веселые товарищеские пирушки, вперемежку с литературными и артистическими выступлениями певцов, декламаторов, рассказчиков. Ужин всегда сопровождался значительными возлияниями Бахусу, и частенько пиры кончались бедою: не только ссорой, но иногда и драками людей с громкими именами!» (*Чириков*. С. 368, 369).

Н.Н. Ходотов

На ходотовских вечерах бывали Л. Н. Андреев, К. И. Арабажин, Н. Ф. Арбенин, Ш. Аш, К. С. Баранцевич, Ю. Д. Беляев, А. Л. Волынский, Н. Г. Гарин-Михайловский, А. С. Грин, В. П. Далматов, О. Дымов, В. Е. Ермилов, И. В. Жилкин, А. П. Каменский, А. Р. Кугель, А. И. Куприн, В. Н. Ладыженский, Б. А. Лазаревский, С. А. Найденов, П. М. Пильский, И. С. Рукавишников, А. И. Свирский, С. Г. Скиталец, В. А. Тихонов, Ф. Н. Фальковский, Ф. Ф. Фидлер, Д. М. Цензор, Е. Н. Чириков, А. Е. Шайкевич, Т. Л. Щепкина-Куперник, С. С. Юшкевич и др.

У Ходотова произошел 18 февраля 1909 г. так называемый «чириковский инцидент»: на прениях после чтения пьесы Ш. Аша Чириков вступил в полемику с Волынским, Дымовым и Шайкевичем, затрагивая «еврейский вопрос»; задетые лица в прессе обвинили Чирикова в антисемитизме; инцидент подхватила и использовала для антисемитской пропаганды правая печать (см.: ЛН. 1988. Т. 95. С. 143–145; Минувшее. М.; СПб., 1992. Вып. 11. С. 289).

Лит.: *Щепкина-Куперник Т. Л.* Театр в моей жизни. М.; Л., 1948. С. 372–374; *Ходотов Н. Н.* Близкое – далекое. Л.; М., 1962. С. 173–179, 206, 210, 227–228; *Куприна-Иорданская М. К.* Годы молодости. М., 1966. С. 305–306; *Чириков Е. Н.* На путях жизни и творчества: Отрывки восп. / Вступ. ст., публ. и примеч. А. В. Бобыря // Лица. М.; СПб., 1993. Вып. 3. С. 368–371; *Fiedler F.* Aus der Literatenwelt. Göttingen, 1996. S. 360–361; *Пильский П.* Угарные дни; Петербургские дни // Балтийский архив. IV. Рига, 1999. С. 261–262, 273–274; *Гарина Н.* Андреев Леонид Николаевич // Ежегодник РОПД на 2000 год. СПб., 2004. С. 427–428.

ХРИСТИАНСКОЕ БРАТСТВО БОРЬБЫ [ХББ] – религиозно-философско-политическое объединение, основанное В. П. Свенцицким, П. А. Флоренским (под вопросом; см.: *Иванова*) и В. Ф. Эрном в феврале 1905 г. в Москве и существовавшее как издательское начинание вплоть до 1908 г.

Наряду с В. П. Свенцицким и В. Ф. Эрном ядро объединения составляли И. П. Брихничев, А. С. Глинка-Волжский, А. В. Ельчанинов. В деятельности ХББ в разное время и в разной степени участвовали также А. Белый, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Е. Г. Лундберг, А. С. Петровский, М. И. Сизов, П. А. Флоренский и др.

Зародышем общества был студенческий религиозно-философский кружок, существовавший в 1903–1904 гг., в который входили А. Белый, А. В. Ельчанинов, В. П. Свенцицкий, С. М. Соловьев, П. А. Флоренский, В. Ф. Эрн; кружок образовал секцию истории религии при студенческом ⇨ Историко-филологическом обществе. Белый

впоследствии датировал появление в нем «тройки “апокалиптиков”» (*Белый*. С. 290) — Свенцицкого, Флоренского и Эрна — и свое вступление в их кружок декабрем 1903 г. (*Белый*. С. 633). Флоренский сообщал Белому в письме от 21 мая 1904 г. о планах кружка: «...мы, наш кружок, собираемся впоследствии издавать журнал — нечто вроде органа “ордена”. Журнал должен быть посвящен вопросам религии, причем можно подступаться со всех сторон к ним: от философских и мистических произведений до научных и исторических, включая чисто поэтические» (*Там же*).

Возникновение ХББ было реакцией на события Кровавого воскресенья 9 января 1905 г. (расстрела мирной религиозной демонстрации рабочих перед Зимним дворцом) и на отношение официальной церкви к этим событиям. Учреждению Братства в феврале 1905 г. предшествовали безуспешные попытки Свенцицкого и Эрна добиться осуждения инцидента церковью.

Согласно программной листовке, ХББ в качестве «новой политической партии» преследовало следующие задачи: «1. Борьба с самым безбожным проявлением светской власти — с Самодержавием, кощунственно прикрывающимся авторитетом церкви, терзающим народное тело и сковывающим все добрые силы общества. 2. Борьба с пассивным состоянием церкви в отношении государственной власти, в результате чего церковь идет на служение самым низменным целям и явно предает Кесарю Божье. 3. Утверждение в социально-экономических отношениях принципа Христианской любви, содействуя переходу от индивидуально-правовой собственности к общественно-трудовой» (цит.: *Иванова*. С. 162—163). В программе ХББ заметны также эсхатологические черты — ожидание скорого исполнения пророчеств Апокалипсиса и наступления царствия Божьего, равно как идеи воскрешения и преодоления смерти, навеянные, видимо, учением Н. Ф. Федорова (*Hagemeister*. S. 167).

Как политическое начинание ХББ было мертворожденным и исчерпало свои силы уже к лету 1905 г. Братство продолжало деятельность на издательском поприще, распространяя свои идеи в многочисленных брошюрах и периодических изданиях. В начале 1906 г. оно открыло серию «Религиозно-общественная библиотека» книжкой Свенцицкого «ХББ и его программа» (М., 1906), запрещенной цензурой 25 февраля 1906 г. (*Колеров*. С. 299); за ней последовало несколько популярных брошюр Ельчанинова, Свенцицкого, Эрна и др. С апреля по июль 1906 г. члены Братства издали в Тифлисе и Москве ряд недолговечных газет: в Тифлисе — «Встань, спящий», «Наша мысль», «Ходите в свете», «Маяк», «Встань и ходи», «Вы еще спите?»; в Москве (с июля) — «Ходите в свете» и «Духа не угашайте» (они же — «Стойте в свободе». № 1, 2). Все эти издания отстаивали политически радикальные позиции христианского социализма, неприемлемые для государственной власти и официальной церкви и преследуемые цензурой. И. П. Брихничев поплатился за свои статьи в газете «Встань, спящий» даже годом заключения в крепости (*Там же*. С. 300). Политически менее злободневными, зато интеллектуально более сложными и проблемными были следующие издания ХББ: сборники статей «Вопросы религии» (М., 1906. Вып. 1; М., 1908. Вып. 2) и «Религия и жизнь» (М., 1908), а также журнал «Живая Жизнь» (М., 1907—1908; вышло всего 4 номера с 27 ноября 1907 г. по 30 января 1908 г.).

Лит.: *Свенцицкий В. П.* ХББ и его программа. М., 1906; *Философов Д. В.* О братстве церковного обновления // Товарищ. 1906. № 134; Церковная программа ХББ // Век. 1907. № 23. С. 356—357; *Stäglich D.* Vl. Ėrn. Sein philosophisches und publizistisches Werk. Diss. Bonn, 1967. S. 10—15, 24—25; *Scherrer J.* Die Petersburger religiös-philosophischen Vereinigungen. Berlin, 1973. S. 144—152 и др. (указ.); *Зернов Н. М.* Рус. религ. возрождение XX в. Париж, 1974. С. 112—119; *Ровнер А.* В. Ф. Эрн // Рус. религ.-филос. мысль XX в. Питтсбург, 1975. С. 384—386; *Putnam G. F.* Russian Alternatives to Marxism: Christian Socialism and Idealistic Liberalism in Twentieth-Century Russia. Knoxville, 1977. P. 58—60, 72—78; *Scherrer J.* Intelligencija, religion, r volution: Premieres manifestations d'un socialisme chr tien en Russie. 1905—1907 // Cahiers du Monde russe et sovi tique. 1977. T. 17. № 4. P. 438—453, 458—466; *Hagemeister M.* N. Fedorov: Studien zu Leben, Werk und Wirkung. München, 1989. S. 166—167; *Белый А.* Начало века. М., 1990. С. 290, 298—304, 633; *Свентицкий В. П.* Пред-

смертные письма / Публ. Р. Крепса // Минувшее. М., 1990. Вып. 1. С. 294–295; *Шеррер Ю.* Владимир Францевич Эрн // Эрн В. Ф. Соч. М., 1991. С. 3–4; *Иванова Е. В.* Флоренский и ХББ // Вопр. филос. 1993. № 6. С. 159–166; *Колеров М. А.* Издания «ХББ» (1906–1908) // Новое лит. обозр. 1993. № 5. С. 299–308; *Burchardi K.* Die Moskauer «Religiös-philosophische Vladimir-Solov'ev-Gesellschaft» (1905–1918). Wiesbaden, 1998. S. 129, 182–188.

ХУДЕКОВЫХ СУББОТЫ – литературно-артистические вечера, проходившие в конце 1880-х – начале 1890-х гг. в доме-особняке издателя «Петербургской газеты» С. Н. Худекова и его жены Н. А. Худековой в Петербурге (ул. Стремянная). Л. А. Авилова, сестра хозяйки, вспоминала: «У нее бывали многие знаменитости: артисты, художники, певцы, поэты, писатели» (*Авилова.* С. 116). «Кроме ближайших сотрудников газеты, бывало всегда много народу. Раза два был [А. П.] Чехов» (*Кугель*). Среди посетителей были Л. А. Авилова, А. Р. Кугель, Н. А. Лейкин, Д. Д. Минаев, А. П. Чехов, И. И. Ясинский.

Вечера охарактеризовал в своих воспоминаниях А. Р. Кугель: «Сотрудники считали эти субботы довольно неприятною обязательною службою и норовили приезжать, кто мог, часам к 12, – к ужину, который был великолепен и тонко сервирован. <...> Несмотря на блеск приемов, на отличное угощение и на многолюдство этих собраний, – было тоскливо, вернее, холодно, потому что недоставало главного: внутреннего интереса. Тут не было ни политической платформы, объединявшей круг приглашенных, ни артистического или литературного темперамента, ни умственных запросов» (*Там же*).

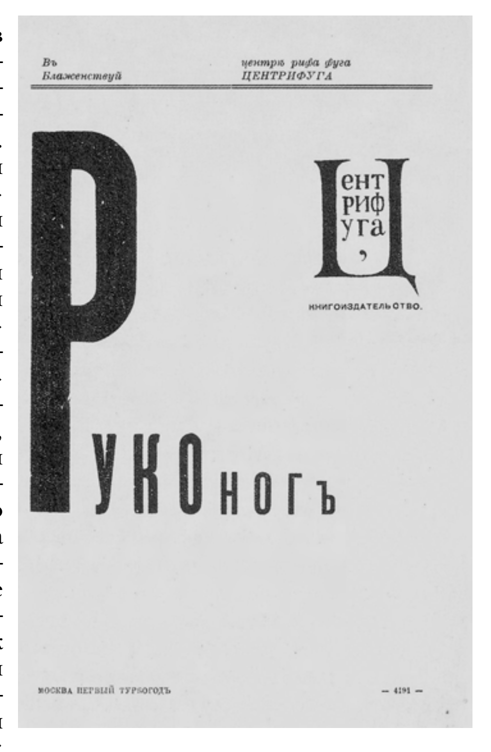
Лит.: *Н. Х–ва [Худекова Н. А.].* Мои восп. о Чехове // Петерб. газета. 1914. 2 июля. № 178; *Кугель А. Р.* Лит. восп. (1882–1896 гг.). Пг.; М., 1923. С. 73; *Авилова Л. А.* Рассказы. Восп. М., 1984. С. 116–119, 232–233, 321; РП. 1989. Т. 1. С. 18.

«**ЦЕНТРИФУГА**» – группа футуристов в 1914–1922 гг. в Москве. Возникла по инициативе Н. Н. Асеева, С. П. Боброва и Б. Л. Пастернака; в ее состав входили в разное время также И. А. Аксенов, Божидар (Б. П. Гордеев), К. А. Большаков, Б. А. Кушнер, К. Г. Локс, Г. Н. Петников, Ф. Ф. Платов, А. Л. Штих.

«Центрифуга» возникла вследствие раскола в кружке ⇨ «Лирика» в январе 1914 г. Пастернак вспоминал в «Охранной грамоте», что «нарожденье “Центрифуги” сопровождалось всю зиму нескончаемыми скандалами» (*Пастернак, 1991.* С. 215). Три члена «Лирики» – Асеев, Бобров и Пастернак – покинули кружок, образовав «Временный экстраординарный комитет Центрифуга» и разослав 22 января 1914 г. остальным членам группы подписанный от имени комитета «декрет» о закрытии и упразднении «Лирики» (*Пастернак, 1989.* С. 204; более подробно об этом конфликте см. в статье о «Лирике»).

Книгоиздательство «Центрифуга» было официально создано 1 марта 1914 г.; первое издание, альманах «Руконог», вышло в конце апреля (зарег. 22–29 мая; КЛ 1914/12248). В нем основоположники группы Асеев, Бобров и Пастернак поместили кроме собственных стихов декларацию «Грамота» (подпись Ильи Зданевича под «Грамотой» помещена там по недоразумению без его ведома; см. *Флейшман, 1977.* С. 68, 88); автором стихотворного манифеста «Турбопэан» был, по свидетельству Локса, Бобров (*Локс, 1994.* С. 107). В сборник вошли стихи Асеева, Боброва, Божидара, Пастернака, подборка произведений ⇨ Эгофутуристов И. В. Игнатьева, В. И. Гнедова, Р. Ивнева, П. Д. Широкова и Д. А. Крючкова, а также стихотворение участницы ⇨ «Цеха поэтов» Е. Ю. Кузьминой-Караваевой. «Руконог» содержал также литературно-полемические материалы: статью Пастернака «Вассерманова реакция», направленную против члена группы ⇨ «Мезонин поэзии» В. Г. Шершеневича, и заметки Боброва (подпись: Ц.ф.Г.) «Книжные новости», в которых резко критиковались ⇨ Кубофутуристы и Шершеневич.

Полемический задор центрифугистов был реакцией на вышедший в середине марта 1914 г. «Первый журнал русских футуристов», содержавший резко отрицательные рецензии Шершеневича на издания «Лирики». В ответ К. А. Большаков, В. В. Маяковский и В. Г. Шершеневич направили «Центрифуге» 2 мая 1914 г. письмо с требованием встречи представителей обоих лагерей «в ближайшие четыре дня» для выяснения отношений (*Флейшман, 1977.* С. 68–69). Состоявшаяся тогда «сшибка двух литературных групп» описана Пастернаком в «Охранной грамоте» и в воспоминаниях «Люди и положения» (*Пастернак, 1991.* С. 215–218, 333). Со стороны журнала на встречу явились Большаков, Маяковский и Шершеневич, со стороны «Центрифуги» – Бобров, Пастернак и Кушнер (*Флейшман, 1972.* С. 74–75). Знакомство с Маяковским на этой встрече произвело на Пастернака сильное впечатление и заставило его в течение лета пересмотреть свое отношение к «Центрифуге»; в письме к Боброву от середины июля 1914 г. Пастернак подробно излагает то, «что вызвало у меня это долго создававшееся охлаждение к Ц[ентри]ф[у]ге» (*Рашковская, 1996.* С. 50). Летом же Асеев временно перешел в группу ⇨ «Лирень»; таким образом, «Центрифуга» вскоре после основания испытала серьезный кризис.



Альманах «Руконог». М., 1914. Обложка

Кроме «Руконога» единственной книгой, выпущенной издательством в 1914 г., была брошюра Боброва «Лирическая тема. XVIII экскурсов в ее области» (зарег. 8–15 мая; КЛ 1914/11161) – переиздание его старой статьи (впервые: Труды и дни. 1913. № 1–2), сыгравшей еще в кружке «Лирика» программную роль. В конце 1914 г. Бобров сошелся с Ф. Платовым и выпустил под маркой «Центрифуга» на средства автора две книги Платова: в январе 1915 г. – «Блаженны нищие духом: Семьдесят стихов» (зарег. 14–21 янв.; КЛ 1915/2300) и, вероятно, в начале 1916 г. – «Третья книга от Федора Платова» (М., 1916) (в КЛ нет).

Следующее, «пятое турбоиздание» «Центрифуги» вышло лишь в апреле 1916 г. – это был подготавливавшийся Бобровым еще с осени 1914 г. «Второй сборник Центрифуги» (зарег. 26 апр. – 3 мая; КЛ 1916/7428). Едва ли не две трети альманаха занимают критические статьи в основном Боброва (под многочисленными псевдонимами), а также «Черный бокал» Пастернака и «Белинский и Айхенвальд» Ptyx'а (Б. А. Садовского). В отделе поэзии Боброву же принадлежит примерно треть всех стихотворений; сборник содержит также стихи Пастернака, Божидара, Кушнера, Г. Ростовского (А. Л. Штиха), Большакова, В. В. Хлебникова, нескольких эгофутуристов и др.

Весной 1916 г. к «Центрифуге» присоединился И. А. Аксенов, внеся в издательство денежные средства и предложив четыре рукописи собственных книг. Аксенов быстро стал одним из лидеров, заняв наиболее радикальные позиции в группе. В июне 1916 г. «Центрифуга» заключила союз с С. М. Вермелем, издавшим к этому времени два околофутуристских альманаха «Весеннее контрагентство муз» (М., 1915) и «Московские мастера» (М., 1916), в которых участвовали также центрифугисты; альянс с Вермелем обеспечил финансовую сторону целого ряда изданий «Центрифуги».

В июне 1916 г. вышли стиховедческая книга Божидара «Распевочное единство» (зарег. 21–28 июня; КЛ 1916/10213) и сборник стихов Большакова «Солнце на излете» (зарег. 28 июня – 5 июля; 1916/10466), в сентябре – стихотворения Ивнева «Золото смерти» (зарег. 13–20 сент.; КЛ 1916/13871) и сборник пьес Дж. Форда, Дж. Уэбстера и С. Тёрнера «Елизаветинцы» в переводах Аксенова (зарег. 20–27 сент.; КЛ 1916/14151).

Осенью 1916 г. Пастернак привлек в «Центрифугу» старого сотоварища времен «Лирики» К. Г. Локса, что, по оценке Пастернака, стало возможным благодаря «метаморфозе» «Центрифуги» в «издательство серьезное, солидное, перворазрядное и передовое» (письмо к Боброву от сент. 1916 г.; *Рашковская, 1996.* С. 68–69); Пастернак считал, что в последних изданиях «Центрифуги» не ощущалась больше атмосфера кружковой литературной борьбы, царившая еще во «Втором сборнике». Когда же Бобров, собиравший с осени 1916 г. материалы для очередного альманаха, предложил Пастернаку написать полемическую рецензию на новый сборник стихов Маяковского, Пастернак отказался, усмотрев в этом «прежний, Руконогом отдающий дух затхлой и узкой партийности», «фаворитизм» и «соблазн кружковщины» (письмо к Боброву от 27 нояб. 1916 г.; *Там же.* С. 91–92).

В конце ноября вышла брошюра Боброва «Н. М. Языков о мировой литературе» (зарег. 21 нояб. – 6 дек.; КЛ 1916/16890). Вернувшийся еще летом 1916 г. в «Центрифугу» Асеев выпустил в декабре стихотворный сборник «Оксана» (зарег. 6–13 дек.; КЛ 1916/17339). Следующей вышла книга стихов Аксенова «Неуважительные основания» (М., 1916) (зарег. 12–19 янв. 1917 г.; КЛ 1917/758). Очередными книгами «Центрифуги» были стихотворные сборники «Поверх барьеров» Пастернака (зарег. 26 янв. – 2 февр.; КЛ 1917/1645) и «Алмазные леса» Боброва (зарег. 16–23 февр.; КЛ 1917/2550).

В середине февраля 1917 г. напряженные еще с осени отношения центрифугистов с Вермелем кончились полным разрывом; Вермеля не устраивала роль спонсора без влияния и намерение некоторых членов группы «оставить за собой преобладание и оттеснить его в наиболее темную щель» (письмо Аксенова к Боброву от 3 авг. 1916 г.; *Флейшман, 1977.* С. 78). Ряд проектов «Центрифуги» зимы 1916–1917 гг. из-за отсутствия средств остался неосуществленным, в том числе издание уже подготовленного к печати «Третьего сборника Центрифуги» (материалы к нему сохранились в архиве Боброва; РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 1. Ед. хр. 676, 701, 706, 712, 731, 732, 740, 741, 747 и др.). В марте–апреле 1917 г. вышел следующий сборник стихов Боброва «Лира лир» (в КЛ нет). Издательскую деятельность «Центрифуги» 1916–1917 гг. завершила книга Аксенова «Пикассо и окрестности» (зарег. 9–16 сент.; КЛ 1917/7895).

В 1918 г. под маркой «Центрифуги» вышла лишь одна книга – трагедия Аксенова «Коринфяне». До корректуры была доведена пародийная книга Боброва под названием «К. Бубéра. Критика житейской философии» (*Гаспаров, 1993*). В том же году Бобров, Аксенов, Большаков, Ивнев и Пастернак ходатайствовали у А. В. Луначарского об официальной поддержке «Центрифуги» (*Флейшман, 1977.* С. 83). Попытки возобновить деятельность издательства в кризисное время 1919–1921 гг. не увенчались успехом; в письме от 2 февр. 1920 г. Бобров сообщал Садовскому: «Все устали, изболелись, измучались, но все еще что-то делаем. На “Центрифугу” нам дали денег, будем издаваться, но пока дело идет очень плохо, т.к. все московские типографии стали» (Новое лит. обозр. 1993. № 3. С. 208). Лишь в 1922 г. Бобров смог выпустить свой роман «Восстание мизантропов»; книга оказалась последним изданием «Центрифуги».

От других футуристических группировок «Центрифуга» внешне отличалась, во-первых, сведением своей деятельности к изданию книг (т.е. отсутствием «раскрашивания лиц» – скандальных публичных выступлений; во-вторых, долговечностью – группа существовала, по крайней мере номинально, свыше восьми лет. Что же касается программных установок, то трудно говорить о единой линии центрифугистов – слишком сильно отличались они друг от друга. Общими для членов «Центрифуги» были

только установка на формальное новаторство в поэзии, особенно в области ритмики и метафорики — здесь важны понятия «лирический простор» у Боброва в книге «Лирическая тема» (см.: *Марков, 1967.* С. 104—106) и «ассоциация по смежности» у Пастернака в «Вассермановой реакции» (*Пастернак, 1991.* С. 353), а также высокий культурный уровень, пожалуй, самый высокий среди футуристических группировок.

«Центрифуге» не были чужды такие «общефутуристические» черты, как тяга к словесному эксперименту и подчеркнутая «современность» урбанистических и технических мотивов, отразившаяся еще в самом названии группировки; не исключено, впрочем, что слово «Центрифуга» предложил Пастернак под впечатлением рекламной надписи на здании в Марбурге (устное сообщение Ренаты фон Майдель от 28 окт. 1993 г.). Типично «футуристичны» также споры членов «Центрифуги», особенно Боброва, с футуристами других группировок об «истинном футуризме» (*Пастернак, 1991.* С. 351), но в отличие от эгофутуристов и кубофутуристов центрифугисты отнюдь не отрицали культурного наследия — так, в издательстве готовился сборник произведений А. С. Пушкина с комментариями В. Я. Брюсова (см. договор с Брюсовым от 22 марта 1917 г.; РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Ед. хр. 665); в группе почитались наряду с А. С. Пушкиным, Н. М. Языков, Е. А. Баратынский, Ф. И. Тютчев и другие поэты вплоть до И. Коневского (связь с ⇨ Символистами прослеживается как в биографиях, так и в творчестве ряда центрифугистов). Итак, футуризм «Центрифуги» — умеренный, «приручённый» («domestic»; *Markov, 1968.* P. 240), пропущенный через призму русской классической поэзии, символизма и европейской культуры.

См. в приложении стихотворение С. П. Боброва «Турбопэан» и манифест Н. Асеева, С. Боброва и Б. Пастернака «Грамота».

Лит.: *Спасский С. Д.* Маяковский и его спутники: Восп. Л., 1940. С. 48; Манифесты и программы рус. футуристов / [Ред. *В. Ф. Марков*]. München, 1967. С. 10—11, 98—130; *Markov V.* Russian Futurism: A History. Berkeley, 1968. P. 228—275; *Флейшман Л.* Первый год «Центрифуги». «Центрифуга» и В. Маяковский // Мат-лы XXVII науч. студенч. конференции. Лит-ведение. Лингвистика. Тарту, 1972. С. 71—76; *Флейшман Л.* История «Центрифуги» // Флейшман Л. Статьи о Пастернаке. Bremen, 1977. С. 63—101; *Флейшман Л.* История «Центрифуги»; Discussion // Boris Pasternak 1890—1960. Colloque de Cerisy-la-Salle (11—14 septembre 1975). Paris, 1979. P. 19—42, 48—51; *Флейшман Л.* Фрагменты «футуристич.» биогр. Пастернака // Slavica hierosolymitana. Jerusalem, 1979. Vol. 4. P. 79—113; *Вулис А. З.* С. П. Бобров — основатель изд-ва «Центрифуга» // Книга и социальный прогресс: Пятая Всесоюз. науч. конференция по проблемам книговедения. Секция истории книги. М., 1984. С. 67—68; *Lauer R.* Das poetische Programm der Centrifuga // Text. Symbol. Welt: Johannes Holthusen zum 60. Geburtstag. München, 1984. S. 365—375; Поэт в мире, мир в поэте: (Письма Б. Л. Пастернака к С. П. Боброву) / Сообщение М. А. Рашковской // Встречи с прошлым. М., 1987. Вып. 4. С. 133—153; *Пастернак Е. Б.* Борис Пастернак: Мат-лы для биогр. М., 1989. С. 203—214; *Казакова С. Я.* Творч. история объединения «Центрифуга» (Заметки о ранних поэтич. взаимосвязях Б. Пастернака, Н. Асеева и С. Боброва) // Russian Literature. 1990. Vol. 27. № 4. P. 459—482; *Пастернак Б. Л.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1991. Т. 4. С. 215—218, 233; Неизвестная книга Сергея Боброва. Из собр. библиотеки Стэнфордского ун-та / Под ред. М. Л. Гаспарова. Stanford, 1993. (Stanford Slavic Studies. Vol. 6); *Пастернак Б. Л.* Письма к Константину Локсу / Публ. Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак // Минувшее. М.; СПб., 1993. Вып. 13. С. 165; *Терехина В. Н.* «Только мы — лицо нашего времени» // Библиография. 1993. № 6. С. 76—78; *Локс К. Г.* Повесть об одном десятилетии (1907—1917) / Публ. Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова // Минувшее. М.; СПб., 1994. Вып. 15. С. 107—108, 136; *Безродный М.* Между двух антологий: (Поэтич. карьера Сергея Боброва) // Модернизм и постмодернизм в рус. лит. и культуре Helsinki, 1996. (Slavica helsingiensia 16). С. 193—195; Борис Пастернак и Сергей Бобров: Письма четырех десятилетий / Публ. М. А. Рашковской. Stanford, 1996. (Stanford Slavic Studies. Vol. 10); *Флейшман Л.* Пастернак и предреволюционный футуризм // Пастернаковские чтения. М., 1998. Вып. 2. С. 244—258; *Рашковская М. А.* Пастернак о Маяковском // Там же. С. 358; Поэзия рус. футуризма / Сост. В. Н. Альфонсов, С. Р. Красицкий. СПб., 1999. С. 451—518, 632—633; Рус. футуризм: Теория. Практика. Критика. Восп. / Сост. В. Н. Терёхина, А. П. Зименков. М., 1999. С. 26—29, 191—220.

Архивы: РГАЛИ. Ф. 2554 (Бобров С. П.). Оп. 1. Ед. хр. 93—94 и др.; Оп. 2. Ед. хр. 342 и др.

«**ЦЕХ ПОЭТОВ**» **[ЦП]** – литературное объединение, основанное Н. С. Гумилевым и С. М. Городецким осенью 1911 г. в Петербурге и существовавшее до осени 1914 г.

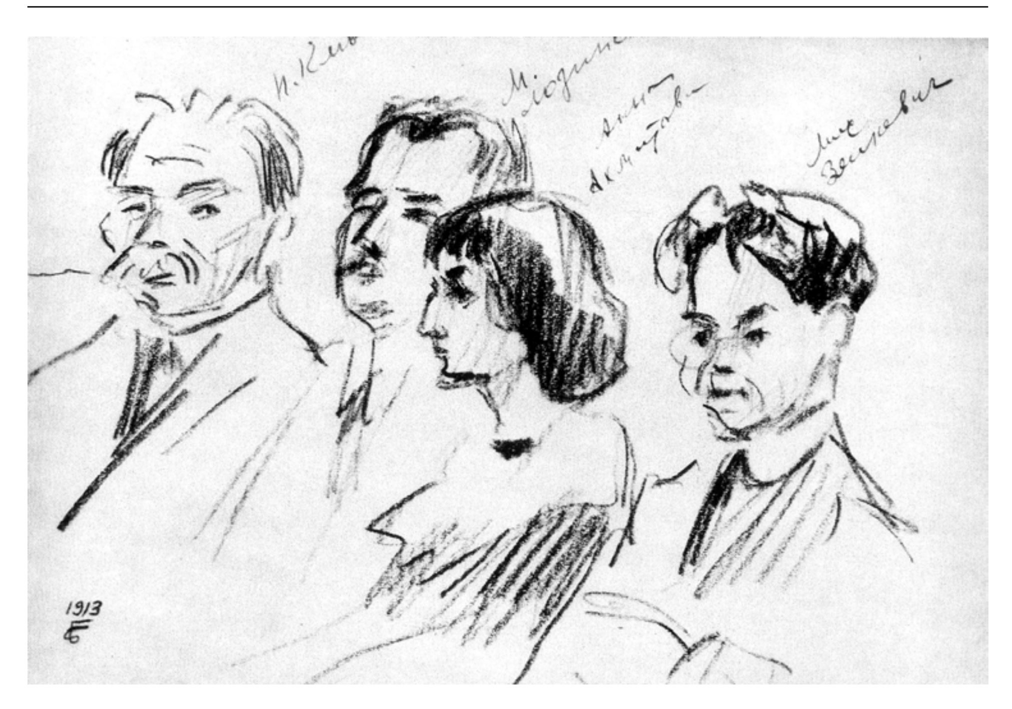
Кружок выделился из возглавляемого Вяч. И. Ивановым ⇨ Общества ревнителей художественного слова (Академии стиха). Намерение создать собственный литературный кружок было обусловлено желанием Гумилева выйти из не удовлетворявшего его положения ученика и эпигона ⇨ Символистов, а также увеличивающимися расхождениями Иванова и Гумилева в воззрениях на литературу, которые отразились, в частности, в рецензии последнего на стихотворный сборник Иванова «Cor ardens» (Аполлон. 1911. № 7). По рассказам А. А. Ахматовой, толчком для образования ЦП послужил инцидент, происшедший на заседании Академии стиха 13 апреля 1911 г. (см. отчет В. А. Чудовского: Рус. худож. летопись. 1911. № 9. С. 142): «Когда Н[иколай] С[тепанович] читал в Академии стиха своего "Блудного сына", В[ячеслав] обрушился на него с почти непристойной бранью. Я помню, как мы возвращались в Царское, совершенно раздавленные происшедшим, и потом Н[иколай] С[тепанович] всегда смотрел на В[ячеслава] И[вановича] как на открытого врага» (*Ахматова, 1989.* С. 11; ср.: *Мандельштам, 1990.* С. 38). Окончательный разрыв с кружком Академии стиха произошел на заседании 18 февраля 1912 г., на котором Гумилев и Городецкий заявили об их «отрицательном отношении к символизму» (Труды и дни. 1912. № 2. С. 27).

Первое собрание ЦП состоялось 20 октября 1911 г. на квартире Городецкого. Среди участников был А. А. Блок, описавший этот вечер в своем дневнике (*Блок, 1963.* С. 75–76; о выступлении Блока на первом заседании ЦП см.: *Гиппиус, 1966*). Собраний «Гумилевско-Городецкого общества» (*Блок, 1963.* С. 86) Блок больше не посещал, в связи с чем был «исключен <...> за непоявление в ЦП без уважительных причин» (*Белый, 1995*).

Кроме квартиры Городецкого заседания ЦП проходили также у Кузьминых-Караваевых, в доме Гумилева и Ахматовой в Царском Селе, у М. Л. Лозинского и на квартире Н. А. Бруни в Академии художеств. Сведения о деятельности кружка обобщены Ахматовой в ее воспоминаниях о Мандельштаме: «Собрания ЦП с ноября 1911 по апрель 1912 (т.е. наш отъезд в Италию): приблизительно 15 собраний (по три в месяц). С октября 1912 по апрель 1913 – приблизительно десять собраний (по два в месяц)» (*Ахматова, 1990.* С. 206).

В начале апреля 1913 г. Гумилев уезжает на полгода с этнографической экспедицией в Африку. После его возвращения осенью 1913 г. заседания ЦП возобновляются, но проводятся реже, чем в предыдущих сезонах. В зиму 1913–1914 гг. намечается распад объединения; по воспоминаниям Ахматовой, Мандельштам и она «стали тяготиться Цехом» и составили полушутливое «прошение о закрытии Цеха» (*Ахматова, 1990.* С. 204; ср.: *Ахматова, 1989.* С. 7; *Лукницкий, 1991.* С. 192).

В апреле 1914 г. происходит «внутренний раскол цеха» (*Ахматова, 1989.* С. 7): между Гумилевым и Городецким вспыхивает назревавший давно конфликт на почве теоретических разногласий. Оба лидера ЦП обмениваются раздраженными письмами (см.: *Тименчик, 1987.* С. 70–71) и временно разрывают отношения. Не только личные расхождения, но и начавшаяся война – в августе 1914 г. Гумилев идет вольноопределяющимся в армию – приводят к окончательному распаду ЦП. Последние немногочисленные заседания проходят осенью 1914 г. в отсутствие Гумилева. Сплетни вокруг этих встреч содержит письмо М. А. Долинова к Б. А. Садовскому от 8 ноября 1914 г. Согласно Долинову, Городецкий отказался принимать участие в первом осеннем собрании ЦП на квартире Н. А. Бруни; «Цеховики все же собрались и объявили цех открытым, а синдиком временно был избран Мандельштам. Следующее собрание состоялось у Ахматовой [21 октября 1914 г.]. М[андельшта]м председательствовал. Вдруг является Городецкий. Пошла перепалка, во время которой М[андельшта]м и Г[ородецкий] наговорили друг другу массу дерзостей и расстались врагами» (*Тименчик, 1998.* С. 421). Ахматова вспоминала в 1925 г.: «Последнее собрание, которое я помню, было, уже когда война началась, – было у Бруни в Академии художеств» (*Лукницкий, 1991.* С. 193).



Н.А. Клюев, М.Л. Лозинский, А.А. Ахматова и М.А. Зенкевич на заседании «Цеха поэтов». Рисунок С.М. Городецкого. 1913 г.

Первая попытка восстановления ЦП относится к 1916–1917 гг., когда возник ⇨ «Цех поэтов» (второй). В 1920–1921 гг. существовал возобновленный «Цех поэтов» (третий).

Наименование литературного объединения «цехом» вызвало в прессе многочисленные нападки; характерно название газетной статьи Б. А. Садовского о ЦП «Аполлон-сапожник» (Рус. молва. 1912. 17 дек.; см.: *Тименчик, 1974.* С. 28). Между тем название программно отражало установку кружка на совершенствование поэтического «ремесла»; одновременно его создатели полемически дистанцировались от почитаемого символистами образа вдохновенного поэта-ясновидца. Кроме того, образованное аналогично словосочетанию «Академия стиха» название «Цех поэтов» заключало в себе также идею поворота от стиховедческой теории к поэтической практике.

«Мейстерзингерскую» атмосферу средневековой гильдии подчеркивали кроме самого названия также особые организационные формы ЦП: титулы синдиков для руководителей Гумилева и Городецкого, иерархическая структура кружка и строгий порядок заседаний и приема новых членов. Оба синдика попеременно председательствовали на собраниях, а рядовые члены, стихи которых читались и разбирались, должны были следовать их указаниям. «Весь круг читал каждый раз, читали по очереди, после каждого чтения – стихи обсуждались, как по существу, так и в частностях» (*Галахов, 1918;* цит.: *Тименчик, 1974.* С 31–35). Регламентирован был также прием новых членов, которых «выбирали тайной баллотировкой, после того, как читались вслух их стихи» (*Там же*). Другой участник заседаний ЦП упоминает «правило, воспрещающее “говорить без придаточных”», то есть без аргументированного обоснования суждений (*Пяст, 1997.* С. 142).

На основе воспоминаний участников ЦП, а также сохранившегося списка с адресами лиц, получавших повестки на заседания (см.: *Тименчик, 1974.* С. 35–38), можно

предположить, что в состав кружка входили Г. В. Адамович, А. А. Ахматова (секр.), Л. В. Берман, Н. А. Бруни, Н. Д. Бурлюк, Б. А. Верхоустинский, К. А. Вогак, В. Д. Гарднер, С. Гедройц, Вас. В. Гиппиус, Вл. В. Гиппиус, С. М. Городецкий (синдик), Грааль-Арельский, Н. С. Гумилев (синдик), М. А. Зенкевич, Г. В. Иванов, Н. А. Клюев, гр. В. А. Комаровский, М. А. Кузмин, Д. В. Кузьмин-Караваев (казн.), Е. Ю. Кузьмина-Караваева, В. В. Курдюмов, М. Л. Лозинский, Н. В. Макридин, О. Э. Мандельштам, М. Л. Моравская, В. И. Нарбут, В. Я. Парнах, П. П. Потемкин, Н. Н. Пунин, В. А. Пяст, П. А. Радимов, С. Э. Радлов, Н. П. Рудникова, А. Д. Скалдин, гр. А. Н. Толстой, В. В. Хлебников, Д. М. Цензор, В. С. Чернявский и В. А. Юнгер.

В «цеховом» журнале «Гиперборей» напечатаны также стихи не вошедших в список А. А. Блока, А. Горчакова (псевд. А. В. Подановского), С. Ю. Судейкина, В. К. Шилейко, Б. М. Эйхенбаума и И. Г. Эренбурга (см.: *Тименчик, 1994.* С. 275). М. О. Лопатто утверждал: «В Петербурге я посещал глупейший ЦП (по вине Адамовича)» (*Эджертон В.* Ю. Г. Оксман, М. И. Лопатто, Н. М. Бахтин и вопрос о кн-ве «Омфалос» // Пятые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и мат-лы для обсуждения. Рига, 1990. С. 224) — не исключено, что имеется в виду второй «Цех поэтов». Возможно, членом кружка являлся и Б. М. Зубакин; в своей автобиографии он сообщает: «Был при основании ЦП с поэтами С. Городецким, Н. Гумилевым, Б. Верхоустинским, А. Ахматовой и др.» (*Немировский А. И., Уколова В. И.* Свет звезд, или Последний рус. розенкрейцер. М., 1994. С. 126).

В 1912 г. внутри ЦП сформировался кружок ⇨ Акмеистов. Поскольку его инициаторами являлись сами синдики, ЦП и акмеисты часто отождествлялись; показателен в этом отношении подзаголовок статьи Блока «Без божества, без вдохновенья» — «Цех акмеистов» (*Блок, 1962.* С. 174). Между тем большинство участников ЦП к акмеизму относилось сдержанно. Гумилев подчеркивал в письме к В. Я. Брюсову от 28 марта 1913 г., «что “Цех поэтов” стоит совершенно отдельно от акмеизма (в первом 26 членов, поэтов-акмеистов всего шесть)» (ЛН. 1994. Т. 98, кн. 2. С. 512). В «Цехе поэтов» объединились представители различных течений и групп — акмеистов, футуристов, символистов, оккультистов, крестьянских, салонных, богемных поэтов (*Богомолов, 1999.* С. 263).

ЦП выступил с рядом издательских начинаний. Печатным органом кружка являлся — формально независимый, но фактически печатавший почти исключительно произведения членов объединения — ежемесячник стихов и критики «Гиперборей», издателем и ответственным редактором которого был Лозинский (ср.: Собрания ⇨ «Гиперборея»). Первоначально журнал должен был носить название «Невская Цевница» (см. письмо Городецкого к Вас. Гиппиусу от 11 сент. 1912 г.; ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 402). Вышло всего десять выпусков; первый номер появился в октябре 1912 г., последний, двойной, датированный ноябрем—декабрем 1913 г., вышел в действительности не раньше марта 1914 г. (см.: *Тименчик, 1974.* С. 38).

Под издательской маркой «ЦП» выходили стихотворные сборники членов кружка: в 1912 г. — «Вечер» Ахматовой, «Возвращение» Вл. Бестужева (Вл. В. Гиппиуса), «Дикая порфира» Зенкевича, «Скифские черепки» Кузьминой-Караваевой, «Аллилуйя» Нарбута; в 1913 г. — «Вег» С. Гедройц, «Летейский брег» Грааль-Арельского; в 1914 г. — «Песни полей и комнат» Юнгера. Под грифом «Акмэ» вышел в 1913 г. «Камень» Мандельштама. С 1914 по 1918 г. сборники участников ЦП издавались под маркой «Гиперборей»: в 1914 г. — «Четки» Ахматовой (четыре изд. до 1916 г.) и «Горница» Г. Иванова; в 1916 г. — «Облака» Адамовича, «Колчан» Гумилева, «Камень» Мандельштама (2-е изд.) и «Стая» М. А. Струве (члена 2-го ЦП); в 1917 г. — «Белая стая» Ахматовой; в 1918 г. — «Мик» и «Фарфоровый павильон» Гумилева и «Четырнадцать стихотворений» Зенкевича. В 1917 г. в издательстве «Гиперборей» должна была выйти книга стихов В. К. Шилейко «Пометки на полях»; издание не состоялось (*Шилейко, 1999.* С. 131).

Лит.: *Галахов Вас. [Гиппиус Вас. В.].* ЦП // Жизнь. Одесса, 1918. № 5. С. 12; *Городецкий С. М.* ЦП: (К годовщине тифлисского ЦП) // Закавказское слово. Тифлис, 1919. 26 апр.; *Маков-*

ский С. К. На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962. С. 219–220; *Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1962. Т. 6. С. 174–184; 1963. Т. 7. С. 75–76, 86; *Гиппиус Вас. В.* От Пушкина до Блока. М.; Л., 1966. С. 335; *Тименчик Р. Д.* Заметки об акмеизме // Russian Literature. 1974. № 7/8. P. 23–39; *Азадовский К. М.* Н. А. Клюев и «ЦП» // Вопр. лит. 1987. № 4. С. 269–278; Неизвестные письма Н. С. Гумилева / Публ. Р. Д. Тименчика // Изв. АН СССР. Отд. лит. и языка. 1987. Т. 46. № 1. С. 66–67, 70–71; *Ахматова А. А.* К истории акмеизма: Из дневниковых записей // Лит. обозр. 1989. № 5. С. 6–7; *Ахматова А. А.* Десятые годы. М., 1989а; РП. 1989. Т. 1. С. 250; *Ахматова А. А.* Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 204–206; *Kreyd V.* Guild of Poets // The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet Literatures. Gulf Breeze, 1989. Vol. 9. P. 133–137; *Лукницкая В.* Николай Гумилев. Л., 1990. С. 123–167; *Мандельштам Н. Я.* Вторая книга. М., 1990. С. 38–39; *Лукницкий П. Н.* Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Paris, 1991. Т. 1. 1924–25 гг. С. 192–193; Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград: Энц. справочник. М., 1992. С. 653–654; *Адамович Г. В.* Мои встречи с Анной Ахматовой // Восп. о серебряном веке. М., 1993. С. 258–259; *Рождественский В. А.* Н. С. Гумилев: (Из запасов памяти) // Николай Гумилев: Исслед. и мат-лы. Библиогр. СПб., 1994. С. 419–420; *Тименчик Р. Д.* К изучению круга авторов журнала «Гиперборей» // Тыняновский сб.: Пятые Тыняновские чтения. Рига; М., 1994. С. 275–278; *Белый А.* Собр. соч.: Восп. о Блоке. М., 1995. С. 400; *Пяст В.* Встречи. М., 1997. С. 141–143; *Тименчик Р. Д.* О трудах и днях Ахматовой // Новое лит. обозр. 1998. № 29. С. 414–421; *Богомолов Н. А.* Об одной фракции «ЦП» // Богомолов Н. А. Рус. лит. нач. XX в. и оккультизм: Исслед. и мат-лы. М., 1999. С. 255–263; РП. 1999. Т. 4. С. 125–126, 531; *Шилейко В. К.* Пометки на полях. СПб., 1999; *Коростелёв О. А.* «ЦП» // Лит. энц. терминов и понятий. М., 2003. С. 1185–1189.

«ЦЕХ ПОЭТОВ» (ВТОРОЙ) – литературный кружок, существовавший с сентября 1916 г. по март 1917 г. в Петербурге. Г. В. Адамович и Г. В. Иванов создавали его в качестве преемника первого ⇨ «Цеха поэтов».

Об учреждении кружка Н. С. Гумилев сообщал А. А. Ахматовой в письме от 1 октября 1916 г.: «Адамович с Г. Ивановым решили устроить новый цех, пригласили меня. Первое заседание провалилось, второе едва ли будет» (*Тименчик, 1989.* С. 369). Состоялось, однако, по меньшей мере семь заседаний, как явствует из повестки собрания 24 марта 1917 г., полученной М. А. Кузминым (*Там же.* С. 370).

На собраниях бывали Г. В. Адамович, А. А. Ахматова, Л. В. Берман, Н. С. Гумилев, Ю. Е. Деген, М. А. Зенкевич, Г. В. Иванов, М. А. Кузмин, М. Е. Левберг, К. А. Липскеров, О. Э. Мандельштам, К. В. Мочульский, И. А. Оксенов, А. И. Пиотровский, В. А. Пяст, С. Э. Радлов, А. Д. Радлова, Я. Средник, М. А. Струве, М. М. Тумповская, В. А. Чудовский.

По свидетельству Оксенова, заседания второго «Цеха поэтов» «происходили у Г. Адамовича, Г. Иванова (чаще всего), были собрания у М. Струве, С. Радлова и Я. Средника» (цит.: *Там же*), а также в кабаре ⇨ «Привал комедиантов»; председательствовал, как правило, Кузмин. Как вспоминал Оксенов, «собрания состояли в чтении стихов (очередь устанавливалась по жребию) и взаимной, порою весьма резкой критике. Второй “Цех” не был обществом “партийным”, как первый, это было просто объединение поэтов с акмеистическим уклоном» (цит.: *Конечный, Мордерер, Парнис, Тименчик.* С. 105). По мнению Мочульского, «попытка реставрации» «Цеха» была «неудачной», а немногочисленные собрания кружка – «скучными и бессодержательными» (Последние новости. Париж, 1922. 2 дек. № 804; цит.: *Тименчик, 1974*).

Лит.: *Тименчик Р. Д.* Заметки об акмеизме // Russian Literature. 1974. № 7/8. P. 24; *Тименчик Р. Д.* По поводу «Антологии петерб. поэзии эпохи акмеизма» // Russian Literature. 1977. Vol. 5. № 4. P. 315–316, 320–321; *Конечный А. М., Мордерер В. Я., Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Артистич. кабаре «Привал комедиантов» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1988. М., 1989. С. 99, 105; Письма Н. С. Гумилева / Публ. Р. Д. Тименчика // Книги и рукописи в собр. М. С. Лесмана. М., 1989. С. 369–370; РП. 1989. Т. 1. С. 250; Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград: Энц. справочник. М., 1992. С. 653–654; *Тименчик Р. Д.* Из поздней переписки Н. В. Недоброво // Шестые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и мат-лы для обсуждения. Рига; М., 1992.

С. 150; *Устинов А. Б., Гардзонио С.* Письма М. И. Лопатто к Г. П. Струве: (К истории рус. поэзии 1910-х гг.) // Тыняновский сб. Вып. 11: Девятые Тыняновские чтения: Исслед. и мат-лы. М., 2002. С. 550, 553, 556.

«**ЧЕМПИОНАТ ПОЭТОВ**» (написание названия в 1913 г.: «**ЧЭМПИОНАТ ПОЭТОВ**») – литературная группировка в 1913–1916 гг. в Петербурге. В ее состав входили И. В. Евдокимов, Ч. Мальтанская, Г. Марев, В. Наумов, А. И. Пучков-Серебряный (о нем см.: *Иванов*), Б. Н. Скоробогатко и Ф. Соловьев. Группу возглавлял, вероятно, Марев – судя по печатным выступлениям, ее главный идеолог; по другим сведениям, «директором» кружка был Пучков (см.: *Кеда*). Ср. также в воспоминаниях Н. В. Яковлева: «Анатолий Пучков презентовал мне свою визитную карточку: Анатоль Сребрный. Il futuristo» (цит.: *Чудакова, Тоддес*).

Возникшее в русле футуризма объединение впервые заявило о своем существовании в октябре 1913 г., когда вышел сборник «Чэмпионат поэтов» (зарег. 22–29 окт.; КЛ 1913/28231), содержащий стихи членов группы, а также декларацию «От Чэмпионата. Брешь в голову читателя». Одновременно с выходом сборника Евдокимов заявил о своем выходе из кружка (см. письмо к Пучкову от 26 окт. 1913 г.; РГАЛИ. Ф. 1246 [Евдокимов И. В.]. Оп. 3. Ед. хр. 189. Л. 1); причины разрыва видны из дневниковой записи Евдокимова от 31 октября 1913 г.: «Ах, как я ругаю себя, что связался с этими хулиганами, которые меня же оскорбили неоднократно, взяли с меня деньги, обманули с предисловиями и количеством стихов, не показали ни одного из своих стихов, всячески поносят, пачкают мое доброе имя» (РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 119. Л. 7).

В ноябре 1913 г. появилась книга стихов Евдокимова «Городские смены» (зарег. 12–19 нояб.; КЛ 1913/30187). В декабре 1913 г. увидел свет следующий сборник кружка «Всёдурь. Рукавица современью» (зарег. 9–16 дек.; КЛ 1913/32429), в который вошла статья-манифест Марева «Всёдурь», а также два «заумных» стихотворения – «Звуаи» Наумова и «Журч движели» Пучкова.

С новыми стихотворными сборниками поэты группы выступили лишь в конце 1915 г. В октябре вышла книга стихов Пучкова «Последняя четверть луны» (зарег. 20–27 окт.; КЛ 1915/22727). Последней публикацией в рамках кружка был сборник Марева «Первая арзология. Послеслов “Чемпионата Поэтов”» (Пг., 1916), вышедший в конце 1915 г. (зарег. 16–31 дек.; КЛ 1915/25584). В брошюре напечатан ряд «драматиз» Марева – не то стихов, не то драматических миниатюр; упомянутый в названии «послеслов» – это очередной манифест группы: «Чемпионат Поэтов – Верховенство Русского Искусства», подписанный «Ректориатом».

Как манифесты, так и сочинения участников группы производят впечатление пародий на футуризм. Однако «Чемпионат поэтов» отличается от таких мистификаций и «разоблачений футуризма», как казанские «нео-футуристы» (1913) и саратовские «психо-футуристы» (1914), продолжительностью деятельности. «Футуристичность» кружка в данном случае – это скорее всего не пародийный, а «самодельный», доморощенный «авангард» группы малоодаренных поэтов, творчество которых исчерпывается подражанием без разбора ⇨ Эгофутуристам и ⇨ Кубофутуристам, в особенности их «эпатажным» приемам – от словесного новаторства (современье, послеслов, драматиза) и орфографических особенностей ниспровержения литературных соперников и до позы гения («Я – самый верхний футурист»; *Марев Г.* Первая арзология... С. 8).

См. в приложении манифесты членов «Чемпионата поэтов».

Лит.: *Анчар [Боцяновский В. Ф.].* Обозная челядь // Биржевые вед. 1913. 31 окт.; *Г. Г. [Шершеневич В. Г.].* [Рец. на кн.:] Чемпионат поэтов // Первый журнал рус. футуристов. М., 1914. № 1/2. С. 139; Манифесты и программы рус. футуристов / [Ред. В. Ф. Марков]. München, 1967. С. 165–166; *Markov V.* Russian Futurism: A History. Berkeley, 1968. P. 213–214; *Чудакова М. О., Тоддес Е. А.* Тынянов в восп. современника // Тыняновский сб.: Первые Тыняновские чтения. Рига, 1984. С. 100; *Кеда А. А.* «Мне голодать вредно...»: Письма рус. писателей продовольственному

комиссару // Новое лит. обозр. 1993. № 5. С. 159; *Иванов Г. В.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 408–416.

[ЧЕРНЯЕВЦЕВ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУЖОК] – кружок литераторов-студентов Общеобразовательных курсов А. С. Черняева, существовавший в начале 1910-х гг. в Петербурге. На его занятиях бывали учащиеся и преподаватели Черняевских курсов, а также студенты Психоневрологического института и рабочие-поэты, в том числе А. К. Бороздин, И. Е. Ерошин, К. Ф. Жаков, С. А. Золотарев, И. С. Логинов, А. И. Маширов-Самобытник, Я. А. Назаренко, Д. Я. Одинцов, Н. И. Рыбацкий, И. И. Садофьев. Одно из занятий кружка посетил В. В. Маяковский; как рассказывал Садофьев, «горячо спорил он о форме стиха, резко критиковал произведения присутствовавших поэтов» (*Назаренко.* С. 186). Ср. также: Кружок ⇨ Жакова.

Лит.: *Назаренко Як.* Певец Октября: К 80-летию со дня рождения Ильи Садофьева // Нева. 1969. № 11. С. 185–186.

ЧУДОВСКИХ САЛОН – существовал в 1910-е гг. в Петербурге (Алексеевская, д. 5). Хозяевами салона были В. А. Чудовский и его жена А. М. Зельманова. Последняя была, по словам Б. А. Лившица, «прирожденной хозяйкой салона, умевшей и вызвать разговор, и искусно изменять его направление» (*Лившиц.* С. 520). На вечере, видимо, 1913 г., описанном в воспоминаниях Лившица, присутствовали Н. С. Гумилев, Г. В. Иванов, О. Э. Мандельштам, К. К. Миклашевский, И. И. Мозжухин, В. Н. Соловьев (Люсциниус), Ф. К. Сологуб, Ан. Н. Чеботаревская «и еще несколько человек из музыкального и актерского мира» (*Лившиц.* С. 521).

Лит.: *Лившиц Б. К.* Полутораглазый стрелец. Л., 1989. С. 520–521, 697.

ЧУЙКО ВТОРНИКИ – проходили с 1877 г. по 1890-е гг. на квартире В. В. Чуйко в Петербурге (пл. Александринского театра). Среди посетителей журфиксов были А. Н. Аксаков, Н. А. Александров, М. А. Антонович, П. Д. Боборыкин, Д. В. Григорович, В. И. Жуковский, А. Е. Зарин, И. Н. Захарьин, Вас. И. Немирович-Данченко, П. И. Пашино, В. А. Тихонов, И. В. Федоров-Омулевский, А. К. Шеллер-Михайлов, Н. И. Шульгин.

У Чуйко «собирались очень многие; радушие хозяев и разносторонние познания самого В. В. в сфере изящных искусств делали вечера его чрезвычайно интересными, так что иногда гостям приходилось засиживаться до рассвета» (*Захарьин.* С. 709). «Все сидели за большим обеденным столом в столовой, ели непременный ростбиф с салатом и пили пиво. Вечер оканчивался в три, в четыре часа с последнею бутылкой пива» (*Зарин.* С. 1023). Ср. также Четверги ⇨ Шеллера-Михайлова.

Лит.: *Захарьин (Якунин) Ив.* Памяти В. В. Чуйко // Ист. вестн. 1899. № 5. С. 709–710; *Зарин А. Е.* В. А. Тихонов: (Некролог) // Ист. вестн. 1914. № 6. С. 1023–1925.

О.Н. Чюмина

ЧЮМИНОЙ СРЕДЫ – журфиксы на квартире О. Н. Чюминой, проходившие в 1890–1900-е гг. в Петербурге (на Мойке, затем – на Большой Подъяческой). У Чюминой по средам «собирался обширный, но тесный, по дружеским отношениям с хозяйкой, кружок. Бывали у нее писатели и писательницы, артисты, музыканты» (*Венгерова.* С. 859). Среди посетителей были К. Д. Бальмонт, З. А. Венгерова, З. Н. Гиппиус, А. А. Коринфский, Д. С. Мережковский, Н. М. Минский, П. С. Соловьева-Allegro, Ф. К. Сологуб, Ф. Ф. Фидлер, К. И. Чуковский. «В первые годы преобладали художественные интересы, шли чисто литературные беседы между гостями. <...> В ее доме устраивались вечера, на которых было написано немало остроумных экспромтов; сама

Завтрак у О.Н. Чюминой в честь Московского художественного театра. Стоят (слева направо): В.В. Лужский, И.М. Москвин, Ф.Д. Батюшков, Н.П. Анненкова-Бернар, О. Дымов, С.А. Венгеров, К.И. Арабажин, А.Л. Вишневский, К.С. Станиславский; 2-я справа в этом ряду – З.А. Венгерова, 3-я – Е.П. Леткова-Султанова; сидят: Вл.И. Немирович-Данченко, Михайлов, В.И. Качалов (нагнувшись), О.Н. Чюмина, ниже – Ю. Слонимская; за столом – О.Л. Книппер-Чехова, Л.Я. Гуревич (?), И.А. Венгерова. Май 1901 г.

хозяйка часто оказывалась наиболее блестящей в этом отношении. Гости-поэты писали стихи в ее честь. <...> Хозяйка не оставалась в долгу и каждому отвечала мелкими четверостишиями, эпиграммами и мадригалами» (*Венгерова.* С. 859, 860). В дневнике Фидлера описан прием 5 декабря 1898 г.

Лит.: *Венгерова З. А.* О. Н. Чюмина // Вестник Европы. 1909. № 10. С. 859–860; *Чуковский К. И.* Дневник 1930–1969. М., 1995. С. 411; *Fiedler F.* Aus der Literatenwelt. Göttingen, 1996. S. 244–245.

[ШАНЯВЦЕВ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУЖОК] – кружок поэтов-студентов Народного университета им. А. Л. Шанявского, существовавший около 1914 г. в Москве. В кружок входили начинающие поэты из народа, в том числе С. А. Есенин, Н. И. Колоколов, В. Ф. Наседкин, Д. Н. Семеновский, Б. А. Сорокин, И. Г. Филипченко. Некоторые члены входили в состав ⇨ Суриковского литературно-музыкального кружка. В мае 1914 г. Есенин читал на кружке свои стихи (*Белоусов*).

Лит.: *Белоусов В. Г.* Сергей Есенин: Лит. хроника. М., 1969. Ч. 1. С. 55–56; *Ломан А., Ломан И.* «Товарищи по чувству, по перу...» // Нева. 1970. № 10. С. 197; *Овсянников А. А.* Миусская площадь, 6. М., 1987. С. 27–28; *Есенин С. А.* Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1999. Т. 7, кн. 1. С. 19, 22.

Участники литературного кружка шанявцев. Слева направо: И.Г. Филипченко, С.А. Есенин, Н.И. Колоколов (?). 1915 г.

ШЕКСПИРОВСКИЙ КРУЖОК (М.) [1] при Поливановской гимназии – возник в 1875 г. в Москве по инициативе Н. М. Лопатина и Вл. С. Соловьева. Согласно А. А. Венкстерну, кружок распался в 1884 г. (*Венкстерн, 1907.* № 22/23. С. 76); согласно А. М. Сливицкому, существовал еще в 1898 г. (*Сливицкий.* С. 111); по другим данным, кружок сложился «в конце 80-х – начале 90-х годов» (*Морозов*). Кружок возглавляли Р. М. Павлов, Л. И. Поливанов и С. А. Юрьев. В состав задуманного первоначально официального Шекспировского общества должны были входить выпускники Поливановской гимназии и московские литераторы и ученые, в том числе И. С. Аксаков, Ф. И. Буслаев, А. А. Венкстерн, В. Е. Гиацинтов, Н. Х. Кетчер, А. И. Кошелев, В. М. Лопатин, Л. М. Лопатин, Н. М. Лопатин, А. Н. Островский, А. М. Сливицкий, Вл. С. Соловьев, С. М. Соловьев, А. А. Федотов и др.

Зародышем кружка была школьная постановка «Гамлета» в Поливановской гимназии в 1873 г. Два года спустя бывшие участники спектакля, не дождавшись учреждения официального Шекспировского объединения, взяли инициативу в свои руки и подготовили постановку «Гамлета», осуществленную 9 ноября 1875 г. в Немчиновском театре. До 1884 г. было поставлено 16 спектаклей пьес Шекспира (*Ровда*). Репетиции проходили на квартире Поливанова. Согласно Сливицкому, кружок в 1898 г. отмечал свое двадцатипятилетие постановкой «Кориолана» под руководством Поливанова (*Сливицкий*).

В письме В. Е. Гиацинтова к С. М. Лукьянову от 27 сентября 1915 г. сообщается, что «с параллельным публичным исполнением драм Шекспира члены кружка начали устраивать на частных квартирах шуточные спектакли, ставя на них пьесы своего собственного сочинения» (*Шаханов.* С. 413–414). Венкстерн и Гиацинтов написали в соавторстве с Вл. Соловьевым шуточную пьесу «Альсим, или Торжество инфернальных сил» (1878); Венкстерном и Гиацинтовым сочинены и отчасти опубликованы также «Тезей: Драматическая поэма» (Ревель, 1892) и «Шварцвальдские разбойники»; одним Гиацинтовым – «Жестокий барон: Трагедия» (М., 1892).

Лит.: *Венкстерн А. А.* Моск. «Шекспировский кружок» // Моск. еженедельник. 1907. № 22/23. С. 75–87; № 24/25. С. 75–84; № 26/27. С. 78–88; № 28. С. 44–57; № 29. С. 44–55; А. А. Венкстерн: [Некролог] // Ист. вестник. 1909. № 4. С. 391; *Венкстерн А. А.* Л. И. Поливанов и шекспировский кружок // Памяти Л. И. Поливанова. М., 1909. С. 33–41; *Сливицкий А. М.* Лев Иванович Поливанов по личным моим восп. и по его письмам // Там же. С. 111–114; *Лясковский В.* Л. И. Поливанов // Журнал Мин. нар. просвещения. 1914. № 3. С. 36–37; *Соловьев Вл. С.* Шуточные пьесы. М., 1922. С. 5–7, 13–28; *Юрьев Ю. М.* Записки. М.; Л., 1947. С. 16–19; *Головин А. Я.* Встречи и впечатления. Письма. Восп. о Головине. Л.; М., 1960. С. 48–49; *Морозов А.* Рус. стихотв. пародия // Рус. стихотв. пародия (XVIII – нач. XX в.). Л., 1960. С. 78; *Ровда К. И.* Шекспировские кружки в Петербурге и Москве // Шекспир: Библиогр. рус. переводов и критич. лит. на рус. языке. 1748–1962. М., 1964. С. 589–590, 592–596; *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. М., 1987. Т. 16. С. 81–82; Мат-лы к биографии Вл. Соловьева: (Из архива С. М. Лукьянова) / Публ. А. Н. Шаханова // Рос. архив. М., 1992. Вып. 2/3. С. 413–416, 426–427.

Архивы: *Лопатин В. М.* Восп. из прошлого моей жизни. Рукоп. С. 67–83, 315–316 (семейный архив) [сообщено А. И. Рейтблатом].

ШЕКСПИРОВСКИЙ КРУЖОК (М.) [2] – существовал примерно в 1890-е гг. в Москве. Кружок «состоял из молодых писателей, поэтов и публицистов, группировавшихся вокруг известного шекспироведа Н. И. Стороженко» (*Ровда*). Среди участников был К. Д. Бальмонт.

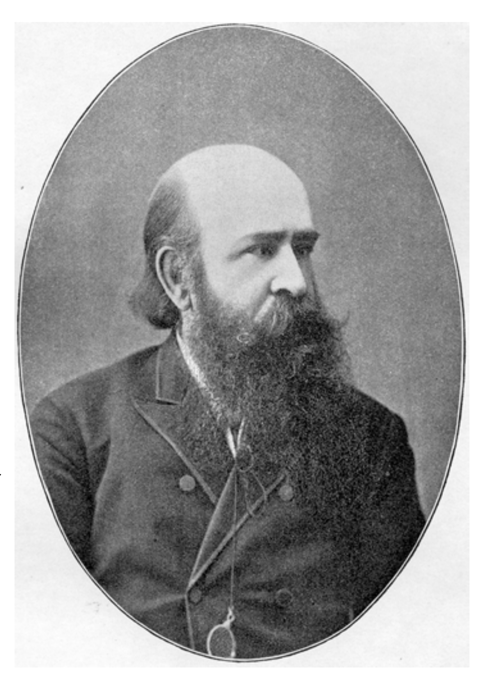
Лит.: *Борей [Шуф В. А.].* Маленькие заметки // Новое время. 1904. 19 янв.; *Ровда К. И.* Шекспировские кружки в Петербурге и Москве // Шекспир: Библиогр. рус. переводов и критич. лит. на рус. языке. 1748–1962. М., 1964. С. 596.

ШЕКСПИРОВСКИЙ КРУЖОК (СПб.) – литературное общество, возникшее в 1874 г. в Петербурге и просуществовавшее примерно до конца 1890-х гг. Первоначально его целью было изучение творчества В. Шекспира; впоследствии участники кружка занимались разбором драматических произведений авторов французского классицизма, а также новейшей французской и русской литературой. В состав общества входили «преимущественно представители адвокатуры» (*Евгеньев*); членами являлись в разное время С. А. Андреевский, К. К. Арсеньев, П. Д. Боборыкин, П. И. Вейнберг, А. Л. Волынский, А. Ф. Кони, Д. С. Мережковский, Н. М. Минский, С. И. Смирнова-Сазонова, В. Д. Спасович, кн. А. И. Урусов, Е. И. Утин, В. В. Чуйко, И. И. Ясинский и др. «“Шекспирологов” шекспировский кружок не создал у нас...» (*Евгеньев*).

Лит.: *Арсеньев К. К.* Восп. о кн. А. И. Урусове // Князь Александр Иванович Урусов. М., 1907. Т. 2/3. С. 237–239; *Флексер А. Л.* А. И. Урусов // Там же. С. 276–287; *Евгеньев А. [Кауфман А. Е.].* Писательские об-ва и кружки // Вестн. лит. 1919. № 3. С. 5; ЛН. 1939. Т. 33–34. С. 594; *Ровда К. И.* Шекспировские кружки в Петербурге и Москве // Шекспир: Библиогр. рус. переводов и критич. лит. на рус. языке. 1748–1962. М., 1964. С. 589–596; *Боборыкин П. Д.* Восп.: В 2 т. М., 1965. Т. 1. С. 368; *Кони А. Ф.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1969. Т. 7. С. 239–240, 478; ЛН. 1977. Т. 87. С. 309, 317; *Тахо-Годи Е. А.* Владимир Соловьев и Константин Случевский: К истории взаимоотношений // Контекст 1993. М., 1996. С. 328.

ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА ЧЕТВЕРГИ – литературные журфиксы в 1880–1890-е гг. в доме А. К. Шеллера в Петербурге. Как вспоминал В. А. Рышков, «ни у

кого из крупных писателей – умерших и живущих – не было столько друзей среди молодых писателей и поэтов <...>. Масса молодежи окружала его всегда, и не один десяток лет он всячески пригревал своих младших товарищей, любя их и умом и сердцем. В приемный день и час Шеллера не могли отвлечь от приема ни личные дела, ни какие бы то ни было экстренные надобности, ни даже нездоровье; хворая последние годы, зачастую он принимал и больной...» (*Скабичевский*).



А.К. Шеллер

В письме А. А. Кондратьева к Е. А. Ляцкому от 15–16 мая 1942 г. говорится, что у Шеллера-Михайлова «собирался очень небольшой поэтический и артистический кружок довольно интересных людей» (*Лавров*). Среди посетителей журфиксов были Б. В. Бер, В. И. Бибиков, кн. Г. С. Гагарин, Е. Н. Квашнин-Самарин, А. А. Кондратьев, Н. С. Лесков, Б. М. Микешин, Н. Д. Носков, И. И. Тхоржевский, А. И. Фаресов, Н. В. Шелгунов.

В своих воспоминаниях Фаресов воспроизвел следующее высказывание Шеллера: «Отчего я прекратил свои четверги? Меня литераторы заставили... Как же, приходят однажды двое и говорят мне же: “Как отлично мы эту неделю прожили: не надо было обедать у себя дома, всю неделю Христа славили: в четверг у тебя ужин, в пятницу у Полонского, в субботу у такого-то, во вторник у Чуйки и т.д.” Чорт вас возьми, думаю, и ко мне, может быть, ходят Христа славить» (*Фаресов*. С. 194). Ср.: Пятницы ⇨ Полонского; Вторники ⇨ Чуйко.

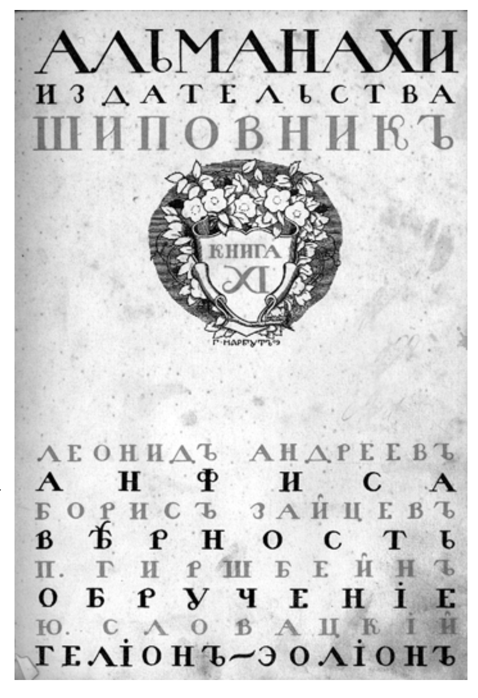
Лит.: *Фаресов А. И.* Трагизм А. К. Шеллера // Ист. вестн. 1901. № 4. С. 181–184, 194; *Рыжков В. А.* А. К. Шеллер-Михайлов // Ежемес. лит. и популярно-науч. прил. к «Ниве». 1904. № 1 (цит.: *Скабичевский А. М.* Александр Константинович Шеллер // Шеллер-Михайлов А. К. Полн. собр. соч.: В 16 т. СПб., 1904. Т. 1. С. 19); *Носков Н. Д.* Из восп. о А. К. Шеллере // Живописное обозрение. 1912. № 1. С. 27–52; *Иванова Е. В.* Горький и Б. В. Бер // Горький и его эпоха: Исслед. и мат-лы. М., 1989. Вып. 1. С. 115; *Лавров А. В.* Автобиографии А. А. Кондратьева // ΠΟΛΥΤΡΟΠΟΝ: К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М., 1998. С. 779.

«ШИПОВНИКА» ПОНЕДЕЛЬНИКИ (ВЕЧЕРА) – собрания литераторов и художников, проходившие с осени 1906 г. в редакции издательства «Шиповник» в Петербурге (ул. Николаевская, 31, кв. 1). Об открытии вечеров сообщается в журнальной заметке К. А. Сюннерберга: «...с этой осени начались, – и, кажется, прививаются, – “понедельники”, уже на нейтральной почве, в помещении книгоиздательства “Шиповник”. Тут можно встретить очень разнообразное общество художников и литераторов из лагерей, зачастую диаметрально противоположных» (*Сюннерберг*). «Нейтральная почва» Понедельников противопоставлена в заметке Сюннерберга Воскресеньям ⇨ Сологуба и Средам ⇨ Иванова.

В дальнейшем в «Шиповнике» несколько раз в год устраивались литературные вечера. Как вспоминала В. Е. Беклемишева (литературный секретарь издательства), «интереснейшим из вечеров “Шиповника” был вечер, на котором читался только что оконченный “Океан” [Л. Н. Андреева]» (*Беклемишева*). Чтение пьесы Андреева состо-

ялось 25 сентября 1910 г.; читал в присутствии автора Н. Н. Ходотов. Согласно дневниковой записи Ф. Ф. Фидлера от 26 сентября 1910 г. и откликам в периодической печати, на вечере присутствовали А. Т. Аверченко, Е. В. Аничков, К. И. Арабажин, В. А. Ашкинази (Азов), Ф. Д. Батюшков, В. Г. Богораз (Тан), В. Ф. Боцяновский, И. А. Бунин, С. А. Венгеров, С. М. Городецкий, О. Дымов, П. А. Кожевников, М. В. Морозов, Н. А. Морозов, Д. Н. Овсянико-Куликовский, П. П. Потемкин, А. М. Ремизов, И. Е. Репин, С. Г. Скиталец, Ф. К. Сологуб, гр. А. Н. Толстой, Тэффи, А. М. Федоров, Ан. Н. Чеботаревская, Саша Черный, К. И. Чуковский.

Лит.: *Сюннерберг К.* Худож. жизнь Петербурга // Золотое руно. 1906. № 11/12. С. 134–135; *Беклемишева В. Е.* [Восп. о Л. Н. Андрееве] // Реквием: Сб. памяти Леонида Андреева. М., 1930. С. 236–237; *Ходотов Н. Н.* Близкое – далекое. Л.; М., 1962. С. 230; *Андреев Л. Н.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1994. Т. 4. С. 624–625; *Иванова Л. Н.* К биографии Л. Н. Андреева: (По мат-лам коллекции Ф. Ф. Фидлера) // ЕжегРОПД. 1995. СПб., 1999. С. 42–45.



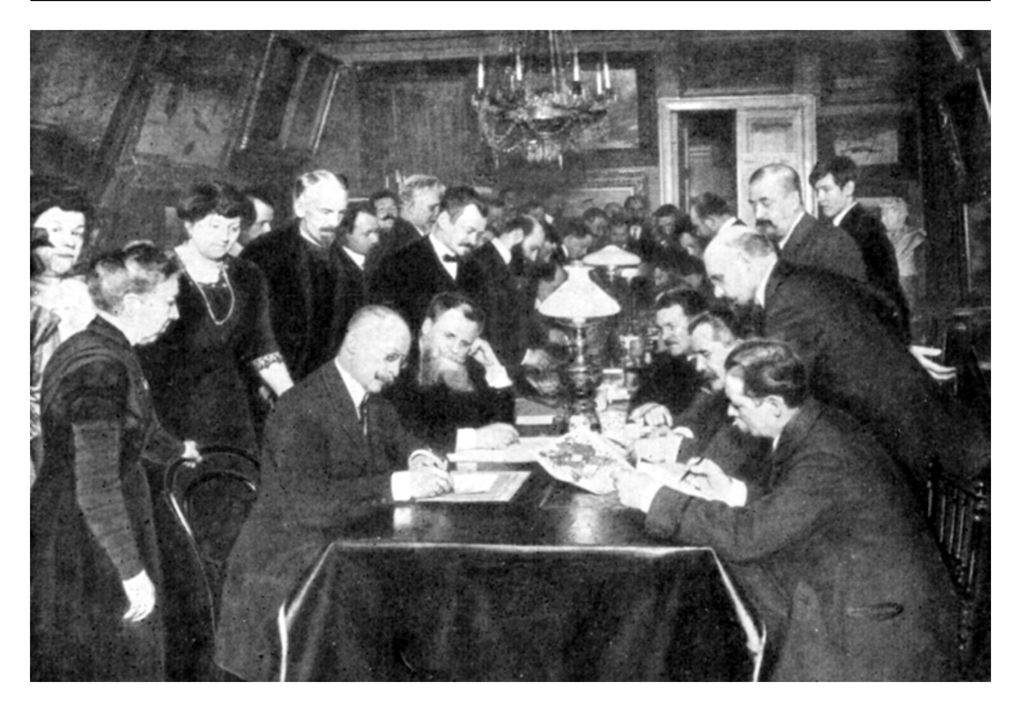
Альманах издательства «Шиповник». Кн. 11. СПб., 1909. Обложка

ШМАРОВИНСКИЕ СРЕДЫ (художественный кружок **СРЕДА**) – проходили в 1886–1924 гг. в Москве. Кружок возник по инициативе любителя искусства В. Е. Шмаровина, устраивавшего в своей квартире на Остоженке (Савеловский пер.) с осени 1886 г. по средам рисовальные вечера (*Киселева.* С. 12). Творческий характер встреч в сочетании с интимной и непринужденной атмосферой обеспечил кружку популярность среди московских художников. «“Среды” Шмаровина были демократичны. Каждый художник, состоявший членом “среды”, чувствовал себя здесь как дома, равно как и гости. Они пили и ели на свой счет, а хозяин дома, “дядя Володя”, был, так сказать, только организатором и директором-распорядителем» (*Гиляровский.* С. 135). Картины, созданные на Средах, служили призами в устраиваемых по вечерам лотереях; оставшиеся рисунки покупались посетителями и продавались на выставках; 20% от лотерейной выручки и от дохода за проданные картины поступало в фонд кружка.

Атмосферу и ритуалы кружка описывает в своих воспоминаниях И. Н. Павлов: «Мы собирались к восьми часам вечера и начинали кто писать маслом, кто рисовать, кто гравировать. <...> Ровно в двенадцать ночи, после того, как убирались все художественные принадлежности, накрывался стол, и Шмаровин ударял в бубен, призывая этим всех присутствующих разделить трапезу. Появлялись закуски и всякие яства, вино и непременный бочонок пива. За обильным обычно возлиянием текли беседы, шли шумы и споры. Раздавался гимн “среды” с припевом: “Недурно пущено”, звенела гитара, пелись песни волжские и народные» (*Павлов, 1940.* С. 235).

В.Е. Шмаровин. Портрет работы А.С. Степанова

В 1888–1889 гг. кружок сотрудничал с ⇨ Обществом искусства и литературы, устраивая совместные вечера и выставки. В на-



Участники Шмаровинской среды. 1900-е гг.

чале 1890-х гг. Шмаровин переселился в особняк на Большой Молчановке, ставший новым помещением кружка. С 1892 г. были заведены «протоколы» Сред — большие листы бристольского картона, заполняемые посетителями вечеров рисунками, автографами, экспромтами (*Киселева*. С. 33–51). Знаменательными событиями в жизни кружка были публичные выставки созданных на Средах картин 1897, 1903, 1904, 1911, 1918 гг., а также юбилейные мероприятия кружка в 1896, 1901 и 1911 гг. После юбилея 25-летия кружок легализовался; в уставе, утвержденном 25 февраля 1912 г., значилось: «Кружок ставит своей целью содействие процветанию и распространению чистого и прикладного художества и сближению художников с любителями» (цит.: *Киселева*. С. 72). Среды прекратились после кончины Шмаровина в октябре 1924 г.

Среди первоначальных членов кружка были художники Н. А. Богатов, Н. А. Клодт, К. А. Коровин, И. И. Левитан, гр. Ф. Л. Соллогуб, А. С. Степанов, С. И. Ягужинский, литераторы В. А. Гиляровский и С. С. Голоушев (Глаголь), актеры А. П. Ленский и К. С. Шиловский. Число постоянных участников доходило до тридцати человек в сезон; членам кружка разрешалось привести с собой на вечера двоих гостей (*Киселева*. С. 17). В числе посещавших Шмаровинские среды писателей были Ю. К. Балтрушайтис, К. Д. Бальмонт, И. А. Белоусов, В. Я. Брюсов, Е. А. Буланина, И. А. Бунин, Ю. А. Бунин, М. А. Волошин, В. В. Гадалин, Н. Н. Златовратский, М. А. Лохвицкая, С. С. Мамонтов, Р. А. Менделевич, Л. В. Никулин, С. А. Поляков.

Лит.: *Галкин М.* 25-летний юбилей худ. кружка «Среда» // Известия Об-ва преподавателей графических искусств. 1911. № 3. С. 77–80; *В. Г. [Гадалин В. В.].* Худож. «среды» В. Г. Шмаровина (1886–1926) // Наш огонек. 1926. № 7; *Павлов И. Н.* Жизнь русского гравера. М.; Л., 1940. С. 234–235; *Павлов И. Н.* Моя жизнь и встречи. М., 1949. С. 329–332; *Гиляровский Вл.* «Среды» художников // Гиляровский Вл. Москва и москвичи. М., 1955. С. 134–139; *Никулин Л. В.* Годы нашей жизни. М., 1966. С. 311–312; *Киселева Е.* «Среды» моск. художников. Л., 1976; *Северюхин Д. Я., Лейкинд О. Л.* Золотой век худож. объединений в России и СССР (1820–1932): Справочник. Пб.,

1992. С. 289–291; *Семпер Н.* Театр с большой буквы: Восп. о Е. Г. Соколове // Ершов П. П. Конек-Горбунок. М., 1997. С. 174–177, 194–196.

Архивы: РГАЛИ. Ф. 685 (художественный кружок «Среда»); Государственная Третьяковская галерея.

ЩЕГЛОВА ВЕЧЕРА – проходили в Петербурге в конце XIX – нач. XX в. на квартире И. Л. Щеглова (Леонтьева). Среди участников: М. Н. Альбов, К. С. Баранцевич, А. Е. Зарин, А. А. Измайлов.

Лит.: *Пильский П. М.* Уездный человек в Петербурге: Памяти К. С. Баранцевича // Балтийский архив. V. Рига, 1999. С. 283.

И.Л. Щеглов-Леонтьев

Т.Л. Щепкина-Куперник

ЩЕПКИНОЙ-КУПЕРНИК САЛОН – существовал в 1900–1910-е гг. в Петербурге. Среди посетителей вечеров у Т. Л. Щепкиной-Куперник были А. Л. Волынский, К. П. Пятницкий. Волынский вспоминал в 1923 г.: «У Т. Л. Щепкиной-Куперник литераторы собирались особенно охотно, и в свое время у нее устраивались настоящие поэтически-беллетристические пикники» (*Волынский.* С. 275).

Лит.: *Волынский А. Л.* Рус. женщины / Предисл., коммент., публ. А. Л. Евстигнеевой // Минувшее. М.; СПб., 1994. Вып. 17. С. 234, 275.

ЭГОФУТУРИСТЫ – литературная группировка, возникшая осенью 1911 г. в Петербурге и существовавшая как группа до начала 1914 г. (как литературное течение эгофутуризм заметен еще несколько лет спустя). В истории эгофутуристов выделяются три периода, отличающиеся один от другого значительными изменениями в составе участников. Эгофутуристами считали себя В. Гнедов, Грааль-Арельский, Д. Дорин,

Г. В. Иванов, Р. Ивнев, И. В. Игнатьев, П. М. Кокорин, Д. А. Крючков, К. Олимпов, И. Оредеж, М. Пруссак, И. Северянин, В. Р. Ховин, В. Г. Шершеневич, П. Д. Широков и др.

Слово «эгофутуризм» придумал Северянин; впервые оно употреблено как подзаголовок к стихотворению «Рядовые люди» в его брошюре «Ручьи в лилиях», вышедшей в конце июля 1911 г. (зарег. 28 июля – 4 авг.; КЛ 1911/18052). В октябре 1911 г. Северянин, Олимпов, Г. Иванов и Грааль-Арельский сформировали кружок «Ego». В октябре же вышла книга стихов Грааль-Арельского «Голубой ажур» (зарег. 20–27 окт.; КЛ 1911/25378).

В конце ноября Северянин напечатал отдельной брошюрой стихотворение-манифест «Пролог. Эго-футуризм» (зарег. 24 нояб. – 1 дек.; КЛ 1911/29580), в котором отчетливо выражены черты, ставшие характерными для эстетики эгофутуризма: новаторство («что ни слово, – то сюрприз»), интуитивизм («Я непосредственно сумею / Познать неясное земле»), поза гения («Я прогремел на всю Россию»), ниспровержение авторитетов («Для нас Державиным стал Пушкин») и культ собственной личности, эгоцентризм (см., напр., преобладание форм местоимения «я» и глагольных форм первого лица единственного числа в 3-й части «Пролога» – 29 форм на 32 стиха).

Еще 25 ноября 1911 г. И. В. Игнатьев в газете «Нижегородец» напечатал положительный отзыв о Северянине (*Казанский, 1912.* С. 2). Эта газета, выходившая в Нижнем Новгороде в 1911–1914 гг., впоследствии стала фактически органом эгофутуристов, печатая с 1912 г. произведения Северянина, Широкова, Г. Иванова, Грааль-Арельского, Олимпова, Гнедова, Шершеневича (газета охарактеризована в воспоминаниях: *Шершеневич, 1990.* С. 496–497). В конце декабря под маркой «Ego» вышел сборник стихов Г. Иванова «Отплытие на остров Цитеру» (зарег. 20 дек. 1911 г. – 3 янв. 1912 г.; КЛ 1912/246).

Программа кружка эгофутуристов, назвавшего себя ⇨ Академией эгопоэзии, была обнародована 13 января 1912 г. в виде листовки: так называемые «Скрижали» содержали несколько лаконичных до бессмыслицы тезисов (самый развернутый, к примеру, звучит так: «Призма стиля – реставрация спектра мысли»). «Скрижали» были подписаны «ректориатом»: Северяниным, Олимповым, Ивановым и Грааль-Арельским. 12 февраля 1912 г. вышло «первое периодическое издание эго-футуристов» (*Казанский, 1912.* С. 2) – газета «Петербургский глашатай», основанная и издаваемая Игнатьевым. Второй номер «Глашатая» вышел 11 марта.

В марте и апреле 1912 г. Олимпов и Северянин опубликовали сборники стихов: Олимпов – «Аэропланные поэзы» (зарег. 6–13 марта; КЛ 1912/7593), Северянин – «Качалка грезэрки» (зарег. 20–27 марта; КЛ 1912/9013) и «Очам твоей души» (зарег. 10–17 апр.; КЛ 1912/10829). Весной 1912 г. эгофутуристы устроили, как утверждал Игнатьев, «ряд редакционных раутов, банкетов и soirées, о которых говорит весь Петербург» (*Там же.* С. 3). Если верить «Петербургским зимам» Иванова, состоялось действительно несколько «поэзо-праздников», но, видимо, куда менее помпезных, чем утверждал летописец эгофутуризма (см.: *Иванов, 1989.* С. 295–296).

Во второй половине мая вышел первый альманах эгофутуристов «Оранжевая урна» (зарег. 22–29 мая; КЛ 1912/14218), содержавший произведения В. Я. Брюсова, И. Северянина, Д. Крючкова, И. Оредежа, К. Олимпова, И. Игнатьева и П. М. Фофанова, а также декларативную статью Грааль-Арельского «Эгопоэзия в поэзии».

Примерно ко времени выхода альманаха Грааль-Арельский и Иванов покинули Академию эгопоэзии и перешли в ⇨ «Цех поэтов»; Северянин писал Брюсову 24 мая 1912 г.: «Давно собираюсь Вам сообщить, что Грааль-Арельский и Георгий Иванов, “оставаясь со мною в лучших отношениях”, в ректориате Академии Эгопоэзии больше не состоят и “футуризму не сочувствуют”» (цит.: *Иванов, 1989.* С. 508).

В июле 1912 г. в орган эгофутуристов превратилась недолговечная петербургская еженедельная газета «Дачница» (ее секретарем был Игнатьев), напечатавшая в выпусках от 1, 8, 15 и 22 июля ряд статей об эгофутуризме за подписями Теос (псевдоним

П. М. Фофанова), Ярослав (возможно, псевдоним Игнатьева) и др. (см.: *Сигов, 1987.* С. 115–116; псевдоним «Теос» ошибочно приписан Олимпову).

В середине июля вышел второй альманах эгофутуристов «Стеклянные цепи» (зарег. 16–23 июля; КЛ 1912/18667), содержащий наряду со стихами нефутуриста Л. Афанасьева произведения Северянина, Игнатьева, Крючкова и Оредежа. В июльском номере «Русской мысли» Брюсов напечатал благожелательный отзыв о поэзии эгофутуристов, отметив стихотворные сборники Северянина, Иванова и Грааль-Арельского (см.: *Брюсов В. Я.* Среди стихов. М., 1990. С. 365–368). В середине августа издательство «Петербургский глашатай» выпустило сборник «поэз» Широкова «Розы в вине» (зарег. 13–20 авг.; КЛ 1912/20929).

В сентябре Северянин обнародовал новый программный текст – «Доктрины вселенского эго-футуризма», выдержанные в энигматическом стиле «Скрижалей». По поводу «Доктрин» Олимпов в октябре начал в печати полемику с Северянином, обвиняя его в плагиате: идеи «Доктрин» заимствованы были якобы из статей о футуризме, напечатанных летом в «Дачнице» под влиянием бесед с Олимповым (*Игнатьев, 1913.* С. 5–6). Северянин ответил 23 октября «открытым письмом», в котором снисходительно прощал Олимпова за «оклеветание». Олимпов продолжил полемику 27 октября «декларацией», в которой повторил свои обвинения (*Там же.* С. 6–7).

В середине октября вышел третий альманах эгофутуристов «Орлы над пропастью» (зарег. 12–19 окт.; КЛ 1912/30985), уделивший Северянину много внимания: рядом с его собственными стихами напечатан сонет-акростих Брюсова «Игорю Северянину» и воспроизведен фотопортрет Северянина; много места предоставлено ему и в статье Казанского (Игнатьева) «Первый год эго-футуризма», документирующей тексты «Скрижалей», «Доктрин» и программу одного несостоявшегося «поэзо-концерта». В сборнике участвовали также Д. Дорин, П. Кокорин, П. Широков, М. Пруссак и нефутуристы Ф. Сологуб и А. Скалдин.

Несмотря на уделенное ему в альманахе внимание, Северянин решил покинуть возглавляемую им группу, используя октябрьский инцидент с Олимповым как повод. О своем уходе из кружка «Ego» Северянин сообщил письмом в редакцию газеты «Биржевые ведомости», напечатанным 21 ноября 1912 г. (см. *Харджиев, 1997.* С. 39). Свой разрыв с эгофутуристами Северянин завершил публикацией стихотворения «Эпилог. Эго-футуризм», датированного 24 октября 1912 г. и вышедшего отдельной брошюрой в конце ноября (зарег. 26 нояб. – 3 дек.; КЛ 1912/32646). Стихотворение, содержащее ряд намеков на события в кружке эгофутуристов, отражает в целом уверенность Северянина, что он («гений Игорь-Северянин») в поддержке группы больше не нуждается.

В конце 1912 г. в Петербург приехал Василиск Гнедов, «чтобы перевернуть, обновить литературу»; Северянин, к которому он обратился, послал его в редакцию газеты «Петербургский глашатай». Гнедов «прочел редактору Игнатьеву свои стихи, и он встретил их с восхищением и тут же отдал в печать» (автобиография Гнедова 1976 г.; цит.: РП. 1989. Т. 1. С. 589). Имеется в виду стихотворный сборник Гнедова «Гостинец Сентиментам», вышедший во второй половине января 1913 г. (зарег. 21–28 янв.; КЛ 1913/3171).

Еще к началу января Игнатьев реорганизовал покинутый Северянином кружок и основал ⇨ Интуитивную ассоциацию; тогда же была обнародована новая декларация группы, так называемая «Грамата». В подписавший ее «ареопаг» вошли Игнатьев, Широков, Гнедов и Крючков; в очередном, четвертом альманахе эгофутуристов была воспроизведена фотография «ареопага», датированная 9 января 1913 г. Этот альманах, «Дары Адонису» (зарег. 25 февр. – 4 марта; КЛ 1913/5986) содержал кроме произведений всех членов «ареопага» стихи нефутуристов И. А. Гриневской и Л. Н. Афанасьева, а также одно стихотворение В. Г. Шершеневича, будущего лидера группы московских эгофутуристов ⇨ «Мезонин поэзии». В феврале вышла также вторая книга стихов Широкова «В и вне» (зарег. 11–18 февр.; КЛ 1913/5341).

В марте появился пятый альманах «Засахаре кры» (зарег. 11–18 марта; КЛ 1913/7279) со стихами Гнедова, Широкова и Шершеневича. Половину выпуска занимает статья Игнатьева «Эго-футуризм», первая часть которой носит декларативный характер, а вторая продолжает летописание группы эгофутуристов, документируя полемику Олимпова с Северянином и текст январской «Граматы».

В начале апреля вышла книжка Гнедова «Смерть искусству» с предисловием Игнатьева (зарег. 1–8 апр.; КЛ 1913/9064). Брошюра содержит 15 поэм-моностихов на «заумном» языке; последняя, нашумевшая «Поэма конца», состоит из одного лишь названия и чистого листа бумаги. Гнедов неоднократно выступал с «чтением» этой поэмы, сводящимся к жесту рукой (см.: *Пяст, 1997.* С. 176); одно из его выступлений описано в «Петербургской газете» от 18 апреля 1913 г. (см.: *Парнис, Тименчик, 1985.* С. 227).

В середине мая вышел шестой альманах эгофутуристов «Бей! Но выслушай!..» (зарег. 13–20 мая; КЛ 1913/13115); его участники – Игнатьев, Крючков, Шершеневич и В. Светланов. Седьмой альманах «Всегдай» (зарег. 1–8 июля; КЛ 1913/17215) открывается статьей Ивея (Игнатьева) «Эго-футурист о футуристах», полемически направленной против ⇨ Кубофутуристов; Игнатьеву же принадлежит неподписанная заметка «О новой рифме». В сборник включены стихи Крючкова, Олимпова, Шершеневича и др., а также заметка харьковского эгофутуриста П. Коротова «Театр будущего» (об «эго-театре» одного актера).

В первой половине июля вышел сборник стихов Олимпова «Жонглеры-нервы» (зарег. 8–15 июля; КЛ 1913/17643), а в середине августа – книга Кокорина «Музыка рифм: Поэзопиесы» (зарег. 13–20 авг.; КЛ 1913/20710). Восьмой альманах эгофутуристов «Небокопы» (зарег. 20–27 авг.; КЛ 1913/21444) состоит из произведений Гнедова и из статей Ан. Н. Чеботаревской, Ховина и Шершеневича, полемизирующих с кубофутуристами, ⇨ Акмеистами и литературными критиками, путающими эго- и кубофутуристов.

Последний, девятый альманах «игнатьевских» эгофутуристов «Развороченные черепа» вышел в конце сентября (зарег. 24 сент. – 1 окт.; КЛ 1913/25073). Он содержит стихи Гнедова, Ивнева, Игнатьева, Крючкова, Олимпова и статью Светланова; много места предоставлено члену московского кружка ⇨ «Лирика» и будущему основателю группы ⇨ «Центрифуга» С. П. Боброву, выступившему со стихами и статьей, содержащей выпады против кубофутуристов.

Позднее «Петербургский глашатай» выпустил стихотворные сборники Крючкова «Падун немолчный» (зарег. 8–15 окт.; КЛ 1913/26341) и Ивнева «Самосожжение» (зарег. 22–29 окт.; КЛ 1913/27813). В конце октября Игнатьев опубликовал в Нижнем Новгороде брошюру «Эго-футуризм» (зарег. 29 окт. – 5 нояб.; КЛ 1913/28612), в которой довольно сумбурно попытался ответить на вопрос: «В чем сущность и заслуги эгофутуризма» (цит.: *Марков, 1967.* С. 37). Книжка содержит теоретические положения, текст «Граматы», комментированные цитаты из эгофутуристических альманахов и многочисленные полемические выпады против Северянина. Неделю спустя вышел стихотворный сборник Игнатьева «Эшафот. Эго-футуры» (зарег. 5–12 нояб.; КЛ 1913/29396), где собраны стихи, напечатанные ранее в альманахах.

7 декабря на лекции В. А. Пяста «Поэзия вне групп» в Тенишевском училище имел место инцидент с участием Игнатьева и Олимпова, которые «заранее подготовили скандал, придя в зал с нарочно купленной в Гостином дворе подушкой, изображающей кошку. Когда я заговорил о Мандельштаме, – с криком “Мраморная муха” эго-футуристы бросили эту кошку <...> в меня, – но промахнулись» (*Пяст, 1997.* С. 176). Очевидец происшествия И. В. Евдокимов записал в дневнике: «Вывели с полицией футуриста одного – был пьян, с кошкой, вставлял замечания и т.д.» (ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 426).

Игнатьев должен был 7 января 1914 г. выступить в Симферополе вместе с В. В. Маяковским, Д. Д. Бурлюком, И. Северянином и В. Баяном на вечере «Олимпиада футуристов» с докладом «Великая футурналия», однако не приехал (*Харджиев, 1997.* С. 9).

20 января 1914 г., в день своей свадьбы, Игнатьев совершил самоубийство, перерезав себе горло бритвой (см.: *Блок А. А.* Записные книжки. М., 1965. С. 203). В прессе начала 1914 г. бытовали слухи, что самоубийство Игнатьева было спровоцировано Г. В. Ивановым и Р. Ивневым (см.: *Богомолов, 1999.* С. 418). Со смертью «директора» группа эгофутуристов, связанных с «Петербургским глашатаем», распалась.

В конце января вышел под новой издательской маркой «Бьета» стихотворный сборник Гнедова и Широкова «Книга великих» (зарег. 29 янв. – 5 февр.; КЛ 1914/3182). В ⇨ «Бродячей собаке» 23 февраля 1914 г. был организован вечер в пользу Гнедова, якобы больного туберкулезом; получив деньги, Гнедов через день покинул Петербург (см.: *Парнис, Тимечик, 1985.* С. 226–227; *Лившиц Б.* Полутораглазый стрелец. Л., 1989. С. 518–520).

Третьим, «послеигнатьевским» периодом истории эгофутуризма В. Ф. Марков называет издательскую деятельность В. Р. Ховина – редактора альманаха «Очарованный странник» (*Марков, 1966.* С. 509). Первые два выпуска вышли еще при жизни Игнатьева; альманахи Ховина пришли фактически на смену игнатьевским сборникам – если последний из них, «Развороченные черепа», вышел в конце сентября 1913 г., то первый выпуск «Очарованного странника» был напечатан во второй половине октября (зарег. 15–22 окт.; КЛ 1913/27178). Вып. 2–4 вышли в ноябре 1913 г. (зарег. 26 нояб. – 9 дек.; КЛ 1913/31904), в феврале (зарег. 19–26 февр.; КЛ 1914/5216) и в апреле 1914 г. (зарег. 24 апр. – 1 мая; КЛ 1914/10393). Вып. 5–9 «Очарованного странника» вышли под маркой «Издательство эго-футуристов»; номера стали выходить нерегулярно: 5 – зарег. 21–28 янв., 6 – 11–18 авг., 7 и 8 – 22–29 сент. 1915 г. (КЛ 1915/2897, 19195, 21384, 21385), 9 – 1–7 янв. 1916 г. (КЛ 1916/173). Десятый и последний вып. «Очарованного странника» вышел в марте 1916 г. (зарег. 10–17 марта; КЛ 1916/4817).

Из Интуитивной ассоциации с альманахом Ховина был связан лишь Крючков: здесь он печатал свои стихи и – под псевдонимом «Келейник» – литературную критику. Олимпов, Гнедов и Широков в «Очарованном страннике» не участвовали. Из прежних эгофутуристов особенно активно печатался там Северянин (его стихи присутствуют в выпусках 2–7), встречаются имена Ивнева и Шершеневича; среди участников к эгофутуристам примыкали также А. Владимирова, М. Я. Козырев, А. А. Масаинов и А. А. Толмачев. В альманахах Ховина участвовали также нефутуристы: Ф. К. Сологуб, Ан. Чеботаревская, М. А. Струве, З. Н. Гиппиус, Н. Н. Евреинов и др.; в последних двух-трех выпусках заметно известное тяготение к кубофутуристам (напечатаны произведения В. В. Каменского и В. В. Хлебникова).

Смесь участников и направлений свидетельствует об эклектическом характере «Очарованного странника»; воззрения же самого Ховина на эгофутуризм со временем сильно изменились, как показывают его программные статьи в разных выпусках. В начале 1914 г. Ховин прославлял эгофутуризм за то, что только он «остался верен русскому декадансу в борьбе его за самодовлеющую ценность искусства» (*Ховин В.* Медь гремящая и кимвал звучащий // Очарованный странник. СПб., 1914. Вып. 3. С. 11), а Северянина ценил именно за черты декадентства в его творчестве; в марте же 1916 г. Ховин оправдывает прекращение выпуска альманахов ложной концепцией всего начинания: «Старый истрепавшийся чемодан декаданса напрасно пытались открыть новеньким ключиком» (*[Ховин В. Р.].* Динамиту, господа, динамиту! // Очарованный странник. СПб., 1916. [Вып. 10]. С. 7); последний выпуск завершался статьей Ховина «Открытое письмо Виктору Ховину [sic!]» (Там же. С. 19–20), его «покаянным отречением» (*Струве, 1976.* С. 116) от Северянина.

Следы поэтики эгофутуризма (в основном подражания Северянину) можно найти у многих поэтов, не принимавших участия в эгофутуристических кружках, но печатавшихся в связанных с ними изданиях или же в провинции (перечень подобных стихотворных сборников см.: *Марков, 1966.* С. 511–512; *Markov, 1968.* P. 208–212). Одним из последних проявлений эгофутуризма является кружок «Кольцо поэтов имени К. М. Фофанова», организованный в 1921 г. Олимповым.

В эстетических воззрениях и в поэтической практике эгофутуристы так сильно отличались друг от друга, что едва ли можно говорить о единой и цельной эстетической концепции этого течения. Меню эгофутуризма совмещает и «мороженое из сирени» Северянина, и «засахаренных крыс» Гнедова; зафиксированные в этих образах две противоположные струи — эстетическая и антиэстетическая — свидетельствуют не столько о синкретизме эгофутуристов, сколько о переходном характере самого явления, совмещавшего «нездоровую» утонченность угасающей эпохи с грубостью нарождающейся новой культуры.

Несмотря на все индивидуальные различия, эгофутуристов объединял ряд общих теоретических положений. Главное из них — это эгоцентризм, понятый как культ собственной личности и доведенный до предела (у Северянина, Игнатьева, Гнедова и Олимпова есть признаки мании величия; последний, произведший себя в конце 1910-х гг. прямо в «Родители Мироздания», явно страдал ею в смысле клиническом). Важную роль играет также понятие интуиции (непосредственного, нерационального постижения сути вещей) — вплоть до ховинского «Очарованного странника», выходившего с подзаголовком «альманах интуитивной критики и поэзии»; в творческой практике эгофутуристов заметны скорее такие черты интуитивного подхода, как пренебрежение основательными знаниями и логической аргументацией.

Третья характерная черта программы эгофутуристов — их претензия на новаторство. У Северянина и его имитаторов словесный эксперимент чаще всего принимает форму умеренного словотворчества (с помощью аффиксов и заимствований из французского языка). Более радикальны опыты Игнатьева (в поэзии — эксперименты в области рифмы; в прозе — поток сознания, использование графических символов) и Гнедова (эксперименты в области семантики и графики, синтаксиса и морфологии, пунктуации и орфографии; заумный язык).

См. в приложении манифесты эгофутуристов.

Лит.: *Казанский [Игнатьев И. В.].* Первый год эго-футуризма // Орлы над пропастью. СПб., 1912. С. 2–4; *Игнатьев И. В.* Эго-футуризм // Засахаре кры. СПб., 1913. С. 2–9; *Игнатьев И. В.* Эго-футуризм. Н.-Новгород, 1913а; *Шершеневич В. Г.* Футуризм без маски. М., 1913; *Рязанов Н. П.* Эгофутуризм: (Основы и критика). Владикавказ, 1914; *Марков В. Ф.* К истории рус. эго-футуризма // Orbis scriptus. München, 1966. С. 499–512; Манифесты и программы рус. футуристов / [Ред. В. Ф. Марков]. München, 1967. С. 7–8, 23–49; *Markov V.* Russian Futurism: A History. Berkeley, 1968. P. 61–100; *Чуковский К. И.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1969. Т. 6. С. 202–259; *Струве Г.* О Викторе Ховине и его журналах // Russian Literature. 1976. Vol. 4. С. 109–118; *Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1983. Л., 1985. С. 219, 227; *Сигов С.* Эго-футурналия Василиска Гнедова // Russian Literature. 1987. Vol. 21. С. 115–124; *Филькина Е. Ю.* Судьба поэта: (Из восп. Игоря Северянина) // Встречи с прошлым. М., 1987. Вып. 4. С. 121–132; *Иванов Г. В.* Стихотв. Третий Рим. Петерб. зимы. Китайские тени. М., 1989. С. 292–296; РП. 1989. Т. 1. С. 589–590; *Шершеневич В. Г.* Великолепный очевидец // Мой век, мои друзья и подруги. М., 1990. С. 487–497; *Карпов П.* Пламень. Рус. ковчег. Из глубины. М., 1991. С. 288–298; РП. 1992. Т. 2. С. 398–399; «Сконгломерировав актеров и поэтов...»: (Ресторан «Вена»: из истории рос. лит. богемы нач. века) / Вступ. заметка и публ. Ю. Ирошникова // Вопр. лит. 1993. Вып. 5. С. 378–380; *Крусанов А. В.* Дороги и тропы рус. лит. авангарда: Эго-футуризм (1911–1922 гг.) // Рус. разъезд. СПб., 1993. № 1. С. 109–148; *Крусанов А. В.* Рус. авангард: 1907–1932 (Ист. обзор): В 3 т. СПб., 1996. Т. 1. Боевое десятилетие. С. 63–70, 111–117; *Северянин И.* Соч.: В 5 т. СПб., 1996. Т. 5. С. 68–81; *Олимпов К.* Возникновение эгопоэзии вселенского футуризма / Публ. А. В. Крусанова и А. М. Мирзаева // Минувшее. СПб., 1997. Вып. 22. С. 186–205; Из истории эгофутуризма: Мат-лы к лит. биографии Константина Олимпова / Публ. А. Л. Дмитриенко // Там же. С. 206–247; *Пяст В.* Встречи. М., 1997. С. 175–177; *Харджиев Н. И.* Статьи об авангарде: В 2 т. М., 1997. Т. 2. С. 9, 37–71; Поэзия рус. футуризма / Сост. В. Н. Альфонсов, С. Р. Красицкий. СПб., 1999. С. 329–398, 629–631; *Богомолов Н. А.* Эгофутуристич. период Георгия Иванова // Богомолов Н. А. Рус. лит. первой трети XX в.: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 406–422; РП. 1999. Т. 4. С. 428–429; Рус. футуризм: Теория. Практика. Крити-

ка. Восп. / Сост. В. Н. Терёхина, А. П. Зименков. М., 1999. С. 15–20, 129–162; *Голлербах Е. А.* Издательская деятельность Константина Олимпова // Книжное дело в России в XIX – начале XX века. СПб., 2003. Вып. 11. С. 39–60.

ЭОЛОАРФИСТЫ ⇨ СЭНСЭРИСТЫ

ЭРЛИХА КРУЖОК – литературно-философские собрания у Я. И. Эрлиха в конце 1890-х гг. в Петербурге. Кружок составляли И. Коневской, А. М. Добролюбов, О. Дымов, Вл. В. Гиппиус. «В кружке Эрлиха на первом месте стояли философские, этические и эстетические вопросы. Кружок имел ярко выраженный идеалистический и мистический характер с уклоном к пантеизму» (*Степанов.* С. 184).

Лит.: *Мордерер В. Я.* Блок и Иван Коневской // ЛН. 1987. Т. 92, кн. 4. М., 1987. С. 157; *Степанов Н. Л.* Иван Коневской. Поэт мысли // Там же. С. 184; *Дымов О.* Александр Михайлович Добролюбов // Восп. о серебряном веке. М., 1993. С. 21–22.

«ЭСПЕРА» – литературный кружок (греч. ἑσπέρα – «вечер») в 1912 г. в Москве. «Комитет кружка» приглашал В. Я. Брюсова в начале февраля 1912 г. «на 3-е собрание, имеющее быть в субботу, 11.II.1912». В качестве программы вечера анонсировался «реферат г-на [П. И.?] Майгура: “Философия поэта” о В. Брюсове». Других сведений о деятельности кружка нет.

Архивы: РГБ. Ф. 386 (Брюсов В. Я.). Карт. 90. Ед. хр. 68.

ЯВОРСКОЙ и БАРЯТИНСКОГО ПРИЕМЫ – проходили около 1900 г. в Петербурге. Среди посетителей приемов у Л. Б. Яворской и В. В. Барятинского были К. И. Арабажин, И. А. Гриневская, А. Д. Давыдов, В. Д. Кузьмин-Караваев, Д. А. Линев, В. Ф. Тотомианц, М. М. Филиппов, А. М. Хирьяков, З. В. Холмская, Т. Л. Щепкина-Куперник.

Лит.: *Гриневская И. А.* [Автобиогр.] // Первые лит. шаги: Автобиогр. совр. рус. писателей. М., 1911. С. 252; *Тотомианц В.* Журнал «Начало» и провокатор Гурович // Новый журнал. 1955. № 43. С. 266.

Архивы: ОР ГЛМ. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 9 (поздравительная телеграмма А. К. Шеллеру) [сообщено А. И. Рейтблатом].

ЯРОШЕНКО СУББОТЫ – регулярные встречи кружка друзей Н. А. и М. П. Ярошенко, проходившие в 1870–1890-е гг. в Петербурге. Там бывали писатели, художники, представители научно-технической интеллигенции; преобладали члены общества передвижников, а также сотрудники и авторы «Отечественных записок». В числе посетителей были В. М. Гаршин, Н. Н. Ге, Д. Л. Иванов, С. С. Караскевич-Ющенко, В. Г. Короленко, И. Н. Крамской, А. И. Куинджи, Д. И. Менделеев, А. И. Менделеева, Н. К. Михайловский, Г. Г. Мясоедов, М. В. Нестеров, И. С. Остроухов, И. П. Павлов, А. Н. Плещеев, В. Д. Поленов, И. Е. Репин, К. А. Савицкий, Вл. С. Соловьев, П. С. Соловьева-Allegro, В. В. Стасов, Н. В. Стасова, П. А. Стрепетова, Г. И. Успенский, О. И. Фельдман, В. Г. Чертков, А. К. Черткова, И. И. Шишкин, А. И. Эртель и др.

Будучи достаточно широким, круг постоянных посетителей Суббот тем не менее отличался известной замкнутостью; при этом гостей Ярошенко объединял не только либеральный образ мыслей, но и определенная кастовость во взглядах на литературу, искусство и общественную мораль. С. С. Караскевич-Ющенко вспоминала: «И сам Николай Александрович, и люди, сгруппировавшиеся вокруг его мастерской, были очень нетерпимы по отношению к инако мыслящим. <...> были книги, и талантливо написанные книги, которых здесь не читали. Были писатели, и небесталанные, имена которых не упоминались. Были поступки, за которые люди удалялись из кружка, хотя бы они до того считались друзьями» (*Караскевич*).

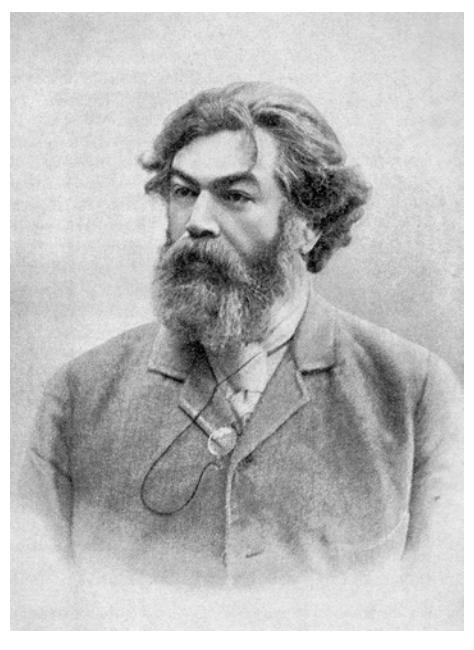
По мнению мемуаристки, салон Ярошенко сыграл важную роль для культурной жизни Петербурга 1880-х гг.: «Только теперь, когда 80-е годы стали уже историей, мож-

но во всей полноте оценить то огромное значение кружка Ярошенко, которое он имел для серой, тусклой, глухой и нудной современности» (*Там же*).

Лит.: *Караскевич С.* Семья Ярошенок: (Восп.) // Рус. записки. 1915. № 10. С. 19–31; *Менделеева А. И.* Менделеев в жизни. М., 1928. С. 47–50; *Нестеров М. В.* Давние дни: Встречи и восп. М., 1959. С. 69; *Голубева А. А.* Вечера у Ярошенко // Секлюцкий В. В. Николай Александрович Ярошенко. Ставрополь, 1963. С. 89; *Порудоминский В.* Николай Ярошенко. М., 1979. С. 60–68; РП. 1992. Т. 2. С. 478.

ЯСИНСКОГО ВТОРНИКИ (ВОСКРЕСЕНЬЯ) – встречи писателей с 1885 по 1910-е гг. у И. И. Ясинского в Петербурге (в квартире на углу ул. Николаевской и Невского проспекта, затем в доме на ул. Головинской). Е. П. Карпов сообщал, что в 1880-е гг. «по вторникам у него собирались литераторы и, за чашкой чая, вели беседы о появившихся в свет новых произведениях, а иногда и читали здесь свои еще не напечатанные работы. На вторниках бывало много литераторов» (*Карпов.* С. 229).

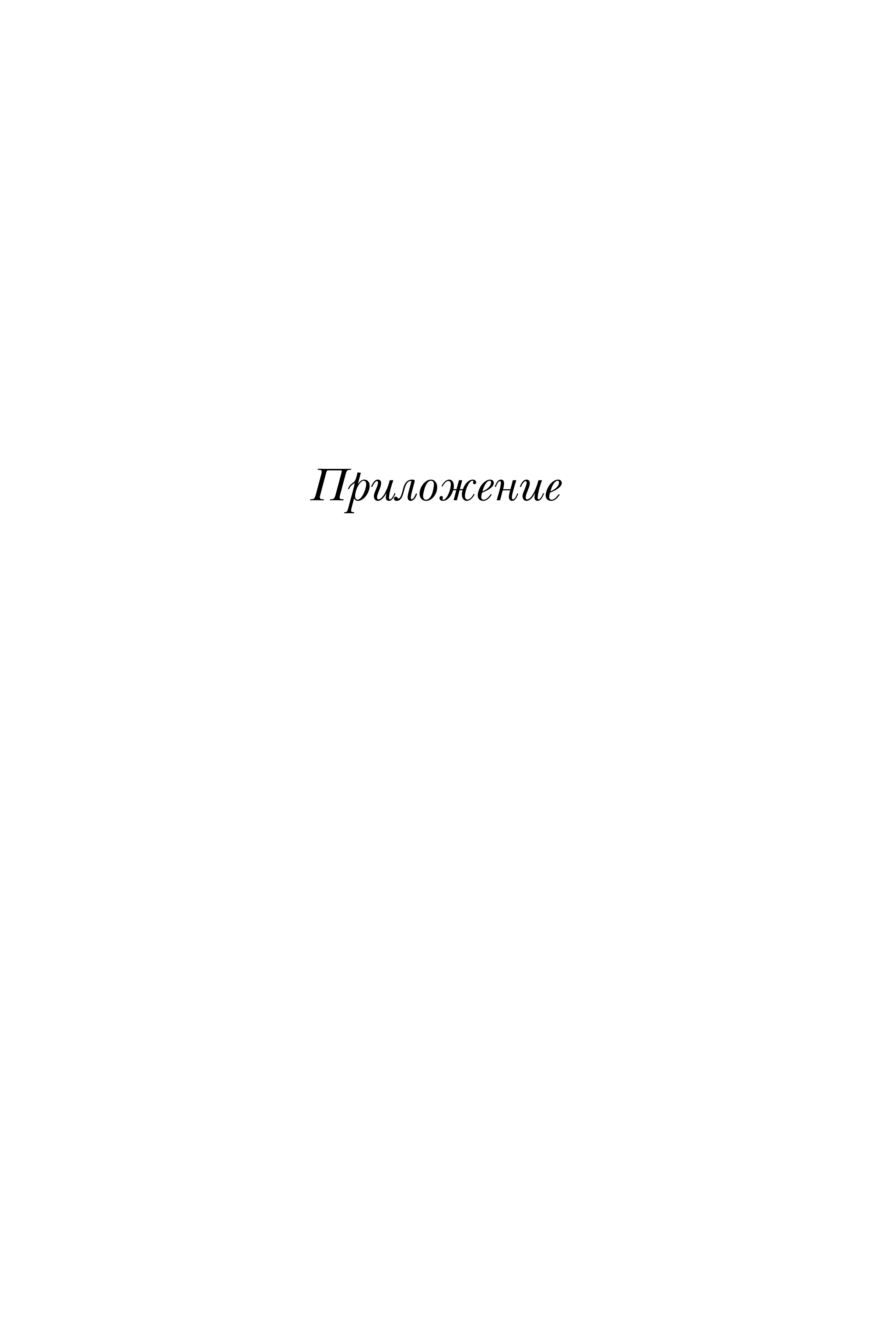
В числе посетителей журфиксов Ясинского во второй половине 1880-х гг. были М. Н. Альбов, С. А. Андреевский, К. С. Баранцевич, С. А. Бердяев, В. И. Бибиков, П. Д. Боборыкин, Арс. И. Введенский, В. М. Гаршин, И. И. Горбунов-Посадов, А. В. Жиркевич, Н. П. Карабчевский, Е. П. Карпов, А. И. Леман, К. Н. Льдов, Д. С. Мережковский, Н. М. Минский, А. О. Новодворский, А. Н. Плещеев, А. А. Рейнхольдт, И. Е. Репин, кн. А. И. Урусов, Ф. Ф. Фидлер, К. М. Фофанов, Ф. А. Червинский.



И.И. Ясинский

Впоследствии у Ясинского бывали также П. В. Быков, С. М. Городецкий, С. А. Есенин, А. А. Измайлов, П. И. Карпов, Н. А. Клюев, С. Г. Писахов, С. А. Поляков, М. А. Протопопов, Тэффи, А. И. Фаресов. Как вспоминал Ф. Г. Шилов, «его домик с отдельным павильоном для гостей на Черной речке всегда был полон, там было оживленно и весело» (*Шилов*). З. И. Ясинская описывает в своих воспоминаниях журфиксы 1910-х гг.: «По воскресным дням к отцу по традиции собирались гости – человек пятнадцать–двадцать. Публика была довольно пестрая. Приходили литераторы и художники» (*Ясинская.* С. 251).

Лит.: *Карпов Е. П.* [Автобиогр.] // Первые лит. шаги: Автобиогр. совр. рус. писателей. М., 1911. С. 229–230; *Леденев А. В.* Писательские объединения в рус. демокр. лит. конца XIX – нач. XX вв. // Из истории рус. реализма конца XIX – нач. XX вв. М., 1986. С. 54; *Ясинская З. И.* Мои встречи с Сергеем Есениным // С. А. Есенин в восп. совр.: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 251–255; *Шилов Ф. Г.* Записки старого книжника // Шилов Ф. Г. Записки старого книжника. Мартынов П. Н. Полвека в мире книг. М., 1990. С. 123; *Карпов П.* Пламень. Рус. ковчег. Из глубины. М., 1991. С. 268; *Fiedler F.* Aus der Literatenwelt. Göttingen, 1996. S. 56–58, 62; Минувшее. СПб., 1998. Вып. 24. С. 77; *Сапожков С.* К. М. Фофанов и репинский кружок писателей // Новое лит. обозр. 2001. № 48. С. 194–196.



Приложение

ВОСПОМИНАНИЯ

А. Е. Кауфман

ПИСАТЕЛЬСКИЕ ОБЩЕСТВА И КРУЖКИ *

Уже на заре русской литературы, когда у нас не было писательского цеха, когда литература не являлась еще профессией, стала чувствоваться и сознаваться необходимость в единении разрозненных писателей. Первые литературные учреждения преследовали чисто литературные цели и задачи, члены их упражнялись в стихотворстве и сочинительстве, культивировали изящную словесность — для собственного ли приятного времяпрепровождения или для распространения своих произведений, чтобы — как гласит устав одного из первых наших литературных обществ — «доставлять публике обработанные сочинения в стихах и в прозе на российском языке».

С течением времени, когда занятие литературой сделалось профессией, возникают общества, ставящие себе задачей защиту профессиональных интересов писателей, единение между ними, оказание помощи нуждающимся писателям в той или другой форме, отстаивание свободы печатного слова и т.п.

Литературные учреждения не отличались у нас долговечностью. Старый царский режим брал под подозрение всякие литературные организации. Исключение составляет уцелевшее и по сю пору Общество Любителей Российской Словесности, отпраздновавшее уже несколько лет назад (в 1911 г.) столетие своего существования и преследующее чисто академические литературные задачи.

В 1862 г. сделана была попытка открыть литературный клуб под флагом *Шахматного клуба.* За шахматными столиками велись оживленные беседы на политические темы. Там можно было встречать среди игроков Н. Г. Чернышевского, А. Н. Пыпина, а в буфетной комнате — В. Курочкина, Помяловского, Кроля и др., топивших свое недовольство тогдашними порядками на дне стакана вина. К шахматному столику Чернышевского чаще всех подсаживался Н. А. Серно-Соловьевич, открывший тогда в Петербурге книжный магазин и издательство и игравший потом большую роль в подпольной «Земле и воле». Чернышевский и Серно-Соловьевич скоро были арестованы, а Шахматный клуб, которому угрожала опасность умереть естественною смертью, был закрыт администрацией, причем распоряжение это мотивировалось тем, что в кружке «происходили и из него исходили неосновательные суждения».

* К истории наших литературных организаций в эпоху царизма.

* * *

Просуществовал Шахматный клуб всего несколько месяцев. На смену ему скоро возник *Клуб художников*, на вечерах, спектаклях и лекциях которого бывал тогдашний «весь Петербург». Из писателей в клубе можно было видеть Достоевского, Щедрина, Григоровича, Курочкина и др. Автор «Тарантаса» гр. Соллогуб устраивал здесь нашумевший «русский карнавал», художники Каразин и Лагорио ставили живые картины, актеры справляли в клубе свои юбилеи, Боборыкин читал лекции, Горбунов пропагандировал своего генерала Дитятина[1]. Ставились в клубе и спектакли. Выступали в них до появления своего на Александринской сцене Стрепетова, Савина, Писарев, играл покинувший казенную сцену Самойлов. Частные сцены находились тогда под запретом, и Клуб художников называл свои спектакли «художественными вечерами». Артистам казенных театров строго-настрого запрещалось играть где бы то ни было, но публика часто наслаждалась их игрою на клубных подмостках. Однажды только знаменитая певица Нильсон должна была появиться на сцене, не открыв рта: одним из старшин прочитано было публике письмо о запрещении певице выступать.

Клуб художников явился продолжением «пятничных» собраний, происходивших раньше в Академии художеств. В 1864–65 гг. собрания перенесены были в более удобное и обширное помещение на Морской. Собрания художников переименованы были тогда в «Клуб художников», хотя официально он назывался «Собраниями художников».

В новом помещении наплыв публики на вечера и лекции бывал так велик, что скоро пришлось перейти в еще более обширное помещение в Троицком переулке (ныне улице), в дом Руадзе (Павловой). Между прочим, в Клубе устроено было чествование памяти Пушкина, не имевшее, кажется, особенного успеха, судя по четверостишию Д. Д. Минаева:

Великий Пушкин! Сам Зевес
К тебе благоволил едва ли:
Сперва убил тебя Дантес,
Потом здесь в клубе доконали.

Тот же Минаев посвятил следующее четверостишие старшине Клуба, недавно скончавшемуся, И. Д. Зубареву, сочинявшему иногда эпиграммы на членов Клуба:

Скажу, лафитом подогрет,
Не убоясь свистков и рева.
Великий Пушкин был поэт,
Но все ж – не выше Зубарева!..

Боборыкину, читавшему лекцию на тему о незаконной связи с искусством, клубный поэт посвятил следующее стихотворение:

Он в клубе лекции читал
Глубокомысленно – тонко
А «связь» с искусством доказал,
В театр подбросивши «Ребенка».

Пьеса Боборыкина «Ребенок» шла тогда на сцене.

Собирались однажды в Клубе художников чествовать приехавшего в столицу Тургенева. Все приготовления к обеду были сделаны. Обсудили и утвердили меню, заказали обед по подписке. Число чаявших пообедать за одним столом со знаменитым писателем было велико. Но распорядители кое-что упустили из виду: они не торопились заручиться согласием Тургенева пожаловать на обед. Когда все было готово к приему писателя, старшины Зубарев и художник Забелло отправились приглашать Тургенева.

И велико было их смущение, когда Тургенев заявил, что не может быть и речи об участии его в устраиваемом в его честь обеде, о котором не считали нужным вовремя предупредить его. Таким образом, обед в честь Тургенева состоялся без Тургенева.

Весело и шумно проходили вечера в Клубе художников, пока в одно прекрасное утро царский сатрап Ф. Ф. Трепов не распорядился о закрытии его, из-за маленького беспорядка на студенческом вечере в помещении Клуба, старшины которого ничуть не были повинны. Это было в 1877 г. В течение полугода двери Клуба были закрыты. С большим трудом удалось затем выхлопотать возобновление деятельности Клуба, но перерыв имел роковое значение: средства истощились, многие отхлынули от Клуба, новое роскошное помещение в доме Шереметьева на Гагаринской оказалось слишком просторным, наемная плата не соответствовала доходам. Пришлось переехать в другое помещение — в Кононовский зал, где Клуб просуществовал недолго и закрылся (1882 г.). Вечера, спектакли и лекции вносили большое оживление в столичную жизнь. Несмотря на то, что по уставу допускались и карты, и старшины ради увеличения доходов предупредительно расставляли ломберные столики и сами садились играть, публика не соблазнялась карточной игрой, довольствуясь другими развлечениями. Один из рефератов трактовал об отношениях между издателями и сотрудниками. Кто-то донес ген. Мезенцеву, что в реферате проводились социалистические идеи о борьбе между капиталом и трудом, и пришлось по этому поводу отчитываться пред помощником шефа жандармов.

* * *

Скромное по своим задачам *Спб. общество любителей сценического искусства*, основанное в 1879 г., благодаря энергии, главным образом, близкого к писательской среде П. Н. Исакова, сыграло немаловажную роль. Под сенью этого общества возникает сначала Литературно-драматическое общество, превратившееся потом в Русское литературное общество, давшее у себя, в свою очередь, приют Союзу писателей, весьма популярному в свое время в литературных кругах. П. Н. Исаков был в некотором роде фанатик идеи единения писателей, для осуществления которой он немало потрудился, пользуясь отличными связями в сферах: говорили, — и этого не отрицал и Исаков, — что его отец был незаконный сын Николая I. Фамильное сходство подтверждало слух о том, что в жилах Исаковых текла царская кровь.

Спб. общество сценических деятелей, состоя из разнообразных и случайных элементов, сосредоточивало свою деятельность на устройстве спектаклей, в которых участвовали все члены общества. Спектаклям обыкновенно предшествовал разбор произведений автора даваемой пьесы. При обществе открыты были драматические классы, преобразованные потом в драматическую школу, которою заведовал драматический и балетный рецензент и автор книги о театре — Д. Д. Коровяков. В 1885–86 гг. выступают с рядом сообщений на собраниях кн. А. И. Урусов, кн. Д. Н. Цертелев, Боборыкин, К. К. Случевский, В. П. Острогорский и др. Организуются, кроме того, публичные лекции. Общество считало в своей среде Гончарова, Григоровича, А. Н. Майкова, Я. П. Полонского, А. Н. Плещеева, А. А. Потехина, Вейнберга и многих других писателей. Назрела потребность отвести в сфере деятельности Общества сценических деятелей место и недраматической литературе, и общество преобразовано было в *Литературно-драматическое общество.* Оживление в деятельности общества выражалось в устраивавшихся по субботам и четвергам беседах. Инженер Зуев выступал с нашумевшим рефератом о продолжении пушкинской «Русалки», якобы слышанном им и записанном еще мальчиком. Читали Григорович, Вл. Соловьев, Майков, Полонский. Часто устраивались чествования писателей и поминальные собрания.

Прошло некоторое время, и комитет решил переименовать Литературно-драматическое общество просто в *Русское литературное общество.*

В составе Русского лит[ературного] общ[ества], наряду с писателями, принадлежавшими к прогрессивному лагерю, были и реакционеры. Лицедействовал там Болеслав

Маркевич и выступал Буренин. Это подавало повод обвинять председателя Исакова в реакционности, а в то же время в сферах смотрели на него как на карбонария за постоянные сношения с писателями. Между тем так называемое «гражданское направление» не находило отклика в стенах Рус[ского] лит[ературного] общ[ества], где культивировалась преимущественно чистая поэзия. Покойный Скабичевский рассказывал, что, попав однажды в одно из собраний, он почувствовал себя как будто во враждебной атмосфере, аки пророк Даниил во рву со зверями...

* * *

В 1897 г. в литературных кругах замечалось стремление к единению на общественно-политической почве и для охраны материальных интересов писателей, добрых нравов, для посредничества между издателями и писателями, для возбуждения ходатайств пред правительством о нуждах писателей и печати, для оказания в той или другой форме помощи нуждающимся в оной. Решено было учредить при Русском лит[ературном] общ[естве] самостоятельную организацию, куда должны были, однако, входить и члены означенного общества: половина членов комитета новой организации, которой присваивалось название *Союз писателей*, должна была состоять из членов Р[усского] лит[ературного] общ[ества].

21 ноября последовало утверждение ходатайства о Союзе писателей. Официально он назывался «Союзом взаимопомощи при Рус[ском] лит[ературном] общ[естве]». 25 янв. 1897 г. состоялось первое учредительное собрание. Председателем избран был Исаков, товарищем председателя Н. К. Михайловский. В состав Союза вошел весь цвет русской литературы: Полонский, Короленко, Григорович, Мордовцев, А. Потехин, Бунин, Вагнер, Вейнберг, Бильбасов, М. Антонович, Анненский, Гарин-Михайловский, Елпатьевский, Кареев, Спасович, Арсеньев, Венгеров, Струве, Станюкович, Лесгафт, С. Максимов, Мамин, Скабичевский, В. Соловьев, А. Суворин и др. Они считались учредителями. Уния с Русским литературным обществом скоро была нарушена, и Союз зажил самостоятельной жизнью.

В истории русских литературных учреждений Союз писателей занимает особое место по той общественно-политической роли, которую он сыграл. Памятниками деятельности его являются выработанные существовавшей при нем юридической комиссией (закрытой потом, как не предусмотренная уставом) доклады о нуждах печати. Председателем юридической комиссии состоял Арсеньев, а затем Короленко.

Еще более интересна и продуктивна деятельность учрежденного при Союзе суда чести, непременным членом которого был сведущий юрист, стоявший всегда на страже добрых литературных нравов — К. К. Арсеньев.

Собрания Союза отличались большим оживлением. Они происходили по пятницам, раз в две недели. На них читались доклады. Нередко собиравшихся угощали музыкою и пением. Выступали Коммиссаржевская, Далматов, и однажды играл на скрипке П. Н. Милюков. По музыкальной части хлопотал Вейнберг. Кроме вечеров Союз устраивал и публичные собрания. Так, в Александровском зале Думы устроено было торжественное чествование памяти Белинского по случаю 50-летия со дня кончины.

Н. К. Михайловский имел в Союзе восторженных почитателей, но были у него и антагонисты, вроде покойного Л. Е. Оболенского, заявившего однажды, что он не намерен вместе с другими гарцевать за колесницей кумира молодежи. Юбилейное чествование Михайловского в Союзе показало, что там у Оболенского было не много единомышленников. Любопытно, что об этом чествовании я нашел отчет в одной только владивостокской газете. Чествование началось утром. Предполагалось для почитателей из нечленов Союза устроить товарищеский чай, но в этом усмотрены были не то конкуренция для чайных заведений, не то нарушение каких-то правил.

Рассказывали, что явившимся к представителю власти с просьбою о разрешении собрания Вейнбергу и Михайловскому было поставлено условием разрешения посылки на собрание полицейского агента. Просители указали на все неудобство такого условия.

— В таком случае, — заявило начальство, — покажите мне список ваших членов.

Список был предъявлен.

— Ну, я могу обойтись без посылки к вам своего агента, — сказал представитель власти, ознакомившись со списком. — Я и так буду знать все, о чем у вас будут говорить!

Среди членов Союза давно уже зрела мысль об устройстве всероссийского съезда деятелей печати для обсуждения их разнообразных нужд. Комитет сделал попытку организовать нечто вроде «Тихого съезда», разослав об этом циркуляр в мае 1900 г. Первое заседание «Тихого съезда» состоялось в ноябре того же года. Целый ряд докладов, предназначенных для съезда, был изъят распоряжением министра вн[утренних] дел. Провинциальных писателей съехалось сравнительно немного. В июне того же года получен был отказ в устройстве публичного писательского съезда. По предложению Д. А. Линева, общее собрание решило обжаловать отказ, хотя Спасович и Таганцев высказались по формальным причинам против такой жалобы. Пока комитет собирался привести в исполнение постановление общего собрания, Союз был закрыт. Поводом к закрытию послужил протест сорока его членов против расправы нагайками, учиненной царскими опричниками на Казанской площади 4-го марта 1901 г., когда задержаны были 760 преимущественно молодых людей, избиты были и арестованы заступившиеся за избиваемых Н. Ф. Анненский и А. В. Пешехонов, а заодно с ними попали в кутузку П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановский. Под впечатлением происшедшего члены Союза собрались в помещении своего клуба и стали обмениваться взглядами. Результатом этого обмена и явился протест, а за ним и закрытие Союза.

Между перечисленными нами литературными учреждениями, ведущими свое начало от Общества любителей сценического искусства, была преемственная связь. Совершенно особняком стоят пять литературных кружков, связанных с именами выдающихся писателей: Пушкинский, Полонского, Случевского, Шекспировский и Герценовский.

Мысль об учреждении Пушкинского кружка принадлежала поэту Садовникову.

«Недели три назад, — говорит Садовников в ненапечатанном дневнике под датой 7 марта 1880 г., — мне совершенно случайно пришла в голову мысль об основании Пушкинского кружка или чего-нибудь в этом роде. 7-го марта я с этим уставом явился к Полонскому».

У Полонского Садовников застал Тургенева и Григоровича. Прослушав с видимым вниманием устав, Тургенев заявил, что вполне сочувствует хорошему начинанию, хотя предвидятся два препятствия: первое — как взглянет на это правительство, ибо у нас поэзию не считают за искусство; второе — материальная сторона.

— Я был, — продолжал И. С. Тургенев, — основателем трех обществ, и из них два погибло из-за недостатка средств, а одно — Общество для вспомоществования нуждающимся литераторам — прекрасно стало на ноги. Я советую составить сначала нечто вроде докладной записки, где бы точно и определенно выражены были цели общества, а сам беру на себя с удовольствием разведки по этому делу. Придется писать эзоповым языком... В среду я буду на обеде у принцессы Евгении Максимилиановны и сообщу, в виде слуха, об этом. Ведь знаете, что самые умные люди из высоких особ, государственных людей, находя мысль прекрасной, «держат за пазухой камень»... Шевченко ведь тоже поэт, значит, и его вы будете изучать? И устав сразу провалится...

На предложение напереть на эстетику и пустить слово «классический» как противовес грубому реализму Тургенев ответил:

— Нет, это слово тоже не спасет! Ведь скажут: и Ювенал классический поэт... Дело, вероятно, не обойдется без Лорис-Меликова. Я не знаком с ним лично, но я с удовольствием испросил бы аудиенцию, если это надо...

Я не знаю, хлопотал ли Тургенев пред графом Лорис-Меликовым о разрешении учредить Пушкинский кружок и сделал ли поэт Садовников какие-либо шаги для осу-

ществления своей идеи, но мне доподлинно известно, со слов единственного оставшегося в живых учредителя Пушкинского кружка, К. С. Баранцевича, что инициатива принадлежала кроме него мало известным еще в то время писателям: Познякову, Альбову, Соловьеву-Несмелову, Сальникову и Мюру. Во главе этой группы находились чиновник какого-то ведомства Стремоухов, совершенно непричастный к литературе, и его свояченица.

Первый дебютный литературный вечер кружка, после утверждения устава, состоялся в зале Кредитного общества. Когда здание Кредитного общества сгорело, владелец Знаменской, ныне Северной, гостиницы Туляков предложил кружку бесплатно пользоваться у него залом в известные дни. После литературной части каждого вечера происходили танцы. Плата за вход была определена в 50 коп. В вечерах принимали участие певцы и певицы.

Бывали в кружке: Плещеев, Н. К. Михайловский, Вейнберг, В. И. Семевский, В. С. Лихачев, Пальм, Минаев, Атава, Оболенский, Минский, Венгеров, Юлия Безродная и др. На одной встрече Нового года я увидел впервые за товарищеским ужином молодого бледного офицера рядом с председательствовавшим в кружке А. Н. Плещеевым: это был подававший и оправдавший большие надежды поэт Надсон, читавший потом в кружке свои стихи. Посетил однажды Пушкинский кружок иностранный гость — Шпильгаген, которому устроена была торжественная встреча. Бывал в кружке и юный еще тогда поэт Фофанов. Благоговея пред Пушкиным, Фофанов однажды поздно ночью, после окончания вечера, пробрался в зал, где стоял на возвышении бюст поэта, и повергся пред ним ниц у подножия. Был в кружке и другой такой же экспансивный поэт — известный толстовец Ив. Ив. Горбунов.

Многие эпизоды из жизни Пушкинского кружка описаны в романе «Вавилонская башня», который писали «в четыре руки» Баранцевич и Альбов. Роман печатался в «Новостях»[2] в 80-х годах и остался неоконченным[3], как и начатая Нимродом в Вавилоне башня. «Вавилонская башня» Баранцевича и Альбова, которых зоилы обвиняли в изображении в карикатурном виде поэтов и писателей Пушкинского кружка, была, в сущности, незлобивой сатирой. Более сурово относилась к кружку часть прессы, обвинявшая распорядителей кружка в устройстве танц-класса. Не раз участвовали в танцах Михайловский и В. Семевский. Когда однажды один из членов кружка, танцуя мазурку, позволил себе, как это требуется, стать на колени и обвести вокруг себя даму, то его предали суду и запретили посещать вечера в течение месяца. Но агитация против «танцев» сделала свое дело: администрацией они были запрещены, и председатель Н. А. Лейкин тщетно хлопотал о снятии запрета. Кружок скоро распался.

* * *

Поэт Я. П. Полонский часто собирал у себя знакомых, принадлежавших преимущественно к служителям литературы и искусства. Там можно было видеть весь литературно-артистический мир. Бывали Тургенев, Достоевский, Гончаров, Григорович, Майков, Антон Рубинштейн, Горбунов, Савина и др. Каждый показывал свое искусство. После кончины Полонского, 20 октября 1898 г., почитатели его решили продолжать «пятницы», придав им характер общественных собраний. И возник «кружок Полонского». Вдова поэта являлась «почетной хозяйкой» вечеров. Чтения и концерты привлекали так много публики, что в помещении кружка стало тесно. Пришлось перейти в более обширное помещение в школу Боровко (на углу Невского и Морской). И здесь вечера сохранили свой прежний характер. Для большего удобства, смотря по содержанию и характеру рефератов, вечера делились на реферативные и художественно-литературные. Кружок жил всегда своей особой жизнью, политика не вторгалась в его стены даже во дни общественных треволнений. Когда в 1905—1906 годах жизнь бурлила кругом, на вечерах кружка читались рефераты о романе Мережковского «Петр», о первых сестрах милосердия (реферат А. Ф. Кони), о внимании и памяти (его же), о пьесах Зудермана и других, о философском миросозерцании кн. С. Н. Трубецкого, о японском ху-

дожестве в архитектуре. Вейнберг читал рефераты о Гоголе, Ж. Занд, о пессимизме, Кони – о В. С. Соловьеве, об Одоевском, о Каролине Павловой.

В 1910 г. кружок перенес вечера в Петровское училище, но это помещение оказалось не по средствам. В 1914 г. отпраздновано было 15-летие кружка.

В 1900 г. произошел маленький раскол, когда группа деятелей кружка, обуреваемых политическими стремлениями и не имевших возможности привить политику учреждению, носящему имя человека, который отнюдь не был политиком, ушли и положили основание «Русскому собранию». Там скоро расцвела пышным цветом политика в стиле Дубровина и Маркова 2-го...

* * *

На похоронах Я. П. Полонского поэт К. К. Случевский задумал, по примеру покойного, собирать и у себя писателей, по преимуществу поэтов.

Первое собрание состоялось в пятницу, 1-го октября 1898 г.[4] На пятничных собраниях у Случевского писатели заносили в особый альбом свои экспромты и афоризмы, а художник Соломко украшал альбом своими рисунками. На одном из собраний решено было издавать альманах из произведений участников поэтических вечеров, на которых бывали поэты Бальмонт, Вейнберг, Гиппиус, Лихачев, Мирра Лохвицкая, Мережковский, Сологуб, Фофанов, Чюмина, С. Андреевский, Валерий Брюсов, Бунин, Минский и другие. Редактором альманаха утвержден был К. К. Случевский. На вечере 5-го ноября 1899 г. решено было издавать юмористический листок из стихов и афористической прозы, причем разрешение на издание этого листка, под заглавием «Словцо», должен был взять на свое имя поэт-переводчик В. С. Лихачев. Через некоторое время решено было придать «Словцу» лирический характер. Тем временем альбом украшался новыми произведениями самого Случевского и участников его «пятниц».

79-й вечер отпразднован был 17-го мая у Палкина, и эта «сверх-пятница» обогатила альбом целым каскадом стихов по адресу Случевского. Один из «пятничных» поэтов так воспел его:

Над мрачной набережной Невской
Не все темно, не все мертво,
Над ней есть факел... есть Случевский...
Есть вечной песни торжество!..

Последний, 100-й вечер состоялся 12-го декабря уже без Случевского; поэт Коринфский занес в альбом запись:

Без хозяина нам скучно,
И понятно отчего –
Муза с песней неразлучна,
Музы дремлют без него.

Бывшие «пятничники» собирались более или менее регулярно у других поэтов.

Политические события русской жизни вызвали перерыв в деятельности кружка Случевского.

* * *

Я не останавливаюсь здесь на Шекспировском кружке, существовавшем в 80-х и 90-х гг., ввиду сравнительно ограниченного круга его деятельности. В нем подвизались Спасович, Кони, поэт Андреевский, Чуйко, кн. Урусов и другие, преимущественно представители адвокатуры. Вначале усиленно штудировали Шекспира, а потом забыли о нем и занялись литературой вообще. «Шекспирологов» Шекспировский кружок не создал у нас...

* * *

Не раз делались попытки возродить Союз писателей. 28 февраля 1907 г. утвержден устав С.-Петербургского литературного общества, существовавшего всего 4 года. Там читались возбуждающие большой интерес — особенно в публике, допускавшейся по рекомендации членов, — литературные рефераты. В последних находили себе отражения и волновавшие общество политические вопросы, и модные среди части интеллигенции «богоискательство» и «богостроительство». Нашумел своим рефератом о Гаршине талантливый Чуковский. За Гаршина обиделись некоторые члены общества, и одна из присутствовавших, С. В. П[антелее]ва, со слезами на глазах заступилась за его оскорбленную память. Л. Ф. Пантелеев вышел даже из совета за пропуск реферата, где Гаршина разбирали с точки зрения «бухгалтерии».

Весною 1911 г. Литературным обществом принята была резолюция, направленная против профессоров Э. Гримма, Гревса и некоторых других, читавших лекции в присутствии агентов полиции. Резолюция эта, принятая в отсутствие председателя Анненского, вызвала большой раскол. Ряд членов, принадлежащих к профессуре, а именно: Аничков, Батюшков, Венгеров, Кареев, запротестовали, многие ушли. В то же время академик Марков высказал свое сочувствие резолюции и выразил пожелание баллотироваться в члены Лит[ературного] общества, к деятельности которого он раньше не проявлял никакого интереса. Резолюция долго еще служила предметом конфликтов в недрах Лит[ературного] общества. Вскоре после последнего общего собрания градоначальник обратился в Совет с требованием разъяснения по поводу «резолюции». Говорили еще тогда, что неудовольствие вызвало торжественное чествование памяти находившегося в немилости первого председателя Госуд[арственной] думы С. А. Муромцева, которому посвятили прочувствованные речи М. М. Ковалевский, Н. И. Кареев и др. Как бы то ни было, распоряжением администрации Спб. литературное общество было закрыто. Совет подал жалобу в сенат, оставленную без последствий.

Петербургское литературное общество было закрыто 1-го июля 1911 г. На его развалинах создано было явившееся его продолжением Всероссийское литературное общество. Не успело общество развить свою деятельность, как вспыхнула война, и администрация закрыла его на все время военных действий.

Я должен был бы еще упомянуть о Театральном клубе в роскошном палаццо гр. Юсупова-Эльстона на Литейном и о Суворинском Литературно-художественном обществе. Но на собраниях в этих обществах литература и не ночевала, — там проводили ночи за картами и лото, и я могу, следовательно, обойти их молчанием, как не входящих в мою задачу.

Впервые: Вестник литературы. Пг., 1919. № 1/2. С. 2–6; № 3. С. 2–5. Подп.: А. Евгеньев. Печатается по тексту первой публикации.

[1] *Генерал Дитятин* — созданный И. Ф. Горбуновым персонаж — отставной генерал (см., напр.: Генерал Дитятин // Рус. старина. 1884. № 3. С. 667–668). «Постепенно создался образ, разработанный с особою любовью, с тончайшею наблюдательностью и необыкновенною находчивостью тем, кто стоял за ним, почти органически с ним сливаясь. Мало-помалу *генерал Дитятин* сделался неизбежным посетителем всех кружков и собраний, в которых Горбунов чувствовал себя хорошо и свободно» (*Кони А. Ф.* Восп. о писателях. М., 1989. С. 306).

[2] *«Новости»* — газета (СПб., 1871–1906).

[3] Впоследствии юмористический роман Альбова и Баранцевича был опубликован отдельным изданием под названием «Вавилонская башня: История возникновения, существования и падения одного фантастического общества» (М., 1896).

[4] Как следует из соответствующей записи в дневнике Ф. Ф. Фидлера, первая Пятница Случевского состоялась 30 октября 1898 г. (см.: *Fiedler F.* Aus der Literatenwelt. Göttingen, 1996. S. 241).

Н. В. Дризен

СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГ. ЛИТЕРАТУРНЫЕ КРУЖКИ

Их было несколько, и из них много очень интересных. Наибольшей популярностью пользовались так называемые «пятницы» Я. П. Полонского, происходившие в квартире поэта на углу Знаменской и Бассейной улиц. Кого только они не видели! маститого государственного мужа и юного студента, разумеется, писателей всех степеней и рангов, художников, музыкантов. Многочисленные гости наполняли кто кабинет хозяина (там всегда стоял дым коромыслом), кто обширную столовую, где с восьми часов вечера до поздней ночи, не переставая, ворковал самовар, и посетителей оделяла вкусными печениями милейшая жена поэта, Жозефина Антоновна, она же очень известный скульптор. Однажды совсем неожиданно приехал к Полонским знаменитый А. Рубинштейн. Музыкант был в духе, не заставил себя долго просить и два с половиной часа, не отдыхая, импровизировал на рояле, что для обыкновенной аудитории показалось, пожалуй, «немножко множко».

Другой кружок, в противоположность Полонскому совсем «академический», долгое время поддерживался К. К. Арсеньевым, фактическим редактором «Вестника Европы»[1] и главным его критиком. Арсеньев основал его главным образом для учащейся молодежи, и действительно, мы слыхали там доклады таких выдающихся студентов этой эпохи, как П. Б. Струве, Б. В. Никольский, бар. А. Ф. Мейндорф и др. Иногда, чтобы разнообразить программу и доставить удовольствие своей аудитории, любезный хозяин приглашал известных «гастролеров»: А. Ф. Кони, Вл. С. Соловьева, В. Д. Спасовича и пр. Их сообщения на философские и историко-литературные темы вызывали большие разговоры и долго оставались в памяти слушателей.

На той же улице, что Полонский, ютился кружок К. К. Случевского, собиравший преимущественно поэтов старой школы, хотя и допускавший туда иногда и «прогрессивную молодежь», к коей принадлежали в то время Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, Д. В. Философов и сочувствующие им.

Однако «декадентству» там обыкновенно не уделяли места, и оно проложило себе путь при содействии других столпов новой литературы, как Федор Сологуб, Анна Ахматова, Игорь Северянин и пр. Собрания именно этого направления происходили у Ф. Сологуба в его симпатичной квартире на Разъезжей улице и протекали весело, шумно, в чтении стихов, а потом в обильном ужине, который заканчивался далеко за полночь. Когда Бальмонт возвращался из-за границы, он обыкновенно бывал у Сологуба, и тогда эти собрания становились еще оживленнее, еще разнообразнее.

Приблизительно того же типа, что вечера у Сологуба, бывали вечеринки у другого представителя современных течений в искусстве, Вячеслава Иванова, в его знаменитой «башне» на Таврической улице. Там собирались приблизительно те же поэты, но кроме чтения стихов пробовали свои силы на драматическом поприще. Я помню (правда, довольно смутно) какую-то пьесу, поставленную Мейерхольдом[2], только тогда ощупывавшим почву для посадки растений «нового типа» и чувствовавшим себя особенно удовлетворенным, что добрая половина аудитории охотно признавалась, что она ничего не понимает в этих исканиях. Лично для меня большою радостью было слышать на этих вечерах прежде всего хозяина, замечательного оратора, а затем его редкого гостя Максимилиана Волошина, обыкновенно проживавшего в Коктебеле, в Крыму, и только на недолгое время приезжавшего в Петербург. Состязание этих двух лиц в «словесном турнире» едва ли не одно из самых живительных воспоминаний о данной эпохе. Кроме всего прочего, оно обыкновенно многое уясняло в современной литературе, помогало усвоению нового течения.

В этом отношении, в студенческую пору в особенности, огромную цивилизующую роль сыграл кружок Б. В. Никольского. Здесь не место говорить о трагической судьбе этого замечательного человека, велением судьбы брошенного в пучину политической борьбы[3]. Но пока Никольский был студентом и в меблированной комнате «Палэ Ро-

яль» устраивал свои «среды», на свете жилось много легче, и мы в один вечер уносили с собой такой запас энергии, какого с избытком могло хватить на целый месяц.

Совсем особняком стоял литературный кружок, собиравшийся по субботам, в течение зимнего сезона, у августейшего поэта К. Р., вел. кн. Константина Константиновича. Участники этих собраний отправлялись для этого в Павловск, во дворец великого князя, где в уютной обстановке гофмаршала великого князя Н. Н. Ермолинского обыкновенно систематически исполнялась известная программа вечера. Программа эта заключала в себе параллельно произведению писателя или поэта соответствовавшего ему по эпохе музыканта или композитора. Чтобы на вечере не было только слушателей, а каждый из присутствующих вносил свою лепту в общее дело, статут кружка держался определенного правила: кто умел петь — пел, кто играл на каком-либо инструменте — играл, а кому Провидение отказало в музыкальных способностях, тот предлагал себя просто в качестве чтеца и читал какого-либо из намеченных писателей. При этом очень трудно забыть вдохновенную фигуру одного из сыновей вел. князя, Олега Константиновича. Он, если не ошибаюсь, был одарен разнообразными талантами. Будучи еще лицеистом, он со всей силой своей буйной молодости увлекся Пушкиным и тогда же задумал издать факсимиле всех рукописей, хранившихся в лицейском музее. Не знаю, на чем остановилась эта затея (помнится, было издано несколько тетрадей)[4], но смерть прервала жизнь юноши (он был убит в самом начале войны) и в то же время свела на нет все его надежды и намерения. А намерений было много; сужу об этом по замечательному дневнику, оставленному покойным.

Из более «публичных» литературно-артистических собраний старый Петербург знал еще так называемые «мюссаровские понедельники»[5] и «пятницы акварелистов»[6]. Первые происходили в одной из аудиторий Соляного Городка, а последние в Академии Художеств. Программа тех и других была приблизительно одинаковой. Сначала гг. художники рисовали с натуры, потом мольберты и ящики с красками убирались и наступала очередь всяким артистам, которые выступали в своем репертуаре. Обыкновенно время совпадало с окончанием спектаклей в театрах, и это давало возможность лучшим нашим артистам прямо из театра приезжать на собрания и выступать на них. Овациям не было конца; часто артисты обеспечивали здесь свои будущие бенефисы.

Говоря о музыке, я чуть было не забыл сказать несколько слов о кружке, о котором мне уже приходилось говорить в нашей газете, делясь с читателями моими воспоминаниями о Римском-Корсакове[7]. Речь идет о музыкальном кружке Молас, вернее о руководителе его, г-же Молас, урожденной Пургольд, ученице Римского и друга знаменитой «кучки»[8]. Здесь собрания происходили редко и в довольно тесном общении, но зато о каждом из них присутствующие хранили долго самое светлое воспоминание. Дело в том, что хозяйка, сама профессор пения, поставила себе довольно сложную задачу: приготовить целую русскую оперу в исполнении своих учеников. Правда, в этом отношении она не была одинокой в своих исканиях. У нее были такие «именитые» помощники, как Римский-Корсаков, Ц. А. Кюи, Балакирев и др. Опера разучивалась под рояль; главную роль играл здесь Ф. М. Блюменфельд, будущий дирижер Мариинского театра. Он, что называется, «вел» оркестр. Зато, когда наступал заветный день и приглашенные усаживались в небольшой гостиной, ими, вероятно, овладевало то же настроение, что перед началом спектаклей в Байрейте[9]. Мне пришлось слушать у Молас три года подряд «Бориса Годунова» Римского, его же «Майскую ночь» и «Вильяма Радклифа» Ц. Кюи (оперу, почему-то совсем забытую). Исполнение было безупречным. Может быть, можно было иногда придраться к отдельным голосам, найти там или тут какие-либо шероховатости, но все это искупалось таким огнем молодости и вдохновения, что критическое слово просто замирало в горле. И что замечательно: после такого рода собраний не хотелось некоторое время посещать «настоящую» оперу. Она казалась неживой, полной казенщины и рутины.

Наконец, совсем перешагнув новый век, приходится остановиться на литературном и артистическом кружке, существовавшем почти до самой революции при редакции

«Ежегодника императорских театров»[10] и собиравшемся на моей квартире. Вспоминая о нем в своей переписке с покойным бар. Н. Н. Врангелем, кн. С. М. Волконский не нашел более подходящей характеристики, как сказать, что там «все так же шумно и пахнет бутербродами»[11]. К счастью для репутации кружка, существовавшего без малого семь лет, многочисленные участники его (иногда собиралось свыше 50 человек, и все из литературного и артистического мира), вероятно, сохранили несколько иные впечатления, чем наш почтенный критик и его корреспондент. Начать с того, что сам Волконский открыл в нем серию своих личных докладов об эстетике и возвращался туда не один раз. Он выбрал его, между прочим, для протеста против своеобразной постановки Мейерхольдом «Дон-Жуана» в Александринском театре[12], и нужно думать, что «бутерброды» ему тогда не мешали. Впрочем, на смену Волконскому находилась целая плеяда интересных личностей, и об упомянутом факте хочется сказать меньше всего и поскорее пройти мимо. Упомяну только наиболее «выдающиеся» события. В первом же году существования кружка состоялся в нем замечательный диспут между К. С. Станиславским, Н. Н. Евреиновым и Мейерхольдом о театрализации жизни[13]. Присутствовавший на диспуте покойный В. В. Розанов нашел в нем темы для целых трех фельетонов в «Русском слове»[14]. В последующие годы были интересные доклады А. Ф. Кони, С. А. Андреевского, Ф. Д. Батюшкова, А. Г. Горнфельда, почти всегда посвященные текущему моменту. Так, А. Ф. Кони отзывался на годовщину Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, А. Г. Рубинштейна, причем на «поминках» по первым двум присутствовали: вдова Достоевского, Анна Григорьевна, М. Г. Савина и сын Мельхиора де Вогюэ, убитый в великую войну. Затем были очень интересные доклады: директора Энститю де Франс в Петербурге проф. Натулье о постановке «Грозы» Островского в Париже, чтение Вл. Ив. Немировичем-Данченко неизвестной еще тогда публике пьесы Л. Толстого «Живой труп», исполнение оперы Мусоргского «Сорочинская ярмарка» по рукописи, найденной В. Г. Каратыгиным в Публичной библиотеке (пели артисты Мариинской оперы), доклад А. Я. Левинсона о современном балете, с демонстрациями М. М. Фокина, и т.д., и т.д. Характер кружка был совершенно внепартийный: в нем одинаково уживались Е. П. Карпов и Ф. Сологуб, кн. М. Н. Волконский (автор знаменитой «Вампуки»[15]) и С. Городецкий. Бессменным председателем кружка состоял известный историк театра и пушкиновед П. О. Морозов. Он руководил прениями, иногда делал резюме сказанному. Кстати, об этих прениях. Обыкновенно они происходили после небольшого перерыва, когда пили чай, закусывали знаменитыми бутербродами, и иногда затягивались до полуночи, увлекая присутствующих, пожалуй, еще больше, чем сами доклады.

Таковым представляется мне «вертоград российской словесности» на рубеже XIX и XX веков. Будущий историк литературы, касаясь этого периода, конечно, отметит, что было на этих собраниях значительного и что наносного и не заслуживающего внимания. Во всяком случае, такого рода кружки оживляли чиновный Петербург, вносили в него много творческой фантазии и пробуждали эту фантазию в умах учащейся и ученой молодежи.

Впервые: Возрождение. Париж, 1935. 15 февр. № 3544. С. 5. Печатается по тексту первой публикации.

[1] *«Вестник Европы»* – журнал (СПб., 1866–1918).

[2] Мейерхольд поставил на «башне» у Вяч. Иванова «Поклонение Кресту» Кальдерона в переводе К. Д. Бальмонта (см.: *Пяст Вл.* Встречи. М., 1997. С. 118).

[3] Б. В. Никольский придерживался крайне консервативных взглядов, входил в руководство правых организаций (Русское собрание, Союз русского народа) и в 1919 г. был расстрелян ЧК.

[4] См.: Рукописи Пушкина. I. Автографы Пушкинского музея Александровского лицея / Изд. кн. Олега Константиновича. СПб., 1991. Вып. 1. [8] с. + [48] листов снимков с рукописей Пушкина.

[5] «Мюссаровские понедельники» (официальное название: Общество для вспомоществования сиротам и семействам художников) — объединение художников, возникшее по инициативе Е. И. Мюссара; существовало в 1881—1917 гг. (см.: *Северюхин Д. Я., Лейкинд О. Л.* Золотой век худож. объединений в России и СССР. Пб., 1992. С. 139—141).

[6] Имеется в виду Общество русских акварелистов (СПб., 1880—1918), проводившее в 1892—1905 гг. еженедельные «акварельные пятницы» (см.: *Северюхин Д. Я., Лейкинд О. Л.* Указ. соч. С. 186—188).

[7]См.: *Дризен Н. В.* Н. А. Римский-Корсаков за работой // Возрождение. 1933. 9 июня.

[8]«Могучая кучка», содружество русских композиторов, существовавшее в конце 1850-х — середине 1870-х гг.; в его состав входили М. А. Балакирев, А. П. Бородин, Ц. А. Кюи, М. П. Мусоргский, Н. А. Римский-Корсаков и др.

[9]В оперном театре города Байрейт (Германия) проводятся ежегодные фестивали, посвященные творчеству Р. Вагнера.

[10] «Ежегодник Императорских театров» выходил в Петербурге в 1892—1915 гг.

[11]Ср.: «Мой покойный друг Николай Николаевич Врангель на мой запрос из Рима о том, что делается у Дризена, отвечал: “Все то же, — душно, пахнет бутербродами”. Ведь были же времена, когда запах бутерброда был неприятен!» (*Волконский С. М.* Мои восп. Берлин, 1923. Т. 1. С. 39).

[12] Премьера «Дон Жуана» в Александринском театре в постановке Мейерхольда состоялась 9 ноября 1910 г. (см.: *Рудницкий К.* Режиссер Мейерхольд. М., 1969. С. 135).

[13]Диспут Н. Н. Евреинова с В. Э. Мейерхольдом состоялся примерно в конце февраля 1910 г.; диспут К. С. Станиславского с Вл. И. Немировичем-Данченко прошел в апреле 1910 г. (см.: *Конечный А. М.* Блок и театр.-лит. беседы («среды») Н. В. Дризена // Блоковский сб. Тарту, 1985. Вып. 5. С. 77).

[14] *«Русское слово»* — ежедневная газета (СПб., 1895—1917). Выступлению Станиславского и Немировича-Данченко посвящены два фельетона В. В. Розанова (Рус. слово. 1910. 8 и 14 мая).

[15]Имеется в виду либретто для пародийной оперы «Принцесса Африканская» (1900).

АКМЕИСТЫ

Н. С. Гумилев
НАСЛЕДИЕ СИМВОЛИЗМА И АКМЕИЗМ

Для внимательного читателя ясно, что символизм закончил свой круг развития и теперь падает. И то, что символические произведения уже почти не появляются, а если и появляются, то крайне слабые даже с точки зрения символизма, и то, что все чаще и чаще раздаются голоса в пользу пересмотра еще так недавно бесспорных ценностей и репутаций, и то, что появились футуристы, эго-футуристы и прочие гиены, всегда следующие за львом *.

На смену символизма идет новое направление, как бы оно ни называлось, акмеизм ли (от слова ἀκμή — высшая степень чего-либо, цвет, цветущая пора), или адамизм (мужественно твердый и ясный взгляд на жизнь), во всяком случае требующее большого равновесия сил и более точного знания отношений между субъектом и объектом, чем

* Пусть не думает читатель, что этой фразой я ставлю крест над всеми крайними устремлениями современного искусства. В одной из ближних книжек “Аполлона” их разбору будет посвящена особая статья.

то было в символизме. Однако, чтобы это течение утвердило себя во всей полноте и явилось достойным преемником предшествующего, надо, чтобы оно приняло его наследство и ответило на все поставленные им вопросы. Слава предков обязывает, а символизм был достойным отцом.

Французский символизм, родоначальник всего символизма, как школы, выдвинул на передний план чисто литературные задачи: свободный стих, более своеобразный и зыбкий слог, метафору, вознесенную превыше всего, и пресловутую «теорию соответствий». Последнее — выдает с головой его не романскую и, следовательно, не национальную, наносную почву. Романский дух слишком любит стихию света, разделяющего предметы, четко вырисовывающего линию; эта же символическая слиянность всех образов и вещей, изменчивость их облика, могла родиться только в туманной мгле германских лесов. Мистик сказал бы, что символизм во Франции был прямым последствием Седана[1]. Но наряду с этим он вскрыл во французской литературе аристократическую жажду редкого и трудно достижимого и таким образом спас ее от угрожающего ей вульгарного натурализма.

Мы, русские, не можем считаться с французским символизмом, хотя бы уже потому, что новое течение, о котором я говорил выше, отдает решительное предпочтение романскому духу перед германским. Подобно тому, как французы искали новый более свободный стих, акмеисты стремятся разбивать оковы метра пропуском слогов, более чем когда-либо вольной перестановкой ударений, и уже есть стихотворения, написанные по вновь продуманной силлабической системе стихосложения. Головокружительность символических метафор приучила их к смелым поворотам мысли; зыбкость слов, к которым они прислушивались, побудила искать в живой народной речи новых — с более устойчивым содержанием; и светлая ирония, не подрывающая корней нашей веры, ирония, которая не могла не проявляться хоть изредка у романских писателей, стала теперь на место той безнадежной, немецкой серьезности, которую так возлелеяли наши символисты. Наконец, высоко ценя символистов за то, что они указали нам на значение в искусстве символа, мы не согласны приносить ему в жертву прочих способов поэтического воздействия и ищем их полной согласованности. Этим мы отвечаем на вопрос о сравнительной «прекрасной трудности» двух течений: акмеистом труднее быть, чем символистом, как труднее построить собор, чем башню. А один из принципов нового направления — всегда идти по линии наибольшего сопротивления.

Германский символизм в лице своих родоначальников Ницше и Ибсена выдвигал вопрос о роли человека в мироздании, индивидуума в обществе и разрешал его, находя какую-нибудь объективную цель или догмат, которым должно было служить. В этом сказывалось, что германский символизм не чувствует самоценности каждого явления, не нуждающейся ни в каком оправдании извне. Для нас иерархия в мире явлений — только удельный вес каждого из них, причем вес ничтожнейшего все-таки несоизмеримо больше отсутствия веса, небытия, и поэтому перед лицом небытия — все явления братья.

Мы не решились бы заставить атом поклониться Богу, если бы это не было в его природе. Но, ощущая себя явлениями среди явлений, мы становимся причастны мировому ритму, принимаем все воздействия на нас и в свою очередь воздействуем сами. Наш долг, наша воля, наше счастье и наша трагедия — ежечасно угадывать то, чем будет следующий час для нас, для нашего дела, для всего мира, и торопить его приближение[2]. И как высшая награда, ни на миг не останавливая нашего внимания, грезится нам образ последнего часа, который не наступит никогда. Бунтовать же во имя иных условий бытия здесь, где есть смерть, так же странно, как узнику ломать стену, когда перед ним — открытая дверь. Здесь этика становится эстетикой, расширяясь до области последней. Здесь индивидуализм в высшем своем напряжении творит общественность. Здесь Бог становится Богом Живым, потому что человек почувствовал себя достойным такого Бога. Здесь смерть — занавес, отделяющий нас, актеров, от зрителей, и во вдохновении игры мы презираем трусливое заглядывание — что же будет дальше? Как адамисты, мы немного лесные звери[3] и во всяком случае не отдадим того,

что в нас есть звериного, в обмен на неврастению. Но тут время говорить русскому символизму.

Русский символизм направил свои главные силы в область неведомого. Попеременно он братался то с мистикой, то с теософией, то с оккультизмом. Некоторые его искания в этом направлении почти приближались к созданию мифа. И он вправе спросить идущее ему на смену течение, только ли звериными добродетелями оно может похвастать и какое у него отношение к непознаваемому. Первое, что на такой допрос может ответить акмеизм, будет указанием на то, что непознаваемое по самому смыслу этого слова нельзя познать. Второе — что все попытки в этом направлении — нецеломудренны. Вся красота, все священное значение звезд в том, что они бесконечно далеки от земли и ни с какими успехами авиации не станут ближе. Бедность воображения обнаружит тот, кто эволюцию личности будет представлять себе всегда в условиях времени и пространства. Как можем мы вспоминать наши прежние существования (если это не явно литературный прием), когда мы были в бездне, где мириады иных возможностей бытия, о которых мы ничего не знаем, кроме того, что они существуют? Ведь каждая из них отрицается нашим бытием и в свою очередь отрицает его. Детски-мудрое, до боли сладкое ощущение собственного незнания, вот то, что нам дает неведомое. Франсуа Виллон, спрашивая, где теперь прекраснейшие дамы древности, отвечает сам себе горестным восклицанием:

...Mais où sont les neiges d'antan![4]

И это сильнее дает нам почувствовать нездешнее, чем целые томы рассуждений, на какой стороне луны находятся души усопших... Всегда помнить о непознаваемом, но не оскорблять своей мысли о нем более или менее вероятными догадками — вот принцип акмеизма. Это не значит, чтобы он отвергал для себя право изображать душу в те моменты, когда она дрожит, приближаясь к иному; но тогда она должна только содрогаться. Разумеется, познание Бога, прекрасная дама Теология, останется на своем престоле, но ни ее низводить до степени литературы, ни литературу поднимать в ее алмазный холод акмеисты не хотят. Что же касается ангелов, демонов, стихийных и прочих духов, то они входят в состав материала художника и не должны больше земной тяжестью перевешивать другие взятые им образы.

Всякое направление испытывает влюбленность к тем или иным творцам и эпохам. Дорогие могилы связывают людей больше всего. В кругах, близких к акмеизму, чаще всего произносятся имена Шекспира, Рабле, Виллона и Теофиля Готье. Подбор этих имен не произволен. Каждое из них — краеугольный камень для здания акмеизма, высокое напряжение той или иной его стихии. Шекспир показал нам внутренний мир человека, Рабле — тело и его радости, мудрую физиологичность. Виллон поведал нам о жизни, нимало не сомневающейся в самой себе, хотя знающей все, и Бога, и порок, и смерть, и бессмертие; Теофиль Готье для этой жизни нашел в искусстве достойные одежды безупречных форм. Соединить в себе эти четыре момента — вот та мечта, которая объединяет сейчас между собой людей, так смело назвавших себя акмеистами.

Впервые: Аполлон. 1913. № 1. С. 42—45. Печатается по тексту первой публикации.

[1] Под Седаном во время Франко-прусской войны 1—2 сентября 1870 г. была наголову разбита и пленена немцами французская армия. В результате 4 сентября в Париже была провозглашена республика.

[2] В. Г. Шершеневич утверждал, что данная фраза заимствована Гумилевым из «Грамоты эго-футуризма» (см.: *Шершеневич В. Г.* Футуризм без маски. М., 1913. С. 37).

[3] Еще в 1911 г. Гумилев писал о Готье, что он «заразительно могуч, как Рабле, как Немврод, как большой и смелый лесной зверь...» (*Гумилев Н. С.* Теофиль Готье // Аполлон. 1911. № 9. С. 228).

[4] Цитируется баллада «О дамах прошлых времен» Ф. Вийона; в переводе Гумилева: «Но где же прошлогодний снег!» (Аполлон. 1913. № 4. С. 36—38).

С. М. Городецкий

НЕКОТОРЫЕ ТЕЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Символическое движение в России можно к настоящему времени счесть, в главном его русле, завершенным. Выросшее из декадентства, оно достигло усилиями целой плеяды талантов того, что по ходу развития должно было оказаться апофеозом и что оказалось катастрофой... Причины этой катастрофы коренились глубоко в самом движении. Помимо причин случайных, как разрозненность сил, отсутствие вождя единого и т.д., здесь более всего действовали внутренние пороки самого движения.

Метод п р и б л и ж е н и я имеет большое значение в математике, но к искусству он неприложим. Бесконечное приближение квадрата через восьмиугольник, шестнадцатиугольник и т.д. к кругу мыслимо математически, но никак не artis mente[1]. Искусство знает только квадрат, только круг. Искусство есть состояние равновесия прежде всего. Искусство есть прочность. Символизм принципиально пренебрег этими законами искусства. Символизм старался использовать текучесть слова... Теории Потебни устанавливают с несомненностью подвижность всего мыслимого за словом и за сочетаниями слов; один и тот же образ не только для разных людей, но и для одного и того же человека в разное время значит разное. Символисты сознательно поставили себе целью пользоваться главным образом этой т е к у ч е с т ь ю, усиливать ее всеми мерами и тем самым нарушили царственную прерогативу искусства — быть спокойным во всех положениях и при всяких методах.

Заставляя слова вступать в соединения не в одной плоскости, а в непредвидимо разных, символисты строили словесный монумент не по законам веса, но мечтали удержать его одними проволоками «соответствий». Они любили облекаться в тогу непонятности; это они сказали, что поэт не понимает сам себя, что, вообще, понимаемое искусство есть пошлость... Но непонятность их была проще, чем они думали.

За этой бедой шла горшая. Что могло поставить преграды вторжению символа в любую область мысли, если бесконечная значимость составляла его неотъемлемый признак? С полной последовательностью Георгий Чулков захотел отдать во власть символа всю область политико-общественных исканий своего времени. С еще большей последовательностью ввел в символизм мистику, религию, теософию и спиритизм Вячеслав Иванов. Оба эти примера тем характерны, что еретиками оказывались сами символисты; ересь заводилась в центре. Ничьи вассалы не вступали в такие бесконечные комбинации ссор и мира — в сфере теорий, как вассалы символа. И удивительно ли, что символисты одного из благороднейших своих деятелей проглядели: Иннокентий Анненский был увенчан не ими.

К основным порокам символизма в круг разрушивших его причин нельзя не отнести также и ряды частных противоречий, живших в отдельных деятелях. Героическая деятельность Валерия Брюсова может быть определена как опыт сочетания принципов французского парнаса с мечтами русского символизма. Это — типичная драма воли и среды, личности и момента. Сладостная пытка, на которую обрек себя наследник одного из образов Владимира Соловьева, Александр Блок, желая своим сначала резко-импрессионистическим, позднее лиро-магическим приемом дать этому образу символическое обоснование, еще до сих пор длится, разрешаясь частично то отпадами Блока в реализм, то мертвыми паузами. Творчество Бальмонта оттого похоже на протуберанцы Солнца, что ему вечно надо вырываться из ссыхающейся коры символизма. Федор Сологуб никогда не скрывал непримиримого противоречия между идеологией символистов, которую он полуисповедовал, и своей собственной — солипсической.

Катастрофа символизма совершилась в тишине — хотя при поднятом занавесе. Ослепительные «венки сонетов» засыпали сцену. Одна за другой кончали самоубийством мечты о мифе, о трагедии, о великом эпосе, о великой в простоте своей лирике. Из «слепительного да» обратно выявлялось «непримиримое нет». Символ стал талисманом, и обладающих им нашлось несметное количество. Смысл этой катастрофы был

многозначителен. Значила она ни больше ни меньше, как то, что символизм не был выразителем духа России — тот, по крайней мере, символизм, который был методом наших символистов. Ни «Дионис»[2] Вячеслава Иванова, ни «телеграфист»[3] Андрея Белого, ни пресловутая «тройка» Блока[4] не оказались имеющими общую с Россией меру.

Искупителем символизма явился бы Николай Клюев, но он не символист. Клюев хранит в себе народное отношение к слову, как к незыблемой твердыне, как к Алмазу Непорочному. Ему и в голову не могло бы прийти, что «слова — хамелеоны»[5]; поставить в песню слово незначащее, шаткое да валкое, ему показалось бы преступлением; сплести слова между собою не очень тесно, да с причудами, не с такою прочностью и простотой, как бревна сруба, для него невозможно. Вздох облегчения пронесся от его книг. Вяло отнесся к нему символизм. Радостно приветствовал его акмеизм...

Новый век влил новую кровь в поэзию русскую. Начало второго десятилетия — как раз та фаза века, когда впервые намечаются черты его будущего лика. Некоторые черты новейшей поэзии уже определились, особенно в противоположении предыдущему периоду. Между многочисленными книгами этой новой поэзии было несколько интересных; среди немалого количества кружков выделился Цех Поэтов. Газетные критики уже в самом названии этом подметили противопоставление прямых поэтических задач — оракульским, жреческим и иным. Но не заметила критика, что эта скромность прежде всего обусловлена тем, что Цех, принимая на себя культуру стиха, вместе с тем принял все бремя, всю тяжесть неисполненных задач предыдущего поколения поэтов. Непреклонно отвергая все, что наросло на поэзии от методологических увлечений, Цех полностью признал высоко поставленный именно символистами идеал поэта. Цех приступил к работе без всяких предвзятых теорий. К концу первого года выкристаллизовались уже выразимые точно тезы.

Резко очерченные индивидуальности представляются Цеху большой ценностью, — в этом смысле традиция не прервана. Тем глубже кажется единство некоторых основных линий мироощущения. Эти линии приблизительно названы двумя словами: акмеизм и адамизм. Борьба между акмеизмом и символизмом, если это борьба, а не занятие покинутой крепости, есть прежде всего борьба за этот мир, звучащий, красочный, имеющий формы, вес и время, за нашу планету Землю. Символизм, в конце концов, заполнив мир «соответствиями», обратил его в фантом, важный лишь постольку, поскольку он сквозит и просвечивает иными мирами, и умалил его высокую самоценность. У акмеистов роза опять стала хороша сама по себе, своими лепестками, запахом и цветом, а не своими мыслимыми подобиями с мистической любовью или чем-нибудь еще. Звезда Маир, если она есть, прекрасна на своем месте, а не как невесомая точка опоры невесомой мечты. Тройка удала и хороша своими бубенцами, ямщиком и конями, а не притянутой под ее покров политикой. И не только роза, звезда Маир, тройка хороши, т.е. не только хорошо все уже давно прекрасное, но и уродство может быть прекрасно. После всяких «неприятий» мир бесповоротно принят акмеизмом[6] во всей совокупности красот и безобразий. Отныне безобра́зно только то, что безо́бразно, что недовоплощено, что завяло между бытием и небытием.

Первым этапом выявления этой любви к миру была экзотика. Как бы вновь сотворенные, в поэзию хлынули звери; слоны, жирафы, львы, попугаи с Антильских островов наполняли ранние стихи Н. Гумилева. Тогда нельзя было еще думать, что это уже идет Адам. Но мало-помалу стали находить себе выражение и адамистические ощущения.

Знаменательной в этом смысле является книга М. Зенкевича «Дикая Порфира»[7]. С юношеской зоркостью он вновь и вновь увидел нерасторжимое единство земли и человека, в остывающей планете он увидел изрытое струпьями тело Иова и в теле человеческом — железо земли. Сняв наслоения тысячелетних культур, он понял себя как «зверя, лишенного и когтей и шерсти»[8], и не менее «радостным миром»[9] представился ему микрокосм человеческого тела, чем макрокосм остывающих и вспыхивающих солнц. Махайродусы и ящеры — доисторическая жизнь земли — пленили его вообра-

жение; ожили камни и металлы, во всем он понял «скрытое единство живой души, тупого вещества»[10].

Но этот новый Адам пришел не на шестой день творения в нетронутый и девственный мир, а в русскую современность. Он и здесь огляделся тем же ясным, зорким оком, принял все, что увидел, и пропел жизни и миру аллилуиа. «И майор, и поп, и землемер»[11], «женщина веснущатая»[12], и шахтер, который «залихватски жарит на гармошке»[13], и «слезливая старуха-гадалка»[14] — все вошло в любовный взор Адама... Владимир Нарбут, выпустивший сначала книжку стихов, в которой предметов и вещей было больше, чем образов, во второй книжке («Аллилуиа») является поэтом, осмысленно и непреклонно возлюбившим землю[15]. Описывая украинский мелкопоместный быт, уродство маленьких уютов, он не является простым реалистом, как могло бы показаться взгляду, легкому на сравнения, в победителях ищущему побежденных. От реалиста Владимира Нарбута отличает присутствие того химического синтеза, сплавляющего явление с поэтом, который и сниться никакому, даже самому хорошему, реалисту не может. Этот синтез дает совсем другую природу всем вещам, которых коснулся поэт. Горшки, коряги и макитры в поэзии, напр., Ивана Никитина совсем не то, что в поэзии Владимира Нарбута. Горшки Никитина существовали не хуже и до того, как он написал о них стихи. Горшки Нарбута рождаются впервые, когда он пишет своего «Горшечника», как не виденные доселе, но отныне реальные явления. Оттого-то нежить всякая у Нарбута так жива и в такой же полной воплощенности входит в рай новой поэзии, как и звери Гумилева, как человек Зенкевича.

Новый Адам не был бы самим собой и изменил бы своей задаче — опять назвать имена мира и тем вызвать всю тварь из влажного сумрака в прозрачный воздух, — если бы он, после зверей Африки и образов русской провинции, не увидел и человека, рожденного современной русской культурой. О, какой это истонченный, изломанный, изогнувшийся человек! Адам, как истинный художник, понял, что здесь он должен уступить место Еве. Женская рука, женское чутье, женский взор здесь более уместны... Лирика Анны Ахматовой остроумно и нежно подошла к этой задаче, достаточно трудной. О «Вечере» много писали. Многим сразу стали дорогими изящная печаль, нелживость и бесхитростность этой книги. Но мало кто заметил, что пессимизм «Вечера» — акмеистичен, что, «называя» уродцев неврастении и всякой иной тоски, Анна Ахматова в несчастных этих звереньшах любит не то, что искалечено в них, а то, что осталось от Адама, ликующего в раю своем. Эти «остатки» она ласкает в поэзии своей рукой почти мастера.

Труднее всего было проложить новый путь к лирике; к эпосу дорога не так была засорена, но к лирике безупречных слов надо было пробиваться. Не оттого ли и называлась юношеская книга Н. Гумилева «Путь конквистадоров»? Действительно, надо было иметь много отваги и бескорыстной любви к будущему, чтобы в то время, когда расцвета своего достигла лиро-магическая поэзия, исповедать и в лирике завет Теофиля Готье:

> Созданье тем прекрасней,
> Чем взятый материал
> Бесстрастней! —
> Стих, мрамор иль металл[16].

Как новый и бесстрашный архитектор, Н. Гумилев решил употреблять в поэзии только «бесстрастный материал». В этом решении тем большая видна дерзость, что по характеру своей поэзии Н. Гумилев скорее всего лирик, — музыка Верлена, магия Блока — вот какие первоклассные твердыни он не побоялся атаковать из любви к беспристрастию. Во всяком случае, путь к новой лирике и к ничем не ограничиваемым темам открыт.

Итак, это просто-напросто Парнас — новые Адамы, — скажут нам любители «кругов» в истории. Нет, это не Парнас. Адам не ювелир, и он не в чарах вечности. Если

Леконт де Лиль и полюбился Зенкевичу, то — «Сном Ягуара». Если Гумилеву и дорог холод в красоте, то это холод Теофиля Готье, а не парнасцев. А уж какие же парнасцы Нарбут или Ахматова?

Нет, просто с новым веком пришло новое ощущение жизни и искусства. Стало ясно, что символизм не есть состояние равновесия, а потому возможен только для отдельных частей произведения искусства, а не для его созданий в целом. Новые поэты не парнасцы, потому что им не дорога сама отвлеченная вечность. Они и не импрессионисты, потому что каждое рядовое мгновение не является для них художественной самоцелью. Они не символисты, потому что не ищут в каждом мгновении просвета в вечность. Они а к м е и с т ы, потому что они берут в искусство те мгновения, которые могут быть вечными.

Впервые: Аполлон, 1913. № 1. С. 46–50. Печатается по тексту первой публикации.

[1] *artis mente* — художественным мышлением (*лат.*).

[2] Теме Диониса Иванов посвятил несколько работ: статью «Ницше и Дионис» (Весы. 1904. № 5), циклы лекций «Эллинская религия страдающего бога» (Новый путь. 1904) и «Религия Диониса. Ее происхождение и влияния» (Вопросы жизни. 1905) и др.

[3] Аллюзия на стихотворение Белого «Телеграфист» (Золотое руно. 1906. № 11/12. С. 45).

[4] Имеется в виду финал статьи Блока «Россия и интеллигенция» (Золотое руно. 1909. № 1; см.: *Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 328).

[5] *«Слова — хамелеоны»* — стихотворение Бальмонта (1903).

[6] Намек на стихотворение Вяч. Иванова «Неприятие мира» (Факелы. Вып. 1. СПб., 1906) и на его статью «Идея неприятия мира» (предисловие к книге Г. И. Чулкова «О мистическом анархизме» — СПб., 1906).

[7] Этот сборник стихотворений вышел в Петербурге в марте 1912 г.

[8] Неточная цитата из стихотворения Зенкевича «Ящеры».

[9] *«Радостный мир»* — стихотворение Зенкевича.

[10] Цитируется стихотворение Зенкевича «В зоологическом музее».

[11] Цитируется стихотворение Нарбута «Пьяницы».

[12] Цитируется стихотворение Нарбута «Горшечник».

[13] Начало стихотворения Нарбута «Шахтер».

[14] Приводится неточная цитата из стихотворения Нарбута «Гадалка».

[15] Первая книга В. Г. Нарбута «Стихи» вышла в Петербурге в 1910 г., вторая — «Аллилуйя» — там же в 1912 г.

[16] Цитируется начало стихотворения Т. Готье «L'art» («Искусство») в переводе Гумилева из его сборника стихов «Чужое небо» (СПб., 1912).

О. Э. Мандельштам
УТРО АКМЕИЗМА

I

При огромном эмоциональном волнении, связанном с произведениями искусства, желательно, чтобы разговоры об искусстве отличались величайшей сдержанностью. Для огромного большинства произведение искусства соблазнительно, лишь поскольку в нем просвечивает мироощущение художника. Между тем мироощущение для художника орудие и средство, как молоток в руках каменщика, и единственно реальное — это само произведение.

Существовать — высшее самолюбие художника. Он не хочет другого рая, кроме бытия, и когда ему говорят о действительности, он только горько усмехается, потому

что знает бесконечно более убедительную действительность искусства. Зрелище математика, не задумываясь возводящего в квадрат какое-нибудь десятизначное число, наполняет нас некоторым удивлением. Но слишком часто мы упускаем из виду, что поэт возводит явление в десятизначную степень и скромная внешность произведения искусства нередко обманывает нас относительно чудовищно-уплотненной реальности, которой оно обладает.

Эта реальность в поэзии — слово как таковое[1]. Сейчас, например, излагая свою мысль по возможности в точной, но отнюдь не поэтической форме, я говорю в сущности сознанием, а не словом[2]. Глухонемые отлично понимают друг друга, и железнодорожные семафоры выполняют весьма сложное назначение, не прибегая к помощи слова. Таким образом, если смысл считать содержанием, все остальное, что есть в слове, приходится считать простым механическим привеском, только затрудняющим быструю передачу мысли. Медленно рождалось «слово как таковое». Постепенно, один за другим, все элементы слова втягивались в понятие формы, только сознательный смысл, Логос, до сих пор ошибочно и произвольно почитается содержанием. От этого ненужного почета Логос только проигрывает. Логос требует только равноправия с другими элементами слова. Футурист, не справившись с сознательным смыслом как с материалом творчества, легкомысленно выбросил его за борт[3] и по существу повторил грубую ошибку своих предшественников.

Для акмеистов сознательный смысл слова, Логос, такая же прекрасная форма, как музыка для символистов.

И если у футуристов слово как таковое еще ползает на четвереньках, в акмеизме оно впервые принимает более достаточное вертикальное положение и вступает в каменный век своего существования.

II

Острие акмеизма не стилет и не жало декадентства. Акмеизм для тех, кто, обуянный духом строительства, не отказывается малодушно от своей тяжести, а радостно принимает ее, чтобы разбудить и использовать архитектурно спящие в ней силы. Зодчий говорит: я строю, значит, я прав. Сознание своей правоты нам дороже всего в поэзии, и, с презрением отбрасывая бирюльки футуристов, для которых нет высшего наслаждения как зацепить вязальной спицей трудное слово, мы вводим готику в отношения слов, подобно тому, как Себастьян Бах утвердил ее в музыке.

Какой безумец согласится строить, если он не верит в реальность материала, сопротивление которого он должен победить. Булыжник под руками зодчего превращается в субстанцию, и тот не рожден строительствовать, для кого звук долота, разбивающего камень, не есть метафизическое доказательство. Владимир Соловьев испытывал особый пророческий ужас перед седыми финскими валунами. Немое красноречие гранитной глыбы волновало его, как злое колдовство. Но камень Тютчева, что «с горы скатившись лег, в долине, сорвавшись сам собой был или низвергнут мыслящей рукой»[4], — есть слово. Голос материи в этом неожиданном паденье звучит как членораздельная речь. На этот вызов можно ответить только архитектурой. Акмеисты с благоговением поднимают таинственный тютчевский камень и кладут его в основу своего здания.

Камень как бы возжаждал иного бытия. Он сам обнаружил скрытую в нем потенциально способность динамики — как бы попросился в «крестовый свод» — участвовать в радостном взаимодействии себе подобных.

III

Символисты были плохими домоседами, они любили путешествия, но им было плохо, не по себе в клети своего организма и в той мировой клети, которую с помощью своих категорий построил Кант. Для того чтобы успешно строить — первое усло-

вие искренний пиетет к трем измерениям пространства — смотреть на них не как на обузу и на несчастную случайность, а как на Богом данный дворец. В самом деле: что вы скажете о неблагодарном госте, который живет за счет хозяина, пользуется его гостеприимством, а между тем в душе презирает его и только и думает о том, как бы его перехитрить. Строить можно только во имя «трех измерений», так как они есть условие всякого зодчества. Вот почему архитектор должен быть хорошим домоседом, а символисты были плохими зодчими. Строить — значит бороться с пустотой, гипнотизировать пространство. Хорошая стрела готической колокольни — злая — потому что весь ее смысл уколоть небо, попрекнуть его тем, что оно пусто.

IV

Своеобразие человека, то, что делает его особью, подразумевается нами и входит в гораздо более значительное понятие организма. Любовь к организму и организации акмеисты разделяют с физиологически-гениальным средневековьем. В погоне за утонченностью XIX век потерял секрет настоящей сложности. То, что в XIII веке казалось логическим развитием понятия организма — готический собор, — ныне эстетически действует как чудовищное — Notre Dame, есть праздник физиологии, ее дионисийский разгул. Мы не хотим развлекать себя прогулкой в «лесу символов»[5], потому что у нас есть более девственный, более дремучий лес — божественная физиология, бесконечная сложность нашего темного организма.

Средневековье, определяя по-своему удельный вес человека, — чувствовало и признавало его за каждым, совершенно независимо от его заслуг. Титул мэтра применялся охотно и без колебаний. Самый скромный ремесленник, самый последний клерк владел тайной солидной важности, благочестивого достоинства, столь характерного для этой эпохи. Да, Европа прошла сквозь лабиринт ажурно-тонкой культуры, когда абстрактное бытие, ничем не прикрашенное личное существование ценилось как подвиг. Отсюда аристократическая интимность, связующая всех людей, столь чуждая по духу «равенству и братству» Великой Революции. Нет равенства, нет соперничества, есть сообщничество сущих в заговоре против пустоты и небытия.

Любите существование вещи больше самой вещи и свое бытие больше самих себя — вот высшая заповедь акмеизма.

V

А = А: какая прекрасная поэтическая тема. Символизм томился, скучал законом тождества, акмеизм делает его своим лозунгом и предлагает его вместо сомнительного a realibus ad realiora[6]. Способность удивляться главная добродетель поэта. Но как же не удивиться тогда плодотворнейшему из законов — закону тождества. Кто проникся благоговейным удивлением перед этим законом, тот несомненный поэт. Таким образом, признав суверенитет закона тождества, поэзия получает в пожизненное ленное обладание все сущее без условий и ограничений. Логика есть царство неожиданности. Мыслить логически — значит непрерывно удивляться. Мы полюбили музыку доказательства. Логическая связь — для нас не песенка о чижике, а симфония с органом и пением, такая трудная и вдохновенная, что дирижеру приходится напрягать все свои способности, чтобы сдержать исполнителей в повиновении. Как убедительна музыка Баха! Какая мощь доказательства! Доказывать и доказывать без конца: принимать в искусстве что-нибудь на веру не достойно художника, легко и скучно... Мы не летаем, мы поднимаемся только на те башни, какие сами можем построить.

VI

Средневековье дорого нам потому, что обладало в высокой степени чувством граней и перегородок. Оно никогда не смешивало различных планов и к потустороннему относилось с огромной сдержанностью. Благородная смесь рассудочности и ми-

стики и ощущение мира как живого равновесия роднит нас с этой эпохой и побуждает черпать силы в произведениях, возникших на романской почве около 1200 года. Будем же доказывать свою правоту так, чтобы в ответ нам содрогалась вся цепь причин и следствий от альфы до омеги, научимся носить «легче и вольнее подвижные оковы бытия»[7].

Впервые: Сирена. Воронеж, 1919. № 4/5. С. 69–74. Печатается по тексту первой публикации.

Статья перепечатана в сб. «Лит. манифесты» (М., 1929). В экземпляре, принадлежащем Е. Я. Хазину, Мандельштам поставил дату создания: «1912» (*Мандельштам О. Э.* Слово и культура. М., 1987. С. 298). Более вероятно, однако, что статья создана в феврале–марте 1914 г. (см.: *Мец А. Г.* Эпизод истории акмеизма // Пятые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и мат-лы для обсуждения. Рига, 1990. С. 130).

[1] «*Слово как таковое*» – выражение, употребленное А. Е. Крученых в манифесте «Декларация слова как такового» (СПб., 1913).

[2] В экземпляре Хазина книги «Лит. манифесты» Мандельштам исправил: «в сущности *знаками*, а не словом».

[3] Обыгрывается фраза из манифеста кубофутуристов «Пощечина общественному вкусу» (М., 1912): «Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности».

[4] Парафраз стихотворения Ф. И. Тютчева «Problème» (1833).

[5] Из стихотворения Бодлера «Correspondances» («Соответствия»), имевшего для русских символистов программное значение (ср.: *Иванов В. И.* По звездам. СПб., 1909. С. 265–266).

[6] «от реального к реальнейшему» (*лат.*). Формула Иванова (*Там же.* С. 305).

[7] Неточная цитата из стихотворения Городецкого «Я созерцал тебя, туманность Андромеды» (Цветущий посох. СПб., 1914).

АРГОНАВТЫ

Андрей Белый
СИМВОЛИЗМ КАК МИРОПОНИМАНИЕ

<...> Не событиями захвачено все существо человека, а символами иного. Музыка идеально выражает символ. Символ поэтому всегда музыкален. Перевал от критицизма к символизму[1] неминуемо сопровождается пробуждением духа музыки. Дух музыки – показатель перевала сознания. Не к драме, ко всей культуре, обращен возглас Ницше: «Увенчайте плющом чело ваше, возьмите в руки тирсы и не дивитесь, если тигры и пантеры, ластясь, лягут у ваших ног... Вы должны сопровождать дионисианское торжественное шествие от Инда»[2]... Современное человечество взволновано приближением внутренней музыки к поверхности сознания. Оно захвачено не событием, а символом иного. Пока иное не воплотится, не прояснятся волнующие нас символы современного творчества. Только близорукие в вопросах духа ищут ясности в символах. Душа не звучит их – не узнают они ничего.

К тому, что было прежде времен, к тому, что будет, обращен символ. Из символа брызжет музыка. Она минует сознание. Кто не музыкален, тот ничего не поймет.

Символ пробуждает музыку души. Когда мир придет в нашу душу, всегда она зазвучит. Когда душа станет миром, она будет вне мира. Если возможно влияние на расстоянии, если возможна магия, мы знаем, что ведет к ней. Усилившееся до непомерного

музыкальное звучание души — вот магия. Чарует душа, музыкально настроенная. В музыке — чары. Музыка — окно, из которого льются в нас очаровательные потоки Вечности и брызжет магия.

Искусство есть гениальное познание. Гениальное познание расширяет его формы. В символизме, как методе, соединяющем вечное с его пространственными и временными проявлениями, встречаемся с познанием Платоновых идей[3]. Искусство должно выражать идеи. Всякое искусство по существу символично. Всякое символическое познание идейно. Задача искусства, как особого рода познания, неизменна во все времена. Меняются способы выражения. Развитие философского познания доказательством от противного ставит его в зависимость от познания откровением, познания символического. С изменением теории познания меняется отношение к искусству. Оно уже больше не самодовлеющая форма; оно и не может быть призвано на подмогу утилитаризму. Оно становится путем к наиболее существенному познанию — познанию религиозному. Религия есть система последовательно развертываемых символов. Таково ее первоначальное, внешнее определение. Совершающемуся перевалу в сознании соответствует изменение способа выражения символов искусства. Важно бросить взгляд на характер этого изменения.

Характерной чертой классического искусства является гармония формы. Эта гармония накладывает печать сдержанности в выражении прозрений. Гёте и Ницше часто об одном. Где первый как бы случайно приподымает уголышек завесы, обнаружив глубину, второй старается выбросить глубину на поверхность, усиленно подчеркивая ее феноменальное обнаружение. Гениальные классические произведения имеют две стороны: лицевую, в которой дается его доступная форма, и внутреннюю; о последней существуют лишь намеки, понятные избранным. Толпа, довольная понятным для нее феноменализмом событий, рисовки, психологии, не подозревает внутренних черт, которые служат фоном описываемых явлений; эти черты доступны немногим. Таков аристократизм лучших образцов классического искусства, спасающегося под личиной обыденности от вторжения толпы в его сокровенные глубины. Такие образцы суть источники и глубины, и плоскости одновременно. Здесь удовлетворяется и масса, и избранные. Такая двойственность неизбежно вытекает из самой двойственности критицизма; она образуется также от нежелания гениев, чтобы их символы служили предметом догматических кривотолков рационализма, утилитаризма и т.д. Здесь и презрение к «малым сим»[4], и аристократическая ирония над слепыми, которые хотя и не видят, но хвалят, и кокетство перед избранниками духа. «Фауст» понятен всем. Все единогласно называют «Фауста» гениальным произведением искусства; между тем теософские бездны «Фауста» часто скрыты от современных любителей всевозможных бездн — поклонников нового искусства. И, однако, эти поклонники понимают вторжение бездн в Заратустре, ломающее внешние очертания образов и отчетливость мысли. В этом отношении новое искусство, являясь посредником между глубинным пониманием немногих и плоским пониманием толпы, скорее демократично. Задача нового искусства — не в гармонии форм, а в наглядном уяснении глубин духа, вследствие чего оно кричит, заявляет, приглашает задуматься там, где классическое искусство повертывало спину «малым сим». Такое изменение способа выражения стоит в связи с изменением теории познания, согласно которому познание во временном вечного перестает казаться невозможным. Если это так, искусство должно учить видеть Вечное; сорвана, разбита безукоризненная окаменелая маска классического искусства. По линиям разлома выползают отовсюду глубинные созерцания, насыщают образы, ломают их, так как сознана относительность образов. Образы превращаются в метод познания, а не в нечто самодовлеющее. Назначение их — не вызвать чувство красоты, а развить способность самому видеть в явлениях жизни их прообразовательный смысл. Когда цель достигнута, эти образы уже не имеют никакого значения; отсюда понятен демократический смысл нового искусства, которому,

несомненно, принадлежит близкое будущее. Но когда это будущее станет настоящим, искусство, приготовив человечество к тому, что за ним, должно исчезнуть. Новое искусство менее искусство. Оно — знамение, предтеча.

Изменение способа выражения искусства совершается постепенно. Современное искусство при таком изменении часто шло ощупью. Многие спотыкались на этом пути. Артезианские воды, пробиваясь наружу, бьют грязью. Только потом солнце зажигает чистоту водного хрусталя миллионами рубинов. Не следует быть жестоким по отношению к тем, кто шел впереди. Ведь по их израненным телам мы идем. Благодарение и жалость! Да замолчит всякая хула! Ведь Ницше между ними. А то как бы наша рука, занесенная над страдальцем, не опустилась машинально, когда мертвенно-бледная, тернием увенчанная голова, с нависшими усами, с грозой в челе, вся озаренная, вдруг закивает укоризненно горько — как бы эта голова не открыла глубокие очи, чтобы пронзить ясным взором обезумевшую душу. Как бы не сожгла нас багряница «Диониса распятого»[5], как бы не растерзали ластящиеся к нему пантеры.

Следует доверчиво взглянуть на покойника, чтобы пантеры превратились в кротких кошек. А образ его так задумчиво грустно взирает на нас из бессмертных далей. О детском счастии говорит нам его детский взор — о белом острове детей, омытом лазурью.

Тише! Это — священная могила.

<...>

<...> Соединение вершин символизма, как искусства, с мистикой Владимир Соловьев определял особым термином. Термин этот — теургия[6]. «Вселюсь в них и буду ходить в них, и буду их Богом», — говорит Господь[7]. Теургия — вот что воздвигает пророков, вкладывает в уста их слово, дробящее скалы[8].

Мудрость Ницше на более углубленной, сравнительно с трагизмом, стадии понимания можно определить как стремление к теургии. И отдельные места этой мудрости явно сквозят теургизмом. Если в символизме мы имеем первую попытку показать во временном вечное, в теургии — начало конца символизма. Здесь уже идет речь о воплощении Вечности путем преображения воскресшей личности. Личность — храм Божий, в который вселяется Господь: «Вселюсь в них и буду ходить в них» (Левит, XXVI, 12).

Догматика христианства отвергнута Шопенгауэром. Житейская техника — Ницше. Утверждая личность как сосуд, вмещающий Божество, а догмат как внешнеочерченный круг, замыкающий путь, бесконечно продолженный, не разрывая связи с вершинами ницшеанства, но стараясь изнутри преодолеть их, как Ницше преодолел Шопенгауэра, — христиане-теурги надеются на близость новой благой вести, указание на которую встречается в Писании. Разрешение вековых загадок бытия переносится по ту сторону ницшеанства. Под мину подводится контр-мина. Но и ужас здесь. Дух захватывает. Ведь за Ницше обрыв. Ведь это так. И вот, сознавая безнадежность стояния над обрывом и невозможность возврата в низины мысли, надеются на чудо полета. Когда летательные машины еще не усовершенствованы, полеты вообще опасная вещь. Недавно погиб Лилиенталь — воздухоплаватель[9]. Недавно мы видели неудачный, в глазах многих, полет и гибель другого воздухоплавателя — Ницше, Лилиенталя всей культуры. Понимание христианства теургами невольно останавливает внимание. Или это последняя трусость, граничащая с бесстрашием — скачок (потому что ведь только каменные козлы на рога бросаются в бездну), или это пророческая смелость неофитов, верующих, что в момент падения вырастут спасительные крылья и понесут человечество над историей. Задача теургов сложна. Они должны идти там, где остановился Ницше, — идти по воздуху. Вместе с тем они должны считаться с теософским освещением вопросов бытия и не идти вразрез с исторической церковью. Тогда, быть может, приблизятся горизонты ницшевских видений, которых сам он не мог достигнуть. Он слишком вынес перед этим. Слишком длинен был его путь. Он мог только усталый прийти

к берегу моря и созерцать в блаженном оцепенении, как заревые отсветы туч несутся в вечернем потоке лучезарных смарагдов. Он мог лишь мечтать на закате, что это — ладьи огненного золота, на которых следует уплыть: «О, душа моя, изобильна и тяжела стоишь ты теперь, виноградное дерево с темно-золотистыми гроздьями, придавленная своим счастьем. Смотри, я сам улыбаюсь, — пока по тихим тоскующим морям не понесется челнок, золотое чудо»[10] («Заратустра»).

Уплыл ли Ницше в голубом море? Нет его на нашем горизонте. Наша связь с ним оборвана. Но и мы на берегу, а золотая ладья еще плещется у ног. Мы должны сесть в нее и уплыть. Мы должны плыть и тонуть в лазури[11].

Одни из нас обращены к прошлому, где старинное золото сжигается во имя солнечных потоков. В их очах убегающее солнце, и о сожженном золоте, быть может, они плачут.

Золотея, эфир просветится
И в восторге сгорит.
А над морем садится
Ускользающий солнечный щит.
И на море от солнца
Золотые дрожат языки.
Всюду отблеск червонца
Среди всплесков тоски.
Встали груди утесов
Средь трепещущей солнечной ткани.
Солнце село. Рыданий
Полон крик альбатросов:
Дети солнца! Вновь холод бесстрастья:
Закатилось оно —
Золотое, старинное счастье,
Золотое руно[12].

Бесконечно веря в чудо полета, другие могут ответить им:

Зовут аргонавты
На солнечный пир,
Трубя в золотеющий мир.
Внимайте, внимайте:
Довольно страданий.
Броню надевайте
Из солнечной ткани!
Все небо в рубинах.
Шар солнца почил.
Все небо в рубинах
Над нами.
На горных вершинах
Наш Арго,
Наш Арго,
Готовясь лететь, золотыми крылами
Забил[13].

Впервые: Мир искусства. 1904. № 5. С. 173–196. Часть статьи вошла в состав кн.: *Белый А.* Арабески. М.: Мусагет, 1911. С. 220–238. Печатается с сокращениями по книжному изд. (С. 224–227, 236–238).

Статью «Символизм как миропонимание» Белый написал летом 1903 г., одновременно с работами «Символизм и критицизм», «О теургии» и с большей частью сборника стихов «Золото в лазури». Идеи и настроения «аргонавтизма», присущие этим произведениям, — смесь эсхатологического предчувствия гибели старого мира с мистически-радостным ожиданием постижения запредельного — распространялись Белым и вне группы «аргонавтов». Блок писал матери 19 янв. 1904 г.: «Вечером [15 янв. 1904 г.] было религиозное собрание университетского кружка на частной квартире у студента. Бугаев прочел большой реферат “Символизм как миропонимание” по корректуре из “Мира искусства”, в котором, конечно, опять цитирует нас с Лермонтовым. (Кант — Шопенгауэр — Ницше, современный религиозный дух — стихи)» (*Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 85). Тридцать лет спустя Белый отмечал юношеский пафос и наивный максимализм манифеста «аргонавтов»: «В статье “Символизм как мировоззрение” мировоззрение обещано: “Сегодня вечером!” Ход мыслей прост: теза *плюс* антитеза *плюс* синтез» (*Белый, 1990.* С. 362).

[1] В статье «Критицизм и символизм. По поводу столетия со дня смерти Канта» (Весы. 1904. № 2. С. 1—13) Белый различает три «ступени познания»: 1) преодоленный Кантом догматизм, 2) кантовский критицизм и 3) символизм, которому положил начало преодолевший Канта Шопенгауэр.

[2] Цитируется книга «Рождение трагедии»; ср.: *Nietzsche F.* Werke / Hrsg. K. v. Schlechta. München; Wien, 1966. Bd. 1. S. 113.

[3] Ср. у Шопенгауэра: «Целью [искусства] является облегчение познания идей мира (в смысле Платона)» («Zweck [der Kunst ist] die Erleichterung der Erkenntnis der Ideen der Welt (im Platonischen Sinn <...>)» — *Schopenhauer A.* Sämtliche Werke / Hrsg. W. v. Löhneysen. Darmstadt, 1961. Bd. 2. S. 524—525).

[4] Ср.: Мат. 10,42; 18,6; 18,10; 18,14 и др.

[5] Имеется в виду Ницше. Свои последние письма начала 1889 г. сходящий с ума Ницше подписывал «Dionysos» и «Der Gekreuzigte» («Распятый») (см.: *Nietzsche F.* Briefwechsel / Hrsg. G. Colli, M. Montinari. Berlin; New York, 1984. Bd. III, 5. S. 571ff.).

[6] Термин «теургия» применен Соловьевым в работе «Философские начала цельного знания» (1877); определяется как «мистическое творчество» (*Соловьев В. С.* Собр. соч.: В 10 т. СПб., 1911. Т. 1. С. 267), «единство творчества, поглощенного мистикой» (*Там же.* С. 286). Свободная теургия (цельное творчество) вместе со свободной теософией (цельным знанием) и свободной теократией (цельным обществом) — три части религиозного целого.

[7] 2 Кор. 6: 16.

[8] Ср.: Иер. 23: 29.

[9] Немецкий пионер авиации Отто Лилиенталь погиб во время опыта с протопланером. Образ гибели Лилиенталя Белый подхватывает 30 лет спустя в своих мемуарах: «...судьба декадентов — судьба разбившегося летчика, Лилиенталя; но Лилиенталь погиб перед тем, как судьба авиации, в принципе, определилась; “символист”-де — авиатор, осуществляющий свой полет; “декадент” — авиатор, кончающий полет гибелью» (*Белый, 1990.* С. 128).

[10] Из книги «Так говорил Заратустра»; ср.: *Nietzsche F.* Werke / Hrsg. K. v. Schlechta. München; Wien, 1966. Bd. 2. S. 468—469.

[11] Образ использован в названии первого, «аргонавтического» сборника стихов Белого «Золото в лазури» (М., 1904).

[12] Первая часть стихотворения «Золотое руно» из сборника «Золото в лазури» (датировано апрелем 1903 г.).

[13] Отрывок второй части стихотворения «Золотое руно» (датировано октябрем 1903 г.), с вариантами в расстановке.

ВСЁКИ

И. М. Зданевич, М. Ф. Ларионов
[ДА-МАНИФЕСТ]

Наше праздничное интервью с футуристами.

– Вы футуристы?
– Да, мы футуристы.
– Вы отрицаете футуризм?
– Да, мы отрицаем футуризм. Пусть он исчезнет с лица земли.
– Но вы противоречите самим себе?
– Да, наша задача противоречить самим себе.
– Вы шарлатаны?
– Да, мы шарлатаны.
– Вы бездарны?
– Да, мы бездарны.
– С вами нельзя говорить?
– Да, наконец...
– Но ваши пожелания на год?
– Быть верными самим себе.

Впервые: Театр в карикатурах. М., 1914. 1 янв. 1914. № 1 (17). С. 19. Печатается по тексту первой публикации. В «Московской газете» от 2 января 1914 г. опубликован отрывок другой редакции манифеста.

КЛАРИСТЫ

М. А. Кузмин
О ПРЕКРАСНОЙ ЯСНОСТИ: ЗАМЕТКИ О ПРОЗЕ

Когда твердые элементы соединились в сушу, а влага опоясала землю морями, растеклась по ней реками и озерами, тогда мир впервые вышел из состояния хаоса, над которым веял разделяющий Дух Божий. И дальше – посредством разграничивания, ясных борозд – получился тот сложный и прекрасный мир, который, принимая или не принимая[1], стремятся узнать, по-своему увидеть и запечатлеть художники.

В жизни каждого человека наступают минуты, когда, будучи ребенком, он вдруг скажет: «я – и стул», «я – и кошка», «я – и мяч», потом, будучи взрослым: «я – и мир». Независимо от будущих отношений его к миру, этот разделительный момент – всегда глубокий поворотный пункт.

Похожие отчасти этапы проходит искусство, периодически – то размеряются, распределяются и формируются дальше его клады, то ломаются доведенные до совершенства формы новым началом хаотических сил, новым нашествием варваров.

Но, оглядываясь, мы видим, что периоды творчества, стремящегося к ясности, неколебимо стоят, словно маяки, ведущие к одной цели, и напор разрушительного прибоя придает только новую глянцевитость вечным камням и приносит новые драгоценности в сокровищницу, которую сам пытался низвергнуть.

Есть художники, несущие людям хаос, недоумевающий ужас и расщепленность своего духа, и есть другие – дающие миру свою стройность. Нет особенной надобности

говорить, насколько вторые, при равенстве таланта, выше и целительнее первых, и не трудно угадать, почему в смутное время авторы, обнажающие свои язвы, сильнее бьют по нервам, если не «жгут сердца»[2], мазохических слушателей. Не входя в рассмотрение того, что эстетический, нравственный и религиозный долг обязывает человека (и особенно художника) искать и найти в себе мир с собою и с миром, мы считаем непреложным, что творения хотя бы самого непримиренного, неясного и бесформенного писателя подчинены з а к о н а м ясной гармонии и архитектоники. Наиболее причудливые, смутные и мрачные вымыслы Эдг. По, необузданные фантазии Гофманна нам особенно дороги именно потому, что они облечены в кристальную форму. Что же сказать про бытовую московскую историйку, которая была бы одета в столь непонятный, темный космический убор, что редкие вразумительные строчки нам казались бы лучшими друзьями после разлуки? Не сказал ли бы подозрительный человек, что автор пускает туман, чтобы заставить не понять того, в чем и понимать-то нечего? Это несоответствие формы с содержанием, отсутствие контуров, ненужный туман и акробатский синтаксис могут быть названы не очень красивым именем... Мы скромно назовем это — безвкусием.

Пусть ваша душа будет цельна или расколота, пусть миропостижение будет мистическим, реалистическим, скептическим или даже идеалистическим (если вы до того несчастны), пусть приемы творчества будут импрессионистическими, реалистическими, натуралистическими, содержание — лирическим или фабулистическим, пусть будет настроение, впечатление — что хотите, но, умоляю, будьте логичны — да простится мне этот крик сердца! — логичны в замысле, в постройке произведения, в синтаксисе.

Пренебрежение к логике (неумышленное) так чуждо человеческой природе, что, если вас заставят быстро назвать десять предметов, не имеющих между собою связи, вы едва ли сможете это сделать. Интересный вывод мог бы получиться при выписывании одних существительных из стихотворения: нам, несомненно, казалось бы, что причиной отдаленности одного слова от другого по значению является только длинный путь мысли и, следовательно, сжатость стиха, но отнюдь не отсутствие логической зависимости. Еще менее терпимо подобное отсутствие логичности в ф о р м е, особенно прозаической, и менее всего именно в деталях, в постройке периодов и фраз. Хотелось бы золотыми буквами написать сцену из «Мещанина в дворянстве»[3] на стене «прозаической академии», если бы у нас была таковая:

У ч и т е л ь ф и л о с о ф и и: Во-первых, слова можно расставить так, как у вас сделано: «Прекрасная маркиза, ваши прекрасные глаза заставляют меня умирать от любви». Или: «от любви умирать меня заставляют, прекрасная маркиза, ваши прекрасные глаза». Или: «ваши глаза прекрасные от любви меня заставляют, прекрасная маркиза, умирать». Или: «умирать ваши прекрасные глаза, прекрасная маркиза, от любви меня заставляют». Или: «меня заставляют ваши глаза прекрасные умирать, прекрасная маркиза, от любви».

Г - н Ж у р д е н: Но как сказать лучше всего?

У ч [и т е л ь] ф и л о с о ф и и: Так, как вы сказали раньше: «Прекрасная маркиза, ваши прекрасные глаза меня заставляют умирать от любви» (д. II, сц. 6).

О да, г-н Журден, вы сказали очень хорошо, именно так, как нужно, хотя вы и уверяете, что не учились!

Может быть, техника прозаической речи не так разработана, как теория стиха и стихотворных форм, но то, что сделано для прозы ораторской, т.е. произносимой перед слушателями, всецело может касаться и слов, не предназначенных для чтения вслух. Там мы учимся строению периодов, кадансам, приступам, заключениям и украшениям посредством риторических фигур. Мы учимся, так сказать, кладке камней в том здании, зодчими которого хотим быть; и нам должно иметь зоркий глаз, верную руку и ясное чувство планомерности, перспективы, стройности, чтобы достигнуть желаемого результата. Нужно, чтобы от неверно положенного свода не рухнула вся стройка, чтобы частности не затемняли целого, чтобы самый несимметричный и

тревожащий замысел был достигнут сознательными и закономерными средствами. Это и будет тем искусством, про которое говорилось: «ars longa, vita brevis»[4]. Необходимо, кроме непосредственного таланта, знание своего материала и формы и соответствия между нею и содержанием. Рассказ, по своей форме, не просит и даже не особенно допускает содержания исключительно лирического, без того, чтобы что-нибудь рассказывалось (конечно, не рассказ о чувстве, о впечатлении). Тем более требует фабулистического элемента — роман, причем нельзя забывать, что колыбелью новеллы и романа были романские страны, где более чем где бы то ни было развит аполлонический взгляд на искусство: разделяющий, формирующий, точный и стройный. И образцы рассказа и романа, начиная с Апулея, итальянских и испанских новеллистов — через аббата Прево, Лесажа, Бальзака, Флобера, до Ан. Франса и, наконец, безобидного Анри де Ренье — нужно искать, конечно, в латинских землях. Нам особенно дорого имя последнего из авторов, не только как наиболее современного, но и как безошибочного мастера стиля, который не даст повода бояться за него, что он крышу дома empire загромоздит трубами или к греческому портику пристроит готическую колокольню.

Наконец, мы произнесли то слово, которым в настоящее время так злоупотребляют и в инвективах, и в дифирамбах, — слово «стиль». Стиль, стильно, стилист, стилизатор — казалось бы, такие ясные, определенные понятия, но все же происходит какой-то подлог, делающий путаницу. Когда французы называют Ан. Франса стилистом, какого не было еще со времени Вольтера, они, конечно, не имеют в виду исключительно его новелл из итальянской истории: он во всем — прекрасный стилист, и в статьях, и в современных романах, и в чем угодно. Это значит, что он сохраняет последнюю чистоту, логичность и дух французского языка, делая осторожные завоевания, не выходя из пределов характера этого языка. И в этом отношении Маллармэ, скажем, отнюдь не стилист. Сохранять чистоту языка не значит как-то лишать его плоти и крови, вылащивать, обращать в кошерное мясо, — нет, но не насиловать его и твердо блюсти его характер, его склонности и капризы. Грубо можно назвать это — грамматикой (не учебной, но опытной), или логикой родной речи. Основываясь на этом знании или чутье языка, возможны и завоевания в смысле неологизмов и синтаксических новшеств. И с этой точки зрения мы несомненно назовем стилистами и Островского, и Печерского, и особенно Лескова — эту сокровищницу русской речи, которую нужно бы иметь настольной книгой наравне с словарем Даля, — мы повременили бы, однако, называть Андрея Белого, З. Гиппиус и А. Ремизова — стилистами.

Но как только мы возьмем изречение: «стиль — это человек»[5], мы готовы поставить этих авторов в первую голову. Ясно, что здесь определяется какое-то совсем другое понятие, сравнительно недавнее, потому что, скажем, отличить по слогу новеллистов одного от другого довольно трудно. Очевидно, что дело идет об индивидуальности языка, о том аромате, о том «je ne sais quoi»[6], что должно быть присуще каждому даровитому писателю, что его отличает от другого, как наружность, звук голоса и т.д. Но раз это присуще всем (даровитым, достойным), то нет надобности этого подчеркивать, выделять, и мы отказываемся называть стилистом автора, развивающего «свой» стиль в ущерб чистоте языка, тем более, что оба эти качества отлично уживаются вместе, как видно из вышеприведенных примеров.

Третье понятие о стиле, пустившее за последнее время особенно крепкие корни именно у нас в России, тесно связано со «стильностью», «стилизацией»; впрочем, о последнем слове мы поговорим особо.

Нам кажется, что в этом случае имеется в виду особое, специальное соответствие языка с данною формою произведения в ее историческом и эстетическом значении. Как в форму терцин, сонета, рондо не укладывается любое содержание, и художественный такт подсказывает нам для каждой мысли, каждого чувства подходящую форму, так еще более в прозаических произведениях о каждом предмете, о всяком времени, эпохе, следует говорить подходящим языком. Так язык Пушкина, продолжая сохранять безупречную чистоту русской речи, не теряя своего аромата, как-то неприметно, но

явственно меняется, смотря по тому, пишет ли поэт «Пиковую даму», «Сцены из рыцарских времен» или отрывок: «Цезарь путешествовал». То же мы можем сказать и про Лескова. Это качество драгоценно и почти настоятельно необходимо художнику, не желающему ограничиться одним кругом, одним временем для своих изображений.

Этот неизбежный и законный прием (в связи с историзмом) дал повод близоруким людям смешивать его со стилизацией. Стилизация — это перенесение своего замысла в известную эпоху и облечение его в точную литературную форму данного времени. Так, к стилизации мы отнесем «Contes drôlatiques»[7] Бальзака, «Trois contes»[8] Флобера (но не «Саламбо», не «Св. Антония»), «Le bon plaisir»[9] Анри де Ренье, «Песнь торжествующей любви» Тургенева, легенды Лескова, «Огненного Ангела» В. Брюсова, но не рассказы С. Ауслендера, не «Лимонарь» Ремизова.

Действительно, эти последние авторы, желая пользоваться известными эпохами и сообразуя свой язык с этим желанием, далеки от мысли брать готовые формы, и только люди, никогда не имевшие в руках старинных новелл или подлинных апокрифов, могут считать эти книги полною стилизацией. Последнюю можно было бы почесть за художественную подделку, эстетическую игру, tour de force[10], если бы помимо воли современные авторы не вкладывали всей своей любви к старине и своей индивидуальности в эти формы, которые они не случайно признали самыми подходящими для своих замыслов; особенно очевидно это в «Огненном Ангеле», где совершенно брюсовские коллизии героев, брюсовский (и непогрешимо русский) язык сочетаются так удивительно с точной и подлинной формой немецкого автобиографического рассказа XVII века.

Подводя итоги всему сказанному, если бы я мог кому-нибудь дать наставление, я бы сказал так: «Друг мой, имея талант, то есть — уменье по-своему, по-новому видеть мир, память художника, способность отличать нужное от случайного, правдоподобную выдумку, — пишите логично, соблюдая чистоту народной речи, имея свой слог, ясно чувствуйте соответствие данной формы с известным содержанием и приличествующим ей языком, будьте искусным зодчим как в мелочах, так и в целом, будьте понятны в ваших выражениях». Любимому же другу на ухо сказал бы: «Если вы совестливый художник, молитесь, чтобы ваш хаос (если вы хаотичны) просветился и устроился, или покуда сдерживайте его ясной формой: в рассказе пусть рассказывается, в драме пусть действуют, лирику сохраните для стихов, любите слово, как Флобер, будьте экономны в средствах и скупы в словах, точны и подлинны, — и вы найдете секрет дивной вещи — прекрасной ясности» — которую назвал бы я «кларизмом».

Но «путь искусства долог, а жизнь коротка», и все эти наставления не суть ли только благие пожелания самому себе?

Впервые: Аполлон. 1910. Янв. № 4. С. 5–10. Печатается по тексту первой публикации.

[1] Намек на «мистико-анархические» произведения В. И. Иванова: сонет «Неприятие Мира» (Факелы. СПб., 1906. Кн. 1) и статью «Идея неприятия мира и мистический анархизм», напечатанную в качестве предисловия к книге Г. И. Чулкова «О мистическом анархизме» (СПб., 1906).

[2] Из стихотворения А. С. Пушкина «Пророк»: «Глаголом жги сердца людей» (1826).

[3] *«Мещанин в дворянстве»* — комедия Мольера «Le bourgeois gentilhomme» (1670).

[4] «искусство долговечно, а жизнь коротка» (*лат.*) (Seneca. «De brevitate vitae»).

[5] Изречение Ж. Л. Л. де Бюффона («Le style, c'est l'homme même»; 1753).

[6] «не знаю что́» (*фр.*).

[7] «Озорные рассказы» (1832–1837).

[8] «Три повести» (1877).

[9] «Произвол» (1902).

[10] ловкий трюк (*фр.*).

КУБОФУТУРИСТЫ

ПОЩЕЧИНА ОБЩЕСТВЕННОМУ ВКУСУ

Читающим наше Новое Первое Неожиданное.

Только *мы – лицо нашего* Времени. Рог времени трубит нами в словесном искусстве.

Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятнее гиероглифов.

Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности[1].

Кто не забудет своей первой любви, не узнает последней[2].

Кто же, доверчивый, обратит последнюю Любовь к парфюмерному блуду Бальмонта? В ней ли отражение мужественной души сегодняшнего дня?

Кто же, трусливый, устрашится стащить бумажные латы с черного фрака воина Брюсова[3]? Или на них зори неведомых красот?

Вымойте Ваши руки, прикасавшиеся к грязной слизи книг, написанных этими бесчисленными Леонидами Андреевыми.

Всем этим Максимам Горьким, Куприным, Блокам, Соллогубам, Ремизовым, Аверченкам, Черным, Кузьминым[4], Буниным и проч. и проч. – нужна лишь дача на реке. Такую награду дает судьба портным.

С высоты небоскребов мы взираем на их ничтожество!..

Мы приказываем чтить права поэтов:

1) На увеличение словаря в его объеме произвольными и производными словами (Слово–новшество).

2) На непреодолимую ненависть к существовавшему до них языку.

3) С ужасом отстранять от гордого чела своего из банных веников сделанный Вами Венок грошевой славы.

4) Стоять на глыбе[5] слова «мы» среди моря свиста и негодования.

И если пока еще и в наших строках остались грязные клейма Ваших «Здравого смысла» и «хорошего вкуса», то все же на них уже трепещут впервые Зарницы Новой Грядущей Красоты Самоценного (самовитого[6]) Слова.

Д. Бурлюк,
Александр Крученых,
В. Маяковский,
Виктор Хлебников.

Москва. 1912. Декабрь.

Впервые: Пощечина общественному вкусу: [Альманах]. М.: Г. Л. Кузьмин, [1912]. С. 3–4. Альманах вышел 18 декабря 1912 г. Манифест был перепечатан в свитке «Грамоты и декларации рус. футуристов» (СПб.: Свирельга, [1914]). Печатается по тексту первой публикации.

Об обстоятельствах создания манифеста см. воспоминания А. Е. Крученых и М. Н. Бурлюк; там же указаны авторы некоторых отдельных фраз (см.: *Крученых А. Е.* О Хлебникове и др. // Хлебников В. В. Зверинец. М., 1930. С. 13–14; *Бурлюк Д. Д.* Фрагменты из восп. футуриста. СПб., 1994. С. 276; *Крученых А. Е.* Наш выход. К истории рус. футуризма. М., 1996. С. 46–47).

[1] Хлебников прокомментировал данное положение в записи от 26 окт. 1915 г. в альбоме Л. И. Жевержеева: «Бросал Пушкина “с парохода современности” Пушкин же, но за маской нового столетия» (цит.: *Лившиц Б. К.* Полутораглазый стрелец: Стихотв. Переводы. Восп. Л., 1989. С. 643).

[2] Обыгрывается пассаж из стихотворения Тютчева о Пушкине «29-е января 1837»: Тебя ж, как первую любовь, / России сердце не забудет!.. (ср.: *Безродный М.* Конец Цитаты // Новое лит. обозр. 1995. № 12. С. 282).

[3] Лившиц вспоминал: «С удивлением наткнулся я в общей мешанине на фразу о “бумажных латах брюсовского воина”, оброненную мною в ночной беседе с Маяковским и почему-то запомнившуюся ему» (*Лившиц Б. К.* Указ. соч. С. 404).

[4] Искажения фамилий Ф. К. Сологуба и М. А. Кузмина в подлиннике.

[5] «*Стоять на глыбе*» — выражение Хлебникова; ср.: «Встав на глыбу захватного права»; «Только мы, стоя на глыбе будущего» (*Хлебников В. В.* Творения. М., 1986. С. 609, 635). Лившиц приписывает данное предложение Маяковскому (*Лившиц Б. К.* Указ. соч. С. 404).

[6] «*Самовитого*» — единственный неологизм манифеста; термин Хлебникова (см.: *Лившиц Б. К.* Указ. соч. С. 391) встречается в его произведениях сравнительно часто (см.: *Перцова Н. Н.* Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. Wien; М., 1995. С. 311). Высказывалось мнение, что «*самовитое слово* стало ключевым понятием русского художественного авангарда» (*Дуганов Р.* Самовитое слово // Иск-во авангарда: Язык мирового общения. Уфа, 1993. С. 41).

[ПРЕДИСЛОВИЕ К АЛЬМАНАХУ «САДОК СУДЕЙ II»]

Находя все нижеизложенные принципы цельно выраженными в I-м «Садке Судей» и выдвинув ранее пресловутых и богатых, лишь в смысле Метцль и К°, футуристов[1], — **мы** тем не менее считаем этот путь нами пройденным и, оставляя разработку его тем, у кого нет более новых задач, пользуемся некоторой формой правописания, чтобы сосредоточить общее внимание на уже новых открывающихся перед нами заданиях.

Мы выдвинули впервые новые принципы творчества, кои нам ясны в следующем порядке:

1. Мы перестали рассматривать словопостроение и словопроизношение по грамматическим правилам, став видеть в буквах лишь н а п р а в л я ю щ и е   р е ч и. Мы расшатали синтаксис.

2. Мы стали придавать содержание словам по их начертательной и ф о н и ч е с к о й   х а р а к т е р и с т и к е.

3. Нами осознана роль приставок и суффиксов.

4. Во имя свободы личного случая мы отрицаем правописание.

5. Мы характеризуем существительные не только прилагательными (как делали главным образом до нас), но и другими частями речи, также отдельными буквами и числами:

а) считая частью неотделимой произведения его помарки и виньетки творческого ожидания.

b) в почерке полагая составляющую поэтического импульса.

c) в Москве поэтому нами выпущены книги (автографов) «самописьма»[2].

6. Нами уничтожены знаки препинания, — чем роль словесной массы — выдвинута впервые и осознана.

7. Гласные мы понимаем как время и пространство (характер устремления), согласные — краска, звук, запах.

8. Нами сокрушены ритмы. Хлебников выдвинул поэтический размер — живого разговорного слова. Мы перестали искать размеры в учебниках — всякое движение: — рождает новый свободный ритм поэту.

9. Передняя рифма — (Давид Бурлюк) средняя, обратная рифмы (Маяковский) разработаны нами.

10. Богатство словаря поэта — его оправдание.

11. Мы считаем слово творцом мифа, слово, умирая, рождает миф и наоборот.

12. Мы во власти новых тем: ненужность, бессмысленность, тайна властной ничтожности — воспеты нами.

13. Мы презираем славу; нам известны чувства, не жившие до нас.

Мы новые люди новой жизни.

Давид Бурлюк, Елена Гуро, Николай Бурлюк, Владимир Маяковский, Екатерина Низен, Виктор Хлебников, Венедикт [sic!] *Лившиц, А. Крученых.*

Впервые: Садок Судей II. [СПб.: Журавль, 1913]. С. [1–2]. Альманах вышел в конце февраля — начале марта 1913 г. Манифест был перепечатан в свитке «Грамоты и декларации русских футуристов» (СПб., [1914]). Печатается по тексту первой публикации.

В воспоминаниях Лившица описаны обстоятельства создания манифеста и раскрыто авторство отдельных предложений (*Лившиц Б. К.* Указ. соч. С. 410–411). Крученых в 1965 г. возражал на утверждение Лившица, что «вздорные» пункты 12 и 13 принадлежат ему (см.: *Там же.* С. 648).

[1] Вышедший в 1910 г. первый выпуск альманаха «Садок Судей» отнюдь не выражает «все нижеизложенные принципы», так как авангардные приемы в нем почти отсутствуют. Смысл пассажа в утверждении первенства над эгофутуристами, которые к началу 1913 г. под руководством И. В. Игнатьева тоже стали применять словесные эксперименты гилейского типа. Упоминание петербургской рекламной конторы Метцль и К° — вероятно, намек на происхождение Игнатьева из купеческой среды.

[2] Имеются в виду литографированные книги, выпускаемые Крученых (отчасти в соавторстве с Хлебниковым) с октября 1912 г. До конца февраля 1913 г. вышли следующие издания: «Игра в аду», «Старинная любовь», «Мирсконца», «Пустынники», «Полуживой» и «Помада».

А. Е. Крученых, Н. И. Кульбин
ДЕКЛАРАЦИЯ СЛОВА КАК ТАКОВОГО

4) мысль и речь не успевают за переживанием вдохновенного, поэтому художник волен выражаться не только общим языком (понятия), но и личным (творец индивидуален), и языком, не имеющим определенного значения (не застывшим), заумным Общий язык связывает, свободный позволяет выразиться полнее (Пример: го осн¼г кайд и т.д.[1])

5) Слова умирают, мир вечно юн. Художник увидел мир по-новому и, как Адам, дает всему свои имена. Лилия прекрасна, но безобразно слово лилия, захватанное и «изнасилованное». Поэтому я называю лилию еуы — первоначальная чистота восстановлена.

2) согласные дают быт, национальность, тяжесть, гласные — обратное — вселенский язык. Стихотворение из одних гласных[2]:

о е а
и е е и
а е е ¼

3) стих дает (бессознательно) ряды гласных и согласных. Эти ряды неприкосновенны. Лучше заменять слово другим, близким не по мысли, а по звуку (лыки-мыки-кыка)

Одинаковые гласные и согласные, будучи заменены чертами, образуют рисунки, которые неприкосновенны (напр., III–I–I–III)

Поэтому переводить с одного языка на др[угой] н е л ь з я, можно лишь написать стихотворение латинскими буквами и дать подстрочник. Бывшие д[о] с[их] п[ор] переводы лишь подстрочники, как художественные произведения они — грубейший вандализм.

1) Новая словесная форма создает новое содержание, а не наоборот.

6) Давая н о в ы е   с л о в а, я приношу новое содержание, где в с е стало скользить (условность времени, пространства и проч. Здесь я схожусь с Н. Кульбиным, открывшим 4-е измерение — тяжесть, 5-е — движение и 6 или 7-е — время).

7) В искусстве могут быть неразрешенные диссонансы — «неприятное для слуха» — ибо в нашей душе есть диссонанс, которым и разрешается первый. Пример дыр бул щыл[3] и т.д.

8) Всем этим искусство не суживается, а приобретает новые поля.

Алексей (Александр) Кручёных

Примеч. 1) Высказанное в тезисах 3, 6 и 7 совпадает с мыслями Н. Кульбина.

2) Руководящие положения этой декларации, принимаемые нашими «критиками» за положения футуризма, были высказаны задолго до его появления в России в лекциях Н. Кульбина в Петербурге в 1907—8 гг.[4] и практически осуществлены на выставках ▵, Венок и др.[5] и в книгах[6] «Садок Судей I» (1908 г.) и «Студия импрессионизма» (1910 г.) (футуризм появился в 1910 г.).

А. Кручёных

19-е апреля 1913 г.

Новый цикл слова.

На сжатом поле мы сеем, строители.

При создании ценности (поэзия — творчество) л ю б о в ь   к   м а т е р и а л у!

Семя — с л о в о   к а к   т а к о в о е.

В начале — чистое слово, без примеси (музыки, пластики, философии).

В будущем — синтез (конец).

Ч т о   е с т ь   с л о в о?

Путь к определению: слово — сознание (первое лицо), в музыке — чувство; в пластике — воля.

Путь слова: с и м в о л ,   з в у к ,   н а ч е р т а н и е.

Жизнь согласных и гласных (см. декларацию Крученых).

Своеобразность буквы *!

Произведение — живой организм; отпала буква — умерло целое.

Снова говорю: не переводите стихов, а пишите их иностранными буквами **.

Созвучие — покой. Диссонанс — возбуждение.

Через сложность диссонансов — к согласию! Per aspera ad astra![10]

Кульбин

Впервые: Отдельное издание (листовка) — СПб.: Тип. Т-ва «Свет», 1913. Перепечатано в свитке «Грамоты и декларации рус. футуристов» (СПб., [1914]). Листовка с декларациями Крученых и Кульбина вышла в конце апреля 1913 г. Печатается по тексту первой публикации. Сохраняются особенности пунктуации и строчные буквы в начале нескольких предложений.

Хлебников прокомментировал некоторые положения декларации в письме к Крученых от 31 авг. 1913 г. (см.: *Хлебников В.В.* Неизданные произв. М., 1940. С. 367). Лингвистический разбор тезисов Крученых и Кульбина проведен И. А. Бодуэном де Кур-

* Цвет (р — красное, ж — желтое и т.д.), но не в смысле живописи. О цвете — Рембо и Давид Бурлюк[7]. О внутреннем склонении – Хлебников[8]. О метрико-тонической системе — В. Иванов, М. Гнесин и др.[9]

** При этом — подстрочный буквальный перевод (комментарий).

тенэ в статьях «Слово и “слово”» и «К теории “слова как такового” и “буквы как таковой”», опубликованных в приложениях к газете «День» (Отклики. 1914. № 7, 8; см.: *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. М., 1963. Т. 2. С. 240–245).

[1] «*Го осн¼г кайд*» — начало стихотворения, написанного «на языке собственного изобретения» (Союз молодежи. 1913. № 3. С. 72). (Старая орфография сохраняется в настоящем издании *в неологизмах и заумных словах* как выражение авторской воли. О значении старинного правописания для Крученых см.: *Крученых А. Е.* Язвы Аполлона // Феникс. 1919. № 1. С. 8.)

[2] «*Стихотворение из одних гласных*» — начало молитвы «Отче наш».

[3] «*дыр бул щыл*» — первый стих заумного стихотворения Крученых, опубликованного впервые в его книжке «Помада» (февраль 1913 г.).

[4] Кульбин выступал с 1908 г. с докладами, в которых пропагандировались авангардные течения в искусстве. Лекции Кульбина описаны в воспоминаниях Д. Бурлюка (*Бурлюк Д. Д.* Фрагменты из восп. футуриста. СПб., 1994. С. 33–34).

[5] Петербургская «художественно-психологическая группа» «Треугольник» выступила впервые вместе с московской группой художников «Венок–Стефанос» на организованной Кульбиным выставке «Современные течения в искусстве» (апрель–май 1908 г.). В 1909 и 1910 гг. в Петербурге и в Вильне прошли выставки группы «Треугольник» под названием «Импрессионисты». В марте 1910 г. состоялась совместная выставка «Треугольник–Венок–Стефанос».

[6] Альманахи «Садок Судей [I]» и «Студия импрессионистов» вышли в 1910 г.

[7] Имеется в виду стихотворение А. Рембо «Les voyelles» («Гласные»), в котором гласным приписаны различные цвета. О синестезии говорится в статье Д. Бурлюка «Фактура» (подпись: Н. Бурлюк): «Живопись — цветное пространство. (Не есть ли музыка цветное время?)» (Пощечина общественному вкусу. М., 1913. С. 102).

[8] Речь идет, возможно, о словообразованиях Хлебникова на основе общего корня; ср. вариации к слову «летать» в статье «Образчик словоновшеств в языке» (Там же. С. 110–112) и стихотворение «Заклятие смехом».

[9] Речь идет, вероятно, об изобретенном М. Ф. Гнесиным «музыкальном чтении»: декламации стихов, основанной на законах музыки (см.: *Гнесин М. Ф.* Статьи. Восп. Мат-лы. М., 1961. С. 81).

[10] «Через тернии к звездам» (*лат.*).

А. Е. Крученых
ВЗОРВАЛЬ

<...> Переживание не укладывается в слова (застывшие, понятия) — муки слова — гносеологическое одиночество. Отсюда стремление к заумному свободному языку (см. мою декларацию слова), к такому способу выражения прибегает человек в важные минуты. Вот образец — речь хлыста В. Шишкова: носоктос лесонтос футр лис натруфунтру натнисинфур кресерефире кресентре ферт чересантро улмири умилисантру — здесь подлинное выражение мятущейся души — религиозный экстаз. <...>

Впервые: Отдельное издание [СПб.: ЕУЫ, 1913]. Литографированная книга, без пагинации; вышла в июне 1913 г. Печатается по тексту первой публикации.

В данном отрывке Крученых развивает свою концепцию заумного языка, изложенную в «Декларации слова как такового». Изречения сектанта Шишкова заимствованы из статьи Д. Г. Коновалова «Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве» (Богословский вестник. 1908. Апр.). О своем отрицательном отношении к «хлыстов-

ским неистовствам» как источнику словесных новшеств вспоминал, намекая на Крученых, Лившиц (см.: *Лившиц Б. К.* Указ. соч. С. 418).

А. Е. Крученых
НОВЫЕ ПУТИ СЛОВА
(язык будущего смерть символизму)

никто не станет спорить, если сказать что у нас нет литературной критики (судей речетворчества)

не станут же принимать за таковых вурдалаков питающихся кровью «великих покойников» ни душителей молодого и живого

вурдалаки гробокопатели станичники паразиты — единственные достойные имена наших критиков

перегрызть друг другу горло, заклевать, утопить «в ложке воды» — их всегдашнее занятие даже охота

любят наши критики сводить счеты или заниматься политическим да семейным сыском и всегда оставляют вопросы с л о в а в стороне

русские читатели (даже они!) презирают их и с отвращением отодвигают жвачку предлагаемую вместо пищи

но к позору истинных ценителей и любителей искусств надо отнести то, что нужное слово никем сказано не было

Не надо удивляться, что н а с баячей будущего забрасывают грязью «критичек»

Мы уподобились воинам напавшим тусклым утром на праздных неприятелей — и вот они на потеху победителей и всего мира дают друг другу пинки цепляются за волосы и неприятелю могут бросить одну лишь г р я з ь и б р а н ь

не страшны нам такие воины а их переполох — наша добыча!

смотрите толстогубые!

мы показываем оружие хитро заостренное и лучшего закала, оружие за которое вы блудливо хотели взяться и только порезали свои руки...

до нас не было словесного искусства

были жалкие попытки рабской мысли воссоздать свой быт, философию и психологию (что называлось романами, повестями, поэмами и пр.) были стишки для всякого домашнего и семейного употребления, но

и с к у с с т в а с л о в а

не было

странно? скажем больше: делалось все, чтобы заглушить первобытное чувство родного языка, чтобы вылущить из слова плодотворное зерно, оскопить его и пустить по миру как «ясный чистый честный звучный русский язык» хоть это был уже не язык, а жалкий евнух неспособный что-нибудь дать миру. Его лечить и совершенствовать нельзя, и мы совершенно правильно заявили «бросить Пушкина, Толстого, Достоевского и проч. и проч. с парохода современности» чтоб не отравляли воздух! после былин и «слова о полку Игореве» словесное искусство падало и при Пушкине оно стояло ниже чем при Третьяковском (хотя и совершенствовались «пути сообщения», — смотри ниже).

Ясное и решительное доказательство тому, что до сих пор слово было в кандалах является его п о д ч и н е н н о с т ь с м ы с л у

до сих пор утверждали:

«мысль диктует законы слову, а не наоборот».

Мы указали на эту ошибку и дали свободный язык, заумный и вселенский.

Через мысль шли художники прежние к слову, мы же через слово к непосредственному постижению.

В искусстве мы уже имеем первые опыты языка будущего. Искусство идет в авангарде психической эволюции.

В настоящий момент у нас есть три единицы психической жизни: ощущение, представление, понятие (и идея), и начинает образовываться четвертая единица — «высшая интуиция» (Tertium Organum П. Успенского[1]).

В искусстве мы заявили:

СЛОВО ШИРЕ СМЫСЛА

слово (и составляющие его — звуки) не только куцая мысль, не только логика, но, главным образом, заумное (иррациональные части, мистические и эстетические)...

гладиаторы и мечари

мысль одна, но слова разные и настолько что скорей я скажу: смехири и мечари имеют один смысл, чем мечари и гладиаторы, потому что звуковой состав слова дает ему окраску жизнь и слово только тогда воспринимается, живо действует на вас когда имеет эту окраску

гладиаторы — тускло серо иностранно, мечари — ярко красочно и дает нам картину мощных людей, закованных в медь и сетку

на бирже и в конторе Метцль надо пользоваться, как счетами, первым словом — мертвым бесцветным, как телеграфный знак, в искусстве же это мертвец на пиру

Лермонтов обезобразил русскую баячь (поэзию) внесши в нее этого смрадного покойника и щеголяя в л'азури...

морг — это смешно и напоминает жирного немца с пивом, трупарня[2] дает даже ощущение мертвецкой

университет — этим можно дразнить собак, всеучьбище[3] — убеждает нас в важности обозначаемого и т.д.

Важна каждая буква, каждый звук!

Зачем заимствовать у безъязыких «немцев» когда есть великолепное свое?

Русские читатели привыкли к оскопленным словам и уже видят в них алгебраические знаки решающие механически задачу мыслишек, между тем все живое надсознательное в слове, все, что связывает его с родниками, истоками бытия — не замечается.

Искусство же может иметь дело лишь с живым, до покойников ему нет заботы!

И сами писатели тосковали, сами понимали всю ненужность созданного.

«О если б без слова сказаться душой было можно»? (Фет).

«Мысль изреченная есть ложь» (Тютчев)[4]

трижды правы!

Почему же было не уйти от мысли, и писать не словами — понятиями, а свободно образованными?

Ибо если художник бессилен значит он не овладел материалом!..

Люди исключительной честности — русские сектанты — решились на это.

Обуреваемые религиозным вдохновением (а вдохновение всегда возвышенно) они заговорили на языке «духа святаго» (по собственному их великолепному выражению), пили «живую воду».

И вот получилось новое слово, которое уже не ложь, а истинное исповедание веры, «обличение вещей невидимых».

«Намос памос багос»...
«герезон дроволмире здрувул
дремиле черезондро фордей»
(из речи хлыста Шишкова[5]).

Замечательно, что некоторые сектанты (особники) из простых крестьян, начинали вдруг говорить не только на таком заумном языке, но и на м н о г и х   и н о с т р а н н ы х   я з ы к а х   д о   т о г о   и м   н е и з в е с т н ы х!

И вот мимо таких воистину пророков исследователи языка (критики тож) проходят мимо!.. Но не думайте, что мы являемся лишь подражателями обособников.

Художник замечает удивительные краски на старой стене — они дают ему толчек и он создает произведение искусства так же далекое от природы, как белое море от черного!..

Удивительна бессмысленность наших писателей так гоняющихся за с м ы с л о м.

Они желая изобразить непонятность алогичность жизни и ее ужас или изобразить тайну жизни, прибегают все к тому же (как всегда, как всегда!) «ясному четкому» всеобщему языку

это все равно что голодного кормить булыжниками или пытаться поймать реязей в гнилую сеть!

Мы первые сказали, что для изображения нового и будущего нужны с о в е р ш е н н о   н о в ы е   с л о в а   и   н о в о е   с о ч е т а н и е   и х.

Таким решительно новым будет сочетание слов по их внутренним законам, кои открываются речетворцу, а не по правилам логики или грамматики, как это делалось до нас.

Современные живописцы постигли ту тайну 1) что движение дает выпуклость (новое измерение) и что обратно выпуклость дает движение

и 2) неправильная перспектива дает новое 4-е измерение (сущность кубизма).

Современные же баячи открыли: что неправильное построение предложений (со стороны мысли и гранесловия) дает д в и ж е н и е   и   н о в о е   в о с п р и я т и е   м и р а и обратно — движение и изменение психики рождают странные «бессмысленные» сочетания слов и букв.

Поэтому мы расшатали грамматику и синтаксис, мы узнали что для изображения головокружительной современной жизни и еще более стремительной будущей — надо по новому сочетать слова и чем больше беспорядка мы внесем в построение предложений — тем лучше.

Прилизанные символисты ужасно боятся, что их не поймет публика («Огонька» и «Русской Мысли»), мы же радуемся этому! недалекие символисты все боятся как бы не сказать глупости бессмыслицы (с точки зрения тех же читателей).

Известно, что приготовишки очень стараются быть умными и взрослыми!..

Еще Достоевский заметил: «у каждого писателя свой стиль а следовательно и свое правописание» но сам он «посягнул» лишь на запятую и мягкий знак!..

И я вдруг подумал: если перевернуть
вверх ножками стулья и диваны.
Кувырнуть часы?..
Пришло-б начало новой поры,
открылись бы страны.
тут же в комнате прятался конец
клубка вещей,
затертый недобрым вчерашним днем
порядком дней
тут же рядом в комнате он был!
я вдруг поверил что так
и бояться не надо ничего
но искать надо тайный знак.

«Шарманка» Е. Гуро[6].

Неправильности в построении речи возможны:

1) неправильность — неожиданность — грамматическая:

а) несовпадение падежей, чисел, времен и родов подлежащего и сказуемого определения и определяемого: пробегал озеро белый летучие

б) опущение подлежащего или др. частей предложения, опущение местоимений предлогов и пр.

в) произвольное словоновшество (чистый неологизм): а ему все тирко[7] (Сад. Суд. 1), дыр бул щыл и пр.

г) неожиданность звуковая:

е у ы, р л м к т ж г... («Возропщем»[8]).

Здесь не лишним будет указать на молодцов из «Мишени»[9] на днях выступивших в печати и заимствующих нашу речь то из одних гласных то из согласных, то разбросанность букв и слов и заметающих свои следы ссылкой на 1912 г. как время написания (?!) своих подражаний! (Оригинально!)

д) неожиданное словообразование:

Сумнотичей и груститстелей
Зовет рыданственный желел
За то что некогда свистели
В свинце отсутствует сулел
Пушек рокочущих-ли звук, гроза-ль,
Но к лбу прильнет смертнирь-лобзаль
и некто упадет на земь ничком
и землю оросит кровавым ручейком
«Мое собро» — укажет нав
В недавнем юноше узнав
Кто пашней стал свинцовых жит
Кто перед ним ничком лежит
(В. Хлебников, «Союз Молодежи», сб. III[10]).

Благодаря таким неожиданностям впечатление войны доходит до обмана чувств.
Образцы неологизмов см. также Е. Гуро, Садок Судей II.

2) неправильность смысловая:

а) в развитии действия:

забыл повеситься
лечу к америкам
на корабле полез ли
кто
хоть был пред носом
(«Взорваль» См. также «Петух мудрости»
Садок Судей II)

б) неожиданность сравнения:

стучат огнем кочерги...
(Мирсконца[11])

Этими видами не исчерпываются все возможные неправильности и неожиданности: (недаром они неправильности) можно напр. назвать необычность размера, рифмы, начертания, цвета и положения слов и пр.

Наша цель лишь указать на самый способ неправильности, показать ее необходимость и важность для искусства.

Наша цель подчеркнуть важное значение для искусства всех резкостей, несогласов (диссонансов) и чисто первобытной грубости.

Когда хилому и бледному человечку захотелось освежить свою душу соприкосновением с сильно-корявыми богами Африки, когда полюбился ему их дикий свободный язык и резец и звериный (по зоркости) глаз первобытного человека, то семь нянюшек сразу завопили и стараются охранить заблудшее дитя — ты погрязнешь в жестокости, эгоизме, — кричит А. Е. Редько[12] (см. Русское Богатство за июль с. г.) твой путь бездна — лукаво кричит А. Бенуа, не говори бессмыслицы — предостерегает Брюсов[13], другие просто квохчут шипят и плюются.

И все преподносят свои советы, свою чахлую бескровную философию не подозревая, что она лишь неудачная поэзия (что хорошо известно бывшим пророкам!)...

До нас было скучное тягучее повествование, (3000 страниц!) которое претит современной стремительной душе, воспринимающей мир живо и непосредственно (интуитивно), как бы входящей в вещи и явления, трансцендентное во мне и мое, а не сидящей где то в стороне и слушающей одни описания и повествования.

Наши новые приемы учат новому постижению мира, разбившему убогое построение Платона и Канта и др. «идеалистов», где человек стоял не в центре мира, а за перегородкой.

Раньше мир художников имел как бы два измерения: длину и ширину; теперь он получил глубину и выпуклость, движение и тяжесть, окраску времени и пр. и пр.

Мы стали видеть з д е с ь и т а м. Иррациональное (заумное) нам так же непосредственно дано как и умное.

Нам не нужно посредника — символа, мысли, мы даем свою собственную новую истину, а не служим отражением некоторого солнца (или бревна?)

Идея символизма необходимо предполагает ограниченность каждого творца и истину спрятанной где то у какого то ч е с т н о г о д я д и.

Конечно, с такой предпосылкой откуда же взяться радости, непосредственности и убедительности творчества? Неудивительно, что наши кислые символисты вымирают и идут на промысел в «Ниву» и «Огонек»...

Мы первые нашли нить лабиринта и непринужденно разгуливаем в нем.

Символизм не выдерживает взгляда современной гносеологии и прямой души. Чем истина субъективней — тем объективнее Субъективная объективность — наш путь. Не надо бояться полной свободы — если не веришь человеку — лучше не иметь с ним дела!

Мы рассекли объект!

Мы стали видеть мир насквозь

Мы научились следить мир с конца, нас радует это обратное движение (относительно слова мы заметили, что часто е г о м о ж н о ч и т а т ь с к о н ц а и т о г д а о н о п о л у ч а е т б о л е е г л у б о к и й с м ы с л!).

Мы можем изменить тяжесть предметов (это вечное з е м н о е п р и т я ж е н и е), мы видим висящие здания и тяжесть звуков.

Таким образом мы даем мир с новым содержанием...

Творчество всегда вдохновенно, бог может быть черный и белый корявый и многорукий — о н т а й н а, н о н е н у л ь, хотя бы повторенный сто раз подряд.

Итальянские «забавляющиеся» футуристы с бесконечными ра та та ра та та уподобляются Метерлинковским героям, думающим что дверь повторенная сто раз преображается в откровение

Эти механические ухищрения — бездушные однообразные ведут к с м е р т и ж и з н и и и с к у с с т в а.

Не с целью дразнить читателя трещащей пустотой и надоедливым лаяньем, а изыскивая все новые способы изображения скрещивающихся путей, бросающих нас, искателей будущего в трясины и пустоты, мы выбираем к о в а р н ы е п у т и сбивающие с толку своей неожиданностью подъемов и спусков новичков. В искусстве может быть несоглас (диссонанс), но не должно быть грубости, цинизма и нахальства (что проповедуют итальянские футуристы) — ибо нельзя войну и драку смешивать с творчеством

Мы серьезны и торжественны, а не разрушительно-грубы...

Мы высокого мнения о своей родине!

Не увлекайтесь подражанием иностранному.

Не употребляйте иностранных слов, в художественных произведениях, они уместны лишь в одном случае — когда хотят придать словам мелко оскорбительное значение.

Вспомните: Пушкин, будучи спрошен об уме особы, с которой он долго беседовал, отвечал: не знаю, ведь я с ней говорил по-французски!..[14]

Создавайте новые родные слова!

Новое содержание т о г д а л и ш ь в ы я в л е н о, когда достигнуты новые приемы выражения, новая форма.

Раз есть новая форма следовательно есть и новое содержание, форма таким образом обусловливает содержание.

Наше речетворчество вызвано н о в ы м у г л у б л е н и е м духа и на все бросает новый свет.

Не новые предметы (объекты) творчества определяют его истинную новизну.

Новый свет, бросаемый на старый мир, м о ж е т д а т ь с а м у ю п р и ч у д л и в у ю и г р у.

Неимеющие нового света судорожно хватаются за новые предметы — но положение их тем печальнее: новое вино моментально прорывает старые мехи — так кончились потуги Брюсова — Вербицкой, Бальмонта — вечного балалаечника, Сологуба — пирожного, Андреева — и эго-футуристов — зевунов: И. Северянина, И. Игнатьева, Василиска Гнедова и др.

Я уже не говорю о М. Горьком, Куприне, Чирикове и проч. «бытовиках» или о «классиках» которых никто не читает.

Разве могут сравниться с радостью существования в новых измерениях какие бы то ни были убогие отрады прежних земель?

Не поддавайтесь укорам и «добрым советам» трусливых душенок, у которых глаза вечно обращены назад...

Впервые: Трое. [СПб.: Журавль, 1913]. С. 22—37. Сборник вышел в сентябре 1913 г. Печатается по тексту первой публикации.

[1] «*Tertium Organum*» — оккультное произведение П. Д. Успенского (СПб., 1911). О значении книги Успенского для теории и художественной практики русских футуристов см.: *Шатских А.* Казимир Малевич. Теоретическое и литературное наследие // Сарабьянов Д., Шатских А. Казимир Малевич. Живопись и теория. М., 1993. С. 181—182.

[2] «*Трупарня*» — из пьесы Хлебникова «Маркиза Дэзес» (Садок Судей [I]. СПб., 1910).

[3] «*Всеучьбище*» — из поэмы Хлебникова «Внучка Малуши» (Дохлая луна. М., 1913).

[4] Цитаты из стихотворений «Как мошки зарею» А. А. Фета и «Silentium!» Ф. И. Тютчева.

[5] См. комментарий к «Взорваль».

[6] *«Шарманка»* — первая книга рассказов, стихов и пьес Гуро (СПб., 1909).

[7] Из рассказа С. Н. Мясоедова «В дороге» (Садок Судей [I]).

[8] *«Возропщем»* — книжка Крученых; вышла в июне 1913 г.

[9] Имеются в виду стихи ⇨ Лучистов и ⇨ Орфистов, процитированные в статье С. Худакова (псевд.) в сб. «Ослиный хвост и Мишень».

[10] Приведены три отрывка из поэмы Хлебникова «Война — смерть».

[11] «*Мирсконца*» — книга Крученых и Хлебникова; вышла в декабре 1912 г.

[12] Имеется в виду статья: *Редько А. Е. [Редько А. М., Редько Е. И.].* У подножия африканского идола. Символизм. Акмеизм. Эго-футуризм. (Окончание) // Рус. богатство. 1913. № 7. С. 179—199. В статье подвергаются резкой критике манифесты и произведения гилейцев (именуемых авторами эгофутуристами), в частности Крученых.

[13] Имеется в виду статья: *Брюсов В. Я.* Новые течения в русской поэзии. Футуристы // Рус. мысль. 1913. № 3. Отд. 2. С. 124—133.

[14] Парафраз записи кн. П. А. Вяземского о Пушкине: «Спросили Пушкина на одном вечере про барыню, с которой он долго разговаривал, как он ее находит, умна ли она? — “Не знаю, — отвечал Пушкин очень строго и без желания поострить (в чем он бывал грешен): — ведь я с ней говорил по-французски”» (*Вяземский П. А.* Из «Записной книжки» // Разговоры Пушкина. М., 1929. С. 83).

А. Е. Крученых, В. В. Хлебников
О ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНIЯХ

I) чтоб писалось и смотр¼лось во мгновенiе ока![1]

(п¼нье плеск пляска, разметыванье неуклюжих построек, забвенiе, разучиванье. В. Хл¼бников, А. Крученых, Е. Гуро; в живописи В. Бурлюк и О. Розанова.)

II) чтоб писалось туго и читалось туго неудобн¼е смазных сапог или грузовика в гостинной

(множество узлов связок и петель и заплат занозистая поверхность, сильно шероховатая. В поэзiи Д. Бурлюк В. Маяковскiй, Н. Бурлюкъ и Б. Лившиц. въ живописи Д. Бурлюк К. Малевич.)

Что ц¼нн¼е: в¼тер или камень?

Оба безц¼нны!

Прим¼ры: I-ый род — из В. Хл¼бникова:

(княжна и оборотень летят над землей)
И, чтоб спастись от стужи
морозной выси
из рыси
онъ стал медв¼дем,
Она ему: “куда мы ¼дем?”
он отвернулся и в в¼тер бурк:
мы ¼дем в Петербург...
к холоду н¼жна
скукожилась княжна...
и вотъ летятъ к земл¼ турманом
Туда гд¼ золотом Исакiй манит
И прямо сверху от солнечнаго лучьбища
Они летят в дом женскаго всеучьбища...[2]
(Шуточная поэма в «Дохлой лун¼»)

Или изъ Е. Гуро:

Финляндiя
...Лулла, лолла, лалла-лу,
Лиза, лолла, лулла-ли.
Хвои шуят, шуят,
ти-и-и, ти-и-у-у...[3]

(именно шуят! лиственныя деревья шумят, а хвойныя шуят)
или

Взорваль
огня
печаль
коня

рубли
ив
в волосах
див.
(А. Крученых «Взорваль»)

в то время как в произведеніях этого перваго рода сравненія чаще всего ограничиваются одним словом, во 2-м род¼ они тянутся на н¼сколько строк и состоятъ главным образом из существительных ч¼м окончательно способны “занозить” язык, напр.: ... “лохмотьями губ моихъ в пятнахъ чужих позолот

дымом волос над пожарами глаз из олова...”[4]
(В. Маяковскій)

“Небо — труп”!! не больше!
Зв¼зды — черви — пьяные туманом
Усмиряю боль ше-лестомъ обманом
Небо — смрадный труп!!
. . . .
Зв¼зды — черви — (гнойная живая) сыпь!![5]
(Д. Бурлюк)

часто стихом управляет первая ярко выраженная согласная: она окрашивает стих и дает повышеніе стиха, замедленіе, конец
напр.:

я жрец я разл¼нился
къ чему все строить из земли
в покои н¼ги удалился
лежу и гр¼юсь близ свиньи
на теплой глин¼
испарь свинины
и запах псины
лежу добр¼ю на аршины.
Какой-то в¼стник постучался...[6]
и т.д.

въ первых 8-и строчках управляющая буква р расположена так:

р, р
р
р
р
р, р

стихотвореніе началось двумя р и ими же заканчивается *художественное предложеніе* (а не грамматическое) поэтому посл¼ 8-ой строчки и поставлена точка, а не раньше.
у писателей до насъ инструментовка была совс¼м иная, напр. —

По небу полуночи ангел лет¼л
И тихую п¼сню онъ п¼л...[7]

Зд¼сь окраску дает безкровное пе... пе... Как картины писанныя киселем и молоком нас неудовлетворяют и стихи построенные на

па-па-па
пи-пи-пи
ти-ти-ти
и т.п.

Здоровый челов¼к такой пищей лишь разстроит желудок.

Мы дали образец иного звуко и слово сочетанія:

дыр бул щыл
уб¼щур
скум
вы со бу
р л эз[8]

(кстати в этом пятистишіи больше русскаго національнаго ч¼м во всей поэзіи Пушкина)

не безголосая томная сливочная тянучка поэзіи (пасьянс... пастила...) а грозная *баячь*:

Каждый молод молод молод
В живот¼ чертовскій голод
Такъ идите же за мной...
За моей спиной
Я бросаю гордый клич
Этот краткій спич!
Будемъ кушать камни травы
Сладость горечь и отравы
Будемъ лопать пустоту
Глубину и высоту,
Птиц, зв¼рей, чудовищ, рыб,
В¼тер, глины, соль и зыбь!..[9]
(Д. Бурлюк)

до насъ предъявлялись сл¼дующія требованія языку:
ясный, чистый, честный, звучный, пріятный (н¼жный) для слуха, выразительный (выпуклый, колоритный, сочный).
впадая в в¼чно игривый тонъ наших критиков можно их мн¼нія о язык¼ продолжить и мы зам¼тим, что вс¼ ихъ требованія (о ужас!) больше приложимы к женщин¼, как таковой, ч¼м к языку, как таковому.
в самом д¼л¼: ясная, чистая (о конечно!) честная, (гм! гм!) звучная пріятная, н¼жная (совершенно правильно!) наконец — сочная колоритная вы... (кто там? входите!)
правда в посл¼днее время женщину старались превратить в в¼чно-женственное, прекрасную даму[10], и таким образом *юбка* д¼лалась *мистической* (это не должно смущать непосвященных, — т¼м бол¼е!..) Мы же думаем, что язык долженъ быть прежде всего *языком* и если уж напоминать что-нибудь, то скор¼е всего пилу или отравленную стр¼лу дикаря.
из вышеизложеннаго видно что
до нас р¼четворцы слишком много разбирались в челов¼ческой "душ¼" (загадки духа, страстей и чувств), но плохо знали, что душу создают баячи, а такъ какъ мы, баячи будетляне, больше думали о слов¼, ч¼м об затасканной предшественниками "Психе¼", то она умерла в одиночеств¼ и теперь в нашей власти создать любую новую... захотим ли?
..!Н¼т!..

пусть уж лучше поживут словом как таковымъ а не собой.
так разр¼шаются (без цинизма) многіе роковые вопросы *отцов*, коим и посвящаю сл¼дующее стихотвореніе:

поскор¼е покончить
недостойный водевиль —
о конечно

этим никого не удивишь
жизнь *глупая шутка* и *сказка*
старые люди твердили...
нам не нужно указки
и мы не разбираемся в этой гнили

живописцы будетляне любят пользоваться частями т¼л, разр¼зами,
а будетляне р¼четворцы разрубленными словами, полусловами и их причудливыми хитрыми сочетаніями (заумный язык). этим достигается наибольшая выразительность. и этим именно отличается язык стремительной современности уничтожившей прежній застывший язык (см. подробн¼е об этом в моей стать¼ “Новые пути слова” в книг¼ “Трое”) Этот выразительный пріем чужд и непонятен выцв¼тшей литератур¼ до-нас, а равно и напудренным эго—пшютистам[11] (см. “Мезонин поэзіи”)

любят трудиться бездарности и ученики

(трудолюбивый медв¼дь Брюсов, 5 раз переписывавшій и полировавшій свои романы Толстой, Гоголь, Тургеневъ) это же относится и к читателю.
р¼четворцы должны бы писать на своих книгах:
прочитав — разорви! [12]

Хрюкает конь и учиться не хочет
(л¼нь обуяла ретивых)
конь улыбается в одиночку
впереди скорых и сильных
проб¼жав тмени метровъ
и вс¼х перегнав
изм¼ряет оком незам¼тно
плетущихся шагом
л¼нив¼й вс¼х быстрый
и судрый — глуп¼е
и храбрый под выстр¼лами
прячет уши в шею

в этомъ году открывается будетлянскій зерцог (театр)[13]
новыя зерцожныя слова[14]:
(составили В. Хл¼бников и А. Крученых)

обликм¼н, ликом¼н, ликарь = актер
особы = д¼йствующія лица
людняк = труппа
заст¼нчій = суфлер
д¼ймо, сно, зно = д¼йствіе актъ
д¼юга = драма
и т.п.

Настоящій год художественной жизни начался великол¼пно: вышло 6 будущелских книг[15], 29 сентября открылась выставка д¼ес несравненной Н. Гончаровой, предстоит открытіе выставки *несноснаго* М. Ларіонова, 6 октября вечер будетлян[16] и проч. и проч...

памятникъ

уткнувши голову в лохань
я думал: кто умрет прекрасн¼й?
не надо мн¼ цв¼точных бань
и потолк¼ зари чуть гаснущей

про вс¼х забудет челов¼чество
придя в будетлянскія страны
лишь мн¼ за мое молодечество
поставят памятник странный:

не будет видно головы
ни выраженія предсмертнаго блаженства
ни даже рук — увы! —
а лишь на полушаріях кол¼нца...[17]

Впервые: *Крученых А. Е., Хлебников В. В.* Слово как таковое. [М.: ЕУЫ, 1913]. Брошюра вышла в октябре 1913 г. Печатается по тексту первой публикации. Воспроизводится своеобразная («Бурлюк» и «Бурлюкъ»; «въ первых» и т.п.) орфография оригинала.

[1] Ср. в недатированном письме Крученых к А. А. Шемшурину 1910-х гг.: «Мгновенным написанием дается полнота [зачеркнуто: настоящего] определенного чувства. Иначе труд а не творчество много камней а нет целого пахнет по́том и Брюсовым. У В. Хлебникова “Смехачи”, “Бобэоби” и мн. др. написаны отразу и потому они так свежи. Достоевский рвал неудачно написанные романы и писал заново — достигалась цельность формы. Как писать, так и читать надо мгновенно!» (ОР РГБ. Ф. 339 (Шемшурин А. А.). Карт. 4. Ед. хр. 1. Л. 8).

[2] Отрывки из поэмы Хлебникова «Внучка Малуши».

[3] Напечатано в альманахе «Трое» (СПб., 1913).

[4] Из стихотворения «От усталости» (Дохлая луна. М., 1913).

[5] Из стихотворения «Мертвое небо», напечатанного в «Дохлой луне».

[6] Начало стихотворения Крученых (Союз молодежи. 1913. № 3).

[7] Начало стихотворения М. Ю. Лермонтова «Ангел».

[8] Стихотворение Крученых, опубликованное впервые в феврале 1913 г. в книге «Помада» (М., 1913).

[9] Напечатано в «Дохлой луне»; вольный перевод стихотворения А. Рембо «Fêtes de la faim».

[10] Полемика с символистами, в частности с А. А. Блоком («Стихи о Прекрасной Даме»; М., 1905); блоковский мотив возник под влиянием творчества Вл. С. Соловьева (ср. стихотв. «Das Ewig-Weibliche», 1898), заимствовавшего, в свою очередь, образ Вечноженственного из второй части «Фауста» Гёте.

[11] Выпад против московской группы эгофутуристов «Мезонин поэзии»; обыгрывается название сборника стихов члена группы В. Г. Шершеневича «Романтическая пудра» (СПб., 1913).

[12] Ср. характеристику Хлебникова в воспоминаниях М. Н. Бурлюк: «В руках всегда он держал какую-нибудь книгу и прочитанные страницы за ненадобностью и, чтобы было легче, отрывал. Эта манера была очень типичной для Хлебникова. Когда однажды он порвал очень дорогую книгу, на упрек Давида Давидовича Витя ответил: — Книга прочитана и... следовательно, не нужна более...» (*Бурлюк Д. Д.* Фрагменты из воспоминаний футуриста. СПб., 1994. С. 281; ср.: *Бурлюк Д. Д., Бурлюк М. Н.* Маяковский и его современники: Фрагменты из воспоминаний // Лит. обозр. 1993. № 6. С. 15).

[13] Учреждение «нового театра» «Будетлянин» было провозглашено 20 июля 1913 г. в манифесте Матюшина, Крученых и Малевича «Первый всероссийский съезд баячей будущего (поэтов-футуристов)» (За 7 дней. СПб., 1913. № 28 (122). 15 авг. С. 605–606; текст см.: *Малевич К.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1995. Т. 1. С. 23–24). Постановки трагедии Маяковского «Владимир Маяковский» и оперы «Победа над солнцем» Крученых, Матюшина и Малевича состоялись 2–5 декабря 1913 г. в петербургском театре «Луна-парк».

[14] Ср. письма Хлебникова к Крученых от 19 и 22 августа 1913 г., где тоже перечисляются «зерцожные слова» (*Хлебников В. В.* Собр. произв.: В 5 т. Л., 1933. Т. 5. С. 299–300).

[15] Имеются, вероятно, в виду: «Пощечина общественному вкусу», «Садок Судей II», «Союз молодежи. 1913. № 3», «Требник троих», «Дохлая луна» и «Трое».

[16] «Первый в России вечер речетворцев» состоялся 13 октября 1913 г. в Москве.

[17] Стихотворение значимо в силу своей принадлежности к жанру переложений и парафразов «Exegi monumentum» Горация. Отказываясь от традиционных представлений о поэтическом бессмертии, авторы отталкиваются, в первую очередь, от пушкинского «Я памятник себе воздвиг нерукотворный»; стихотворение сочетает в себе не только пародийный, но и поэтологически-мифопоэтический смысл (см.: *Schruba M.* Ein futuristisches *Exegi monumentum* // Textbeschreibungen, Systembeobachtungen: Neue Studien zur russischen Literatur des 20. Jahrhunderts / Hrsg. D. Kretzschmar, Ch. Veldhues. Dortmund, 1997. S. 215–227).

МЫ И ЗАПАД (ПЛАКАТ № 1)

Европу в ее творческих исканиях (достижений не было!) постиг кризис, внешне выразившийся в обращении к Востоку. **Не во власти Запада постижение Востока**, ибо первым утрачено представление о пределах искусства (смешаны вопросы философии и эстетики с методами воплощения в искусстве). **Европейское искусство архаично, и нового искусства в Европе нет и не может быть**, так как последнее строится **на космических** элементах. Все же искусство Запада **территориально**. Единственная страна, доселе не имеющая территориального искусства, есть **Россия**. Вся работа Запада направлена на **формальное обоснование** достижений старого искусства (старая эстетика). Все же попытки Запада в сторону построений новой эстетики, как априорные, а не апостериорные, **фатально-катастрофичны**: новая эстетика следует за новым искусством, а не наоборот. Признавая различие в ходе Западного и Восточного искусств (искусство Запада – воплощение геометрического мировосприятия, идущего от объекта к субъекту, искусство Востока – воплощение мировосприятия алгебраического, направляющегося от субъекта к объекту), мы утверждаем в качестве начал **общих** для живописи, поэзии и музыки: 1) произвольный спектр; 2) произвольную глубину; 3) самодовление темпов, как методов воплощения, и ритмов, как непреложных; и в качестве специальных **для живописи**: 1) отрицание построения по конусу, как тригонометрической перспективы; 2) диссонансы. **ГЕОРГИЙ ЯКУЛОВ. Для поэзии**: 1) непрерывность единичной словесной массы; 2) дифференциация масс разной степени разреженности: литоидных, флюидных и фосфеноидных; 3) преодоление акциденталистического подхода. **БЕНЕДИКТ ЛИВШИЦ. Для музыки**: 1) преодоление линиарности (архитектоники) путем внутренней перспективы (синтез-примитив); 2) субстанциональность элементов. **АРТУР ВИНЦЕНТ ЛУРЬЕ.**

Впервые напечатано в Петербурге в виде плаката (на русском, французском и итальянском языках); датировано 1 января 1914 г. Русская часть плаката воспроизведена в первом издании воспоминаний Лившица (*Лившиц Б. К.* Полутораглазый стрелец. Л., 1933. С. 203). Перепечатано в конце февраля 1914 г. в свитке «Грамоты и декларации рус. футуристов» (СПб.: Свирельга, 1914) и в «Воскресной вечерней газете» (СПб., 1914. 23 марта). Печатается по тексту свитка.

Манифест был послан Г. Аполлинеру, который опубликовал (не вполне исправный) французский перевод (Mercure de France. 1914. 16e avril. T. 108. P. 882–883), снабдив его короткими шутливыми замечаниями. В воспоминаниях Лившица описаны обстоятельства создания манифеста (*Лившиц Б. К.* Полутораглазый стрелец: Стихотв. Переводы. Восп. Л., 1989. С. 468–469; ср.: *Лурье А.* Наш марш // Новый журнал. 1969. Кн. 94. С. 141–142).

Н. И. Кульбин
ЧТО ЕСТЬ СЛОВО
(II-я декларация слова, как такового).

В слове – идея (первое лицо человека и вселенной – сознание).

Разгадка слова – в букве.

Буква – элемент слова, как такового.

Она – символ, содержащий идею слова (имя), фоническую форму и начертательную. Слово – имя * (наречение).

Тело слова – буква **.

Значение каждой буквы – своеобразное, непреложное.

Каждая буква уже – имя.

Словесность – творческое сочетание имен.

Словесное творчество – брачная борьба диссонирующих элементов слова, удовлетворяющая созвучным разрешением или дающая эстетическую неудовлетворенность.

Результат этого творчества – словесные ценности.

Словесность – совокупность словесных организмов ***, словесных неделимых.

Каждая согласная имеет цвет[4]:

р – красный **** (к*р*овь, д*р*ака, в*р*ажда, *р*ок); *ж* – желтая ***** (*ж*елание, во*ж*деление, *ж*а*ж*да); *с* – синяя; *з* – зеленая; *х* – серая; *г* – черно-желтая; *к* – черная.

Каждая гласная имеет свою музыкальную высоту ******.

Но не это существенно. Цвет существен в живописи, звук – в музыке.

В слове – словесные ценности. Важна с в о е о б р а з н о с т ь б у к в ы.

Каждая буква – нечто, непохожее на весь остальной мир.

Своеобразны и предметные буквы – согласные, и соединяющие или разделяющие их гласные. Гласные служат более или менее яркой и открытой средой для согласных. Они могут быть и самостоятельными буквами (см. I декларацию слова, как такового).

Содержание слова – творческое (эстетическое) именное переживание.

В так называемом внешнем мире материя – проявление пластики (воли), энергия – проявление музыки (чувства) и психика – проявление слова (сознания).

Слово как таковое не материально и неэ[не]ргетично.

Синтез его с музыкой дает фонетику слова (звук).

Синтез с живописью дает начертание слова.

Подобно этому и музыка, сочетаясь с пластикой, заимствует у нее начертание (живопись).

27 января 1914 года

Н. Кульбин

(Приложение к книге «Буква как таковая» Крученых – Кульбина[6]).

---

* Это положение выработано мною совместно с Осипом Мандельштамом[1].

** Это положение выработано мною совместно с А. Крученых: который говорит об осязательности[2] слова.

*** В книге К. Эрберга «Цель творчества»[3] есть ценная строка: Словесность – организация слов. Очень ценны мнения Д. Бурлюка об организации слова.

**** rath [т.е. rot], rouge.

***** jaune, gelb.

****** Гамма гласных Г. Елачича[5].

Впервые: Отдельное издание (листовка). СПб.: Тип. Т-ва «Свет», [1914]. Вышло в начале февраля 1914 г. Текст перепечатан с незначительными разночтениями в свитке «Грамоты и декларации рус. футуристов» (СПб.: Свирельга, [1914]). Печатается по тексту первой публикации, по экземпляру РГАЛИ (Ф. 1334. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 35, 36 об.) с пометами Крученых.

[1] Об участии Мандельштама в работе над концепцией «слова-имени» см.: *Мец А. Г.* Эпизод истории акмеизма // Пятые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и мат-лы для обсуждения. Рига, 1990. С. 128.

[2] В печатном тексте: «обязательности». Опечатка исправлена рукой Крученых (РГАЛИ. Ф. 1334. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 36 об.).

[3] *«Цель творчества»* — книга К. Эрберга «Цель творчества. Опыты по теории творчества и эстетике» (М., 1913).

[4] В символистской теории носителями цвета являются, напротив, гласные (см.: *Харджиев Н. И.* Поэзия и живопись (Ранний Маяковский) // К истории рус. авангарда. Stockholm, 1976. С. 52—53).

[5] См. таблицу Елачича «Тональности гласных» в сб. «Футуристы: Рыкающий Парнас» (СПб., 1914).

[6] Издание не состоялось. Ср. черновик декларативной статьи Хлебникова и Крученых с тем же заглавием (*Хлебников В. В.* Собр. произв.: В 5 т. Л., 1933. Т. 5. С. 248—249; разночтения см.: *Харджиев Н. И.* Указ. соч. С. 59).

ИДИТЕ К ЧОРТУ

Ваш год прошел со дня выпуска 1-х наших книг: «Пощечина», «Громокипящий кубок»[1], «Садок Судей» и др.

Появление Новых поэзий подействовало на еще ползающих старичков русской литературочки как беломраморный Пушкин, танцующий танго.

Коммерческие старики тупо угадали раньше одурачиваемой ими публики ценность нового и «по привычке» посмотрели на нас карманом.

К. Чуковский (тоже не дурак!) развозил по всем ярмарочным городам ходкий товар: имена Крученых, Бурлюков, Хлебникова...

Ф. Сологуб схватил шапку И. Северянина, чтобы прикрыть свой облысевший талантик.

Василий Брюсов привычно жевал страницами «Русской мысли» поэзию Маяковского и Лившица.

Брось, Вася, это тебе не пробка!..[2]

Не затем ли старички гладили нас по головке, чтобы из искр нашей вызывающей поэзии наскоро сшить себе электро-пояс для общения с музами?..

Эти субъекты дали повод табуну молодых людей, раньше без определенных занятий, наброситься на литературу и показать свое гримасничающее лицо: обсвистанный ветрами «Мезонин поэзии», «Петербургский глашатай» и др.

А рядом выползала свора адамов с пробором[3] — Гумилев, С. Маковский, С. Городецкий, Пяст[4], попробовавшая прицепить вывеску акмеизма и аполлонизма на потускневшие песни о тульских самоварах и игрушечных львах[5], а потом начала кружиться пестрым хороводом вокруг утвердившихся футуристов...

Сегодня мы выплевываем навязшее на наших зубах прошлое, заявляя:

1) <u>Все футуристы объединены только нашей группой</u>.

2) <u>Мы отбросили наши случайные клички эго и кубо и объединились в единую литературную компанию футуристов:</u>

Давид Бурлюк, Алексей Крученых, Бенедикт Лившиц, Владимир Маяковский, Игорь Северянин, Виктор Хлебников.

Впервые: Футуристы. Рыкающий Парнас. [СПб., 1914]. Вклеенный лист перед с. 1. Альманах вышел в начале февраля 1914 г. Печатается по тексту первой публикации.

Сразу после выхода в свет книга была конфискована — «в помещенных в сборнике рисунках Филонова и Д. Бурлюка цензура усмотрела нарушение благопристойности» (*Матюшин М. В.* Русские кубо-футуристы: Воспоминания // К истории русского авангарда. Stockholm, 1976. С. 155). Манифест неоднократно перепечатывался и комментировался — в воспоминаниях Крученых (*Крученых А. Е.* 15 лет рус. футуризма 1912–1927 гг.: Мат-лы и коммент. М., 1928. С. 15–16) и Лившица (*Лившиц Б. К.* Полутораглазый стрелец: Стихотв. Переводы. Восп. Л., 1989. С. 458–459), в собраниях сочинений Маяковского, в мюнхенском сборнике футуристических манифестов (Манифесты и программы рус. футуристов / [Ред. В. Ф. Марков]. München, 1967. С. 80–82). Ср. также черновик манифеста (*Крученых А. Е.* Указ. соч. С. 16–17; *Хлебников В. В.* Собр. произв.: В 5 т. Л., 1933. Т. 5. С. 249–250).

[1] Стихотворный сборник И. Северянина (М., 1913); вышел с предисл. Ф. К. Сологуба.

[2] «Василий — не опечатка, а озорство. <...> Пробка — тоже неспроста; это — намек на принадлежащий Валерию Яковлевичу, а может быть, и никогда не существовавший, пробковый завод» (*Лившиц Б. К.* Указ. соч. С. 459–460).

[3] Имеются в виду ⇨ Акмеисты (Адамисты).

[4] Ср. комментарий В. А. Пяста к данному пассажу: «...футуристы <...> мимоходом лягнули и поэтов, примыкавших к “Аполлону”, назвавши их, помнится, “Адамами в манишках”. Это прозвание было бы метким, если бы тут были перечислены не те имена: а то вот и автор этих строк попал в этот список футуристической листовки, а между тем он и не примыкал к “Аполлону”, и был слабоват насчет манишек, и никогда не претендовал на имя Адама» (*Пяст В.* Встречи. М., 1997. С. 104).

[5] *Тульские самовары* упоминаются в стихотв. С. М. Городецкого «Нищая» (1910); *львы* — намек на «африканскую» тему у Н. С. Гумилева.

Василиск Гнедов
ГЛАС О СОГЛАСЕ И ЗЛОГЛАСЕ

До сих пор плыли на звуках. Стихи и рифмы были звукоколышащимися (музыкальны). Тысячелетия накренились. Стихи уже изменены; но главным приемом для достижения гармонии остается (музыкальная) рифма. Настоящее заявление заполняет этот пробел и дает новую дорогу в поэзии на тысячи лет. Рифма — звуковой консонанс, кроме нее возможен предлагаемый мною консонанс понятий — рифма понятий. Также возможны и крайне необходимы диссонансы понятий, которые впоследствии станут главным строительным материалом. Пример: 1) Арабское *коромысло* Над озером *дугой...* (В. Гнедов). Коромысло — дуга: рифма понятий[1] (кривизна); сюда же — небо, радуга и т.д. 2) Вкусовые рифмы: хрен, горчица, молочай, те-же — рифмы горькие. 3) Обонятельные: — мышьяк — чеснок, шафран — иодоформ. 4) Осязательные — сталь, стекло и т.д. — рифмы шероховатости, гладкости и т.д. 5) Зрительные — как по характеру написания (начертания), так и по понятию: вода — зеркало — перламутр и проч. 6) Цветные рифмы — наиболее наглядные и тонко переплетаемые: с и з цветн. рифмы (свистящие) имеющие одинаковую основную окраску (желт. цвет) к и г (гортанные), ш и щ (шипящие) и т.д., и т.д. Диссонансы: коромысла — смысла, предм. веществ. и невеществ. рог и лог есть совпадение звуковой рифмы и понятий и т.д.

Впервые: Грамоты и декларации русских футуристов: [свиток]. СПб.: Свирельга, [1914]. Печатается по тексту первой публикации.

[1] Ср. запись в дневнике Ф. Ф. Фидлера от 18 января 1914 г.: «[Гнедов] сымпровизировал мне стих в альбом, в котором ‘коромысло’ и ‘дуга’ рифмуются: по значению.

Существуют, дескать, не только рифмы по звуку, но и по образу и по вкусу (напр., горчица и хрен)» (*Fiedler F.* Aus der Literatenwelt. Göttingen, 1996. S. 450).

В. В. Маяковский
КАПЛЯ ДЕГТЯ
«Речь которая будет произнесена при первом удобном случае»

Милостивые государи и милостивые государыни!

Этот год — год смертей: чуть не каждый день громкою скорбью рыдают газеты по ком-нибудь маститом до срока ушедшем в лучший мир. Каждый день тягучим плачем голосит петит над множеством имен вырезанных Марсом. Какие благородные и монашески строгие выходят сегодня газеты. В черных траурных платьях похоронных объявлений, с глазами блестящими кристальной слезой некролога. Вот почему было как-то особенно неприятно видеть что эта самая облагороженная горем пресса подняла такое непристойное веселье по поводу одной очень близкой мне смерти.

Когда запряженные цугом критики повезли по грязной дороге, дороге печатного слова гроб футуризма недели трубили газеты: «хо, хо, хо! так его! вези, вези! наконец то!» (Страшное волнение аудитории: «как умер? футуризм умер? да что вы?»)

Да умер.

Вот уже год вместо него огнесловогo, еле лавирующего между правдой, красотой и участком, на эстрадах аудиторий пресмыкаются скучнейшие когано-эйхенвальдообразые старики. Год уже в аудиториях скучнейшая логика, доказывание каких-то воробьиных истин вместо веселого звона графинов по пустым головам.

Господа! Да неужели вам не жалко этого взбалмошного в рыжих вихрах детины немного неумного, немного некультурного, но всегда, о! всегда смелого и горящего. Впрочем как вам понять молодость? Молодые, которым мы дороги еще не скоро вернутся с поля брани; вы же, оставшиеся здесь для спокойного занятия в газетах и прочих конторах; вы — или неспособные носить оружие рахитики или старые мешки набитые морщинами и сединами дело которых думать о наиболее безмятежном переходе в другой мир, а не о судьбах русского искусства.

А знаете я и сам не очень-то жалею покойника, правда из других соображений.

Оживите в памяти первый гала-выход российского футуризма ознаменованный такой звонкой «пощечиной общественному вкусу». Из этой лихой свалки особенно запомнились три удара под тремя криками нашего манифеста.

1) Смять мороженницу всяческих канонов делающую лед из вдохновения.

2) Сломать старый язык бессильный догнать скачь жизни.

3) Сбросить старых великих с парохода современности.

Как видите ни одного здания ни одного благоустроенного угла, разрушение, анархизм. Над этим смеялись обыватели как над чудачеством сумасшедших, а это оказалось «дьявольской интуицией» воплощенной в бурном сегодня. Война расширяя границы государств и мозг заставляет врываться в границы вчера неведомого.

Художник! тебе ли тоненькой сеточкой контуров поймать несущуюся кавалерию. Репин! Самокиш! Уберите ведра — краску расплещет.

Поэт! не сажай в качалку ямбов и хореев мощный бой — всю качалку разворотит!

Изламыванье слов, словоновшество! Сколько их новых во главе с Петроградом, а кондуктрисса! умрите Северянин! Футуристам ли кричать о забвении старой литературы. Кто за казачьим гиком расслышит трель мандолиниста Брюсова. Сегодня все футуристы. Народ футурист.

Футуризм мертвой хваткой ВЗЯЛ Россию.

Не видя футуризма перед собой и не умея заглянуть в себя, вы закричали о смерти. Да! футуризм умер как особенная группа, но во всех вас он разлит наводнением.

Но раз футуризм умер как идея избранных, он нам не нужен. Первую часть нашей программы разрушения мы считаем завершенной. Вот почему не удивляйтесь, если сегодня в наших руках увидите вместо погремушки шута чертеж зодчего и голос футуризма вчера еще мягкий от сентиментальной мечтательности сегодня выльется в медь проповеди.

Впервые: Взял. Барабан футуристов. [Пг.; б.и.], 1915. С. 2. Печатается по тексту первой публикации.

«ЛИРЕНЬ»

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О «ЛЕТОРЕЕ»

Видение слова преследует человечество со времен первобытных. В слове человек узнает самого себя.

Слышимый мир огромнее мира видимого, так как в нем есть кроме названий — имен мира видимого — звания мыслей, воплощаемых без пространственной помощи. Ряды душевных движений, вызывающих к жизни слово, превращаются в хотенье творца, вызывающее к жизни строку и стих. Но слово всегда позади человека. Больнее же всего кинутые в спину: речи, слухи, брань. Язык без костей; он гибок и силен и бросает слова далеко. Все дело в оснастке слова; уснастить его можно по-разному: умом, либо красотой, либо жизнью.

Ум вливает в слово яд, красота дает ему полет, а жизнь лишь в том сочетании звуков, что остаются у людей, многовечно открываясь внезапно созвучиями корней в языках разных рас. Ядовитое слово ранит и умирает, лётное — облетает легко город, страну, мир, задевая крылами множества губ, перекликая многоповторенным эхом, но *живое* — живет, не будя повторенным, быть может, ни разу долгое время — как в дереве огонь. К такому слову устремлены дыхания всех существ, и — кто знает — не обгонят ли в этом человека — камни, потому что немота человека охватывает все чаще и все на большие промежутки веков.

Но такое слово жжется больнее, чем раскаленная медь. Рынок, взявший огромную кису остывших, истертых слов, доволен их службой обменной монеты. Он принимает за злобную шутку горячие деньги. Он студит их, затаптывая каблуками в грязный снег.

И если весной находят новенькие блестящие денежки — они уже холодны и радуют своей позволительностью к ним прикоснуться. О, несчастные классики, купившие нищенство за ласку рынка! И старость!

Не хлеб и рыбы — камни и змей несите на рынок... Еще и еще раз утверждайте единственную ответственность творчества — правило новаторства. Но не технического ...изма, а признания за каждым пишущим своего не боящегося хотенья поражающего ходячий смысл. Родится ли слово жизни в душе избранника — это все равно неизвестно будет толпе. Красота и ядовитость — только сподручники. Их может и не быть. Слово у современного человечества может явиться только в стихе. А стих не является размерной однообразной качкой купэ первого класса, как думали доселе. Он без костей размера! Он без третьего блюда рифмы! Он только сочетание звуков, ведомых проснувшейся волей. Боевое слово является в нем, внезапно поражая чувство и ум. Напряженная душевною силою речь!

Поэтому для нас необязательны ни ранее существовавшее правило о содержании творимого, ни ныне вошедшее в силу учение о форме слова и слога. Поток звуков может образовать мысли, НО ОНИ НИКОГДА НЕ БУДУТ УПРАВЛЯТЬ ИМ. Стих может быть размерен и созвучен, НО РАЗМЕР И СОЗВУЧИЕ НЕ МОГУТ БЫТЬ ПРИЗНАКАМИ СТИХА.

Дикое слово ведется нами из душевных дремлин.

Может быть, оно умрет, не вынесши неволи. Но, может быть, дойдет и, разъяренное, перервет горла домашним псам, ревниво охраняющим за корм и угол лавчонки рынка.

Лирень

Впервые: *Асеев Н. Н., Петников Г. Н.* Леторей: Книга стихов. М.; [Харьков]: Лирень, 1915. С. 3–4. Печатается по тексту первой публикации.

[ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА «СЛОВОВЕД»]

«Слововед»

Вестник художественной речи, издаваемый кн-вом «Лирень»

1. Движение и развитие речи: a) разговорная речь: московская, северная, югозападная, наречия, говор, жаргон. b) КНИЖНАЯ РЕЧЬ: словосеченье, словообраз, силослов. 2. Реклама новаторов: a) прения; b) обзоры и руководства; c) ЖИВАЯ РЕЧЬ: выступления, материалы (звук, слово, сказ, стих). 3. Перечни живокниг, списки и сведения по книгоделию.

Участвуют: **Н. Асеев, Давид Бурлюк, Н. Бурлюк, М. В. Матюшин, Владимир Маяковский, Гр. Петников, Велемир Хлебников, П. А. Флоренский** и другие.

(1-я книга журнала выходит в Сентябре 1915 года)

Впервые: *Асеев Н. Н., Петников Г. Н.* Леторей: Книга стихов. М.; [Харьков]: Лирень, 1915. С. 32. Печатается по тексту первой публикации.

В. Хлебников
ТРУБА МАРСИАН

Люди!

Мозг людей и доныне скачет на 3 ногах (3 оси места)! Мы приклеиваем, возделывая мозг человечества, как пахари, этому щенку 4-ю ногу, именно *ОСЬ ВРЕМЕНИ*.

Хромой щенок! Ты больше не будешь истязать слух нам своим скверным лаем.

Люди прошлого не умнее себя, полагая, что паруса государства можно строить лишь для осей пространства.

Мы, одетые в плащ только побед, приступаем к постройке молодого союза с парусом около оси *ВРЕМЕНИ*, предупреждая заранее, что наш размер больше Хеопса, а задача храбра, величественна и сурова.

Мы суровые плотники снова бросаем себя и наши имена в клокочущие котлы прекрасных задач.

Мы верим в себя и с негодованием отталкиваем порочный шопот людей прошлого, мечтающих уклюнуть нас в пяту. Ведь мы бо*сы*. (Ошибка в согласной[1]). Но мы прекрасны *в неуклонной измене своему прошлому*, едва только оно вступило в возраст победы и в неуклонном бешенстве заноса очередного молота над земным шаром, уже начинающим дрожать от нашего топота.

Черные паруса времени шумите!

Виктор Хлебников, Мария Синякова, Божидар,
Григорий Петников, Николай Асеев.

«ПУСТЬ МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ РАСКОЛЕТСЯ НА МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ И МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ ПРИОБРЕТАТЕЛЕЙ».

— ВОТ СЛОВА НОВОЙ СВЯЩЕННОЙ ВРАЖДЫ. —

Наши вопросы в пустое пространство, где еще не было человека — их мы будем властно выжигать и на лбу Млечного Пути, и на круглом божестве купцов — вопросы, как освободить крылатый двигатель от жирной гусеницы товарного поезда старших возрастов. ПУСТЬ ВОЗРАСТЫ РАЗДЕЛЯТСЯ И ЖИВУТ ОТДЕЛЬНО! Мы вскрыли печати на поезде за нашим паровозом дерзости, — там ничего нет, кроме могил юношей.

Нас семеро[2]. Мы хотим меча из чистого железа юношей.

Им, утонувшим в законы семей и законы торга, им, у которых одна речь: — «ем», не понять нас, не думающих ни о том, ни о другом, ни о третьем.

Право мировых союзов по возрасту. Развод возрастов, право отдельного бытия и делания. Право на все особо до Млечного Пути. Прочь шумы возрастов! Да властвуют звон прерывных времен, белые и черные дощечки и кисть судьбы. Пусть те, кто ближе к смерти, чем к рождению, сдадутся! падут на лопатки в борьбе времен под нашим натиском дикарей. А мы — мы, исследовав почву материка времени, нашли, что она плодородна. Но цепкие руки *ОТТУДА* схватили нас и мешают нам свершить прекрасную измену пространству. Разве было что пьянее этой измены? Вы! чем ответить на опасность родиться мужчиной, как не *ПОХИЩЕНИЕМ ВРЕМЕНИ*? Мы зовем в страну, где говорят деревья, где научные союзы, похожие на волны, где весенние войска любви, ГДЕ ВРЕМЯ ЦВЕТЕТ КАК ЧЕРЕМУХА и двигает как поршень, где зачеловек в переднике плотника пилит времена на доски и как токарь обращается с своим завтра. (О, уравнения поцелуев — вы! О луч смерти, убитый лучом смерти, поставленным на пол волны). Мы идем туда, юноши, и вдруг кто-то мертвый, кто-то костлявый хватает нас и мешает нам вылинять из перьев дурацкого сегодня. Разве это хорошо?

Государство молодежи, ставь крылатые паруса времени; перед тобой второе похищение пламени приобретателей.

Смелее! Прочь костлявые руки — вчера — перед ударом Балашова * пусть будут искромсаны ужасные зрачки. Это — новый удар в глаза грубо пространственного люда. Что больше: «при» или «из»? Приобретатели всегда стадами крались за изобретателями, теперь изобретатели отгоняют от себя лай приобретателей, стаями кравшихся за одиноким изобретателем.

Вся промышленность современного земного шара с точки зрения самих приобретателей есть «кража» — (язык и нравы приобретателей) у первого изобретателя — Гаусса. Он создал учение о молнии. А у него при жизни не было и 150 рублей в год на его ученые работы. Памятниками и хвалебными статьями *ВЫ* стараетесь освятить радость совершенной кражи и умерить урчание совести, подозрительно находящейся в вашем червеобразном отростке. Якобы ваше знамя — Пушкин и Лермонтов были вами некогда прикончены как бешеные собаки за городом, в поле! Лобачевский отсылался *вами* в приходские учителя. Монгольфьер был в желтом доме. А мы? Боевой отряд изобретателей?

Вот ваши подвиги! ими можно исписать толстые книги!

Вот почему изобретатели в полном сознании своей особой породы, других нравов и особого посольства отделяются от приобретателей в независимое государство ВРЕМЕНИ (лишенное пространства) и ставят между собой и *ими* железные прутья. Будущее решит, кто очутился в зверинце, изобретатели или приобретатели? И кто будет грызть кочергу зубами.

В. Хлебников

Приказы:

I. *СЛАВНЫЕ УЧАСТНИКИ БУДЕТЛЯНСКИХ ИЗДАНИЙ ПЕРЕВОДЯТСЯ ИЗ РАЗРЯДА ЛЮДЕЙ В РАЗРЯД* МАРСИАН.

Подписано: *КОРОЛЬ ВРЕМЕНИ ВЕЛЕМИР 1-ЫЙ.*

---

* Порезавшего картину Репина[3].

II. *ПРИГЛАШАЮТСЯ С ПРАВОМ СОВЕЩАТЕЛЬНОГО ГОЛОСА, НА ПРАВАХ ГОСТЕЙ В ДУМУ МАРСИАН*:

УЭЛЛЬС и МАРИНЕТТИ.

ПРЕДМЕТЫ ОБСУЖДЕНИЯ:

«УЛЛЯ, УЛЛЯ», МАРСИАНЕ![4]

1) КАК ОСВОБОДИТЬСЯ ОТ ЗАСИЛЬЯ ЛЮДЕЙ ПРОШЛОГО, сохраняющих еще тень силы в мире пространства, не пачкаясь о их жизнь (мыло словотворчества), предоставив им утопать в заработанной ими судьбе злобных мокриц. Мы осуждены завоевать МЕРОЙ И ВРЕМЕНЕМ наши права на свободу от грязных обычаев людей прежних столетий.

2) Как освободить быстрый паровоз младших возрастов от прицепившегося непрошенным и дерзким образом товарного поезда старших возрастов?

Старшие! Вы задерживаете бег человечества и мешаете клокочущему паровозу юности взять лежащую на ЕЕ пути гору. Мы сорвали печати и убедились, что груз — могильные плиты для юности.

Под видом груза, прицепленного к нашей свистящей надменно грёзе, заячьим способом провозится грязь донебесных людей!

Впервые: *Хлебников В.* Труба Марсиан. М.; [Харьков]: Лирень, 110 день кальпы, [1916]. Издано в виде свитка. Печатается по тексту первой публикации.

Несмотря на то что часть манифеста подписана членами «Лирени», текст создан одним Хлебниковым, что явствует из его автобиографической заметки 1920 г. (см.: *Хлебников В. В.* Творения. М., 1986. С. 643). *Кальпа* — в индуистской мифологии мировой цикл, «день-и-ночь» Брахмы. В буддистской мифологии монгольских народов — «вселенная в её временном измерении» (Мифы народов мира. М., 1987. Т. 1. С. 618).

[1] Предыдущую фразу следует читать «Ведь мы боги». По свидетельству Петникова, первоначальный текст не был дозволен военной цензурой (см.: От редакции // Хлебников В. В. Неизданные произв. М., 1940. С. 17).

[2] Условное «каноническое» число членов группы «Гилея». См. стихотворение Хлебникова «Семеро» (*Хлебников В.* Творения. М., 1986. С. 80—82).

[3] Душевнобольной А. А. Балашов в январе 1913 г. изрезал ножом картину И. Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван».

[4] Восклицания марсиан из романа Г. Уэллса «Война миров» (1897).

«МЕЗОНИН ПОЭЗИИ»

М. Россиянский
ПЕРЧАТКА КУБОФУТУРИСТАМ

a) Основным положением группы футуристов, выступившей с «Пощечиной общественному вкусу» и с другими изданиями, является следующее: «слово самоценно, поэзия есть искусство сочетания слов, подобно тому, как музыка звуков». Исходя из этого совершенно правильного основоположения, кубофутуристы приходят тем не менее к абсурду. Это происходит благодаря их непониманию того, чтó есть слово.

b) Слово не есть только сочетание звуков. Каждое слово, имея свой особый корень, свой особый смысл, свою собственную историю, возбуждает в человеческом уме множество неуловимых, но для всех людей совершенно одинаковых ассоциаций. Эти ассоциации придают слову индивидуальность. Можно сказать, что каждое слово имеет свой особый запах. Поэтическое произведение есть сочетание не столько слов-звуков, сколько слов-запахов. Слово «между» отличается от слова «меж» не смыслом (смысл у них совершенно одинаковый), и не столько звуком, сколько чем-то неопределенным, чем и должен пользоваться поэт.

c) Кубофутуристов, сочиняющих «стихотворения» на «собственном языке, слова которого не имеют определенного значения», как, напр.,

Дыр бул щыл
уб¼щур
скум
вы со бу
р л эз —

можно уподобить тому музыканту, который, вскричав: «истинная музыка есть сочетание звуков: да здравствует самовитый звук!» для подтверждения своей теории стал бы играть на немой клавиатуре. Кубофутуристы творят не сочетания слов, но сочетание звуков, потому что их неологизмы не слова, а только один элемент слова. Кубофутуристы, выступающие в защиту «слова как такового», в действительности прогоняют его из поэзии, превращая тем самым поэзию в ничто.

d) Непонимание сущности слова, как поэтического материала, приводит кубофутуристов ко всяким нелепостям. Такой нелепостью является пункт 3-ий «Декларации слова, как такового»: «переводить с одного языка нельзя, можно лишь написать стихотворение латинскими буквами и дать подстрочник». Это требование есть опять-таки один из путей к полному уничтожению слова. Не ясно ли, что русское слово, написанное латинскими буквами и тем самым переведенное на все европейские языки, для немца, француза и т.д., уже не есть слово, а только сочетание звуков, не вызывающее тех ассоциаций, на которые рассчитывает поэт. (Любопытно, между прочим, какой подстрочник дадут кубофутуристы к немецко-французско-итальянскому переводу вышецитированного стихотворения).

e) Полное уничтожение содержания (сюжета) не есть, как полагают кубофутуристы, приобретение новых полей в искусстве, но, наоборот, суживание его поля. Абсолют, лирическая сила, раскрывающийся в словесных (могущих быть бессюжетными) сочетаниях, бросает свой отблеск на те предметы, мысли и чувства, о которых говорится в этих сочетаниях. Летний сад в Петербурге приобретает особую прелесть и физиономию после упоминания о нем в «Евгении Онегине». Поэзия есть не только выявление Абсолюта декоративным методом творчества, но познание вещей, выявление Абсолюта во внешнем.

f) Рассмотрев, без всякого предвзятого мнения и без насмешек, которыми толстая и тонкая публика маскирует свое равнодушие к судьбам искусства, теоретические рассуждения и поэтические творения кубофутуристов, мы приходим к выводу, что как те, так и другие, основываясь на поверхо-скользном отношении к основному элементу поэзии — к слову, — уничтожают самое поэзию и не только не открывают новых дорог, но закрывают старые заставами своего недомыслия. Бросая кубофутуристам перчатку, мы не можем не пожалеть, что наши противники не знают элементарной логики, плохо разбираются в том, чтó есть сущность поэтического материала, и что, собираясь «сбросить с парохода современности» тех, кто до сих пор были его рулевыми, они еще не умеют узнавать путь по звездам и не постигают устройства и цели простейшего из всех приборов мореплавания — компаса.

Впервые: Вернисcаж. Вып 1. М.: Мезонин поэзии, 1913. [Без паг.]. Печатается по тексту первой публикации.

В. Г. Шершеневич
ДЕКЛАРАЦИЯ О ФУТУРИСТИЧЕСКОМ ТЕАТРЕ

Эй, мои великолепные друзья, футуристы Константин Большаков и Георгий Якулов!

Вы знаете лучше меня, что двадцатый век прежде всего отличный памятник старому театральному искусству. Сегодняшний театр не удовлетворяет никого. Его смертель-

ная болезнь ясна не только нам, но и всем, кто хоть сколько-нибудь способен понимать искусство. Даже совсем глухие заговорили о кризисе театра. Но мы будем прежде всего откровенны: не о кризисе говорить, а о смерти кричать.

Кому же как не нам радоваться у изголовья умирающего опекуна?

Близорукцы говорят, что кинемо заменит театр; но это ложь, мои друзья, мои сополетчики, это гнусная ложь.

Кинемо в сегодняшнем виде — одно из позорнейших явлений наших дней. Кинемо обращен в котел, переваривающий настроение толстых дам, еле втискивающих свою жирную улыбку в кресла. Кинемо — это дешевый дом свиданий, и за это ему почет от публики. Кинемо уже весь традиционен. Вместо того, чтобы оглушать нас, наш мозг мощной силой, спортизмом, динамикой улиц, веселым, животным, т.е. единственно благородным, смехом, оглушать при помощи возможности перемен, энергичной быстротой, вседостижением, — кинемо обращен в наглядное обучение адюльтеру, под одеялом темноты. Пошлые мелодрамы, более скучные, чем греческие трагедии, заученные растрепанные движения, нудные инсценировки русской и иностранной классической пошлятины от Тургенева до Уайльда, разметанные волосы, вскинутые руки, однообразные приемы фарсового простака, мертвь горных вершин — вот душа современного кинема.

Крикнем же ему наше презрение! Твой жасминовый тенор, К. Большаков, под руку с твоим громоздким басом, подобным ворчанию локомотива, Георгий Якулов, будут великолепным оркестром, аккомпанирующим барабанному бою слов.

Этим воплем мы перекричим заодно и те жалкие похвалы, которые посылаются готентотами нашим театрам. Выразим со всей убедительностью наших горловых связок и гортанной логики презрение антихудожественному театру, поседевшему вместе со Станиславским. Сознаемся, что, к счастью, недоношенный Свободный[1] удовлетворяет нас только как средство от бессонницы. О не будем унижать себя бранью по адресу Незлобинского, Малого, Коршевского[2]!

Воистину: роскошный парад старичков, несущих подобно улиткам свои домики-могилы. Старички, захлебнувшиеся в мутных каналах традиций! Вам наше проклятие, театры! Но не лучше и золотая молодежь, воспитываемая Евреиновым, Мейерхольдом и пр. Все эти стилизаторы ужасно напоминают крыс: головой они зарылись в бумагу прошлых веков, а хвостик торчит, и на него глупцы навязывают деньги и сердца, еще более засаленные, чем кредитки.

И вот после отлично проведенной ночи, когда один из нас спал в галлерее Станиславского, смотря на интимное заигрывание с господином Шекспиром, другой дремал в Малом, обливаемый настойкой на дешевой реторике, лоскутьях быта и психологических отбросах, гарнированных трагическим шопотом актеров, а третий благополучно бежал от Незлобинской няни, ковыляющей то к Станиславскому, то к казенцам, — я понял наконец, в чем вся ошибка театрального искусства, и для того, чтобы заткнуть рот кинемам, слишком похотливо потирающим свои наследнические руки, я решился крикнуть эти гоночные слова: театр умер — да здравствует театр! Для того, чтобы создать театр, надо прежде всего создать театральное искусство. Императивно: каждое искусство вполне самостоятельно и не может зависеть от других искусств.

А между тем, и вы это отлично знаете, наше псевдоискусство театра всегда фундаментировалось на других искусствах. Каждое театральное представление — это самая бессовестная мешанина музыки, живописи, пластики и отвратительной словесности, ужасно напоминающей отрыжку объевшегося психологией. Каждое представление — это противоестественный сплав руки художника, уха музыканта, дырявой бочки Данаид автора, и над всем Сухаревой Башней возвышается приказательная поза и тон режиссера. Позорное зрелище!

Бедный актер, главным достоинством которого является безрассудительное повиновение! Будь совершенным дураком, но слушайся! Драматург вложит в твои губы риторически размахивающие фразы, художник нарядит тебя в костюм, оградит сце-

ну, чтобы ты не убежал, красочной анемией, музыкант размерит твои движения, а режиссер неуклонно заставит тебя быть обезьяной своих желаний выдвинуться. Актер в современном театре — солдат, отлично вымуштрованный, но лишенный своего основного достоинства: возможности геройствовать на войне.

Необходимо создать настоящее театральное искусство, а для каждого искусства необходим свой материал. Этим материалом для театра является движение, подобно тому, как литература оперирует со словом, музыка со звуком, скульптура с рельефом и т.д. Каждому смешно, если художник пишет картину на литературную тему, если скульптор раскрашивает свой мрамор: такое смешение искусств антихудожественно и убивает искусство. Протестуйте же против смешения искусств в театре! До сих пор театр являлся только местом инсценировки, создадим же подлинный театр!

— Мимодрама! — кричат мне в одно ухо.

— Валет! Хореография! Босоножье! — вопят другие.

К черту, глупцы, — ни то, ни другое. Наше театральное искусство будет кричащим, звучащим; в нем не будет отвратительных ужимок гречанки, вставшей из гроба и назвавшейся Дункан; в нем не будет геометрической размеренности музыкальной иллюстрации, которая вызвала бурю дешевых восторгов за границей по адресу нашего балета. Мы создаем впервые новое театральное искусство, самостоятельное, динамическое и многосильное.

Надо брать движение, как самоценность, и при помощи его можно выразить все буквально. Допускается любая аллегоричность, любая путаница, — это заставит сильнее работать головы зрителей. Широко открывая наши души, мы кричим наш первый императив: Долой в театре слово! Да! Долой слово, этот вульгарный способ воздействовать на корзину, набитую ненужными бумагами, т.е. на зрительный зал. Долой слово, связь театра с литературой! Мы отнимаем у актера слово, эту тросточку эквилибриста, пусть он ходит без нее. Мы освобождаем театральное искусство от литературы, чтобы оно не зависело от биржевых пертурбаций литературы. Пусть актер говорит, кричит, поет любые нечленораздельные восклицания, но долой смысловую речь! Действовать на публику при помощи слова так же скверно для актера, как для художника передавать рельеф на картине при помощи толщины красок.

Мы хотим уничтожить возможность писать пьесы. Роль автора сводится только к даванию темы в самой краткопримитивной форме: Битва, Поезд, Город, Убийство плюс ревность и т.д. Все остальное разработает сам актер.

Уничтожая театр-экран для литературы, мы уверены, что существует много рек, через которые надо устроить отличные мосты из трупов режиссеров. Недурно также бросить в эти сверкающие под солнцем печи все декорации. Какая тоска сочится из этих стен, способных стоять недвижно часами. Довольно, достаточно электрического водопада, чтобы окрасить сцену на пару минут в любой цвет.

Уничтожая всякую предусмотрительность, предусмотренность, направляющую известность театрального представления, мы даем широкий простор интуитивной импровизации актера, сведенной сегодня на нет. Актер каждый день будет играть поновому, а сегодня он только пудель, подающий скучным мозгам публики, в своих зубах, хлыстик писательской белиберды с монограммой логики и быта, с психологическими вензелями.

О, разгорается полная свобода актера! Он не знает, что будет сегодня изображать, так как анонсов и афиш нет. Актер приходит в театр и только тут узнает тему импровизации. Этим мы уничтожим возможность домашней подготовки. Мы не допустим двух одинаковых изображений, так как число участников каждого спектакля произвольно, и возгласы из публики дополнят суматоху. Нужно дьявольское напряжение, чтобы довести пьесу до конца.

Все можно выявить при помощи движения, этого самовитого материала театрального искусства! Но надо прежде всего освободить театр от шаткого фундамента зависимости! Только самостоятельное искусство может развиваться.

Во имя этого нового, свободного театрального искусства мы будем протестовать и бороться против:

– Писанных пьес, заранее готовящих смертоносный самум скуки.

– Воздействия на публику при помощи смыслового Слова, таящего в своем брюхе голую мысль. К чему это воздействие? Неужели публика настолько глупа, что не может одолеть читаемое?

– Режиссеров и театральных школ, обучающих актера тривиальным нелепостям, делающих из актера клавиши сцены, при помощи которых разыгрывается карьера драматурга и режиссера.

– Стилизаторских тенденций современных книжников, Станиславского, Евреинова, Мейерхольда и пр.

– Вырезывания кусков быта русского и заграничного и наклеивания этих лоскутков на сцену, что делают все наши театры.

– Декораций, застывающих мертвецами за спиной актера.

– Выдержанности тона, несовременности, историцизма, игры на психологический эффект, всех условностей театра.

– Длинных пьес, тянущихся часами.

– Всего того, что связано с сегодняшним театром.

Вместо этого мы требуем:

– Наибольшего выявления современности при помощи одного движения. Все может быть сказано движением, подкрепленным криком, который может рассматриваться так же, как движение.

– Бешеной импровизации, уничтожающей всякие каналы тоскливого известного.

(Интуитивная импровизация превратит актера из передаточного пункта в созидателя).

– Признания, что единственным режиссером является случайный каприз, прихоть актера.

– Чтобы в вечер давалось масса пьес-обрывков; это гарантирует антисон.

– Чтобы всякая декорация была не материальна, а светова и менялась как можно чаще.

– Полного освобождения театра от посторонних искусств, самого пышного применения технических изобретений.

– Самого высшего выявления динамики, уничтожающей статические паузы и интервалы.

О, мои друзья футуристы! Только теперь театр может стать искусством, догнать свой век и приобрести свое неотъемлемое право: вызвать динамический взрыв в психике зрителя. Вот мы, молодые, сильные, смелые, талантливые, бросаем бедным актерам, раздавленным телами режиссеров, этот вскрик призывный, подобный пушечному залпу. И если они не смогут поднять наш крик и разбросать его по зрительному залу лопатами своих жестов, – мы будем убеждены, что они не актеры, а лакеи, что мы знаем лучше всех болезнь театра. И мы не можем не верить, что скоро флаг нашего искусства заплещет оплеухами на тех зданиях, что служат сегодня мертвецкой для иллюстраций!..

Впервые: Новь. 1914. 26 апреля. Перепечатано в кн.: *Шершеневич В. Г.* Зеленая улица. М., 1916. С. 54–61. Печатается по тексту книжной публикации.

[1] Имеется в виду экспериментальный московский Свободный театр, основанный в 1913 г. К. А. Марджановым и просуществовавший один сезон (с осени 1913 г. по весну 1914 г.).

[2] Незлобинский театр, основанный антрепренером К. Н. Незлобиным, существовал в 1909–1922 гг. в Москве; считалось, что своим репертуаром он обслуживает обы-

вательские вкусы. Театр Корша (Русский драматический театр), крупнейший частный театр в России, основанный Ф. А. Коршем, существовал в 1882–1932 гг. в Москве; его репертуар состоял в значительной части из легких пьес развлекательного типа.

СИМВОЛИСТЫ

Д. С. Мережковский
О ПРИЧИНАХ УПАДКА И О НОВЫХ ТЕЧЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

<...> В эпоху наивной теологии и догматической метафизики область *Непознаваемого* постоянно смешивалась с областью *непознанного.* Люди не умели их разграничить и не понимали всей глубины и безнадежности своего незнания. Мистическое чувство вторгалось в пределы точных опытных исследований и разрушало их. С другой стороны, грубый материализм догматических форм порабощал религиозное чувство.

Новейшая теория познания воздвигла несокрушимую плотину, которая навеки отделила твердую землю, доступную людям, от безграничного и темного океана[1], лежащего за пределами нашего познания. И волны этого океана уже более не могут вторгаться в обитаемую землю, в область точной науки. Фундамент, первые гранитные глыбы циклопической постройки, – великой теории познания XIX века, – заложил Кант. С тех пор работа над ней идет непрерывно, плотина воздвигается все выше и выше.

Никогда еще пограничная черта науки и веры не была такой резкой и неумолимой, никогда еще глаза людей не испытывали такого невыносимого контраста тени и света. Между тем как по сю сторону явлений твердая почва науки залита ярким светом, область, лежащая по ту сторону плотины, по выражению Карлейля, – «глубина священного незнания», ночь, из которой мы все вышли и в которую должны неминуемо вернуться, более непроницаема, чем когда-либо. В прежние времена метафизика набрасывала на нее свой блестящий и туманный покров. Первобытная легенда хотя немного освещала эту бездну своим тусклым, но утешительным светом.

Теперь последний догматический покров навеки сорван, последний мистический дух потухает. И вот современные люди стоят, беззащитные, – лицом к лицу с несказанным мраком, на пограничной черте света и тени, и уже более ничто не ограждает их сердца от страшного холода, веющего из бездны.

Куда бы мы ни уходили, как бы мы ни прятались за плотину научной критики, всем существом мы чувствуем близость тайны, близость океана. Никаких преград! Мы свободны и одиноки!.. С этим ужасом не может сравниться никакой порабощенный мистицизм прошлых веков. Никогда еще люди так не чувствовали сердцем необходимости верить и так не понимали разумом невозможности верить. В этом болезненном неразрешимом диссонансе, этом трагическом противоречии так же, как и в небывалой умственной свободе, в смелости отрицания, заключается наиболее характерная черта мистической потребности XIX века.

Наше время должно определить двумя противоположными чертами – это время самого крайнего *материализма* и вместе с тем самых страстных *идеальных* порывов духа. Мы присутствуем при великой, многозначительной борьбе двух взглядов на жизнь, двух диаметрально противоположных миросозерцаний. Последние требования религиозного чувства сталкиваются с последними выводами опытных знаний.

Умственная борьба, наполняющая XIX век, не могла не отразиться на современной литературе.

Преобладающий вкус толпы – до сих пор реалистический. Художественный материализм соответствует научному и нравственному материализму. Пошлая сторона отрицания, отсутствие высшей идеальной культуры, цивилизованное варварство среди грандиозных изобретений техники – все это наложило своеобразную печать на отношение современной толпы к искусству.

Э. Золя сказал следующие, весьма характерные слова о молодых поэтах Франции, так называемых *символистах*, некоему m. Huret[2] – газетному интервьювисту, написавшему книгу «L'enquête sur l'évolution littéraire en France». Я приведу слова эти буквально, чтобы не ослабить их переводом:

«Mais que vient-on offrir pour nous remplacer? Pour faire contre-poids à l'immense labeur positiviste de ces cinquante dernières années, on nous montre une vague etiquette "symboliste", recouvrant quelque vers de pacotille. Pour clore l'étonnante fin de ce siècle énorme, pour formuler cette angoisse universelle du doute, cet ébranlement des ésprits assoiffés de certitude, voici le ramage obscur, voici les quatre sous de vers de mirliton de quelques assidus de brasserie... En s'attardant à des bêtises, à des niaiseries pareilles, à ce moment si grave de l'évolution des idées, ils me font l'effet tous ces *jeunes* gens, qui ont tous de trente quarante ans, de coquilles de noisettes qui danseraient sur la chute du Niagara» *.

Автор Ругон-Макаров[3] имеет право торжествовать. Кажется, ни одно из гениальнейших произведений прошлого не пользовалось таким материальным успехом, таким ореолом газетной громоподобной рекламы, как позитивный роман. Журналисты с благоговением и завистью высчитывают, какой вышины пирамиду можно было бы воздвигнуть из желтых томиков «Nana» и «Pot-Bouille». На русский язык, на который не переведены удобопонятным образом даже величайшие произведения мировой литературы, последний роман Золя переводится с изумительным рвением по пяти, по шести раз. Тот же самый любознательный Гюрэ отыскал главу поэтов-символистов, Поля Верлена, в его любимом, плохоньком кафе на бульваре *Saint-Michel.* Перед репортером был человек уже немолодой, сильно помятый жизнью, с чувственным «лицом фавна», с мечтательным и нежным взором, с огромным лысым черепом. Поль Верлен беден. Не без гордости, свойственной «униженным и оскорбленным», он называет своей единственной матерью «l'assistance publique» – общественное призрение. Конечно, такому человеку далеко до академических кресел рядом с П. Лоти, о которых пламенно и ревниво мечтает Золя.

Но все-таки автор «Débâcle», как истинный парижанин, слишком увлечен современностью, шумом и суетой литературного мгновения.

Непростительная ошибка – думать, что художественный идеализм какое-то вчерашнее изобретение парижской моды. Это возвращение к древнему, вечному, никогда не умиравшему.

Вот чем страшны, должно быть, для Золя эти молодые литературные мятежники. Какое мне дело, что один из двух – нищий, пол-жизни проведший в тюрьмах и больницах, а другой – литературный владыка – не сегодня, так завтра член Академии? Какое мне дело, что у одного пирамида желтых томиков, а у символистов – «quatre sous de vers de mirliton»? Да и четыре лирических стиха могут быть прекраснее и правдивее целой серии грандиозных романов. Сила этих мечтателей в их *возмущении.*

В сущности все поколение конца XIX века носит в душе своей то же возмущение против удушающего мертвенного позитивизма, который камнем лежит на нашем сер-

---

* Что они предлагают, чтобы нас заменить? Как на противовес огромной позитивной работе последних пятидесяти лет указывают на неопределенный этикетик "символизм", прикрывающий бездарные вирши. Чтобы завершить изумительный конец этого громадного века, чтобы выразить всеобщую горечь сомнения, тревогу умов, жаждущих чего-нибудь незыблемого, нам предлагают неясное щебетание, грошовые вздорные песенки, сочиненные трактирными завсегдатаями! Все эти *молодые* люди (которым – кстати сказать – за тридцать, за сорок лет), занятые, в столь важный момент исторической эволюции идей, подобными глупостями, подобным ребячеством, кажутся мне ореховыми скорлупками, пляшущими на водопаде Ниагары.

дце. Очень может быть, что они погибнут, что им ничего не удастся сделать. Но придут другие и все-таки будут продолжать их дело, потому что дело — *живое.*

«Да, скоро и с великой жаждой взыщутся люди за вполне изгнанным на время чистым и благородным». Вот что предрек автор «Фауста» 60 лет тому назад, и мы теперь замечаем, что слова его начинают исполняться. «И что такое реальность сама по себе? Нам доставляет удовольствие ее правдивое изображение, которое может нам дать более отчетливое знание о некоторых вещах; но собственно польза для высшего, что в нас есть, заключается в идеале, который исходит из сердца поэта». Потом Гете формулировал эту мысль еще более сильно: «*Чем несоизмеримее и для ума недостижимее данное поэтическое произведение, тем оно прекраснее*» *[4]. Золя не мешало бы вспомнить, что эти слова принадлежат не своевольным мечтателям-символистам, жалким ореховым скорлупам, пляшущим на Ниагаре, а величайшему поэту-натуралисту XIX века.

Тот же Гете говорил, что поэтическое произведение должно быть *символично*[5]. Что такое символ?

В Акрополе над архитравом Парфенона до наших дней сохранились немногие следы барельефа, изображающего самую обыденную и, по-видимому, незначительную сцену: нагие, стройные юноши ведут молодых коней, и спокойно, и радостно мускулистыми руками они укрощают их. Все это исполнено с большим реализмом, если хотите, даже натурализмом, — знанием человеческого тела и природы. Но ведь едва ли не больший натурализм — в египетских фресках. И, однако, они совсем *иначе* действуют на зрителя. Вы смотрите на них как на любопытный этнографический документ, так же, как на страницу современного экспериментального романа. Что-то совсем иное привлекает вас к барельефу Парфенона. Вы чувствуете в нем веяние *идеальной* человеческой культуры, *символ* свободного эллинского духа. Человек укрощает зверя. Это — не только сцена из будничной жизни, но вместе с тем — целое откровение божественной стороны нашего духа. Вот почему такое неистребимое величие, такое спокойствие и полнота жизни в искалеченном обломке мрамора, над которым пролетели тысячелетия. Подобный символизм проникает все создания греческого искусства. Разве Алькестис Эврипида, умирающая, чтобы спасти мужа, — не символ материнской жалости, которая одухотворяет любовь мужчины и женщины? Разве Антигона Софокла — не символ религиозно-девственной красоты женских характеров, которая впоследствии отразилась в средневековых Мадоннах?

У Ибсена в «Норе» есть характерная подробность: во время важного для всей драмы диалога двух действующих лиц входит служанка и вносит лампу. Сразу в освещенной комнате тон разговора меняется. Черта, достойная физиолога-натуралиста. Смена физической темноты и света действует на наш внутренний мир. Под реалистической подробностью скрывается художественный *символ.* Трудно сказать почему, но вы долго не забудете этого многозначительного соответствия между переменой разговора и лампой, которая озаряет туманные вечерние сумерки.

Символы должны естественно и невольно выливаться из глубины действительности. Если же автор искусственно их придумывает, чтобы выразить какую-нибудь идею, они превращаются в мертвые аллегории, которые ничего, кроме отвращения, как все мертвое, не могут возбудить. Последние минуты агонии m-me Bovary, сопровождаемые пошленькой песенкой шарманщика о любви, сцена сумасшествия в первых лучах восходящего солнца, после трагической ночи в «*Gespenster*»[6], написаны с более беспощадным психологическим *натурализмом*, с бóльшим проникновением в реальную действительность, чем самые смелые человеческие документы позитивного романа. Но у Ибсена и Флобера, рядом с течением выраженных словами мыслей, вы невольно чувствуете другое, более глубокое течение.

«*Мысль изреченная есть ложь*»[7]. В поэзии то, что не сказано и мерцает сквозь красоту символа, действует сильнее на сердце, чем то, что выражено словами. Символизм

* Из «Разговоров Гете с Эккерманом». Перевод Д. В. Аверкиева.

делает самый стиль, самое художественное вещество поэзии одухотворенным, прозрачным, насквозь просвечивающим, как тонкие стенки алебастровой амфоры, в которой зажжено пламя.

Символами могут быть и характеры. Санчо-Панса и Фауст, Дон-Кихот и Гамлет, Дон Жуан и Фальстаф, по выражению Гете, — Schwankende Gestalten[8].

Сновидения, которые преследуют человечество, иногда повторяются из века в век, от поколения к поколению сопутствуют ему. Идею таких *символических характеров* никакими словами нельзя передать, ибо слова только определяют, ограничивают мысль, а символы выражают безграничную сторону мысли.

Вместе с тем мы не можем довольствоваться грубоватой фотографической точностью экспериментальных снимков. Мы требуем и предчувствуем, по намекам Флобера, Мопассана, Тургенева, Ибсена, новые, еще не открытые миры впечатлительности. Эта жадность к неиспытанному, погоня за неуловимыми оттенками, за темным и бессознательным в нашей чувствительности — характерная черта грядущей идеальной поэзии. Еще Бодлер и Эдгар Поэ говорили, что прекрасное должно несколько *удивлять*, казаться неожиданным и редким. Французские критики более или менее удачно назвали эту черту — *импрессионизмом.*

Таковы три главных элемента нового искусства: *мистическое содержание, символы* и *расширение художественной впечатлительности.*

<...>

Впервые: Отдельное издание (СПб., 1893). Воспроизводится начало четвертой главы: «Начала нового идеализма в произведениях Тургенева, Гончарова, Достоевского и Л. Толстого». Печатается по: *Мережковский Д. С.* Полн. собр. соч.: [В 17 т.]. СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф, 1912. Т. 15. С. 243–250.

Главной мишенью книги являются диагностированные Мережковским проявления «материализма»: реалистический стиль, опошление культурной жизни и опасность гибели народной культуры. «Причины упадка русской литературы» он видит в порче языка, в системе гонораров и в бездарности литературной критики. В части, посвященной новым течениям русской литературы, Мережковский находит «начала нового идеализма» не только в сочинениях «классиков», но и в произведениях современных прозаиков (Гаршина, Чехова) и поэтов (Фофанова, Минского). Представления Мережковского о понятии символа и о характере художественного произведения соответствуют скорее эстетике немецкого романтизма, чем французского символизма (см.: *Matlaw R. E.* The Manifesto of Russian Symbolism // Slavic and East European Journal. 1957. Vol. 15. P. 177–191).

[1] Образ острова познаваемого, окруженного океаном непознаваемого, заимствован из «Критики чистого разума» Канта (B 294–295).

[2] Книга журналиста Жюля Гюре «Enquête sur l'évolution litteraire» (1891) — сборник интервью с 64 французскими писателями.

[3] «Les Rougon-Macquart» — цикл романов Э. Золя в 20 т. (1871–1893); среди них — «Nana» (1880), «Pot-Bouille» («Накипь»; 1882), «La Débâcle» («Разгром»; 1892).

[4] Из разговора Гете с Эккерманом от 6 мая 1827 г.

[5] Из разговора с Эккерманом от 26 июля 1826 г.

[6] *«Gespenster»* — немецкое название пьесы Ибсена «Gengangere» («Привидения»; 1881).

[7] Из стихотворения Ф. И. Тютчева «Silentium!» (1833).

[8] «Неопределенные образы» (*нем.*) — из первого стиха «Посвящения» к «Фаусту»: «Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten» («Вы снова здесь, изменчивые тени»; перевод Б. Л. Пастернака).

В. Я. Брюсов
ОТВЕТ

Очаровательная незнакомка!

Прежде всего прошу не сердиться на это обращение. Что Вы очаровательны, — я позволяю себе догадываться по почерку и конверту, что Вы для меня незнакомка, — отрицать невозможно, потому что в Вашем письме нет не только подписи[1], но даже малейших указаний, по которым я мог бы узнать Вас. Оно все состоит из упреков и осуждений, за исключением немногих строк похвалы вначале, число которых — при моем самомнении — показалось мне очень незначительным.

Впрочем — надо Вам отдать справедливость — Вы снисходительнее, чем наши критики. Те просто предлагали отправить меня в сумасшедший дом[2], Вы же допускаете, что я сделался символистом по ошибке, «из подражания, может быть, невольного». При этом Вы разъясняете, что символисты бывают трех родов: мистификаторы, которые, не надеясь на талант, хотят взять оригинальностью, люди душевно ненормальные и несчастные заблудшие, к которым Вы великодушно причисляете меня и которые еще могут возвратиться на истинный путь.

«Произведения таких лиц, восклицаете Вы дальше, не могли образовать новой школы! И в самом деле! Что общего между теми разнородными творениями, которые называют символическими? Не сходятся ли отдельные поэты только в одном, в желании написать что-нибудь постраннее и понепонятнее! Пусть кто-нибудь попробует просто ответить на вопрос «в чем сущность символизма» — и я уверена, это ему не удастся».

Между тем именно на этот вопрос я и «попробую» ответить в своем письме, хотя бы для того, чтоб Вы не считали меня в числе несчастных заблудших, так как, право, мне менее обидно оказаться даже в числе обманщиков. Только я должен предупредить Вас, что те взгляды, которые я буду высказывать, вовсе не составляют обычного credo символистов. Очень возможно, что многие прямо не согласятся со мной, так как в теории символисты действительно делятся на много отдельных кружков. Тем замечательнее, впрочем, что в своих произведениях они приходят к одинаковым результатам.

Первая особенность моего взгляда на символизм состоит в том, что я решительно не обращаю внимания на его крайности. Начинающая школа всегда бывает склонна к крайностям, которые, конечно, не составляют ее сущности. Кроме того — в том, пожалуй, со мной согласятся многие — от символизма необходимо отделять некоторые несомненно чуждые элементы, присоединявшиеся к нему во Франции. Таков мистицизм, таково стремление реформировать стихосложение и связанное с ним введение старинных слов и размеров, таковы полуспиритические теории, проповедуемые Саром Пеладаном. Все это в символизме случайные примеси.

Выделив их, я разделяю все символические произведения на три следующих вида.

1. Произведения, дающие целую картину, в которой, однако, чувствуется что-то недорисованное, недосказанное; точно не обозначено несколько существенных признаков. Таковы, напр., сонеты Малларме.

2. Произведения, которым придана форма целого рассказа или даже драмы, но в которых отдельные сцены имеют значение не столько для развития действия, сколько для известного впечатления на читателя или зрителя.

3. Произведения, которые представляются Вам бессвязным набором образов и с которыми Вы познакомились, вероятно, по стихотворению Метерлинка «Теплицы среди леса»[3], переведенному у нас несколько раз.

Вы, конечно, спешите возразить мне, что я далеко не охватил всего символизма, что в нем есть много иных форм.

На это прежде всего я скажу Вам, что мои три вида имеют множество разновидностей. Связь образов, напр., может быть то совершенно незаметною, то очень легко восстанавливаемой.

Во-вторых, ряду произведений, обыкновенно называемых символическими и декадентскими, я принужден отказать в этом названии. Так, я не считаю символическими те из них, которые отличаются одной странностью метафор, сравнений, вообще смелыми тропами и фигурами. Стремление обновить поэтический язык замечается, правда, почти у всех символистов, но принадлежит не исключительно им. Они разве только смелее в своих нововведениях. Впрочем, далеко не робким в этом отношении был, напр., Т. Готье, которого нет причин считать символистом.

Далее не считаю я символическими произведения, блещущие одной новизной сюжета. Символизм действительно располагает поэта обращаться к чувствам и настроениям современного человека, но отсюда не следует, чтобы всякое подобное произведение было символическим. Я встречал не мало стихотворений, написанных странным языком с безумными метафорами, в которых изображалось какое-нибудь удивительное настроение «конца века»[4] и о которых я не мог сказать — «вот символическое стихотворение».

Наконец, столь прославленное сближение поэзии с музыкой я считаю тоже одним из средств, которыми пользуется символизм, а не его сущностью. Символист старается мелодией стиха вызвать определенное настроение в читателе, которое помогло бы ему уловить общий смысл, — и только. Таково, напр., стихотворение Метерлинка «Павлины», вероятно, известное Вам из разных журналов. Правда, некоторые символисты отдавались игре звуками, так что у них главное, а иногда единственное значение получали звуковые комплексы слов, — но это уже крайности, которых я, как известно, не касаюсь.

Таким образом, каждое символическое произведение мне удается подвести под один из моих трех видов. Вы, конечно, уже по моим определениям заметили, что́ я нахожу между ними общего. Очевидно, во всех трех случаях поэт передает ряд образов, еще не сложившихся в полную картину, то соединяя их как бы в одно целое, то располагая в сценах и диалогах, то просто перечисляя один за другим. Связь, даваемая этим образам, всегда более или менее случайна, так что на них надо смотреть как на вехи невидимого пути, открытого для воображения читателя. Поэтому-то символизм можно называть, как непоследовательно делаете и Вы, — «поэзией намеков»[5].

Итак, «в тех разнородных творениях, которые называют символическими» нашлось кое-что общее, позволяющее считать их принадлежащими к одной школе. Теперь можно перейти к самому сильному Вашему обвинению, которое поможет нам окончательно выяснить сущность символизма: «Во всяком случае, зачем говорить намеками, если можно сказать прямо?» Только этот вопрос я поставлю так: «Нарушается ли сущность поэтического произведения, если вместо полного образа даются намеки?» Поэзия, как искусство, облекает мысли в образы. Но в каждой мысли можно проследить целый процесс развития от первого зарождения до полного развития. Сущность различия литературных школ и заключается именно в том, на какой ступени развития воплощает поэт свою мысль. Так, в новоромантической школе каждый образ, каждая мысль являются в своих крайних выводах. Символизм, напротив, берет их первый проблеск, зачаток, еще не представляющий резко-определенных очертаний, и, таким образом, по своей сущности не больше отличается от других литературных школ, чем они между собой. Попробуйте проследить за собой, когда Вы мечтаете, а потом передайте то же самое словами: Вы получите первообраз символического произведения и произведения в духе господствующей школы.

Из этого следует, что не только поэт-символист, но и его читатель должны обладать чуткой душой и вообще тонко-развитой организацией. В символическое произведение надо вчитаться; воображение должно воссоздать только намеченную мысль автора. Поэтому Ваше последнее обвинение, что «круг читателей символической поэзии дол-

жен быть очень узок», остается в своей силе, но я не думаю, чтобы это было сильным доводом против символизма. Ведь и стихотворения Гейне доступны не всякому. Символизм имеет свою область и своих читателей, пусть же другие школы признают это, а сам он пусть довольствуется тем, что ему принадлежит.

Вы видите, что я не из числа тех осуждаемых Вами «мечтателей», которые всю поэзию желают сделать символической. Впрочем, по некоторым данным я предвижу, что в недалеком будущем символизм займет господствующее положение, хотя сам нисколько не желаю этого. На мой взгляд, все литературные школы имеют свое значение, — пусть же они не усиливаются одна в ущерб другой, а развиваются дружно, как сестры.

Вы, конечно, не верите в наступление такого золотого века, да и вообще, вероятно, во многом не согласны со мной. Если — как я позволяю себе надеяться — наша переписка не прекратится в самом начале, я постараюсь подтвердить свои выводы рядом примеров, всегда так хорошо разъясняющих дело, постараюсь, пожалуй, и доказать, что в наши дни должна была появиться именно такая форма поэзии, как символизм. Но это, говорю я, впоследствии. Пока я удовольствуюсь тем, что мое письмо так или иначе, но ответило на вопрос «в чем сущность символизма» и тем хоть немного поколебало Ваш взгляд на хотя и не знающего Вас, но в конце письма, конечно, уважающего

Валерия Брюсова.

Впервые: Русские символисты. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1894. Вып. 2. С. 5—12. Печатается по тексту первой публикации.

Сборники «Русские символисты» 1894—1895 гг. (Вып. 1—3) получили скандальную известность — критика сочла их явлением едва ли не патологическим; помещенные в них произведения поразили сумбурностью, эротизмом (там же — знаменитый моностих Брюсова «О закрой свои бледные ноги.»; Вып. 3. С. 13) и налетом декадентства. «Ответ» — наиболее программное из предисловий к сборникам. Его центральная мысль — определение символизма как «поэзии намеков». Схожая формулировка употреблена в интервью газете «Новости дня» от 27 и 29 августа 1894 г., где Брюсов, ссылаясь на Верлена, определяет символизм как «поэзию оттенков в противоположность прежней поэзии красок» (ЛН. 1937. Т. 27/28. С. 268). Попытки постижения сущности нового течения сделаны Брюсовым также в письмах к П. П. Перцову периода издания «Русских символистов». Среди них — «письмо-манифест» (Перцов) от 14 марта 1895: «В поэзии, в искусстве — на первом месте сама личность художника! Она и есть сущность — все остальное форма! и сюжет, и “идея” — все это только форма! Всякое искусство есть лирика, всякое наслаждение искусством есть общение с душою художника <...> Вот истинное единение людей, недоступное им иначе; в нем истинная цель искусства! <...> Гибнут старые формы — дидактика, драма, роман — новые неведомые тайны открываются искусству — заря новой поэзии зажигает небо! Ей алтари!» (Письма В. Я. Брюсова к П. П. Перцову 1894—1896 гг.: (К истории раннего символизма). М., 1927. С. 13; ср.: *Перцов П. П.* Лит. восп. Л., 1933. С. 216—217).

[1] Брюсов сообщает Перцову 22 сентября 1895 г. о распрях вокруг символизма: «Дело дошло до анонимных писем, присланных мне неведомыми, но озлобленными врагами» (*Перцов, 1933.* С. 217).

[2] Подробный разбор критических отзывов о первых двух выпусках напечатан Брюсовым в качестве предисловия к третьему выпуску («Зоилам и Аристархам»).

[3] *«Теплицы среди леса»* — стихотворение Метерлинка из сборника «Serres chaudes» («Теплицы»; 1889).

[4] Перевод французского оборота «fin de siècle», выражающего мироощущение декадентства.

[5] На комическом обыгрывании понятия «намек» основаны пассажи язвительной рецензии Вл. С. Соловьева на второй выпуск (Вестник Европы. 1895. № 1).

[З. Н. Гиппиус]
ПИСЬМО Л. ДЕНИСОВА К А. Л. ВОЛЫНСКОМУ

Милостивый государь,
Господин Волынский.

Беру на себя смелость обратиться к Вам с этим кратким письмом. Мне показалось и кажется, что именно Вы, из всех современных деятелей литературы, наиболее склонны сочувственно отнестись к моим словам в защиту и объяснение некоторых непонятных движений в искусстве. Последнее время говорят о символизме, о «новых течениях», о «новых формах», говорят неприязненно, с насмешкой или с возмущением, почти всегда смешивая понятие символизма с декадентством и доказывая несостоятельность первого приведением цитат из сборника даже не одного из талантливых французских поэтов этого «декадентского» типа, а большею частью из произведений какого-нибудь плохого, неумного или слишком молодого поэта «из новых», каких во все времена, при вырождении серьезных стремлений человеческого духа в острую и пошловатую моду, бывает много. И никогда, нигде — кроме Вашего журнала — я не встречал ни одного сочувственного намека в сторону такого серьезного явления, как символизм в искусстве, прямых и простых слов, так или иначе объясняющих его и дающих ему право на жизнь. Конечно, здесь, в коротеньком письме, я не берусь рассмотреть это явление со всех сторон. Мне пришлось бы коснуться длинного пути истории, высокой степени развития культуры и науки, которая, вместо того, чтобы привести человечество к последним пределам материализма, привела к ненасытной жажде религии. Обо всем этом говорить я не имею ни места, ни возможности. Я просто скажу несколько слов о современном понимании — или непонимании — символизма.

Символизм, прежде всего, диаметрально противоположен декадентству. Быть может, даже не следовало бы упоминать о декадентстве рядом с символизмом. Но, повторяю, эти два понятия так печально смешались в умах людей даже наиболее почтенных, что невольно хочется разделить их навсегда. Декадентство, как оно явилось во Франции (у нас его не было, были плохие подражания, не заслуживающие внимания), — лишь неумелый, ранний, болезненный протест против слишком упорного материалистического и натуралистического настроения в искусстве. Измученная и слабая душа, уже обреченная на смерть, доходит до крайности, лишь бы победить ненужную и грубую силу материализма. Декаденты бегут в «чистое» искусство (без символизма), в звуки, в индивидуализм, который тоже отрицает символизм. Декадентство родилось, стремилось к смерти и умерло, больное и слабое. Декадентство боялось разума, чистоты понимания. Символизм весь в свете разума, в его широком и ясном спокойствии. Символизм не рождался и потому не может умереть. Он был всегда. Он был и в раннем искусстве, в душе художника — только слишком глубоко, там, куда еще не хватали лучи сознания. Но душа человека выросла. Сознание стало ярче, лучи его длиннее, и вот мы увидели горизонты, которые были всегда, но которых глаза наши, сквозь тьму и сон, не умели различать. Природа, жизнь, весь мир кажется нам иным, говорит с нами другими голосами, потому что все явления стали для нас прозрачными, *только символами*, за которыми мы теперь видим еще что-то важное, таинственное, единственно существующее.

Говорят, что нужны «новые формы» в искусстве. Да, вероятно, нужны, потому что всегда бывают нужны новые мехи для нового вина[1], новые выражения для новых чувств. И люди, идущие по этому пути, люди, души которых растут, становятся шире и светлее, должны найти для нового новые слова. Пусть они ищут, пусть пробуют, — их голоса, даже слабые, ближе и нужнее нам, чем самые сильные и прекрасные в прошлом, потому что *то* мы знаем, *то* уже пережито и сказано, а тут в нас самих навстречу просыпается еще неясная тревога небывалых чувств, которые мы хотим и не умеем выразить, и ждем и всегда ищем в словах и творчестве других людей.

Вот что мне хотелось, Милостивый Государь, сказать по поводу декадентства и символизма, о которых Вы сами писали несколько раз в «Северном Вестнике», и, как мне кажется теперь, в более или менее сочувственном направлении. Если между нашими мыслями есть некоторое согласие, очень рад: это доказало бы мне, что люди могут разными путями приходить к близким по духу заключениям и выводам. Предоставляю Вам сделать из моего письма то или другое употребление для печати, если только оно может дать Вам повод для каких-нибудь рассуждений на эту интересную тему.

С совершенным почтением

Л. Денисов

Впервые: в статье А. Л. Волынского «Лит. заметки» (Северный вестник. 1896. № 12. С. 250—251). Перепечатано в кн.: *Волынский А. Л.* Борьба за идеализм. М., 1900. С. 316—317. Печатается по тексту первой публикации.

Волынский, возглавлявший в 1891—1898 гг. литературный отдел «Северного вестника», печатал символистов как союзников в своей «борьбе за идеализм», что не мешало ему оценивать их творчество скорее отрицательно. «Письмо Л. Денисова» цитируется им как голос единомышленника в статье, содержащей — помимо разбора книги Сологуба «Тени» (СПб., 1896) — попытку определения сущности символизма. Тезисы письма — отрицание декадентства, подчеркивание разумного начала и религиозного аспекта символизма, установка на раскрытие области таинственного за миром явлений — соответствуют воззрениям Волынского, определяющего символизм как «сочетание в художественном изображении мира явлений с миром божества» (*Там же.* С. 318).

Мысль о различении декадентства и символизма З. Н. Гиппиус выражала неоднократно, причем под «декадентами», как подтрунивал Перцов, «она разумела всех молодых авторов символической школы, кроме себя. Это разделение на агнцев-символистов и козлищ-декадентов, неясное никому, кроме нее самой, составляло всегда слабую струнку Зинаиды Николаевны» (*Перцов П. П.* Лит. восп. Л., 1933. С. 245). З. Гиппиус в собственном творчестве 1890-х гг. отнюдь не всегда придерживалась выдвинутых в «письме Л. Денисова» принципов. Дань «отрицаемому символизмом индивидуализму» отдана, напр., в стихотворении «Посвящение» (Северный вестник. 1895. № 3), получившем скандальную известность из-за стиха «Но люблю я себя как Бога», воспринятого издательницей «Северного вестника» Л. Я. Гуревич как «откровенное исповедание <...> декадентствующего “индивидуализма”» (*Гуревич Л.* История «Северного вестника» // Рус. лит. XX в. (1890—1910) / Под ред. С. А. Венгерова. М., 1914. Т. 1. С. 252).

[1]Ср.: Мат. 9: 17.

К. Д. Бальмонт
ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ СЛОВА О СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Если вы, отрешившись от наскучившей вам повседневности, одиноко сядете у большого окна, перед которым, как прилив и отлив, беспрерывно движется толпа проходящих, вы через несколько мгновений будете втянуты в наслаждение созерцания и мысленно сольетесь с этим движущимся разнообразием. Вы будете невольно изучать, с той быстротой, какая дается лишь возбуждением, этих, на мгновение возникающих, чтобы тотчас же скрыться, знакомых незнакомцев. В мимолетных улыбках, в случайных движениях, в мелькнувших профилях вы угадаете скрытые драмы и романы, и чем больше вы будете смотреть, тем яснее вам будет рисоваться незримая жизнь за очевидной внешностью, и все эти призраки, которым кажется, что они живут, предстанут перед вами лишь как движущиеся ткани, как создания вашей собственной мечты. Они

все, наконец, сольются в один общий поток, управляемый вашей мыслью, и, восприняв красоту и сложность вашей души, образуют с вами одно неразрывное целое, как радиусы с центром. Мир станет фантасмагорией, созданной вами, потому что вы слишком долго и пристально глядели на неистощимый поток людей, сидя одиноко, у большого окна.

Между тем, если бы вы находились сами в этой толпе, принимая равноправное участие в ее непосредственных движениях, неся ярмо повседневности, вы, пожалуй, не увидели бы в этой толпе ничего, кроме обыкновенного скопления народа, в определенный час, на определенной улице.

Таковы две разные художественные манеры созерцания, два различные строя художественного восприятия — реализм и символизм.

Реалисты всегда являются простыми наблюдателями, символисты — всегда мыслители.

Реалисты схвачены, как прибоем, конкретной жизнью, за которой они не видят ничего, — символисты, отрешенные от реальной действительности, видят в ней только свою мечту, они смотрят на жизнь — из окна. Это потому, что каждый символист, хотя бы самый маленький, старше каждого реалиста, хотя бы самого большого. Один еще в рабстве у материи, другой ушел в сферу идеальности.

Две различные манеры художественного восприятия, о которых я говорю, зависят всегда от индивидуальных свойств того или другого писателя, и лишь иногда внешние обстоятельства исторической обстановки соответствуют тому, что одна или другая манера делается господствующей. В эпоху 16-го и 17-го века, почти одновременно, два различные гения явились живым воплощением обеих литературных манер. Шекспир создал целый ряд гениальных образцов реальной поэзии, Кальдерон явился предшественником наших дней, создателем драм, отмеченных красотою символической поэзии. Конечно, национальные данные того и другого писателя в значительной степени предрешали их манеру творчества, Англия — страна положительных деяний, Испания — страна неправдоподобных предприятий и религиозных безумств. Но историческая атмосфера, в смысле воздействия на личность, была полна как в Англии, так и в Испании однородных элементов: национального могущества, индивидуального блеска и грез о всемирном господстве. Притом же, если брать совершенно однородную обстановку, можно указать, что в одной и той же Испании одновременно существовал реалист Лопе де Вега и символист Кальдерон, в одной и той же Англии жили одновременно реалист Шекспир и декадент Джон Форд[1].

Совершенно таким же образом и в течение 19-го века мы видим одновременное существование двух противоположных литературных направлений. Наряду с Диккенсом мы видим Эдгара По, наряду с Бальзаком и Флобером — Бодлэра, наряду с Львом Толстым — Генрика Ибсена. Нельзя, однако, не признать, что чем ближе мы к новому столетию, тем настойчивее раздаются голоса поэтов-символистов, тем ощутительнее становится потребность в более утонченных способах выражения чувств и мыслей, что составляет отличительную черту поэзии символической.

Как определить точнее символическую поэзию? Это поэзия, в которой органически, не насильственно, сливаются два содержания: скрытая отвлеченность и очевидная красота, — сливаются так же легко и естественно, как в летнее утро воды реки гармонически слиты с солнечным светом. Однако, несмотря на скрытый смысл того или другого символического произведения, непосредственное конкретное его содержание всегда закончено само по себе, оно имеет в символической поэзии самостоятельное существование, богатое оттенками.

Здесь кроется момент, резко отграничивающий символическую поэзию от поэзии аллегорической, с которой ее иногда смешивают. В аллегории, напротив, конкретный смысл является элементом совершенно подчиненным, он играет служебную роль и сочетается обыкновенно с дидактическими задачами, совершенно чуждыми поэзии символической. В одном случае мы видим родственное слияние двух смыслов, рождаю-

щееся самопроизвольно, в другом насильственное их сочетание, вызванное каким-нибудь внешним соображением. Аллегория говорит монотонным голосом пастора или шутливо-поучительным тоном площадного певца (разумею этот термин в средневековом смысле). Символика говорит исполненным намеков и недомолвок, нежным голосом сирены или глухим голосом сибиллы, вызывающим предчувствие.

Символическая поэзия неразрывно связана с двумя другими разновидностями современного литературного творчества, известными под названием декадентства и импрессионизма.

Я чувствую себя совершенно бессильным строго разграничить эти оттенки и думаю, что в действительности это невозможно, и что, строго говоря, символизм, импрессионизм и декадентство суть не что иное, как *психологическая лирика*, меняющаяся в составных частях, но всегда единая в своей сущности. На самом деле, три эти течения то идут параллельно, то расходятся, то сливаются в один поток, но, во всяком случае, они стремятся в одном направлении, и между ними нет того различия, какое существует между водами реки и водами океана. Однако, если б непременно нужно было давать определение, я сказал бы, что импрессионист — это художник, говорящий намеками, субъективно пережитыми, и частичными указаниями воссоздающий в других впечатление виденного им целого. Я сказал бы также, что декадент, в истинном смысле этого слова, есть утонченный художник, гибнущий в силу своей утонченности. Как показывает самое слово, декаденты являются представителями эпохи упадка. Это люди, которые мыслят и чувствуют на рубеже двух периодов, одного законченного, другого еще не народившегося. Они видят, что вечерняя заря догорела, но рассвет еще спит где-то за гранью горизонта; оттого песни декадентов — песни сумерек и ночи. Они развенчивают все старое, потому что оно потеряло душу и сделалось безжизненной схемой. Но, предчувствуя новое, они, сами выросшие на старом, не в силах увидеть это новое во-очию, — потому в их настроении, рядом с самыми восторженными вспышками, так много самой больной тоски. Тип таких людей — герой Ибсеновской драмы, строитель Сольнес[2]: он падает с той башни, которую выстроил сам. Философ декадентства — Фридрих Ницше, погибший Икар, сумевший сделать себя крылатым, но не сумевший дать своим крыльям силу вынести жгучесть палящего всевидящего солнца.

<...>

В то время как поэты-реалисты рассматривают мир наивно, как простые наблюдатели, подчиняясь вещественной его основе, поэты-символисты, пересоздавая вещественность сложной своей впечатлительностью, властвуют над миром и проникают в его мистерии. Сознание поэтов-реалистов не идет дальше рамок земной жизни, определенных с точностью и с томящей скукой верстовых столбов. Поэты-символисты никогда не теряют таинственной нити Ариадны, связывающей их с мировым лабиринтом Хаоса, они всегда овеяны дуновениями, идущими из области запредельного, и потому, как бы против их воли, за словами, которые они произносят, чудится гул еще других, не их голосов, ощущается говор стихий, отрывки из хоров, звучащих в Святая Святых мыслимой нами Вселенной. Поэты-реалисты дают нам нередко драгоценные сокровища, но эти сокровища — такого рода, что, получив их, мы удовлетворены — и нечто исчерпано. Поэты-символисты дают нам, в своих созданьях, магическое кольцо, которое радует нас, как драгоценность, и в то же время зовет нас к чему-то еще, мы чувствуем близость неизвестного нам нового и, глядя на талисман, идем, уходим, куда-то дальше, все дальше и дальше.

Итак, вот основные черты символической поэзии: она говорит своим особым языком, и этот язык богат интонациями; подобно музыке и живописи, она возбуждает в душе сложное настроение, — более чем другой род поэзии трогает наши слуховые и зрительные впечатления, заставляет читателя пройти *обратный путь творчества*: поэт, создавая свое символическое произведение, от абстрактного идет к конкретному, от идеи к образу, — тот, кто знакомится с его произведениями, восходит от картины к душе ее, от непосредственных образов, прекрасных в своем самостоятельном существовании, к скрытой в них духовной идеальности, придающей им двойную силу.

Говорят, что символисты непонятны. В каждом направлении есть степени, любую черту можно довести до абсурда, в каждом кипении есть накипь. Но нельзя определять глубину реки, смотря на ее пену. Если мы будем судить о символизме по бездарностям, создающим бессильные пародии, мы решим, что эта манера творчества – извращение здравого смысла. Если мы будем брать истинные таланты, мы увидим, что символизм – могучая сила, стремящаяся угадать новые сочетания мыслей, красок и звуков и нередко угадывающая их с неотразимой убедительностью.

Если вы любите непосредственное впечатление, наслаждайтесь в символизме свойственной ему новизной и роскошью картин. Если вы любите впечатление сложное, читайте между строк, – тайные строки выступят и будут говорить с вами красноречиво.

Впервые: *Бальмонт К. Д.* Горные вершины: Сб. статей. М.: Гриф, 1904. С. 75–95, с примечанием: «Читано перед русской аудиторией, в Латинском квартале, в Париже, весной 1900-го года». Печатается по тексту первой публикации, с сокращениями: приводится начало (С. 75–78) и окончание (С. 94–95). Средняя часть посвящена разбору «символических» стихов Эдгара По, Бодлера, Тютчева, Фета и Случевского.

К началу века Бальмонт стал популярнейшим поэтом; знаменательно «характерное московское восклицание времен раннего символизма: “Бальмонт – мой бог!”» (*Перцов П. П.* Лит. восп. Л., 1933. С. 265). Слава Бальмонта достигла апогея с выходом сборника «Будем как солнце» (М., 1903), «после которого начался медленный спуск с “горных вершин”», как отметил еще в 1905 г. Блок (*Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 546). В отличие от книг его стихов, «Горные вершины» прошли почти незамеченными. В числе откликов – заметка М. Р. (Балтрушайтиса) (Весы. 1904. № 4) и рецензия Блока (Новый путь. 1904. № 6).

В статье символизм предстает как органическое слияние отвлеченного содержания и сохраняющего самостоятельное значение содержания конкретного. Возникающую в связи с таким определением проблему разграничения «символического» произведения от аллегории Бальмонт решает, приписывая первому «самопроизвольное» сочетание отвлеченного и конкретного, в отличие от «насильственного» сочетания в случае аллегории. На несостоятельность этой аргументации указал Брюсов в лекции «Театр будущего» 1907 г.: «Разве в аллегорических группах Микель Анджело внешнее их выражение натянуто, неестественно придумано? Следуя разделению Бальмонта, пришлось бы аллегорией называть плохую символику, а символом – хорошую аллегорию» (ЛН. 1976. Т. 85. С. 183).

[1] Форд произведен в декаденты, видимо, в связи с пристрастием к мрачным и патологическим сюжетам, как, напр., кровосмешению (в трагедии «’Tis Pity She’s a Whore»; 1633).

[2] Имеется в виду пьеса Ибсена «Bygmester Solness» (1892).

В. Я. Брюсов
ИСТИНЫ. (НАЧАЛА И НАМЕКИ)

<...> Когда-то я написал книгу «О искусстве»[1]. Теперь я вполне признаю ее дух, но не разделяю многих ее мыслей. Я пришел ко взгляду, что цель творчества не общение, а только самоудовлетворение и самопостижение. И слово первоначально создалось не для общения между людьми, а для уяснения себе своей мысли[2]. Первобытный человек давал предмету имя, чтобы осмыслить и отныне знать его. Речь, как средство обмена мыслями, нечто позднейшее, если не по времени, то в сущности дела. Подобно этому, поэт творит, чтобы самому себе уяснить свои думы и волнения, возвести их к определенности. Вот почему «болящий дух врачует песнопенье»[3], вот почему, когда преследует и возмущает один образ, можно «от него отделаться стихами»[4]. Что будет после создания стихотворения, это другое дело. Оно может послужить и для общения. Из

этого еще и еще раз следует, что все истинные создания искусства равноценны. Нет великих и второстепенных поэтов, все равны, хотя, конечно, по влиянию на современников, по количеству написанного могут различаться, как различались и цветом волос. Поскольку создание есть истинное творение искусства, оно драгоценно, каково бы ни было настроение, затаенное в нем. По содержанию не может быть достойных и недостойных произведений искусства, они различаются только по форме. «Дорогою свободной иди, куда влечет свободный ум»[5]. Выбирать из созданного есть дело редактора, издателя или книгопродавца, а не художника (говорим не о лице). Нет низменных чувствований, и нет ложных. Что во мне есть, то истинно. Не человек мера вещей, а мгновение. Истинно то, что признаю я, признаю теперь, сегодня, в это мгновение.

Впервые: Северные цветы на 1901 год. М.: Скорпион, 1901. С. 189–196. Печатается по тексту первой публикации; приводится последний афоризм (С. 195–196).

Вышедший под редакцией Брюсова альманах впервые объединил петербургских и московских символистов. Брюсов смог привлечь к сотрудничеству И. А. Бунина, а через него и А. П. Чехова, чье имя было использовано для рекламных целей. Огорченный наглостью рекламы, Чехов шутливо жаловался Бунину: «...дал себе клятву больше уж никогда не ведаться ни с скорпионами, ни с крокодилами, ни с ужами» (письмо от 14 марта 1901 г.; *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1980. Т. 9. С. 228; ср. письмо Бунину от 20 апр. 1901 г.; *Там же.* М., 1981. Т. 10. С. 13). Извиняясь перед Чеховым, Бунин писал: «Альманах вышел дурацкий, но мог ли я предполагать, что "Скорпионы" поступят так по-мальчишески, составят его чуть не из пародий и будут даже объявления составлять нелепо. Альманах хотели сделать на редкость... Наговорили мне с три короба... Я, ей-богу, ничего подобного не ожидал! Я напишу им, чтобы они хоть Ваше имя оставили в покое. Пожалуйста, не сердитесь» (письмо от 30 апр. 1901 г.; ЛН. 1960. Т. 68. С. 411). Реклама на имени Чехова желаемых результатов не дала. В. В. Розанов сообщал Брюсову в письме от 20 окт. 1901 г.: «Мне говорили в "Мире искусства", что "Сев. цветы" совсем не разошлись, что-то около 100 экз. всего продано, и это не только больно, но и удивительно в виду того, что писали о них так много» (*Розанов В. В.* Мысли о литературе. М., 1989. С. 509).

Статья Брюсова отражает философские убеждения плюралистского и релятивистского толка. Характерны высказывания, как: «все возможные миросозерцания равно истинны» (С. 191); «суждение, прямо противоположное истине, в свою очередь истинно» (С. 192). Применяя тезис о множестве истин к искусству, Брюсов делает вывод, что все создания искусства равноценны и что, следовательно, «цель творчества не общение, а только самоудовлетворение и самопостижение» (С. 195).

[1] Книга эта вышла в конце 1898 г. (М., 1899).

[2] Ср. первоначальный текст лекции Брюсова «Ключи тайн» (март 1903 г.): «В своих замечательных исследованиях Потебня показал, что слово создалось первоначально вовсе не для общения людей между ними, а для уяснения себе своей мысли» (*Брюсов В. Я.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 6. С. 585). Брюсов испытал, как и другие символисты, влияние работы А. А. Потебни «Мысль и язык» (1862).

[3] Начало стихотворения Баратынского (1832).

[4] Неточная цитата из поэмы Лермонтова «Сказка для детей» (1840).

[5] Неточная цитата из стихотворения Пушкина «Поэту» (1830).

В. Я. Брюсов
КЛЮЧИ ТАЙН

<...> Поразительнее всего то, что все выставленные теории[1] имеют за собой неопровержимые факты. Искусство доставляет наслаждения — кто станет спорить! Искусство поучает — мы знаем это на тысячах примеров. Но вместе с тем в искусстве часто

нет ближайших целей, никакой пользы — отрицать это могут только фанатики. Наконец, искусство общит людей, раскрывает душу, делает всех причастными творчеству художника. Что же такое искусство? Как оно и полезно и бесполезно вместе? служит красоте и часто безобразно? и средство общения и уединяет художника?

Единственный метод, который может надеяться решить эти вопросы, — интуиция, вдохновенное угадывание, метод, которым во все века пользовались философы, мыслители, искавшие разгадки тайн бытия. И я укажу на одно решение загадки искусства, принадлежащее именно философу, которое — кажется мне — дает объяснение всем этим противоречиям. Это — ответ Шопенгауэра[2]. У самого философа его эстетика слишком связана с его метафизикой. Но, вырывая его угадывания из тесных оков его мысли, освобождая его учение об искусстве от совсем случайно опутавших его учений о «идеях», посредниках между миром нуменов и феноменов[3], — мы получим простую и ясную истину: искусство есть постижение мира иными, нерассудочными путями. Искусство — то, что в других областях мы называем откровением. Создания искусства это — приотворенные двери в Вечность.

Явления мира, как они открываются нам во вселенной — растянутые в пространстве, текущие во времени, подчиненные закону причинности, — подлежат изучению методами науки, рассудком. Но это изучение, основанное на показаниях наших внешних чувств, дает нам лишь приблизительное знание. Глаз обманывает нас, приписывая свойства солнечного луча цветку, на который мы смотрим. Ухо обманывает нас, считая колебания воздуха свойством звенящего колокольчика. Все наше сознание обманывает нас, перенося свои свойства, условия своей деятельности на внешние предметы. Мы живем среди вечной, исконной лжи. Мысль, а следовательно, и наука бессильны разоблачить эту ложь. Большее, что они могли сделать, это указать на нее, выяснить ее неизбежность. Наука лишь вносит порядок в хаос ложных представлений и размещает их по рангам, делая возможным, облегчая их узнание, но не познание.

Но мы не замкнуты безнадежно в этой «голубой тюрьме»[4] — пользуясь образом Фета. Из нее есть выходы на волю, есть просветы. Эти просветы — те мгновения экстаза, сверхчувственной интуиции, которые дают иные постижения мировых явлений, глубже проникающие за их внешнюю кору, в их сердцевину. Исконная задача искусства и состоит в том, чтобы запечатлеть эти мгновения прозрения, вдохновения. Искусство начинается в тот миг, когда художник пытается уяснить самому себе свои темные, тайные чувствования. Где нет этого уяснения, нет художественного творчества. Где нет этой тайности в чувстве — нет искусства. Для кого все в мире просто, понятно, постижимо, тот не может быть художником. Искусство только там, где дерзновение за грань, где порывание за пределы познаваемого, в жажде зачерпнуть хоть каплю

Стихии чуждой, запредельной[5].

«Врата Красоты ведут к познанию»[6], сказал тот же Шиллер. Во все века своего существования, бессознательно, но неизменно, художники выполняли свою миссию: уясняя себе открывавшиеся им тайны, тем самым искали иных, более совершенных способов познания мироздания. Когда дикарь чертил на своем щите спирали и зигзаги и утверждал, что это «змея», он уже совершал акт познания. Точно так же античные мраморы, образы Гетевского Фауста, стихи Тютчева — все это именно запечатления в видимой, осязательной форме тех прозрений, какие знавали художники. Истинное познание вещей раскрыто в них с той степенью полноты, которую допустили несовершенные материалы искусства: мрамор, краски, звуки, слова...

Но в течение долгих столетий искусство не отдавало себе явного и определенного отчета в своем назначении. Различные эстетические теории сбивали художников. И они воздвигали себе кумиров, вместо того, чтобы молиться истинному Богу. История нового искусства есть прежде всего история его освобождения. Романтизм, реализм и символизм — это три стадии в борьбе художников за свободу. Они свергли наконец цепи рабствования разным случайным целям. Ныне искусство наконец свободно.

Теперь оно сознательно предается своему высшему и единственному назначению: быть познанием мира, вне рассудочных форм, вне мышления по причинности. Не мешайте же новому искусству в его, как иной раз может показаться, бесполезной и чуждой современных нужд, задаче. Вы мерите пользу и современность слишком малыми мерами. Польза человечества — вместе с тем и наша личная польза. Все мы живем в вечности. Те вопросы бытия, разрешить которые может искусство, — никогда не перестают быть злободневными. Искусство, может быть, величайшая сила, которой владеет человечество. В то время как все ломы науки, все топоры общественной жизни не в состоянии разломать дверей и стен, замыкающих нас, — искусство таит в себе страшный динамит, который сокрушит эти стены, более того — оно есть тот сезам, от которого эти двери растворятся сами. Пусть же современные художники сознательно куют свои создания в виде ключей тайн, в виде мистических ключей, растворяющих человечеству двери из его «голубой тюрьмы» к вечной свободе.

Впервые: Весы. 1904. № 1. С. 3–21. С примечанием: «Лекция, читанная автором в Москве, 27 марта 1903 г., в аудитории Исторического музея и, 21 апреля того же года, в Париже, в кружке русских студентов». Печатается по тексту первой публикации; приводится последняя часть (С. 18–21).

Статья Брюсова, воспринятая критикой как «Катехизис русского символизма» (Театр и иск-во. 1904. № 38. С. 679–680), отнюдь не отражала взглядов всех символистов на сущность и задачи искусства. Вяч. Иванов, намекая на название брюсовской декларации в статье «Поэт и чернь», переосмысляет образ «врат запредельного»: «И “Ключи тайн”, вверенные художнику, — прежде всего ключи от заповедных тайников души народной» (Весы. 1904. № 3. С. 8). Если брюсовские «ключи тайн» — символическое искусство — растворяют двери к «вечной свободе» индивидуализма и субъективизма, то у Иванова они открывают доступ к «душе народной» как главному источнику мифа, создавать который призван художник. Брюсов, прочитав рукопись статьи Иванова, поспешил сгладить различия в трактовке вопроса: «Я лично очень разделяю ваше мнение, что поэт должен стать мифотворцем, что символизм — это путь к мифотворчеству, — буду его проповедовать. Но не думаю, что оно противоречит моим мыслям о Ключах тайн; только углубляет их, если хотите, даже преображает, вскрывая то, что мне только грезилось, что я не сказал словом» (письмо к Иванову от февр. 1904 г.; ЛН. 1976. Т. 85. С. 446). Ср. также стихотворение Иванова «Валерию Брюсову» с апострофой «О Тайн ключарь...» (Северные цветы. М., 1905. Вып. 4. С. 41), намекающее как на название статьи, так и на «ключевую» позицию Брюсова в «Весах».

[1] В первых частях статьи критически рассматриваются попытки свести сущность искусства к приносимой им пользе или к эстетическому наслаждению.

[2] Брюсов ссылается на главу «О внутренней сущности искусства» второго тома «Мира как воли и представления» (ср.: *Schopenhauer A.* Sämtliche Werke / Hrsg. W. von Löhneysen. Darmstadt, 1961. Bd. 2. S. 521–527). Отсюда заимствовано также рассуждение об отношении восковых статуй к искусству (С. 7). Теория искусства Шопенгауэра изложена Брюсовым очень произвольно.

[3] Термины философии Канта (ноумен — вещь в себе, феномен — явление).

[4] Из стихотворения Фета «Памяти Н. Я. Данилевского» (1886). Данный образ встречается также у Белого (*Белый А.* Арабески. М. 1911. С. 228), Блока (*Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 133) и др. (см.: *Hansen-Löve A. A.* Der russische Symbolismus. System und Entfaltung der poetischen Motive. Bd. 1: Diabolischer Symbolismus. Wien, 1989. S. 120–121).

[5] Из стихотворения Фета «Ласточки» (1884).

[6] Из стихотворения Ф. Шиллера «Die Künstler» («Художники»; 1789): «Nur durch das Morgentor des Schönen / Drangst du in der Erkenntnis Land» («Лишь через утренние врата Красоты / Ты проник в страну познания»).

Г. И. Чулков

СВЕТЛЕЮТ ДАЛИ

Бывают мгновения, когда человеческая душа, отбросив узы рассудочного сознания, вступает в непосредственное общение с Тайной. Тогда все эти земные звуки, краски, запахи получают иное значение; предметы светятся изнутри; их сияние отражается в нашей душе многоцветной радугой... Мы делаем еще одно усилие, — и перед нами открывается иной мир: мы слышим, как звучат краски, мы видим звуки...

Бывают счастливые тайновидцы, которые не только постигают вещи в их первоначальной сияющей сущности, но и властно запечатлевают эту лучезарную сущность в счастливом сочетании красок и звуков. Но мы не смеем пребывать лицом к лицу с Сущностью. Мы приближаемся к ней лишь на мгновение... И вот художники благоговейно облекают Тайну полупрозрачным покровом, а мы, распростертые на земле перед алтарем Неведомого, молимся Тайне в сладком волнении.

В нашей душе заложено стремление к высшему синтезу, к Вечности, острое и гордое чувство, которое Бодлэр называл «le goût de l'infini»[1]. Пусть возражают, что это не более как самообман, что Бодлэр мог говорить о познании бесконечного только во время припадков своей нервной болезни, которой страдал вследствие злоупотребления гашишем. Это бессильная логика «трезвых людей», которые отрицают откровение только потому, что боятся его. Для них, пожалуй, страшно не только откровение, но и настоящая логика в своей дерзкой, холодной последовательности. Им чужда логика, ну хотя бы Достоевского. А ведь у него было внятно сказано: «Я согласен, что привидения являются только больным; но ведь это только доказывает, что привидения могут являться не иначе, как больным, а не то, что их нет самих по себе»[2].

«Существуют люди, — говорит Пшибышевский, — пред очами которых обнажается все, что пережила душа их, существуют люди, в которых абсолютная душа гораздо сильнее сознается, нежели в других; которые в безмерном самоуглублении видят волшебные картины и раи не от мира сего, слышат мелодии и звуки, о каких не грезило ухо людское, разливы красок, каких обыкновенный глаз не может подметить»[3].

И почти то же говорит Метерлинк: «Возьмите настоящее поэтическое произведение... Редко его красота и величие ограничивается описанием предметов известного нам мира. В девяти случаях из десяти оно обязано своей красотой и величием намеку на тайны судьбы человеческой, какой-нибудь новой связи видимого с невидимым, временного с вечным».

И даже те люди, которые никогда не знали видений и не трепетали перед непонятностью обыденных предметов, должны согласиться с тем, что здесь, около нас, притаилось огромное черное чудовище с светящимся зеленоватым глазом. Оно бесстыдно вперяет в человека свой настойчивый взор. Это — смерть. И рядом с ней вырастают страшные, ужасающие вопросы.

Каждый человек неизбежно сталкивается с этими вопросами, с тремя основными проблемами — Бога, бессмертия и свободы[4] — и так или иначе для себя разрешает эти проблемы. Но мы были бы слишком дурного мнения о душе человека, если бы допустили, что идеи Бога, бессмертия и свободы являются лишь в обстановке логических построений и в одежде силлогизмов. Эти великие идеи, сбросивши с себя покровы сознательных формул, глубже открывают свою внутреннюю сущность. Бессознательная сфера наиболее родна и близка величайшим духовным утверждениям. Роль интеллекта сводится к критической работе, и эта работа беспощадно разрушает наивную веру в реальное, широко распахивая двери тем возможностям, которые в недрах нашей души претворяются в истины.

Эти возможности, эти истины мы ищем. К ним стремимся. Если после трудов кенигсбергского философа мы оставили надежду на познание трансцендентного путем интеллектуального усилия, то с этого же времени мы обратились к иному источнику познания, находящемуся вне нашего интеллекта. Кант раз навсегда поставил крест над

старой метафизикой или, вернее, указал ей надлежащее место. Зато тот же Кант доказал нам феноменальность внешнего мира и пробудил в нас (сам того не желая и не подозревая) жажду нуменов.

Человечество издавна искало путей для познания, хотя на миг, тех тайн, которые скрыты относительным характером вещей. Никогда логика и наука не приближали нас ни на шаг к познанию абсолюта, и каждое новое научное открытие только укрепляло в нашей душе уверенность в ограниченности нашего познания чрез интеллект. Основной научный метод, метод аналитический, исключает всякую возможность проникновения в сущность вещей, ибо метод этот имеет место лишь в области феноменов.

Но искони был ведом и иной путь для познания: интуиция. Почти все страны были причастны откровению: и великая Индия, внимавшая Молчанию; и Палестина, молившаяся Богу, имени которого она не смела произнести; и Франция во времена мистических прозрений; и Скандинавия Сведенборга, взволнованная таинственными голосами и веяниями, и, наконец, Италия, полная сладких и тревожных предчувствий...

Ныне искусство достигло в своих символических формах наибольшей прозрачности и проникновенности. Поэты смело подошли к тем граням, за которыми начинаются соблазнительные бездны.

Д'Аннунцио, среди пышного золотого и кровавого бреда, поет гимн божественной страсти; Гамсун трепещет перед великим Паном; Верхарн смело идет по краю пропасти и благоговейно несет величайшие духовные просветления; Метерлинк настойчиво твердит о роковой обманности реального; Верлэн и Римбо, с юродивой усмешкой, фамильярно играют истинами, которые до того времени принадлежали богам; Пшибышевский ведет чуткие души по путям, продолженным его изъязвленной душой, — и наш Тютчев, первый русский символист, открывает в мировом хаосе до него неведомые тайны...

Мы теперь накануне великих откровений. Природа человеческая утончается. То, чего раньше мы не видели, пламенеет красками. Мы чуем на своем лице прикосновение теней. Мы умеем на мгновение порывать связь с холодными категориями нашего мышления. Мы делаемся причастными величайшему прозрению, отвергая те пути познания, по которым следовало заблудившееся человечество.

Впервые: Весы. 1904. № 3. С. 13–16. Печатается по тексту первой публикации.

Первая книга Чулкова, сборник стихов «Кремнистый путь» (М., 1904), открыла ему доступ в символистские круги; в первую очередь, в салон Мережковских и в журнал «Новый путь», где он вскоре занял пост литературного секретаря. Брюсов откликнулся на книгу рецензией (Весы. 1904. № 1. С. 70–71) и предоставил Чулкову возможность напечатать статью-декларацию в «Весах»; процесс редакционной правки отражен в его письме к Чулкову от февраля 1904 г.: «Почти везде пропущено выражение "символическая" поэзия, поэт-"символист" и т.п., ибо мы ни в коем случае "символистами" себя не считаем. Что до заглавия, то, конечно, "Накануне" невозможно. Но и предложенное мной "*Le goût de l'infini*" не очень хорошо. Что, если оставить статью вовсе без заглавия, а эти французские слова поставить эпиграфом? На этот случай сообщите точно, из какой вещи у Бодлэра они взяты» (*Чулков Г. И.* Годы странствий. М., 1999. С. 323; ср.: С. 353–354). Статья упоминается в воспоминаниях Чулкова о первой встрече с Сологубом весной 1904 г.: «Сологуб, услышав мою фамилию и пожимая мне руку, сказал, лукаво щуря глаза: — А по-моему, они темнеют... Я, конечно, догадался, что поэт, намекая на заглавие моей статьи, иронизирует добродушно по поводу этой несколько восторженной литературной декларации» (*Там же.* С. 145).

[1] «Вкус бесконечного» (*фр.*) — название первого раздела книги Бодлера «Les Paradis artificiels. Opium et haschisch» («Искусственные раи. Опиум и гашиш»; 1860).

[2] Из «Преступления и наказания» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 6. С. 221).

[3] Цитата из статьи Пшибышевского «O “nową” sztukę» («За “новое” искусство»; 1899). См.: *Przybyszewski St.* Wybór pism. Wrocław, 1966. S. 151.

[4] Постановка вопроса, восходящая к «Критике чистого разума» Канта (см.: B 826).

М. А. Волошин
МАГИЯ ТВОРЧЕСТВА. О РЕАЛИЗМЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Свершилось... Наступают минуты возмездия.

Это действительность мстит за то, что ее считали слишком простой, слишком понятной!

Будничная действительность, такая смирная, такая ручная, ощетинилась багряным зверем, стала комком остервенелого пламени, фантастичнее сна, причудливее сказки, страшнее кошмара...

Целые долины с тысячами людей, взлетающие на воздух ночью, в синих снопах прикованного света, при блеске блуждающих электрических глаз... Курганы трупов, растущие вокруг крепости, и человеческие руки, которые, подымаясь из кровавых лоскутов разорванных тел, немым жестом молят о помощи, и только через неделю опускается последняя... Языки пламени, которые встают из бездны вод и заглатывают огнедышащие стальные города, кишащие народом... Люди, развеянные в воздухе так, что от тела остается одна рука, продолжающая держать ружье или колесо штурвала...

Мы привыкли представлять войну очень просто и реально — по Льву Толстому. Взять точку зрения одного человека и с нее взглянуть на грандиозное явление, не выходя из области, доступной глазу и уху, свести все до простой эмоции неожиданности и удивления, — этим Толстовским методом можно расчленить самые жуткие эпохи прошлого — Инквизицию, Террор, Кровавую Неделю, до самого простого видения обыденности.

Но теперь совершается что-то, к чему нельзя подступить с этой привычной и испытанной меркой. Переступлена грань реального и возможного. Расчленить кошмара нельзя. От кошмара можно только проснуться.

Но проснуться это значит перейти в иную область сознания.

«Есть две действительности», говорил Оскар Уайльд, «одна, которую знают все и о которой нечего говорить, и другая, которая начинает существовать только тогда, когда о ней говорят».

Мечта — это чистая эссенция воли.

Желание — наше зрение в будущее.

Первые лучи приближающегося будущего отражаются в нас как желание. Поэтому всякое истинное желание, инстинктивное, бессознательное, когда хочется всем существом, не может не исполниться. Уметь хотеть — это значит провидеть свое будущее. В этом тайна людей, рожденных под счастливой звездой. Зрительный орган времени — желание, развит в них с необыкновенной чуткостью. Каждое желание их исполняется. И они проходят сквозь жизнь с завязанными глазами, «слепцы, полубоги, провидцы».

Человечество всегда искало выхода из темницы мгновения. Пред ним был только один видимый выход — в прошлое. История казалась таким выходом. И она будет им, когда человек войдет в нее сквозь двери своих воспоминаний. В каждом произведении искусства, в каждом старом камне, в каждой тропинке, в каждом животном вспомнить самого себя — это выход.

Мозг человека — это длинный свиток, на котором записана нестираемыми знаками вся история человечества. Но это только заключительная глава в той книге, которая называется человеческим телом, — глава «о человеке»; но самое тело это книга «о звере и о звездах».

Наука прошлого века разбирала Розетские камни этой азбуки, но она нашла только несколько букв. Победа над мгновением совершится тогда, когда человек в с п о м -

н и т историю человечества и вселенной из себя, прочтет их в своем собственном теле, в безднах своего бессознательного. Нужно, чтобы совершилось непостижимое, чтобы к н и г а п р о ч л а с а м о е с е б я.

Из темницы мгновения есть и другой выход, но над этим выходом тяготеет проклятие. Это проникновение в будущее.

Кто приотворит заветную дверь, тот обратится в соляной столб[1]. Знание будущего цепенит волю. У этих дверей стоит Ангел Неизбежности с огненным мечом[2]. Неизбежность будущего уничтожает субъективную иллюзию свободы воли, необходимую для жизни, иллюзию, которая для нас реальнее реальностей.

Дар ясновидения — проклятие пророков. На рубеже Европейского сознания стоит трагическая фигура Кассандры, с отчаяньем видящей все за много дней, все, чем беременно будущее. В ясновидении прервана нить между желанием и осуществлением, благодетельная гармония, которая примиряет нас с будущим, разрешает вопрос о свободе воли.

Знаемое будущее перестает быть бессознательно желаемым, а становится злым Роком, все давящим, все уничтожающим. Желание есть предчувствие будущего, а в воле есть сила воздействия на будущее.

Сила эта — мечта. Ее меч — искусство.

Будущая действительность живет в потенциальном состоянии. Она может быть выявлена мечтой, и тогда она не случится в той области, которую называют реальностью жизни. Кому не случалось, со страхом ожидая какого-нибудь события, представлять себе в мечте все возможные комбинации его, для того, чтобы оно не случилось именно так? Это инстинктивная самозащита человека от будущего. Это заклятие будущего мечтой.

Мечта — это великая и страшная сила.

Она может быть смертельна для непосвященных и любопытных, которые легкомысленно произнесут Сезам перед заповедной дверью, которые повернут ключ в таинственном ларце.

Горе тем, которые истощат свое будущее бесплодной мечтой! Но искусство дает мечте жало змеи и вечность камня.

В этом загадочная власть Слова[3].

Стихия слова — будущее. Если я захочу воплотить в слове то, что я пережил во всей полноте — это будет только слабым напоминанием прошедшего. Но если я воплощаю в слове то, что живет во мне как предчувствие, как возможность, то слово само становится действительностью трепещущей и ослепительной. Описание смертной казни у Достоевского бледно и коротко, а картины безумия широки и ярки.

Слово в своей сущности — это желание и порыв. Описание в слове — это победа над материалом. В описании вечная борьба со словом. В стиле исключительных живописцев слова — Флобера, Гонкуров чувствуются туго натянутые поводья, слышатся грозные окрики и щелканье бича, которыми они заставляют идти по долине упрямые слова, привыкшие к упряжке общих желаний.

Рэми де-Гурмон доказывает, что для позвоночных животных ложь тот же самый закон самосохранения, что для насекомых мимикрия. Мы называем эту ложь мечтой.

Те гении, в организме которых заложена чересчур сложная и буйная судьба, неизбежным инстинктом самосохранения торопятся воплотить ее в произведениях искусства. Самоотверженные иногда успевают перелить всю свою судьбу, все свое будущее в свое творение. Поэтому истинная жизнь художника всегда полнее и вернее воплощена в его творении, чем в его биографии.

Этот закон выявления будущего мечтой, незыблемый для отдельного человека, незыблем и для целых народов. Горе тем народам, которые задушили в себе фантазию и любовь к мечте. Горе Макбету, зарезавшему сон![4]

После двух веков рационализма неизбежно наступает кошмар Террора и сказка о Наполеоне. После M-me Бовари, после Курбэ — кровавая неделя. Наоборот, 48 год,

который мог быть таким ужасным в своей кровавости, был ослаблен предшествовавшим романтизмом.

Русская литература в течение целого столетия вытравляла мечту и требовала изображения действительности, простой действительности, как она есть. На протяжении целого столетия Гоголь и Достоевский, одни, входили в область мечты. И кто знает, какие ужасы остались неосуществленными благодаря им в начале восьмидесятых годов!

Чехов в своем многоликом муравейнике исчерпал всю будничную тоску русской жизни до дна, и она подошла к концу.

Подымается иная действительность — чудовищная, небывалая, фантастическая, которой не место в реальной жизни потому, что ее место в искусстве.

Начинается возмездие за то, что русская литература оскопила мечту народа.

Впервые: Весы. 1904. № 11. С. 1—5. Печатается по тексту первой публикации.

В августе 1904 г. Волошин познакомился в Женеве с Вяч. Ивановым. Статья, отправленная в редакцию «Весов» в начале сентября 1904 г., написана, видимо, под впечатлением бесед с ним; Волошин сообщал Брюсову в письме от 11/24 сентября 1904 г., что Иванов «обогатил меня мыслями, горизонтами и безднами на несколько лет» (ЛН. 1994. Т. 98, кн. 2. С. 346; ср.: *Волошин М. А.* Лики творчества. Л., 1988. С. 568).

Историософскую идею статьи, связанную с событиями Русско-японской войны, Волошин излагает в письме к М. В. Сабашниковой от 18 сентября 1904 г.: «Теперь Россия расплачивается за целый век реализма. <...> За насилие над мечтой дорого приходится расплачиваться» (ЛН. 1994. Т. 98, кн. 2. С. 348). Развитая в статье концепция «выявления мечтой» (художественным словом) «будущей действительности» в известной степени напоминает поэтологические воззрения немецкого романтика Новалиса — образ поэта-провидца («Der echte Märchendichter ist ein Seher der Zukunft»; *Novalis.* Werke. Briefe. Heidelberg, 1957. Bd. 2. S. 387), отмену границ между прошлым и будущим, между фантазией и реальностью в романе «Генрих фон Офтердинген», представления о власти Слова.

[1] Ср.: Быт. 19: 26.

[2] Ср.: Быт. 3: 24.

[3] Ср. у Новалиса: «Dann fliegt vor einem geheimen Wort / Das ganze verkehrte Wesen fort» («Wenn nicht mehr Zahlen und Figuren...» — *Novalis.* Werke. Briefe. Heidelberg, 1953. Bd. 1. S. 461).

[4] Первоначально статья носила заглавие «Макбет зарезал сон!» и заканчивалась фразой «Горе! Макбет зарезал сон!», снятой редакцией «Весов» при публикации (ЛН. 1994. Т. 98, кн. 2. С. 352).

[ОТ РЕДАКЦИИ «ЗОЛОТОГО РУНА»]

В грозное время мы вступаем в путь.

Кругом кипит бешеным водоворотом обновляющаяся жизнь. В грохоте борьбы, среди неотложных вопросов, выдвигаемых днями, и кровавых ответов, что дает на них наша русская действительность, для многих Вечное меркнет и отходит вдаль.

Мы сочувствуем всем, кто работает для обновления жизни, мы не отрицаем ни одной из задач современности, но мы твердо верим, что жить без Красоты нельзя и, вместе с свободными учреждениями, надо завоевать для наших потомков свободное, яркое, озаренное солнцем творчество, влекомое неутомимым исканьем, и сохранить для них Вечные ценности, выкованные рядами поколений. И во имя той же новой грядущей жизни мы, искатели золотого руна, развертываем наше знамя:

Искусство — вечно, ибо основано на непреходящем, на том, что отринуть нельзя.

И с к у с с т в о — е д и н о, ибо единый его источник — душа.

И с к у с с т в о — с и м в о л и ч н о, ибо носит в себе символ — отражение Вечного во временном.

И с к у с с т в о — с в о б о д н о, ибо создается свободным творческим порывом.

Золотое Руно

Впервые: Золотое руно. 1906. № 1. С. 4. Печатается по тексту первой публикации.

«Весы» откликнулись на новый журнал и на редакционную декларацию заметкой Брюсова (за подписью «Товарищ Герман» — псевдонимом, которым пользовалась обычно З. Гиппиус) «В журналах и газетах. Золотое руно» (Весы. 1906. № 2. С. 81–83). Брюсов иронизирует по поводу банальности положений декларации и советует журналу: «Только ему бы еще не учить, а учиться красоте. Богиня-культура неподкупна и дает права учительства лишь действительно прошедшему ее долгую школу. “Красоту” не выпишешь, как платье, из Парижа. И роскошь — еще не красота» (С. 83). С. А. Кречетов (Соколов) ответил статьей «Апологеты культуры» (Золотое руно. 1906. № 3. С. 131–132), жалуясь: «Мы думали, что “Весам”, как и “Золотому руну”, дорого самое Искусство, теперь стало ясно, что им дорога только их роль в Искусстве, слишком уж недвусмысленно звучит в их словах нота оскорбленного монополизма» (С. 132). Товарищ Герман (Брюсов) продолжил полемику о задачах журнала заметкой «В журналах и газетах. Золотому руну» (Весы. 1906. № 5. С. 87–89); там же высказано предположение, что автором манифеста является Кречетов (С. 87).

Вячеслав Иванов
МЫСЛИ О СИМВОЛИЗМЕ

Средь гор глухих я встретил пастуха[1],
Трубившего в альпийский длинный рог.
Приятно песнь его лилась; но, зычный,
Был лишь орудьем рог, дабы в горах
Пленительное эхо пробуждать.
И всякий раз, когда пережидал
Его пастух, извлекши мало звуков,
Оно носилось меж теснин таким
Неизреченно-сладостным созвучьем,
Что мнилося: незримый духов хор,
На неземных орудьях, переводит
Наречием небес язык земли.
И думал я: «О гений! как сей рог,
Петь песнь земли ты должен, чтоб в сердцах
Будить иную песнь. Блажен, кто слышит».
А из-за гор звучал ответный глас:
«Природа символ, как сей рог. Она
Звучит для отзвука. И отзвук — Бог.
Блажен, кто слышит песнь и слышит отзвук».

«К о р м ч и е З в е з д ы», стр. 178.

1

Если, поэт, я умею ж и в о п и с а т ь словом («живописи подобна поэзия» — «ut pictura poësis»[2], — говорила, за древним Симонидом[3], устами Горация классическая поэтика), — ж и в о п и с а т ь так, что воображение слушателя воспроизводит изображенное мною с отчетливою наглядностью виденного, и вещи, мною названные, представляются его душе осязательно-выпуклыми и жизненно-красочными, отененными или осиянными, движущимися или застылыми, сообразно природе их зрительного явления;

если, поэт, я умею п е т ь с волшебною силой (ибо, «мало того чтобы стихи были прекрасными: пусть будут они еще и сладостны, и своенравно влекут душу слушателя, куда ни захотят», — «non satis est pulchra esse poëmata, dulcia sunto et quocumque volent animum auditoris agunto»[4], — так говорила об этом нежном насилии устами Горация классическая поэтика), — если я умею п е т ь с т о л ь сладкогласно и властно, что обаянная звуками душа идет послушно вслед за моими флейтами, тоскует моим желанием, печалится моею печалью, загорается моим восторгом, и согласным биением сердца ответствует слушатель всем содроганиям музыкальной волны, несущей певучую поэму;

если, поэт и мудрец, я владею познанием вещей и, услаждая сердце слушателя, наставляю его разум и воспитываю его волю[5];

— но если, увенчанный тройным венцом певучей власти, я, поэт, не умею, при всем том тройном очаровании, заставить самое душу слушателя петь со мной другим, нежели я, голосом, не унисоном ее психологической периферии, но контрапунктом ее сокровенной глубины, — петь о том, что глубже показанных мною глубин и выше разоблаченных мною высот, — если мой слушатель — только зеркало, только отзвук, только приемлющий, только вмещающий, — если луч моего с л о в а не обручает моего м о л ч а н и я с его молчанием р а д у г о й тайного з а в е т а:

тогда я не с и м в о л и ч е с к и й поэт... <...>

<...>

4

Итак, я не символист, если не бужу неуловимым намеком или влиянием в сердце слушателя ощущений непередаваемых, похожих порой на изначальное воспоминание («и долго на свете томилась она, желанием чудным полна, и звуков небес заменить не могли ей скучные песни земли»[6]), порой на далекое, смутное предчувствие, порой на трепет чьего-то знакомого и желанного приближения, — причем и это воспоминание, и это предчувствие или присутствие переживаются нами как непонятное расширение нашего личного состава и эмпирически-ограниченного самосознания.

Я не символист, если мои слова не вызывают в слушателе чувства связи между тем, что есть его «я», и тем, что зовет он, «не-я», — связи вещей, эмпирически разделенных; если мои слова не убеждают его непосредственно в существовании скрытой жизни там, где разум его не подозревал жизни; если мои слова не движут в нем энергии любви к тому, чего дотоле он не умел любить, потому что не знала его любовь, как много у нее обителей.

Я не символист, если слова мои равны себе, если они — не эхо иных звуков, о которых не знаешь, как о Духе, откуда они приходят и куда уходят, — и если они не будят эхо в лабиринтах душ.

5

Я не символист тогда — для моего слушателя. Ибо символизм значит: отношение; и само по себе произведение символическое, как отделенный от субъекта объект, существовать не может.

Отвлеченно-эстетическая теория и формальная поэтика рассматривают художественное произведение в себе самом; постольку они не знают символизма. О символизме можно говорить, лишь изучая произведение в его отношении к субъекту воспринимающему и к субъекту творящему, как к целостным личностям. Отсюда следствия:

1) Символизм лежит вне эстетических категорий.

2) Каждое художественное произведение подлежит оценке с точки зрения символизма.

3) Символизм связан с целостностью личности, как самого художника, так и переживающего художественное внушение, или заражение. <...>

Впервые: Труды и дни. 1912. № 1. С. 3–10. Перепечатано в книге Иванова «Борозды и межи» (М.: Мусагет, 1916). Печатаются отрывки по тексту первой публикации (С. 3–4, 6–7).

Иванов затеял еще в конце 1910 г. новый символистский журнал, нечто вроде «дневника трех поэтов», вместе с Белым и Блоком (см.: *Иванов В. И.* Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. 2. С. 818). Первый номер «Трудов и дней» вышел лишь в марте 1912 г. «Мифотворческая» ориентация издателей отражена в самом названии журнала, заимствованном у «творца» греческой мифологии Гесиода. Несмотря на длительную подготовку и амбициозно поставленные цели, результат был весьма скромным: «Широко намеченная программа действий по реконструкции символизма, по существу, осталась нереализованной. Гора родила мышь: тощий литературно-философский журнальчик претенциозно-гелертерского характера» (*Орлов В.* История одной «дружбы-вражды» // Блок А. А., Белый А. Переписка. М., 1940. С. XLIV). Первый номер журнала под давлением Иванова приобрел характер очередной проповеди символизма (ср. письмо Белого к Метнеру от середины февраля 1912 г.; ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 394). Блок раскритиковал в письме к Белому от 16 апреля 1912 г. весь журнал, в частности декларацию Иванова: «Впечатление от статьи В. Иванова, несмотря на ее глубины, – душное и тяжелое. <...> Вяч. Иванов, грозно нападая на кого-то, потрясает манифестом о символической школе, – и горе тому, кто не с ней» (*Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 387). В глазах Блока Иванов отстаивал изжившие себя позиции: «Мне больно, когда он <...> восклицает о κάθαρσις'е тем же тоном в 1912 году, как в 1905 году» (*Там же.* С. 386). Критика Блока не учитывает нового ракурса статьи: поворота от символизма как литературной школы к символизму как универсальному свойству мировой литературы. Это выражено Ивановым впоследствии формулой «Итак, Данте – символист!» (*Иванов В. И.* Борозды и межи. М., 1916. С. 160).

[1] Стихотворение Иванова «Альпийский рог» из его сборника «Кормчие звезды» (СПб., 1903).

[2] Horatius. Ars poetica 361.

[3] «Симонид называет живопись молчащей поэзией, а поэзию говорящей живописью» (Plutarchus. De gloria Atheniensium 3, 346).

[4] Ars poetica 99–100.

[5] Ср.: Ars poetica 333–334.

[6] Из стихотворения Лермонтова «Ангел» (1831).

Ф. К. Сологуб
[СИМВОЛИСТЫ О СИМВОЛИЗМЕ]

Открывая настоящее собеседование о современной литературе, я позволяю себе предпослать нашей беседе несколько кратких вступительных замечаний.

Вопросы искусства, как мы все знаем, часто отступают на второй план перед вопросами практической жизни, так что, например, рассуждать о законах печати, конечно, гораздо интереснее и легче, чем о самой печати, чем о самой литературе.

А между тем, если есть на земле какая-нибудь ценность, действительно необходимая для человека, то это, конечно, искусство, или, выражаясь более общим термином, творчество. Другими многими делами занимается человек по необходимости, из-за соображений практической жизни, многое делает принужденно, с неохотой, почти с отвращением; к искусству же он приходит только потому, что искусство его утешает и радует; всегда всегда приходит свободный, ничем к этому не гонимый. Да и невозможно подойти к искусству, если душой владеют темные и тяжелые страсти и чувства. Всю свою душу вкладывает человек в искусство, и поэтому ни в чем так, как в искусстве, не отпечатлевается душевный мир человека, то, «чем люди живы». Когда мы хотим со-

ставить суждение о человеке той или другой эпохи, то единственным надежным руководством для нас в этом отношении служит только искусство той расы, этого времени, или, точнее, отношение этих людей к искусству.

Поэтому странно было бы смотреть на искусство только как на способ красиво или выразительно изображать избранный момент жизни. Искусство не есть только зеркало, поставленное перед случайностями жизни, оно не хочет быть таким зеркалом. Это для него неинтересно, скучно. Скучное занятие – отражать случайности жизни, пересказывать мало забавные анекдоты, во что никак нельзя вложить живую душу. Живая душа человека всегда жаждет живого дела, живого творчества, жаждет созидания в себе самой мира, подобного миру внешних предметов, но мира действительного, созданного. Живая жизнь души протекает не только в наблюдении предметов и в приурочивании им имен, но и в постоянном стремлении понять их живую связь и поставить все, являющееся нашему сознанию, в некоторый всеобщий всемирный чертеж.

Таким образом, для сознания нашего предметы являются не отдельными случайными существованиями, но в общей связи между собой. И вот по мере усложнения в нашем сознании связанности отношений, все сложное представляющегося нам мира сводится к возможно меньшему числу общих начал, и каждый предмет постигается в его отношении к наиболее общему, что может быть мыслимо. Вот при таком отношении все предметы становятся только вразумительным зеркалом некоторых общих отношений, только многообразным проявлением некоторой мирообъемлющей общности. Сама жизнь перестает казаться рядом случайностей, анекдотов, является в сознании как часть мирового процесса, направляемого единой волей. Все сходства и несходства явлений представляются раскрытием многообразных возможностей, носителем которых становится мир. Самодовлеющей же ценности не имеет ни один из предметов предметной действительности. Все в мире относительно, как это и признано в наши дни наукой относительно времен и пространств.

Символическое миропостижение, однако, упраздняет эту всеобщую относительность явлений так, что, принимая эту относительность предметов и явлений в мире предметов, вместе с тем оно признает нечто единое, к чему все предметы и все явления относятся. По отношению к этому единому все являющееся, все существующее в предметном мире только и получает свой смысл. И вот только это миропостижение до настоящих времен всегда давало основание высокому большому искусству. Когда искусство не остается на степени праздной забавы, оно всегда бывает выражением наиболее общего миропостижения данного времени. Искусство только кажется обращением всегда к конкретному, частному, только кажется рассыпающимися пестрыми сцеплениями случайных анекдотов; по существу же искусство всегда является выразителем наиболее глубоких и общих дум современности, дум, направленных к мирозданию человеком в обществе. Самая образность, присущая созданиям высокого искусства, обусловливается тем, что для искусства на его высоких степенях образы предметного мира только пробивают окно в бесконечность, суть один из способов миропостижения. Высокое внешнее совершенство образов в искусстве соответствует их назначению, всегда возвышенному и значительному. Поэтому в высоком искусстве образ стремится стать *символом*, т.е. стремится к тому, чтобы вместить в себе многозначительное содержание, стремится к тому, чтобы это содержание образа в процессе восприятия его зрителем, читателем было способно раскрыть все более и более свое глубокое значение.

В этой способности образа к бесконечному его раскрытию только и лежит тайна бесконечного существования высоких произведений искусства. Художественное произведение, до дна истолкованное, до глубины разъясненное, немедленно умирает; жить дальше ему нечем и незачем. Оно исполнило свое маленькое временное назначение и померкло, погасло. Так гаснут полезные огни костров, когда они исполнили то, для чего предназначались, – а звезды высокого неба продолжают светиться дальше.

Для того, чтобы иметь возможность дать символу сделаться открывающимся вечно окном в бесконечность, образ должен обладать двойной точностью. Он должен и сам быть точным изображением, чтобы не стать образом случайным и праздно измышленным, – за праздными измышлениями никакой глубины не откроешь. Кроме того, образ должен быть взят в точном отношении его с другими предметами предметного мира, должен быть поставлен в чертеже мира на свое надлежащее место. Только тогда он будет способствовать выражению наиболее общего миропонимания в данное время. Из этого следует, конечно, что наиболее законной формой символического искусства является *реализм*, и действительно, так почти всегда и было.

Если мы возьмем даже сказки, сложенные народом, то и в них мы различим, с одной стороны, выражение наиболее общего миропостижения того народа, которым сказки созданы, с другой стороны – удивительную точность житейских и бытовых подробностей, сплетенных с фантастическими измышлениями. Сказка не является, конечно, механическим изображением жизни, она по произволу комбинирует ее составные элементы, остается искусством в этом смысле свободным от жизни, но она не обманет того, кто, не углубляясь в ее мифологическое значение, захочет искать только изображения народного быта.

Это свойство символического искусства проявлялось и в наше время неоднократно. Те, кому новое искусство не нравится, говорили, что оно постоянно отвращается от жизни и отвращает людей от жизни. Конечно, это ошибка! Ничего подобного при пристальном ознакомлении с новым искусством мы не найдем. Если возьмем роман такого упорно отрицаемого поэта, как Рукавишников, роман «Железный род»[1], то не найдем ошибки против быта. Такое же точно изображение быта и жизни мы видим в романах Андрея Белого, в повестях и рассказах, как из современной жизни, так и исторической, Валерия Брюсова и др. деятелей новой поэзии.

Иначе, конечно, не может быть. Искусство символическое не тенденциозное, не заинтересованное ни в какой степени в том, чтобы так или иначе изображать жизнь, – заинтересовано только в том, чтобы сказать свою правду о мире. Такое искусство не имеет никакого побуждения к неточному пользованию своими моделями, каковыми являются для него все предметы предметного мира. Случается в истории литературы, что реализм забывает свое истинное назначение служить формой того искусства, которое выражает символическое миропостижение, – тогда искусство обращается к простому копированию действительности, причем иногда этому копированию ставятся задачи публицистического характера. Тогда реализм – искусство высокое и прекрасное – вырождается и падает до степени наивного натурализма. В этом наивном натурализме, сменившем высокое творчество Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Льва Толстого, пребывала русская литература почти до конца XIX-го столетия.

Тогда, лет 20 тому назад, возникло то литературное движение, которое было встречено так неодобрительно, так недоброжелательно, то, которое получило название «декаданса», «модернизма», быть может, и некоторые другие еще названия. Представители этого нового течения весьма различались и различаются между собой и не представляют одной литературной школы, но всех их объединяет стремление возвратить поэзии ее истинное назначение, быть выразительницей наиболее общего миропостижения, т.е. всем этим поэтам свойственно стремление восстановить права символизма и, с другой стороны, возродить реализм, как законную форму символического искусства. Это было сделано в последние 20 лет, сделано с такой силой и властью, что в наши дни возвращение искусства к наивному натурализму представляется очень невероятным. Само собою разумеется, что на протяжении этого последнего периода, обнимающего приблизительно лет 20, новое искусство не стояло на одном месте. Общий закон сменяемости коснулся его.

Можно различать в этом движении три стадии, но при этом необходимо отметить, что точной хронологической последовательности здесь нет, и смешиваются границы

этих стадий, которые я обозначил бы: 1) космический символизм; 2) индивидуалистический символизм и 3) демократический символизм.

Первая стадия символического искусства представляет раздумье о мире, о смысле мировой жизни и о господствующей в мире единой воле, если она признается, или о господствующих в мире волях, если признаются несколько управляющих миром божеств. На пути этих возвышенных вдохновений предшествеником нашим был великий поэт Тютчев. Из современных поэтов справедливо указать на Вячеслава Иванова, автора превосходных стихотворений и глубоких теоретических статей. Быть может, не веря в миродержавную волю, потому что мудрость не всегда согласна с верой, этот поэт является выразителем наиболее глубоких дум о мироздании.

Резким переломом в литературной жизни было, однако, не это космическое стремление к символизму. Индивидуалистические стихи русских модернистов казались особенно неприятными русской критике и навлекли наиболее нареканий. Индивидуализм русских модернистов истолковывался как тенденция противообщественная, что, конечно, — ошибочно. Индивидуализм никогда и нигде не мог иметь значение противообщественного явления. Сама общественность имеет цену только тогда, когда она опирается на ярко выраженное сознание отдельных личностей. Ведь только для того и стоит соединиться с другими людьми, чтобы сохранить себе свое лицо, свою душу, свое право на жизнь. Недаром заветом наикрепчайшей общественности служат слова: «мой дом — моя крепость». В частности, индивидуализм русских модернистов обращал свое жало не против общественности, а совершенно в другую сторону. Мы уходили в себя, в свою пустыню, чтобы в мире внешнем, в великом царстве единой воли найти наше место. Если единая воля образует мир, то что же моя воля? Если весь мир лежит в цепях необходимости, то что же моя свобода? Ведь мою свободу я ощущаю тоже как необходимый закон моего бытия, и без свободы я жить никак не могу.

Не бунтом против общественности был наш индивидуализм, а восстанием против механической необходимости. В нашем индивидуализме мы искали не эгоистического обособления от других людей, а освобождения, самоутверждения на путях экстаза, искания чуда, или на каких-нибудь иных путях. Нам предстоял вопрос, что такое человек и каково его отношение к единой воле. Если все в мире связано цепями необходимости, то на себе я вынес и каждый несет всю тяжесть совершенного когда-то зла и все торжество содеянного блага когда бы то ни было и кем бы то ни было. Каждый из нас явится впоследствии виновником каждого его поступка. На меня и на каждого из нас налагается на наши слабые плечи ярмо всеобъемлющей ответственности за греховность всего мира. Это дает вместе с тем и возвышающую нас возможность находить свою волю, как могучую поэтику, волю всемирную.

И вот через надменный солипсизм и эгоцентризм это настроение души приводило нас к возвышенному понятию о богочеловечестве. Слияние с единой волей нашего индивидуализма было основанием религиозно-философского стремления русской поэзии последнего времени. Сам по себе этот индивидуализм был лишь переходом в третий момент движения искусства, в демократический символизм, жаждущий соборности и коллегиальности.

В этой последней стадии и пребывает русский символизм в настоящее время. Здесь он встречается с тем требованием, которое в предыдущие века никогда не предъявлялось ни жизнью, ни искусством, требованием, которое звучит странно и многим не нравится. Это требование — любить жизнь. По-видимому, этого и требовать не стоит, ибо кому же несвойственно любить себя, свою маленькую отдельную жизнь, в которой есть так много малых и больших радостей. Но в наш век, когда непосредственное жизнеощущение так ослабело, это требование получает особенную трагичность. Мы требуем любить жизнь как будто бы потому, что чувствуем в себе неспособность любить. Между тем что значит требование любить жизнь? В жизни есть много прекрасного, но есть и много безобразного, отвратительного, что надо ненавидеть всеми силами души. Любить жизнь, вообще жизнь, жизнь какую бы то ни было, конечно, это

нелепо, потому что это значит любить палача и любить жертву. Надо, конечно, выбирать, любить одно и ненавидеть другое. Не любите жизнь таковой, как она есть, потому что в общем своем течении современная жизнь вовсе не стоит этого. Жизнь требует преобразования в творческой воле. В этой жажде преобразования искусство должно идти впереди жизни, потому что оно указывает жизни прекрасные идеалы, по которым жизнь имеет быть преобразована, если она этого хочет; а если не хочет — то будет коснеть (*Продолжительные аплодисменты*).

Впервые: Заветы. 1914. № 2. Отд. 2. С. 71—77. Печатается по тексту первой публикации.

Под заглавием «Символисты о символизме» в журнале «Заветы» напечатаны стенографические записи выступлений Сологуба, Чулкова и Вяч. Иванова на состоявшемся 20 января 1914 г. «Диспуте о современной литературе». Вечер был устроен женой Сологуба Ан. Н. Чеботаревской; в качестве участников были приглашены представители разных направлений, но количественно преобладали символисты (см.: ЛН. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 428). Диспут был первоначально задуман как подведение «итогов литературных движений последних десятилетий (главным образом символизма)» (письмо Чеботаревской к Иванову от 2 янв. 1914 г.; ЕжегРОПД. 1974. Л., 1976. С. 146). Иванов возражал в ответном письме от 3 января 1914 г. против идеи «подведения итогов», опасаясь неприемлемого для него впечатления завершения символизма как литературного движения (*Там же*), после чего концепция была изменена: «тема диспута чрезвычайно широка и не стеснена никакими рамками — от термина “итоги” решено отказаться» (письмо Чеботаревской к Иванову от 7 января 1914 г.; *Там же*. С. 147). Выступление Сологуба имеет точки соприкосновения с его публичной лекцией «Искусство наших дней», прочитанной 1 марта 1913 г. (опубл.: Рус. мысль. 1915. № 12). Сологуб рассматривает символизм не как литературное течение, а как эстетическую категорию. Характерен в этом отношении его тезис, что «наиболее законной формой символического искусства является *реализм*» (С. 74).

[1] Вероятно, имеется в виду роман И. С. Рукавишникова «Проклятый род» (1911).

СУРИКОВСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ КРУЖОК

МАНИФЕСТ СУРИКОВСКОГО СТУДИЙНОГО СОЮЗА ПОЭТОВ, ХУДОЖНИКОВ И МУЗЫКАНТОВ

Переживаемая революционная эпоха всколыхнула все необозримое море жизни, всколыхнула до самого дна, до самых неизведанных и от века дремотных глубин.

Она как смерч подняла водяные горы, разверзла между нами кипучие пропасти, расковеркала тысячелетние дамбы со всеми их надстройками; раскидала как щепки могучие корабли, потрясла монолитные сваи, покачнула и вздыбила все основания.

Она свернула в гигантский клубок черные как уголь тучи, пронизанные огненными копьями молний; она, подобно великому потопу, все перемесила в одну кашу, и воды, и сушу, и небо, и она ничего не оставила незатронутым. Худо это или хорошо, нам нельзя судить, потому что нам не дано знать, что есть действительно худо и что есть истинно хорошо; нельзя судить такие явления еще и потому, как мы не можем судить ни Этну, ни Везувий, потопивших в огненном ливне не одну сотню цветущих городов. Революция затронула все стороны жизни, начиная от быта и хозяйства и кончая религией и искусством.

Все едва намечавшиеся революции во всех этих отдельных областях жизни получили одновременный мощный как бы подземный толчок пролетарской революции и закружились в едином космическом вальсе.

Рухнули вековые устои Эстетики, Этики и Знания.

Искусство как одно из сооружений Эстетики не могло избежать всеобщей ураганной участи и в процессе объективной внешней революции стало переживать свою собственную внутреннюю революцию.

Наряду с другими школами поэзии Суриковский студийный союз поэтов, художников и музыкантов не может остаться спокойным и одиноким, и насколько до революции он был инертен и малоподвижен, настолько сейчас он молод и полон юношеского задора.

Он поднимает свое знамя поэтической революции против угнетающих старых форм изящной поэзии.

Он отвергает самодержавие фараонов искусства, педантов буквы, рифмы, мертвого размера.

Он одинаково отвергает как тех, что застыли в величественной тоге классических форм, так и тех, что мародерски дебоширят в искусстве для того только, чтобы в вальсе революционного вихря замаскировать свою бездарность.

Литературная секция Суриковского союза ставит своей задачей широкое объединение и выявление молодых народных сил, выкинутых революционной волной.

Она, как и всякая центробежная сила во всякой революции, не хочет сливать свою судьбу с революцией или контрреволюцией политической.

Она будет меньше всего стремиться к политике, где уже прошла свой определенный стаж, и будет больше всего стремиться к искусству живого Слова.

Она будет понимать искусство не как средство, но как цель.

В словах она будет искать сочетания с живописью, в стихах с музыкой, в рассказах с зодчеством.

Она приобщится к народному Слову, Духу и Мудрости.

Не чужедумную, не интеллигентно нервную и не танго-трестную будет творить она Поэзию, но будет творить поэзию свою, здоровую, ясную, сочную, широконародную.

Она не будет просто фотографировать народное слово, нет, она и здесь будет революционна, и народное слово будет отзываться в творениях поэтов только как звуки природы отзываются в песне соловья.

Художественная секция будет преследовать цели отображения поэзии в красках.

Ей не нужна будет анатомическая или перспективная точность для того, чтобы изобразить движение, ландшафт или предмет.

Русская древняя иконопись ничем этим не пользовалась, однако в неверном изображении давала и дает верное поэтическое впечатление. Художественная секция будет давать полный простор такого рода близкому к Интуиции народа поэтически-живописному творчеству.

В области Музыки будет отдаваться предпочтение как раз обратному. Здесь будут приветствоваться и перспективы, и, если можно сказать, анатомическая точность, т.е. то самое, чего не будет в живописи.

Композиторы не будут только повторять или варьировать народные мотивы, но будут изучать их природу, как современные художники изучают человеческое тело, для того, чтобы изобразить не просто тело, но его желаемое положение.

В послереволюционных печатных изданиях кружка данный манифест не обнаружен. Печатается, вероятно, впервые, по архивному источнику (РГАЛИ. Ф. 1641. Оп. 2. Ед. хр. 32. Л. 2–2 об.).

В архиве имеются два машинописных варианта текста; первый написан по старой орфографии, второй (Л. 1–1 об.) – по новой. В связи с этим можно предположить, что работа над манифестом велась в начале 1918 г. – после Октябрьской революции и до введения реформы правописания (20 февраля 1918 г.).

СЦИЕНТИСТЫ

Б. А. Гуревич
О СЦИЕНТИЗМЕ (НАУЧНОЙ ПОЭЗИИ)

Вечна и прекрасна жажда духа человеческого в звучных строках воплотить свой взгляд на мир, свой образ Природы. Вещие гимны и мифы Индии, гаданья греческих орфиков, космические прозренья Парменида и Ксенофана, столь близкая нам мудрость Лукреция Кара — горящими, ясными линиями запечатлели мир, каким он грезился древней мысли. И готика «Божественной Комедии» обнажает перед нами вселенную католика, дает нам на языке образов уже чуждую нам картину мирозданья. То наивно прозаически, то вдохновенно Готье из Меца, ла Марш, Эрменго, Кедмон посвящали поэмы мироведению, и даже когда средневековая поэма не была отдана образам физики или астрономии, а трепетала религиозной жизнью — за узкими вратами личной религиозной жизни виднелся простор Мира, понятого сквозь призму веры. И только наше время, горящее огнями тысяч свершений, время, читающее письмена звезд, разгадавшее прошлое земли и человека, создавшее стальной скальпель эволюционизма, оглянувшееся на себя в суровом зеркале критической философии, — только оно не создало еще поэзии науки, образного мифа новых миропониманий, картины Природы. Стих перестал быть священным зеркалом мира, он — орудие больных индивидуалистов, скорбных и усталых, играющих в жеманные игры комнатной красоты...

А жизнь бурлит потоком, может быть, самым безумным и прекрасным из бывших когда-либо. Борются народы, рушатся здания жизни, грезится призрак новой религии, склоняющей человечество перед картиной Мира, начертанной знанием. И все новые раскрываются таинства мира. Наука готовит пышный трон для пантеизма, трепещущего пред Мировой Причинностью, уже прорываются образы научного Миропознания в творчество Сюлли Прюдома, Гюйо, Верхарна, Ренэ Гиля, Морозова — и жажда наша создать миф науки, озарить мир горящими вечными образами его прошлого — все сильнее. Будет строгая и вечная Поэзия Сциентизма, гимн и миф мировой жизни, какой она загорелась перед взором спектроскопа и лучом радия, и, как новая религия, вспыхнет перед нами вера в Космос и Мысль, его познающую... И в нетленных образах поэзии наука станет религией, озаряющей жизнь за станком и за плугом.

Впервые: *Гуревич Б.* Вечно человеческое. Книга космической поэзии. СПб.: Тип. т-ва «Грамотность», 1913. С. 5–6. Печатается по тексту первой публикации.

СЭНСЭРИСТЫ (ЭОЛОАРФИСТЫ)

Г. П. Новицкий
МАНИФЕСТ СЭНСЭРИЗМА (ЭОЛОАРФИЗМА)

Под именем сэнсэризма (эолоарфизма) выступает на историческую сцену новое и совершенно оригинальное направление в искусстве, опирающееся на интуицию как на единственный критерий прекрасного и единственный путь для достижения абсолютной свободы художественного творчества. Отныне то или другое художественное произведение будет расцениваться таким образом — что оно имеет или много интуиции и тогда это истинное произведение искусства, или же мало, и тогда это лжеискусство.

Для охарактеризования и определения сэнсэризма выставляются следующие положения:

1) Идейным «credo» сэнсэризма является полная свобода художественного творчества. Сэнсэризм совершенно лишен догмы и канона и отвергает всякие обязательные

внешние законы, могущие втиснуть в рамки художественное творчество, долженствующее быть интуитивным и свободным. Художественная правда, интуитивно чувствуемая и постигаемая, — вот эстетика сэнсэризма, требующая своей, особой, интуитивной теории.

2) Сэнсэризм не несет с собою никакой определенной идеологии в отдельности, т.е. ни служения общественным интересам, ни верности действительности, ни изображения быта, ни изображения прекрасных, но неверных вещей и т.п. Однако все эти идеологии могут находить в сэнсэризме свое отображение.

3) Что касается до отношения сэнсэризма к другим школам и направлениям в искусстве — то само собою разумеется, что интуитивный метод сэнсэризма резко разнится, например, от символического или реалистического художественных методов, но творец-сэнсэрист является одновременно и реалистом, и иллюминистом, и натуралистом, и фантастом, и импрессионистом, и символистом, и иллюзионистом и т.д., и это обстоятельство, быть может, красноречивее всего выявляет скрытую сущность сэнсэризма. Интуитивный метод сэнсэризма дополняет уже существующие художественные методы.

4) Как невозможно представить в пространстве тела вне трех координат, так и сущность сэнсэризма не может быть постигаема без следующей трехосновной интуитивной формулы: *Сэнсэризм слагается из: a) интуиции вдохновения, b) интуиции становления и c) интуиции выражения и является функцией от этих трех переменных.*

Совокупность этих трех интуитивных координат и определяет сущность сэнсэризма, причем все они одинаковой важности, хотя и не равнозначащи. Так, наибольшее критическое значение приобретает интуиция выражения, наибольшее историческое — интуиция становления и наибольшее симптоматическое — интуиция вдохновения.

5) Из сказанного выше следует, что для творца-сэнсэриста необходимо: с одной стороны, совмещение уже существующих в искусстве приемов творчества (художественных методов) и, с другой, углубление и развитие собственно интуитивного метода, связанного как с частными задачами, вроде создания интуитивной рифмы, интуитивного стихотворного размера, интуитивных образов и символов и проч., так и с более общими, касающимися построения сэнсэристской теории.

Впервые: *Новицкий Г.* Манифест сэнсэризма (эолоарфизма). СПб.: Жертвенник, 1910. С. 5–8. Печатается по тексту первой публикации.

«ЦЕНТРИФУГА»

С. П. Бобров
ТУРБОПЭАН

Завертелась ЦЕНТРИФУГА,
Распустила колеса:
Оглушительные свисты
Блеск парящих сплетных рук!
– Молотилка ЦЕНТРИФУГИ,
Меднолобцев сокруши!
Выспрь вертительные круги
Днесь умчащейся души; –
Блеск лиет, увалов клики,
Высей дымный весен штурм, –
Взвейся непостигновенно,
В трюм исторгни кипень шум.
В бесконечном лете вырви

Построительных огней, –
Расступенных небосводей
Распластанный РУКОНОГ;
Но, втекая – стремись птицей,
Улетится наш легкий, легкий зрак! –
– И над миром высоко гнездятся
Асеев, Бобров, Пастернак[1].
О, протки чудесий туго
Беспристрастий любосот,
Преблаженствуй, ЦЕНТРИФУГА,
В освистелый круголет.

Впервые: Руконог. М.: Центрифуга, 1914. С. 28. Печатается по тексту первой публикации.

Встречающаяся в исследовательской литературе атрибуция «Турбопэана» всем трем упомянутым в нем поэтам «представляется неосновательной: его текст опубликован в подборке стихов Боброва и не выделен в оглавлении *Руконога* отдельной позицией» (*Безродный М.* Между двух антологий: (Поэтич. карьера Сергея Боброва) // Модернизм и постмодернизм в русской литературе и культуре. Helsinki, 1996. С. 199).

[1]Не исключено, что в известном стихотворении Б. Л. Пастернака «Нас мало. Нас, может быть, трое...» (1921) речь идет именно о трех упомянутых здесь поэтах «Центрифуги». В пользу этого предположения говорит «сходство экспрессионизма» обоих стихотворений: «оба текста строятся на образах и мотивах механического движения <...>, полета и стремительного вращения» (*Там же.* С. 200).

ГРАМОТА

Мы, меньше всего желавшие междуусобий в Русской Поэзии, отвечавшие молчанием на неоднократные заигрыванья пассеистов, не желая больше поощрять наглость зарвавшейся банды, присвоившей себе имя Русских футуристов, заявляем им в лицо, дабы вывести общество из заблуждения, коим они пользуются для личных своих расчетов, следующее;

1. Вы предатели и ренегаты, ибо осмеливаетесь глумиться над делом первого Русского Футуриста покойного И. В. Игнатьева (стр. 130 «Первого Журнала Русских Футуристов»).

2. Вы самозванцы ибо А) Вас и именно Вас назвал пассеистами главнокомандующий армиями футуристов Ф. Т. Маринетти в бытность свою в Москве; Вы тщетно старались представить ему фальшивые паспорта, собственноручно сфабрикованные Вами под футуристические; он не захотел проверять их подлинности, настолько наивна была подделка; В) Старший русский Футурист И. Северянин публично (в газетах) указал Ваше место в пределах родины, ибо Вы со своей деятельностью давно подошли под нормы некоего кодекса, действующего в Империи.

3. Организовав трест российских Бездарей*, Вы с злобой и бесстыдством забываете о порядочности и распространяете клеветнические сплетни о поэтах инакомыслящих с Вами (стр. 141 «Перв[ый] Жур[нал] Русск[их] Футуристов»).

4. Вы трусы, ибо, ратуя за подъятое забрало и клеймя псевдоним = анониму, Вы прикрываете инсинуаторов своего лагеря вымышленными именами (Стр. 131, 141, 142).

* Мы не имеем в виду Хлебникова и Маяковского, поэтов, очевидно, по молодости лет, не отвечающих за своих товарищей.

5. Вы трусы и еще раз, так как, желая во что бы бы то ни стало очернить Ваших противников в поэзии и приводя статьи, якобы реабилитирующие Вашу истинность в глазах будущников, — Вы умышленно пропускаете все наиболее для Вас компрометантное (Стр. 130, «Ж[урнал] Р[усских] Ф[утуристов]»).

Вновь повторяя все эпитеты, характеризующие Вас в грамоте этой, мы, подписываясь полными именами, говорим Вам в лицо: если у Вас есть средства оправдания, мы готовы отвечать за свои слова. Если эти оправдания будут лишь новыми сплетнями и инсинуациями анонимов и псевдонимов, то Вы, ложно именующие себя «Русскими Футуристами», будете поставлены в необходимость получить в руки свой истинный послужной список ПАССЕИСТОВ.

Николай Асеев
Сергей Бобров
Илья Зданевич
Борис Пастернак

Впервые: Руконог. М.: Центрифуга, 1914. С. 31–32. Печатается по тексту первой публикации.

«**ЧЕМПИОНАТ ПОЭТОВ**»

ОТ ЧЭМПИОНАТА. БРЕШЬ В ГОЛОВУ ЧИТАТЕЛЯ

Чэмпионат дружно извиняется за свою неизвестность. Кто же провидел в подслушивании ребячих визгов (по рецепту Бодуэна-де-Куртенэ) — неожиданное средство отращивать бороды терпеливым, неопытным. Никто. Попрекаемся. Прозевали осуществить говорунку «посади хромого на лошадь и он ее загонит». Хитро плачем. Наши слезы падкий урок и после того еще плюющим учиться у хромоногих акмеистов. Слезы точат камень, жалостивеют. Сами губились досуги. Жаль. Бесконечно шили ранцы московским футуристам и выкармливали подыгрывателя Игорю Северянину (оказалось, он не только муслит стихи, но и дает концерты). В настоящее время распылительно популярим бокс. Тут зашита одинакая надежда умерить пыл к тухлым овощам и традиционным калошам. За превосходство брошенной нами моды — ее качества. Впрочем это красноречивее доскажет предстоящая поэтическая потасунка на символической могиле скорбника Брюсова.

Впервые: Чэмпионат поэтов. СПб.: Тип. В. Андерсона и Г. Лойцянского, 1913. С. 15. Печатается по тексту первой публикации.

Глеб Марев
ВСЁДУРЬ

Недавний парад «Чэмпионата Поэтов» увершил историю Поези предельным достижением. Пушкин — золото; символизм — серебро; современье — тускломедная Всёдурь, пугливая выявленьем Духа Жизни (pergetuum mobile) века Железа. Человечество у мертвой точки: наивно опознаное самоцелью, оно не более, как ток Разума к совершенейшим формам. Был Рай, — и Адам в преизвержность чувств обожал Бога. Всёдурь сограничит Аду, покореная Разумом. Бытие испарясь к нему, приспособилось к перевоплощению его в оконечность — Механику. Открытие пороха не только опасный случай, но и выражение направляющей силы... Нечеловеческие завоевания Причино-

стью человечности торжествено подчеркивают неизбежность механизации материи...... Электрическая станция слепок с частного вида гармонии Движения: Пропорциональность вещества, времени и пространства. Вселеная в сферах Энергетики, где суждено затонуть Всёдури.

Футуризм, наметив робкие шаги к Истине, взрывно бухнул в пучину изживаемого, приняв видимость за сущность...

Акмеизм, в смысле новейшего рецепта к оздоровлению Мира («запах трав», «воркование голубей», «раскомаривание», «самоварчик», «мотня», «навоз».........), — извечно существует, как простодушие бараньего стада. Разительный пример тому «Дровосеки» Бор Скоробогатко, созданое, когда акмеисты еще не мечтали о самих себе...

Факел «изломства» и прозрение «искуства» Железного Века по праву принадлежит «Чэмпионату», предтече приемами поэтического бокса катастрофы Всёдури.

Слово ли, гниющее в слюнявой жевательнице — нужнице Разума, стяжает веник бессмертия? Язык в Поэзи = 0. Центр тяжести падает на всю материю... И не станет ни Пушкина, ни Брюсова, ни г-на Северянина...

Не безумие ли, при мелькании жизненой агонии до одноцвета спектра, усматривать в скопидомстве жрецов культуры («труды», «собрание произведений», «автобиографии»!!!) — небезумие, не кирпич аксиоме Движения?

Гений Поэзи претворится в журчании материи, всёсути и откровении Конечного Века; отсюда выражение ее необязательно.

Использованая книга и колбасная кожура выметаются.

Вот праздничное меню Всёдури:

1) Свежие поэзы с филиповскими пирожками.
2) «Актеон» из солонины.
3) «Дохлая Луна».
4) «Nature morte» по кухне Всёков.
В антрактах
«Пира во время чумы» пьют вино:
«Чэмпионат Поэтов»

Приветим же первыми появление книг в витринах колбасных, молочных, кондитерских, пока «Чэмпионат Поэтов» не вострубит pergetuum mobile и не произнесет свое **Железное Слово**.

Ноябрь, 913

Впервые: Всёдурь. Рукавица современью. [СПб.:] Тип. И. Флейтмана, Год 4887421 [1913]. С. [3–4]. Печатается по тексту первой публикации.

ПОСЛЕСЛОВ «ЧЕМПИОНАТА ПОЭТОВ»

Чемпіонат Поэтов — Верховенство Русскаго Искусства. — Глеб Марев — (истребитель футура) **первый Арзолог.**

Чемпіонат — эволюцинирует Искусство: поступательное обследованіе Небывшаго. Искорененіе Быта (в прошлом, настоящем и будущем). Алчность маклаков (журналисты, газетчики, поэты) задерживает механическій рост обожаемой нами Родины. Нахлынувшая Провинція принимает формулы нашей редакціи через искусстворцев в отставке (чьи имена треплет печать, и с 912 года И. Северянин...).

Чемпіонат исключен міровой катастрофой уподобитца ворам французской Символики (Бальмонт, Блок, Брюсов) или безграмотным переводчикам итальянскаго Футуризма (Кульбин, «будетляне».) Союзница-Война выравнила государства. Мы — первый выстрел. Петроград — центр культуры Обновленной Земли.

Чемпіонат в своих достиженіях неустраним и безпощаден. Мы — знаніе и жизнь. Мы уполномочены: одобрять, порицать, направлять поэтическую волну Россіи. Уклоняющіеся от нас терпят могильное фіаско [«русский футур», «лирика», «старец-слепец Ремизов с компаніей третьеклассных поэтов» и сам непогрешимый Маринетти]. Мы действуем: слово-боксом, внушеніем, присутствіем, лекціями, редко книгами. Особенно любим: улицы, трамваи, вокзалы, рестораны. Из трех — в одном мы... Поэтическій сыск + милліоны агентов...

Чемпіонат — загадка для мыслящих, неожиданный страх для пигмеев — снимет свою маску, когда можно будет обойтись без услуг прессы. Мы удовлетворены, что наше Творчество находитца в жизненном обороте, массы перерабатывают матерьял. Из него Особливое Искусство. Мы строим Общеобязательное и Полезное во всех отношеніях: **Арзологію + Синт**. Чемпіонат по прежнему никого в состав не принимает, ни в ком не нуждаетца...

Формулы: Русские футуристы — наши барабанщики — сожжены фразой Глеба Марева: «язык в Поэзи = о» [см. «Вседурь» и А. Закржевского «Рыцари Безумія»[1]]. Им остаетца попытать Марсова счастья. Почему-то зарылись в норы... Что побудило паралитиков Искусства [Сологуб и подобные] сбывать свой залежалый товар растерявшимся беженцам. Один из подобных газетно прослезился: «нет — пусть, не молчат “поэты”». (?) Почему не «барды», «рапсоды» — и такіе были. Потом — футуристы; теперь — арзологи... Последніе — эшафот красноречія В. Сперанскаго (habent sua fata oratores[2]: паденіе книги). Вот школа прапорщиков от пера существовала и называлась «Луко ... морье» . . . . Довольно!

Схема: I-ый этаж Искусства: Музыка, Живопись, Поэзія и т.д. — женское начало: Лирика.

Трамплин — титан-разрушитель Direttore Motore del futurismo — Marinetti (сліяние искусства с жизнью — Война).

II-ой этаж Искусства: **Арзологія + Синт**. Мужское начало: Драмород. Намечают пути: Глеб Марев (драматист), В. Наумов, А. Серебряный (синтетт).

И. Зданевич (всечество). Ле-Дантю (движеніе за экраном). Н. Гончарова и М. Ларіонов (métier). Ассоціація «Blast'a[»] в Лондоне (реальность настоящаго).

Маревская Арзологія.

Новый матерьял — мысли. Мысль фотографируетца, взвешиваетца. Мысль — вещество. Из него — Окружающая Реальность. Из него: слово, бумага, экран, гаубица — предметы. Путь архитектурно-строительный (что, между прочим, дает поэзіи новое стихосложеніе). Бытіе мыслимаго матерьяла — столкновеніе, борьба мгновеній; отсюда элементарная форма Арзологіи — **Драматиза**.

Такое положеніе обусловливает самостоятельность произведеній Искусства, Жизни и пр. Все касающееся «мысли — вещества» есть однородная атмосфера, обстановка, называемая в 1-ом этаже Философіей, Психологіей. В Арзологіи она уничтожаетца. Наступает Механическое взаимоотношеніе центра к обстановке.

Механическое міроощущеніе (у Маринетти — машинно-электрическое, имеющее значеніе до 1-го новаго открытія) приноравливаетца ко всякой деятельности . . . .
. . . .

Чемпіонат приветствует Механику и Глеба Марева!

Ректоріат.

Впервые: *Марев Г.* Первая арзология. Послеслов «Чемпионата Поэтов». Пг.: Тип. И. Флейтмана, 1916. С. 15. Печатается по тексту первой публикации.

[1] *«Рыцари Безумія»* — книга А. К. Закржевского о футуристах (Киев, 1914).

[2] «Ораторы имеют свою судьбу» (*лат.*).

ЭГОФУТУРИСТЫ

СКРИЖАЛИ

АКАДЕМИЯ ЭГОПОЭЗИИ.
(Вселенский Футуризм).
19 Ego 12.
Предтечи:
К. М. Фофанов и Мирра Лохвицкая.

———

Скрижали:

I. Восславление Эгоизма:
1. Единица — Эгоизм.
2. Божество — Единица.
3. Человек — дробь Бога.
4. Рождение — отдробление от Вечности.
5. Жизнь — дробь вне Вечности.
6. Смерть — воздробление.
7. Человек — Эгоист.

II. Интуиция. Теософия.
III. Мысль до безумия: безумие индивидуально.
IV. Призма стиля — реставрация спектра мысли.
V. Душа — Истина.

Ректориат:
Игорь-Северянин.
Константин Олимпов (К. К. Фофанов).
Георгий Иванов.
Грааль Арельский.

Впервые опубликовано в виде листовки (январь 1912 г.). Перепечатано в статье: *Казанский [Игнатьев И. В.].* Первый год эго-футуризма // Орлы над пропастью: Предзимний альманах. СПб.: Петербургский глашатай, 1912. С. 2. Печатается по тексту альманаха.

Г[рааль]-А[рельский]
ЭГОПОЭЗИЯ В ПОЭЗИИ

Из первородной туманности родилась жизнь. Загорелись в опрокинутой вселенской чаше яркие звезды. Темные планеты стали замыкать незримые орбиты. Родилось движение, родилось время, родился человек. Природа отразилась в его представлении ярко и образно, непонятно и божественно. Страх перед смертью, так неожиданно обрывающей нить жизни, желание чем-нибудь продлить свое кратковременное существование, заставил человека создать религию и искусство. Смерть создала поэзию. Долгое время поэзия и религия были связаны неразрывно, до тех именно пор, пока наконец небо не перешло на землю. Но с самого раннего периода жизни человека у последнего возникает мысль всеобщего синтеза. Он стремится найти ту незримую нить, которая могла бы связать credo всех людей. Перед нами проходит целый ряд философских учений Египта, Греции, Рима, еще безмолвного, спящего в голубых снегах Севера и ярко красочного и экстазно-порывного Востока. Египет признает свое бессилие. Пустыни наполняются пирамидами. Все тлен. Все проходит, и все повторяется вновь. Восток создает — Нирванну. Греция — Красоту. Три полюса. Они не могут соединиться и объединить. И вот в тенистых садах Галилеи, где голубые озера и ти-

хая светлая радость, — родится Христос. Он говорит, что любовь это та самая нить, которую так тщетно все искали.

Проходят века, по-прежнему — смыкаются орбиты, по-прежнему вопрос остается неразрешенным. На сцену выступает наука. Она собрала факты и на них начинает строить храм Разума. Здание растет. Бережно и поспешно кладутся кирпичи. Абсолютная реальность. Cogito ergo sum[1]. Но опять проходят века. Наука условна, как все. Нет у ней того, что проходило бы через все века не изменяясь. Разум только фотографическая камера. Мы можем познать только тот мир, который создается в нашем представлении, воспринимаемый пятью органами чувств. Мир, царящий в нашем разуме, не реальный, — воображаемый. Если разбирать все искания человека, можно заметить следующее: Человек стремится перенести свои идеалы к «нездешнему», к вселенской тайне. Думая, что для того, чтобы познать «нездешнее», необходимо убийство природы, он стремится побороть вложенные в него природой качества эгоиста. Он стремится привить себе чуждый ему альтруизм. Это называется Культурой. Перед нами вся история. Природа создала нас. В своих действиях и поступках мы должны руководиться только Ею. Она вложила в нас эгоизм, мы должны развивать его. Эгоизм объединяет всех, потому что все эгоисты. Разница только в биологической лестнице. Один требует счастья для себя, другой для окружающей его группы лиц, третий для всего человечества. Сущность остается всегда одна. Мы не можем чувствовать себя счастливыми, если вокруг нас — страдание, а потому лично для своего счастья мы требуем счастья другим. Во вселенной нет нравственного и безнравственного, есть Красота — мировая гармония и противоположная ей сила диссонанс. Поэзия в своих исканиях должна руководиться только этими двумя силами. Цель Эгопоэзии — восславление эгоизма, как единственной правдивой и жизненной интуиции.

Бог — вечность. Человек, рождаясь, отдробляется от нее. Но в нем остаются те же законы, которые ведут мировую жизнь к совершенной Красоте. Душа — жизнь. Отбрасывая в сторону разум, надо стремиться слиться с природой, растворяясь в ней светло и беспредельно. Чувство светлого просвещения и познания, вне Разума, мировой гармонии, — интуиция. Все дороги ведут к истинному счастью — к слиянию с вечностью. Каждый рождающийся день говорит людям о этом счастье и зовет их светлой дорогой к Солнцу.

Впервые: Оранжевая урна. Альманах памяти Фофанова. СПб.: Петерб. глашатай, 1912. С. 2–3. Печатается по тексту первой публикации.

[1]«Мыслю, следовательно, существую» — выражение принадлежит Р. Декарту.

И. Северянин
ДОКТРИНЫ ВСЕЛЕНСКОГО ЭГОФУТУРИЗМА

Интуитивная школа
«ВСЕЛЕНСКИЙ ЭГОФУТУРИЗМ».
(Грядущее осознание жизни и искусства)
Основана Игорем-Северяниным в ноябре 1911 г.
изданием его пролога «Эгофутуризм».

Ego

Доктрины:

Признание Эгобога (Объединение двух контрастов).
Обрет вселенской души (Всеоправдание).

Восстановление[1] Эгоизма, как своей индивидуальной сущности.

Беспредельность искусствовых и духовных изысканий.

Каждый искусствовик или мыслитель, солидарный в доктринах с основателем, есть Эгофутурист.

Эго-футуризм не имеет ничего общего с футуризмом Итало-французским: 1) Иностранные футуристы осмертили местоимение «я», 2) Они не знают всеоправдания.

Игорь-Северянин

Впервые опубликовано в виде листовки (сент. 1912 г.). Отрывок (первые четыре «доктрины») перепечатан в статье: *Казанский [Игнатьев И. В.]*. Первый год эго-футуризма // Орлы над пропастью: Предзимний альманах. СПб.: Петерб. глашатай, 1912. С. 4. Полностью перепечатано в работах А. Крусанова: *Крусанов А. В.* Дороги и тропы русского литературного авангарда: Эго-футуризм (1911—1922 гг.) // Русский разъезд. СПб., 1993. № 1. С. 121—122; *Крусанов А. В.* Русский авангард: 1907—1932 (Ист. обзор): В 3 т. СПб., 1996. Т. 1. Боевое десятилетие. С. 112. Печатается по: *Крусанов, 1996*.

[1]В статье Казанского: «Восславление».

И. В. Игнатьев
ЭГО-ФУТУРИЗМ

Шествуя по лестнице Культуры, человек старался вытравить в себе все ему присущее, П р и р о д н о е.

Взамен того, чтобы идти навстречу Богу, он шел от Него в противоположную сторону.

Он не развивал своего «Я», своего Лица, своего Индивидуала, он стремился старательно «подчищать» эластичною резиночкой все признаки малейшего «Ego», Эгоизма. И этому не виделось помехи и этому помехой не считалось то, что результат подчисток был всегда один — дыра.

Человек, проповедуя альтруизм, не видел, не желал видеть, что корни альтруизма растут из эгоизма.

— «Сознательный эгоизм почти равен альтруизму: он не ищет борьбы: инстинктивный эгоизм вызывает и ведет борьбу и, только благодаря эгоизму других, может быть ограничен в своих желаниях.

Все эгоистичны, но не все одинаково понимают это, и, в большинстве случаев, эгоизм разыгрывается на началах как бы альтруистических за общие желания и интересы, но это только кажется, сущность же борьбы в эгоизме личностей, а все идеи, сопутствующие ей, служат ее подспорьем и поддержкой личного эгоизма человека.

Принимая в расчет и уважая чуждые нам эгоизмы, мы более служим альтруистическим идеям, чем эгоистично проповедуя альтруизм, которого в действительности нет.

Только, так сказать, от трения эгоизмов друг об друга создается нечто похожее на альтруизм» *.

Закон Природы сам по себе таков, что «Я» не может быть эгоистично в отношеньи к самому себе, и как бы альтруистичен ни был данный индивид, — его конечный альтруизм покоится на эгоизме...

Чем дальше глубь веков, тем сильнее и прочнее вытравление личности, Природы.

Ее исконный враг — Культура. Это смертоносный яд для «Я».

Противоядьем яду, сражающему Нетленное, осознано давно и разносторонне.

* П. М. Фофанов. «Оранжевая Урна». Изд. «Петербургский Глашатай». 1912. Стр. 4.

Мы знаем Будду Гаутама, Жан-Жака Руссо, Фридриха Ницше, Александра Ивановича Герцена, Максима Горького, Генрика Ибсена, Евгения Соловьева (Андреевича), Иоганна-Готлиба Фихте...

Возможность достижения человеком божественности.

Сверх-человек.

«Я» и «не-я».

Самостоятельность Личности.

Презрение условностями и освобождение от цепей общественности...

Герцен «боялся всякого подчинения», возводя на пьедестал анархию, в смысле признания высшей, верховной санкции за самим человеком, за его «Я».

Он требовал отделения человека от официальной жизни своего народа, признания за личностью ее религиозной, нравственной и даже политической «автономии».

На то, что «идея освобождения личности дошла до анархии и атеизма», указывал еще Евгений Соловьев.

Тот же Евгений Соловьев приходит к идеологии силы, делая, в виде компенсации, оговорку: «силы, поддержанной и основанной непременно трудом».

Идеология силы переходит в формулу: «только сила кристаллизуется в право, а не бессилие». «Каждое право должно быть заработано: незаработанное право миф, мечта, прекраснодушие».

Соловьевский индивидуализм почерпнут из чаши Горького.

Этот индивидуализм ширился, сближаясь с общественной идеологией, пришедшей от эгового индивидуализма к индивидуализму коллектива, индивидуализму классовому, — индивидуальному самосознанию Пролетариата.

С точки зрения борьбы интересов развития Личности исходят отношения Евгения Соловьева к Ж.-Ж. Руссо и Толстому.

Борьба за свободу и самостоятельность своего «Ego» у Руссо и у Толстого неразрывна от борьбы против разврата Культуры, Культуры вообще.

— «Разврат это ложь. Развратно все, что лживо, все, что не отвечает истинным потребностям и влечениям человека, все, что ведет его совесть к компромиссу, все, что позволяет ему жить чужим трудом и носить чужое лицо» *.

Следственно, первое условие индивидуализма Толстого: «жить своим трудом, за свой счет и страх, чтобы сохранить святыню своей личности».

Основанием его общественной личности будет «воздать труду должное, т.е. уничтожить эксплуатацию масс, все равно под каким бы знаменем — государственности или капитализма — ни происходила эта эксплуатация».

Ж.-Ж. Руссо — великий плебей и великий пролетарий, попавший в общество герцогов и принцев крови, которые смотрели на него как редкого зверя. Его всячески соблазняли, чтобы он перешел на сторону праздных и сильных. Но Руссо остался верен себе. Несмотря на все соблазны, он не на минуту не прекращал войны с «частными людьми хорошего тона», с приличным обществом. И тут он беспощаден. Его красноречие стихийно. Здесь ненависть веков и поколений, здесь злоба и негодование всех трудящихся и обремененных, здесь гордое и могучее «Я», выступившее на защиту своего попираемого достоинства, ревниво оберегавшее свое одиночество и независимость против соблазнов лести, богатства, славы...

Христианство — религия рабов, протест против римской цивилизации.

Идеи Пролетариата — религия Труда и Капитала.

Эгоизм же — религия рабов духовного крепостничества, Культуры, Города (т.е. общежития)...

Такого рода броскости от Теософии к Социализму, от Биологии к Философии, от Мистического Анархизма к Эго-Центризму, и обратно, и, наконец, к Эго-Футуризму,

* «Л. Н. Толстой» — монография Андреевича[1].

интуитивному осознанию, интуитивному озарению, все это претерпевало такое ничтожное в своем величии и великое в своей ничтожности — человеческое «Я».

* * *

В ощущении неопровергнутого предела таится трагизм асимметричности Потребности и Возможности, Влечения и Средств к Достижению.

Фундамент трагизма — сила.

Сущность трагедии — непрестанное недовольство духа.

Смысл ее — муки и ошибки, боль и радость Искания.

Отсюда — Трагическая Красота, отсюда прогрессивность пути ее.

— «Из семян, посеянных трагическим искусством, — говорит Петр Пильский, — вырастет то отдаленное, что будет называться возвышенной и прекрасной человеческой индивидуальностью».

По Максиму Горькому[2], «в карете Прошлого далеко не уедешь», вот почему «мы и должны жить для человека Будущего».

Горький, правый совершенно в первом, не прав во втором.

Мало того, что мы — люди Настоящего, — мы сами, а не кто Иной, Последующий, — люди Будущего. Ибо наше Бытие — непрерывный ряд мгновений: мгновенья Настоящего, мгновенья Будущего.

Цель современья в выявлении индивидуальности и отделении ее от коллектива, в непрестанном трагичном прогрессе, в непрестанном устремлении к достижению возможностей Будущего в Настоящем.

* * *

<…>

<…> «Никудышность» теософии и философии г. Северянина имеют, однако, с другой стороны, гораздо большее значение, нежели его послеуходная поэзия. — Северянин сыграл роль яблока, приведшего своим паденьем на голову Ньютона к открытию последним закона всеобщего тяготения. Как только перестала существовать северянинская «интуитивная школа Вселенский Эго-Футуризм» — по инициативе директора «Петербургского Глашатая» Ивана Игнатьева возникает Эго-Футуризм в качестве интуитивной ассоциации, обнародовавшей «Грамату»:

I. Эго-Футуризм — непрестанное устремление каждого Эгоиста к достижению возможностей Будущего в Настоящем.
II. Эгоизм — индивидуализация, осознание, преклонение и восхваление «Я».
III. Человек — Сущность.
Божество — Тень Человека в зеркале Вселенной.
Бог — Природа.
Природа — Гипноз.
Эгоист — Интуит.
Интуит — Медиум.
IV. Созидание Ритма и Слова.

Ареопаг: Иван Игнатьев.
Павел Широков.
Василиск Гнедов.
Дмитрий Крючков.

Эго-футуризму суждено было пройти «Пути василисковые». Первый Путь пройден. Недолгость его искуплена жертвами.

Погиб поэт Игорь-Северянин, материальности предпочивший Идейность, рыночному спросу Свободу.

О Поэте Северянине нельзя не попечалиться.

Тем паче, что остальные «жертвы вечерние» ничтожны даже своею множественностью.

Утром о них не говорят.

Впервые: Засахаре кры. Эго-футуристы. V. СПб.: Петербургский глашатай, 1913. С. 2–9. Печатается с сокращением (С. 2–5, 8–9) по тексту первой публикации.

В опущенной средней части статьи изложены обстоятельства ухода Северянина из группы и опубликована полемическая переписка Олимпова и Северянина на почве обвинений в плагиате при составлении «Доктрин вселенского эго-футуризма».

[1] Имеется в виду кн.: *Андреевич [Соловьев Е. А.].* Л. Н. Толстой: Монография. СПб., 1905.

[2] Цитаты из пьесы Горького «На дне» (1902).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН[1]

[1] В указатель не включены имена современных исследователей, мифологических и литературных персонажей. Имена участников объединений и их современников, встречающиеся в списках литературы, внесены в указатель выборочно (в случае их отсутствия в основных статьях).

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

По литературным направлениям

Акмеисты

Символисты

Реалисты

Футуристы

Научно-литературное общество
Неофилологическое общество
Общество для всестороннего изучения риторики как художества
Общество изучения современной поэзии
Общество истории литературы
Общество любителей древней письменности
Общество любителей российской словесности
Пиксанова кружок
Разряд изящной словесности
Ритмический кружок
Романо-германский кружок
Сперанского понедельники
Тургеневский кружок
Шекспировский кружок (М.) [2]
Шекспировский кружок (СПб.)

Библиографические объединения

«Библиографический кружок»
[Кружок библиографирования детской литературы]
Литературно-библиографический институт
Русское библиографическое общество
Русское библиологическое общество

Литературно-философские объединения

Астрова среды
Жакова кружок
Литературно-мыслительный кружок
Московское психологическое общество
«Мусагета» философский кружок
Общество имени С. Н. Трубецкого
Эрлиха кружок

Литературно-религиозные объединения

Кружок ищущих христианского просвещения
Новоселова четверги (Самаринский кружок)
Религиозно-философские собрания
Религиозно-философское общество
Религиозно-философское общество памяти Владимира Соловьева
Христианское братство борьбы

По политическому направлению, мировоззрению

Марксисты

Бонч-Бруевича воскресенья
«Искусство и социализм»
Кружок рабочих беллетристов
[Марксистский литературный кружок]
Маширова-Самобытника кружок
Общество изящных искусств
Общество пролетарских искусств
[Поэтов-правдистов кружок]
Туган-Барановского журфиксы

Народники, либералы

Гольцева вторники
Златовратского субботы
Михайловского вечера
Морозовой В. А. салон
«Нового слова» кружок
Пименовой вечера
«Русского богатства» четверги
Союз российских писателей
Тырковой-Вильямс салон

Националисты, монархисты

«Вешние воды»
Головина среды
Русское собрание
«Света» вечера
Союз представителей правой русской печати

Масоны

[Масонская литературная ложа]

По социальному признаку

Студенты

«Вешние воды»
«Грядущий день»
Историко-литературный кружок имени А. С. Пушкина (Пушкинский кружок)
Историко-филологическое общество
Кружок изящной словесности
Кружок литературы и искусства [2]
Кружок любителей западноевропейских литератур
Кружок молодых
Кружок поэтов
Литературно-мыслительный кружок
Литературный кружок имени А. П. Чехова
Научно-литературное общество
Николаевского инженерного училища литературный кружок
Никольского кружок
Общество деятелей литературы
Общество имени С. Н. Трубецкого
Общество искусств и изящной литературы
Пиксанова кружок
«Реалисты»
Романо-германский кружок
Тургеневский кружок
[Черняевцев литературный кружок]
[Шанявцев литературный кружок]

Начинающие писатели

«Богемы» кружок
«Весны» кружок
«Группа молодых»
Группа молодых поэтов
«Лирика»
Литературно-художественный кружок московской молодежи
«Млечного Пути» субботы
«Молодой Мусагет»
«Молодые силы»
«Одинокие»
«Парнас»
Ритмический кружок
«Сердарда»
«Сусальное золото»

Писатели из народа

«Группа молодых»
«Десять»
«Дружба»
Златовратского субботы
«Искусство и социализм»
Кружок рабочих беллетристов
Маширова-Самобытника кружок
«Молот»
Московский товарищеский кружок писателей из народа
Народный кружок
«Обновленный народ»
Общество пролетарских искусств
«Огни»
[Поэтов-правдистов кружок]
«Родник»
Суриковский литературно-музыкальный кружок
«Товарищеская библиотека»
[Черняевцев литературный кружок]
[Шанявцев литературный кружок]

По организационной форме

Важнейшие частные кружки и салоны

Арсеньева вторники
Барсуковский кружок
Брюсова В. Я. среды
Вилькиной салон
Гиляровского «столешники»
Гнедича пятницы (воскресенья)
Гольцева вторники
Давыдовой салон
Дризена среды
Ефремова четверги (вторники)
Златовратского субботы
Иванова среды (Ивановские среды)
Икскуль салон
Лопатина среды
Мережковских воскресенья (Салон З. Н. Гиппиус)
Морозовой В. А. салон
Морозовой М. К. салон
Полонского пятницы
Розанова воскресенья
Семевского и Водовозовой-Семевской вторники
Сологуба воскресенья
Тырковой-Вильямс салон
Хин-Гольдовской салон
Ходотова вечера
Шеллера-Михайлова четверги
Ясинского вторники (воскресенья)

Публичные объединения, общества, клубы

«Ars»
«Измайловские досуги»
«Краса»
Кружок имени А. П. Чехова
Литературно-общественный кружок имени А. И. Герцена
Литературно-художественное общество [1]
Литературно-художественное общество [2]
Литературно-художественный кружок
Литературно-художественный кружок имени Я. П. Полонского
«Медный всадник»
Общество изящных искусств при «Лиге образования»
Общество искусств в Москве
Общество искусства и литературы
Общество любителей древней письменности
Общество любителей российской словесности
Общество ревнителей художественного слова
Общество ревнителей художественной драмы и музыки
Общество русских писателей для помощи жертвам войны
Общество свободной эстетики
Общество Толстовского музея в Санкт-Петербурге
Петроградский литературный кружок
Пушкинское лицейское общество
Религиозно-философские собрания
Религиозно-философское общество
Религиозно-философское общество памяти Владимира Соловьева
«Страда»
«Эспера»

Редакции газет, журналов и издательств

«Аполлона» кружок (Молодая редакция «Аполлона»)

«Артиста» вечера
«Богемы» кружок
«Весны» кружок
«Весов» вторники
«Вешние воды»
«Гиперборея» собрания
«Грифа» кружок
Гуревич салон (Кружок «Северного вестника»)
«Жатва» (Кружок А. Альвинга)
«Журнала для всех» кружок (Кружок В. С. Миролюбова)
«За́друга»
«Знание»
«Золотого руна» четверги
«Зори»
«Игрушечки» кружок
Издательское товарищество писателей
Книгоиздательство писателей в Москве
«Мира Божьего» журфиксы
«Мира искусства» кружок
«Млечного Пути» субботы
«Молодой Мусагет»
«Московского листка» кружок
«Мусагета» вечера
«Мусагета» философский кружок
«Нового журнала для всех» кружок
«Нового слова» кружок
Новостийцев обеды
«Огни»
«Оры»
«Русского богатства» четверги
«Русской мысли» кружок
Сатириконцы
«Света» вечера
«Северных записок» вечера
«Скорпиона» кружок (Вторники «Скорпиона»)
«Содружество»
Стасюлевича субботы (Кружок «Вестника Европы»)
Тихомирова субботы (Тихомировский кружок; Кружок «Детского чтения»)
«Шиповника» понедельники (вечера)

Кабаре, «обеды»

«Бродячая собака» (Художественное общество интимного театра)
Новостийцев обеды
Обеды беллетристов
Пашутисты
«Привал комедиантов» (Петроградское художественное общество)
[Ужины беллетристов]
Фидлеровские обеды

Профессиональные писательские организации

Всероссийское литературное общество
Всероссийское общество редакторов ежедневных газет
Касса взаимопомощи литераторов и ученых
Клуб московских писателей
Общество деятелей периодической печати и литературы
Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд)
Общество писателей о музыке
Общество помощи литераторам и журналистам
Общество русских драматических писателей и оперных композиторов
Петербургское общество журналистов
Петроградский союз деятелей печати
Профессиональный союз сотрудников периодических изданий (Союз журналистов)
Русское литературное общество
Русское (Российское) театральное общество
Санкт-Петербургское литературное общество
Союз взаимопомощи русских писателей (Союз писателей)
Союз драматических и музыкальных писателей
Союз представителей правой русской печати
Союз российских писателей

Псевдогруппировки

Импрессионисты
Кларисты
Лучисты
Орфисты
Сциентисты
Сэнсэристы (Эолоарфисты)

Шуточные (шутейные) объединения

«Богема»
Кружок московских писателей и поэтов
«Омфалитический олимп» («Омфалос»)
«Трангопс»

Утопийные (фантастические) объединения

«Обезьянья великая и вольная палата» (Обезвелволпал)
Общество председателей земного шара (Общество предземшаров)

СОДЕРЖАНИЕ

Манфред Шруба

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ
МОСКВЫ И ПЕТЕРБУРГА 1890–1917 ГОДОВ

Корректор *Л. Морозова*

Налоговая льгота –
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

ООО «Новое литературное обозрение»
129626, Москва, И-626, а/я 55
Тел.: (095) 976-47-88, факс: 977-08-28
e-mail: real@nlo.magazine.ru

ЛР № 061083 от 6 мая 1997 г.

**Формат 70x100/16. Печать офсет.
Бум. офсет. Печ. л. 27,5. Тираж 3000 экз.
Заказ № 0413720.**

**Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97**

Справочник по литературным объединениям конца XIX – начала XX в. издается впервые. Он содержит статьи о более 350 петербургских и московских литературных обществах, кружках и салонах, а также указания на печатные и архивные источники о них. В приложении помещены манифесты ряда литературных групп. Обширный аннотированный указатель имен представляет собой своеобразный словарь писателей и литературных деятелей данного периода.

ISBN 5-86793-293-1
9785867932930

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ